В. И. Веретенниковъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРАТУРЫ ВЪ РОССІИ

ДО-ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія фирмы „Адольфъ Дарре", Московская улица, домъ № 19.
1915.

В. И. Веретенниковъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРАТУРЫ ВЪ РОССІИ

ДО-ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія фирмы „Адольфъ Дарре“, Московская улица, домъ № 19.
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1866 г. вышла въ свѣтъ книга А. Градовскаго, озаглавленная: „Высшая администрація Россіи въ XVIII ст. и генералъ-прокуроры“. Въ этомъ трудѣ впервые въ русской исторической литературѣ была дана исторія генералъ-прокуратуры, — исторія не внѣшняя этого института, а исторія его внутренней сущности въ ея эволюціи; была нарисована мастерскими штрихами точная и убѣдительно доказанная исторія генералъ-прокурорской власти въ Россіи, со времени ея возникновенія до времени ея фактическаго исчезновенія, при сліяніи должности генералъ-прокурора съ должностью министра юстиціи, что́, какъ извѣстно, произошло въ началѣ XIX вѣка, съ учрежденіемъ министерствъ.

Пятьдесятъ почти лѣтъ прошло со времени появленія этой работы Градовскаго, а до сихъ поръ данная въ ней концепція исторіи генералъ-прокуратуры въ основныхъ своихъ чертахъ является господствующей и общепринятой въ русской ученой литературѣ. Правда, въ послѣднее время была внесена существенная поправка въ построеніе Градовскаго, но поправка эта касается только одного, относящагося уже къ царствованію Екатерины Великой, пункта въ построеніи названнаго ученаго, оставляя въ основныхъ, главнѣйшихъ чертахъ это построеніе незыбле-

мымъ; я имѣю тутъ въ виду работу Н. Д. Чечулина, помѣщенную во II-мъ томѣ юбилейной „Исторіи Правительствующаго Сената“.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія вышелъ еще одинъ трудъ, посвященный въ нѣкоторой своей части исторіи прокуратуры въ Россіи; это— книга Н. В. Муравьева, озаглавленная: „Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. Томъ I. Прокуратура на западѣ и въ Россіи. Москва, 1889“. Касаясь исторіи русской прокуратуры, авторъ названнаго труда вполнѣ присоединяется къ точкамъ зрѣнія Градовскаго, не внося ничего въ нихъ новаго, а только ихъ развивая и комментируя [1]). Никакихъ другихъ изслѣдованій, касающихся исторіи генералъ-прокуратуры, сколько мнѣ извѣстно, не появлялось; никакихъ иныхъ общихъ концепцій исторіи генералъ-прокурорской власти предложено въ русской исторической литературѣ, кажется, не было. Такимъ образомъ можно сказать, что построеніе Градовскаго является до настоящаго времени (въ его основныхъ чертахъ) единственнымъ для исторіи генералъ-прокуратуры въ Россіи; это—во-первыхъ, а, во-вторыхъ, несомнѣнно, что построеніе это является болѣе или менѣе общепринятымъ въ современной русской исторической литературѣ.

„Судьба ихъ тѣсно связана,—говоритъ Градовскій о сенатѣ и генералъ-прокурорѣ, — сила Сената — въ то же время могущество генералъ-прокурора, паденіе генералъ-прокурора несомнѣно указываетъ на упадокъ власти сената“ [2]). Таково то главное положеніе, которое Градовскій кладетъ въ основу всего своего построенія. „Для преобразователя (т. е. для Петра Ве-

---

[1]) См. названный трудъ, стр. 276—278, 293—297 и далѣе.

[2]) Градовскій, собр. соч. т. I, стр. 42.

ликаго),—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Градовскій,—стало ясно, что одновременное развитіе коллегіальнаго и личнаго начала отдѣльно одно отъ другого, какъ дополненія, невозможно безъ ущерба государственной пользѣ;... онъ положилъ соединить то и другое начало въ одно цѣлое, обусловить ихъ развитіе и вліяніе одно другимъ, слить ихъ въ одно прочное и незыблемое учрежденіе“ [1]). Такимъ образомъ „Россія была приказана двумъ учрежденіямъ, тѣсно соединеннымъ между собой и составлявшимъ, въ сущности, одно учрежденіе—сенату и генералъ-прокурору“ [2]). И эти два учрежденія или „два элемента—личный, въ лицѣ генералъ-прокурора, и коллегіальный, въ лицѣ сенатскаго присутствія, — не только не враждуютъ, но дѣйствуютъ вмѣстѣ, съ полнымъ сознаніемъ, что сила ихъ зависитъ отъ ихъ органическаго соединенія“ [3]). И такъ было до воцаренія Императрицы Екатерины II-й, до 60-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда въ такомъ положеніи вещей произошелъ переломъ, совершенно преобразовавшій генералъ-прокуратуру въ ея существѣ. „Съ этого времени (т. е. начала царствованія Екатерины II), — говоритъ далѣе Градовскій, — онъ (генералъ-прокуроръ) уже представляетъ не одинъ изъ элементовъ учрежденія, съ которымъ онъ тѣсно связанъ, а *постепенно выдѣляющійся элементъ личнаго управленія,* основанный уже не на старомъ приказномъ, а на *министерскомъ* началѣ“ [4]), и въ результатѣ „должность генералъ-прокурора выступаетъ съ совершенно новымъ значеніемъ“ [5]); тутъ въ этомъ „новомъ и исключительномъ положеніи

---

1) См. ib., стр. 146.
2) См. ib., стр. 161.
3) См. ib., стр. 218.
4) См. ib., стр. 229.
5) См. ib., стр. 236.

генералъ-прокурора“, когда „онъ работаетъ... отдѣльно отъ сената“, было уже положено основаніе всестороннему выдѣленію министерскаго начала, котораго генералъ-прокуроръ долженъ былъ сдѣлаться могущественнымъ представителемъ“. Такъ генералъ-прокуроръ „началъ уже терять свой прежній характеръ“ [1]): „онъ, очевидно, готовился стать во главѣ вѣдомства лицъ, облеченныхъ властью совершительною“; и естественно, что въ это время „въ должности его происходитъ раздвоеніе. Какъ охранительное лицо въ прежнемъ, коллегіальномъ смыслѣ этого слова, онъ соединенъ съ сенатомъ. Какъ глава различныхъ частей управленія, онъ представляется министромъ въ новомъ смыслѣ“ [2]). Не будемъ слѣдить далѣе, какъ въ построеніи Градовскаго, въ результатѣ этого новаго процесса, новаго значенія своей должности, „генералъ-прокуроръ самъ собой превратился въ министра юстиціи и утратилъ, слѣдовательно, свое прежнее значеніе“ [3]). Намъ пока не придется касаться этого періода исторіи генералъ-прокуратуры.

Формулируя вкратцѣ тѣ положенія Градовскаго, которыя насъ будутъ интересовать въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, которыя касаются исторіи генералъ прокуратуры только до-Екатерининскаго времени, нужно прежде всего отмѣтить, что сенатъ и генералъ-прокуратура, по мнѣнію Градовскаго, были связаны неразрывной цѣпью, „составляя въ сущности *одно* учрежденіе“; эта зависимость, эта связанность была такова, что съ паденіемъ сената падала генералъ-прокуратура, и обратно; наконецъ, оба эти установленія всегда сознавали, что вся ихъ сила и зна-

---

[1]) См. ib., стр. 239.
[2]) Ib. стр. 256.
[3]) Ib. стр. 256.

ченіе въ ихъ органическомъ соединеніи, а поэтому, понятно, никакой вражды, никакого соперничества или чего-либо подобнаго между сенатомъ и генералъ-прокуратурой не могло быть. И только въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й было нарушено это равновѣсіе, только тогда стало получать возобладаніе личное начало въ должности генералъ-прокурорской, въ результатѣ чего сенатъ и генералъ-прокуратура, разъединившись, а генералъ-прокуратура,—притомъ совершенно видоизмѣнившись въ своемъ существѣ, разошлись въ разныя стороны.

Эта общая схема, данная впервые Градовскимъ, никѣмъ не пересматривалась съ той поры. А между тѣмъ, матеріалъ, на которомъ она была построена, въ сущности, нѣсколько случаенъ и, во всякомъ случаѣ, недостаточенъ; то было только „Полное Собраніе Законовъ".

Теперь для насъ открыты архивныя хранилища, гдѣ находится огромный матеріалъ по исторіи генералъ-прокуратуры, матеріалъ, являющійся основнымъ первоисточникомъ для исторіи этого учрежденія. На основаніи этихъ-то дѣлопроизводственныхъ архивныхъ фондовъ мы и дѣлаемъ попытку заново пересмотрѣть до-Екатерининскую исторію генералъ-прокуратуры, пытаемся провѣрить на этомъ матеріалѣ ту принятую схему исторіи этого учрежденія, которую мы только-что изложили. Намъ въ концѣ концовъ не пришлось съ этой схемой согласиться; намъ приходится иначе взглянуть на ходъ исторіи генералъ-прокуратуры въ первую половину XVIII в.; насколько мы въ этомъ правы, — конечно, судить не намъ. Мы при этомъ не пытаемся дать *полную* исторію до-екатерининской генералъ-прокуратуры; въ предлагаемомъ изслѣдованіи мы даемъ

только очеркъ ея исторіи; цѣль наша—намѣтить только основныя черты въ развитіи этого института въ первую половину XVIII в., воспользовавшись для этого главнѣйшимъ архивнымъ матеріаломъ, дающимъ,—какъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ мы стремимся показать, — достаточно прочный базисъ для выполненія такого рода задачи.

При цитированіи документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, мы пользуемся нижеслѣдующими сокращеніями: Государственный Архивъ Мин. Ин. Д. (Петроградъ) обозначаемъ иниціалами Г. А., сенатскій Архивъ (Петроградъ) — иниціалами: С. А., наконецъ Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ — иниціалами: М. А. М. Ю.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

„Должность генералъ-прокурора" 1722 г. въ ея главнѣйшихъ редакціяхъ.

I.

«Должность генералъ-прокурора» напечатана въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ 6-мъ томѣ подъ № 3979 и помѣчена тамъ 27 апрѣля 1722 года. Этотъ учредительный и законодательный актъ явился той формальной основой, на которой развивалась вся дѣятельность генералъ-прокурора до-Екатерининскаго времени; на нее опирается и Петровская, и Аннинская, и Елизаветинская генералъ-прокуротура въ равной степени. Въ до-Екатерининское время намъ неизвѣстны какіе-либо иные подобнаго типа акты, относящіеся къ ген.-прокуратурѣ; такимъ образомъ «Должность» 1722 года является какъ-бы основной хартіей для установленія существа власти ген.-прокурора даннаго періода, конечно, постолько, посколько это можетъ быть вообще обусловлено именно учредительной формальной нормой.

Но едва-ли можно довольствоваться изученіемъ одного, окончательнаго текста этой «Должности», который напечатанъ въ Полн. Собр. Зак. Только слѣдя за ходомъ мыслей создателей этого акта,—т.-е. изучая редакціи его въ ихъ хронологической послѣдовательности,—возможно правильно и точно понять тотъ окончательный результатъ творческой работы законодателя, который уже вылился въ послѣдней редакціи 27 апрѣля 1722 года. Сколько намъ извѣстно, это не является выполненнымъ до сихъ поръ въ спеціальной ученой литературѣ. Только въ работѣ Н. П. Павлова-Сильванскаго «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго» (Спб. 1897). мимоходомъ говоря о проектѣ К. Зотова «О генералъревизорѣ», авторъ указываетъ на существованіе нѣсколькихъ редакцій «Должности», правленныхъ самимъ Петромъ, указываетъ на первую (по нашему счету) редакцію, какъ наиболѣе

близкую къ проекту К. Зотова, и дѣлаетъ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній по поводу образованія окончательнаго текста; но замѣчанія эти слишкомъ отрывочны, очень случайны и, конечно, совершенно не даютъ никакой картины постепеннаго развитія текста «Должности»; всѣ эти вопросы были слишкомъ далеки отъ основной цѣли и центра вниманія автора, который сосредоточивался на проектѣ К. Зотова [1]). Такимъ образомъ вопросъ объ созиданіи «Должности генералъ-прокурора» до сихъ поръ ни разу не ставился въ спеціальной литературѣ въ надлежащей его полнотѣ и широтѣ, какъ вопросъ, требующій по возможности особаго самостоятельнаго рѣшенія; къ нему, слѣдовательно, подходили только мимоходомъ и то всего одинъ разъ. А между тѣмъ едва-ли приходится доказывать всю его важность, для надлежащаго выясненія тѣхъ основъ, на которыхъ жилъ, росъ и видоизмѣнялся институтъ ген.-прокуратуры до-Екатерининскаго времени. Сдѣлать нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи и является задачей предлагаемаго очерка.

Тѣ пять (включая окончательную) редакцій «Должности», которыя будутъ въ нашемъ разсмотрѣніи, дошли до насъ сохраненными въ томъ архивномъ фондѣ, который носитъ названіе «Кабинета Петра Великаго» и хранится въ Государ. Архивѣ М. И. Д. (Птр.); этотъ архивный фондъ является фондомъ того учрежденія Петровскаго времени, которое именовалось Кабинетомъ Его Императорскаго Величества. Тутъ,— именно около стоявшаго во главѣ его кабинетъ-секретаря А. В. Макарова,—несомнѣнно сосредоточивалась и вся личная дѣятельность Императора Петра; тутъ сосредоточивалась и законодательная дѣятельность Петра съ его сподвижниками. А поэтому несомнѣнно, что въ архивныхъ фондахъ именно этого учрежденія является наиболѣе вѣроятнымъ и возможнымъ сохраненіе различныхъ подготовительныхъ редакцій «Должности»; и это тѣмъ болѣе, если Петръ (что бывало со всѣми болѣе или менѣе значительными законодательными актами Петровскаго времени) самъ лично принималъ участіе въ составленіи этого акта. Трудно представить себѣ другой архивный фондъ, куда-бы могли попасть съ такой-же вѣроятностью матеріалы и подготовительные наброски къ установленію окончательнаго текста «Должности». По крайней мѣрѣ, разсмотрѣніе нами дѣлъ Сенатскаго Архива (Петроградъ) не дало въ этомъ отношеніи никакихъ результатовъ. Видимо, ничего не сохранилось и въ фондахъ Московскаго Архива

---

[1]) См. *Павловъ-Сильванскій*, op. cit., ст. 75—79.

Мин. Юст., хотя, спѣшимъ оговориться, тутъ необходимы еще дальнѣйшія изысканія. Несомнѣнно, при состояніи русскихъ архивовъ не исключена возможность совершенно случайнаго нахожденія нѣкоторыхъ матеріаловъ въ другихъ какихъ-либо архивахъ; но это уже будетъ дѣломъ чистой случайности, предусмотрѣть которую невозможно.

Такимъ образомъ нами былъ прежде всего просмотрѣнъ тотъ основной архивный фондъ, въ которомъ съ наибольшимъ вѣроятіемъ можно искать, и въ которомъ съ наибольшимъ вѣроятіемъ могли сохраниться матеріалы по созданію окончательной редакціи «Должности» 1722 г. Результатами нашихъ поисковъ явилось нахожденіе пяти (считая окончательную) редакцій этого акта, расположенныхъ въ опредѣленной хронологической послѣдовательности, правленныхъ рукою самого Петра.

Мы не будемъ въ подробностяхъ касаться исторіи и содержанія того архивнаго фонда, который послужилъ хранилищемъ нашихъ матеріаловъ, и который обычно именуется «Кабинетомъ Петра Великаго». Несомнѣнно, однако, въ неряшливо собранномъ, хотя и, видимо, сравнительно полномъ видѣ хранился онъ со времени 30-хъ годовъ XVIII вѣка (самаго начала ихъ), какъ многіе архивы важныхъ государственныхъ учрежденій того времени, въ казематахъ Петропавловской крѣпости, откуда былъ извлеченъ, приведенъ въ его настоящій видъ, описанъ, переплетенъ въ кожаные переплеты и сданъ въ Архивъ Кабинета на храненіе въ самомъ началѣ 1760-хъ г.г. извѣстнымъ русскимъ историкомъ, кн. М. М. Щербатовымъ. Затѣмъ, въ срединѣ XIX вѣка этотъ фондъ былъ переданъ на храненіе въ Государственный Архивъ М. И. Д. Совершенно поэтому несомнѣнно, что въ этомъ фондѣ находятся подлинныя бумаги, относящіяся къ дѣлопроизводству Кабинета Петровскаго времени. Самое поверхностное разсмотрѣніе бумаги актовъ, составляющихъ фондъ, палеографическихъ, дипломатическихъ и другихъ данныхъ совершенно это подтверждаетъ. Слѣдовательно, тутъ имѣется вполнѣ надежный,— въ его общемъ и цѣломъ,—матеріалъ.

Нами было отыскано восемь отдѣльныхъ тетрадокъ (размѣра обычнаго листа писчей бумаги), вплетенныхъ въ кабинетныя дѣла и озаглавленныхъ «Должность ген.-прокурора», или,—одинъ разъ,—: «О генералъ-прокурорѣ, то есть о стряпчемъ отъ государя и государства». Два текста этихъ «Должностей»—несомнѣнныя точныя копіи, сдѣланныя, видимо, для какихъ-то побочныхъ практическихъ цѣлей; это, во-первыхъ,

«Должность генералъ-прокурора», помѣщенная въ Кабинетѣ: отд. I, кн. 33, л. 377—380, а во-вторыхъ, «Должность генералъ-прокурора», помѣщенная въ «книгѣ записной 1722 году» того-же Кабинета на л. л. 57—59. Пять другихъ текстовъ представляютъ собой болѣе или менѣе самостоятельныя редакціи «Должности», а одинъ—является копіей редакціи 22 января 1722 г. съ нѣкоторыми на немъ позднѣйшими помѣтами, для насъ, какъ увидимъ, не безынтересными.

Если сначала разсмотрѣть только съ внѣшней стороны всѣ тексты всѣхъ редакцій, взятыхъ en bloc, то прежде всего необходимо отмѣтить, что всѣ имѣющіеся тексты написаны,—въ ихъ основномъ текстѣ,—писарской рукой. Изъ этого ясно, что самыхъ первыхъ набросковъ «Должности», сдѣланныхъ самими авторами этого акта, мы не имѣемъ пока, такъ какъ, если уже хронологически первая редакція дошла до насъ переписанной писарской рукой, то, слѣдовательно, имѣлся какой-то пока намъ неизвѣстный оригиналъ; съ другой стороны, мы имѣемъ окончательный текстъ, послѣднюю редакцію, съ которой уже писался оффиціальный текстъ, какъ копія (конечно, формально юридически именно и являющаяся основнымъ оригиналомъ). Такимъ образомъ, самой начальной стадіи въ разработкѣ «Должности» по у насъ имѣющимся текстамъ мы прослѣдить не можемъ; но затѣмъ, съ нѣкотораго момента,—сравнительно еще отдаленнаго отъ послѣдняго,—до самаго конца мы можемъ уже точно прослѣдить исторію текста «Должности».

Каждый изъ пяти текстовъ имѣетъ на себѣ поправки и вставки, сдѣланныя лично импер. Петромъ; такимъ образомъ несомнѣнно присутствіе личнаго творчества Петра Великаго въ разработкѣ текста «Должности». Поправокъ, сдѣланныхъ какими-либо другими руками, кромѣ руки Макарова, болѣе не встрѣчается ни въ одной изъ редакцій. Этимъ создается впечатлѣніе, что въ обработкѣ (и коренной, какъ увидимъ) «Должности» принимали участіе *только* двое: самъ Петръ и его кабинетъ-секретарь Макаровъ. Поправки и исправленія Петра не носятъ легкаго и случайнаго характера; наоборотъ, скорѣе можно отмѣтить тщательное, постепенное и крайне существенное,—а иногда и большое по внѣшнему размѣру,—видоизмѣненіе, которое Петръ вносилъ въ каждую новую редакцію. Иного рода были въ большинствѣ поправки, сдѣланныя рукою Макарова: онѣ были менѣе существенны, и можно сомнѣваться, насколько онѣ являлись сдѣланными именно Макаровымъ: не являлся-ли тутъ кабинетъ-секретарь просто въ качествѣ простого регистратора замѣчаній Петра? Однако,

прямыхъ данныхъ для утвержденія такого предположенія мы не имѣемъ, и въ данномъ случаѣ въ подкрѣпленіе такой гипотезы приходится базироваться на косвенныхъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, исходя изъ общаго представленія о личности Макарова и о его роли при Петрѣ, приходится болѣе склоняться къ высказанной гипотезѣ, чѣмъ предполагать активное вмѣшательство и самостоятельную роль кабинетъ-секретаря въ составленіи «Должности»; во-вторыхъ, въ одной изъ редакцій мы имѣемъ слѣдующее явленіе: во вставку, сдѣланную *рукою Петра,* внесено дополнительное исправленіе уже *рукою Макарова,* оказывающееся просто перенесеніемъ собственноручной поправки Петра изъ другого мѣста въ данный текстъ; а это свидѣтельствуетъ о томъ, что Макаровъ являлся скорѣе только точнымъ исполнителемъ и механическимъ выразителемъ царской воли.

Итакъ изъ внѣшняго общаго обозрѣнія всѣхъ текстовъ-редакцій «Должности» не видно, чтобы кромѣ Петра и Макарова кто-либо другой принималъ участіе въ выработкѣ окончательнаго текста, хотя,—съ другой стороны,—остается неизвѣстнымъ, откуда и какъ появился на свѣтъ Божій тотъ начальный проектъ «Должности», который мы уже встрѣчаемъ въ готовомъ видѣ переписаннымъ писарской рукой въ первой, намъ извѣстной, редакціи.

Стиль, способъ выраженія (и даже орѳографія) всѣхъ редакцій, несомнѣнно, очень единообразны, съ одной стороны, а съ другой—какъ будто не являютъ никакихъ особенностей, а могутъ быть отожествлены съ тѣмъ стилемъ и языкомъ, какимъ писалъ и самъ Петръ, и его ближайшіе сотрудники-великороссы въ большинствѣ указовъ и законодательныхъ актовъ того времени. Такимъ образомъ, едва-ли не исключаются изъ числа возможныхъ авторовъ первоначальнаго наброска-проекта «Должности» всѣ тѣ сотрудники Петра, которые не были въ состояніи писать такимъ слогомъ, вродѣ Ѳеофана Прокоповича, Ген. Фика и др. Соображенія и догадка Павлова-Сильванскаго, что первая редакція «написана, повидимому, К. Зотовымъ», базируется на очень шаткихъ основаніяхъ. Чтó Зотовскій проектъ «о генералъ-ревизорѣ», какъ увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ, служилъ источникомъ для этой редакціи,—это несомнѣнно, чтó убѣдительно и показываетъ Павловъ-Сильванскій (рядъ общихъ характерныхъ выраженій въ обоихъ документахъ), но отсюда еще далеко до утвержденія авторства за Зотовымъ по отношенію къ первой редакціи; а соображеніе П.-Сильванскаго о томъ, что въ этой редакціи

«мы узнаемъ мѣткій разговорный языкъ Зотова» слишкомъ малоубѣдительно въ этомъ смыслѣ. Да и самъ авторъ, видно, не очень настаиваетъ на этой своей догадкѣ, выражаясь немного далѣе такъ: «изъ проекта составленнаго Зотовымъ *или кѣмъ другимъ*, пользовавшимся письмомъ Зотова». Послѣднее намъ представляется болѣе правильнымъ: слишкомъ уже велика въ существѣ разница между проектомъ Зотова и первой редакціей «Должности» [1]).

Вотъ тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ внѣшняго разсмотрѣнія всѣхъ редакцій «Должности», взятыхъ en bloc. Хронологическіе предѣлы, въ которыхъ были созданы всѣ редакціи, находятся между 18—19 января 1722 года и 27 апрѣля того-же года. Такимъ образомъ основная работа надъ созданіемъ «Должности генералъ-прокурора» шла въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1722 года.

Въ книгѣ 32-ой, I отдѣла Кабинета Императора Петра Великаго, на л.л. 351—353-ьемъ находится первая самая ранняя изъ извѣстныхъ намъ редакцій. Она носитъ заглавіе: «О генералъ-прокурорѣ, то есть о стряпчемъ отъ государя и отъ государства». Написанная писарскимъ почеркомъ, очевидно съ чего-то скопированная, она носитъ на себѣ исправленія, сдѣланныя рукой имп. Петра. Въ текстѣ, написанномъ писарской рукой, нѣкоторыя мѣста являются поставленными въ кавычки. Даты на этомъ документѣ нѣтъ никакой, но переплетенъ онъ (какъ, вѣроятно, и былъ найденъ положеннымъ) между документами, относящимися къ 18—28 января 1722 года. Ея пунктъ первый дословно сходенъ съ пунктомъ первымъ окончательной редакціи; только въ самомъ концѣ согласно разсматриваемому тексту генералъ-прокуроръ ведетъ двѣ книги (одну — для записи самихъ указовъ, другую — для записи исполненій по нимъ), а по тексту окончательной редакціи все это совмѣщено въ одной книгѣ; какъ ясно, разница очень мелкая и чисто формальная. Никакихъ поправокъ Петромъ въ текстъ этого параграфа не внесено. Итакъ первый, — и въ нѣкоторой степени основной, — параграфъ «Должности генералъ-прокурора» въ окончательной редакціи является уже почти цѣликомъ дословно установленнымъ въ самой первой изъ намъ извѣстныхъ редакцій. Мысль Петра о роли генералъ-прокурора въ отношеніи къ сенату уже тутъ нашла себѣ окончательное формальное выраженіе.

Эта роль—надзирающая; ген.-прокуроръ долженъ былъ, во-первыхъ, слѣдить за формальной правильностью и точностью

[1]) См. Н. Павловъ-Сильванскій. Op. cit. стр. 75 и 76.

движенія сенатскаго дѣлопроизводства; во-вторыхъ, наблюдать за рѣшеніемъ дѣлъ по существу, а не только для формы; и въ-третьихъ, въ случаяхъ имъ замѣченныхъ упущеній и неправильностей «предлагать» объ этомъ сенату на его разсужденіе.

Нельзя не вспомнить, что для такого рода роли Петръ уже давно стремился приспособить то особое лицо (Зотова), то оберъ-секретаря (Ан. Щукина), то дежурныхъ оберъ-офицеровъ гвардіи. Нужда въ такого рода наблюденіи за дѣятельностью сената, слѣдовательно, давно была сознана и могла быть хорошо обдумана къ началу 1722 года. Это — единственная часть разсматриваемой редакціи «Должности», которая осталась совсѣмъ нетронутой въ окончательной редакціи. Такимъ образомъ сразу твердо и опредѣленно въ общемъ комплексѣ генералъ-прокурорскихъ обязанностей стали его надзирающія и «предлагающія» права и обязанности по отношенію къ сенату. Это — та основная функція ген.-прокуратуры, на которой болѣе или менѣе сразу прочно базировалось положеніе генералъ-прокуратуры; но далеко не такъ обстояло дѣло съ другими основными функціями этого учрежденія, на комплексъ которыхъ оно оперлось, согласно окончательной редакціи «Должности».

Уже второй пунктъ разсматриваемой редакціи является только частью вошедшимъ въ окончательную редакцію и въ самомъ существѣ своемъ тамъ измѣненнымъ.

«Долженъ смотрѣть надъ (эти три слова приписаны рукою Петра) всякіе процессы,—такъ начинается этотъ параграфъ,—[дѣла] подлежащіе разсмотрѣнію и рѣшенію сенатскому, въ которыхъ касается государевъ интересъ, всегосударственный интересъ, церковный интересъ (послѣднія два слова Петръ подчеркнулъ), нападеніе на вдовъ или на малолѣтнихъ сиротъ, ... словомъ всякія дѣла, которыя отъ себя свободнаго челобитчика не имѣютъ». И во всемъ этомъ генералъ-прокуроръ долженъ «накрѣпко смотрѣть, дабы сенатъ по онымъ дѣламъ въ судахъ и расправахъ праведно и нелицемѣрно поступалъ»; рядомъ соотвѣтственныхъ «предложеній» ген.-прокуроръ исправлялъ ошибки и заблужденія сената, «дабы (сенатъ) исправилъ, не являя ни малаго непослушанія»; если-же сенатъ не послушаетъ, то, останавливая все дѣло, ген.-прокуроръ долженъ «въ тотъ-же часъ протестовать... и немедленно донести нашему Величеству».

Такимъ образомъ, согласно этому пункту разбираемой редакціи, ген.-прокуроръ являлся представителемъ и блюстителемъ въ сенатѣ интересовъ государства и церкви, и вмѣстѣ

съ тѣмъ всѣхъ тѣхъ частныхъ интересовъ, которые могли быть недостаточно представлены, а потому легко нарушены, не имѣя за себя настоящихъ защитниковъ и предстателей. Интересно, что сила ген.-прокурору тутъ придавалась исключительно большая по отношенію сената: этотъ послѣдній долженъ былъ,—и это—какъ обычная норма его дѣйствованія,—безпрекословно слушаться ген.-прокурора, исправлять указываемыя ему ошибки и неправильности въ его дѣятельности, «не являя ни малаго непослушанія». Петръ, видимо, остановилъ свое вниманіе на этомъ послѣднемъ выраженіи и подчеркнулъ его; оно пропадаетъ безслѣдно въ слѣдующихъ редакціяхъ. Никакихъ существенныхъ видоизмѣненій текста въ этомъ параграфѣ пока Петръ не вноситъ; но въ окончательной редакціи отсюда осталась только вторая половина текста, гдѣ говорится объ,—общемъ уже притомъ,—надзорѣ ген.-прокурора за праведностью и нелицемѣрностью дѣйствій сената и о правѣ протеста; все остальное исчезаетъ.

Третій параграфъ разсматриваемой редакціи является совершенно отсутствующимъ по своему смыслу въ окончательной редакціи. Въ этомъ параграфѣ ставится въ обязанность генералъ-прокурору тщательно слѣдить, чтобы не было никакихъ злоупотребленій властью въ видѣ «напраснаго тюремнаго засажденія,—при распросахъ и при пыткахъ, въ запискахъ распросныхъ рѣчей»; самъ ген.-прокуроръ долженъ «посѣщать колодниковъ» и того-же требовать отъ прокуроровъ, принимая отъ колодниковъ жалобы, и затѣмъ «по разсмотрѣнію, о которомъ (т. е. колодникѣ) надобно стараться, старался-бы тамъ, гдѣ надлежитъ»; также онъ долженъ слѣдить и за теченіемъ судебныхъ дѣлъ въ Сенатѣ и даже за «крыхсрехтами», посколько ихъ дѣла по апелляціи доходятъ до сената.

Такъ генералъ-прокуроръ долженъ былъ въ дѣятельности своей являться представителемъ интересовъ прежде всего той группы «гласа о себѣ неимущихъ», которая является наименѣе въ этомъ обезпеченной, именно, класса «колодниковъ» въ широкомъ смыслѣ этого слова. Этотъ параграфъ только развиваетъ положеніе, выраженное уже въ предыдущемъ, именно, что генералъ-прокуроръ является представителемъ, защитникомъ и наблюдателемъ интересовъ всѣхъ тѣхъ въ государствѣ, кто не можетъ самъ встать на защиту своихъ правъ.

Въ слѣдующемъ, четвертомъ, параграфѣ выпукло обрисовывается то особое, исключительное положеніе, въ которое

ставится генералъ-прокуроръ, «понеже—объясняетъ текстъ—мы такое безпримѣрное дѣло ему поручаемъ», во-первыхъ, а во-вторыхъ, «понеже сей чинъ не можетъ избыть ненависти и тяжкаго бремени». Съ одной стороны, въ случаѣ ген.-прокуроръ «должность свою преступитъ», ему грозитъ «безпримѣрная казнь» и онъ «всего стяжанія» лишенъ будетъ; съ другой—«мы его принимаемъ въ нашу милостивую протекцію и оборону отъ его ненавистниковъ». Этотъ текстъ остался безъ всякихъ исправленій со стороны Петра. Пятый, и послѣдній по исправленному Петромъ тексту разбираемой редакціи, параграфъ нормируетъ отношеніе ген.-прокурора къ «важнымъ фискальскимъ дѣламъ», которыя онъ долженъ, сначала самъ, съ помощью прокуроровъ произведя слѣдствіе, или «инстиговать» передъ сенатомъ, если фискальскій доносъ окажется правильнымъ, или,—въ обратномъ случаѣ,—наказать такъ или иначе неправильно донесшаго фискала. Заканчивается этотъ параграфъ, а съ нимъ и вся «Должность» въ данной редакціи ея, слѣдующей фразой: «однимъ словомъ оной чинъ есть око наше и сердце всего государства».

Въ окончательной редакціи отношенія прокуратуры и фискалата только въ самыхъ общихъ чертахъ установлены одинаково съ разбираемой редакціей, т. е. признается и устанавливается непосредственная подчиненность фискаловъ ген.-прокурору; но въ болѣе мелкихъ чертахъ, тѣмъ болѣе въ выраженіяхъ, въ окончательномъ текстѣ все является сильно отличнымъ отъ только-что разобраннаго текста (см. п.п. 4 и 7 «Должности» въ П. С. З.).

Таковъ былъ проектъ, первый намъ извѣстный, акта «о генералъ-прокурорѣ», когда онъ попалъ на усмотрѣніе Императора. Петръ не измѣнилъ ничего существеннаго въ этомъ проектѣ, но сдѣлалъ собственноручно въ концѣ проекта нѣкоторыя добавленія. Первое изъ нихъ гласитъ: «долженъ смотрѣть (т. е. очевидно, генералъ-прокуроръ) надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и неопасно поступали; и ежели кто въ чемъ преступитъ, то оныхъ судить въ сенатѣ». Второе добавленіе, написанное вслѣдъ за первымъ, гласитъ: «долженъ прокурорскія доношенія предлагать сенату и инстиговать». Затѣмъ слѣдуетъ третье добавленіе: «ему-же (т. е. видимо, генералъ-прокурору) должно въ своей дирекціи имѣть канцелярію сенатскую и ея служителей». Два первыхъ добавленія почти цѣликомъ вошли въ составъ 3-ьяго пункта окончательной редакціи; третье добавленіе дословно и цѣликомъ составило п. 5 окончательной редакціи (только въ этой ре-

дакціи вмѣсто «и ея служителей» написано «служителей оной»). Затѣмъ, на поляхъ той-же разсматриваемой первой редакціи стоитъ слѣдующая собственноручная замѣтка Петра: «въ концѣ написать, что генералъ и оберъ-прокуроры ничьему суду не подлежатъ, кромѣ моего: а ежели во отлученіи моемъ будетъ явится въ тяжкой и времени нетерпящей винѣ, яко измѣнѣ, то сенатъ можетъ разыскивать, а дѣло приказать иному, однакожъ никакой экзекуціи или наказанія не чинить». Это замѣчаніе дословно въ основной своей части составило содержаніе п. 9-го окончательной редакціи.

Всѣ вышеизложенныя добавленія, сдѣланныя Петромъ къ проекту первой редакціи, не измѣнили въ существѣ смыслъ устанавливаемой этимъ актомъ должности генералъ-прокурора, такъ-какъ коснулись или формальныхъ сторонъ, или только оттѣнили и дополнили уже опредѣленно намѣченное въ неизмѣнныхъ параграфахъ проекта: такимъ образомъ мы можемъ говорить объ этой первой редакціи, исправленной Петромъ, какъ о тожественной въ основныхъ ея чертахъ первоначальному ея проекту.

Несомнѣнно, что генералъ-прокуроръ въ этомъ первоначальномъ абрисѣ его «Должности» является отнюдь не тожественнымъ генералъ-прокурору по окончательной редакціи «Должности» 27 апрѣля 1722 года; а съ другой стороны, также несомнѣнно, что уже тутъ вполнѣ ясно и точно окончательно намѣтилась и была формулирована главнѣйшая обязанность ген.-прокурора: «повиненъ сидѣть въ сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы сенатъ свою должность хранилъ». Итакъ сразу же основной обязанностью ген.-прокурора дѣлалось наблюденіе за сенатомъ въ его дѣйствіяхъ, наблюденіе больше формальное, хотя едва-ли только формальное постолько, посколько онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы въ сенатѣ «не на столѣ только дѣла вершились».

Такъ на первый планъ выдвигалась роль ген.-прокурора, какъ представителя Верховной Власти въ сенатѣ, слѣдящаго за правильностью и закономѣрностью его дѣйствій; этимъ ген.-прокуроръ являлся прежде всего сенатскимъ чиновникомъ, представителемъ государственныхъ интересовъ въ сенатѣ. Но рядомъ съ этимъ, по пункту 2 и 3 первой редакціи на ген.-прокурора возлагались обязанности какъ-бы государственнаго адвоката, слѣдящаго за ненарушеніемъ интересовъ и защищающаго законныя права всѣхъ тѣхъ изъ гражданъ, кто не въ состояніи по разнымъ причинамъ «имѣть за себя голосъ» и прежде всего, конечно, людей, находящихся въ

тюремномъ заключеніи. И, конечно, эта опекающая въ широкомъ смыслѣ роль ген.-прокурора дѣлала изъ него «сердце всего государства», по выраженію первой редакціи, поскольку исполненіе его обязанностей въ сенатѣ дѣлало изъ него «око наше». Такимъ образомъ, по первоначальному построенію генералъ-прокуроръ, являяся надзирающимъ, особо уполномоченнымъ органомъ Верховной власти въ прав. сенатѣ, въ то же время наблюдалъ за законнымъ удовлетвореніемъ интересовъ въ государственныхъ (точнѣе—судебныхъ въ широкомъ смыслѣ) учрежденіяхъ всѣхъ наиболѣе слабыхъ и безпомощныхъ гражданъ государства; у него должны были они искать защиты и обороны отъ всякаго попранія ихъ интересовъ, онъ долженъ былъ являться ихъ оберегателемъ. Тутъ въ лицѣ генералъ-прокурора объединялась защита интересовъ и государя, и государства, и церкви, и всѣхъ гражданъ государства, этой защиты болѣе нигдѣ неимѣющихъ; и трудно придумать болѣе мѣткое выраженіе для обозначенія этой должности, какъ названіе ея «окомъ нашимъ и сердцемъ всего государства».

Если идея о необходимости установленія надъ сенатомъ надзора и контроля была вызвана къ осуществленію самой жизнью, постепенно оформливаясь и развиваясь, постепенно созрѣвая, то нельзя замѣтить такого-же процесса въ идеѣ сдѣлать изъ генералъ-прокурора въ то-же время и «сердце всего государства», оберегателя и защитника нарушенныхъ интересовъ «голоса неимущихъ» подданныхъ. Однако, едва-ли можно оспаривать, что съ точки зрѣнія представленія о полицейскомъ государствѣ такое соединеніе въ лицѣ ген.-прокурора представительства интересовъ государства и интересовъ частныхъ лицъ является вполнѣ теоретически понятнымъ: интересы частные и интересы государственные слишкомъ тѣсно и неразрывно,—первые въ угоду вторымъ,—связаны и подчинены другъ другу по мнѣнію теоретиковъ полицейскаго государства; а вѣдь извѣстно, что эти теоріи играли огромную роль въ государственномъ міровоззрѣніи самаго Петра и его ближайшихъ сотрудниковъ.

II.

Вторая редакція «Должности» помѣщена, начиная съ л. 355-го, въ кн. 32-ой I отдѣла «Кабинета Имп. Петра». Она не датирована: однако можно опредѣленно видѣть, что она является написанной позже первой редакціи, во-первыхъ, потому что она вплетена въ книгу послѣ первой редакціи, а

во-вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что поправки и дополненія Петра въ первой редакціи уже внесены въ текстъ и вставлены въ общій порядокъ параграфовъ. Поправки Петра тутъ незначительны; но только его рукою добавленъ послѣдній, седьмой, пунктъ; «и понеже сей чинъ,—писалъ Петръ,—яко око наше и стряпчей о дѣлахъ государственныхъ, того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво всѣхъ на немъ взыскано будетъ; и ежели что́ поманитъ или иное какое дѣло вѣденіемъ и волею преступитъ, то, яко преступникъ указа и явный разоритель государства наказанъ будетъ; буде-же весьма не вымысломъ, то денежнымъ штрафомъ наказанъ будетъ». Отнынѣ это дословно вошло въ пункты «Должности», и въ окончательной редакціи составило бо́льшую часть § 11-аго.

Такъ дополнилась вторая редакція сравнительно съ первой, причемъ это дополненіе прочно вошло въ составъ текста. Другое дополненіе, сдѣланное въ этой редакціи рукою Макарова, (подъ диктовку или въ сотрудничествѣ съ Петромъ?) вошло въ составъ § 2-го окончательной редакціи. Вообще тутъ уже совершенно почти (за исключеніемъ мелкихъ редакціонныхъ поправокъ) составился текстъ § 2-го, какимъ мы его находимъ въ окончательной редакціи. Сдѣланное въ разсматриваемой редакціи дополненіе 2-го параграфа дословно соотвѣтствуетъ второй половинѣ того-же §-а окончательной редакціи со словъ: «такожъ надлежитъ генералъ-прокурору»... и до самаго конца этого параграфа. Въ немъ предписывается ген.-прокурору быть крайне осторожнымъ и осмотрительнымъ въ своихъ доношеніяхъ-протестахъ Верховной власти, чтобы «напрасно кому безчестія не учинить», и за неосмотрительность (особенно—умышленную) ставится отвѣтственность самого ген.-прокурора въ видѣ штрафа или особаго наказанія. Небезынтересно сопоставить это дополненіе, несомнѣнно ставящее извѣстныя ограниченія и рамки ген.-прокурорскому надзору за сенатомъ, вызванному стремленіемъ оградить сенаторовъ отъ слишкомъ большого генералъ-прокурорскаго усердія, съ той рѣшительной въ обратномъ смыслѣ фразой первой редакціи,—которой мы уже не находимъ во-второй, нами разбираемой,—о томъ, чтобы сенатъ, въ случаѣ протеста ген.-прокурора, тотчасъ исполнялъ его желаніе, «не являя ни малаго непослушанія». Фраза эта обратила на себя и въ первой редакціи вниманіе Императора, была имъ подчеркнута. Положеніе сената было-бы очень печально, если-бы ген.-прокурору была предоставлена такая надъ нимъ власть; онъ-бы являлся тогда не

надзирающимъ только за его дѣятельностью, а фактически ею управляющимъ, что́, конечно, совершенно шло бы въ разрѣзъ со всѣмъ смысломъ «Должности». Это противорѣчіе и было устранено Петромъ во второй редакціи. Но вторая редакція въ своемъ основномъ (неисправленномъ еще Петромъ и Макаровымъ) текстѣ уже является рѣзко отличной отъ первой по существу своему, благодаря пропускамъ въ ея текстѣ, сравнительно съ текстомъ первой редакціи.

Если первый параграфъ остался неизмѣннымъ, а тѣмъ самымъ одна изъ двухъ основныхъ функцій, изъ которыхъ по первой редакціи, какъ мы видѣли, слагалась должность ген.-прокурора, тоже осталась нетронутой, то второй параграфъ оказался сильно сокращеннымъ, благодаря чему функціи ген.-прокурора во второй ихъ основной части, какъ онѣ намѣчались первой редакціей, оказались совершенно отпавшими, и роль ген.-прокурора по новой, второй, редакціи въ основномъ опредѣлилась, сократившись въ своемъ объемѣ, почти именно такъ, какъ она является и въ окончательной редакціи. Это достиглось очень легко нѣсколькими большими сокращеніями въ первой редакціи, именно — весь § 2-ой этой редакціи былъ опущенъ, за исключеніемъ конца со словъ: «также долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ»... и т. д.—словомъ, вся та часть параграфа, гдѣ отмѣчалась, какъ функція ген.-прокурора, его роль защитника угнетаемыхъ и представителя интересовъ «о себѣ гласа неимущихъ,» — все это уже не нашло себѣ мѣста во второй редакціи; такъ-же точно весь § 3-ій первой редакціи, гдѣ формулировалась именно эта сторона дѣятельности ген.-прокурора, оказался совершенно опущеннымъ во второй редакціи; уничтоженъ былъ въ новой редакціи и § 4-й первой редакціи, гдѣ подчеркивалось «безпримѣрное дѣло», порученное ген.-прокурору и тяжесть его положенія (ибо «сей чинъ не можетъ избыть ненависти»), почему ему давалась особая «наша милостивая протекція и оборона». Такъ, во-первыхъ, особое, исключительно высокое положеніе и вліяніе ген.-прокурора было смягчено и введено въ болѣе или менѣе обычныя рамки, а, во-вторыхъ,—и это болѣе важно,—въ роли ген.-прокурора была произведена большая перемѣна: по второй редакціи онъ превращался только и исключительно въ сенатскаго чиновника, въ надзирателя за сенатскими дѣлами, становился болѣе обычнымъ винтомъ въ правительственной машинѣ того времени, который образно и точно опредѣлялся выраженіемъ «око наше», но который уже переставалъ быть «сердцемъ всего государства», каковымъ онъ былъ согласно первой редакціи «Должности».

Итакъ, тотъ абрисъ, въ которомъ была задумана первоначально должность ген.-прокурора, быстро измѣнился и упростился: вмѣсто дѣлателя «безпримѣрнаго дѣла», вмѣсто человѣка, указаніямъ котораго долженъ былъ и «безъ малаго непослушанія» подчиняться сенатъ, впредь до разрѣшенія вопроса верховной властью, вмѣсто лица, которое въ силу своихъ обязанностей не сможетъ «избыть ненависти и тяжкаго бремени», вмѣсто лица, находящагося подъ особой царской «протекціею»—создавался по второй редакціи, сильный хотя, но болѣе или менѣе обычный чиновникъ при сенатѣ, лишенный всего особеннаго окруженія дѣлателя «безпримѣрнаго дѣла». Характерно, что личныя поправки Петра въ текстѣ второй редакціи (и особенно добавленный п. 7-ой) только подчеркивали и отмѣчали отвѣтственность генералъ-прокурора за всякія его дѣйствія, какъ-бы тѣмъ стремились поставить его въ болѣе обычное,—а въ отнюдь не «безпримѣрное»,—положеніе отвѣтственнаго, а потому и долженствующаго быть крайне осторожнымъ и ограниченнымъ крѣпкими рамками въ своихъ дѣйствіяхъ чиновника, хотя-бы и сравнительно высоко стоящаго.

Роль этого новаго сановника въ іерархіи правительственныхъ лицъ того времени уже достаточно опредѣленно въ основѣ своей обрисовывается второй разсматриваемой редакціей, обрисовывается въ чертахъ, которыя, впрочемъ, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, всетаки немного видоизмѣнились.

Согласно второй редакціи, ген.-прокуроръ былъ прежде всего связанъ съ Сенатомъ, при которомъ онъ и состоялъ. Основная черта его компетенціи, согласно § 1 и др., заключалась въ неуклонномъ, постоянномъ личномъ надзорѣ прежде всего за точнымъ и неукоснительнымъ исполненіемъ сенатомъ,—или, пожалуй, правильнѣе его канцеляріей, которая и цѣликомъ ему подчинена,—всякихъ указовъ, повелѣній верховной власти, для чего постоянно «повиненъ сидѣть въ сенатѣ». Затѣмъ, во-вторыхъ, ген.-прокуроръ обязанъ наблюдать за правильностью и законностью дѣйствій самаго сената; замѣтивъ какую-либо въ нихъ неправильность, послѣ указанія на это сенату, если онъ всетаки будетъ стоять на своемъ, ген.-прокуроръ доноситъ объ этомъ императору. Въ-третьихъ, ген.-прокуроръ является прямымъ начальникомъ всей прокуратуры и долженъ прокурорскія донесенія докладывать сенату, требуя на нихъ резолюціи отъ сената. Весь фискалатъ тоже является подчиненнымъ ген.-прокурору; онъ слѣдитъ за его дѣятельностью и доноситъ сенату о ней. Несомнѣнно, что въ силу такого отношенія ген.-прокурора къ прокуратурѣ и фискалату, обнимающихъ своимъ

наблюденіемъ за точностью и законностью дѣйствій весь государственный механизмъ тогдашней Россіи, ген.-прокуроръ, хотя и косвенно, но являлся, согласно второй редакціи «Должности», главнымъ контролеромъ какъ-бы всей работы русской правительственной машины того времени, контролеромъ преимущественно съ точки зрѣнія формальной законности, но также и съ точки зрѣнія цѣлесообразности административныхъ дѣйствій. Эта надзирающая компетенція ген.-прокурора въ то-же время дѣлала изъ него осободовѣреннаго чиновника; онъ именовался «окомъ нашимъ»; онъ не подлежалъ ничьему суду, кромѣ суда самаго Императора; и только тяжкая и «времени не терпящая» вина его, вродѣ измѣны государственной, при отсутствіи въ этотъ моментъ государя, давала право сенату устранить ген.-прокурора отъ должности и арестовать его. При своихъ отношеніяхъ къ сенату, если этотъ послѣдній его не слушалъ, ген.-прокуроръ обращался прямо къ царю, такимъ образомъ занимая какъ бы равное и независимое съ сенатомъ положеніе по отношенію къ верховной власти; но въ то же время являясь прямымъ начальникомъ сенатской канцеляріи ген.-прокуроръ несомнѣнно могъ оказывать большое вліяніе на ходъ дѣлъ сенатскихъ. Такъ по второй редакціи обрисовывается должность и роль ген.-прокурора.

III.

Третья редакція, помѣщенная въ той же кн. 32-й «Кабинета Петра Великаго» (начиная съ 358 листа), не имѣетъ точной даты; только годъ, именно—1722, надписанъ на первомъ листѣ ея, видимо, рукою А. В. Макарова. Однако ясно, что редакція эта является позднѣйшей по сравненію со второй, такъ какъ собственноручныя Петровскія поправки къ тексту второй редакціи (напримѣръ, тамъ добавленный 7-й пунктъ), здѣсь уже являются включенными въ текстъ, наравнѣ съ другими пунктами (именно п. 9). Въ общемъ составѣ своемъ, даже въ распредѣленіи пунктовъ эта редакція уже подходитъ близко къ окончательной, и со внесенными въ нее дополненіями (рукой Макарова) она совершенно совпадаетъ въ содержаніи и почти текстуально, съ 11-ю пунктами (т. е. со всѣми за исключеніемъ п. 8-го) окончательной редакціи; ничего лишняго тутъ уже нѣтъ. Но проектъ ея былъ не таковъ; онъ являлся, во-первыхъ, точной копіей исправленной второй редакціи, но затѣмъ оказывается добавленнымъ еще одинъ пунктъ; этотъ пунктъ слѣдующій: «о которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяснено,

о тѣхъ предлагать сенату, чтобы учинили на тѣ дѣла ясные указы, и, какъ сочинятъ, доносить намъ; и ежели въ пополненіе сей инструкціи что̀ усмотритъ, о томъ доносить же». Этотъ добавочный пунктъ существенно расширяетъ сферу компетенціи ген.-прокурора; этимъ передается въ его руки законодательная иниціатива; этимъ онъ уже не является только контролеромъ правительственной машины въ ея дѣйствованіи, а и тѣмъ инженеромъ-конструкторомъ, который, видя недостатки машины, долженъ творчествомъ своимъ стремиться къ ихъ уничтоженію, т. е. къ измѣненію самой конструкціи машины. Положимъ, все это измѣненіе должно пройти и черезъ сенатъ, и утвердиться верховной волею, но всетаки иниціатива лежитъ, *какъ обязанность*, согласно этому вновь вводимому пункту, именно на ген.-прокурорѣ. Итакъ, по этому проекту редакціи ген.-прокуроръ получаетъ опредѣленную активную, дѣйственную, а не только надзирающую роль въ русскомъ государственномъ механизмѣ. Если эта новая роль и можетъ быть фактически выведена изъ старой (надзоръ невольно ведетъ за собой открытіе слабыхъ мѣстъ въ дѣятельности механизма, а тѣмъ самымъ оттуда и понятное стремленіе сейчасъ же эти дефекты самаго устройства механизма постараться исправить), однако несомнѣнно, что согласно этому пункту генералъ-прокуроръ получаетъ новую еще роль, не связанную логически и органически съ его ролью надзирателя и контролера всей правительственной дѣятельности россійскихъ государственныхъ учрежденій.

Итакъ, сдѣланъ еще шагъ въ измѣненіе понятія о ген.-прокурорѣ, сравнительно съ первой редакціей: теперь онъ не «око наше» и «сердце всего государства», и не только «око наше» (какъ было по второй редакціи), а «око наше» и «стряпчій о дѣлахъ государственныхъ», поскольку на него возлагалась забота пещись объ исправленіи самаго механизма теченія государственныхъ дѣлъ, самаго закона. Кто и когда добавилъ этотъ пунктъ въ проектѣ третьей редакціи, выяснить по имѣющимся въ нашихъ рукахъ матеріаламъ нельзя, хотя слогъ и редакція этого пункта заставляютъ думать о личномъ редактированіи его самимъ Петромъ.

Такъ составленный проектъ третьей редакціи (т. е. составленный изъ второй редакціи, во-первыхъ, и добавленный выше разсмотрѣннымъ пунктомъ, во-вторыхъ) былъ вновь пересмотрѣнъ Петромъ (и Макаровымъ?), и была создана третья редакція «Должности». Рукою Макарова было добавлено нѣсколько новыхъ пунктовъ, по существу не вносившихъ ничего новаго въ понятіе о ген.-прокурорѣ, но, во-первыхъ, окон-

чательно уже опредѣлившихъ отношенія фискалата къ прокуратурѣ, а во-вторыхъ, установившихъ роли экзекутора сената и оберъ-прокурора по отношенію ген.-прокурора. Если во-второй редакціи находимъ только краткую фразу въ п. 3-мъ, что генералъ-прокуроръ «долженъ прокурорскія доношенія предлагать сенату и инстиговать», то въ разсматриваемой редакціи эта фраза замѣнена новой, тожественной по смыслу, но болѣе развивающей подробности: «и долженъ,—гласитъ эта поправка,—всѣ прокурорскія доношенія предлагать сенату и инстиговать, чтобъ по нихъ исполнено было также». «И ежели—говорится далѣе въ той же поправкѣ—на прокуроровъ будутъ доношенія, что они званій своихъ истинно и ревностно не исполняютъ, то ихъ въ судъ представлять сенату». Такъ устанавливается нѣкоторая роль генералъ-прокурора въ отношеніи нерадивыхъ прокуроровъ. Вводится и другая поправка (рукою Макарова), также касающаяся только формальныхъ сторонъ института ген.-прокуратуры, а потому также имѣющая только второстепенное значеніе;—именно устанавливается новая должность оберъ-прокурора, который, согласно поправкѣ, «есть помощникъ генералъ-прокурору въ его дѣлахъ, а въ небытность его долженъ дѣла его отправлять». Затѣмъ устанавливалось, чтобы экзекутору сенатскому «быть подъ дирекціей генералъ-прокурора»; несомнѣнно, что и это дополненіе носитъ внѣшне формальный характеръ, не касаясь существа генералъ-прокурорской должности. Всѣ эти поправки вошли безъ измѣненія въ окончательную редакцію.

Видно, долго и съ разныхъ сторонъ, при редактированіи «Должности», подходили къ вопросу о взаимоотношеніяхъ фискалата и ген.-прокуратуры. Принципіально вопросъ, очевидно, былъ рѣшенъ сразу въ томъ смыслѣ, что фискалатъ долженъ быть въ подчиненіи у ген.-прокурора; однако болѣе широкая и точная формулировка этого принципа никакъ не удавалась сразу, и только въ третьей редакціи былъ выработанъ окончательный текстъ соотвѣтственныхъ параграфовъ «Должности». Въ первой редакціи п. 5-ый (исправленный Петромъ, а затѣмъ это исправленіе было опять Петромъ зачеркнуто, видимо не удовлетворивъ его) уже намѣтилъ, во-первыхъ, подчиненность фискаловъ генералъ-прокурору и, во-вторыхъ, обязанность ген.-прокурора предлагать сенату на разсмотрѣніе фискальскія доношенія, но только кратко и съ указаніемъ, что ген.-прокуроръ, изслѣдовавъ «съ прочими прокурорами» доношеніе фискала, если оно окажется невѣрнымъ, могъ фискала наказать даже «наказаніемъ тѣлеснымъ».

Петръ на поляхъ противъ этого пункта пытался дать другую формулировку, но она у него не закончена, и онъ её самъ зачеркнулъ; тутъ Петръ прямо писалъ, что ген.-прокуроръ «долженъ смотрѣть надъ фискалами, чтобъ они праведно и ревностно о дѣлахъ гласа о себѣ неимущихъ поступали». Во-второй редакціи п. 4-ый уже является почти дословнымъ повтореніемъ п. 4-го окончательной редакціи; тутъ почти буквально повторено начало только-что разобраннаго п. 5-го первой редакціи, но измѣненъ конецъ: короче, чѣмъ въ 1-ой редакціи, сказано, что ген.-прокурору надо «за фискалами смотрѣть и, ежели что худо увидитъ, немедленно доносить сенату»; такимъ образомъ фискалатъ изъемлется этимъ изъ непосредственнаго воздѣйствія личной власти ген.-прокурора и ставится подъ распоряженіе сената, хотя и чрезъ посредство ген.-прокуратуры. И наконецъ, въ третьей редакціи, послѣ многихъ попытокъ и колебаній, устанавливается еще одинъ пунктъ, касающійся отношеній фискалата и прокуратуры, пунктъ почти дословно дошедшій до окончательной редакціи подъ № 7-мъ. Этимъ пунктомъ устанавливались въ точномъ видѣ отношенія между различными видами фискаловъ и различными представителями прокуратуры; опять дѣло идетъ только о формальномъ развитіи уже ранѣе установленнаго принципа, и потому все это имѣетъ второстепенное значеніе, для выявленія сущности ген.-прокурорской должности.

Итакъ, тѣ измѣненія, которыя произошли въ третьей редакціи, сравнительно съ проектомъ ея, (съ которымъ, какъ видѣли, вторая редакція расходится въ существенномъ пунктѣ), не послужили къ какому-либо измѣненію самаго основного смысла должности ген.-прокурорской; они всѣ имѣютъ второстепенное значеніе, касаясь или расширенія уже ранѣе установленныхъ принциповъ, или усовершенствованія внѣшняго формальнаго распорядка въ дѣйствованіи ген.-прокуратуры.

Четвертая редакція «Должности», какъ и всѣ остальныя, написанная четкимъ писарскимъ почеркомъ, помѣщена въ кн. 32-ой I отд. «Кабинета Петра Великаго» (съ л. 364 и д.); она названа прямо: «Должность генералъ-прокурора» и датирована слѣдующей надписью, сдѣланной на первомъ листѣ ея рукою А. В. Макарова: «въ 27 день генваря 1722». По отношенію къ третьей редакціи она, несомнѣнно, является позднѣйшей, почему мы её и называемъ четвертой редакціей. Это ея болѣе позднее возникновеніе видно изъ того, что въ одномъ пунктѣ ея уже внесена въ текстъ сдѣланная Петромъ поправка на поляхъ въ третьей редакціи; именно — слова

«трехъ дней» въ проектѣ третьей редакціи Петръ въ п. 2-омъ въ двухъ мѣстахъ на поляхъ замѣнилъ словомъ «недѣли»; и въ разсматриваемой редакціи это исправленіе уже включено въ начальный текстъ; то же можно наблюдать и относительно исправленія Петромъ въ третьей редакціи пункта 4-го, куда Петръ собственноручно вставилъ слова: «противъ 7-го пункта ихъ должности», уже въ разсматриваемой редакціи внесенныя въ начальный текстъ.

Два-три мелкихъ исправленія, внесенныхъ собственноручно Петромъ въ текстъ разбираемаго проекта редакціи, носятъ характеръ очень мелочный, чтобы на нихъ останавливаться; но посреди рукописи, на отдѣльномъ, вклеенномъ кускѣ бумаги мы имѣемъ собственноручно Петромъ написанный цѣлый новый, восьмой, пунктъ «Должности»; этотъ пунктъ дословно сохранился въ окончательной редакціи; онъ гласитъ: «всѣ о важныхъ дѣлахъ указы, также ежели неисправленіе какое будетъ въ которыхъ управителяхъ, что розыску или доправки какого штрафа на оныхъ, посылать не на почтѣ, но съ посыльными отъ экзекутора, дабы съ полнымъ репортомъ всегда возвращались, что сдѣлано или зачѣмъ нельзя было сдѣлать; а въ коллегіи и прочія ближнія мѣста указы посылать съ экзекуторомъ, дабы репорты въ сенатъ письменные отъ президентовъ приносилъ, котораго числа оные изъ сената получили, которое должно вносить въ книгу, дабы ежели въ такое время, въ какое по указу какое дѣло мочно исполнить, а во оное репорту не будетъ въ сенатъ, мочно-бъ было по оной запискѣ взыскать».

Содержаніе этого довольно длиннаго пункта, созданнаго Петромъ въ новой редакціи «Должности», является очевидно формальнымъ, касающимся только дѣлопроизводственныхъ внѣшнихъ формъ, и почти не имѣетъ даже внѣшняго отношенія къ обязанностямъ генералъ-прокурорскимъ.

Такъ новая редакція, хотя внѣшне и увеличившаяся въ объемѣ, по существу ничего не измѣнила въ роли генералъ-прокурора сравнительно съ предыдущей, ограничившись только внесеніемъ въ текстъ нѣкоторыхъ измѣненій въ формахъ дѣлопроизводства. И эта именно редакція была принята Петромъ, какъ окончательная. Точно переписанная, она была подписана Петромъ 27 января 1722-го года въ Преображенскомъ. Этого подлинника мы не имѣли подъ руками, но копія его имѣется въ дѣлахъ Кабинета вплетенной въ ту же 32 кн. I отд. Копія эта сдѣлана во второй половинѣ 18 вѣка и на ней имѣются двѣ слѣдующихъ надписи; одна

изъ нихъ гласитъ: «подлинную взялъ для взносу въ комнату Ея Императорскаго Величества, а сія копія положена на мѣсто подлинной. Князь Михайло Щербатовъ». Затѣмъ на той же копіи имѣется другая собственноручная надпись, сдѣланная рукою генералъ-прокурора Екатерининскаго времени кн. А. А. Вяземскаго; эта надпись гласитъ: «оригинальную должность генералъ-прокурора за подписаніемъ собственныя Его Величества Государя Императора Петра Перваго и двѣ піесы дьяка Чашникова первая—о одиночныхъ окладныхъ сборахъ, а другая о провіантѣ . . . . . отъ камеръ-юнкера князя М. М. Щербатова принялъ и въ томъ сію росписку даю. Генералъ-прокуроръ князь Вяземской. Мая 5 дня 1768 года». Такимъ образомъ послѣ довольно тщательной обработки «Должность» получаетъ наконецъ тотъ видъ, когда Петръ, ею удовлетворенный, рѣшается сдѣлать ее законодательнымъ актомъ. Однако, въ той же 32-ой кн. I отд. «Кабинета Петра Великаго», начиная съ л. 458, мы находимъ опять текстъ «Должности», исправленной въ концѣ рукою Петра (и отчасти Макарова), а на первомъ листѣ ея стоитъ слѣдующая помѣта, сдѣланная рукою Макарова: «такова отдана подписанная въ 27 день Апрѣля 1722, а прежняя, что́ дана въ 27 день генваря сего-жъ года, взята назадъ и уничтожена». Итакъ, видимо уже одобренный, подписанный и отправленный по назначенію текстъ «Должности» былъ возвращенъ, еще разъ подвергнутъ передѣлкѣ и только уже послѣ этой, теперь послѣдней, работы надъ текстомъ «Должность» получила ту свою окончательную редакцію, въ каковой она и напечатана въ Пол. Собр. Зак., въ каковой она и стала дѣйствующимъ закономъ. Эта послѣдняя работа Петра надъ текстомъ «Должности» была произведена не въ одинъ пріемъ, а во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ въ два. Основное видоизмѣненіе было произведено только въ текстѣ п. 11, ради котораго, очевидно, и была создана новая редакція и новый оригиналъ окончательнаго текста за собственнымъ подписаніемъ Императора 27 апрѣля 1722 г. Въ редакціи 27 января,—или пятой по нашему счету—п. 11 былъ редактированъ такъ: «и понеже сей чинъ, яко око наше и стряпчей о дѣлахъ государственныхъ, того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ, и ежели въ чемъ то поманитъ или иное какое дѣло вѣдѣніемъ и волею преступитъ, то, яко преступникъ указа и явный разоритель государства, наказанъ будетъ; буде же весьма не вымысломъ, то денежнымъ штрафомъ или по разсмотрѣнію нашему наказанъ будетъ».

Петръ съ перваго раза вноситъ въ этотъ текстъ слѣдующія измѣненія: весь конецъ этого пункта, начиная со словъ: «денежнымъ штрафомъ»... и т. д. вычеркивается, а на ихъ мѣсто ставится: «оному въ вину не ставить, однакожъ ежели то часто будетъ употреблять, то не безъ вины будетъ». Во второй разъ Петръ вноситъ слѣдующія измѣненія еще въ тотъже текстъ, дѣлая поясненіе къ словамъ: «въ вину не ставить», «понеже, — вставляетъ Петръ, — лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ». Затѣмъ еще вноситъ одну, но чисто уже редакціонную поправку; вмѣсто словъ: «и на какое дѣло» (далѣе — «вѣденіемъ и волею преступить») Петръ ставитъ слова: «инако какимъ образомъ ни есть должность свою» (и далѣе остается старое: «вѣденіемъ и волею преступитъ»... и т. д.).

Изъ этихъ поправокъ и дополненій, сдѣланныхъ къ тексту п. 11, только одно имѣетъ существенное значеніе, а всѣ остальные касаются мелочей, нося только редакціонный характеръ. Если по тексту 11 пункта редакціи 27 января ген.-прокуроръ за каждое свое доношеніе верховной власти, за каждый свой протестъ, съ которымъ былъ-бы не согласенъ сенатъ, въ случаѣ недостаточной его обоснованности, являлся отвѣтственнымъ, подпадая подъ денежный штрафъ или какое иное наказаніе, то по окончательной редакціи 27 апрѣля всякая отвѣтственность, всякая возможность какого-либо возмездія генералъ-прокурору за неосновательную протестацію снимается, такъ-какъ молчаніе со стороны ген.-прокурора, изъ боязни наказуемой ошибки съ его стороны, будетъ хуже, вреднѣе чѣмъ, если иногда въ доношеніяхъ своихъ ген.-прокуроръ и будетъ ошибаться. Такимъ образомъ Петръ поясняетъ произведенное имъ измѣненіе въ ген.-прокурорской отвѣтственности.

Мы уже видѣли, что такъ исправленный текстъ «Должности», согласно вышеприведенной на немъ помѣтѣ Макарова, и явился тѣмъ окончательнымъ текстомъ, той окончательной редакціей даннаго акта, которая получила силу закона, которою и руководствовалась въ своей дѣятельности генералъ-прокуратура первой,—а частью и второй,—половины XVIII вѣка, которая и является напечатаной въ Пол. Собр. Зак.

IV.

Таковы тѣ редакціи «Должности генерала-прокурора» 1722 г., которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи. Этихъ редакцій, включая окончательную, мы можемъ слѣдовательно

насчитать всего пять, причемъ не трудно выдѣлить изъ нихъ тѣ, въ которыхъ были произведены настолько существенныя измѣненія текста, что они повлекли за собой опредѣленныя измѣненія въ самомъ характерѣ генералъ-прокуратуры, такъ-что въ каждой изъ нихъ характеръ должности ген.-прокурора является отличнымъ по существу отъ всѣхъ другихъ. Такихъ редакцій можно насчитать четыре; это—именно первая редакція, вторая, третья и пятая; четвертая редакція слишкомъ мало, только въ мелочахъ, отличается отъ третьей, почему въ число основныхъ четырехъ редакцій (считая и окончательную) включена быть не можетъ.

Изъ проекта первой основной редакціи въ окончательную редакцію попалъ только: 1-й пунктъ и конецъ 2-го; изъ самой редакціи (т. е. по исправленіи проекта Петромъ) попали еще пунктъ 3-й окончательн. ред., пунктъ 9-ый ея-же и пунктъ 5-й. Изъ второй основной редакціи въ окончательную, кромѣ вышеназваннаго, попали: пунктъ 2-ой въ *полномъ* (тутъ именно составленномъ) видѣ, какъ тоже п. 2-ой окончательной редакціи; пунктъ 4-ый (о фискалахъ) и пунктъ 7-ой, какъ пункты 4-ый и 11-ый окончательной редакціи. Изъ третьей редакціи попалъ въ окончательную, во-первыхъ, конецъ п. 3-го (со словъ: «и долженъ»...), во-вторыхъ, пункты: 10-ый, 7-ой, 6-ой и 11-ый соотвѣтственно подъ пунктами: 10-ымъ, 7-ымъ, 6-ымъ, 12-ымъ окончательной редакціи. Наконецъ, въ послѣдней основной, четвертой редакціи былъ измѣненъ по существу конецъ п. 11-го, соотвѣтственнаго такому-же пункту окончательнаго текста «Должности.» Теперь можно ясно себѣ представить, какимъ образомъ хронологически нарастали пункты окончательной редакціи; именно, сперва былъ созданъ п. 1-ый и первая половина п. 2-го; затѣмъ—п. 3-ій, п. 5-ый и 9-ый; затѣмъ—другая половина п-кта 2-го и пунктъ 4-ый и 11-ый; затѣмъ,—конецъ 3-го пункта и п. п. 6, 7, 10 и 12-ый; и наконецъ, самымъ послѣднимъ былъ созданъ п. 8-ой.

Имѣя въ виду такое постепенное нарастаніе отдѣльныхъ пунктовъ, можно прослѣдить, какъ постепенно нарастало и формировалось самое содержаніе, внутренній смыслъ «Должности» въ ея окончательной формѣ.—Прежде всего ясно и прочно (по пункту 1-му) установилась роль ген.-прокурора по отношенію сената, роль надзирателя за правильностью его дѣятельности, съ правомъ вмѣстѣ съ тѣмъ (по первой половинѣ 2-го пункта) протеста передъ верховной властью по отношенію сенатскихъ рѣшеній съ ихъ пріостановленіемъ, если ген.-прокуроръ въ этихъ рѣшеніяхъ замѣтитъ какія-либо

неправильности. Такъ сразу и прочно очертилась въ извѣстной части роль ген.-прокурора. Затѣмъ онъ, черезъ подчиненныхъ ему прокуроровъ, дѣлается уже наблюдателемъ за законностью дѣйствій и прочихъ, сенату подчиненныхъ, государственныхъ установленій, центральныхъ и областныхъ (по пункту 3-му); этимъ значеніе ген.-прокурора расширяется, и онъ перестаетъ быть узко и только сенатскимъ чиновникомъ, хотя рядомъ его значеніе въ сенатѣ тоже усиливается подчиненіемъ ему сенатской канцеляріи (по пункту 5-му). Вмѣстѣ подчеркивается его значеніе тѣмъ, что онъ является подсуднымъ только самому Императору, только верховной власти (по п. 9-му). Такъ усиливается значеніе и компетенція ген.-прокурора, во-первыхъ, какъ сенатскаго чиновника и, во-вторыхъ, ему создается положеніе высшаго (по подсудности) лица въ государствѣ, подъ контролемъ котораго оказывается уже весь правительственный механизмъ. А разъ такъ, то логически понятно, что затѣмъ институтъ фискалата, какъ институтъ съ родственными цѣлями и задачами дѣйствованія, немедленно ставится въ зависимость и подчиненіе ген.-прокурору (по п. 4-му); рядомъ съ этимъ, когда создалась такая полномощная единоличная контролирующая власть, естественно было, подчеркнувъ и обрисовавъ ея такое положеніе (см. п. 11), напомнить и о большой отвѣтственности, лежащей на этой большой власти, за ея неправильныя дѣйствія (см. п. 2 конецъ и также п. 11). Внеся затѣмъ нѣсколько болѣе мелкихъ дополненій въ такъ обрисованное положеніе ген.-прокурора (см. п.п. 6, 7, 12), Петръ наконецъ еще расширяетъ компетенцію ген.-прокурора, возлагая на него законодательную иниціативу, если гдѣ въ дѣйствующихъ законахъ и указахъ окажутся какія-либо неясности и недостатки. Такъ окончательно вырисовывается фигура ген.-прокурора по «Должности», и тотъ 8-ой пунктъ ея, который явился уже прибавленнымъ къ тексту «Должности» самымъ послѣднимъ, только лишь конкретно намѣтилъ одинъ моментъ изъ контролирующей роли ген.-прокурора.

Если обратить вниманіе на то, какое участіе въ обработкѣ текста «Должности» принималъ самъ Императоръ, то прежде всего, конечно, критеріемъ для этого явится количество и свойство добавленій и исправленій, которыя были Петромъ собственноручно вносимы въ текстъ. Количество этихъ поправокъ велико; онѣ очень различны по своему значенію, и наряду съ мелкими и формальными, есть и очень существенныя; такимъ образомъ несомнѣнно большое участіе личнаго творчества Петра въ составленіи «Должности», это—во-первыхъ;

а во-вторыхъ, какъ было видно, всѣ эти исправленія дѣлались Петромъ не вдругъ, не сразу, а постепенно, иногда впослѣдствіи дополняясь и видоизмѣняясь, что̀ указываетъ на отсутствіе у Петра какого-либо опредѣленнаго образца или образцовъ, которыхъ-бы онъ болѣе или менѣе точно въ ихъ цѣломъ придержался. Видимо, работа шла мозаично; самое содержаніе «Должности» слагалось и формировалось въ своемъ окончательномъ видѣ ощупью, съ колебаніями; а все это ясно свидѣтельствуетъ противъ болѣе или менѣе точнаго заимствованія содержанія «Должности» въ ея цѣломъ изъ какого-либо посторонняго,—русскаго или иностраннаго, все равно,—источника. Приходится склониться къ выводу, что «Должность генералъ-прокурора» въ ея окончательной редакціи была создана самостоятельно, внѣ зависимости отъ какого-либо образца; слѣдовательно, едва-ли можно говорить о заимствованіи этого законодательнаго акта изъ соотвѣтственнаго акта западной Европы.

Спѣшимъ оговориться, что этимъ отнюдь не рѣшается вопросъ,—даже онъ и никакъ не ставится,—о тѣхъ *вліяніяхъ* западноевропейскихъ идей или даже тѣхъ или иныхъ фактовъ западноевропейской государственной практики, которые могли обусловить собой происхожденіе многихъ и многихъ пунктовъ «Должности»; но этотъ вопросъ требуетъ уже особаго разсмотрѣнія, не входящаго въ задачи настоящаго очерка.

Къ подобному-же выводу приводитъ и то соображеніе, что общая эволюція, которая происходила въ отношеніи главныхъ линій, дающихъ основной абрисъ фигурѣ генералъ-прокурора, какъ видѣли, шла не въ опредѣленномъ какомъ-либо заранѣе намѣченномъ какимъ-либо образцомъ направленіи, а наоборотъ,—тутъ были скачки и переходы, которые едва-ли объяснимы иначе, какъ только поисками и блужданіями болѣе или менѣе самостоятельно работающей и творящей (хотя-бы цѣликомъ и подъ разными посторонними вліяніями) мысли создателей «Должности».

Мы изъ разсмотрѣнія редакцій не могли узнать именъ всѣхъ этихъ создателей; почти никакихъ слѣдовъ ихъ найти намъ не удалось; несомнѣнно только то, что однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ творцовъ «Должности» былъ самъ Петръ, а затѣмъ, что нѣкоторое участіе въ этомъ созданіи принималъ и каб.-секретарь А. В. Макаровъ, хотя долю его участія опредѣлить является крайне затруднительнымъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ намѣтить въ цѣломъ то идеологическое построеніе понятія о ген.-прокуратурѣ въ его эволюціи, которое мы отмѣ-

чали отдѣльными частями при разборѣ каждой редакціи «Должности».

По первоначальному замыслу Петра генералъ-прокуроръ являлся въ роли высшаго лица въ русскомъ бюрократическомъ мірѣ, въ рукахъ котораго долженъ былъ сосредоточиваться надзоръ за правильнымъ, законнымъ ходомъ управленія страной прежде всего въ ея центральныхъ (и особенно самомъ главномъ изъ нихъ — Сенатѣ) учрежденіяхъ, а затѣмъ и въ областныхъ. Въ этомъ надзорѣ ген.-прокуроръ долженъ былъ стоять на стражѣ интересовъ государя, государства, церкви и всѣхъ тѣхъ изъ гражданъ, кто не могъ самъ въ достаточной степени защитить своихъ интересовъ; словомъ,— ген.-прокуроръ являлся какъ-бы государственнымъ адвокатомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, съ несомнѣннымъ элементомъ огромной контролирующей власти въ области собственно управленія государствомъ. Такъ тутъ были выдвинуты двѣ отдѣльныхъ, хотя съ извѣстной точки зрѣнія связанныхъ, основныхъ функціи въ дѣятельности, въ должности ген.-прокурора; съ одной стороны это—высшій всеобъемлющій контроль дѣятельности государственныхъ установленій, съ другой,—это—представительство и защита интересовъ государства, церкви и всѣхъ недостаточно въ своихъ правахъ огражденныхъ подданныхъ въ ихъ отношеніяхъ къ государственной власти. Петръ, такъ строя генералъ-прокурорскую «Должность», ясно понималъ то громадное значеніе, которое этотъ новый представитель власти будетъ играть въ государствѣ, почему онъ ставилъ его въ то же время подъ особую «протекцію» верховной власти, а съ другой стороны, обязывалъ Сенатъ быть «послушнымъ» протестамъ ген.-прокурора, до разбора дѣла верховной властью.

Однако, быстро Петръ отказался отъ такого построенія ген.-прокурорской должности; нѣтъ данныхъ у насъ судить о томъ, чтó тутъ повліяло на Петра; несомнѣнно только, что, разъ отказавшись отъ вышеизложеннаго представленія о генералъ-прокурорѣ, Петръ болѣе къ нему не возвращался. Центръ тяжести должности ген.-прокурора устанавливается окончательно и исключительно только на его надзирающей роли за дѣятельностью всѣхъ государственныхъ учрежденій и сената въ особенности. Онъ становится исключительно высшимъ, всеобъемлющимъ контролеромъ дѣйствій государственнаго механизма—и только. Ген.-прокуроръ этимъ превращается въ настоящаго государственнаго чиновника въ узкомъ смыслѣ этого слова; это еще подчеркивается отнынѣ начавшимися

напоминаніями,—очень опредѣленными,—о его отвѣтственности, о необходимой для него дѣловой осторожности, о тѣхъ карахъ, которыя ему грозятъ за неправильное исполненіе имъ его обязанностей. Отнынѣ ген.-прокуроръ остался «окомъ нашимъ», остался «стряпчемъ о дѣлахъ государственныхъ» (уже въ узкомъ смыслѣ дѣлъ правительственныхъ), но пересталъ быть «сердцемъ всего государства». Въ этомъ направленіи и пошло дальнѣйшее развитіе его должности. Прежде всего поступившіе подъ надзоръ ген.-прокурора прокуроры и фискалы послужили къ тому, чтобы возможно расширить и реально осуществить надзоръ генералъ-прокурора надъ всѣмъ, во всѣхъ его частяхъ, государственнымъ механизмомъ, а затѣмъ этотъ надзоръ по существу своему расширился въ его пониманіи тѣмъ, что генералъ-прокуроръ долженъ былъ указывать и на непорядки въ самыхъ законахъ, управлявшихъ Россіей, указывать на необходимыя ихъ усовершенствованія. Такимъ образомъ всеобъемлющая, контролирующая власть оказалась въ рукахъ ген.-прокурора, но власть распространявшаяся только на дѣйствія бюрократической машины русской государственности начала XVIII в.

Такъ опредѣлилась и установилась въ теоретическомъ построеніи Петра Великаго и его сотрудниковъ, окончательно въ своемъ основномъ абрисѣ, фигура ген.-прокурора на фонѣ русскаго реформированнаго государственнаго строя Петровскаго времени. И несомнѣнно, построеніе это не явилось ни близкой, ни даже далекой копіей какого-либо, со стороны взятаго, образца, а создавалось творческой мыслью Петра и его сотрудниковъ самостоятельно въ ея цѣльномъ видѣ; причемъ самъ Петръ былъ едва-ли не главнымъ работникомъ въ этомъ построеніи. Конечно, другой вопросъ, насколько это оригинальное въ своемъ построеніи дѣтище Петра оригинально и въ тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ оно созидалось.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Основныя иностранныя вліянія въ образованіи генералъ-прокуратуры.

I.

Въ предыдущемъ очеркѣ, разсматривая и изучая текстъ «Должности генералъ-прокурора», мы пришли къ выводу, что никакого болѣе или менѣе подходящаго оригинала западно-европейскаго происхожденія, съ котораго бы былъ этотъ актъ скопированъ,—хотя и съ измѣненіями,—не существовало. «Должность» была выработана самостоятельно въ своей конструкціи; ткань была создана самимъ Петромъ и его сотрудниками постепеннымъ самостоятельнымъ творчествомъ въ ея цѣломъ; но это, какъ мы уже говорили, не отрицаетъ возможности такого создаванія подъ вліяніемъ чужихъ идей и не своихъ элементовъ. Вотъ эти-то чужія,—западно-европейскія, идеи, эти-то не свои элементы несомнѣнно оказали огромное вліяніе на «Должность генералъ-прокурора». Сколь глубоко было такое вліяніе чужихъ идей, какъ велика была роль не своихъ элементовъ—это тотъ вопросъ въ его только и возможной и должной формулировкѣ, къ которому сводится задача темы даннаго очерка объ основныхъ иностранныхъ вліяніяхъ въ образованіи генералъ-прокурорской должности.

Прежде всего необходимо установить, что на этотъ вопросъ долженъ быть данъ вообще прямо утвердительный отвѣтъ: и чужія идеи, и не свои элементы несомнѣнно вошли въ «Должность генералъ-прокурора». Это же видно изъ самаго названія вновь учреждаемаго института: оно—не русское, оно—не общеевропейское даже (какъ, напримѣръ, сенатъ), оно только и спеціально въ началѣ 18 в. примѣнялась въ отношеніи къ одному институту чисто-французскаго происхожденія, только во Франціи существовавшему. Если это можетъ точно говорить только о внѣшнемъ заимствованіи, заимствованіи одного названія, то самое поверхностное сравненіе роли французскаго

procureur général и генералъ-прокурора по «Должности» даетъ много общихъ чертъ въ существѣ самихъ институтовъ; такимъ образомъ уже нельзя говорить объ позаимствованіи только названій. Но если такъ вскрывается сразу вліяніе французскаго института на русскую ген.-прокуратуру, то, можетъ-быть, возможно прослѣдить еще какія-либо другія иностранныя вліянія на эту должность? Обычно на этотъ вопросъ отвѣчаютъ болѣе или менѣе утвердительно, указывая на вліяніе шведскихъ государственныхъ учрежденій того времени, сказавшееся и на ген.-прокуратурѣ. Въ спеціальной литературѣ еще давно—со-средины 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, со времени появленія на свѣтъ перваго архивнаго изслѣдованія исторіи сената за Петровское время,—его авторомъ проводилась та точка зрѣнія, что ген.-прокуратура возникла въ 1722 году именно подъ этими двумя иноземными вліяніями: французскимъ, съ одной стороны и главнымъ образомъ, а затѣмъ шведскимъ,—съ другой. «Относительно ген.-прокурора, говоритъ по этому поводу авторъ вышеупомянутаго труда,—можетъ быть, не остались безъ вліянія нѣкоторые проекты и сообщенія извѣстнаго совѣтника камеръ-коллегіи Генриха Фика, поданные имъ въ 1718 году и переведенные въ Иностранной Коллегіи, совѣтующаго, напримѣръ, въ своемъ проектѣ устройства сенатской канцеляріи, учредить особаго начальника ея, который бы стоялъ выше обыкновеннаго начальника ея, оберъ-секретаря,—и даже наравнѣ съ сенаторами, имѣлъ бы право голоса въ рѣшеніяхъ сената, былъ бы полноправнымъ членомъ его присутствія. Генералъ-прокуроръ хотя и не получилъ права голоса въ сенатскихъ рѣшеніяхъ, не сдѣлался сенаторомъ, но начальникомъ канцеляріи дѣйствительно сдѣлался и поставленъ дѣйствительно выше, чѣмъ прежніе начальники канцеляріи. Точно также можно, пожалуй, предполагать, что не безслѣдно прошло, по порученію Петра сдѣланное Фикомъ, описаніе государственнаго устройства Швеціи, гдѣ онъ, описывая реформы, сдѣланныя Карломъ XII въ 1714 году,—учрежденіе шести министерствъ, предназначенныхъ къ уменьшенію власти шведскаго сената—говоритъ: «первый изъ сихъ шести новыхъ статскихъ министровъ есть баронъ Левенстедъ подъ титломъ высшаго омбуцмана. Сей титулъ значитъ высшаго полномочнаго королевскаго въ дѣлахъ юстиціи. Высокое его надзираніе въ томъ состоитъ, чтобы правда и правосудіе исправно и вскорѣ по уложеніямъ, правиламъ и судебнымъ регуламъ учинена была. Всѣ фискалы въ высокихъ судахъ и губерніяхъ обрѣтаются подъ его управленіемъ и должны ему доносить... Онъ имѣетъ

власть обо всѣхъ дѣлахъ извѣститься и каждому ради его поступку выговаривать». У ген.-прокурора, какъ у шведскаго омбуцмана, надзоръ за правосудіемъ и исполненіемъ указовъ и подобно послѣднему ему подчинены фискалы; но тѣмъ не менѣе нашъ генералъ-прокуроръ—не омбуцманъ; онъ—не внѣ сената, а при сенатѣ, учреждается не для того, чтобъ у сената отнять часть власти подобно омбуцману съ товарищи, а чтобы улучшить его и даже возвысить, придавъ ему живую и непосредственную связь съ верховной властью чрезъ свою личность»[1]). Такъ г. Петровскій смотритъ на сущность и силу шведскаго вліянія при образованіи ген.-прокуратуры. Уже и для него ясно, что сближеніе омбуцмана и ген.-прокурора—вещь очень рискованная: слишкомъ много между ними рѣзкихъ отличій и слишкомъ обща и расплывчата въ концѣ концевъ та общность въ ихъ функціяхъ, которую можно намѣтить. Вѣдь омбуцманъ прежде всего—представитель и хранитель *юстиціи*, именно *этой* области государственнаго правленія; онъ, стоя внѣ всякихъ учрежденій и являясь «министромъ» короля, въ сущности болѣе подходитъ къ французскому канцлеру, по своей роли, чѣмъ къ генералъ-прокурору. Никоимъ образомъ не можетъ быть такъ ограничиваема роль ген.-прокурора по «Должности»; петровскій ген.-прокуроръ совершенно не является спеціальнымъ хранителемъ только «въ дѣлахъ юстиціи»; его роль гораздо шире и полнѣе, а потому и иная по существу: во-первыхъ, онъ прежде всего «повиненъ сидѣть въ сенатѣ» и надзирать за *всей всеобъемлющей* государственной дѣятельностью этого установленія, а не только судебной; во-вторыхъ, чрезъ прокуроровъ онъ наблюдаетъ и регулируетъ тоже *всѣ* сферы государственнаго управленія равно, и регулируетъ, въ-третьихъ, совершенно особымъ путемъ: путемъ побужденія къ этому самого сената, чрезъ его *непремѣнное* содѣйствіе и, скажу болѣе,—чрезъ его, сената, *власть*. Ясно, что тутъ по законодательному замыслу Петра совершенно теряется и стушовывается тотъ обликъ «министра» верховной власти, который слишкомъ ясно и опредѣленно носитъ на себѣ шведскій омбуцманъ. Общаго-же между ген.-прокуроромъ и омбуцманомъ лишь то, что, во-первыхъ, въ завѣдываніи какъ того, такъ и другого—сенатская канцелярія; во-вторыхъ, какъ тому, такъ и другому подчинены фискалы, и, наконецъ, въ-третьихъ, какъ тотъ, такъ и другой наблюдаютъ за правосудіемъ. Но два первыхъ сходства слишкомъ мелочны по существу и отры-

---

[1]) См. *Петровскій*. О Сенатѣ въ царствованіи Петра Великаго. М. 1876, стр. 167—168.

вочны, сами по себѣ, поэтому ни о чемъ говорить убѣдительно не могутъ, а третье—вѣдь является только видимостью, какъ мы только-что стремились показать: для омбуцмана это—основной кругъ его дѣятельности, юстиція, а для ген.-прокурора это—одна изъ (и основныхъ ли?) частей, сторонъ его гораздо болѣе обширной области вѣдѣнія. Итакъ приходится повторить вмѣстѣ съ Петровскимъ, что «нашъ ген.-прокуроръ—не омбуцманъ», и если говорить о шведскомъ вліяніи на образованіе этой должности, то только о частномъ вліяніи, въ деталяхъ, а не въ главномъ этого института; говоря конкретнѣе, можно предположить только, что идею подчиненія канцеляріи сената и фискалата генералъ-прокурору Петръ заимствовалъ у шведскаго омбуцмана. Но ясно, какъ это мало относится до самаго существа генералъ-прокурорской должности; ясно, что она не измѣнилась бы въ существѣ своемъ, не будь ей подчинена ни сенатская канцелярія, ни фискалы. Однако, мысль о шведскомъ опредѣленномъ вліяніи не оставляется въ литературѣ до послѣдняго времени. Н. Муравьевъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, повторяетъ, что «подъ очевиднымъ вліяніемъ двухъ такихъ образцовъ *шведскаго* (курс. мой) и французскаго и сложилось учрежденіе Петромъ Великимъ при сенатѣ должности генералъ-прокурора». Свое заключеніе о шведскомъ вліяніи, названный авторъ строитъ, въ сущности идя за Петровскимъ и не внося тутъ ничего новаго. «Въ слѣдующемъ 1718 г.,—пишетъ онъ,—упомянутый выше Генрикъ Фикъ предлагалъ Петру въ своихъ проектахъ, устроить при сенатѣ особую канцелярію, а во главѣ ея поставить особаго начальника выше оберъ-секретаря, наравнѣ съ сенаторами, съ правомъ голоса въ ихъ совѣщаніяхъ». Далѣе, приводя,—со ссылкой на Петровскаго,—вышецитированное описаніе Фика должности омбуцмана, Муравьевъ такъ резюмируетъ ея содержаніе: «въ этихъ словахъ изложена вкратцѣ вся сущность будущаго прокурорскаго надзора»[1]). Несомнѣнно, какъ видѣли, тутъ кроется большое недоразумѣніе, если говорить о «должности ген.-прокурора» 1722 г. (не совсѣмъ ясно, что тутъ Муравьевъ подразумѣваетъ подъ «прокурорскимъ надзоромъ»; это—понятіе—весьма растяжимое). Слѣдовательно, если Петровскій говоритъ о шведскомъ вліяніи съ ограничительными оговорками, то Муравьевъ ихъ совсѣмъ какъ будто отбрасываетъ.

Павловъ-Сильванскій, попутно,—но на основаніи свѣжаго архивнаго матеріала, затрогивая вопросъ о вліяніяхъ,

---

[1]) *Н. Муравьевъ.* Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. М. 1889, стр. 269.

которыя образовывали ген.-прокуратуру въ Россіи, тоже высказываетъ мысль о шведскомъ вліяніи, цитируетъ Фика по Петровскому, хотя какъ будто склоняется къ мысли о частичности такого вліянія; «источникомъ одной изъ этихъ собственноручно написанныхъ имъ статей,—говоритъ онъ,—ввѣрившей ген.-прокурору начальство надъ канцеляріей сената былъ, быть можетъ, проектъ Фика, поданный въ 1718 году» [1]).

Наконецъ проф. Филипповъ въ I-мъ томѣ юбилейной «Исторіи Сената», разсматривая вопросъ о происхожденіи ген.-прокуратуры, тоже склоняется къ признанію шведскаго вліянія [2]).

Изъ вышеизложеннаго, думается, можно вывести опредѣленное заключеніе, что если дѣйствительно и было шведское вліяніе на образованіе, «должности генералъ-прокурора» (а этого утверждать конкретно мы не можемъ, за неимѣніемъ прямыхъ данныхъ), то оно ограничилось только частностями этого установленія; основная идея или основныя идеи его были, если заимствованы, то—изъ другого источника.

Мы видѣли, что есть прямыя данныя говорить о заимствованіи ген.-прокуратуры у французскаго государственнаго строя начала XVIII вѣка; это—во-первыхъ,—самое названіе, а во-вторыхъ очень многія основныя линіи, образующія это установленіе, несомнѣнно общія и нашему, и французскому одноименному институту. Это было опредѣленно подмѣчено и ясно выражено въ той-же, вышецитированной, работѣ Петровскаго. «Конечно, болѣе всего сходства,—писалъ онъ,—нашъ генералъ-прокуроръ со своими прокурорами имѣетъ съ французскою прокуратурою того времени, и потому болѣе всего вѣроятности, что мысль и нѣкоторыя главныя положенія заимствованы Петромъ отсюда. За заимствованіе этого учрежденія изъ Франціи говоритъ то, что оно явилось уже послѣ путешествія Петра туда и его личнаго знакомства съ этой страной; и кромѣ того, много общаго между генералъ-прокуратурой нашей и французской. Тамъ точно также глава прокуроровъ былъ генералъ-прокуроръ, состоявшій почти точно также при высшемъ государственномъ учрежденіи—при парламентѣ, какъ у насъ—при сенатѣ; точно также ему подчинены прокуроры при низшихъ судахъ. Далѣе положеніе прокуратуры русской совершенно подобно французской: прокуроры не подчинены судамъ, а, какъ gens du roi отвѣтственны только передъ государемъ.

---

[1]) *Павловъ-Сильванскій.* Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Вел. Спб. 1897, стр. 78.

[2]) „Исторія Пр. Сената“. Т. I, стр. 209.

Обязанности тѣхъ и другихъ также имѣютъ много общаго: и тѣ, и другіе блюстители законности, каратели всякихъ преступленій и нарушеній закона, «око государево и стряпчіе о дѣлахъ государственныхъ» [1]). Муравьевъ въ уже вышецитированномъ трудѣ его присоединяется къ этому мнѣнію, дополняя и развивая его. «Во время пребыванія своего (т.-е. Петра Великаго) въ Парижѣ,—пишетъ Муравьевъ,—въ 1717 году тщательно изучая все, что могло имѣть для него какой-нибудь интересъ, онъ (Петръ) пожелалъ присутствовать и въ засѣданіи парламента. 19 іюля состоялось общее собраніе послѣдняго (Grande Chambre), созванное нарочно для русскаго царя... Обстановка его была торжественная. Чины парламента и его прокуратуры... дважды передъ открытіемъ и передъ закрытіемъ засѣданія почтительно преклонились передъ царемъ, который отвѣтилъ имъ вѣжливымъ поклономъ и внимательно, при помощи объясненій толмача, слѣдилъ за происходившимъ. Главную часть засѣданія составляло устное заключеніе занимавшаго прокурорское мѣсто генералъ-адвоката де Ламуаньона;... можно съ вѣроятностью допустить, что лично видѣнное зрѣлище королевскаго уполномоченнаго передъ высшимъ судилищемъ, окруженнаго общимъ уваженіемъ и облеченнаго авторитетомъ слова и властью дѣйствія, произвело на его (Петра Великаго) воспріимчивый умъ сильное впечатлѣніе» [2]). Итакъ несомнѣнно Великій Преобразователь заинтересовался и парламентомъ, и его неразрывной частью—прокуратурой, а слѣдовательно получилъ общее представленіе на мѣстѣ, во Франціи, объ этихъ учрежденіяхъ.

Въ дальнѣйшей литературѣ фактъ французскаго вліянія подчеркивается еще болѣе, въ связи съ найденнымъ и опубликованнымъ въ 1897 году Павловымъ-Сильванскимъ документомъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемому вопросу. На этомъ документѣ намъ придется остановиться нѣсколько подробнѣе. Сначала нѣсколько словъ объ его авторѣ.

Кононъ Никитичъ Зотовъ, сынъ извѣстнаго Никиты Зотова, 14 лѣтъ отъ роду былъ отправленъ въ Англію,—это было въ 1704 году,—учиться морскому дѣлу, гдѣ даже служилъ для практики на англійскихъ корабляхъ, и провелъ въ Англіи и Голландіи восемь лѣтъ. По возвращеніи въ Россію, недолго поплававъ, въ 1715 году онъ былъ отправленъ во Францію для изученія морского французскаго законодательства, гдѣ очевидно заинтересовался и многими другими

[1]) *Петровскій*. Op. cit. стр. 168.
[2]) *Муравьевъ*. Op. cit. стр. 282—269.

вопросами и сторонами государственнаго быта того времени; онъ постоянно пишетъ Петру свои планы и проекты, которые выносилъ изъ этого знакомства съ западноевропейской жизнью. Несомнѣнный умъ, живость и практичность мелькаютъ во всѣхъ этихъ проектахъ-письмахъ. Въ теченіе своего, въ общемъ, двѣнадцатилѣтняго пребыванія за границею, (въ этотъ періодъ его жизни) Зотовъ, несомнѣнно, многому научился, многое воспринялъ, хотя, можетъ-быть, слишкомъ мало переваривалъ и стремился слишкомъ быстро примѣнять къ улучшенію русской дѣйствительности. Вотъ во время этого своего пребыванія во Франціи Зотовъ и пишетъ то письмо-проектъ къ своему брату Василію, которое стало извѣстно Петру еще въ 1716 г., когда было написано, и съ котораго К. Зотовъ представилъ Царю копію, нѣсколько дополненную и исправленную, въ 1721 году, какъ разъ передъ созданіемъ «Должности ген.-прокурора». Письмо это было такъ озаглавлено самимъ авторомъ, когда въ 1721 году онъ представилъ его Петру въ видѣ копіи: «Копія съ письма къ брату моему о генералъ-ревизорѣ, *что нынѣ во Ѳранціи называется генералъ-прокуроръ*, съ отмѣтками и примѣрами нынѣшняго состоянія въ Великороссіи». Уже изъ заглавія этого несомнѣнно, чтó служитъ для Зотова основной канвой его построенія, откуда онъ черпаетъ основанія своего проекта; подчеркнутыя нами слова въ заглавіи на это указываютъ точно: французская генералъ-прокуратура начала 18 в.—тотъ образецъ, къ которому примѣриваетъ свой планъ К. Зотовъ. Прежде всего, однако, мы видимъ у Зотова не болѣе или менѣе регулярно намѣченный проектъ въ его, основныхъ хотя-бы, моментахъ для установленія новой должности, а скорѣе нѣсколько мыслей по поводу этой должности, недостаточно связанныхъ и отрывочныхъ. Приведемъ здѣсь ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены въ самомъ оригиналѣ и словами этого оригинала. Основную характеристику проектируемой должности Зотовъ даетъ слѣдующими словами: «ревизоръ генералъ или генеральный ревизоръ, какъ его ни назови, только онъ имѣетъ, повиненъ имѣть, и надобно, чтобъ конечно имѣлъ, полную и совершенную власть и мочь прочитать, разсуждать, провѣрять, подтверждать и поправлять или исправлять все, что ни опредѣлится, или ни учинится въ сенатѣ; и принужденъ вмѣсто самого Государя укорять, уличать, выговаривать и стращать гнѣвомъ государевымъ, и потомъ государю извѣщать и доносить о всемъ, а именно о всемъ, что касается государства и государственнаго интереса, государевой и государ-

ственной чести и всемъ, что касается противъ святыя церкви, также сиротъ, вдовицъ, малолѣтнихъ и отбывшихъ и въ напраслинѣ гонимыхъ и страждущихъ защищать отъ обидъ; однимъ словомъ, всякія дѣла, которыя худо вершатся, онъ ихъ повиненъ передѣлать и по своему разсужденію вершить». Однако, въ послѣднемъ Зотовъ, очевидно, колеблется, такъ-какъ далѣе идетъ такое положеніе: «во всѣхъ таковыхъ причинахъ долженъ генералъ-ревизоръ докладывать и предстательствовать у Вашего Величества;... а полной мощью самому рѣшить во время отлученія Вашего Величества и потомъ репортовать». Итакъ остается неяснымъ, на чемъ въ концѣ концовъ останавливается Зотовъ: долженъ-ли генералъ-ревизоръ, что́ находитъ худо, «передѣлать и по своему разсужденію вершить»? или въ такихъ случаяхъ «долженъ» только «предстательствовать у Вашего Величества» и самому дѣйствовать только «во время отлученія» Государя? Видимо, передъ глазами Зотова тотъ и другой порядокъ недостаточно разграничились еще. Тутъ-же онъ прибавляетъ слѣдующее восклицаніе: «нынѣ къ кому оные утѣсненные прибѣгнутъ и кто возьмется объ нихъ тебѣ, государь, докладывать?!». Затѣмъ Зотовъ бросаетъ еще двѣ мысли, въ освѣщеніе имъ намѣченнаго установленія. Во-первыхъ, не настаивая какъ-бы, а только указывая на примѣръ изъ «временъ императоровъ Аркадіуса, Гоноріуса и Ѳеодосія», онъ замѣчаетъ, что тогда «генералъ-ревизоры имѣли власть не только имъ, государямъ, доносить о сенаторскихъ неисправахъ, но и штрафовать сенаторовъ». На примѣненіи этого и къ проектируемой должности настаивать Зотовъ какъ-будто не рѣшается. Но затѣмъ, во-вторыхъ, онъ уже категорически высказываетъ, что «никому не мочно на него (т.-е. на ген.-ревизора) бить челомъ и тягаться ни въ какомъ дѣлѣ, бывъ правое око и правая рука царева и сердце всего государства» [1]).

Если постараться разобраться въ этихъ мысляхъ Зотова и привести ихъ въ нѣкоторый порядокъ, то получится нѣчто съ одной стороны несомнѣнно близкое русскому петровскому генералъ-прокурору, а съ другой—основныя черты французской генералъ-прокуратуры тоже тутъ отразились съ достаточной полнотой, какъ оно и должно было быть: вѣдь по этому конкретному, передъ глазами бывшему образцу, и, строилась Зотовская мысль. Зотовскій генералъ-ревизоръ прежде всего въ самомъ широкомъ смыслѣ слова является контролеромъ за дѣятельностью сената отъ лица верховной власти съ

[1]) *Павловъ-Сильванскій.* Op. cit. Прилож. стр. 68—71.

правомъ, во-первыхъ, вмѣшиваться въ сенатское дѣловеденіе,—когда оно ему покажется не достаточно правильнымъ,—своимъ мнѣніемъ съ разсужденіемъ и соотвѣтственнымъ исправленіемъ намѣчаемаго сенатомъ дѣйствія; затѣмъ, во-вторыхъ, ген.-ревизоръ долженъ доносить обо всемъ государю, а въ его отсутствіе,—имѣетъ право,—впредь до царскаго пріѣзда,—поправлять на дѣлѣ сенатскія дѣйствія въ желательную ему сторону. Это—одна сторона дѣятельности ген.-ревизора; но есть у него по Зотовскому проекту еще другого рода обязанности, не связанныя съ сенатомъ: онъ долженъ доносить верховной власти, во-первыхъ, о всѣхъ непорядкахъ гражданскихъ и церковныхъ въ области государственнаго строя и правленія, а, во-вторыхъ, о несправедливостяхъ въ дѣлахъ тѣхъ изъ гражданъ, кто или по слабости своей,—какъ сироты и вдовы,—или въ силу своего положенія гонимыхъ и страждущихъ, не смогутъ сами противостоять несправедливости, не смогутъ сами бороться съ ней; вотъ они-то и должны прибѣгать къ ген.-ревизору, обязанность котораго давать надлежащую защиту ихъ интересовъ. Тутъ эта защита понимается Зотовымъ, видимо, довольно примитивно, именно, какъ непосредсвенное, конкретное вмѣшательство верховной власти по соотвѣтственному представленію ген.-ревизора. Итакъ, формулируя коротко, ген.-ревизоръ по Зотовскому проекту—облеченный высшими полномочіями представитель верховной власти, держащій въ своихъ рукахъ контроль надъ дѣятельностью сената, во-первыхъ, надъ дѣятельностью всего государственнаго механизма, во-вторыхъ, и, какъ возстановитель права и справедливости, онъ, въ-третьихъ, является защитникомъ всѣхъ тѣхъ, кому самому трудно защищать свои справедливые права и интересы. Не надо, конечно, забывать, что только грубыми, примитивными штрихами очерчена эта фигура ген.-ревизора въ такомъ ея видѣ у Зотова.

И если мы теперь сравнимъ такое Зотовское построеніе съ построеніемъ ген.-прокуратуры, какъ она рисовалась Петру по первой редакціи «Должности», то несомнѣнно увидимъ много общаго. Это было уже отмѣчено Павловымъ-Сильванскимъ и заставило его даже предположить въ Зотовѣ,—едва-ли основательно,—автора этой редакціи (см. первый очеркъ). Вѣдь совершенно ясно (см. опять первый очеркъ), что только-что приведенная выше краткая характеристика Зотовскаго ген.-ревизора въ этихъ общихъ,—но въ то-же время и основныхъ,—чертахъ своихъ совершенно точно совпадаетъ съ такой-же краткой, но въ основныхъ чертахъ полной, характери-

стикой ген.-прокурора по первой редакціи «Должности». Вспомнимъ, что по первой редакціи, вѣдь, и генералъ-прокуроръ являлся въ роли высшаго лица, агента верховной власти въ русскомъ бюрократическомъ мірѣ, въ рукахъ котораго долженъ былъ сосредоточиваться надзоръ за правильнымъ, законнымъ ходомъ управленія страной прежде всего въ сенатѣ,—а затѣмъ онъ являлся защитникомъ и оберегателемъ интересовъ всѣхъ слабыхъ и обиженныхъ; также, какъ и въ проектѣ Зотова, ген-прокуроръ первой редакціи,—съ одной стороны,—высшій, всеобъемлющій контролеръ дѣятельности государственныхъ установленій, а съ другой,—это—представитель и защитникъ интересовъ всѣхъ, недостаточно въ своихъ правахъ огражденныхъ, подданныхъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что почти тождествены въ основѣ своей генералъ-ревизоръ Зотова и генералъ-прокуроръ Петра Великаго по первоначальному его замыслу. Не будемъ останавливаться на значительной разницѣ въ обрисовкѣ этихъ двухъ фигуръ при разсмотрѣніи и сравненіи второстепенныхъ чертъ каждой изъ нихъ. Эта разница есть; и даже она очень наглядна. Итакъ, тотъ общій абрисъ генералъ-прокурора, какимъ онъ вышелъ въ первой редакціи «Должности», является совершенно подобнымъ абрису того ген.-ревизора, котораго нарисовалъ въ своемъ письмѣ-проектѣ Кононъ Зотовъ. А съ другой стороны, генералъ-прокуроръ французской дѣйствительности начала XVIII в. послужилъ прототипомъ Кононовскаго генералъ-ревизора. Такъ несомнѣнно устанавливается опредѣленное вліяніе одноименнаго установленія Франціи во всякомъ случаѣ на первую редакцію «Должности» русскаго генералъ-прокурора.—Это-же вліяніе, однако, приходило не только со стороны Зотова; пришло оно и еще откуда-то, возможно, изъ личнаго опыта и данныхъ, бывшихъ въ рукахъ самаго Петра. Все это будетъ возможно болѣе опредѣленно выяснить только послѣ того, какъ мы въ краткихъ хотя-бы чертахъ представимъ себѣ институтъ французской генералъ-прокуратуры въ его основныхъ моментахъ къ десятымъ годамъ XVIII вѣка.

II.

Французская прокуратура во главѣ съ генералъ-прокуроромъ не была создана сразу или въ короткій срокъ какимъ-либо законодательнымъ актомъ. Она развивалась постепенно, органически, выростая и формируясь въ концѣ концовъ въ институтъ съ корнями, глубоко заложенными въ исторіи эво-

люціи французскаго государственнаго строя. Генералъ прокуроръ въ его значеніи и роли начала XVIII в. появляется еще въ срединѣ XIV в., около 1356 года приблизительно [1]); но и тутъ онъ появляется, какъ уже въ сущности завершеніе процесса образованія прокуратуры. Объ этомъ институтѣ во Франціи необходимо прежде всего отмѣтить, что онъ тѣсно и неразрывно связанъ съ судомъ, съ судебными учрежденіями страны; и тѣ его функціи, которыя не носили такого опредѣленно судебнаго характера, въ концѣ концовъ всетаки опирались и вытекали именно изъ его судебнаго значенія. Въ судѣ прокуроръ былъ прежде всего и главнымъ образомъ представитель королевской особы: онъ былъ однимъ изъ gens du roi, защитникомъ и наблюдателемъ интересовъ и прерогативъ именно и только своего короля.

Но если постепенно интересы короля все болѣе и болѣе становились интересами государственнаго характера, съ одной стороны, а съ другой—учрежденія судебныя (именно—парламенты) получали не только судебныя, но болѣе широкія, государственно-политическія функціи, то понятно, что роль прокуратуры становится уже ролью не только чисто судебнаго характера; прокуратура принимаетъ опредѣленную окраску государственнаго установленія съ болѣе широкой государственной компетенціей; изъ частнаго представителя и блюстителя интересовъ королевской особы на судѣ и въ королевскихъ домэнахъ прокуроръ превращается въ представителя государственной королевской власти на всей территоріи государства, сохраняя однако за собой преимущественно судебныя функціи въ этомъ представительствѣ.

Въ средніе вѣка можно наблюдать, какъ общій принципъ, что каждый долженъ былъ самъ за себя лично хлопотать передъ судомъ; и только уже впослѣдствіи признано было за королемъ, затѣмъ высшимъ духовенствомъ и сеньорами право дѣйствовать на судѣ чрезъ повѣренныхъ; эти повѣренные короля (procureur) были обычно или généraux, если представительствовали по ряду дѣлъ, или speciaux, если назначались для какого-либо одного конкретнаго дѣла. При Людовикѣ Святомъ и Филиппѣ Смѣломъ уже состояли постоянно при бальи и сенешаляхъ люди свѣдующіе въ законахъ, чтобы защищать на судахъ интересы короля; и они не были государственными чиновниками до самаго 14 вѣка. Сперва даже ихъ назначеніе зависѣло отъ бальи и сенешалей, и только позже они назна-

---

[1].) См. *Herion de Panzey*. De l'autorité judiciaire en France. P. 1827 v. I, p. 285.

чались уже прямо королемъ. Однако, къ срединѣ 14 вѣка, когда королевская власть все болѣе пріобрѣтала характеръ власти государственной, а не частно-феодальной, и прокуратура перешла изъ области частнаго права въ сферу права публичнаго, становясь государственнымъ установленіемъ. Въ это время всѣ прокуроры уже становятся généraux въ томъ смыслѣ, какъ это понималось ранѣе, т. е. являются вообще, а не только для того или иного дѣла, представителями королевской особы, и, можетъ-быть, нынѣ главнымъ образомъ уже представителями королевской *власти*. Тотъ же прокуроръ, который находился при высшемъ судебномъ,—и не только судебномъ, какъ извѣстно,—учрежденіи королевства, при парижскомъ парламентѣ, получилъ спеціальное званіе procureur général. Сперва другъ отъ друга независимые, понемногу представители королевской прокуратуры стали попадать все болѣе въ зависимость отъ генералъ-прокурора, тѣмъ самымъ ставшаго постепенно во главѣ всего института.

Обязанности прокуратуры росли и видоизмѣнялись вмѣстѣ съ ростомъ и видоизмѣненіемъ самого учрежденія. Сперва прокуроръ—представитель интересовъ короля преимущественно гражданскихъ, частноправовыхъ; но уже и тутъ вмѣшивался посторонній этимъ интересамъ элементъ государственнаго, публичнаго права: прокуратура слѣдила за интересами короны и въ отправленіи функцій правосудія, такъ какъ функціи эти были искони привилегіей короля, а вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, въ то время касались его частно-правового интереса, поскольку ихъ отправленіе было сопряжено съ полученіемъ доходовъ. Слѣдовательно, основная обязанность прокуратуры d'intervenir et de réquerir dans toutes les causes, oú le roi était interessé, слѣдить за ненарушеніемъ l'interét royal, dont ils étaient chargés [1]). Эта обязанность видоизмѣнялась по мѣрѣ видоизмѣненія самаго существа королевскаго «интереса»: сначала это—интересъ частноправового только съ нѣкоторой примѣсью публичнаго характера, а затѣмъ, въ концѣ концовъ этотъ «интересъ» становится интересомъ почти чисто государственнаго характера; и прокуратура переходитъ, сообразно этому, изъ частноправового института въ государственное установленіе публичнаго права. Таково въ краткихъ общихъ чертахъ развитіе французской прокуратуры до 17 вѣка [2]).

---

[1]) См. *Esmein*. Cours elémentaire d'histoire du droit français. P. 1895, p. 410.

[2]) См. подробнѣе: *Esmein*. Op. cit. p. 406—410 и *Aubert*. Histoire du parlement de Paris. T. I, p. 160 et cet.

Если сперва прокуратура защищала интересы короля частноправовые, то затѣмъ не только «les droits pecuniaires de la royauté, c'est l'interet public même que ces procureurs et avocats furent appéllés à defendre devant les tribunaux», потому-что король уже сталъ разсматриваться, какъ «le representant de l'interet public» [1]). Но при этомъ необходимо помнить, что и по происхожденію своему, какъ видѣли, прокуратура должна была быть особенно связана съ *судебными* учрежденіями государства, и по первоначальнымъ функціямъ своимъ въ ея дѣятельности на первомъ, основномъ, планѣ должна была стоять дѣятельность *въ судѣ* и передъ *судомъ*. И разъ она преслѣдовала нарушителей королевскихъ интересовъ, преслѣдовала ихъ передъ судебнымъ трибуналомъ, то естественно роль ея на судѣ сводилась въ большой мѣрѣ къ роли оффиціальнаго обвинителя. Это всетаки оставалось все время основной функціей прокуратуры, какъ учрежденія, и генералъ-прокурора, какъ главы этого учежденія; къ 1667 году вся обвинительная государственная власть и сила свелась окончательно въ руки генералъ - прокурора, и онъ сталъ прежде всего государственнымъ обвинителемъ передъ судомъ [2]). У прокуратуры все время была и формальная тѣснѣйшая связь именно съ судебными установленіями: парламентъ могъ давать ген.-прокурору порученія, съ вѣдома парламента ген.-прокуроръ отлучался въ отпускъ; было принято незыблемо, что, говоря передъ парламентомъ, представитель прокуратуры долженъ былъ всегда стоять [3]). Въ концѣ-концевъ у французской прокуратуры даже появилась такая солидарность съ парламентской магистратурой, что эти gens du roi не только не противились парламентамъ, когда эти послѣдніе возстали противъ королевской власти, а наоборотъ; «agens du monarque auprés des cours de justice, les officiers du ministère public auraient du s'opposer à leur désobeissance, à leurs pretentions excessives; mais non seulment ils partagèrent leur opposition, le plus souvent ils les provoquèrent eux-memes» [4]).

Широкая и сложная компетенція образуется у французской генералъ-прокуратуры къ 17 вѣку, когда она болѣе или менѣе устанавливается окончательно въ своихъ основныхъ чертахъ. «Par l'intermediaire de cette magistrature,—говоритъ одинъ изъ историковъ французскаго права,—le roi voyait tout, entendait

---

[1]) *Esmein*. Op. cit., p. 410.

[2]) См. *Delpon*. Essai sur l'histoire de l' action publique et du ministère public. P. 1830. T. II, p. 37 et cet.

[3]) См. *Henrion d'Pansey*. Op. cit., p. 295—300.

[4]) См. *Delpon*. Op. cit., p. 127.

tout, était present par tout. Il surveillait l'execution des lois, la conduite des juges, les actions des citoyens, il concourait à la confection des reglements de police, et les faisait éxecuter; enfin il assistait aux deliberations de tous les corps et de toutes les corporations de l'Etat. La conservation des droits du domaine, des prérogatives de la couronne et de l'autorité royal était surtout l'objet de l'infatigable sollicitude de ces magistrats» [1]). Таково было положеніе генералъ-прокурора по отношенію королевской власти; онъ является въ точномъ и полномъ смыслѣ глазами короля, чрезъ посредство которыхъ король можетъ слѣдить за правильностью хода всего государственнаго механизма. Такъ за французской прокуратурой, несомнѣнно, должна быть признана высшая контролирующая функція въ государственномъ механизмѣ. Съ другой стороны,—и это любопытно съ нашей специальной точки зрѣнія,—генералъ-прокуроръ въ то же время какъ бы особенно долженъ былъ обращать вниманіе на ненарушимость интересовъ королевскаго, государственнаго фиска. Одинъ изъ французскихъ историковъ прокуратуры такъ характеризуетъ роль генералъ-прокурора: «il etait surveillant de l'administration du domaine; il pouvait requérir tout ce qu'il croyait être favorable aux droits de la couronne; il devait rendre plainte contre les administrateurs et les autres agents infidèles; il avait le droit de demander des reglements nouveaux pour les cas nonprévus et pour ceux qui exigeaient de novelles decisions; enfin rien ne bornait l'action publique dans tout ce qui avait pour l'objet la conservation des droits du fisc» [2]). Такъ, ранѣе охрана частныхъ имущественныхъ интересовъ короля, а впослѣдствіи охрана финансоваго интереса уже всего государства вошла въ компетенцію генералъ-прокурора. Но въ этой компетенціи была еще одна очень замѣтная сторона, на которую, видимо, и современники обращали вниманіе; по крайней мѣрѣ, въ одномъ старомъ актѣ, въ характеристикѣ роли ген.-прокуратуры есть слѣдующія слова: ген.-прокуратура создана между прочимъ для того, «pour s'opposer à l'oppression des grands envers les petits, pour les proteger, et pour la promotion et aussi defence de toutes autres choses concernans le bien public» [2]). Заботы объ «общемъ благѣ» тоже, слѣдовательно, такъ или иначе возлагались на плечи генералъ-прокурора. А потому и понятно, что онъ долженъ былъ имѣть «la police des prisons; il tenait registre des prisonniers, il devait les visiter, s'enquerir

---

[1]) См. *Henrion de Pansey,* op. cit., p. 288—289.
[2]) *Delpon.* Op. cit., p. 15—16.
[2]) См. *Bastard d'Estang.* Les parlements de France. P. 1857. T. I, p. 301.

de leur nourriture et entretien»[1]). Такъ французскій генералъ-прокуроръ являлся защитникомъ слабыхъ и покровителемъ угнетенныхъ, какъ оффиціальное лицо: это было тоже его «должностью». Таковы главнѣйшія линіи. Попробуемъ теперь, слѣдя за Aubert'омъ, сформулировать въ конкретныхъ чертахъ основныя функціи генералъ-прокуратуры во Франціи, какъ онѣ сложились уже въ XVI вѣкѣ. У генералъ-прокуратуры обязанность «первая, основная состояла въ томъ, чтобы защищать всегда и во всемъ право короля, короны и надзирать за ненарушимостью королевскихъ владѣній»[2]). Эта обязанность слагалась конкретно изъ ряда слѣдующихъ отдѣльныхъ, болѣе мелкихъ. Во-первыхъ, генералъ-прокуроръ долженъ былъ давать свое мнѣніе при всякомъ регистрированіи всякихъ привилегій, во всякомъ ихъ видѣ, кому бы онѣ ни давались, имѣя въ виду тутъ именно защиту королевскихъ интересовъ, дабы какъ-либо не пострадали они отъ дачи тѣхъ или иныхъ привилегій. Затѣмъ, во-вторыхъ, генералъ-прокуроръ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы кто-либо изъ людей знатныхъ и сильныхъ не пользовался неприсвоенными ему титулами и тѣмъ не посягалъ на права короны. Въ-третьихъ, генералъ-прокуроръ могъ вмѣшиваться во всѣ правительственные дѣйствія и акты,—и въ акты о торговлѣ, и въ учрежденіе университетовъ, и въ мирные трактаты съ иностранными государствами,—вездѣ имѣя въ виду сохранность и ненарушимость интересовъ королевскихъ; онъ имѣлъ право вмѣшиваться, останавливая и направляя, во всѣ стадіи судебной процедуры, если замѣчалъ гдѣ-либо что-либо несогласное съ королевскими интересами. Въ-четвертыхъ, онъ наблюдаетъ за назначеніями королевскихъ чиновниковъ, разсматривая, насколько они удовлетворяютъ имъ предъявляемымъ требованіямъ. Въ-пятыхъ, генералъ-прокуроръ наблюдаетъ за дѣятельностью агентовъ правительства и, въ случаѣ нарушенія ими служебныхъ интересовъ, интересовъ короля, возбуждаетъ противъ нихъ судебное преслѣдованіе. Наконецъ, въ-шестыхъ, онъ наблюдаетъ за дѣлами религіи и церкви, зорко слѣдя, чтобы тутъ какъ-либо не послѣдовали нарушенія и умаленія интересовъ и прерогативъ короны. Въ такихъ конкретныхъ формахъ должна была выражаться первая основная обязанность французскаго ген.-прокурора—всячески охранять права королевской власти и ея интересы.

Слѣдующей основной обязанностью генералъ-прокурора Aubert считаетъ «le maintien de l'ordre public et en consequence

---

1) См. *Bastard d'Estang*. Op. cit., стр. 304.
2) *F. Aubert*. Op. cit., p. 147.

la poursuite d'office des coupables». Такъ процессы по измѣнѣ государственной, процессы объ оскорбленіи величества, о злоупотребленіи властью входили естественно въ сферу дѣятельности генералъ-прокурора. Съ этой-то стороны преимущественно входило въ задачу дѣятельности генералъ-прокурора «à requerir l'execution des lois, à indiquer les infractions, les abus de l'administration, et à demander des reformes et au besoin—des punitions»; сюда же входила и обязанность генералъ-прокурора, какъ представителя короля и какъ бы отъ имени этого послѣдняго защищать miserabiles personae и наблюдать за ненарушеніемъ ихъ интересовъ [1]).

Остается еще только сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ генералъ-прокуратуры къ парижскому парламенту, при которомъ она состояла. Прежде всего въ отношеніи парламента, совмѣстно съ канцлеромъ, генералъ-прокуроръ maintient les usages, les traditions du parlement, fait observer les reglements, les ordonnances par les conseillers, les avocats, les procureurs et les plaideurs, par les huissiers, par tous ceux qui à un titre quelconque font partie du parlement [2]). Онъ постоянно вмѣшивался въ дѣловеденіе парламента, хотя въ XV в. эти вмѣшательства были сравнительно еще не такъ часты; однако, уже изъ того времени Aubert приводитъ одинъ образчикъ такого вмѣшательства, обрисовывающій конкретно эту роль генералъ-прокурора. Въ засѣданіи 14 декабря 1490 г. парламентъ постановилъ сдѣлать опись имущества только-что умершаго члена парламентской магистратуры, нѣкоего Жана Авиля; душеприказчики покойнаго требовали, чтобы «doyen et Chapitre de Paris ne fussent plus admis à faire opposition». Прокуроръ высказался за такое ходатайство душеприказчиковъ, однако съ нѣкоторыми дополненіями и оговорками. Парламентъ принялъ это мнѣніе генералъ-прокурора цѣликомъ и сообразно ему поступилъ [3]).

Вслѣдствіе того, что генералъ-прокуроры являлись всетаки «людьми короля», именно черезъ нихъ король обычно направлялъ въ парламентъ свои указы для ихъ регистраціи (enregistrement) [4]). Съ другой стороны,—генералъ-прокуроры дѣлали постоянныя представленія парламенту по поводу различныхъ вопросовъ и мѣропріятій общей администраціи, полиціи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія. «Трудно найти,—

---

[1]) F. Aubert. Op. cit., p. 165 et 166.
[2]) Ib., p. 167—168.
[3]) *Aubert.* Op. cit., p. 167.
[4]) *Delpon.* Op. cit., p. 13. T. II.

говоритъ по этому поводу Delpon,—какую-либо отрасль общей администраціи, которая-бы не привлекала къ себѣ взглядовъ представителей прокуратуры» [1]).

Такъ ширилась, росла и устанавливалась роль и значеніе генералъ-прокуратуры во Франціи, усложняясь, прихотливо извиваясь и видоизмѣняясь, все шире захватывая государственную жизнь, соединяя казалось-бы несоединимое, совмѣщая въ себѣ крайне логически и юридически разнородные элементы. Трудно было постороннему и неопытному глазу разобраться въ томъ тонкомъ и сложномъ кружевѣ, въ которое сплелись всѣ нити, въ цѣломъ являвшіяся смысломъ и сущностью французской генералъ-прокуратуры къ началу XVIII в. Невозможно было въ этихъ тонкихъ плетеніяхъ, находившихъ себѣ объясненіе и оправданіе въ своеобразной исторіи государственнаго строя Франціи предшествовавшихъ вѣковъ, въ своеобразной юридическо-государственной мысли, тамъ въ это время вырабатывавшейся, невозможно было въ этомъ ясно и болѣе или менѣе точно разобраться уму, далекому отъ этой французской культуры, а тѣмъ болѣе уму мало развитому, крайне примитивному въ области государственно-юридическаго мышленія, каковымъ являлся умъ самаго образованнаго, самаго европеизированнаго русскаго человѣка начала XVIII вѣка; онъ могъ поневолѣ схватывать болѣе или менѣе разрозненно, только кое-что, наиболѣе яркое изъ хитросплетенія существа французской прокуратуры, и только то преимущественно, что по тѣмъ или инымъ причинамъ останавливало особенно его вниманіе, особенно интереснымъ ему казалось. Именно такъ только и могъ подойти къ разсматриваемому институту Кон. Зотовъ: только такъ онъ и могъ въ немъ разобраться; да и не одинъ онъ, а всякій русскій его типа, подходившій къ французской генералъ-прокуратурѣ. Такимъ образомъ, не пересадить на русскую почву весь въ его сложномъ цѣломъ институтъ этотъ могъ русскій реформаторъ начала XVIII в., а только усвоить себѣ отрывочно и примѣрно, такъ сказать, содержаніе этого института въ той части его, съ той стороны его, которая-бы такъ или иначе возбудила особенный его интересъ, или была-бы особенно доступна его примитивному юридическому пониманію. Всѣ вышеизложенныя мысли едва-ли надо особо доказывать; стоитъ только сравнить изложеніе Зотовскаго проекта съ вышеприведенными краткими и общими штрихами дѣйствительнаго существа французской генералъ-прокуратуры, чтобы

[1]) *Delpon*, p. 90—92.

ясно увидѣть непосредственную иллюстрацію, достаточно доказательную по нашему мнѣнію, для только-что выраженныхъ общихъ положеній.

III.

Недавно учрежденный сенатъ нуждался въ регулированіи его дѣятельности, въ надзорѣ за правильнымъ ходомъ его работы; это давно уже, видимо, сознавалъ Петръ. И не только одинъ сенатъ нуждался въ этомъ; это тоже какъ-будто понималъ Петръ. Онъ долго искалъ практическаго исхода въ удовлетвореніе этой потребности: и оберъ-секретарь, и гвардіи офицеры, и особый генералъ-ревизоръ въ лицѣ Зотова-отца привлекались къ этому дѣлу, а все что-то, очевидно, не клеилось. Была создана большая административная машина съ сенатомъ во главѣ; не могъ уже лично монархъ все регулировать, все контролировать; а что безъ этого регулятора и контроля дѣло шло плохо, это, видимо, Петръ чувствовалъ. Согласно духу времени, стали искать помощи въ чужихъ краяхъ; стали тамъ выискивать примѣръ, и нашли его во Франціи; нашелъ его и Кон. Зотовъ, нашелъ его и Петръ: показался имъ французскій генералъ-прокуроръ,—а съ нимъ и весь институтъ прокуратуры,—нужнымъ образцомъ, искомымъ примѣромъ. И естественно, что увидѣли они въ этомъ образцѣ только то, чего они искали; они увидѣли въ генералъ-прокуратурѣ только тѣ ея стороны, только тѣ ея черты,—и притомъ въ грубой ихъ проекціи,—которыя характеризуютъ это учрежденіе со стороны его административно-политической дѣятельности. Мы уже видѣли, какъ даже эту сторону примитивно воспринялъ умъ Кон. Зотова; думаемъ, что не былъ подготовленъ къ болѣе тонкому пониманію роли генералъ-прокурора во Франціи и умъ Великаго Преобразователя. Такъ въ результатѣ нѣкоторыя главнѣйшія черты одной стороны въ дѣятельности французской генералъ-прокуратуры легли въ основаніе русскаго института того же наименованія. Попробуемъ выяснить подробнѣе всѣ, по возможности, основные пункты такого рода заимствованія не учрежденія въ его цѣломъ съ его статутомъ, а только нѣкоторыхъ основныхъ моментовъ сущности этого установленія, понятыхъ въ произвольномъ ракурсѣ, въ упрощенномъ видѣ, какъ то возможно было для русскихъ людей начала XVIII в. и съ точки зрѣнія того, что имъ было надобно имѣть въ данный моментъ.

У французской ген.-прокуратуры къ XVIII вѣку можно разсматривать, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, четыре рода функцій. Это,—во-первыхъ, функціи ея чисто-судебнаго характера, во-вторыхъ, функціи ея по отношенію къ парламенту, какъ учрежденію, въ-третьихъ, функціи въ отношеніи королевской власти, и наконецъ, въ-четвертыхъ, функціи въ сферѣ общаго управленія страной. Функціи чисто судебныя, все значеніе и роль ген.-прокуратуры, какъ установленія судебнаго, очевидно выпали совсѣмъ изъ сферы вниманія и Зотова, и Петра; имъ эта сторона дѣятельности была неинтересна и ненужна, а потому они просто прошли мимо нея, оставивъ ее въ сторонѣ. Для нихъ былъ поставленъ вполнѣ опредѣленный запросъ, запросъ созданный конкретной дѣйствительностью тогдашней русской жизни: механизмъ сенатскаго правленія требовалъ регулятора, и его создать въ удачныхъ формахъ никакъ не удавалось; требовался онъ также и для всего механизма создаваемаго государственнаго управленія; и ясно было, что фискалатъ тутъ не разрѣшилъ задачи. А между тѣмъ, въ существѣ французской генералъ-прокуратуры несомнѣнно имѣются функціи, дающія ей именно эту контролирующую, регулирующую силу въ государственномъ механизмѣ. Таковы всѣ функціи генералъ-прокуратуры въ отношеніи парламента, какъ учрежденія; того-же рода функціи ея въ отношеніи ко всему механизму управленія Франціей; къ этому имѣютъ несомнѣнно касательство и ея функціи въ отношеніи королевской власти. Все это естественно и оказалось тѣмъ, что́ привлекло къ себѣ вниманіе Петра Великаго и Зотова, явилось тѣмъ основнымъ матеріаломъ, который и былъ использованъ, какъ сейчасъ увидимъ, цѣликомъ при созданіи «Должности генералъ-прокурора».

Роль и обязанности французскаго ген.-прокурора въ отношеніи его къ тому парижскому парламенту, при которомъ онъ состоялъ, сводятся къ слѣдующимъ общимъ моментамъ: 1) ген.-прокуроръ слѣдитъ за точнымъ выполненіемъ всѣхъ правилъ, порядковъ и традицій, въ которыхъ должна протекать дѣятельность парламента; затѣмъ, 2) ген.-прокуроръ слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ парламентомъ всѣхъ общихъ регламентовъ и ордонансовъ, иначе говоря, за законностью дѣйствій парламента; 3) ген.-прокуроръ всегда долженъ вмѣшиваться въ дѣлопроизводство парламента со своимъ мнѣніемъ и заключеніемъ по дѣлу; и наконецъ, 4) ген.-прокуроръ дѣлаетъ парламенту соотвѣтственныя представленія, если замѣчаетъ необходимость какихъ-либо исправленій и дополненій

въ общей администраціи страны,—особенно, въ вопросахъ полиціи въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Теперь сравнимъ такъ намѣчаемыя отношенія французскаго ген.-прокурора къ парламенту съ отношеніями того-же института въ Россіи къ сенату по первой редакціи «Должности» (см. ея текстъ въ приложеніи). Тутъ ген.-прокуроръ долженъ былъ, во-первыхъ, смотрѣть въ сенатѣ за общимъ порядкомъ веденія дѣлъ и за ненарушеніемъ имъ какихъ-либо регламентовъ и указовъ. Несомнѣнно, это тождественно первому и второму пунктамъ отношеній французскихъ, только-что выше намѣченныхъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, ген.-прокуроръ обязанъ вмѣшиваться въ дѣлопроизводство сената, давать свои мнѣнія по дѣламъ и протестовать, ихъ останавливая, если замѣтитъ какія-либо нарушенія законовъ, по его мнѣнію. Ясно, что этотъ пунктъ близко подходитъ въ своемъ смыслѣ,—но рѣзче выраженъ,—къ пункту третьему отношеній французскаго одноименнаго института къ парламенту. Но пункты третій отношеній русскаго ген.-прокурора къ сенату и пунктъ четвертый параллельныхъ отношеній во Франціи отличны другъ отъ друга совершенно. Именно, по первой редакціи «Должности» ген.-прокуроръ обязанъ наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ рѣшенія и постановленія сената не являлись только канцелярской формой, а немедленно точно приводились въ надлежащее исполненіе. Какъ видѣли, такого или хотя-бы отдаленно подобнаго, пункта въ отношеніяхъ французскихъ не было совсѣмъ. Съ другой стороны, не попалъ въ первую редакцію и пунктъ четвертый отношеній французскихъ: обязанность генералъ-прокурора дѣлать представленія парламенту по дѣламъ управленія, «требующимъ поправленія», по терминологіи 18 вѣка.

Интересно, что въ общемъ тѣ-же соотношенія остались въ этомъ направленіи между окончательной редакціей «Должности» и французскими порядками, кромѣ послѣдняго пункта: опущенный въ первой редакціи, онъ былъ введенъ въ окончательную (10 п.) только въ болѣе, можетъ-быть, категорической и широкой формѣ, чѣмъ то можно прослѣдить во французской ген.-прокурорской практикѣ. Такимъ образомъ можно сказать, что основныя черты въ дѣловыхъ отношеніяхъ французской ген.-прокуратуры къ парламенту были повторены во всемъ ихъ объемѣ въ окончательной редакціи «Должности» русскаго ген.-прокурора въ отношеніяхъ его къ сенату послѣ, видимо, нѣкотораго колебанія; но былъ прибавленъ моментъ не французскаго, а, пожалуй, своего, русскаго, происхожденія; моментъ, не мѣняющій однако, нисколько существа учрежденія: это—обя-

занность ген.-прокурора слѣдить за дѣйствительнымъ, а не формальнымъ только веденіемъ дѣла сенатомъ. Такъ во французскую канву былъ вплетенъ и свой русскій узоръ.

Эта французская канва шла далѣе. Отношенія ген.-прокурора и его роль въ общемъ управленіи страной во Франціи, несомнѣнно, отразились цѣликомъ почти на русской «Должности», но тоже претерпѣли нѣкоторое, какъ увидимъ, видоизмѣненіе.

Первая редакція очень близко повторяетъ въ этомъ французскій оригиналъ.

Генералъ-прокуроръ во Франціи, во-1-ыхъ, прежде всего, имѣлъ право вмѣшиваться во всѣ тѣ дѣйствія властей, гдѣ онъ находилъ затронутымъ и нарушеннымъ чѣмъ-либо королевскій интересъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого термина; поэтому во-2-ыхъ, въ его рукахъ было сосредоточено наблюденіе за законнымъ поведеніемъ чиновниковъ, агентовъ правительственной власти, и ихъ преданіе суду въ нужныхъ случаяхъ. Затѣмъ, въ 3-ихъ, генералъ-прокуроръ являлся должностнымъ защитникомъ правъ всѣхъ слабыхъ и обиженныхъ, а также всѣхъ сидящихъ въ тюремномъ заключеніи. Наконецъ въ 4-ыхъ, ему были поручены, видимо, въ особое надзираніе, дѣла двухъ установленій: государственнаго королевскаго фиска и церкви, чтобы тутъ не происходили какія-либо съ правительственной точки зрѣнія нежелательныя, королевскому интересу противныя явленія. Такъ слагаются основныя черты отношенія во Франціи генералъ-прокуратуры къ общему управленію страной. Эта схема является очень точно воспроизведенной въ первой редакціи «Должности» и терпитъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ окончательной редакціи, въ основномъ существѣ, однако, оставаясь подобной.

Пунктъ 2-ой и 3-ій первой редакціи «Должности» опредѣленно ставятъ задачей ген.-прокуратуры въ отношеніи общей администраціи надзоръ за интересами обиженныхъ и слабыхъ, вручая именно ген.-прокурору заботу и контроль въ томъ, чтобы эти интересы никогда не терпѣли ущерба отъ малосильности ихъ носителей; и особое попеченіе объ этомъ долженъ былъ имѣть ген.-прокуроръ въ отношеніи сидящихъ въ тюрьмахъ колодниковъ, всячески не давая во власть сильныхъ ихъ законные интересы; наблюденіе за тюрьмами въ этомъ отношеніи, какъ и во Франціи,—мы только-что отмѣтили,—такъ и въ Россіи было въ рукахъ и въ обязанностяхъ прокуратуры во главѣ съ генералъ-прокуроромъ.

Сравнительно туманно въ первой редакціи выражены функціи генералъ-прокурора относительно общей администраціи

государства. Его контролирующая роль, его право вмѣшательства всюду, гдѣ-бы онъ ни замѣтилъ нарушенія государственнаго интереса, все это собственно ясно оговорено только въ отношеніи судебныхъ дѣлъ, въ отношеніи юстиціи; категоричнѣе и шире все это было во французской практикѣ. Но окончательная редакція «Должности», косвенно хотя, однако выразила это уже много опредѣленнѣе и ближе къ французскому оригиналу: вѣдь наблюдая за прокурорами и ихъ дѣятельностью, «инстигуя» ихъ представленія передъ сенатомъ, руководя всѣмъ прокурорскимъ институтомъ,—какъ то выходитъ по окончательной редакціи «Должности»,—ген.-прокуроръ тѣмъ самымъ имѣетъ право вмѣшательства въ движеніе всего административнаго механизма Россіи, играетъ роль главнаго его контролера.

Совершенно опредѣленно въ первой редакціи говорится о наблюденіи ген.-прокурора за дѣлами церковными. Тутъ, конечно, не могло быть тожественности въ силу основной разницы въ положеніи католической церкви во Франціи самаго начала XVIII вѣка и православной церкви въ Россіи въ эпоху Петра Великаго. Если во Франціи королю,—а значитъ и его ген.-прокурору,—приходилось защищаться отъ притязаній папы, вести нѣкоторую борьбу съ церковью, ограждая свои интересы, то въ совершенно иномъ положеніи относительно церкви находился Петръ Великій; въ окончательной редакціи «Должности» о вмѣшательствѣ ген.-прокурора въ церковные интересы уже не говорится ничего.

Въ итогѣ, въ области отношенія ген.-прокуратуры къ административной государственной машинѣ первая редакція русской «Должности» повторяетъ всѣ основные моменты французскаго оригинала, кромѣ одного, только развѣ крайне туманно намѣченнаго: пра́ва вмѣшательства во всѣ стадіи работы государственнаго механизма съ цѣлью контроля надъ его дѣйствіемъ; все это первая редакція имѣла въ виду, видимо, только въ отношеніи функцій государственной юстиціи. Отбросивъ это колебаніе и ясно ставъ въ этомъ на французскую точку зрѣнія, отдавъ подъ контрольное наблюденіе ген.-прокурора, чрезъ его агентовъ, весь механизмъ русскаго управленія, окончательная редакція «Должности» однако въ другомъ отошла отъ оригинала: въ ней уже нигдѣ не говорится о роли ген.-прокурора, какъ защитника слабыхъ и оберегателя ихъ интересовъ, и особенно—заключенныхъ въ тюрьмахъ. Но отзвукъ этого, не найдя себѣ мѣста въ основномъ законодательномъ актѣ, слышится въ практикѣ ген.-прокурорской, по

которой наблюденіе за интересами колодниковъ,—особенно въ смыслѣ своевременнаго разбора дѣлъ, недержаніи ихъ напрасно въ тюремномъ заключеніи,—находило себѣ опредѣленное мѣсто въ прокурорской дѣятельности.

Отношенія ген.-прокуроровъ во Франціи къ верховной власти опредѣлялись прежде всего тѣмъ, что они были «людьми короля» (les gens du roi), почему и не могли не находиться теоретически въ большой къ нему близости. Мы выше видѣли, какъ одинъ изъ французскихъ юристовъ рисуетъ ихъ, этихъ gens du roi, въ ихъ отношеніи къ королю: они являлись его глазами, черезъ нихъ, при ихъ посредствѣ король зналъ (точнѣе—юридически долженъ былъ-бы знать), что̀ дѣлалось во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія. Еще съ самаго основанія ген.-прокуратуры ея задачей было оберегать интересы короля въ его личныхъ владѣніяхъ, въ его домэнахъ. Затѣмъ, когда король издавалъ какой-либо новый ордонансъ, актъ законодательнаго характера, то онъ передавалъ ихъ парламенту чрезъ своего представителя въ немъ, чрезъ генералъ-прокурора. Мы уже отмѣчали, что это теоретическое положеніе французской ген.-прокуратуры въ отношеніи короля не соотвѣтствовало практикѣ 17 и 18 столѣтій; въ эту эпоху уже генералъ-прокуроръ фактически оказался гораздо болѣе связаннымъ съ парламентомъ, чѣмъ съ королемъ, и зачастую становился даже во враждебное къ королевской власти отношеніе, поскольку являлся солидарнымъ съ парламентомъ, такъ или иначе протестовавшимъ противъ короля. Но теорія и внѣшность оставались нетронутыми: генералъ-прокуроръ стоялъ во главѣ «gens du roi»; онъ являлся представителемъ верховной власти въ парламентѣ. Несомнѣнно, эту теорію отношеній французской генералъ-прокуратуры къ королю воспринялъ и повторилъ русскій одноименный институтъ. И по первой редакціи, и по окончательному тексту «Должности» генералъ-прокуроръ прежде всего долженъ быть отнесенъ къ «gens du roi»; онъ также въ сенатѣ являлся представителемъ верховной власти; онъ даже сдѣлался посредникомъ между нею и сенатомъ, чего не было въ такой полной мѣрѣ проведено ни во французской теоріи, ни во французской практикѣ. Общее положеніе ген.-прокурора въ Россіи по первой и по окончательной редакціи «Должности» въ его роли по отношенію верховной власти въ основныхъ штрихахъ было тождественно французскому; достаточно для этого только вспомнить извѣстное выраженіе Петра о томъ, что генералъ-прокуроръ является «окомъ Нашимъ»; вѣдь это же выраженіе встрѣчается и въ первой редакціи. Но

необходимо отмѣтить большія отличія въ русской «Должности», по сравненію съ французскимъ оригиналомъ: русскій ген.-прокуроръ являлся par exellence «homme du roi», однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ верховной власти, однимъ изъ наиболѣе довѣренныхъ; у русскаго генералъ-прокурора не было и не могло быть по «Должности» никакихъ связей съ сенатомъ; онъ стоялъ только около него и надъ нимъ даже постолько, посколько онъ являлся контролеромъ его дѣятельности въ прямомъ и рѣзкомъ, а не смягченномъ и косвенномъ значеніи этого слова, какъ то наблюдается во Франціи. Тамъ генералъ-прокуроръ прежде всего — судебный чиновникъ, укрѣпленный въ своемъ положеніи прочными и давними судебными порядками, освященными и временемъ, и достиженіями достаточно тогда уже развитой французской юридической мысли. Въ Россіи генералъ-прокуроръ сталъ прежде всего homme du roi, особымъ довѣреннымъ лицомъ Монарха, «окомъ» Монарха, который только-что установилъ и созналъ свою власть, какъ власть чисто абсолютическую, на западный образецъ того времени. Если во Франціи генералъ-прокуроръ прежде всего служилъ юстиціи,—то въ Россіи генералъ-прокуроръ прежде всего служилъ той верховной власти, которая создала его въ помощь себѣ. А вслѣдствіе этого совсѣмъ своеобразнымъ путемъ пошло дальнѣйшее развитіе генералъ-прокуратуры въ Россіи XVIII вѣка.

Итакъ, изъ французскаго матеріала въ основаніи своемъ построенъ русскій институтъ генералъ-прокуратуры; нѣтъ почти въ немъ своихъ общаго характера мыслей; пожалуй, двѣ-три частности взяты со шведскаго; а несомнѣнно, что постройка получилась не французская, и тѣмъ болѣе не шведская: требованія даннаго момента и его конкретныхъ условій, приспособляющая мысль Петра и его сотрудниковъ сдѣлали изъ русской генералъ-прокуратуры въ ея цѣломъ нѣчто оригинальное.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Первый генералъ-прокуроръ гр. П. И. Ягушинскій.

I.

Первый по времени, до насъ дошедшій, болѣе или менѣе полный набросокъ «Должности генералъ-прокурора», какъ видѣли, надо отнести ко времени отъ 18 по 28 января 1722 года. Какъ разъ въ то же время, указомъ за подписью Императора, даннымъ «въ Преображенскомъ въ 18 день генваря 1722», состоялось назначеніе «въ генералъ-прокуроры—Павла Ягушинскаго», а «въ оберъ-прокуроры—Григорья Писарева» [1]).

Такъ первымъ генералъ-прокуроромъ,—и единственнымъ за время царствованія Петра Великаго,—сталъ гр. Павелъ Ивановичъ Ягушинскій.

Ягушинскій (или Ягужинскій) родился въ 1683 году; онъ былъ сынъ органиста лютеранской церкви въ Нѣмецкой слободѣ, выѣхавшаго изъ Литвы въ Москву, въ концѣ XVII вѣка. Еще когда будущій ген.-прокуроръ былъ мальчикомъ, на него обратилъ вниманіе фельдмаршалъ гр. Ѳ. Головинъ, и подъ его покровительствомъ онъ началъ службу. Столкнувшись случайно съ Ягушинскимъ, Петръ тоже обратилъ на него вниманіе и зачислилъ его въ гвардію, въ Преображенскій полкъ. Скоро онъ попалъ въ денщики къ Государю и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе любимыхъ Петромъ; къ 1710 году былъ уже камеръ-юнкеромъ и капитаномъ Преображенскаго полка; затѣмъ сталъ неизмѣнно сопровождать Императора въ его походахъ, все болѣе овладѣвая его милостью. Былъ онъ и въ Прутскомъ походѣ 1711 г.; въ этомъ году, 3 августа, уже пожалованъ былъ генералъ-адъютантомъ. Затѣмъ наступаетъ время, когда Ягушинскому приходится заниматься почти исключительно дипломатической дѣятельностью. Начинается этотъ періодъ жизни Ягушинскаго посылкой его въ 1713 году въ Данію, чтобы привлечь её къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ

---

[1]) М. А. М. Ю. Книга сенатская. № 7/95, л. 28.

противъ Швеціи; затѣмъ Петръ посылаетъ его въ Ревель съ полувоеннымъ порученіемъ; затѣмъ Ягушинскій посланъ вести переговоры съ Прусскимъ королемъ; потомъ въ 1716 и 1717 годахъ онъ сопровождалъ Петра въ его заграничномъ путешествіи, затѣмъ участвовалъ въ конгрессѣ на Алландскихъ островахъ. Въ 1720 году съ цѣлымъ рядомъ важныхъ дипломатическихъ порученій Ягушинскій посылается въ Вѣну; наконецъ въ 1721 году Ягушинскій ѣдетъ на Ништадскій конгрессъ, хотя и опоздалъ къ заключенію мира (по интригѣ Остермана). И въ это же время, 2 іюня 1718 года, сенатъ получаетъ слѣдующій указъ Петра: «Господа Сенатъ! въ прошломъ декабрѣ я при отъѣздѣ своемъ начало учинилъ коллегіямъ и, чтобъ оныя въ нынѣшнемъ году себя въ такое состояніе привели, дабы съ будущаго 1719 года въ состояніи были каждая дѣло свое зачать; а когда возвратился я изъ Москвы, тогда нашелъ въ нѣкоторыхъ немного, а въ иныхъ ничего, того ради г.г. президентамъ накрѣпко нынѣ подтверждается, дабы коллегіи свои съ ревностію дѣла производили (понеже сей уже другой указъ), для котораго побужденія приказали мы ген.-маіору Ягушинскому въ Коллегіяхъ часто сей нашъ указъ напоминать, побуждать и смотрѣть» [1]. Итакъ и въ дѣлахъ внутреннихъ преобразованій Ягушинскій тоже принималъ нѣкоторое участіе [2].

Ясно, какъ должны были расширяться житейская опытность и кругозоръ у Ягушинскаго при такой его разносторонней и энергичной дѣятельности. Несомнѣнно притомъ, что первый генералъ-прокуроръ былъ человѣкомъ съ ярко выраженной индивидуальностью. И нѣкоторые изъ его поступковъ, и особенно отзывы современниковъ говорятъ объ этомъ съ полной убѣдительностью. «Видный мужчина, съ лицемъ неправильнымъ, но выразительнымъ и живымъ, со свободнымъ обхожденіемъ, капризный, самолюбивый, былъ очень уменъ и дѣятеленъ; онъ въ одинъ день дѣлалъ столько, сколько другой не успѣвалъ въ недѣлю»; онъ «мысли свои выражалъ безъ лести предъ самыми высшими сановниками, порицалъ ихъ смѣло и свободно»; такъ характеризуетъ Ягушинскаго леди Рондо. «Ягушинскій былъ человѣкъ чрезвычайно талантливый и ловкій», говоритъ Бассевичъ [3]. Талантливость и умъ признаетъ за Ягушинскимъ и Гельвигъ, который свою біографію Ягушин-

---

[1]) *Ивановъ*. Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ, стр. 2.

[2]) Подробныя біографич. свѣдѣнія о Ягушинскомъ см. *Ивановъ*, op. cit., ст. *В. Фурсенко* въ „Рус. Біогр. Словарѣ“ и ст. *Роздаво-Голомбіевскаго* въ т. I-мъ „Собранія біографій кавалергардовъ“.

[3]) Цитирую по ст. *Голомбіевскаго*, стр. 1 и 2.

скаго начинаетъ слѣдующими словами: «человѣкъ вѣрный своему характеру, всегда говорящій правду, не взирающій на личныя отношенія, безъ утайки объявляющій товарищамъ, начальникамъ и самому государю мнѣніе, которое считаетъ справедливымъ—такой человѣкъ, конечно, заслуживаетъ общаго уваженія. Небольшія пятна, отнимающія у картины высшую степень совершенства, исчезаютъ передъ великими заслугами или дѣлаютъ ихъ только еще болѣе замѣтными». Далѣе Гельвигъ даетъ такую общую характеристику первому генералъ-прокурору: «Ягушинскій былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ Петръ I не ошибся, потому-что это дѣйствительно былъ человѣкъ необыкновенныхъ способностей. Его сужденія были очень вѣрны, такъ-что тѣ изъ его подчиненныхъ, которые были выбраны имъ самимъ, конечно, были очень способные люди... Присутствіе духа помогало ему въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и часто даже тогда, когда опрометчивость его вводила его въ большія затрудненія. Онъ былъ очень храбръ и не робѣлъ, не взирая на лица, когда приходилось ему выражать свое мнѣніе, какъ честному человѣку... Съ этими большими дарованіями Ягушинскій былъ вспыльчивъ и горячъ, особенно когда (что́ съ нимъ послѣдніе годы случалось почти ежедневно) бывалъ хмѣленъ» [1]).

Въ то же время Ягушинскій являлся однимъ изъ очень близко стоявшихъ къ Императору людей; по Бассевичу, онъ былъ «однимъ изъ самыхъ угодныхъ Государю денщиковъ»; Ю. Юль свидѣтельствуетъ, что «милость къ нему царя такъ велика, что самъ кн. Меншиковъ отъ души ненавидитъ его и не даромъ: Его Величество до того привыкъ и расположенъ къ Ягушинскому, что со временемъ послѣднему, вѣроятно, удастся лишить Меншикова царской любви и милости» [2]). Такимъ образомъ, несомнѣнно, Ягушинскій былъ изъ немногихъ наиболѣе любимыхъ Петромъ Великимъ его сотрудниковъ. И въ 1722 году этотъ-то Павелъ Ягушинскій былъ поставленъ во главѣ вновь созданнаго института генералъ-прокуратуры. Есть извѣстіе, что передъ своимъ отъѣздомъ въ Астрахань, представляя сенаторамъ новаго генералъ-прокурора, Петръ сказалъ: «вотъ мое око, коимъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія; что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя-бы вамъ показалось, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы однакожъ то исполняйте и, увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте

[1]) Рус. Арх. 1865 г., стр. 424 и 429.
[2]) Цитирую по ст. *А. Голомбіевскаго*, стр. 6 и 2.

моего повелѣнія» [1]). Нельзя не видѣть, что слова эти — совсѣмъ въ духѣ той самой первой редакціи «Должности ген.-прокурора», которую мы разбирали въ первомъ очеркѣ нашемъ.

Ближайшимъ помощникомъ генералъ-прокурора и его замѣстителемъ, какъ видѣли, тѣмъ же указомъ отъ 18 янв. 1722 года Петръ назначилъ Григорія Скорнякова-Писарева. Нѣсколько лѣтъ до этого назначенія своего Скорняковъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, но рано выдвинулся особенно порученіемъ ему слѣдствія по дѣлу Евдокіи Лопухиной и участіемъ въ качествѣ «министра» въ управленіи Тайной Канцеляріей. Видимо, это былъ дѣловитый, достаточно энергичный и очень непріятный въ обращеніи человѣкъ, по способностямъ стоявшій несравненно ниже своего принципала Ягушинскаго. Отношенія генералъ-прокурора и этого перваго оберъ-прокурора были очень нехорошія. Въ одномъ письмѣ Петру Ягушинскій прямо жалуется царю, что ему трудно сдерживать «страсти» сенаторовъ, «особливо будучи безъ всякаго надежнаго вспомощника». Въ письмѣ же, вѣроятно, къ Макарову Ягушинскій такъ писалъ о своемъ «вспомощникѣ»: «Вашему Превосходительству извѣстно, товарищъ мой какого состоянія; и страсти, которыя онъ имѣетъ, извѣстны всему свѣту, и зѣло удивительны его поступки особливо въ Почепскомъ дѣлѣ; такъ за князя (т.-е. Меншикова) рѣжется и, чаю, приговоровъ съ десять переписывано отъ него: что гдѣ можно крючки вскинуть, то не пропуститъ Григорій Григорьевичъ, рьяся противъ сего не по его нраву учиненнаго дѣлу (Почепскаго), вступилъ чуть не со всѣми сенаторами въ злобу, а особливо съ Петромъ Павловичемъ (Шафировымъ) за брата его Михайла, котораго между иными поносительными словами написалъ въ предложеніи своемъ «жидовскаго роду и отца ихъ холопа боярскаго Шанявку»; я надѣюсь, что такая моей апробаціи не можетъ имѣть;... за оберъ-фискала тако-же распинается, и не безъ подозрѣнія онъ мнѣ» [2]). Бар. Шафировъ въ своихъ показаніяхъ по ссорѣ со Скорняковымъ передаетъ слѣдующій эпизодъ, характеризующій отношенія генералъ-прокурора и его помощника: однажды «предложено при бытности генерала прокурора сенату предложеніе за руками ген.-прокурора и его, оберъ-прокурора, дабы опредѣлить въ прокуроры въ надворные суды Отяева да Кутузова, которые сенатскимъ приговоромъ и опредѣлены; но потомъ онъ, оберъ-прокуроръ, ему, генералу-прокурору, предлагалъ на письмѣ, чтобъ оныхъ для нѣкото-

[1]) *Ивановъ*. Op. cit., стр. 2.

[2]) Ст. *Голомбіевскаго* въ „Собр. біографій кавалергардовъ“. Т. I, стр. 8.

рыхъ причинъ въ прокуроры не опредѣлять, на что ему отвѣтствовалъ, что онъ не признаваетъ за ними никакого явнаго пороку, и для того отмѣнить за благо не разсуждаетъ, ибо мнитъ онъ, генералъ-прокуроръ, въ томъ быть нѣкоторой страсти. Но и за тѣмъ отвѣтомъ онъ, оберъ-прокуроръ, предлагалъ сенату, дабы оныхъ прокуроровъ перемѣнить. Но сенаторе, разсмотря генерала-прокурора предложеніе (въ которомъ было изображено, что онъ, генералъ-прокуроръ, перенимаетъ въ томъ отвѣтъ передъ Его Величествомъ на себя) и для того въ томъ ему, оберъ-прокурору, отказано». Скорняковъ подтверждаетъ правильность этого разсказа Шафирова въ отвѣтномъ показаніи, только подробно поясняя, почему онъ сначала подписалъ предложеніе о назначеніи названныхъ прокуроровъ, а затѣмъ,—когда узналъ, что за ними есть неизслѣдованныя еще нехорошія дѣла,—то протестовалъ противъ этого назначенія [1]). Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно было не только разногласіе у Ягушинскаго и Скорнякова, но и достаточно рѣзкое оффиціальное столкновеніе, въ разрѣшеніи котораго принялъ участіе сенатъ. Возможность такихъ эпизодовъ ясно указываетъ на обостренную нелюбовь генералъ-прокурора къ своему помощнику, какъ и обратно.

Ссора Гр. Скорнякова съ сенаторомъ барономъ Шафировымъ, окончившаяся судомъ, какъ извѣстно, повела къ разжалованію Гр. Скорнякова, и такимъ образомъ мѣсто оберъ-прокурора очистилось отъ человѣка, по выраженію Ягушинскаго въ другомъ его письмѣ, «криво толкующе государевы указы» [2]). Уже 5 марта 1723 года въ сенатѣ «генералъ-прокуроръ объявилъ, что Его Императорское Величество указалъ при сенатѣ оберъ-прокуроромъ быть лейбъ-гвардіи капитану Иванову сыну Бибикову» [3]). Несомнѣнно, что новый оберъ-прокуроръ исчезалъ совершенно въ ореолѣ власти своего начальника, съ нимъ такимъ образомъ какъ-бы сливаясь.

II.

Наши поиски хотя-бы остатковъ подлиннаго дѣлопроизводства генералъ-прокурорской канцеляріи за время Ягушинскаго оказались въ результатѣ почти безплодными. Предположеніе, что это дѣлопроизводство могло смѣшиваться первое время съ общимъ по сенатской канцеляріи, не нашло себѣ подтвержденія.

---

[1]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 84/300, л. 20, 30—32.
[2]) *А. Голомбіевскій.* Op. cit., стр. 8.
[3]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 41/1922, л. 120.

Однако, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ существованіи такого дѣлопроизводственнаго фонда. Прежде всего необходимо имѣть въ виду то общее положеніе, что въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка каждое болѣе или менѣе самостоятельное учрежденіе государственное,—хотя-бы даже и невысокое по своимъ функціямъ,—имѣло свое отдѣльное дѣлопроизводство,—и особенно это касается тѣхъ установленій, которыя получали названіе «канцеляріи». А именно такого рода «канцелярія» состояла при Ягушинскомъ, какъ ген.-прокурорѣ, и имѣла сравнительно большой штатъ, что свидѣтельствуетъ объ ея относительной значительности. Точное свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ дѣлахъ сенатской канцеляріи, гдѣ между прочимъ есть «реестръ дѣламъ, которые взнесены на генеральный дворъ *изъ канцеляріи генерала-прокурора*», составленный въ 1722 или 1723 году [1]).

Все это ясно указываетъ, что отъ дѣятельности Ягушинскаго, какъ ген.-прокурора, долженъ былъ остаться непосредственный слѣдъ, въ видѣ дѣлопроизводственнаго фонда генералъ-прокурорской канцеляріи за соотвѣтственное время. Этотъ фондъ, конечно, долженъ былъ-бы служить тѣмъ основнымъ матеріаломъ, на которомъ и надо было-бы строить изслѣдованіе о дѣятельности ген.-прокуратуры при Ягушинскомъ. Но этого фонда мы не могли отыскать, и возникаетъ предположеніе, что онъ погибъ среди тѣхъ, почти тысячи, «сенатскихъ книгъ», которыя сгорѣли въ московскій пожаръ 1737 года.

Такое положеніе вещей заставило прибѣгнуть къ отысканію какихъ-либо слѣдовъ дѣятельности перваго ген.-прокурора среди бумагъ дѣлопроизводственныхъ фондовъ учрежденій, соприкасавшихся болѣе или менѣе близко въ своей дѣятельности съ канцеляріей ген.-прокурора. Тутъ прежде всего приходится обратить вниманіе на фондъ сенатской канцеляріи, на такъ называемыя «дѣла сената» за соотвѣтственное время; и тамъ, дѣйствительно, какъ увидимъ, кое-что имѣется. Дѣла эти, какъ извѣстно, хранятся въ основной своей массѣ въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи и частью—въ Сенатскомъ Архивѣ (книги Высоч. имен. повелѣній). Но дѣла эти чрезвычано велики по объему (сотни книгъ), крайне плохо, не систематично были подбираемы въ самой сенатской канцеляріи, являются только въ самыхъ общихъ чертахъ скорѣе просто зарегистрированными, чѣмъ описанными въ Архивѣ, поэтому пользоваться этимъ матеріаломъ приходилось съ большимъ трудомъ, и спѣшу заранѣе оговориться, я былъ не въ силахъ его проштудиро-

[1]) См. С. А., Кн. Высоч. Имп. ук. № 28, л. 11.

вать отъ доски до доски; пришлось прибѣгнуть до нѣкоторой степени къ выборочной системѣ.

Затѣмъ, вторымъ источникомъ матеріаловъ предлагаемаго очерка явились случайно сохранившіеся обрывки дѣлъ Ягушинскаго по ген.-прокуратурѣ, уже въ царствованіе имп. Елизаветы извлеченные изъ его дома и переданные въ Сенатскій Архивъ, гдѣ нынѣ числятся въ отдѣлѣ «секретныхъ дѣлъ», подъ № 215. Въ 1754 г. по указу императрицы Елизаветы въ описанномъ въ домѣ гр. П. И. Ягушинскаго движимомъ имѣніи его, «при отдачѣ (всей этой движимости) ихъ сыну графу Сергѣю Ягушинскому», «среди домовыхъ писемъ» нашлись «знатно при жизни его (т. е. гр. Павла Ивановича Ягушинскаго) по должности генералъ-прокурорской письма»[1]). Вотъ эти-то «письма» и образовали вышепомянутое дѣло Сен. Архива. Содержаніе этого дѣла сравнительно бѣдно и немного даетъ для исторіи ген.-прокуратуры; имѣющіеся въ немъ документы очень отрывочны; ихъ немного (всего около 200 листовъ); да и не всѣ они относятся собственно къ ген.-прокурорской дѣятельности Ягушинскаго. Однако, въ виду отсутствія основного фонда, эти отрывки его пріобрѣтаютъ значеніе все-таки первостепеннаго источника.

Третьимъ фондомъ, гдѣ несомнѣнно могло сохраниться коечто изъ дѣятельности Ягушинскаго, является фондъ Кабинета Его Величества за Петровское время, тѣ «кабинетскія дѣла», которыя нынѣ хранятся въ Государ. Архивѣ М. И. Д. Ягушинскій лично былъ человѣкъ очень близкій Петру, имъ очень любимый, а потому состоялъ въ постоянной перепискѣ съ Кабинетомъ и по дѣламъ ген.-прокуратуры, какъ и по всякимъ другимъ дѣламъ, находящимся въ его завѣдываніи. Естественно потому искать въ этомъ именно дѣлопроизводственномъ фондѣ отвѣта на многіе вопросы, касающіеся отношеній верховной власти къ ген.-прокурору при Ягушинскомъ.

Затѣмъ, четвертымъ источникомъ могла-бы служить личная переписка Ягушинскаго съ разными лицами. Мы нашли очень мало отрывковъ такой переписки въ Гос. Архивѣ, и ничего въ ней относящагося къ ген.-прокуратурѣ не оказалось. Кое-что въ этомъ отношеніи интересное,—но слишкомъ бѣгло и отрывочно,—опубликовано было изъ писемъ Ягушинскаго, находящихся въ собраніи П. Я. Дашкова, г. Гоздаво-Голомбіевскимъ въ его біографіи Ягушинскаго. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна судьба собранія П. Я. Дашкова, и мы не имѣли возможности воспользоваться подлинниками этихъ писемъ.

[1]) С. А. Секрет. дѣла № 215.

Вотъ тѣ источники, на которыхъ мы строимъ нашъ очеркъ. Ихъ недостаточность и неполнота очевидны; но едва-ли возможно пополнить ихъ чѣмъ-либо существеннымъ; приходится, видимо, примириться съ тѣмъ, что основной матеріалъ для исторіи ген.-прокуратуры при Петрѣ пропалъ болѣе или менѣе безслѣдно; а при такомъ положеніи дѣла, какіе-бы другіе источники мы ни нашли, они всегда будутъ источниками косвенными для разсматриваемаго вопроса, а потому въ концѣ концовъ и недостаточными, и неполными.

Та первая группа источниковъ, о которой мы говорили, т. е. дѣлопроизводство сенатской канцеляріи, сенатскія дѣла, хранятся нынѣ въ Москов. Архивѣ М. Ю.; они перешли туда изъ Сенатскаго Архива, въ коемъ хранились съ основанія этого послѣдняго, одновременнаго учрежденію самаго сената. Исторія ихъ храненія, возстановляемая въ такихъ чертахъ, и имѣющіяся старыя ихъ описи такъ ихъ удостовѣряютъ, что никакихъ сомнѣній въ подлинности и отентичности этого фонда не возникаетъ.—Та вторая группа источниковъ,—секретное дѣло № 215 Сенатскаго Архива,—которую мы выше намѣтили,—попала въ Сенатскій Архивъ не совсѣмъ обычнымъ путемъ; однако, изложенная нами исторія ихъ передачи въ названный архивъ въ 1754 году, исторія, которая явствуетъ изъ нѣсколькихъ соотвѣтственныхъ документовъ, сопровождавшихъ передачу этихъ бумагъ Ягушинскаго въ Архивъ, не возбуждаетъ никакихъ подозрѣній. Разсмотрѣніе внѣшнихъ данныхъ актовъ,—ихъ бумаги и водяныхъ знаковъ, ихъ палеографическихъ и дипломатическихъ признаковъ,—даетъ несомнѣнныя указанія на принадлежность ихъ началу XVIII вѣка. Наконецъ, въ стилѣ и содержаніи ихъ—опять всѣ данныя для ихъ отнесенія именно къ Петровскому времени, къ Петровской канцеляріи и къ фонду генералъ-прокурорской канцеляріи въ частности (документы тутъ почти всѣ носятъ характеръ черновыхъ или отпусковъ). Третья группа источниковъ, нами вышенамѣченная, взята изъ того архивнаго фонда, который носитъ названіе «Кабинета Его Величества Петра Великаго», и краткому обзору котораго мы уже посвятили нѣсколько строкъ въ предыдущемъ очеркѣ. Достовѣрность этого дѣлопроизводственнаго фонда тоже не подлежитъ сомнѣнію.

Нѣсколько въ иномъ положеніи находится четвертая группа источниковъ,—личная переписка гр. Ягушинскаго; тѣ части ея, которыя намъ извѣстны, и которыми мы будемъ пользоваться, въ подлинникахъ своихъ остались намъ неизвѣстны; сохранились эти письма въ частной коллекціи; какъ и

откуда туда попали,—неизвѣстно; прослѣдить исторію ихъ храненія мы не можемъ; критика внѣшняя была недоступна для насъ, за недоступностью подлинниковъ; критика внутренняя очень трудна, такъ какъ мы имѣемъ только отрывки этихъ писемъ изданными г. Гоздаво-Голомбіевскимъ. Однако, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ основаній заподозрѣвать ихъ достовѣрность, мы будемъ пользоваться ими.

Таковъ въ его общемъ тотъ матеріалъ, на которомъ мы будемъ строить очеркъ исторіи первой генералъ-прокуратуры въ царствованіе Петра Великаго.

III.

Въ кабинетной перепискѣ сравнительно мало сохранилось слѣдовъ сношеній Петра съ генералъ-прокуроромъ по сенатскимъ дѣламъ. Объясненія этому могутъ быть даны, конечно, разныя; или часто лично видѣвшій Ягушинскаго Петръ многое передавалъ ему словесно, какъ и обратно; или самъ часто ѣздившій въ засѣданія сената и постоянно встрѣчавшійся съ важнѣйшими сенаторами, Императоръ не особенно нуждался въ помощи своего генералъ-прокурора, самъ въ нѣкоторой мѣрѣ исполняя его обязанности, тѣмъ болѣе, что многіе сенаторы, чуть не чаще бывавшіе при Петрѣ, чѣмъ Ягушинскій, и не менѣе его довѣренные царя, упрощали и облегчали для Императора исполненіе такой роли своего собственнаго генералъ-прокурора. Больше основаній, какъ увидимъ, считать чаще имѣющимъ мѣсто второе объясненіе, и слѣдуетъ это, изъ разсмотрѣнія характера тѣхъ слѣдовъ отношеній Петра къ генералъ-прокурору, которые сохранились въ кабинетныхъ дѣлахъ. Особенно въ этомъ смыслѣ характерно то, что большинство сохранившихся сношеній относятся къ передачѣ Петромъ тѣхъ или иныхъ вопросовъ и задачъ на разсмотрѣніе и разрѣшеніе сената черезъ ген.-прокурора; а благодаря этому, нерѣдко выпадала изъ рукъ ген.-прокурора его самостоятельная «предлагательная» функція въ отношеніи сената и переходила въ руки самаго Императора, при чемъ роль ген.-прокурора сводилась почти исключительно къ роли механическаго посредника между сенатомъ и Императоромъ.

Въ іюнѣ 1722 года директоръ парусной фабрики въ Москвѣ Тиммерманъ жаловался Петру въ особомъ доношеніи, что, во-первыхъ, главный коммиссаріатъ задерживаетъ уплату денегъ за взятый товаръ, а, во-вторыхъ, «по указу» онъ увеличилъ число станковъ на фабрикѣ, чтобъ выткать боль-

шее количество аршинъ тика на мундиры, между тѣмъ тикъ берутъ съ посторонних частныхъ фабрикъ, а у него не берутъ. И Петръ указалъ на это доношеніе, что надо все забирать сначала съ казенныхъ фабрикъ, а уже затѣмъ, если не хватитъ, обращаться къ услугамъ частныхъ; и немедленно надо уплатить долгъ за взятый товаръ, «дабы отъ задержанія въ деньгахъ фабрику не остановить». Сообщая объ этомъ Ягушинскому, Макаровъ заканчиваетъ письмо слѣдующей фразой: «и Ваше Превосходительство извольте предложить высокоправительствующимъ господамъ сенаторамъ». Ясна тутъ роль Ягушинскаго: онъ только механически передаетъ все это сенату въ видѣ «предложенія»; но такое «предложеніе» въ его существѣ собственно сдѣлано самимъ Императоромъ. Въ другой разъ, въ мартѣ того же 1722 года, изъ доношенія кн. Голицына Петръ узналъ, что на сообщеніе его объ учиненіи присяги адм. Крейцъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ со своимъ «морскимъ статомъ» приступить къ присягѣ, ибо «того безъ указу сенатскаго коллегія учинить не можетъ». Тогда Петръ посылаетъ самъ соотвѣтственный указъ въ Адмиралтействъ-коллегію, а Ягушинскому велитъ «о томъ ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ господамъ правительствующимъ сенаторемъ предложить, дабы о томъ учинили по Его Величества указу» [1]). Опять несомнѣнна чисто передаточная пассивная роль ген.-прокурорскаго «предложенія» и въ этомъ случаѣ; вся активная роль взята на себя Императоромъ. То же положеніе вещей и въ слѣдующемъ эпизодѣ. Изъ письма казанскаго вице-губернатора Кудрявцева Петръ узнаетъ, что офицеры, приставленные имъ къ надсмотру за корабельными лѣсами, были вызваны сенатомъ къ смотру и долго задержаны, отчего «во изготовленіи корабельныхъ лѣсовъ и другихъ дѣлъ учинилась остановка», о чемъ Кудрявцевъ доносилъ сенату. Узнавъ о такомъ непорядкѣ и медлительности въ дѣйствіяхъ сената, Петръ, черезъ Макарова, немедленно указываетъ Ягушинскому сдѣлать «предложеніе» «высокоправительствующимъ сенаторемъ», чтобъ о немедленномъ возвращеніи отъ полку оныхъ къ прежнимъ ихъ дѣламъ изволили учинить рѣшеніе, дабы во изготовленіи «корабельныхъ лѣсовъ не учинилось остановки» [2]). Ягушинскому осталось только отъ своего имени, какъ генералъ-прокурора, сдѣлать то «предложеніе», въ которомъ фактически онъ былъ совершенно не повиненъ; роль ген.-прокурора тутъ исполнилъ самъ Императоръ. Очень въ томъ же отношеніи харак-

[1]) Г. А. Док. Каб. Пет. IX, № 2, ч. IVб., л. 64 об.
[2]) Ibid., л. 61.

ктерно слѣдующее письмо Макарова Ягушинскому отъ 25 февраля 1722 года. «При семъ,—пишетъ Макаровъ,—посылаю доношеніе въ Сенатъ о посылкѣ капитана Степана Пырскаго для набору плотниковъ, которое доношеніе указалъ мнѣ Его Величество черезъ Васъ послать; и какъ оное до рукъ Вашихъ дойдетъ, то извольте предложить сенаторамъ, чтобъ его Пырскаго поскорѣе отправили; и для того, что онъ человѣкъ бѣдный, указалъ Его Величество дать ему подмогу. А ежели заспособнѣе разсудить, то тѣхъ плотниковъ не лучше-ли набирать въ тѣхъ мѣстахъ тѣмъ офицерамъ, кои поѣдутъ по инструкціямъ расписывать для разставки полковъ, ежели они не умѣшкаютъ прочіе-жъ городы къ Тоснѣ и къ Соли вычегодской,—разумѣются Чаронда, Пошехонье, Соль галицкая и Галичь съ пригороды, о чемъ извольте спросить его, Пырскаго» [1]). Уже позже, въ сентябрѣ 1724 года, Петръ, изъ донесенія оберъ-фискала Мякинина, усмотрѣлъ, что въ нѣкоемъ «провіантскомъ дѣлѣ» открываются большія хищенія и воровство; а между тѣмъ судьи «не токмо того сыскиваютъ, но и доносителей держатъ подъ крѣпкимъ карауломъ и родственниковъ къ нимъ не пущаютъ и писать не даютъ, что́ видя, другіе доносители упущаютъ и не доносятъ»; немедленно сообщая объ этомъ Ягушинскому по приказу царя, Макаровъ пишетъ: «и о семъ такожъ извольте предложить высокоправительствующимъ господамъ сенаторамъ, дабы по доношеніямъ доносителей не было какого упущенія» [2]). «Понеже, какъ я слышу,—писалъ Макаровъ Ягушинскому 2 мая 1723 г.,—что высокоправительствующій Сенатъ имѣетъ съѣхаться сегодня въ послѣдніе, того для я предлагаю, дабы ради краткости времени нынѣ учинена была резолюція токмо о слѣдующихъ дѣлахъ: 1. о скорой высылкѣ въ Питербургъ къ генералъ-полицеймейстеру тѣхъ, кои не зачали на Васильевскомъ острову строиться...; 2. о баллотированіи генералъ-фискала и оберъ-фискала» [3]). Такъ Ягушинскій явился простымъ передатчикомъ высшей воли въ направленіи дѣятельности сената. Затѣмъ въ мартѣ 1722 года Макаровъ же пишетъ Ягушинскому, что Петръ, слушавъ челобитную нѣкоего секретаря генералъ-адмирала Ив. Глазунова, «указалъ онаго Глазунова... въ его прегрѣшеніи простить», «чего для, пишетъ далѣе Макаровъ, ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ господамъ правительствующимъ сенаторамъ извольте предложить, дабы о томъ

---

[1]) Г. А. IX, № 2, ч. 4б., л. об. 34.
[2]) Г. А., IX, № 2, ч. 5а, л. 219.
[3]) Г. А. Каб. Пет. I кн. 63, л. 140.

учинили по Его Импер. Величества указу» [1]). Въ письмѣ къ Ягушинскому отъ 5 мая 1724 года Макаровъ писалъ, что велѣлъ «Его Импер. Величество выписки изъ розыску о удержаніи посланныхъ въ Украинскій корпусъ къ ген. и кав. госп. кн. Голицыну указовъ о расположеніи полковъ на винтеръ-квартиры, о которомъ дѣлѣ слѣдовалъ сенаторъ госп. кн. Голицынъ, отослать для слушанія въ Прав. Сенатъ; и оное при семъ къ Вашему Пре-ству посылаю, о которыхъ извольте предложить господамъ высокоправительствующимъ сенаторемъ, дабы по оному изволили учинить резолюцію; а ежели потребно будетъ подлинное дѣло, то изволите требовать отъ помянутаго госп. сен. кн. Голицына» [2]).

Итакъ Петръ, видимо, часто непосредственно фактически входилъ въ дѣйствія своего генералъ-прокурора, тѣмъ несомнѣнно стѣсняя самостоятельный размахъ въ дѣятельности Ягушинскаго, съ одной стороны, а съ другой,—тѣмъ ставя его невольно подъ непосредственное свое руководство; все это, конечно, не могло не суживать, такъ сказать, темпа и размѣра генералъ-прокурорской дѣятельности, не давая возможности ей развернуться въ ея естественную широту еще тѣмъ болѣе, что видимо, и посредственно, съ другой стороны, опять-таки Петръ вліялъ на Ягушинскаго, какъ ген.-прокурора; именно, вліялъ черезъ тѣхъ сенаторовъ, которые, пользуясь не меньшимъ, чѣмъ Ягушинскій, довѣріемъ Петра, фактически въ данный моментъ были болѣе близки Императору, чѣмъ ген.-прокуроръ. Въ этомъ отношеніи есть одинъ, несомнѣнно, подтверждающій фактъ. 16 іюня 1722 года Ягушинскій писалъ Макарову письмо, гдѣ извѣщалъ его объ одномъ постановленіи сената; но прежде чѣмъ о немъ доносить Петру, Ягушинскій просилъ Макарова: «извольте съ господами сенаторами, которые съ Вами, поговорить, что̀ ихъ мнѣніе будетъ; и ежели согласно, и Его Императорское Величество на сіе соизволитъ, то-бы безпереводно лучше дѣло могло основаться» [4]). На это Макаровъ отвѣчаетъ Ягушинскому, что онъ «его графскому сіятельству господину генералу адмиралу и прочимъ господамъ обрѣтающимся здѣсь сенаторемъ противъ письма Вашего предлагалъ, что они разсуждаютъ также согласно съ Вашимъ мнѣніемъ; и для того будутъ они ожидать о томъ письма съ Москвы отъ господъ сенаторовъ; а между тѣмъ,

---

1) Г. А. IX, № 2, ч. 4б.
2) Г. А. IX, № 2, ч. 5а.
3) Г. А. IX, 2 ч., 5а, л. 219.
4) Г. А. Каб. Пет. II, кн. 61, л. 881.

когда улучатъ время, хотѣли о томъ *и прежде* (мой курсивъ) донести Его Величеству» [1]). Такимъ образомъ, во-первыхъ, Ягушинскій не рѣшается на докладъ Петру, не зная мнѣній вліятельнѣйшихъ сенаторовъ; а, съ другой стороны, эти сенаторы сами рѣшаются доложить Императору это сенатское дѣло, не зная ничего формально и точно о заключеніяхъ по этому дѣлу генералъ-прокурора, слѣдовательно, будучи увѣрены, что личное къ нимъ довѣріе Императора покроетъ собой эту формальную неправильность. И здѣсь все, конечно, базируется на отношеніи верховной власти къ части сенаторовъ, отношеніи, черезъ которое происходитъ косвенный нажимъ и на полноту, и на широту генералъ-прокурорской власти.

Совсѣмъ съ другой стороны видоизмѣнялось положеніе генералъ-прокурора тѣмъ, что онъ зачастую являлся докладчикомъ Государю постановленій и мнѣній сената, при чемъ входилъ обычно въ ихъ разсмотрѣніе и оцѣнку по существу. Несомнѣнно, такое положеніе не находитъ поддержки и опоры въ текстѣ «Должности», но практика въ данномъ направленіи началась опредѣленно уже при Петрѣ. 3-го августа 1722 года Ягушинскій пишетъ изъ Москвы Петру: «Всемилостивѣйшій Императоръ и Государь! Вашему Императорскому Величеству доношу: дѣла по указу Вашего Имп. Величества исправляются по возможности нарочито; и люди, какъ въ коллегіи, такъ и въ провинціи во всѣ чины едва ни всѣ опредѣлены; однакожъ въ истинну трудно людей достойныхъ сыскивать; и по нынѣ еще во сто человѣкъ чпсла не могутъ набрать; въ штатѣ, сколько можно, трудимся противъ адмиралтейскаго уставу и другія коллегіи уравнять; но для множества излишнихъ дѣлъ не можно удовольствовать другіе,—а особливо каморъ-коллегію,—такимъ малымъ числомъ служителей, какъ въ Адмиралтейской опредѣлено; оное опредѣленіе надѣюсь вскорѣ Вашему Имп. Величеству для апробаціи прислать» [2]). Это—всеподданнѣйшее доношеніе генералъ-прокурора о ближайшихъ шагахъ дѣятельности сената, въ которомъ уже видно, что ген.-прокуроръ по существу вошелъ какъ-бы въ самую работу сената, что́ едва-ли прямо указано въ роли его согласно «Должности», хотя можетъ быть косвенно выведено изъ обязанности его—и по существу контролировать дѣятельность сената. Отъ іюня того же, 1722 года сохранилось письмо Ягушинскаго Макарову, представляющее собой докладъ ген.-прокурора Петру чрезъ кабинетъ-секретаря о дѣлахъ се-

[1]) Г. А. IX, № 2, ч. IVб.
[2]) Г. А. Каб. Пет. II, кн. 61, л. 892 и об.

натскихъ, при чемъ ген.-прокуроръ проситъ разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, путемъ истребованія соотвѣтственныхъ указовъ Петра какъ-бы отъ, или вмѣсто, самого сената. Привожу это письмо цѣликомъ: «Государь мой Алексѣй Васильевичъ! по челобитью иноземцевъ Мюкса, Вѣстова, Гарцына, также по доношенію президента Мануфактуръ-Коллегіи Новосильцева о фабрикахъ указы хотя сенаторскими руками здѣсь и подписаны, однакожъ при слушаніи оныхъ препятствовалъ господинъ графъ Головинъ, что объ ономъ собственнаго Его Величества указу въ сенатѣ не имѣется; также по дѣламъ тайной канцеляріи Өедоръ Эварлаковъ за вину сосланъ въ ссылку въ Сибирь. Нынѣ Бергъ-Коллегія усильно требуетъ, что оный Эварлаковъ на Уктунскихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ быть комиссаромъ удобенъ, представляя въ томъ необходимую нужду; а безъ указу опредѣлить его къ тѣмъ дѣламъ не смѣетъ. А понеже и сенаторы безъ именного Е. И. В. указу его, Эварлакова, къ тѣмъ дѣламъ употребить не смѣютъ-же и чтобъ о томъ доложить Его Величества. И ваша милость изволь о томъ доложить Е. И. Величества, онымъ указамъ въ той-ли силѣ быть укажетъ; а каковы оные сочиненные подписаны, таковы къ Вамъ при семъ прилагаю; также помянутаго Эварлакова и прочихъ штрафованныхъ которые не въ убійственныхъ дѣлахъ, ни наружныхъ знаковъ не имѣютъ, одабривать-ли и къ дѣламъ употреблять-ли, понеже изъ оныхъ много умныхъ обрѣтается. И что о томъ Его Величества указъ будетъ, пожалуй, меня увѣдомь немедленно» [1]). Въ другомъ письмѣ Макареву Ягушинскій передаетъ, что въ Москвѣ «невозможно никоимъ образомъ одному надворному суду множество такихъ дѣлъ исправить; и надобно конечно хотя равному другому суду быть, чтобъ оба подъ Юстицъ-Коллегіи были, а одинъ другому не былъ подчиненъ». Изъ слѣдующей за этимъ собственноручной приписки Ягушинскаго слѣдуетъ, что онъ тутъ передаетъ сенатское разсужденіе, къ нему примыкая; «о семъ будетъ,—приписываетъ ген.-прокуроръ,—и отъ господъ сенаторовъ при присылкѣ учиненнаго штата Его Имп. Величеству доношеніе» [2]).

Все это — несомнѣнные доклады ген.-прокурора о сенатскихъ дѣлахъ Императору, а не доклады о дѣятельности собственно его, генералъ.-прокурора, въ сенатѣ. Если «Должность» не даетъ яснаго разграниченія этихъ понятій, то практика, видимо, опредѣленно ихъ безнадежно спу-

---

[1]) Г. А. Каб. Пет. II, кн. 61, л. 880 и об.
[2]) См. ib. письмо отъ 29 авг. 1722.

тала; и фактически, хотя-бы пока спорадически и робко,— но генералъ-прокуроръ сталъ дѣлаться докладчикомъ верховной власти по сенатскимъ дѣламъ въ ихъ существѣ и въ ихъ цѣломъ. Въ отвѣтѣ на вышеприведенное письмо Макаровъ писалъ Ягушинскому слѣдующее: «что-же изволили вы писать ко мнѣ о нижнемъ московскомъ судѣ, и о томъ я здѣшнимъ господамъ сенаторамъ доносилъ: и оное они отлагаютъ до возвращенія Его Величества къ Москвѣ; однако-жъ, гдѣ Его Величество будетъ имѣть зимовую квартиру, тогда я буду искать времени, чтобы самому Его Величеству донесть; и какую резолюцію получу, о томъ буду Вашему Превосходительству доносить впредь» [1]). Изъ этого отвѣта даже можно вывести заключеніе, что Ягушинскій черезъ Макарова хочетъ сдѣлать Петру отдѣльный, особый отъ сенаторовъ, докладъ, и докладъ опять-таки не о своей дѣятельности, какъ генералъ-прокурора сенатскаго, согласно «Должности», а о существѣ собственно сенатскихъ дѣлъ и рѣшеній, такимъ образомъ становясь какъ-бы въ положеніе равное сенату по трактованію дѣлъ и въ отношеніяхъ къ верховной власти; тутъ какъ-бы попытка, стремленіе ген.-прокурора стать независимо и рядомъ съ сенатомъ въ его, сенатской собственно, дѣятельности. Такъ, хотя-бы и очень еще робко, и недостаточно ясно, намѣтилась слѣдовательно уже въ самомъ началѣ дѣйствованія ген.-прокуратуры та черточка въ этомъ дѣйствованіи, которая при паденіи значенія сената несомнѣнно даетъ возможность усилить и возвысить значеніе и вліяніе генералъ-прокурора на сенатскія дѣла.

Итакъ, при первомъ генералъ-прокурорѣ въ царствованіе Имп. Петра Великаго нѣсколько новыхъ и опредѣленныхъ, чреватыхъ послѣдствіями, моментовъ устанавливается въ практикѣ ген.-прокурорской дѣятельности, группирующихся около отношеній верховной власти къ ген.-прокурору. Во-первыхъ, особыя условія момента создаютъ то, что самъ Императоръ (а имъ былъ Петръ Великій) зачастую фактически входитъ въ роль своего собственнаго ген.-прокурора, дѣлая изъ Ягушинскаго только механическаго исполнителя, тѣмъ аннулируя въ большой мѣрѣ то особое значеніе и роль въ сенатѣ, которыя «Должность» отводитъ ген.-прокурору, отнимая у него въ большой степени элементъ самостоятельности въ его дѣйствіяхъ, превращая его только въ точнаго передатчика царскихъ велѣній. Во-вторыхъ, въ то же самое время,—явленіе прямо противоположное нараста-

[1]) Г. А., IX. № 2, ч. IV Б.

етъ изъ дѣятельности Ягушинскаго: онъ понемногу становится органомъ, самостоятельно и какъ-бы независимо по существу входящимъ въ разсмотрѣніе сенатскихъ дѣлъ, и прямымъ докладчикомъ объ нихъ верховной власти; а этимъ, слѣдовательно, опредѣленно намѣчается раздѣленіе сената и генералъ-прокурора, и во всякомъ случаѣ отсутствіе какой-либо органической спаянности и солидарности этихъ двухъ установленій.

IV.

Съ послѣднимъ выводомъ предшествовавшей главы казалось-бы совершенно не согласуются,—имъ даже какъ-бы противорѣчать, нѣсколько положеній, вытекающихъ изъ непосредственнаго разсмотрѣнія нѣкоторыхъ, не единичныхъ фактовъ. Прежде всего есть основаніе утверждать, что часто въ дѣйствіяхъ сената и генералъ-прокурора существовала полная, даже какъ бы подчеркиваемая солидарность. Вотъ несомнѣнныя въ этомъ отношеніи свидѣтельства.

«Государь мой Алексѣй Васильевичъ,—писалъ Ягушинскій Макарову—по сіе время не можемъ еще ничего основательнаго окончать, и разборы людей по дѣламъ такъ трудны, что описать невозможно и тѣмъ остановка въ штатѣ чинится, и во-истину трудятся господа сенаторы ежедневно, только въ такомъ замѣшаніи невозможно дѣлу спору быть. Господа сенаторы въ расписываніи надворныхъ судовъ и ассессоровъ къ воеводамъ и къ тому судебныхъ комиссаровъ разсуждаютъ, что здѣсь въ Москвѣ необходимо при надворномъ судѣ и провинціальному надобно быть, ибо, кромѣ Земскаго Приказу, который вмѣсто провинціальнаго суда считается, болѣе 6000 въ немъ дѣлъ; и невозможно, чтобъ не быть великимъ дѣламъ: кромѣ судебныхъ, есть разныя розыскныя, приводныя и прочія многія дѣла; и мы сіе мнѣніе намѣрены тогда, какъ расписаны будутъ всѣ вышеписанные суды, Его Императорскому Величеству донесть» [1]). Нельзя не видѣть въ этомъ письмѣ желанія Ягушинскаго, по крайней мѣрѣ, представить,—если она и не была таковой на самомъ дѣлѣ,—свою дѣятельность въ сенатѣ, идущей чрезвычайно солидарно съ обще-сенаторскимъ мнѣніемъ; онъ въ письмѣ себя прямо соединяетъ въ неразрывное цѣлое какъ бы съ сенатомъ: «и *мы* сіе мнѣніе (т. е. мнѣніе сената)... намѣрены донесть Его Императорскому Величеству», пишетъ онъ. Ягушинскій въ началѣ приводимаго письма при томъ всячески, видно, стремится оттѣнить достойную всякой похвалы,

[1]) Г. А., Каб. Пет. II, кн. 61, л. 881.

стоящую на высотѣ дѣятельность сената или «господъ сенаторовъ», какъ онъ выражается.—Конечно, по этому одному примѣру судить о постоянствѣ такого отношенія между сенатомъ и Ягушинскимъ нѣтъ основаній; возможно, что тутъ—не отображеніе обычной нормы, а наоборотъ—отступленіе отъ нея, исключительный случай. Однако, думается, что это было ближе къ нормальному отношенію Ягушинскаго къ сенату, чѣмъ являлось прямымъ исключеніемъ, потому что есть рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о вообще очень мягкомъ, уклончиво-любезномъ, а иногда прямо почтительномъ тонѣ прямого подчиненія, который генералъ-прокуроръ принималъ въ своихъ отношеніяхъ къ сенату. Въ «предложеніи» своемъ отъ 16 октября 1722 года Ягушинскій въ очень корректныхъ выраженіяхъ уговариваетъ сенаторовъ воздерживаться, при обсужденіи дѣлъ въ его отсутствіи, отъ ссоръ и брани, заявляя, что сіе никакъ неприлично сенату. Весь тонъ, какимъ это предложеніе написано, весьма мягкій [1]). Не только уже въ крайне почтительномъ, чтобы не сказать болѣе,—тонѣ, но даже въ тонѣ подчиненія писалъ генералъ-прокуроръ одно изъ предложеній сенату, по поводу извѣстной ссоры Шафирова съ Скорняковымъ-Писаревымъ. Ягушинскій тутъ говоритъ, что онъ допрашивалъ Скорнякова-Писарева по этому дѣлу, какъ о томъ «мнѣ отъ высокоправительствующаго сената приказъ» былъ,—какъ при этомъ почтительно выражается генералъ-прокуроръ;—а затѣмъ, въ виду обвиненія его Скорняковымъ-Писаревымъ въ пристрастіи въ пользу Шафирова, проситъ сенатъ освободить его отъ этого дѣла и тѣхъ поношеній, о которыхъ онъ «принужденъ надлежащей сатисфакціи у высокаго сената о томъ просить». А по поводу требованія Скорнякова-Писарева объ увольненіи двухъ прокуроровъ, представляя сенату переписку по этому дѣлу, «прошу покорно,—пишетъ Ягушинскій,—повелѣть о томъ изслѣдовать» [2]). Такъ генералъ-прокуроръ прибѣгаетъ къ защитѣ и покровительству сената, тѣмъ какъ бы ставя себя въ нѣкоторое зависимо-подчиненное отношеніе къ этому учрежденію. Есть и другой такой же случай въ практикѣ Ягушинскаго. Именно, когда Петръ поручилъ ему «слѣдовать» дѣло оберъ-фискала Нестерова, то во время этого слѣдствія, 10 сентября 1722 года, Ягушинскій подаетъ сенату «предложеніе», въ которомъ съ начала пространно излагаетъ, какъ онъ приступилъ къ изслѣдованію Нестеровскихъ злоупотребленій, но тутъ встрѣтился съ сопротивленіемъ со стороны Нестерова, заявившаго

---

[1]) С. А. Секр. д. № 215, л. 19.
[2]) С. А. № 215 секрет. д., л. 23—24.

противъ него отводъ: «на меня и прочихъ прокуроровъ,—пишетъ Ягушинскій въ «предложеніи»,—яко-бы имѣетъ подозрѣніе; а въ прежнихъ своихъ доношеніяхъ,—продолжаетъ генералъ-прокуроръ, онъ, Нестеровъ, самъ просилъ, чтобъ быть въ моемъ судѣ; а нынѣ мнѣ, не взирая ни на что, учинилъ такое повреждение, о чемъ сатисфакціи на него просить принужденъ, и всепокорно прошу, да повелитъ высокоправительствующій сенатъ противъ сего моего предложенія его, оберъ-фискала, въ сенатѣ допросить, какое онъ за собою и за Нѣгановскимъ вѣдаетъ государево дѣло, и почему нашъ судъ—неправедный, и какое на меня и прокуроровъ имѣетъ подозрѣніе, чтобъ о томъ объявилъ имянно; и дабы была на него, Нестерова, вообще впредь дана праведная оборона» [1]).

На это «предложеніе», написанное въ почтительно-просительномъ тонѣ, послѣдовалъ очень характерный указъ со стороны сената: «указъ Его Имп. Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго изъ канцеляріи Правит. Сената генералу лейтенанту и генералу прокурору господину Ягушинскому съ товарищи. Сего октября 2 дня по указу Его Имп. Величества Прав. Сенатъ, слушавъ предложенія вашего, согласно приговорили: по дѣламъ, которыя слѣдуются въ канцеляріи вѣдѣнія вашего, въ чемъ по тѣмъ дѣламъ довелся допрашивать и допрашиванъ оберъ-фискалъ Нестеровъ, а по нѣкоторымъ пунктамъ отвѣчать не сталъ,—по тѣмъ всѣмъ пунктамъ его Нестерова допрашивать и потомъ изслѣдовать тебѣ, генералу прокурору, по-прежнему обще съ опредѣленными отъ тебя къ тому дѣлу прокуроры. Да при томъ-же слѣдованіи быть и оберъ-прокурору господину Скорнякову-Писареву для того, что по тому дѣлу велѣно изслѣдовать тебѣ, генералу, по особливому Его Импер. Величества указу. Да и по должности вашей какъ за фискалами, такъ и за оберъ-фискалами, дабы они въ своихъ должностяхъ исправно поступали, смотрѣть повелѣно тебѣ-жъ, генералу-прокурору; къ тому жъ Сенатъ за умноженіемъ государственныхъ дѣлъ къ слѣдованію того времени не имѣетъ. А что онъ, оберъ-фискалъ, бывъ въ допросѣ, по нѣкоторымъ пунктамъ не отвѣтствовалъ, назвалъ оное слѣдованіе неправеднымъ судомъ, и что имѣетъ онъ за собою государево дѣло; а по вопросу передъ Прав. Сенатомъ къ тому касающагося не показалъ и просилъ, чтобъ повелѣно было ему о томъ подать на письмѣ, и по томъ и поданными своими доношеніями показалъ только: первое: тѣ дѣла, которыя по его должности надлежатъ къ слѣдованію въ протчихъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 57/273, л. 39—40.

мѣстахъ; второе: якобы о подозрѣніи на тебя, генерала прокурора, и прокуроровъ Пашкова и Сафонова и о принужденіи ихъ въ его допросахъ и чтобъ ему у васъ подъ судомъ не быть, по которымъ такожъ къ важности государева дѣла не касается и подозрѣнія за ними виднаго, какъ указы повелѣваютъ, не показалъ-же, а по состоявшемуся Его Импер. Величества указу прошлаго 1713 году декабря 23 дня о такихъ дѣлахъ дѣла государева за собою сказывать и на письмѣ писать не велѣно подъ наказаніемъ и съ ссылкой на галеры; и да и по Уложенію десятой главы 4-той статьи, кто на суду свойствомъ или недружбою учнетъ бить челомъ послѣ суда,— и по тому челобитью вѣрить и дѣлъ съ приказу въ приказъ переносить не велѣно. А онъ, оберъ-фискалъ, уже бывъ въ допросѣ по томъ на прокурора Пашкова якобы посяшку началъ доносить,—и то посторонняго недружбою, а не его, Пашкова. И для того тѣ его доношенія оставить, и по тому дѣлу тебѣ, генералъ-прокурору, съ прочими по Его Имп. Величества указу слѣдовать, и въ чемъ надлежитъ, какъ его, оберъ-фискала, такъ прочихъ допрашивать по прежнему и приговорили; а по изслѣдованіи оное дѣло къ рѣшенію взнесть въ Сенатъ; и ген.-лейт. и ген.-прокурору г. Ягушинскому съ товарищи учинить о томъ по Его Имп. Величества указу» [1]). Несомнѣнно, что сенатъ тутъ взялъ опредѣленно тонъ учрежденія, стоящаго выше на общей лѣстницѣ государственныхъ установленій, сравнительно съ генералъ-прокуратурой; и сдѣлалъ онъ это по прямому побужденію къ этому со стороны самого генералъ-прокурора, обратившагося именно къ сенату за поддержкой и «сатисфакціей», къ сенату, какъ старшему какъ-бы въ рангѣ учрежденію. Такое же отношеніе къ сенату проявляетъ, иногда, по крайней мѣрѣ, и оберъ-прокуроръ Гр. Скорняковъ-Писаревъ, тотъ самый, который, какъ увидимъ, не удерживался отъ прямого вмѣшательства въ сенатскія пренія, опредѣленно выставляя свои точки зрѣнія и въ ихъ направленіи оказывая вліяніе на сенаторовъ. Однако этотъ оберъ-прокуроръ однажды,—по дѣлу его съ бар. Шафировымъ,— пишетъ «Высокоправительствующему Сенату на затѣйное по злобѣ сплетенное на меня доношеніе тайнаго дѣйствительнаго совѣтника барона Шафирова во оправданіе невинности моей предложеніе»; и это предложеніе заканчиваетъ такими словами: «прошу дабы мнѣ на него, Шафирова, за явный обличенный его на меня поклепъ и за вышеписанныя мои безчестія, явножъ симъ моимъ предложеніемъ обличенныя, учинить надле-

[1]) М. А. М. Ю. кн. сен. 57/273, л. 200—201.

жащую сатисфакцію. Ежели-же учинена не будетъ, то мнѣ невозможно будетъ никогда по должности моей, усмотря противное, спорить, какъ и нынѣ, усмотря противное, спорилъ, а онъ меня деисператно обезчестилъ, какъ выше явно объявлено. Сіе предложа, вашъ правительствующаго Сената, всегдашнимъ нижайшимъ слугою Григорій Скорняковъ-Писаревъ». Дата: «октября 9 дня 1722 г.»[1]). Такъ и оберъ-прокуроръ въ критическій моментъ его служебной дѣятельности прибѣгаетъ къ покровительству и защитѣ сената, какъ-бы признавая его, сената, на это право по отношенію ген.-прокуратуры. Если даже, исходя изъ вышеприведенныхъ фактовъ и толкуя ихъ не расширенно, заключать, что въ такое положеніе къ сенату генералъ-прокуратура становилась только въ болѣе или менѣе исключительныхъ, изъ ряда вонъ выходящихъ случаяхъ, всетаки уже одна возможность такого явленія достаточно свидѣтельствуетъ о въ высокой мѣрѣ солидарныхъ,— ибо тутъ юридически не приходится говорить о подчиненныхъ,—отношеніяхъ между генералъ-прокуратурой и сенатомъ, при чемъ это стремленіе къ солидарности,—и это слѣдуетъ отмѣтить,—исходитъ прежде всего и исключительно именно отъ представителей генералъ-прокуратуры. Вообще мягкость и почтительность яркой нитью проходитъ во всѣхъ предложеніяхъ Ягушинскаго сенату; онъ всегда оказывается только въ роли почтительно напоминающаго, почтительно указывающаго на то или иное явленіе государственной жизни, а тамъ уже далѣе,—онъ все «оставляетъ на высокое разсужденіе правительствующаго сената»[2]). Да и самый фактъ своего «предложенія» Ягушинскій зачастую основывалъ не на своей смѣлости, не на своемъ безусловномъ въ данномъ отношеніи правѣ, а на необходимости для него такъ поступать въ виду возможнаго гнѣва со стороны Императора, т. е. и тутъ почтительно прикрывается особой Петра.

Въ «предложеніи» своемъ сенату по поводу постройки зданій для помѣщенія коллегій въ Петроградѣ и тѣхъ непорядковъ и неурядицъ, которыя при этомъ оказываются, задерживая ходъ постройки, Ягушинскій писалъ сенату, что «предлагаетъ» ему объ этихъ непорядкахъ изъ опасенія, чтобы работы строительныя не остановились совсѣмъ, и «въ противномъ же случаѣ (т. е. если сенатъ отъ него не будетъ предувѣдомленъ) ежели отъ Его Имп. Величества о вышепомянутомъ какое будетъ взысканіе, мнѣ бы въ томъ не было во отвѣтствованіе»[3]). Въ другомъ

---

[1]) Г. А., Каб. Петра, I, кн. 50, л. 105—112.
[2]) См. С. А. Секрет. д. № 215, л. 20 об., л. 24 об. и др.
[3]) См. ib., л. 89 (синимъ карандашемъ).

«предложеніи», по поводу хлѣбнаго недорода и необходимости принятія скорыхъ мѣръ борьбы съ нимъ, Ягушинскій писалъ, что, если этихъ мѣръ не принять (т. е. его «предложенія» не послушать), то, «чтобъ отъ того не воспослѣдовало крайней нужды, и въ томъ бы не принять отъ Его Импер. Величества гнѣва»[1]). Такъ генералъ-прокуроръ стремится передъ сенатомъ авторитетъ своихъ словъ покрыть авторитетомъ Верховной власти, какъ бы этимъ умаляя свою собственную роль и значеніе передъ сенатомъ. Надо далѣе замѣтить, что, видимо, всегда въ своихъ «предложеніяхъ» сенату ген.-прокуроръ стремился не выходить изъ рамокъ именно и только напоминанія, указанія на тотъ или иной фактъ, на ту или иную неправильность въ теченіи государственныхъ дѣлъ; не считалъ для себя возможнымъ ген.-прокуроръ входить, какъ-бы то ни было, въ рѣшеніе самаго существа имъ ставимаго вопроса, это дѣло—только и исключительно самого сената. Такая точка зрѣнія, видимо, достаточно твердо проводится Ягушинскимъ въ его отношеніи къ сенату. Вотъ два образчика типическихъ «предложеній» его сенату, для характеристики высказанной выше мысли. «Высокоправительствующему сенату предложеніе. Сего генваря 13 дня Штатсъ-конторы прокуроръ Жолобовъ въ доношеніи пишетъ сибирской канцеляріи о купчинѣ Михайлѣ Ветошниковѣ въ преступленіи указовъ и въ прочихъ ненадлежащихъ поступкахъ, которое при семъ предлагается; и дабы правит. сенатъ соизволили по тому донесенію учинить резолюцію. Павелъ Ягушинскій, Иванъ Бибиковъ, генваря 17 дня 1724 г.»[2]). Или: «Вотчиной коллегіи отъ прокурора поданы доношенія іюня 15 да сего сентября 11 числъ сего 1724 года, въ которыхъ пишетъ о неисправленіяхъ тоя коллегіи и конторы Московской, которыя его доношенія предлагаются въ высокое правит. сената разсмотрѣніе при семъ предложеніи. Павелъ Ягушинскій, Иванъ Бибиковъ. 1724 года сентября 16 дня»[3]). Впрочемъ, форма конечныхъ фразъ въ «предложеніяхъ» иногда варіируется, но смыслъ ея остается неизмѣннымъ. Такъ, закончивъ изложеніе самой сущности «предложенія», Ягушинскій прибавляетъ только: «и высокоправительствующій сенатъ о томъ что повелитъ?»[4]) или только замѣтитъ, что всѣ нужные документы «прилагаются при семъ»[5]), а иногда прибавляетъ только: «дабы

---

1) См. ib., л. 102 (синимъ карандашемъ).
2) М. А. М. Ю. кн. сен. 50/50, л. 920.
3) См. ibidem.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 50/50, л. 778.
5) См. напр. ibidem, л. 846—847.

о семъ какое точное рѣшеніе немедленно учинено было»[1]). Такъ опредѣленно въ текстѣ своихъ «предложеній» уклонялся Ягушинскій отъ всякаго вмѣшательства въ рѣшеніе дѣла, отъ всякаго давленія на сенатское разсужденіе. Была-ли тутъ только внѣшность, только дипломатія, а на самомъ дѣлѣ, въ самыхъ засѣданіяхъ сенатскихъ, можетъ быть, совершенно иную позицію занималъ «генералъ и генералъ-прокуроръ» Ягушинскій? Едва-ли возможно прямо отвѣтить на этотъ вопросъ. Чрезвычайно трудно замѣтить слѣды такого вліянія генералъ-прокурора на сенатъ,—если-бы даже оно и существовало,—въ тѣхъ сухихъ, достаточно краткихъ протоколахъ, журналахъ и другихъ дѣлопроизводственныхъ сенатскихъ бумагахъ, которыя только и имѣются въ нашемъ распоряженіи. Только по совершенно исключительной счастливой случайности относительно Гр. Скорнякова-Писарева мы имѣемъ нѣкоторыя цѣнныя свидѣтельства въ этомъ отношеніи. Но большой вопросъ, насколько способъ себя держать съ сенатомъ у оберъ-прокурора соотвѣтствовалъ таковому же у генералъ-прокурора.

Оберъ-прокуроръ, видно, стремился играть въ сенатѣ опредѣленно активную роль, пытаясь влiять въ желательномъ для него смыслѣ на сенатское мнѣніе. Когда рядъ сенаторовъ былъ спрошенъ о поведеніи Скорнякова-Писарева во время сенатскихъ засѣданій, то, правда, единогласія тутъ установить оказалось невозможнымъ; однако, если одни сенаторы (напр. гр. А. Матвѣевъ) опредѣленно утверждаютъ о полномъ невмѣшательствѣ оберъ-прокурора въ сенатскія обсужденія, утверждая, что «въ приговоры сенатскіе онъ, кромѣ надлежащаго предложенія, не вступалъ», то другіе сенаторы,—и ихъ большинство, свидѣтельствовали о большемъ или меньшемъ поползновеніи Скорнякова влiять на сенаторскіе приговоры; кн. Гр. Долгоруковъ прямо заявляетъ въ своемъ показаніи, что Скорняковъ-Писаревъ «мало не по вся дни въ приговоры сенатскіе вмѣшивался, а часто грубыми словами противъ сенаторей съ великимъ крикомъ по прихотямъ говаривалъ»[2]). Если, съ одной стороны, при такихъ свидѣтельствахъ едва-ли можно говорить о полномъ невмѣшательствѣ прокуратуры, въ лицѣ оберъ-прокурора, въ сенатскія пренія съ желаніемъ провести свое мнѣніе, то, съ другой стороны, даже наиболѣе въ этомъ уличающіе Скорнякова-Писарева сенаторы все-таки не утверждаютъ, чтобы это дѣлалось систематически и постоянно: «*мало* не по вся дни», а все таки *не* «по вся дни».

---

[1]) С. А. секр. д. № 215, л. 102, л. 89.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. $^{84}/_{300}$, л. 50—55.

Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ, у оберъ-прокурора можно констатировать, съ достаточной ясностью выраженное, стремленіе оказывать вліяніе на сенатскіе приговоры въ желательную ему сторону въ самомъ существѣ этихъ приговоровъ, внѣ всякой зависимости отъ прямой задачи именно генералъ-прокурорской, контролирующей власти. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать à priori, что Ягушинскій держался такой же тактики въ отношеніи сената, какъ и его помощникъ: имѣя въ виду ихъ личныя нехорошія отношенія, такого допущенія сдѣлать нельзя. Надо думать, что Ягушинскій былъ мягче, тактичнѣе своего помощника и едва-ли бы рѣшился когда-либо на грубое прямое вмѣшательство и давленіе на сенатскія пренія; никакихъ, хотя-бы неясныхъ и косвенныхъ, указаній на это намъ въ документахъ встрѣтить не пришлось; наоборотъ, мы видѣли иногда какъ-бы подчеркиваемую самимъ Ягушинскимъ передъ Императоромъ, его солидарность съ сенатскими приговорами-мнѣніями, его преклоненіе передъ авторитетомъ этого учрежденія (въ столкновеніяхъ Ягушинскаго съ Нестеровымъ и тѣмъ же Скорняковымъ-Писаревымъ); наконецъ, ужъ слишкомъ опредѣлененъ тонъ всѣхъ «предложеній», чтобы быть окончательно только ложной оболочкой, не отражающей собой нисколько фактическаго положенія вещей.

Однако, мы видѣли въ предыдущей главѣ, что Ягушинскій, рядомъ съ этимъ, очень мягко, но и достаточно опредѣленно въ своей генералъ-прокурорской практикѣ сдѣлалъ шаги къ отдѣленію (и тѣмъ усиленію) генералъ-прокуратуры въ отношеніи сената; мы видѣли, какъ генералъ-прокуроръ иногда сталъ входить въ сужденіе по существу сенатскихъ дѣлъ, стремился иногда докладывать о нихъ Петру самостоятельно, отдѣльно отъ сената, всѣмъ этимъ уже вторгаясь въ область исключительно сенатскаго вѣдѣнія. Такимъ образомъ тутъ получается противорѣчіе; смѣемъ думать, что противорѣчіе это взято изъ самой дѣйствительности, коренится въ ней, а не является результатомъ нашего построенія. И едва-ли противорѣчіе это не находитъ себѣ объясненія въ той обстановкѣ, среди которой протекала дѣятельность перваго генералъ-прокурора. Что такое, во-первыхъ, былъ Петровскій сенатъ въ періодъ 1722-1725 годовъ, какъ не собраніе наиболѣе довѣренныхъ и ближайшихъ сотрудниковъ Императора во главѣ съ свѣт. кн. Александромъ Меншиковымъ; тутъ были: канцлеръ гр. Головкинъ, ген.-адмиралъ Апраксинъ, кн. Дм. М. Голицынъ, гр. Петръ Толстой, гр. Анд. Матвѣевъ, бар. П. Шафировъ, гр. И. Мусинъ-Пушкинъ [1]).

[1]) См. **Исторія Сената, т. I, стр. 129.**

Немногіе изъ вышеперечисленныхъ лицъ были облечены опредѣленно меньшимъ довѣріемъ Петра, чѣмъ ген.-прокуроръ Ягушинскій. А поэтому ихъ мнѣнія и рѣшенія въ качествѣ сенаторовъ имѣли несомнѣнный для Императора вѣсъ и значеніе, съ которымъ если можно было бороться, то очень осмотрительно, хотя-бы и такому вліятельному человѣку, какимъ являлся Ягушинскій; а тутъ еще, притомъ, какъ мы видѣли, нерѣдко фактически Петръ бывалъ своимъ собственнымъ генералъ-прокуроромъ, обращая Ягушинскаго въ механическаго исполнителя своихъ рѣшеній. Все это очевидно заставляло Ягушинскаго быть очень осторожнымъ и почтительнымъ по отношенію къ сенату, въ прямыхъ съ нимъ сношеніяхъ не сходить съ той почвы исключительно надзора, на которой онъ чувствовалъ себя достаточно прочно, опираясь на прямой текстъ «Должности». Такъ, видимо, создавалась одна черта дѣятельности, нами только-что выше отмѣченная, въ практикѣ перваго генералъ-прокурора. Такимъ образомъ эта черта слагалась исключительно подъ вліяніемъ той обстановки извнѣ, тѣхъ внѣшнихъ привходящихъ условій, при которыхъ пришлось дѣйствовать Ягушинскому. Исчезнутъ внѣшнія условія, нами только-что намѣченныя, въ дѣятельности генералъ-прокурора,—именно, измѣнится составъ сената, попадетъ въ ген.-прокуроры какимъ-либо исключительнымъ довѣріемъ Императора облеченный человѣкъ, станетъ другой монархъ на мѣсто Петра,—и со всѣмъ этимъ сразу измѣнятся и падутъ тѣ послѣдствія этихъ условій въ положеніи ген.-прокурора, та первая черта его дѣятельности въ Петровское время, о которой мы только-что говорили; измѣнится она такъ, какъ то предукажутъ новыя сформировавшіяся внѣшнія условія. Итакъ, эту черту въ дѣятельности перваго генералъ-прокурора приходится относить за счетъ и на счетъ именно и только специфически Петровской эпохи.

Иное дѣло та другая черта практики въ дѣятельности перваго генералъ-прокурора, которая сказалась въ стремленіи Ягушинскаго къ вмѣшательству по существу въ сенатскія дѣла, къ личному дѣйствованію въ этомъ направленіи, независимо и отдѣляясь какъ-бы отъ сената. Несомнѣнно, что вышеизложенныя обстоятельства этому отнюдь не благопріятствовали, и нужно думать эта вторая черта въ дѣятельности Ягушинскаго образовалась совсѣмъ подъ иными вліяніями, вліяніями, коренящимися въ самомъ существѣ вновь созданной должности. Вѣдь несомнѣнно (мы это замѣтили въ первомъ очеркѣ), что по прямому смыслу «Должности» генералъ-про-

куроръ имѣлъ полную возможность вмѣшиваться въ сенатскія рѣшенія и дѣла не только съ точки зрѣнія формальной, не только съ точки зрѣнія ихъ законности, но и съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности. «Должность», очевидно, не различала этихъ двухъ точекъ зрѣнія, соединяя ихъ въ одно цѣлое; и это было вполнѣ понятно, принимая во вниманіе уровень развитія и тонкости юридической мысли у людей Петровскаго времени. А если такъ, то вполнѣ очевидно, что генералъ-прокуроръ будетъ входить по существу въ разсмотрѣніе сенатскихъ дѣлъ, конечно, — можетъ-быть, и не совсѣмъ сознательно,—толкуя и понимая свои полномочія расширительно, и въ этомъ не встрѣчая прямыхъ, юридически-формальныхъ препятствій. Затѣмъ далѣе,—не могло «око наше» не имѣть личныхъ докладовъ и извѣстнаго довѣрія у верховной власти; а тѣмъ самымъ генералъ-прокуроръ естественно доводилъ до свѣдѣнія Петра о своихъ личныхъ точкахъ зрѣнія на вопросы сенатскаго вѣдѣнія въ ихъ существѣ, тѣмъ несомнѣнно отходя уже отъ чисто контролирующей своей роли въ сенатѣ: надзоръ же за всѣмъ ходомъ русской правительственной машины, ему присвоенный «Должностью» и фактически выполняемый черезъ прокуроровъ, опять-таки отводилъ его въ область трактованія вопросовъ русской государственной жизни въ ихъ существѣ. И Ягушинскій, видимо, по мѣрѣ возможности, пошелъ по этому пути.

Такъ уже съ самаго начала своего фактическаго дѣйствованія генералъ-прокуроръ сталъ дѣлать попытки къ обособленію отъ сената въ своей дѣятельности, сталъ стремиться къ отдѣленію отъ него, не являя съ нимъ чего-то солидарнаго по существу. Если эта солидарность, какъ видѣли, и можетъ быть въ Петровское время подмѣчена въ отношеніяхъ сената и ген.-прокурора, то она явилась результатомъ *только* внѣшнихъ обстоятельствъ даннаго историческаго момента. А въ существѣ сенатъ и генералъ-прокуроръ сразу пытались пойти по разнымъ дорожкамъ, и, если это не удалось въ царствованіе Петра, если тогда этому помѣшала внѣшняя обстановка, то въ другой историческій моментъ эта обстановка, измѣнившись, могла только способствовать развитію и проведенію въ жизнь этихъ стремленій къ самостоятельному отграниченію генералъ-прокуратуры отъ сената, попытки къ которому мы слѣдовательно ясно наблюдаемъ уже и при Петрѣ Великомъ.

V.

Крайній недостатокъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ дѣлаетъ очень затруднительнымъ разрѣ-

шеніе вопроса о дѣятельности и роли перваго генералъ-прокурора съ его помощникомъ въ Прав. Сенатѣ. Отъ «предложеній» генералъ-прокурорскихъ до насъ дошли, видимо, только обрывки, судить по которымъ объ этой основной формѣ дѣятельности генералъ-прокуратуры въ сенатѣ представляется очень труднымъ; возможно только сдѣлать въ этой области очень неполныя и отрывочныя наблюденія, сводить которыя во что-либо болѣе или менѣе цѣльное мы не рискуемъ, ибо тогда слишкомъ много мѣста въ этой сводкѣ придется удѣлить домыслу, не достаточно обоснованному, а потому и слишкомъ произвольному. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что вопросы очень широкіе и глубокіе, важнѣйшіе вопросы государственной жизни широко иногда захватывалъ генералъ-прокуроръ въ своихъ «предложеніяхъ» сенату; и если поднимать, освѣщать и ставить такого рода вопросы, видимо, Ягушинскій считалъ своимъ долгомъ, то, съ другой стороны, онъ осторожно не давалъ на эти вопросы какихъ-либо уже готовыхъ отвѣтовъ-формулъ, согласія съ которыми только онъ требовалъ-бы отъ сената. Ставя передъ сенатомъ возможно шире и яснѣе самый вопросъ и важность его рѣшенія для данной минуты, Ягушинскій не предрѣшаетъ отвѣта на него. Это ясно изъ слѣдующаго «предложенія», вѣроятно, датируемаго 1724 годомъ: «Понеже Пр. Сенату,—пишетъ тутъ генералъ-прокуроръ,—самимъ извѣстно, какіе отъ военной и адмиралтейской коллегіевъ и отъ артиллеріи приносятся жалобы въ великихъ недосылкахъ денежной казны, и штатсъ-контора отъ времени до времени никакими способами ихъ удовольствовать деньгами не можетъ, понеже, какъ нынѣшнія нужды видная тому суть причина, а именно: 1. платежъ въ Швецію трехъ кварталовъ; 2. заготовленіе въ разныхъ мѣстѣхъ магазейновъ; 3. приготовленіе судовъ и прочихъ припасовъ; 4. низовый походъ; 5. три лѣта хлѣбу недородъ. И понеже въ Пр. Сенатѣ присутствующіе члены въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ сами президентами, и о всѣхъ вышеписанныхъ нуждахъ довольно извѣстны; тако-жъ и отъ насъ многое о томъ бывало припоминаніе, а понеже время отъ времени проходитъ, а опредѣленія никакого въ томъ не чинится; и нынѣ время пришло нетерпимое, что весьма требуетъ поправленія. Того ради Пр. Сенату симъ письменно предлагать принужденъ, дабы видимому бѣдству, какъ возможно, предупредить и въ нынѣшнемъ настоящемъ денежномъ недостаткѣ учинить вспоможеніе, и недосланныя деньги на прошлый 723 г. въ военную и адмиралтейскую коллегіи и въ прочія нужнѣйшія мѣста заплатить, ибо на

нынѣшній годъ на содержаніе армій подушный сборъ и начался, однакожъ надѣяться того, чтобъ деньги вскорѣ и безъ доимки собраны были, невозможно; и ежели за прошлый годъ армія и адмиралтейство, и артиллерія удовольствованы не будутъ, къ тому-жъ и нынѣшняго году недоборъ учинится, то весьма опасно, чтобъ отъ того не воспослѣдовало крайней нужды, и въ томъ-бы не принять отъ Его Импер. Величества гнѣва; такожъ всемѣрно надлежитъ о настоящемъ хлѣбномъ недородѣ разсужденіе имѣть, чтобъ народъ прокормленъ и подати государственныя могли быть заплачены безъ крайняго разоренія; также и жителей петербургскихъ какъ хлѣбомъ удовольствовать, понеже изъ Россіи привозу надѣяться не можно; и въ самыхъ лучшихъ хлѣбородныхъ мѣстахъ по вѣдомостямъ нынѣ дороговизна великая. О всемъ вышеписанномъ просимъ имѣть прилежное попеченіе и скорое о томъ учинить опредѣленіе» [1]).

Вопросъ большой государственной важности для даннаго момента затрагивалъ Ягушинскій въ этомъ своемъ предложеніи, вопросъ о финансовомъ положеніи государства въ связи съ его нуждами, съ одной стороны, и его экономическимъ,— печальнымъ,—положеніемъ,—съ другой. По мѣрѣ силъ генералъ-прокуроръ въ общихъ чертахъ пытается обрисовать сенату болѣе детально и конкретно положеніе вещей, положеніе угрожающее, какъ то ясно Ягушинскому, а потому требующее немедленнаго принятія соотвѣтственныхъ мѣръ, «чтобъ отъ того не воспослѣдовало крайней нужды»; такая возможность очевидно опредѣленно стояла передъ проницательнымъ взоромъ генералъ-прокурора. Изъ этого всего видно, какой широкій размахъ принимали иногда «предложенія» Ягушинскаго сенату.

А съ другой стороны, сравнительно маленькія, даже совсѣмъ маленькія дѣла вызывали тоже достаточно длинныя генералъ-прокурорскія «предложенія» сенату. Длинно Ягушинскій излагаетъ то положеніе вещей,—неудовлетворительное,—которое онъ наблюдаетъ при строеніи зданія для коллегій на Васильевскомъ Островѣ въ Петроградѣ. «По указу Императорскаго Величества,—пишетъ тутъ генералъ-прокуроръ,—велѣно надъ строеніемъ коллегіевъ на Васильевскомъ ост. отъ каждой коллегіи самимъ имѣть въ томъ смотрѣніе, по которому указу всякая коллегія съ каменьщиками и контракты учинили, въ которыхъ написано: ежели въ строеніи за какими припасы учинится остановка, чтобъ каменьщикамъ простойныхъ денегъ на всякій день платить по двѣ гривны. А къ тому строенію

[1]) С. А. Секрет. д. кн. 215, л. 102 (синимъ карандаш.).

указомъ Импер. Величества велѣно камень, кирпичъ да известь подряжать городовой канцеляріи; и по тому указу многое и отправлено, но за кирпичемъ въ строеніи коллегіевъ учинилась остановка, о чемъ и отъ коллегіевъ въ сенатъ доношеніи внесены, что кирпича нѣтъ, и принуждены по контрактамъ платить немалое число прогульныхъ денегъ» [1]). Мы нарочно приводимъ цѣликомъ это начало «предложенія» Ягушинскаго, чтобы видно было, съ какимъ скрупулёзнымъ вниманіемъ и подробностью генералъ-прокуроръ обсуждаетъ вопросъ о частной заминкѣ въ постройкѣ зданія для коллегій; съ такимъ же вниманіемъ онъ въ вышеприведенномъ другомъ предложеніи останавливался на вопросѣ дѣйствительно большой важности и государственнаго значенія. И тамъ, и тутъ, и въ очень большемъ, и въ очень маленькомъ Ягушинскій выступалъ съ одинаковымъ тщаніемъ въ роли наблюдающаго и контролирующаго начала государственнаго механизма,—все, видимо, съ этой точки зрѣнія онъ считалъ одинаково входящимъ въ кругъ его вѣдѣнія.

Но, какъ слѣдовало по «Должности», очевидно, главное вниманіе генералъ-прокуратуры было устремлено на надзоръ за дѣятельностью самого сената. Прежде всего Ягушинскаго очень заботила правильность внутренняя въ дѣйствованіи сената, какъ учрежденія. Коллегіальное рѣшеніе, требовавшееся отъ сената, было, еще достаточно чуждо сознанію сенаторовъ; ссоры, крики и брань зачастую водворялись въ сенатскомъ собраніи; каждый изъ сенаторовъ не привыкъ еще достаточно считаться съ чужимъ мнѣніемъ и его уважать; понятно, какъ все это нехорошо отзывалось на теченіи сенатскихъ дѣлъ, и много, видно, у Ягушинскаго уходило силъ на возможное смягченіе такого положенія дѣлъ, устраненіе такого рода треній изъ сенатской практики. «Всемилостивѣйшій Государь!—пишетъ онъ однажды Петру Великому по этому поводу,—я совѣстью своею и всѣми сенаторами засвидѣтельствую, сколько въ томъ вѣрности моей и старанія ни было, однакожъ съ превеликою трудностью при такихъ страстяхъ дѣла въ порядкѣ сдержать было можно» [2]). 16 октября 1722 года ген.-прокуроръ пишетъ особое «предложеніе» сенату, которое является сплошнымъ увѣщаніемъ сенаторамъ, чтобы, они воздерживались отъ ссоръ, споровъ и криковъ, ибо прежде всего это неприлично для такого

---

[1]) С. А., секрет. дѣла, № 215, л. 89.
[2]) А. Голомбіевскій. Op. cit., стр. 8.

учрежденія, какъ сенатъ [1]). А иногда, ген.-прокурору приходилось оборонять сенатъ отъ внесенія въ его засѣданія безпорядка и ненадлежащихъ дѣйствій со стороны даже чуждыхъ составу сенатскаго присутствія лицъ. Такъ 13 сентября 1723 года въ засѣданіи сената произошла слѣдующая сцена (излагаю её подлинными словами сенатскаго «журнала»): «генералъ-рекетмейстеръ, вшедъ собою и приступя къ столу, подавалъ господамъ сенаторамъ выписку, о которой говорилъ: извольте де ту выписку прослушать и разсмотрѣть, которую онъ сдѣлалъ изъ дѣла армянскаго съ итальянцемъ, что́ вершено въ коммерцъ-коллегіи; и подписалъ свое мнѣніе. И канцлеръ гр. Головкинъ говорилъ, что то дѣло ненужное; у нихъ де много другихъ государевыхъ нуждъ, то-де надлежитъ перво отправить; да и по тому дѣлу еще надлежитъ-ли ему, рекетмейстеру, мнѣніе свое подписывать. И рекетмейстеръ же говорилъ: я де и въ Вышній Судъ мнѣніе подавалъ и тамъ де у меня принято; и минувъ мало, говорилъ: извольте де то у него принять и прослушать, и буде не примутъ, то де къ Государю пойду; у меня де и тамъ двери не затворены. На которыя его слова генералъ-прокуроръ ему сказалъ, что такъ ему господамъ сенату говорить не надлежитъ, и чтобъ онъ къ Государю и шелъ. И онъ, оборотясь, выступилъ вонъ» [2]).— Но не только за внѣшнимъ порядкомъ преній приходилось надзирать генералъ-прокурору; приходилось останавливать ему свое вниманіе и на внутреннемъ дѣлопроизводственномъ распорядкѣ сенатской дѣятельности. Напримѣръ, 4 марта 1723 г. «ген.-прокуроръ предлагалъ о слушаніи дѣлъ и подпискѣ приговоровъ, что когда де случатся быть не всѣ персоны и, выслушавъ, прикажутъ приговоръ подписать, и когда будетъ приговоръ подписанъ изъ тѣхъ персонъ кто не будетъ въ другое собраніе, не слушавъ дѣла, не подпишетъ, чего для тотъ приговоръ остается безъ закрѣпы всѣхъ и въ томъ чинится остановка. Того ради, какъ они о томъ разсудятъ, чтобъ въ томъ продолженія не было? И можно-ль, когда три или четыре персонъ какое дѣло прослушаютъ, чтобъ послѣднимъ подписывать приговоръ безъ смотру, или-бъ ему такое дѣло брать къ себѣ, и того-жъ дня выслушавъ, и объявить мнѣніе. Разсуждено: что, когда трое или четверо слушали и въ намѣреніи приговоръ подписать прикажутъ и подпишутъ, таковы можно подписать и вѣря имъ; а меньше трехъ дѣлъ не слушать» [3]).

---

[1]) С. А. Секрет. дѣла № 215, л. 19.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 41/1922, л. 255—256.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 41/1922, л. 111.

Конечно, все то, что относилось къ дѣятельности, къ функціонированію сенатской канцеляріи, Ягушинскій, какъ генералъ-прокуроръ и ея начальникъ, считалъ непосредственно входящимъ въ кругъ его вѣдѣнія. Видимо, и въ этой области Ягушинскій все болѣе или менѣе существенное проводилъ черезъ сенатъ путемъ своихъ «предложеній»; только тутъ уже онъ всегда давалъ то или иное рѣшеніе ставимому имъ вопросу и какъ-бы только испрашивалъ на такое рѣшеніе санкціи сената. Такъ въ 1724 году, совмѣстно съ оберъ-прокуроромъ, Ягушинскій дѣлаетъ сенату обстоятельное предложеніе, о необходимости установленія бóльшаго порядка въ дѣлопроизводствѣ сенатской канцеляріи, а для этого является необходимымъ установленіе второй должности оберъ-секретаря [1]). Видимо, сенатъ на это согласился, такъ какъ далѣе являются уже два оберъ-секретаря въ сенатской канцеляріи. А въ 1725 году Ягушинскій дѣлаетъ «предложенія» сенату даже по поводу расходовъ на содержаніе и обмундированіе солдатъ сенатской роты [2]).

Таковы тѣ отрывочныя данныя, которыя можно почерпнуть изъ имѣющагося матеріала о дѣятельности перваго генералъ-прокурора въ сенатѣ. Отъ всякихъ обобщеній въ этой области, въ виду скудости данныхъ, приходится воздержаться.

VI.

Генералъ-прокуроръ и его помощникъ оберъ-прокуроръ не были единственными представителями института прокуратуры: въ ихъ распоряженіи находится довольно большой штатъ прокуроровъ, состоявшихъ при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, центральныхъ и областныхъ. Согласно 3-му пункту «Должности», генералъ-прокуроръ «долженъ смотрѣть надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали; а ежели кто въ чемъ преступитъ, то оныхъ судить въ Сенатѣ; и дóлженъ (т. е. опять ген.-прокуроръ) всѣ прокурорскія доношенія предлагать Сенату и инстиговать, чтобы по нихъ исполнено было; такожъ ежели на прокуроровъ будутъ доношенія, что они званіи своихъ истинно и ревностно не исполняютъ, то ихъ въ судъ представляютъ сенату-жъ». Итакъ генер.-прокуроръ, во-первыхъ, является прямымъ начальникомъ всѣхъ прокуроровъ; во-вторыхъ, онъ передаетъ ихъ доношенія сенату и по нимъ дѣлаетъ сенату предста-

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 51/1932, л. 43—44.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 50/50, л. 969 и 971.

вленія; въ-третьихъ, всѣ доносы и жалобы на дѣйствія прокуроровъ, какъ и вопросъ о ихъ неправильной дѣятельности, генералъ-прокуроръ самъ не разрѣшаетъ, а тоже обязанъ представлять сенату. Такъ, если съ одной стороны прокуроры находятся подъ полнымъ контролемъ въ ихъ дѣятельности генералъ-прокурора, то, съ другой стороны, только сенатъ имѣетъ право ихъ судить, т. е. имѣетъ надъ ними конкретную полноту власти. Въ этихъ чертахъ слагались закономъ нормы взаимоотношеній генералъ-прокуратуры съ представителями прокуратуры мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій. На практикѣ, уже при первомъ генералъ-прокурорѣ, эти отношенія оказались сложнѣе, болѣе развитыми въ ихъ содержаніи.

Прокуроры исполняли двоякую роль по отношенію генералъ-прокуратуры: во-первыхъ, они наблюдали и контролировали дѣйствія тѣхъ учрежденій, при которыхъ они состояли, о всѣхъ замѣченныхъ упущеніяхъ и недостаткахъ немедленно доводя до свѣдѣнія ген.-прокурора; а во-вторыхъ, представители прокуратуры являлись для своего высшаго органа орудіемъ информаціи, обычно болѣе или менѣе регулярной и правильной, въ освѣдомленіи ея объ общемъ ходѣ дѣлъ тѣхъ частей государственнаго механизма, при которыхъ они состояли. Первая часть ихъ роли была, конечно, важнѣе и брала больше времени и энергіи, чѣмъ вторая. Хотя, пожалуй, придется замѣтить, что у большинства прокуроровъ, сравнительно инертнаго, роль информаціонная, какъ обязательная и принудительная, была на первомъ планѣ, а о ихъ контролирующей дѣятельности генер.-прокуроръ мало зналъ, вѣроятнѣе потому, что она была болѣе или менѣе пренебрегаема, а не отъ того, что все шло такъ образцово и безукоризненно въ данномъ учрежденіи, что прокурору только оставалось быть пассивнымъ свидѣтелемъ этого совершенства. Кромѣ того, пожалуй, можно отмѣтить впечатлѣніе, что прокуроры центральныхъ учрежденій были вообще живѣе и дѣятельнѣе прокуроровъ областныхъ.

Контролируя дѣятельность того центральнаго учрежденія, при которомъ находился представитель прокуратуры, онъ, обычно болѣе всего обращалъ вниманія на формы дѣятельности учрежденія, на правильное и точное по законамъ соблюденіе контролируемымъ учрежденіемъ внѣшнихъ формъ въ его дѣйствованіи. Такое обереганіе внѣшней правильности формальной стороны вовсе не должно казаться пустымъ, ненужнымъ формализмомъ, за которымъ фактически могли дѣлаться всякія, хотя формально правильныя, но по существу

беззаконныя дѣла. Если такъ можно было-бы смотрѣть на эту сторону дѣятельности прокуратуры въ послѣднюю половину царствованія Екатерины, если тогда уже тутъ чувствовался, можетъ-быть, только исключительно бездушный формализмъ, то совсѣмъ иное дѣло было въ Петровское время,— да и во всю первую половину XVIII вѣка. Мы сейчасъ конкретно увидимъ, что въ этой погонѣ прокуроровъ того времени за ненарушеніемъ внѣшней формы, несомнѣнно, находило себѣ мѣсто не только установленіе тѣмъ исключительно большаго канцелярскаго порядка, но и сказывалась самая живая, самая злободневная потребность тогдашней русской дѣйствительности.

Прокуроръ Юстицъ-коллегіи пишетъ генералъ-прокурору длинное посланіе, въ которомъ говоритъ, что однажды, по заявленію секретаря коллегіи, свои рѣшенія коллегія,—т. е. члены ея, — ставила въ домѣ президента гр. Матвѣева; когда прокуроръ просмотрѣлъ ихъ, то нашелъ тамъ кое-что «недополнено и противно указамъ»; по его по этому поводу предложенію коллегія его замѣчанія приняла и исправила свои рѣшенія, кромѣ одного (о дачѣ курьеру коллегіи двухъ подводъ), даннаго, по мнѣнію прокурора, противъ регламента, при чемъ, прокуроръ пробуетъ найти этому объясненіе: «нынѣшній приговоръ о подорожной,—доноситъ онъ, на двѣ почтовыя подводы и о выдачѣ прогонныхъ денегъ учиненъ для посылки президентской нужды, и ассесоры безъ всякаго свидѣтельства у приговору подписались, маня президента». Поэтому прокуроръ и протестуетъ противъ такого постановленія, чтобы «за такія ихъ неосновательныя дѣла впредь мнѣ въ несмотрѣніе не причлось», такъ заканчиваетъ онъ свое донесеніе генералъ-прокурору, помѣченное февралемъ 1723 г.[1]). Въ 1722 г. и 1723 годахъ прокуроръ Адмиралтействъ-коллегіи доноситъ генералъ-прокурору о тѣхъ безпорядкахъ въ формальномъ отправленіи дѣлъ этихъ учрежденіяхъ, при которыхъ все дѣлопроизводство останавливается въ своемъ существѣ. Въ августѣ 1722 г. прокуроръ сообщаетъ, что «господа флагманы» въ коллегіи за дѣлами почти никогда не сидятъ «указныхъ пяти часовъ», хотя онъ и «предлагалъ», чтобы «сидѣнье въ коллегіи производили противъ регламенту», но, видимо, его не слушали, почему онъ и доноситъ генералъ-прокурору[2]). А черезъ годъ дѣло, не только не исправилось, но пошло еще хуже, и 23 декабря

---

1) С. А. Секрет. д. № 215.
2) С. А. Секрет. д. № 215.

1723 года сенатъ слушалъ «по предложенію генералъ-лейтенанта и генерала и оберъ прокуроровъ и притомъ по сообщенному доношенію адмиралтейской коллегіи прокурора Козлова — о несогласіи въ адмиралтействъ-коллегіи между флагмановъ, и что адмиралъ и вице-президентъ за болѣзнью въ коллегію не ѣздятъ съ октября; а посылаемые ему въ домъ приговоры и указы иные не крѣпитъ, а подписываетъ свои мнѣнія; а у иныхъ не подписываетъ; да и меморіаломъ въ коллегію къ нѣкоторымъ флагманамъ писалъ, что де они приговоры подписываютъ противно регламенту и указамъ не вѣдая силы, и тѣмъ во отправленіи дѣлъ чинитъ остановку» [1]. — Въ іюлѣ 1723 года прокуроръ Гл. Магистрата Воейковъ докладываетъ генералъ-прокурору о томъ, что въ Магистратѣ идетъ полное «неисправленіе по указамъ Его Величества дѣлъ»; онъ приводитъ рядъ пунктовъ, гдѣ показываетъ, съ одной стороны, полную бездѣятельность этого учрежденія въ формальномъ смыслѣ, а съ другой,—и нѣкоторыя злоупотребленія денежнаго свойства [2]. Такого-же рода донесенія шлетъ генералъ-прокурору и прокуроръ вотчинной коллегіи, гдѣ «не токмо въ челобитчиковыхъ дѣлахъ, но и по полученнымъ указамъ въ дѣлахъ Его Величества замедленіе чинится, и по предложеніямъ его по регламенту и указамъ въ разныхъ дѣлахъ и донынѣ не исправлено». Тутъ и простая неряшливость, и прямыя злоупотребленія, кромѣ того [3]. Въ томъ-же 1723 г. прокуроръ Юстицъ-коллегіи Ржевскій доносилъ о томъ, что члены коллегіи никогда во-время не пріѣзжаютъ въ присутствіе, отчего, понятно, все дѣлопроизводство замедлено. По этому поводу, по докладѣ Ягушинскимъ этого донесенія, сенатъ вызывалъ для дачи объясненій о такихъ непорядкахъ самого президента Юстицъ-коллегіи, гр. Апраксина [4]. Годомъ позже тотъ же прокуроръ Юстицъ-коллегіи сообщаетъ генералъ-прокурору, «что та коллегія отягчена такими дѣлами, которыхъ изъ подчиненныхъ судовъ брать, а другихъ вновь зачинать оной коллегіи не надлежало», т. е. опять формальная неправильность въ дѣйствіяхъ коллегіи, но несомнѣнно имѣющая значеніе по существу, такъ какъ она путала и замедляла отправленіе правосудія и такъ не очень налаженное въ то время [5].

---

1) М. А. М. Ю. Сен. кн. 42/1923, л. 112.
2) М. А. М. Ю. Сен. кн. 35/1916, л. 60 и далѣе.
3) М. А. М. Ю. Сен. кн. 35/1916, л. 62 и др.
4) М. А. М. Ю. Сен. кн. 41/1922, л. 43.
5) М. А. М. Ю. Сен. 54/1935, л. 209—210.

17 января 1724 г. сенатъ слушалъ «по предложенію генерала и оберъ-прокуроровъ, что-де Юстицъ-коллегіи прокуроръ Ржевскій доноситъ о надворныхъ судахъ, изъ которыхъ по многимъ посланнымъ отъ коллегіи указамъ не токмо не исполняютъ и репортовъ отъ другихъ не присылаютъ, и за другія неисполненія указовъ и за неправыя вершенія отъ коллегіи накладываются штрафы; токмо оныхъ штрафовъ отъ тѣхъ судовъ не присылаютъ; и во всемъ томъ чинится отъ нихъ ослушаніе» [1]). Изъ этого видно, что въ отношеніяхъ Юстицъ-коллегіи и надворныхъ судовъ царилъ большой безпорядокъ.

Но прокуроры не только доносили о несовершенствахъ въ дѣятельности центральныхъ учрежденій, происходящихъ отъ злой воли управлявшихъ этими учрежденіями. Прокуроры, видимо, болѣе широко понимали задачи своего контроля; именно, какъ только они замѣчали вообще какія-бы то ни было, по ихъ мнѣнію, неправильности въ ходѣ административной машины, они сейчасъ-же докладывали объ этихъ своихъ наблюденіяхъ ген.-прокурору, съ указаніемъ мѣръ, необходимыхъ для уничтоженія такихъ неправильностей. Иногда преслѣдовалось устраненіе формальныхъ несовершенствъ; иногда-же представители прокуратуры входили въ обсужденіе несовершенства самой дѣятельности какого-либо установленія въ ея существѣ. Въ концѣ 1724 года прокуроръ Юстицъ-коллегіи Ржевскій доносилъ, что «во оной коллегіи за умаленіемъ членовъ дѣла остановились и управлять некому», почему ген.-прокуроръ обратился въ сенатъ съ предложеніемъ о пополненіи состава коллегіи новыми членами [2]). Въ 1723 г. прокуроръ Штатсъ-конторы доноситъ, что президентъ конторы переведенъ въ коллегію, другіе присутствующіе члены коллегіи въ большинствѣ тоже назначены указами сената къ другимъ дѣламъ, почему необходимо усилить составъ присутствія, чтобы дѣла шли нормально; и объ этомъ было донесено коллегіей въ сенатъ, «однако рѣшеніе не учинено», почему прокуроръ и доноситъ съ своей стороны о томъ-же, «чтобъ мнѣ не причлось къ несмотрѣнію», какъ онъ выражается [3]).—Прокуроръ Адмиралтействъ-коллегіи доноситъ, что при коллегіи не имѣется фискала; а это, по его мнѣнію, вредно отражается на «интересѣ Его Императорскаго Величества»; и, по разсужденію прокурора, необходимо быть при коллегіи четыремъ фискаламъ и одному

---

[1]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 41/1923.
[2]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 54/1935, л. 210—211.
[3]) С. А. Секрет. д. № 215, л. 45/68.

оберъ-фискалу [1]). А въ 1722 г. прокуроръ Штатсъ-конторы доноситъ, что по его наблюденію большое количество гербовой бумаги (на сумму въ 98 т. руб.) Оружейной Палатой разослано по различнымъ учрежденіямъ; поступило-же въ оплату ея отъ этихъ учрежденій только 15 т., а 83 т. рублей остаются въ недоимкѣ, что́, конечно, является ущербомъ для интересовъ казны. И прокуроръ требуетъ, чтобъ были разосланы объ этомъ отъ сената соотвѣтственные указы, и чтобы ему позволили, давъ одного подъячаго въ помощь, изслѣдовать детально это дѣло. По генералъ-прокурорскому предложенію сенатъ, выслушавъ объ этомъ прокурорскомъ доношеніи, даетъ требуемый указъ, въ развитіе «слѣдованія» этого дѣла, и кромѣ того, особый большой указъ къ усовершенствованію вообще всего дѣла по отпуску учрежденіямъ гербовой бумаги [2]). По наблюденію прокурора Мануфактуръ-коллегіи шпалерная и коломенковая казенныя фабрики «зѣло неприбыльны»; онъ составляетъ по этому вопросу подробный «для извѣстія экстрактъ» и входитъ къ генералъ-прокурору съ соотвѣтственнымъ доношеніемъ, чтобы такое нарушеніе «интереса Его Величества» «не причлось мнѣ въ несмотрѣніе», какъ выражается онъ въ своемъ доношеніи [3]). Прокуроръ Штатсъ-конторы-коллегіи замѣтилъ то-же большое упущеніе «интереса» и спѣшитъ донести объ этомъ генералъ-прокурору. Дѣло идетъ о собираемой ландратами, согласно указу, суммѣ по гривнѣ съ двора, которая должна итти на жалованіе ландратамъ и ихъ канцеляріямъ; но расходоваться она можетъ только по указу о томъ сената. Коллегія, по предложенію прокурора, нѣсколько разъ посылала запросы по поводу этой суммы и никакихъ отвѣтовъ не можетъ добиться; а между тѣмъ, эта сумма въ ея цѣломъ достигаетъ 883403 руб., по исчисленію прокурора [4]).

Если въ такихъ направленіяхъ шла дѣятельность прокуратуры при центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, то, видимо, не отличалась чѣмъ-либо отъ этого и дѣятельность провинціальной прокуратуры при мѣстныхъ учрежденіяхъ, хотя у насъ крайне мало матеріала для возможности судить объ этомъ съ достаточной точностью и безошибочностью; однако, это подтверждается на примѣрѣ дѣятельности прокурора Московскаго надворнаго суда кн. Гагарина, отъ которой мы имѣемъ нѣкоторые слѣды. Дѣятельность этого прокурора была,

---

1) С. А. Секр. д. № 215.
2) М. А. М. Ю. Сен. кн. 50/50.
3) С. А. Секр. дѣл. № 215, л. 75 (син. каранд.).
4) М. А. М. Ю. Сен. кн. 50/50, л. 777—788.

можетъ-быть, особенно интенсивна потому, что, очевидно, у него были опредѣленно враждебныя личныя отношенія съ составомъ суда. Однако, вся протестаціонная дѣятельность Гагарина отнюдь не выходила за предѣлы закона и его обязанностей (что̀ признавалось и генералъ-прокуроромъ, и Сенатомъ, до котораго доходили его протестаціи), а потому мы имѣемъ полное право считать его дѣятельность близкой въ общихъ чертахъ къ нормально-типической для провинціальной прокуратуры. Прежде всего Гагаринъ шлетъ нѣсколько доношеній генералъ-прокурору о томъ, что Москов. надвор. судъ не соблюдаетъ никакихъ указовъ и статей Уложенія о розыскѣ надъ преступниками, отчего, по мнѣнію прокурора, чинится «ворамъ послабленіе» [1]). Затѣмъ онъ дѣлаетъ рядъ доношеній, съ исчисленіемъ разныхъ незаконныхъ дѣйствій чиновъ того-же Москов. надвор. суда при веденіи процессовъ; при этомъ онъ особенно уличаетъ предсѣдателя суда, нѣкоего полков. Тарбѣева. Когда ген.-прокуроръ доложилъ сенату эти доношенія, то сенатъ постановилъ, чтобы все это «разсмотрѣть въ Москвѣ оставшему сенацкому члену» (гр. А. А. Матвѣеву) [2]). Затѣмъ Гагаринъ доносилъ, что въ Юстицъ-коллегіи должны по указу сенатскому разсмотрѣть дѣло «въ задержаніи въ надворномъ судѣ подполковникомъ Тарбѣевымъ въ иску своемъ полкового квартирмейстера Алексѣя Радищева; также о свободѣ имъ Тарбѣевымъ изъ надворнаго суда поручика Кобелева и о необычайномъ его, Тарбѣева, въ судейской конторѣ крику»; однако до сихъ поръ «рѣшенія не учинено». Сенатъ подтверждаетъ коллегіи о скорѣйшемъ рѣшеніи этихъ дѣлъ [3]). А иногда, видимо, этотъ прокуроръ рѣшался исключительно ради справедливости и пользы дѣла возставать даже противъ сильныхъ людей. Вотъ что записано въ одномъ сенатскомъ протоколѣ отъ ноября 1724 года: «по доношенію Московскаго надворнаго суда прокурора князь Василья Гагарина, которое предложено отъ генерала лейтенанта и генерала прокурора и кавалера Ягушинскаго: 1) по дѣлу крачего господина Салтыкова людей его Якова Максимова, Василья Герасимова въ убійствѣ дву человѣкъ крестьянъ по приказу человѣка-жъ его, который былъ въ селѣ Кимрѣ приказчикомъ Михайла Архипова, да попа Михайла Михайлова, котораго человѣка и попа да оговорнаго человѣка писаря Дмитрія Сарыгина оный г. Салтыковъ упрямствомъ своимъ въ тотъ надворный судъ не ставитъ,

---

1) М. А. М. Ю. Сен. кн. 53/1934, л. 10—11.
2) Ib. л. 12—13.
3) Ib. л. 12.

въ чемъ держаны были люди его многое время, токмо и за тѣмъ держаніемъ оныхъ оговорныхъ не поставилъ; и за тою непоставкою изъ означенныхъ убойцевъ Як. Максимовъ, сидя за карауломъ многое время, безъ розыску и безъ очныхъ ставокъ умре; и за такимъ де укосненіемъ опасно, дабы и оставшій убійца за непоставкою тѣхъ его оговорныхъ людей безъ розыску и безъ очныхъ ставокъ не умеръ, что́ изслѣдовать будетъ некѣмъ». На такое доношеніе, представленное сенату, этотъ послѣдній «приказалъ» «вышеозначеннаго его Салтыкова человѣка Михайла Архипова, буде онъ въ Санктпетербургѣ, взявъ немедленно въ Юстицъ-коллегію, послать въ Московскій надворный Судъ за карауломъ на ямскихъ подводахъ на коштѣ его, г. Салтыкова. А буде того человѣка въ Санктпетербургѣ нѣтъ, то взять у него, г. Салтыкова, въ Юстицъ-коллегіи сказку, чтобъ онъ того человѣка поставилъ въ Москвѣ въ надворномъ судѣ на поверстный срокъ по указу, объявя ему, буде онъ на тотъ срокъ не поставитъ, тогда взятъ и держанъ будетъ самъ въ Сенатѣ» [1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности, вслѣдствіе скудости матеріала, выяснить, насколько подобнаго рода выступленія прокуратуры на защиту государственныхъ правъ бывали часты и многочисленны.

Мы уже говорили выше, что прокуроры,—какъ при центральныхъ, такъ и при областныхъ учрежденіяхъ,—должны были, кромѣ своихъ обязанностей по прямому надзору и контролю, которыя мы только-что разсматривали, еще доносить генералъ-прокурору болѣе или менѣе регулярно о повседневной дѣятельности установленій, при которыхъ они состояли, такимъ образомъ, служа для генералъ-прокуратуры своего рода информаторами о фактическомъ дѣйствіи управленія и суда на территоріи Имперіи.

Такая информаціонная обязанность прокуроровъ заключалась, очевидно, въ доставленіи регулярно опредѣленныхъ, въ большинствѣ цифровыхъ, по опредѣленной формѣ составленныхъ свѣдѣній и данныхъ. Объ этомъ можно заключать по слѣдующимъ отрывочнымъ сообщеніямъ, которыя до насъ дошли; именно,—въ 1724 году прокуроръ Адмиралтейской коллегіи Ив. Козловъ посылаетъ рядъ подробнѣйшихъ рапортовъ на имя генералъ-прокурора о томъ, сколько въ данный срокъ вершено въ коллегіи дѣлъ и сколько послано по нимъ «указовъ, промеморій и писемъ»; все это представлено въ табличной формѣ [2]). Уже знакомый намъ прокуроръ московскаго надворнаго

---

[1]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 53/1934, л. 9.
[2]) С. А. Секр. д. № 215.

суда кн. Гагаринъ присылаетъ нѣсколько разъ доношенія на имя генералъ-прокурора, гдѣ даетъ полные реестры, цѣлыя вѣдомости, «вершеныхъ и невершеныхъ фискальскихъ доносителевыхъ и интересныхъ дѣлъ» [1]). Тотъ-же прокуроръ дѣлаетъ длинныя доношенія и о своей дѣятельности въ надворномъ судѣ, перечисляя всѣ свои «предложенія» [2]). Такіе обрывки данныхъ, конечно, не позволяютъ дѣлать никакихъ заключеній о широтѣ и направленіи этой информаціонной дѣятельности прокуроровъ въ отношеніи ихъ шефа; можно только констатировать ея существованіе,—и не болѣе.

Изъ приведеннаго нами въ началѣ этой главы текста п. 3-го генералъ-прокурорской «Должности» уже видно, что вся вышеочерченная дѣятельность прокуратуры должна была проходить черезъ сенатъ, при посредствѣ соотвѣтственныхъ о ней докладовъ генералъ-прокурора. Такъ, очевидно, практиковалось и на самомъ дѣлѣ. Всѣ болѣе или менѣе значительныя по содержанію прокурорскія доношенія Ягушинскій «предлагалъ» на разсмотрѣніе сената, который обычно отъ этого разсмотрѣнія не уклонялся, серьезно входилъ въ обсужденіе дѣла и ставилъ опредѣленныя, иногда рѣшительныя по тону, резолюціи; примѣры этого мы приводили выше, когда передавали данныя о дѣятельности прокуратуры (напр., рѣшеніе сената по доношенію прокурора Штатсъ-коллегіи о гербовой бумагѣ, по доношенію прокурора Юстицъ-коллегіи о непріѣздахъ въ присутствіе коллежскихъ членовъ, по доношенію прокурора надворнаго московскаго суда о людяхъ Салтыкова и др.).

Такъ, несомнѣнно, генералъ-прокуроръ, черезъ своихъ агентовъ, слѣдилъ и контролировалъ,—въ широкомъ смыслѣ этого слова,—управленіе и судъ въ Россіи. Иное дѣло, конечно, насколько полно и регулярно былъ проведенъ этотъ контроль во всѣхъ областяхъ русскаго государственнаго строя. Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что онъ существовалъ въ дѣйствительности (а не только въ «Должности») и именно имъ были заняты прокуроры въ своей дѣятельности, объединяемые генералъ-прокуратурой.

---

1) С. А. Секр. д. № 215, л. 42, л. 44.
2) Ib. л. ?

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Генералъ-прокуратура въ эпоху Верховнаго Тайнаго Совѣта.

I.

Верховный Тайный Совѣтъ получилъ свое бытіе 8 февраля 1726 года. Почти ровно годъ, первый въ царствованіе Имп. Екатерины I-й,—внѣшне, по крайней мѣрѣ,—продолжался старый, Петровскій строй государственнаго управленія: сенатъ сохранялъ свое Петровское значеніе; ген.-прокуроромъ оставался П. И. Ягушинскій. Однако, постепенно, но опредѣленно стала подготовляться перемѣна въ области центральнаго государственнаго управленія, въ результатѣ которой на первое мѣсто выдвинулся вновь образованный Верховный Тайный Совѣтъ. Сенатъ принялъ очень отличный отъ Петровскаго обликъ; генералъ-прокуроръ былъ фактически упраздненъ, а ген.-прокурорская власть сосредоточена въ рукахъ оберъ-прокуроровъ, при чемъ несомнѣнно было,—частью, увидимъ, осуществленное,—стремленіе у Верховнаго Тайнаго Совѣта фактически совершенно уничтожить ген.-прокуратуру даже въ такой ея, оберъ-прокурорской формѣ. Возстановленіе, больше для видимости, Петровскихъ учрежденій въ 1730 году повело къ уничтоженію Верховнаго Тайнаго Совѣта и возстановленію сената въ его Петровскомъ значеніи, а также и ген.-прокуратуры со старымъ ея представителемъ, Ягушинскимъ, во главѣ. Но Ягушинскій не былъ назначенъ ген.-прокуроромъ; онъ только былъ опредѣленъ временно исполнять его обязанности, оставаясь по существу только «сенатскимъ членомъ». Прошелъ всего годъ; наступило время кабинетнаго правленія, и опять ген.-прокурорская власть переходитъ въ руки оберъ-прокуроровъ.

Прослѣдить исторію ген.-прокурорской власти до начала этого момента, до начала кабинетнаго управленія отъ начала царствованія Имп. Екатерины I-й и является задачей предлагаемаго очерка.

Подлиннаго дѣлопроизводства «ген.-прокурорскихъ дѣлъ» этого времени мы не могли найти нигдѣ, ни въ его цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ его. Такимъ образомъ, возможность воспользоваться, для выполненія вышепоставленной задачи, основнымъ, наиболѣе во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ матеріаломъ мы не могли. Пришлось пользоваться матеріалами другого типа, матеріалами сравнительно второстепенными, но въ виду такого положенія вещей, пріобрѣтшими первостепенное значеніе. Этими матеріалами явились, во-первыхъ, черновыя журнальныя записки сената за разсматриваемый періодъ времени; во-вторыхъ, протоколы сената за то же время; и въ-третьихъ, журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта. Сенатъ являлся для ген.-прокурорской власти тѣмъ установленіемъ, въ отношеніяхъ къ которому должны были развиваться,—и проявлялись дѣйствительно,—основныя функціи, главнѣйшее содержаніе дѣятельности генералъ-прокурорскаго института; ни къ одному изъ другихъ установленій въ Россіи не находилась ген.-прокуратура въ такихъ тѣсныхъ, постоянныхъ и непосредственныхъ отношеніяхъ, какъ именно и только къ сенату. Было еще одно центральное верховное учрежденіе, тѣсно связанное со всѣмъ управленіемъ съ одной стороны и особенно близко стоявшее къ сенату,—съ другой, тѣмъ самымъ особенно тѣсно соприкасавшееся съ дѣятельностью ген.-прокуратуры. Это былъ Верховный Тайный Совѣтъ. Такъ намѣчается кругъ тѣхъ учрежденій, дѣлопроизводственный фондъ которыхъ можетъ дать главнѣйшій матеріалъ для исторіи ген.-прокуратуры разсматриваемаго періода.

Несомнѣнно, что въ дѣлопроизводственныхъ фондахъ другихъ центральныхъ учрежденій,—и прежде всего коллегій,—могутъ найтись разбросанными иногда, возможно, цѣнные матеріалы для нашей темы; но трудная исполнимость для силъ одного человѣка просмотра всѣхъ фондовъ всѣхъ центральныхъ учрежденій Россіи за данный періодъ времени остановила насъ въ этомъ. И кромѣ того, тотъ матеріалъ, который оказался въ нашихъ рукахъ, послѣ использованія вышеуказанныхъ дѣлопроизводственныхъ фондовъ сената и Верховнаго Тайнаго Совѣта, явился настолько полно въ *общемъ* освѣщающимъ дѣятельность изучаемаго института за данное время, что оказалась полная возможность съ нѣкоторой увѣренностью нарисовать основныя линіи въ этой дѣятельности. Напомнимъ, что въ нашу задачу не входитъ давать полную, болѣе или менѣе исчерпывающую исторію ген.-прокуратуры за XVIII в.; мы имѣемъ въ виду дать только очерки этой исторіи, намѣтить только ея основныя, главнѣйшія линіи.

Общій дѣлопроизводственный фондъ сената и В. Т. Совѣта за разсматриваемое время, конечно, состоитъ не только изъ журнальныхъ записокъ и протоколовъ; его содержаніе несравненно сложнѣе; однако, не трудно видѣть, что по самому существу и по формѣ своей дѣятельности ген.-прокуратура могла отражать всю свою основную дѣятельность только въ этихъ вышеназванныхъ двухъ дѣлопроизводственныхъ формахъ. Это сразу ясно изъ разсмотрѣнія «Должности» 1722 г. Поэтому для нашей цѣли мы полагаемъ достаточнымъ изученіе только этихъ двухъ вышеназванныхъ дѣлопроизводственныхъ фондовъ; повторяемъ, писать исчерпывающе полную исторію ген.-прокуратуры не входитъ въ нашу задачу.

Черновыя журнальныя записки по сенату за 1725—1729 годы хранятся въ Моск. Архивѣ Мин. Юст. въ ряду сенатскихъ книгъ подъ №№ 1892—1903. По содержанію своему онѣ являются черновыми, часто сокращенными, не всегда понятными, часто перечеркнутыми и исправленными записями всего того, что говорилось и дѣлалось въ засѣданіяхъ сената. Вѣроятно, записи эти должны были служить собственно матеріаломъ для составленія настоящаго, формально правильнаго протокола; однако, очевидно, за данное время таковыхъ не составлялось. Никакой актовой юридической силы за этими документами признавать, конечно, нельзя; юридическая точность и достовѣрность ихъ очень сомнительна; они никѣмъ не закрѣплены и не подписаны; однако, съ другой стороны, они отлично отражаютъ собой обычную, каждодневную дѣятельность сената въ его засѣданіяхъ, видимо, довольно полно передавая ихъ ходъ. Подлинность этого фонда едва-ли подлежитъ сомнѣнію: за это говоритъ и провеніенція его, и всѣ внѣшнія данныя, съ бумаги и почерка начиная.

«Протоколы» сената за тѣ-же годы,—т.-е. съ 1725 по 1729, — представляютъ собой рядъ рѣшеній - постановленій сената по отдѣльнымъ разнаго рода дѣламъ, начисто переписанныхъ и утвержденныхъ подписями соотвѣтственныхъ сенаторовъ. Это—акты, уже несомнѣнно имѣющіе настоящее юридическое значеніе и силу. Хранятся они тоже въ Москов. Архивѣ Мин. Юст.; подлинность ихъ тоже является несомнѣнной; хранятся они въ числѣ сенатскихъ книгъ за №№ 1937—2013. Журналы В. Т. Совѣта, какъ извѣстно, изданы въ «Сборникахъ Импер. Рус. Ист. Общества», этимъ изданіемъ ихъ мы и пользовались для нашихъ цѣлей.

II.

Послѣ смерти Петра Великаго, генералъ-прокуроромъ продолжалъ оставаться гр. П. Ив. Ягушинскій, а оберъ-прокуроромъ сената—Ив. Бибиковъ. Такъ прошелъ 1725 годъ; но уже съ конца января слѣдующаго 1726 года Ягушинскій почти перестаетъ бывать въ сенатскихъ засѣданіяхъ, только иногда присылая свои письменные приказы къ оберъ-секретарямъ; также и срочныя мелкія дѣла по ген.-прокуратурѣ онъ исполняетъ, уже не пріѣзжая въ сенатъ [1]). 8 февраля 1726 г. Ягушинскій получаетъ именной «указъ генералу-лейтенанту и генералъ-прокурору господину Ягушинскому», въ которомъ Екатерина объявляетъ объ учрежденіи Верх. Тайнаго Совѣта и о назначеніи въ его составъ нѣсколькихъ сенаторовъ, кончая указъ словами, обращенными уже непосредственно къ самому Ягушинскому, увѣщевающими его «поступать по данной вамъ инструкціи и по присяжной своей должности, несмотря ни на кого, такъ, какъ передъ Богомъ и государствомъ чистой отвѣтъ дать, какъ честному и доброму человѣку, надлежитъ». Указъ подписанъ собственноручно Екатериной [2]). 10 февраля Ягушинскій явился въ засѣданіе сената, и «объявилъ» этотъ указъ; то, кажется, было послѣднее выступленіе Ягушинскаго въ качествѣ ген.-прокурора передъ сенатомъ. Затѣмъ имя его исчезаетъ изъ сенатскихъ журналовъ и протоколовъ.

Онъ вскорѣ получаетъ должность шталмейстера, и уже въ апрѣлѣ, очевидно, не числится болѣе ген.-прокуроромъ; затѣмъ въ августѣ онъ отсылается въ Польшу съ дипломатической миссіей [3]). А въ сенатѣ въ должность ген.-прокурора вступаетъ оберъ-прокуроръ Ив. Бибиковъ, котораго по указу отъ 17 февраля 1727 г. смѣнилъ М. Воейковъ. Но недолго Воейковъ оставался оберъ-прокуроромъ въ старомъ, петровскомъ значеніи этого званія. Уже въ «журналѣ» В. Т. Совѣта отъ 3 марта 1727 г. было записано слѣдующее постановленіе совѣта: «оберъ-прокурору Воейкову выдать и рекетмейстерскую должность,.. понеже по указу о убавленіи народныхъ тягостей велѣно канцелярій и служителей убавливать» [4]). А сенатъ, исполняя этотъ указъ Совѣта, въ своемъ опредѣленіи писалъ по этому поводу: «понеже должность генерала рекетмейстера

1) См. М. А. М. Ю. Сен. кн. 1893, л. 51 и слѣд.
2) С. А. кн. имен. высоч. пов. № 29, л. 155.
3) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1893, л. 61, и также см. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 55, стр. 208, 217 и т. 56, ст. 24—25.
4) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 63, стр. 196.

состоитъ въ томъ, что онъ по имѣющимся у себя дѣламъ докладываетъ сенату и по резолюціямъ онаго поступаетъ, а сенату о тѣхъ его дѣлахъ оберъ-прокуроръ представляетъ, и тако въ содержаніи рекетмейстерской конторы напрасное жалованье происходитъ, того ради Е. И. В. указала должность ген.-рекетмейстера исполнять сенатскому оберъ-прокурору, и тѣми-жъ приказными людьми, которые при сенатѣ; а конторѣ рекетмейстерской не быть, чтобъ напраснаго жалованья не происходило» [1]). Такъ Воейковъ былъ не только оберъ-прокуроромъ, заступавшимъ мѣсто ген.-прокурора, но и ген.-рекетмейстеромъ въ то же время. При томъ, назначенію Воейкова предшествовали, видимо, какія-то колебанія; въ «журналѣ» совѣтскомъ отъ 30 янв. 1727 г. было записано, что «т. с. госп. Макаровъ объявилъ, что Ея Имп. Величество, по докладу В. Т. Совѣта указать соизволила: въ ревизіи быть ген.-маіору Бибикову, а въ сенатѣ на его мѣсто въ оберъ-прокуроры опредѣлить, ежели кого иного не сыщется, вице-президента Алексѣя Бибикова» [2]). Въ протоколѣ 9 февраля уже «присутствующія особы... согласно разсудили» въ оберъ-прокуроры на мѣсто Бибикова «вице-президента Алексѣя Бибикова и генералъ-рекетмейстера Матвѣя Воейкова, кому изъ нихъ соизволитъ Ея Имп. Вел.» [3]). Наконецъ, указомъ 17 февраля колебанія были кончены: оберъ-прокуроромъ былъ окончательно назначенъ Матв. Воейковъ [4]). Замѣшанный въ 1730 году въ дѣла Голицыныхъ и Долгорукихъ, Воейковъ тогда исчезаетъ съ служебнаго горизонта [5]), и манифестомъ 2 октября 1730 года оберъ-прокуроромъ былъ опредѣленъ знаменитый Анисимъ Масловъ; но рядомъ съ этимъ, «покамѣстъ, гласилъ этотъ манифестъ, особливый отъ насъ генералъ-прокуроръ опредѣленъ будетъ, имѣть въ должности его надзираніе изъ членовъ сенатскихъ генералу Ягужинскому». Такъ, если не возстановлялся настоящій ген.-прокуроръ, то, по крайней мѣрѣ одинъ изъ «сенатскихъ членовъ», первый и до того времени единственный бывшій ген.-прокуроръ, временно исполнялъ его обязанности [6]). Такъ было до начала временъ

---

[1]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1965 (протоколъ отъ 18 апрѣля); см. также П. С. З. № 5023.

[2]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 63, ст. 74.

[3]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 63, стр. 117.

[4]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 63, стр. 120—121, а также см. *Барановъ*. Опис. выс. пов. т. II, № 2065.

[5]) *Филипповъ*. Ист. сената въ правл. В. Т. Совѣта, стр. 288.

[6]) П. С. З. № 5625.

«кабинетнаго правленія» [1]). Есть указаніе на то, что въ концѣ существованія В. Т. Совѣта весь институтъ прокуратуры во главѣ видимо, съ ген.-прокуроромъ и оберъ-прокуроромъ было рѣшено фактически уничтожить, что постепенно приводилось въ исполненіе, и въ извѣстной части, какъ увидимъ, было доведено до конца. Въ засѣданіи В. Т. Совѣта 13 іюня 1729 г. была «слушана взятая справка изъ сената о прокурорахъ, и притомъ положено о сенатскомъ оберъ-прокурорѣ Воейковѣ и синодскомъ Баскаковѣ быть-ли имъ въ тѣхъ мѣстахъ, разсужденіе имѣть при общемъ собраніи, а о прочихъ размѣчено по той справкѣ; тако-жъ разсуждено справиться объ нихъ, кто съ котораго года въ военной службѣ былъ и кому нынѣ сколько лѣтъ». Эта «размѣченная справка» показываетъ, что всѣ въ ней помѣщенные прокуроры коллегій, канцелярій и проч. были теперь опредѣлены къ другимъ дѣламъ или оставлены не у дѣлъ; только Бибикова и Баскакова, не рѣшились пока тронуть безъ «общаго собранія», котораго по этому вопросу, видно, такъ и не состоялось до самаго конца существованія В. Т. Совѣта, почему оберъ-прокуроръ Воейковъ продолжаетъ свою дѣятельность въ сенатѣ до самаго конца 1729 года [2]).

Итакъ генералъ-прокурорская власть въ изучаемый періодъ находилась сначала въ рукахъ ген.-прокурора П. И. Ягушинскаго (до февраля 1726 г.), затѣмъ въ рукахъ оберъ-прокурора И. Бибикова (до февраля 1727 г.), потомъ въ рукахъ оберъ-прокурора-же М. Воейкова (до конца 1729 г.) и, наконецъ, была временно поручена съ февраля 1730 г. «сенатскому члену», опять тому-же Ягушинскому, и оставалась въ его рукахъ вплоть до того момента, когда во главѣ управленія страной сталъ образованный въ 1731 г. Кабинетъ.

Ягушинскій по старому, какъ то было при Петрѣ Великомъ, продолжалъ понимать и исполнять свои ген.-прокурорскія обязанности; но при томъ, несомнѣнно, нѣкоторыя черты въ этомъ пониманіи опредѣленнѣе и сильнѣе проявились на практикѣ.

Прежде всего, Ягушинскій нерѣдко являлся въ отношеніи сената объявляющимъ ему тѣ или иные указы верховной власти къ исполненію. Къ сожалѣнію, по имѣющимся матеріаламъ нельзя установить, какова была роль и значеніе

---

[1]) Послѣднее выступленіе Ягушинскаго въ сенатѣ, сколько мы могли установить, было 4 октября, 1731 г.; затѣмъ онъ уже въ сенатѣ, какъ ген.-прокуроръ, не появляется. См. М. А. М. Ю. Сен. кн. 1902 (л. 73.)

[2]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 94, ст. 753—756.

личной инициативы ген.-прокурора въ самомъ содержанiи того или иного, имъ сенату передаваемаго, указа Императрицы. Иногда эти указы передавались въ торжественной формѣ «предложенiй»; такъ въ 1725 году Ягушинскiй дѣлалъ такое «Пр. Сенату предложенiе: Ея Величество Гос. Императрица пожаловала указала капитану-лейтенанту Острсену, которому по указу-жъ за собственною Е. В. рукою прошедшаго iюня 17 дня велѣно быть прежнимъ чиномъ во флотѣ, быть ему въ морскомъ флотѣ капитаномъ третьяго ранга. Того ради Пр. Сенату о исполненiи того Е. В. указу симъ предлагаю. Павелъ Ягушинскiй» (подпись) [1]. Гораздо чаще ген.-прокуроръ просто «объявлялъ» сенату именной указъ, что́ и заносилось въ протоколъ; такъ 6 марта 1725 г. сенату «ген.-прокуроръ объявилъ, что Е. И. В. указала: казненныя тѣла и головы, которыя на деревянныхъ столбахъ, кромѣ тѣхъ, которыя головы на каменныхъ столбахъ, такожъ и съ висѣлицъ въ С.-Петербургѣ во всѣхъ мѣстахъ снять, и тѣ деревянные столбы и висѣлицы срубя, въ тѣхъ мѣстахъ свесть, а рундукъ, на которомъ чинится экзекуцiя, свесть-же и поставить въ удобномъ мѣстѣ» [2]. 26 мая 1726 г. Ягушинскiй объявилъ, что «Ея Величество Гос. Имп. указала воеводу Нелединскаго-Мелецкаго отставить, а быть на мѣсто его»... тутъ почему-то протокольная записка прерывается [3]. 8 ноября «ген.-прокуроръ объявилъ, что Е. И. В. указала Ѳедосiю Ма . . . ву (неразборчиво) быть въ Вотчинной коллегiи президентомъ; а о другихъ коллегiи членахъ, которые рангами не опредѣлены, разсмотрѣть въ Сенатѣ. Онъ-же объявилъ, что Ея Имп. В. указала дѣло . . . (фамилiя написана неразборчиво) разсмотрѣть въ Юстицъ-коллегiи; а разсмотря и подписавъ свое мнѣнiе, подать въ Кабинетъ Е. В. немедленно» [4]. Несомнѣнно, указы, передаваемые сенату ген.-прокуроромъ, никогда не носили характера важныхъ государственныхъ распоряженiй, да и число ихъ было невелико. Видѣть въ этомъ указанiе на существованiе у ген.-прокурора тутъ всей полноты посреднической функцiи между сенатомъ и верховной властью едва-ли есть основанiе. Скорѣе, если сравнить съ Петровскимъ временемъ, Ягушинскiй сталъ дальше отъ этой роли въ Екатерининское время, что́ легко объясняется и тѣмъ, что Ягушинскiй лично былъ совсѣмъ не такъ близокъ новой Императрицѣ, какъ былъ близокъ Петру Великому.

---

[1]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1944, л. 64.
[2]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1892, л. 112.
[3]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1892, л. 214 об.
[4]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1892, л. 506.

Но рядомъ съ этимъ, вмѣстѣ съ этимъ Екатерина не могла быть такъ близка къ сенату, такъ входить въ его дѣятельность, ею руководить, быть своимъ собственнымъ ген.-прокуроромъ и тѣмъ, какъ видѣли во время Петра Великаго, ограничивать власть и вліяніе ген.-прокурора. Всѣ эти моменты, присущіе Петровскому времени, теперь со смертью Императора отпали. И это сразу отразилось на дѣятельности Ягушинскаго, у котораго отнынѣ стали болѣе развязаны руки въ отношеніи сената, а потому его вліяніе тамъ возрасло, а стремленія къ «министерской» власти получили возможность бóльшаго проявленія, бóльшаго развитія.

5 іюля 1725 г. Ягушинскій «Пр. Сенату предлагалъ, чтобъ ревизіонъ-контору учинить коллегіей, дабы счеты взысканы были безъ упущенія; также чтобъ съ крестьянства подушныхъ денегъ убавить, дабы не пришли въ конечную скудость; а генералитету и офицерамъ жалованье выдавать бы по табелю 712 году» [1]). 5 октября «Ягушинскій предлагалъ, не соизволятъ-ли для исправленія народной тягости изъ положеннаго окладу... ненадлежащіе расходы убавить; и притомъ чтенъ реестръ, на которые расходы та сумма положена» [2]). И въ отвѣтъ на это «предложеніе» въ «протоколѣ» сената отъ 6 октября было записано: «Пр. Сенатъ по предложенію ген.-лейт. и ген.-пр-ра и по объявленнымъ рапортамъ въ коллегіи: въ военную—съ вѣчныхъ квартиръ отъ штапъ и оберъ-офицеровъ, въ каморъ—отъ земскихъ комиссаровъ о тягости и о скудости крестьянской и о многомъ подушныхъ денегъ, какъ на прошлый 1724 такъ и сего году на прошедшіе двѣ трети недоборѣ, разсуждая, какимъ-бы образомъ въ такомъ случаѣ учинить имъ облегченіе, а войски-бъ въ жалованью содержать безъ умаленія; и по довольномъ о томъ разсужденіи, усмотря конечныя ихъ невозможности, приказали написать въ докладъ Ея Величеству слѣдующее»; затѣмъ идетъ обстоятельное изложеніе тѣхъ «ихъ невозможностей», вслѣдствіе которыхъ крестьяне не могутъ нести положенный на нихъ окладъ, и предлагается рядъ конкретно-формулированныхъ опредѣленныхъ мѣръ, которыя надлежитъ въ виду этого принять «для того народнаго облегченія»; изъ этихъ мѣръ основными намѣчалось, во-первыхъ, пониженіе подушнаго оклада и, во-вторыхъ, исключеніе нѣкотораго числа душъ изъ этого оклада. Вопросъ этотъ былъ очень важенъ и стоялъ, видимо, достаточно остро въ тотъ моментъ, такъ-какъ сенатъ

---

1) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1892, л. 299.
2) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1892, л. 440 об.

этотъ свой докладъ кончаетъ слѣдующей фразой: «а ежели такого милосердія съ нимъ показано не будетъ, и такой великій нарядъ нынѣ съ вышеозначеннымъ народу убыткомъ учинить, къ тому-жъ прежде взятые 70 тысячъ человѣкъ слишкомъ изъ подушнаго окладу выключены не будутъ, то по всякій годъ оставшіе за одныхъ рекрутъ, кромѣ умершихъ и бѣглыхъ, платить будутъ болѣе ста тысячъ рублей; и отъ того такое видится опасеніе, что впредь не токмо войскъ содержать будетъ нéчѣмъ, но и государственный неисправляемый вредъ приключиться можетъ» [1]). И несомнѣннымъ иниціаторомъ всего этого дѣла, его вдохновителемъ явился Ягушинскій со своимъ «предложеніемъ». 18 октября 1715 г. сенатъ постановляетъ «по предложенію генерала и оберъ-прокуроровъ» «во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, въ которыхъ всякихъ чиновъ на людехъ имѣются доимки, а тѣ люди будутъ объявлять, что имъ надлежитъ взять изъ казны въ тѣхъ же или другихъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ; и по тѣмъ ихъ объявленіямъ справливаться съ тѣми мѣстами, гдѣ имъ изъ казны надлежитъ выдать и по справкѣ такія деньги зачитать или отсылать въ платежъ той доимки; точію куда о той справкѣ писано будетъ, то изъ того мѣста отвѣтствовать о томъ изъ коллегій и канцелярій въ мѣсяцъ, а изъ губерній и провинцій—на поверстный срокъ, а болѣе не продолжать подъ указнымъ штрафомъ. Тако-жъ кому той казенной доимки за скудостью платить будетъ нéчѣмъ, а будутъ объявлять свои долги на партикулярныхъ людехъ, и ту доимку по письменному свидѣтельству и по допросамъ съ тѣхъ ихъ должниковъ, на комъ взять будетъ мочно, взыскивать, какъ указы повелѣваютъ» [2]).

Такъ въ небольшой промежутокъ времени Ягушинскій поднялъ въ сенатѣ три принципіально важныхъ вопроса: одинъ, касающійся измѣненія въ коллежскомъ циклѣ (учрежденіе новой коллегіи), другой,—касающійся направленія всей финансово-хозяйственной политики для ближайшаго времени, и третій,—относящійся хотя къ принятію мѣры частнаго значенія, но несомнѣнно общаго характера. И при разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ, ген.-прокуроръ сыгралъ опредѣленно рѣшающую роль въ выборѣ конкретныхъ мѣръ, предпринятыхъ сенатомъ; вѣдь по второму вопросу постановленіе сенатское прямо обозначено вынесеннымъ «по предложенію ген. и об.-прокуроровъ».

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1947, л. 45—48.
[2]) Ib., л. 56.

Въ одномъ случаѣ до насъ дошелъ въ подлинникѣ и текстъ «предложенія» ген.-прокурора, и текстъ постановленія, сдѣланнаго по нему сенатомъ; такого рода матеріала въ нашемъ распоряженіи почти не имѣется; но, думается, эти два случайно дошедшихъ документа, въ ихъ сопоставленіи, позволятъ сдѣлать нѣкоторые интересные выводы о взаимоотношеніяхъ сената и ген.-прокурора, о силѣ вліянія Ягушинскаго въ роли генералъ-прокурора. Тутъ мы уже опредѣленно увидимъ, что ген.-прокуроръ не только вмѣшивался въ область государственнаго управленія по существу, прямо «министерски» поднимая и ставя конкретныя предложенія въ этой области, но и эти «предложенія» его не только по существу, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ усваивались сенатомъ, но и частью *дословно* повторялись въ сенатскихъ «протоколахъ»-опредѣленіяхъ. Я позволю себѣ привести ниже en regard основныя мѣста изъ текста «предложенія» Ягушинскаго (и Бибикова), поданнаго сенату 8 іюня 1726 года,—т.-е. уже тогда, когда ни о какомъ особомъ, личномъ вліяніи Ягушинскаго нельзя говорить,—и текстъ опредѣленія сената, вынесеннаго по этому поводу. Оба эти документа распадаются на двѣ части: вступительную часть, излагающую фактическое положеніе даннаго дѣла съ указаніемъ на его дефекты, и собственно конкретное опредѣленіе тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты въ виду всего излагаемаго во вступительной части. Приводимъ полностью en regard сперва эти вступительныя части обоихъ документовъ; курсивомъ отмѣчаемъ дословно совпадающія мѣста текстовъ въ томъ и другомъ актѣ:

От ген.-прокурора	«Определеніе» Сената
Отъ ген.-прокурора «Пр. Сенату предложеніе»: «хотя *по генеральному регламенту 8 главы* надлежитъ *въ коллегіяхъ президентамъ между совѣтниками и ассесорами имѣть трудовъ раздѣленіе и надъ ними смотрѣть, чтобъ оные о повѣренныхъ имъ дѣлахъ съ надлежащимъ стараніемъ попеченіе имѣли; тако-жъ въ специіальныхъ коллежскихъ инструкціяхъ положено, ежели которая коллегія къ лучшему порядку и государственной пользѣ,*	«Опредѣленіе» Сената по этому «предложенію»: Понеже *по генеральному регламенту 8 главы* велѣно *въ коллегіяхъ президентамъ между совѣтниками и ассесорами имѣть трудовъ раздѣленіе и надъ ними смотрѣть,* чтобы *оные о повѣренныхъ имъ дѣлахъ съ надлежащимъ стараніемъ попеченіе имѣли; тако-жъ въ специіальныхъ коллежскихъ инструкціяхъ положено, ежели которая коллегія къ лучшему порядку и государственной пользѣ что усмо-*

что усмотритъ, о томъ повелѣно *доносить въ Сенатъ,* понеже *въ коллегіяхъ не токмо того не чинится, но и то, что въ генеральномъ регламентѣ о раздѣленіи трудовъ ясно изображено, не исполняютъ, отчего въ дѣлахъ происходитъ великое затрудненіе и продолженіе, а челобитчикамъ—волокита, а особливо въ вотчинной коллегіи, гдѣ большая часть дѣлъ неспорныхъ и легкихъ находится, а имянно: 1. записка по купчимъ и закладнымъ; 2. справка за дѣтьми послѣ отцовъ и другихъ родственниковъ по наслѣдству; 3. по челобитью о дачѣ выписей на ихъ дачи, и прочія тому подобныя и неспорныя дѣла, которыя-бъ, ежели раздѣленіе трудовъ по регламенту было, то вершить безволокитно можно, но того не учинено; а дѣла слушаютъ по реестру, такъ-что за продолженіемъ одного спорнаго дѣла такихъ малыхъ не слушаютъ и не рѣшаютъ;* къ тому-жъ прежде такія помѣстныя дѣла бывали въ особыхъ приказѣхъ, а имянно: низовыхъ городовъ въ Казанскомъ приказѣ, Бѣлгородскаго и Сѣвскаго разрядовъ, въ разрядѣ Смоленской шляхты, въ приказѣ княжества Смоленскаго; а нынѣ всѣ тѣ дѣла въ одной вотчинной коллегіи быть имѣютъ.

тритъ, о томъ доносить въ Сенатъ; но *въ коллегіяхъ не токмо того не чинится, но и то, что въ генеральномъ регламентѣ о раздѣленіи трудовъ ясно изображено, не исполняютъ, отчего въ дѣлахъ происходитъ великое затрудненіе и продолженіе, а челобитчикамъ—волокита; а особливо въ вотчинной коллегіи, гдѣ большая часть дѣлъ неспорныхъ и легкихъ находится, а имянно: 1. записка по купчимъ и закладнымъ; 2. справка за дѣтьми послѣ отцовъ и другихъ родственниковъ по наслѣдству; 3. по челобитью о дачѣ выписей на ихъ дачи, и прочія тому подобныя и неспорныя дѣла, которыя-бъ, ежели раздѣленіе трудовъ по регламенту было, то вершить безволокитно можно; но того не учинено; а дѣла слушаютъ по реестру, такъ-что за продолженіемъ одного спорнаго дѣла такихъ малыхъ не слушаютъ и не рѣшаютъ. А понеже ту коллегію всѣ помѣщики, большіе и малые, за крѣпкій фундаментъ содержатъ, и для того, хотя для малаго дѣла, изъ дальнихъ провинцій и городовъ за нѣсколько сотъ, а иные и тысячъ верстъ пріѣзжать въ Санктъ-Питербурхъ принуждены, и за такимъ непорядкомъ челобитчики имѣютъ долговременную во-*

А понеже ту коллегію всѣ помѣщики, большіе и малые, за крѣпкій фундаментъ содержатъ; и для того, хотя для малаго дѣла, изъ дальнихъ провинцій и городовъ, за нѣсколько сотъ, а иные — и тысячъ верстъ пріѣзжать въ Санктъ-Питербурхъ принуждены; и за такимъ непорядкомъ челобитчики имѣютъ долговременную волокиту.

Пр. Сенатъ да соизволитъ разсудить, что, когда такого раздѣленія въ трудахъ между членами не будетъ, то въ дѣлахъ и впредь никакого успѣху быть не можетъ, понеже, хотя въ каждой коллегіи присутствуютъ многія персоны, однако всѣ за одинъ глазъ и за одно ухо почитаются, а разсужденіе разное имѣютъ» [1]).

локиту, того ради»... [2]) (далѣе идетъ уже вторая часть этого акта).

Дословная, — не говоря уже о содержаніи, — зависимость «опредѣленія» Сената отъ «предложенія» ген.-прокурора бросается тутъ въ глаза; эта зависимость проведена полностью въ основныхъ положеніяхъ обоихъ документовъ; однако, въ положеніяхъ второстепенныхъ она два раза нарушается: во-первыхъ, сенатъ не счелъ нужнымъ включать въ свое опредѣленіе вспомогательно-второстепенную мысль въ разсужденіи ген.-прокурора о роли старыхъ областныхъ приказовъ, какъ помогавшихъ въ дѣлѣ вотчинной коллегіи или, точнѣе, ей сотвѣтствовавшимъ учрежденіямъ Московской Руси. Затѣмъ, во-вторыхъ, сенатъ не ввелъ въ свое «опредѣленіе» конца соотвѣтственной части ген.-прокурорскаго предложенія, носящей характеръ чисто теоретическій и ясно не имѣющей непосредственнаго отношенія къ конкретной задачѣ. Оба эти отступленія текста сенатскаго «опредѣленія» отъ текста ген.-прокурорскаго «предложенія» поэтому являются несущественными, такъ какъ всѣ главнѣйшія, основныя положенія Ягушинскаго

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1956, л. 75—76.
[2]) Ib., л. 77.

повторены сенатомъ въ дословно точномъ видѣ. Слѣдовательно, тутъ несомнѣнно сенатъ пошелъ точно за ген.-прокуроромъ. Во второй части сопоставляемыхъ документовъ также можно сразу видѣть огромное подавляющее вліяніе ген.-прокурорскихъ соображеній на постановленія Сената; стоитъ только опять сопоставить en regard также, какъ мы только-что сдѣлали съ первыми частями, и вторыя части тѣхъ-же документы; мѣста дословныхъ совпаденій мы отмѣтимъ опять курсивомъ, а мѣста тождества мыслей, содержанія,—разрядкой.

Въ виду всего изложеннаго въ первой части своего «предложенія», ген.-прокуроръ во второй части предлагаетъ осуществить слѣдующія мѣры: «того ради къ лучшему порядку слѣдующее представляется: 1. Чтобъ повелѣно было всѣмъ коллегіямъ *указами подтвердить, дабы въ раздѣленіи трудовъ между членами поступали по регламенту неотмѣнно; и которому члену что̀ на собственной его трудъ опредѣлится, то* онъ имѣетъ *прилежно смотрѣть, чтобъ то дѣло безъ опущенія времени происходило; паче же долженствуетъ онъ всѣ обстоятельства того дѣла разсмотрѣть, и, въ чемъ состоитъ, къ рѣшенію коллегіи предложить; а кому какое дѣло въ смотрѣніе опредѣлится, о томъ для вѣдома подать въ сенатъ вѣдомости. 2. Въ вотчинной коллегіи* для такихъ выше-означенныхъ малыхъ и неспорныхъ дѣлъ отдѣлить бы особаго члена и придать ему секретаря и прочихъ канцелярскихъ служителей, который бы такія дѣла рѣшалъ

На предложенныя ген.-прокуроромъ мѣры Сенатъ отвѣтилъ слѣдующими рѣшеніями, изложенными во второй части нами разсматриваемаго его «опредѣленія»:
«того ради по указу Ея Имп. Вел. Высокій Сенатъ, слушавъ о томъ поданнаго въ 1725-мъ году генер.-прокурора и оберъ-прокурора предложенія приказали: 1. во всѣ штатскіе коллегіи *подтвердить указами, дабы въ раздѣленіи трудовъ между членами поступали по регламенту неотмѣнно; и которому члену что̀ на собственный его трудъ опредѣлиться, то* ему *прилежно смотрѣть, чтобъ то дѣло безъ упущенія времени происходило. Паче же долженствуетъ онъ всѣ обстоятельства того дѣла разсмотрѣть и, въ чемъ состоитъ, къ рѣшенію коллегіи предложить; а кому какое дѣло въ смотрѣніи опредѣлится, о томъ для вѣдома подать въ сенатъ вѣдомости. 2. Въ вотчинной коллегіи* особливо вышеозначенныя малыя и неспорныя дѣла, рѣшать безволокитно однимъ; и

безволокитно, и челобитчиковъ до волокиты не допускалъ; токмо *спорныхъ и сумнительныхъ дѣлъ* ему *не рѣшать, а представлять всей коллегіи;* а *когда какія дѣла рѣшитъ, о томъ* ему *подавать коллегіи рапорты, которые для вѣдома записывать въ протоколъ;* и быть у тѣхъ неспорныхъ дѣлъ изъ членовъ съ перемѣною погодно, или другимъ образомъ учинить, чтобъ все дѣло раздѣлить всѣмъ совѣтникамъ по части; а когда спорное дѣло случится, то представлять и рѣшить всей коллегіи. 3. Которыя дѣла прежде сего были въ особыхъ приказахъ, а имянно: Казанскаго, Бѣлгородскаго и Сѣвскаго разрядовъ и княжества Смоленскаго, тѣ положить на губернаторовъ (понеже оные имѣютъ у себя нѣсколько ассессоровъ), чтобъ за дальнимъ разстояніемъ челобитчики въ Санктъ-Питербурхъ пріѣзжать были не принуждены; а ежели рѣшатъ какое дѣло въ противность указомъ, и въ томъ будутъ на нихъ челобитчики,—такимъ чинить аппелляцію въ Вотчинную коллегію. Павелъ Ягушинскій. Иванъ Бибиковъ» (подписи) [1]).

когда какія дѣла рѣшатъ, о томъ подавать имъ *коллегіи репорты, которые для вѣдома записывать въ протоколъ; а спорныхъ и сумнительныхъ дѣлъ* имъ совѣтникамъ отнюдь *не рѣшать, а представлять* и рѣшать *всей коллегіи.* 3. Сколько въ которой коллегіи какихъ дѣлъ дѣйствительно рѣшено будетъ, о томъ въ сенатъ подавать рапорты помѣсячно. 4. Что-же въ вышеписанномъ предложеніи написано, которыя дѣла прежде сего были въ особыхъ приказѣхъ,—а имянно: Казанскаго, Бѣлогородскаго и Сѣвскаго разрядовъ и княжества Смоленскаго, тѣ-бъ положить на губернаторовъ (понеже оные имѣютъ у себя по нѣсколько ассессоровъ), дабы за дальнимъ разстояніемъ челобитчики въ Санктъ-Питербурхъ пріѣзжать были не принуждены; а ежели рѣшатъ какое дѣло въ противность указамъ, и въ томъ будутъ на нихъ челобитчики, такимъ чинить аппелляцію въ вотчинную коллегію; о томъ справиться, какія вотчинныя дѣла во оныхъ разрядахъ бывали, и въ Москвѣ-ль тѣмъ дѣламъ отправленіе было или въ городѣхъ тѣхъ разрядовъ, и, выписавъ къ тому изъ указовъ, доложить. 5. По регламенту жъ генеральному 3 главы велѣно коллегіямъ сидѣніе свое имѣть, кромѣ воскресныхъ дней, Господскихъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1956, л. 76.

праздниковъ и государскихъ ангеловъ въ самые кратчайшіе дни въ шестомъ, а въ долгіе — въ 8 часу, и быть по 5 часовъ; а ежели важныя дѣла случатся, которыя умедлены быть не имѣютъ, но вскорѣ окончаны, то долженствуетъ по изобрѣтенію дѣлъ и обстоятельствъ, или всему коллегію, или нѣкоторымъ членамъ по опредѣленію отъ коллегіи, несмотря на помянутое время и часы, съѣзжаться тѣ дѣла отправлять. А высокому сенату извѣстно учинилось, что въ нѣкоторыхъ штатскихъ коллегіяхъ члены съѣзжаются позднѣе указныхъ часовъ и выѣзжаютъ рано; а иногда за позднимъ перваго члена пріѣздомъ прочіе прежде пріѣхавшіе члены бываютъ безъ вступленія въ дѣло, отчего дѣламъ продолженіе, а челобитчикамъ волокиты происходятъ; того ради въ вышеозначенныхъ о рѣшеныхъ дѣлахъ репортахъ и то объявлять, въ которыхъ часѣхъ каждый членъ въ коллегію придетъ и изъ коллегіи выйдетъ, дабы мочно было усмотрѣть время сидѣнія и число дѣлъ, трудами ихъ вершенныхъ». Идутъ подписи сенаторовъ [1]).

Итакъ, первый пунктъ ген.-прокурорскаго предложенія сенатъ не только принялъ по существу цѣликомъ, но именно и въ той формулировкѣ, какую далъ ему ген.-прокуроръ. Второй пунктъ «предложенія» Ягушинскаго по существу тоже почти цѣликомъ былъ повторенъ въ «опредѣленіи» сената, хотя кое-гдѣ уже формулировка измѣнена, но въ половинѣ даже

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1956, л. 77—78.

оставлена полностью. Третій и послѣдній пунктъ ген.-прокурорскаго «предложенія» не былъ никакъ рѣшенъ сенатомъ, постановившимъ дополнить его еще рядомъ фактическихъ справокъ, для сужденія объ его существѣ уже по полученіи такихъ справокъ. Далѣе, сенатъ дополнительно въ п.п. 5 и 3 своего «опредѣленія» сдѣлалъ постановленія, совершенно никакъ не предусматриваемыя ген.-прокурорскимъ «предложеніемъ», тѣмъ какъ бы расширяя и дополняя рамки вопроса, данныя «предложеніемъ». Необходимо тутъ замѣтить, что по имѣющимся матеріаламъ совершенно невозможно рѣшить вопроса о томъ, насколько такого рода какъ-бы расширеніе сенатскаго постановленія, сравнительно съ генер.-прокурорскимъ предложеніемъ, не произошло вслѣдствіе обмѣна мнѣній въ засѣданіи сената и, возможно, дополнительно высказанныхъ тѣмъ же Ягушинскимъ,—хотя-бы и не лично,—соображеній.

Эта крайне тѣсная зависимость между рѣшеніями и мнѣніями сената, и мнѣніями и конкретными предложеніями Ягушинскаго, выраженная ясно въ разсмотрѣнномъ только-что случаѣ, можетъ находить себѣ двоякое объясненіе; или тутъ ген.-прокуроръ являлся духовнымъ вождемъ сената, или этотъ послѣдній просто подчинялся фактической силѣ Ягушинскаго; конечно, возможно, что оба эти момента дѣйствовали въ совокупности. Трудно говорить о возможности тутъ большого вліянія на сенатъ Ягушинскаго, какъ могущественнаго генералъ-прокурора въ моментъ обсужденія даннаго «предложенія» сенатомъ, въ іюнѣ 1726 г., когда Ягушинскій уже явно и опредѣленно находился въ опалѣ и по существу былъ отстраненъ отъ должности ген.-прокурора. Съ другой стороны, личность Ягушинскаго несомнѣнно была достаточно сильна и несомнѣнно могла импонировать и вести за собой людей, особенно несильныхъ духовно и недѣловитыхъ; а именно такими людьми были сравнительно съ Ягушинскимъ чуть не всѣ сенаторы, подписавшіе разсматриваемое «опредѣленіе»; это были: Ив. Дмитріевъ-Мамоновъ, Сем. Салтыковъ, кн. Ал. Долгоруковъ, Василій Новосильцевъ, кн. Ал. Черкасскій, Юр. Нелединскій-Мелецкій и Ѳ. Наумовъ. Такимъ образомъ, есть основаніе склоняться къ мнѣнію, что въ этомъ случаѣ объясненіе такого вліянія ген.-прокурора на сенатъ надо искать въ личностяхъ ген.-прокурора и сенаторовъ даннаго состава. Однако, все-таки останется нѣчто, не могущее быть объясненнымъ только этимъ; во-первыхъ, опредѣленное желаніе ген.-прокурора являться не только контрольной властью по смыслу его «Должности», но и быть властью административной,

управляющей, творческой въ сферѣ практическаго правленія государственнаго, не только не находитъ себѣ отпора или непризнанія со стороны сената, но,—наоборотъ,—имъ вполнѣ пріемлется, какъ что-то вполнѣ законное; во-вторыхъ, проходитъ всего пять-шесть лѣтъ и, какъ мы увидимъ изъ послѣдующихъ очерковъ, это идентично повторенное явленіе въ отношеніяхъ представителей ген.-прокуратуры и сената не будетъ уже находить себѣ объясненія въ личныхъ свойствахъ и качествахъ того или иного лица, ген.-прокурорскую власть держащаго въ своихъ рукахъ; тогда придется искать объясненія только въ подчиненіи сената фактически возросшему вліянію ген.-прокурорской власти. Слѣдовательно, во-первыхъ, самое существованіе, вполнѣ какъ-бы всѣми признаваемаго права за ген.-прокуроромъ выходить за предѣлы своей прямой компетенціи по «Должности» въ сферу чисто административныхъ вопросовъ и задачъ управленія, а, во-вторыхъ,—несомнѣнное уже черезъ всего 5-6 лѣтъ опредѣленное вліяніе на сенатъ, какъ учрежденіе, генералъ-прокуратуры, какъ учрежденія,—все это едва-ли позволитъ весь разсмотрѣнный нами выше фактъ подвести въ его объясненіи цѣликомъ подъ личныя отношенія и личныя качества въ данный моментъ дѣйствующихъ, лицъ. Если эти послѣднія тутъ играли нѣкоторую роль, оказывали свое дѣйствіе, то только отчасти. Мы имѣемъ полное право видѣть въ разсмотрѣнномъ фактѣ, въ силу всего вышесказаннаго, уже одинъ изъ начальныхъ, но достаточно опредѣленныхъ моментовъ въ томъ развитіи взаимоотношеній сената и ген.-прокуратуры, которое ясно и точно, какъ увидимъ, прослѣживается въ послѣдующее время, и которое ведетъ къ умаленію управительной власти сената за счетъ возрастанія таковой же у генералъ-прокуратуры. Съ другой стороны, едва-ли все это указываетъ на солидарность этихъ двухъ установленій въ теченіе ихъ исторіи. Мы видѣли уже слѣды всего этого въ Петровское время; теперь, слѣдовательно, процессъ пошелъ дальше въ томъ же направленіи. Такое положеніе находитъ себѣ еще подтвержденіе и въ другихъ, болѣе мелкихъ фактахъ дѣятельности Ягушинскаго за разсматриваемое время.

Въ «протоколѣ» сената отъ 20 іюля 1725 г. записано, что об.-прокуроръ (отъ лица ген.-прокуратуры, конечно) «предлагалъ Пр. Сенату», чтобы онъ указалъ о запрещеніи иностраннымъ купцамъ бить челомъ непосредственно Государынѣ, «не бивъ челомъ въ надлежащихъ мѣстахъ»; эту мѣру сенатъ прямо принимаетъ по ген.-прокурорскому желанію, только

распространяя ее и на русскихъ купцовъ [1]). Сенатъ идетъ по указкѣ ген.-прокурорской власти, вмѣшивающейся собственно не въ свое дѣло такимъ конкретнымъ «предложеніемъ» изъ области чисто административной. 22 сентября того же года Ягушинскій «предлагалъ сенату, что по посланному въ Рижскую губернію указу Е. В. Гос. Цес. Аннѣ Петровнѣ во сто пятьдесятъ тысячъ ефимиковъ въ Ригѣ выдано нѣсколько тысячъ альбертовыхъ ефимиковъ, а достальной (суммы?) въ указное число альбертовыхъ ефимковъ не имѣется, а есть ефимки специи, дабы тѣми ефимками выдать, а чѣмъ специи ефимки альбертовыхъ превосходятъ, то вычесть. И по указу Е. И. В. Пр. Сенатъ приказали: въ Ригѣ за неимѣніемъ альбертовыхъ ефимковъ выдать специи ефимками; а чѣмъ тѣ специи ефимки альбертовыхъ превосходятъ, то вычесть» [2]). По маленькому финансово-административному дѣлу ген.-прокуроръ дѣлаетъ сенату конкретное предложеніе, въ видѣ опредѣленно формулированной мѣры распорядительнаго характера, и вся роль сената свелась только къ ея послушному санкціонированію. А 19 августа того же года Ягушинскій докладываетъ сенату, что «что пишетъ ему ген.-л. Минихъ, чтобъ ему быть въ Петербургѣ, и чтобъ ему для зимнихъ работъ оставлять солдатъ 7000 человѣкъ, а къ веснѣ опредѣлить 9000 человѣкъ». Итакъ, Минихъ пишетъ *не* сенату, а ген.-прокурору, по дѣлу ясно никакого отношенія къ ген.-прокурорской компетенціи неимѣющему; а между тѣмъ это обращеніе считается, видимо, вполнѣ нормальнымъ и, послѣ доклада о немъ сенату, тамъ было «чтено его доношеніе и смотрѣнъ планъ, къ какому и разсуждали, чтобъ въ будущемъ году додѣлать хотя-бы до кабонъ; и разсуждено быть ему, Миниху, въ С.-Петербургѣ» [3]). Несомнѣнно, положеніе Ягушинскаго въ этомъ дѣлѣ было положеніе чисто «министерское»; онъ дѣйствовалъ, какъ лицо входящее непосредственно въ дѣла управленія, о нихъ сенату докладывающее; и это, очевидно, считалось вполнѣ нормальнымъ для ген.-прокурора. 8 апрѣля 1725 же г. ген.-прокуроръ предлагаетъ сенату, «чтобъ въ ревизіонъ-контору опредѣлить особаго человѣка», мѣру, несомнѣнно конкретную въ области улучшенія одной отрасли центральнаго управленія; и по этому «предложенію» «Пр. Сенатъ разсуждаетъ, что бл. и в. д. п. Е. И. В. имѣлъ намѣреніе опредѣлить въ тоё контору Бахметева; и разсуждено

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1892, л. 262.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1938, л. 271.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1892, л. 368.

доложить о томъ Ея Величеству Г. Императрицѣ» [1]). Такъ Ягушинскій въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за смертью Великаго Преобразователя, опредѣленно и ясно выявилъ въ своей дѣятельности ген.-прокурорской,—и фактически иногда проводилъ на практикѣ,—тѣ моменты, которые только неясно, боязливо намѣтились въ Петровское царствованіе и въ существѣ своемъ несомнѣнно не соотвѣтствовали духу «Должности» 1722 года.

Однако Ягушинскій въ то же время не переставалъ дѣйствовать и въ направленіи, прямо предуказанномъ «Должностью» 1722 г., хотя дѣятельность его тутъ была мало интенсивна; по крайней мѣрѣ, немного ея слѣдовъ сохранилось въ нашихъ матеріалахъ. Видимо, по прокурорскому протесту 3 іюля 1725 г. «по предложенію ген.-прокурора опредѣлено: взятое въ сенатъ изъ Вотчинной коллегіи подлинное дѣло ген.-м. и кав. кн. Юсупова-Княжева съ Акинфіевымъ... отдать въ Вотчинную коллегію... разсмотрѣть и, подписавъ свое мнѣніе, подать въ сенатъ немедленно» [2]).

18 іюня 1725 г. «Бибиковъ предлагалъ Пр. Сенату: понеже жалобы отъ иностранныхъ купцовъ и отъ шкиперовъ происходятъ на портовую таможню и на акцизную камору, того ради не соизволитъ-ли Пр. Сенатъ итить ему въ каморъ-коллегію... также и коммерцъ-коллегію;.. и буде есть какіе непорядки, то оные пресѣчь. И Пр. Сенатъ опредѣлилъ о томъ учинить ему по его предложенію» [3]). 12 янв. 1726 г. «ген.-прокуроръ г. Ягушинскій Пр. Сенату предлагалъ, что военная коллегія опредѣлила во всемъ государствѣ обрѣтающимся на вѣчныхъ квартирахъ полковникамъ и офицерамъ покупать провіантъ самимъ, и тѣмъ опредѣленіемъ инструкція ген.-провіантмейстера стала быть нарушена. И Пр. Сенатъ изволятъ-ли хранить имянные бл. и в. д. п. Е. И. В. указы, или изволятъ о томъ молчать. И ген.-адмиралъ говорилъ, что надобно поступать по именнымъ указамъ, и чтобъ онъ, ген.-прокуроръ, имъ о томъ напоминалъ; и о томъ военной коллегіи непорядкѣ подать бы на письмѣ; и потому чтена выписка изъ инструкціи ген.-провіантмейстера и полковничью и изъ указовъ... И разсуждено провіантъ и фуражъ заготовлять ген.-провіантмейстеру, какъ по инструкціи его опредѣлено» [4]). Въ этомъ эпизодѣ характеренъ тотъ рѣзкій тонъ, который принялъ Ягушинскій. Нельзя не вспом-

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1892, л. 137.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1892, л. 293.
[3]) Ib., л. 257.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 3.

нить, что президентомъ военной коллегіи былъ врагъ Ягушинскаго кн. Меншиковъ; ген.-адмираломъ былъ въ это время гр. Апраксинъ. Однако, повторяемъ, слѣдовъ такой дѣятельности Ягушинскаго, въ наблюденіи за закономѣрностью дѣйствій государственныхъ учрежденій за разсматриваемый періодъ, сохранилось очень и очень мало.

Также мало отразилась въ нашихъ матеріалахъ дѣятельность ген.-прокурора въ качествѣ начальника сенатской канцеляріи, сенатской роты, хотя несомнѣнно онъ ими завѣдывалъ. Напримѣръ, 11 окт. 1725 г. сенатъ слушалъ «предложеніе генерала и оберъ-прокуроровъ о строеніи сенатской роты солдатамъ 51 человѣку мундировъ», «да опредѣленному въ писари изъ школьниковъ солдатскому сыну изъ привезенныхъ штрафныхъ денегъ изъ Сибири вице-губерн. Петровымъ-Соловымъ 3000 руб.» [1]).

Итакъ, насколько опредѣленно въ дѣятельности Ягужинскаго за 1725—1726 г., какъ ген.-прокурора, проглядываетъ усиленіе его «министерской» роли, настолько малозамѣтна была его дѣятельность во исполненіе прямыхъ ген.-прокурорскихъ обязанностей, согласно «Должности» 1722 г.

III.

Въ срединѣ 1726 года Ягушинскій ушелъ изъ сената, и вся полнота ген.-прокурорской власти оказалась въ рукахъ его помощника, оберъ-прокурора Ив. Бибикова, который пробылъ въ этой роли еще почти ровно годъ. Бибиковъ не выходилъ изъ предѣловъ, установленныхъ «Должностью», въ его дѣятельности. Трудно опредѣленно сказать, что́ было этому причиной. Возможно, самая личность носителя ген.-прокурорской власти была слишкомъ ничтожна, возможно вліяніе Верх. Т. Совѣта было слишкомъ велико; этотъ послѣдній, какъ ниже увидимъ, относился въ конечномъ счетѣ отрицательно къ институту ген.-прокуратуры, что̀, однако, преемнику Бибикова по оберъ-прокурорству—М. Воейкову,—не помѣшало, какъ увидимъ, опять опредѣленно выдвинуть въ своихъ отношеніяхъ къ угнетенному сенату «министерскія» черточки его власти за счетъ таковой же власти самого сената. У Бибикова этого замѣтить нельзя; онъ крайне строго и осторожно ни на одинъ шагъ не отклоняется отъ пути, намѣчаемаго прямымъ текстомъ «Должности».

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1892, л. 448, и сен. кн. 1947, л. 25.

Чуть не главную роль въ дѣятельности Бибикова въ отношеніи сената играетъ «инстигованіе» имъ доношеній прокуроровъ о разныхъ непорядкахъ въ различныхъ учрежденіяхъ. При этомъ об.-прокуроръ никогда не идетъ за предѣлы инстигованія; онъ всегда исключительно представляетъ дѣло сенату, отнюдь не касаясь вопроса о томъ или иномъ его рѣшеніи. Такъ, Бибиковъ «предлагаетъ» сенату по доношенію прокурора Ярославскаго надворнаго суда, которое въ подлинникѣ и предъявляетъ сенату, выносящему уже соотвѣтственное къ нему рѣшеніе; такъ, «по его же (Бибикова) предложенію о разсмотрѣніи прокурора-жъ Камынина предложенія вотчинной коллегіи приговора по дѣламъ камергера кн. С. Долгорукова да Матрены Жеребцовой дочери, что учинены тѣ приговоры не по силѣ оныхъ дѣлъ, разсуждено (сенатомъ) то предложеніе принять и доложить по прошествіи праздника Рождества Христова въ первые съѣзды». Около того же Рождества 1726 г. Бибиковъ въ сенатъ «подалъ предложеніе, при которомъ предложенія вотчинной коллегіи прокурора о непорядочныхъ той коллегіи, также глав. магистрата протокольныхъ запискахъ; разсуждено въ тое коллегію и глав. магистратъ послать указъ». Въ слѣдующемъ году об.-прокуроръ предложилъ сенату доношеніе прокурора Гл. Магистрата о невниманіи этого послѣдняго къ прокурорскому «предложенію», по поводу одного формальнаго судебнаго непорядка въ его дѣлопроизводствѣ. Видимо, нерѣдко Бибиковъ просто прямо представлялъ сенату въ подлинникѣ то или иное прокурорское доношеніе, безъ всякаго даже формальнаго «инстигованія» со своей стороны. Такъ, въ 1726 г. въ сенатскомъ журналѣ записано, что Бибиковъ дѣлаетъ «предложеніе», въ которомъ только прокурорское (прокурора Ярослав. надворнаго суда) «доношеніе для разсмотрѣнія приложено» [1]). А нерѣдко въ сенатскомъ журналѣ просто записывалось о слушаніи сенатомъ различныхъ доношеній прокуроровъ, причемъ даже не упоминалось, что ихъ «предлагалъ» об.-прокуроръ, такъ какъ тутъ не было собственно «предложенія», а только передача, безъ всякихъ комментарій, этихъ документовъ сенату «для разсмотрѣнія» [2]).

Такъ въ журналѣ отъ 11 янв. 1727 г. было занесено, что «по предложенію магистратскаго прокурора кн. Барятинскаго» относительно разныхъ «непорядочныхъ» дѣйствій магистрата, сенатъ дѣлаетъ соотвѣтственныя распоряженія, при-

---

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 1961 (л. 96), 1963 (л. 99), 1893 (л. 856).
[2]) Наприм. М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 610 и др.

чемъ о *какомъ-либо* участіи во всемъ этомъ ген.-прокурорской, въ лицѣ об.-прокурора, власти въ данной журнальной запискѣ нѣтъ и упоминанія; несомнѣнно, роль об.-прокурора тутъ была чисто пассивной: передать фактически сенату на его имя полученныя доношенія прокурора въ подлинникахъ — и только [1]). Иногда сенатскій журналъ выражается такъ въ подобныхъ случаяхъ: «по предложенію г. об.-прокурора *и* магистратскаго прокурора»; дальше идетъ дѣло объ одномъ формальномъ злоупотребленіи судей Магистрата (по тяжебному дѣлу указъ и промеморію послали не на гербовой бумагѣ и «безъ печати чрезъ почту безъ платежа почтовыхъ денегъ») [2]). Обычно, впрочемъ, Бибиковъ не только передавалъ сенату прокурорское доношеніе, но и сопровождалъ его своимъ, хотя бы только формальнымъ по смыслу «предложеніемъ Сенату» [3]). Также уклончиво, не вмѣшиваясь въ существо дѣла, передавалъ сенату Бибиковъ и другія «предложенія», не построенныя на прокурорскихъ доношеніяхъ. 6 іюня 1726 г. «предлагалъ словесно об.-прокуроръ, что по присланнымъ изъ В. Т. Совѣта указамъ повелѣно коллежскимъ чинамъ выдать жалованья на генварьскую треть сего 726 году взачетъ впредь опредѣленнаго штата; а нынѣ держатся, которые опредѣлены членами вновь, а о окладахъ ихъ не опредѣлено, тѣмъ жалованья давать ли такіе оклады, того въ томъ указѣ не показано; а нынѣ тѣ члены просятъ, чтобъ и имъ на оную треть выдать же». Такъ рѣшеніе вопроса об.-прокуроръ цѣликомъ предоставляетъ дать самому сенату [4]). Только тогда, когда дѣло касается или сенатской канцеляріи, или другихъ непосредственно ген.-прокурорской власти подчиненныхъ учрежденій, Бибиковъ уже входитъ въ сенатъ съ предложеніями иного типа; тутъ онъ точно формулируетъ ту или иную мѣру, тотъ или иной административный шагъ, который онъ полагаетъ нужнымъ предпринять по данному поводу. Такъ въ мартѣ 1726 г. «предлагалъ г. об.-прокуроръ, что по прежде состоявшимся Пр. Сената протоколамъ посылаемые изъ Сената указы въ Иностранной и въ Воинской коллегіи не принимаютъ; и чтобъ повелѣть оберъ-секретарю по тѣмъ протоколамъ послать промеморіи за его рукою». И «высокій Сенатъ» это предложеніе принялъ цѣликомъ [5]). Въ другой разъ, въ январѣ 1727 г. Бибиковъ «предлагаетъ» сенату о томъ, что необходимо изъ сената

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 1894, л. 16.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 388.
3) См. напр. М. А. М. Ю. сен. кн. 1893 (л. 619 и л. 808).
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 349.
5) Ib., л. 248.

отправить обратно въ Лифляндію архивъ лифляндскій и эстляндскій, предложеніе—вполнѣ конкретное и принято сенатомъ [1]). Въ іюлѣ 1726 г. сенату «представлялъ г. об.-прокуроръ, что по штату опредѣлено быть въ сенатѣ у прокурскихъ дѣлъ секретарю одному да канцеляристу одному и копіистамъ пяти человѣкамъ; и при тѣхъ дѣлахъ былъ секретарь Хрипуновъ, который отъ дѣлъ по именному Е. И. В. указу уволенъ вовсе; а по оному штату опредѣлено на тое команду жалованья 850 руб. И не повелѣно-ли будетъ къ той командѣ вмѣсто секретаря опредѣлить бухгалтера изъ оставшихъ двухъ канцеляриста Ивана Савина и къ нему опредѣлить копіистовъ трехъ, а жалованьемъ ихъ содержать на 500 руб. И разсудили быть по тому предложенію» [2]). Очевидно, въ такихъ случаяхъ об.-прокуроръ прямо представлялъ сенату въ своихъ «предложеніяхъ» уже готовыя рѣшенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, какъ бы только испрашивая сенатской на нихъ санкціи. И это было вполнѣ нормально съ точки зрѣнія «Должности», такъ какъ она вѣдь опредѣленно вручила ген.-прокурору «министерскую» власть въ отношеніи сенатской канцеляріи и всѣхъ ея составныхъ частей. На ряду съ этимъ Бибиковъ, согласно то-же «Должности», являлся прямымъ начальникомъ представителей прокуратуры, докладывая о ихъ дѣйствіяхъ сенату, [3]) хотя иногда,—что́ уже «Должностью» совсѣмъ не было предусмотрѣно,—об.-прокуроръ прямо предоставлялъ самимъ прокурорамъ лично докладывать о ихъ дѣлахъ сенату. Такъ въ засѣданіе 3 мая 1726 г. «допущенъ былъ Юстицъ-коллегіи прокуроръ Ржевскій и предлагалъ высокому Сенату объ указѣ присланномъ въ Юстицъ-кол. изъ сената о свободѣ колодниковъ, которые впали въ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1894, л. 13.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 437—438.

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 77, а также „протоколъ“ сената отъ 26 октября 1726 г., гдѣ записано: „По предложенію генерала маеора и оберъ прокурора господина Бибикова, въ которомъ объявлено: Юстицъ де колегіи прокуроръ Ржевскій подалъ ему доношеніе, и при томъ Курскаго надворнаго суда экстрактъ о колодникѣ Іонѣ Поповѣ, который учинилъ смертное убивство брату своему, и при томъ то ево Ржевскаго доношеніе и экстрактъ предложилъ для разсмотрѣнія высокому Сенату; а въ томъ доношеніи написано: онаго де колодника Попова, учинившаго смертное убивство брату своему курской надворной судъ, присланнымъ въ Юстицъ колегію при выпискѣ мнѣніемъ отъ смертной казни свобождали, а колегія Юстицъ приговоромъ предложила ему учинить смертную казнь, вмѣняя ему оное въ умышленное убивство. А понеже де по тому дѣлу есть сумнѣніе а именно: въ первомъ застѣнкѣ въ курскомъ провинціальномъ судѣ, въ пыточныхъ ево рѣчахъ написано, что онъ брата своего убилъ съ умышленія, а съ какова и задолго-ль и съ кѣмъ мыслилъ о томъ, въ дѣлѣ нѣтъ, а въ надворномъ судѣ съ двухъ розысковъ онъ, Поповъ, сказалъ что того онъ не говорилъ, а написано де на него напрасно; и то де учинилось безъ вымысла отъ ссоры; и изъ дѣла видно, что отъ ссоры про-

погрѣшеніе до состоявшихся милостивыхъ указовъ, а имянно въ дву разбояхъ и въ трехъ татьбахъ; а которые свыше оныхъ винъ, о тѣхъ де чинить какъ указы повелѣваютъ?». Тотъ же прокуроръ «допущенъ» былъ еще въ сенатское засѣданіе 9 янв. 1728 г., гдѣ докладывалъ, что въ юстицъ-коллегіи находится очень мало членовъ для слушанія дѣла фискала Нѣгановскаго, а одинъ изъ членовъ отведенъ по сенатскому указу, почему окончательно затруднено слушаніе этого дѣла [1]). Еще, видимо, довольно часто Бибиковъ принималъ челобитныя отъ разныхъ лицъ и докладывалъ ихъ сенату; такая функція для представителя ген.-прокуратуры тоже «Должностью» не была предусмотрѣна непосредственно, хотя и не находилась въ противорѣчіи съ ея текстомъ. Такъ однажды «Бибиковъ объявилъ челобитную дому свѣтлѣйшаго князя стряпчего и при ней два письма, писанныя къ св. князю отъ Ивана Лярскаго». Другой разъ об.-прокуроръ «предлагаетъ» сенату о просьбѣ нѣкоего Ленслина послать изъ Сената объявленіе о сенатскомъ указѣ къ граф. Шереметевой, которая, видимо, не желаетъ платить съ нея присужденныхъ «ефимковъ». Третій разъ Бибиковъ предлагаетъ удовлетворить просьбу стряпчаго архіерейскаго дома рязанскаго, объ отпускѣ ему подъ расписку одного колодника крестьянина [2]).

Вотъ почти всѣ моменты въ дѣятельности Бибикова въ качествѣ главы ген.-прокуратуры, которые удается установить по имѣющимся матеріаламъ. Только такого рода дѣлами и считалъ себя вправѣ заниматься вышеназванный оберъ-прокуроръ. А отсюда ясно, что онъ какъ-бы боязливо ригористично стоялъ

изошло, а вымыслу не было; и видно жъ притчина ево къ дракѣ понудила такая: хотя братъ ево Александръ отъ ссоры пошелъ и вонъ токмо взялъ топоръ, а въ свое-ль охраненіе или въ какое другое намѣреніе, того нынѣ видѣть ужо не можно; а ежели-бъ онъ, Александръ, хотѣлъ вытти отъ ссоры, то бъ ему топора брать не для чего; и хотя на двухъ ево Іониныхъ розыскахъ, которые были въ курскомъ надворномъ судѣ утвердится сумнительно, а паче на одномъ розыскѣ провинціальнаго суда утверждаться не безопасно; понеже болѣе вѣрности имѣетъ надворной, нежели провинціальной судъ, а надлежало-бъ ево еще увѣрить въ надворномъ судѣ третьимъ розыскомъ и огнемъ; и ежели въ томъ де утвердится, или признается, то бъ учинить съ нимъ тому суду, какъ указы повелѣваютъ, о чемъ онъ колегіи предлагалъ, но токмо оная при прежнемъ своемъ опредѣленіи остается; и о томъ требуетъ указа. И по указу ея императорскаго величества высокій сенатъ приказали, означеннаго, Іону Попова, пытать въ третіе и жечь огнемъ, и буде онъ съ той пытки и съ огня подлинно утвердится противъ прежнихъ своихъ пыточныхъ рѣчей, которые говорилъ въ курскомъ надворномъ судѣ зъ двухъ пытокъ, что помянутого брата своего убилъ не съ умысла, но въ ссорѣ, то ему, Іонѣ, по уложенью 21 главы 69 статьи, учинить жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, свободить на поруки зъ записью. И о томъ въ Юстицъ колегію послать указъ. (М. А. М. Ю. сен. кн. 1959, л. 135).

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 257 и 1892, л. 8.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 389 и 491, сен. кн. 1894, л. 23.

на почвѣ буквальнаго пониманія текста «Должности», и въ его дѣятельности отсутствуютъ опредѣленно выраженными тѣ моменты «министерскіе», которые наблюдались въ дѣятельности Ягушинскаго. Да и сенатъ какъ-будто въ это время иногда чувствовалъ себя самостоятельнѣе въ отношеніи ген.-прокурорской власти въ лицѣ Бибикова; на это указываетъ одинъ случай разногласія между Бибиковымъ и сенатомъ. Тутъ очень характерно поведеніе сената, его неуступчивость, и, наоборотъ, видимо, уступчивость или неособенная настойчивость оберъ-прокурора. Въ сенатскомъ журналѣ отъ 30 сентября 1726 г. записано: «при слушаніи протокола объ Александрѣ Сергѣевѣ оберъ-секретарь предлагалъ, что оберъ де прокуроръ г. Бибиковъ приказалъ имъ, высокому сенату, донесть, чтобъ изволили принять въ разсужденіе, что оный Сергѣевъ сбиралъ съ ясашныхъ излишніе сборы,—о томъ уже больше слѣдовать не надлежитъ для того, что онъ и самъ о томъ показалъ имянно; и то рѣшить можно, какъ указы повелѣваютъ»; далѣе идетъ ссылка, въ подтвержденіе мнѣнія, на одинъ именной указъ. Выслушавъ это оберъ-прокурорское предложеніе, сенатъ «разсуждалъ», что приводимый Бибиковымъ именной указъ тутъ къ дѣлу не идетъ; и, обратно оберъ-прокурорскому мнѣнію, рѣшилъ, что тутъ «слѣдовать надлежитъ». Въ засѣданіи 11 октября, когда «слушали протоколъ о Алек. Сергѣевѣ, который учиненъ о слѣдованіи про излишніе съ ясашныхъ имъ, Сергѣевымъ, сборы», то «г. оберъ-секретарь Козминъ представлялъ прежнее г-на ген.-маіора и оберъ-прокурора Бибикова представленіе, что по тому дѣлу за именнымъ Е. И. В. указомъ далѣе слѣдовать не надлежитъ, а надлежитъ указъ учинить за то, что онъ Сергѣевъ самъ показалъ»; но сенатъ опять рѣшилъ, что данный указъ къ дѣлу отношенія не имѣетъ, и остался на своемъ старомъ рѣшеніи; оберъ-прокуроръ, видимо, уступилъ; однако, въ журнальной записи отъ 28 ноября того-же года имѣется слѣдующее мѣсто: «слушали протоколъ... по дѣлу Ал. Сергѣева о слѣдованіи про излишніе сборы и приказали онаго Сергѣева изъ-подъ караула освободить на добрыя поруки, *хотя оный протоколъ и не закрѣпленъ*» [1]). Такимъ образомъ, прошло полтора мѣсяца съ момента вынесенія опредѣленія, а протоколъ все еще по этому опредѣленію оставался «незакрѣпленнымъ», т. е. неподписаннымъ; значитъ, дѣло не шло гладко; сказывалось оберъ-прокурорское противодѣйствіе. Но всетаки сенатъ опредѣленно и рѣзко,—формально, по крайней мѣрѣ,—сохранялъ свою независимость отъ оберъ-прокурорскаго

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 645, 672 и 779.

мнѣнія въ данномъ случаѣ, въ томъ единственномъ случаѣ разногласія, который удается уловить въ документахъ.

При такомъ положеніи нѣкоторымъ диссонансомъ звучатъ два «предложенія» Бибикова сенату и по ихъ содержанію, и по ихъ формѣ. Ихъ существованіе указываетъ, что традиція, ярко установленная Ягушинскимъ, еще не пропала, не заглохла окончательно, а только была какъ-бы придавлена. 21 іюля 1726 г. «оберъ-прокуроръ предлагалъ, чтобъ тое (т. е. Главн. Магистрата) контору разобрать, и какимъ дѣламъ быть, по препораціи оныхъ и служителей опредѣлить». Предложеніе, во-первыхъ, было проектомъ конкретной мѣры въ области строя центральнаго управленія, а, во-вторыхъ, касалось такого общаго государственнаго значенія вопроса, какъ вопросъ о реформѣ въ одномъ изъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій;—все это—уже въ прямой манерѣ практики Ягушинскаго. Сенатъ, видно, вполнѣ послушался этого предложенія, не счелъ его несоотвѣтственнымъ оберъ-прокурорской должности и вынесъ по нему только болѣе подробное рѣшеніе, именно,—оставить въ той конторѣ секретаря, двухъ канцеляристовъ, 4 копіистовъ да 4 «пищиковъ» [1]). А 4 апрѣля того-же года сенату «предлагалъ г. оберъ-прокуроръ словесно: въ которыхъ городахъ и мѣстахъ крѣпостныя конторы имѣются, и что было въ сборѣ съ 721 по нынѣшній 726 годъ крѣпостныхъ пошлинъ, о томъ Юстицъ-коллегія вѣдомости не имѣетъ; и чтобъ во всѣ губерніи и провинціи» послать указы о доставленіи объ этихъ пошлинахъ «обстоятельныхъ вѣдомостей». Несомнѣнно, это предложеніе носитъ опредѣленно-конкретный видъ административной мѣры «министерскаго» характера. Сенатъ, видимо, принимаетъ и это оберъ-прокурорское предложеніе [2]).

Установленіе надъ сенатомъ В. Т. Совѣта повело къ тому, что къ функціямъ оберъ-прокурора прибавилось посредничество между этимъ учрежденіемъ и сенатомъ. Въ журналахъ В. Т. Совѣта время отъ времени появляется замѣтка о томъ, что «приходилъ» оберъ-прокуроръ сената, принося съ собой тѣ или иные запросы, или доклады отъ сената по разнымъ дѣламъ. Иногда Бибиковъ приходилъ съ тѣми или другими сенаторами. «Потомъ допущены были,—говорится въ журналѣ Совѣта отъ 28 марта 1726 г.,—господа сенаторы: ген.-м. Салтыковъ, Девіеръ и оберъ-прокуроръ Бибиковъ съ доношеніями; и тѣмъ доношеніямъ слушанъ реестръ;... при-

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1893, л. 485.
[2]) Ib. л. 184.

томъ-же оберъ-прокуроръ Бибиковъ докладывалъ» по поводу трехъ вопросовъ, которые возбудили сомнѣнія у сената при ихъ разрѣшеніи. 9 сентября того-же года въ засѣданіе Совѣта «допущенъ былъ съ сенатскими доношеніями ген.-м. и оберъ-прокуроръ Бибиковъ, изъ которыхъ у него принято» три. И еще разъ въ совѣтское засѣданіе «приходилъ изъ сената ген.-м. и оберъ-прокуроръ Бибиковъ и доносилъ словесно, что по присланному изъ В. Т. Совѣта указу къ отдачѣ его королевскому высочеству по брачному контракту достальныхъ денегъ... безъ повелѣнія В. Т. Совѣта отдать сенатъ опасенъ... и требуетъ резолюціи» [1]). Исполнялъ Бибиковъ и обратныя порученія, т. е. передавалъ сенату распоряженія и указы В. Т. Совѣта. Такъ передаетъ Бибиковъ сенату «приказъ» отъ Совѣта о немедленной подачѣ этому послѣднему сенатомъ вырабатываемыхъ штатовъ различныхъ учрежденій. Другой разъ, оберъ-прокуроръ, «возвратясь изъ В. Т. Совѣта», объявилъ сенату указъ «за собственноручнымъ подписаніемъ» [2]). Несомнѣнно, что эта посредническая роль оберъ-прокурора между Совѣтомъ и сенатомъ не имѣла въ себѣ ничего постояннаго и планомѣрнаго, была совершенно случайна и ничего не прибавляла по существу къ облику оберъ-прокурорской власти Бибикова.

IV.

Когда въ 1727 году Бибиковъ оставилъ мѣсто оберъ-прокурора, на эту должность былъ назначенъ Мат. Воейковъ. Крайне осторожный и несмѣлый характеръ дѣятельности оберъ-прокуратуры при Бибиковѣ, воспитанномъ, вѣдь, собственно еще при Петровскомъ сенатѣ, нѣсколько измѣнился въ оберъ-прокурорство Воейкова. Тѣ моменты въ развитіи ген.-прокурорской власти, которые впервые ярко выступили при Ягушинскомъ, во время имп. Екатерины I-ой, и которые явно заглохли, хотя не исчезли совсѣмъ, при Бибиковѣ, нѣсколько сильнѣе давали о себѣ знать въ оберъ-прокурорство Воейкова; этотъ оберъ-прокуроръ очевидно чувствовалъ себя болѣе свободно при павшемъ въ своемъ значеніи сенатѣ. Однако, прежде всего и онъ выполняетъ свои функціи и нормируетъ свои отношенія къ сенату строго согласно точному смыслу «Должности».

Въ 1728 году пріѣхавшихъ было изъ Астрахани въ Москву съ товарами армянъ отправили изъ Москвы

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 55, стр. 145, и т. 56, стр. 19, 77—78.
[2]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1893, л. 279 и 844.

въ карантинъ, такъ какъ въ Астрахани была какая-то заразительная болѣзнь; съ ними были посланы особые курьеры изъ Москвы. И оберъ-прокуроръ «предложилъ» сенату, что курьеры эти, отвезши купцовъ, уже выдержали двухнедѣльный карантинъ, и теперь— -вопросъ, «пропущать-ли» ихъ въ Москву обратно. Воейковъ прямо предлагалъ сенату такой вопросъ безъ всякихъ комментарій, «словесно». Вопросъ этотъ, кстати сказать, имѣетъ очень неясное отношеніе къ ген.-прокурорскимъ функціямъ; однако, оберъ-прокуроръ тутъ сохраняетъ положеніе полнаго невмѣшательства въ его рѣшеніе, строго согласно духу «Должности» [1]). Въ слѣдующемъ году въ сенатскомъ засѣданіи Воейковъ «предлагалъ словесно о выпискѣ, которая учинена изъ взятаго дѣла изъ Юстицъ-коллегіи,... что де изъ членовъ Юст.-коллегіи, которые по тому дѣлу приговоръ закрѣпили, нынѣ живъ одинъ вице-президентъ Вольфъ, который обрѣтается въ Петроградѣ, а прочіе члены померли»; и Воейковъ ставитъ вопросъ: «оную выписку для свидѣтельствованія и подписки (она была подписана только однимъ оберъ-секретаремъ) къ вице-президенту Вольфу... посылать-ли?» Вопросъ такой всталъ передъ Воейковымъ, очевидно, въ связи съ протестомъ и пересмотромъ этого частнаго тяжебнаго дѣла; оберъ-прокуроръ строго по духу «Должности», не рѣшая ничего самъ, просто все представилъ на усмотрѣніе сената [1]).

И такого рода вопросы онъ еще не разъ задавалъ сенату въ своихъ «предложеніяхъ» [2]). Даже незначительныя дѣла Воейковъ иногда «предлагалъ» сенату только въ видѣ вопроса, отнюдь не вмѣшиваясь никакъ въ разрѣшеніе, т. е. опять-таки отстраняя отъ своей дѣятельности всякое «министерское» значеніе. Такъ, въ 1729 г. Воейковъ «докладывалъ» Сенату и ставилъ ему вопросъ, какъ надлежитъ подписывать бумаги по бывшему Преображенскому Приказу его двумъ секретарямъ, вмѣстѣ или порознь? И сенатъ рѣшилъ подписываться имъ «обще». Другой разъ Воейковъ «словесно предлагалъ» сенату о томъ, что одинъ колодникъ при сенатѣ, нѣкій распопа, проситъ чрезъ караульнаго свиданія со своими дѣтьми. И об.-прокуроръ даже этотъ пустяковый шагъ не рѣшается взять на себя, а тоже «предлагаетъ» на разрѣшеніе сената [3]). Также въ многихъ случаяхъ не вмѣшиваясь и не высказываясь по существу дѣла, даже не «инстигуя» особенно, Воейковъ вносилъ на разсмотрѣніе сената разныя прокурор-

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1895, л. 652, сен. кн. 1896, л. 30.
[2]) См., напр., М. А. М. Ю. сен. кн. 1896, л. 188.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1896, л. 58 и 415.

скія представленія. Такъ, въ сентябрѣ 1727 г. Воейковъ безъ всякихъ, видимо, комментарій «предложилъ» сенату доношеніе прокурора Воронежскаго надворнаго суда, что въ одномъ тяжебномъ дѣлѣ нѣкіимъ обвиняемымъ Турбинымъ было «разыскивано и сыскивано неправо и не по надлежащему», о чемъ его, прокурора, предложенія надворный судъ не послушалъ, почему онъ и доносилъ об.-прокурору. По доношенію прокурора, видимо, Воейковъ докладывалъ сенату, что въ Сибирской канцеляріи, вслѣдствіе болѣзни судьи и смерти секретаря, одно дѣло держится больше года безъ движенія [1]). Слѣдуя указаніямъ «Должности», Воейковъ принималъ время отъ времени мѣры къ регулированію дѣятельности самого сената; то предлагалъ ему, «чтобъ изволили въ сенатъ въ присутствіе собираться поранѣе, а имянно—по полуночи не позже осьмого часа», то предлагаетъ исправить ту или иную его оплошность: или указъ вовремя послать надлежащему лицу о сенатскомъ опредѣленіи, или «приговоръ закрѣпить», не откладывая; то Воейковъ предлагаетъ сенату немедленно разсмотрѣть данное дѣло, чтобы оно не залеживалось [2]).

Но далѣе въ дѣятельности Воейкова можно опредѣленно намѣтить двѣ такихъ ея черты въ отношеніяхъ об.-прокурора къ сенату, которыхъ никакъ изъ «Должности», изъ ея прямого смысла не вывести. Во-первыхъ, сенатъ иногда даетъ об.-прокурору порученія, хотя и имѣющія нѣкоторое отношеніе къ его контрольно-надзирающей роли, но только очень косвенное; съ другой стороны, самый фактъ дачи сенатомъ представителю ген.-прокурорской власти какихъ-либо порученій едва-ли тоже возможно оправдать и текстомъ, и духомъ «Должности». А между тѣмъ, въ іюлѣ 1729 г., когда генералъ Грековъ былъ посланъ сенатомъ на слѣдствіе (по дѣламъ Коллегіи Экономіи) въ Рязанскую епархію, то всѣ распоряженія по этой посылкѣ, по порученію сената, исполняетъ об.-прокуроръ. Въ сентябрѣ 1727 г., тоже по сенатскому порученію, об.-прокуроръ Воейковъ объявилъ, что онъ «по опредѣленію высокаго сената въ Военной коллегіи былъ и дѣло секретаря Пархомева осмотрѣлъ совершено и сказалъ той коллегіи президенту... указъ, чтобъ оное дѣло рѣшили, какъ указы повелѣваютъ, безъ упущенія немедленно на срокъ по регламенту». Въ февралѣ 1729 г. сенатъ поручаетъ об.-прокурору, взявъ отсюду изъ Москвы «перечневыя вѣдомости» колодниковъ,

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1895 (л. 355), 1894 (л. 565) и 1970 (л. 94).
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1894 (л. 713 и 738), 1896 (л. 352, 497, 977, 1000).

«пересмотрѣть» по нимъ, «не явится-ль изъ нихъ (т. е. колодниковъ) напрасно содержащихся, и пересмотря, доложить имъ, высокому сенату немедленно». Въ томъ-же году сенатъ рѣшилъ, тоже по поводу колодниковъ, «взявъ третичныя изъ коллегій и канцелярій вѣдомости, кто изъ оныхъ и съ какого года держится и по какимъ дѣламъ, и для чего оныя не рѣшены, репортовать господину Воейкову; а по осмотру его что́ явится, о томъ доложить высокому сенату» [1]).

Съ одной стороны, выполненіе порученій сената и докладъ объ результатахъ на его высшую санкцію со стороны об.-прокурора являлись опредѣленнымъ моментомъ подчиненія его сенату (чего, конечно, отнюдь не предполагаетъ смыслъ «Должности»); съ другой стороны,—Воейковъ несомнѣнно руководительствовалъ сенатомъ своими, конкретными по содержанію, предложеніями въ дѣятельности по дѣламъ государственнаго хозяйства въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ 1727 г. по поводу переименованія Мануфактуръ-коллегіи въ контору при сенатѣ подъ управленіемъ сен. Новосильцова, Воейковъ предлагалъ сенату: взять изъ этой коллегіи рядъ свѣдѣній о числѣ въ Россіи фабрикъ и заводовъ, при нихъ деревень; а затѣмъ разсмотрѣть, какія фабрики продолжать содержать, какія надо убавить, «отрѣшить» и проч., вездѣ наблюдая при этомъ разсмотрѣніи «государственную пользу и прибыль». Сенатъ тутъ вполнѣ пошелъ по указкѣ об.-прокурора, даже рѣшилъ взять еще дополнительныя свѣдѣнія у Бергъ-коллегіи о заводахъ и у Юстицъ-коллегіи—о крѣпостныхъ актахъ на деревни и крестьянъ при фабрикахъ и заводахъ [2]). Неоднократно «по предложенію» оберъ-прокурора Воейкова, сенатъ постановляетъ затребовать то отъ того, то отъ другого учрежденія разнаго рода свѣдѣнія о прибыляхъ и убыткахъ, о доходахъ и расходахъ по ихъ вѣдомствамъ; то дѣло идетъ о счетѣ судебныхъ пошлинъ, полученныхъ надворными судами, то о сборахъ, которые получены Московской ратушею; то рѣчь идетъ о сборахъ, полученныхъ Сибирской канцеляріей; то сенатъ по об.-прокурорскому требованію запрашиваетъ, сколько «въ Сибирской губ. въ которомъ городѣ» бываетъ всякихъ казенныхъ сборовъ, насколько полно они собираются, и какіе изъ нихъ идутъ «окладные и неокладные расходы» [3]). И, видимо, дѣло не ограничивается только приведеніемъ въ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1894 (л. 594), 1987 (л. 51), 1896 (л. 110—111 и 602).

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1965 (л. 57—58).

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1894 (л. 259—260), 1895 (л. 501). 1896 (л. 113), 1987 (л. 50).

извѣстность финансоваго состоянія государства, но, напримѣръ, въ 1727 г. по выпискѣ «противъ предложенія д. с. с. и об.-прокурора г. Воейкова дѣла», касающагося недоборовъ за прошлые годы на питейныхъ дворахъ, сенатомъ были вынесены постановленія, несомнѣнно, слѣдовательно, предуказанныя об.-прокуроромъ [1]).

Также по дѣламъ колодничьимъ об.-прокуроръ оказывалъ нѣкоторое давленіе на дѣятельность сената; по крайней мѣрѣ, несомнѣнно существуютъ слѣды этого. 12 марта 1729 г. об.-прокуроръ «Воейковъ собранію предлагалъ словесно о поданныхъ въ сенатъ изъ разныхъ коллегій и канцелярій о колодникахъ статейныхъ спискахъ, чтобъ оные слушать и учинить надлежащее рѣшеніе; а при томъ слушаньѣ быть изъ тѣхъ мѣстъ по члену со обстоятельными о тѣхъ колодникахъ выписками, дабы за справками... не было продолженія времени». Сенатъ тутъ вполнѣ подчинился «предложенію» Воейкова, и вынесъ соотвѣтственное опредѣленіе [2]). Въ другой разъ Воейковъ вноситъ предложеніе, забравъ отъ всѣхъ учрежденій списки колодниковъ, выбрать изъ нихъ, кого можно будетъ освободить «для будущаго праздника Рождества Христова»; и въ данномъ случаѣ сенатъ тоже подчиняется вполнѣ об.-прокурорскому предложенію. Затѣмъ, другой разъ Воейковъ доводитъ до свѣдѣнія сената, что одного колодника было велѣно выдать подъ росписку «д. с. с. Нелединскому-Мелецкому», но этотъ послѣдній умеръ, и колодникъ остался сидѣть, а дѣло его остановилось, почему об.-прокуроръ и предлагалъ сенату: «не повелѣно-ли будетъ приказать Юстицъ-коллегіи по тѣмъ дѣламъ слѣдовать»; сенатъ такъ и рѣшилъ. Въ томъ-же году «по словесному представленію д. с. с. и об.-прокурора г. Воейкова приказали (сенатъ) изъ коллегій, и канцелярій, и конторъ призвать членовъ и приказать, дабы о колодникахъ дѣла рѣшали; и которые изъ нихъ подлежатъ по указамъ свободѣ, оныхъ-бы свободили». Въ сенатскомъ «протоколѣ» 6 мая 1728 г., наконецъ, имѣется слѣдующее любопытное мѣсто: «дѣйствительный штатскій совѣтникъ и оберъ-прокуроръ предлагалъ словесно о колодникахъ, которые ходятъ на связкахъ, что оные скованы двойными цѣпями за шеи, въ чемъ отъ чужестранныхъ не безъ подозрѣнія; опредѣлено: справиться съ указами, колодниковъ на связки пускать велѣно-ль, и буде велѣно, то впредь таковыхъ за шеи не вязать» [3]).

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1997 (л. 43).
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1896 (л. 200).
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1895 (л. 274 и 1080), 1896 (л. 313 и 1002).

Такъ Воейковъ лавировалъ между Сциллой и Харибдой, между подчиненіемъ своей власти вліянію сената и сохраненіемъ уже ранѣе проявившихся традицій и навыковъ этой власти, съ другой стороны. А время было неблагопріятное для укрѣпленія этихъ традицій, ибо, какъ видѣли ранѣе, самое существованіе ген.-прокуратуры висѣло на волоскѣ въ 1729 г., и этому институту опредѣленно не сочувствовалъ Верх. Т. Совѣтъ, благодаря чему началъ принимать рядъ мѣръ противъ этого института, первою изъ которыхъ было порученіе об.-прокурору исправленіе рекетмейстерской должности. И Воейковъ постоянно потому докладываетъ сенату о всякаго рода челобитныхъ, къ нему поступавшихъ, присоединяя такимъ образомъ эту обязанность къ обязанностямъ об.-прокурорскимъ [1]).

Отношенія об.-прокурора Воейкова къ Совѣту въ общихъ чертахъ остаются неизмѣнными со времени об.-прокурорства Бибикова. Совѣтъ, конечно, являлся для об.-прокурора непосредственнымъ начальствомъ; Совѣтъ поэтому дѣлалъ ему иногда выговоры и замѣчанія. 17 іюля 1727 г. въ засѣданіе Совѣта «впущенъ былъ сенатскій оберъ-прокуроръ Воейковъ и выговаривано ему о неисправленіи дѣлъ сенатскихъ, и что съѣзды бываютъ не по вся дни, и то пріѣзжаютъ поздно, и что по щетамъ на Меерѣ такой великой суммы не взыскиваютъ и отпустили; и для чего онъ должности своей не исполняетъ, и наконецъ приказано должность его и неисправленіе росписать». Въ слѣдующемъ году,—1728,—опять былъ въ засѣданіе совѣтское 22 ноября «впущенъ об.-прокуроръ Воейковъ и оберъ-секретарь Кирилловъ и выговаривано имъ объ ихъ поступкахъ» [2]). А затѣмъ всѣ функціи об.-прокурора въ отношеніи Совѣта сводились, во-первыхъ, къ тому, что онъ передавалъ сенату приказы, распоряженія и указы Совѣта, а также докладывалъ Совѣту дѣла сената по порученію этого послѣдняго; и, во-вторыхъ, къ тому, что онъ получалъ отъ Совѣта приказанія исполнить разнаго рода дѣловыя справки и порученія, чтó, конечно, об.-прокуроръ выполнялъ въ точности.

Разными способами приходилось Воейкову докладывать Совѣту о дѣлахъ по порученіямъ сената: то для этого онъ просто «впускается» въ какое-либо засѣданіе В. Т. Совѣта и тамъ докладываетъ собранію; то ему приходится «по приказу»

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1894 (л. 249, 532, 556, 702), 1896 (л. 750, 485, 328).

[2]) Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 84 (ст. 662) и 69 (ст. 70).

изъ «высокаго сената» къ министрамъ «на дворы» ѣздить и докладывать; то онъ «по приказу высокаго сената» докладывалъ дѣла тому или иному министру (обычно А. Остерману или кн. В. Долгорукому), «и Его Превосходительство, выслушавъ, и смотря принесенныя бумаги для докладу», обычно выносилъ ту или иную резолюцію, которую об.-прокуроръ и передавалъ сенату для исполненія [1]).—Также не одинаковымъ способомъ и отъ В. Т. Совѣта Воейковъ получалъ приказы, для ихъ передачи сенату; то ему этотъ приказъ передавалъ «статской совѣтникъ Масловъ»; то этотъ приказъ ему «объявилъ въ сенатѣ Иностранной кол. протоколистъ С. Семеновъ: приказалъ-де д. т. с. и кав. бар. Ан. Ив. Остерманъ объявить ему, д. с. совѣтнику»,.. и далѣе идетъ самое содержаніе приказа для сената; бывало и такъ, что кн. Вас. Долгорукой «приказалъ ему (т. е. Воейкову) объявить Высокому Сенату» то или иное распоряженіе; а иногда Воейковъ бывалъ «призванъ въ В. Т. Совѣтъ, и т. с. Васильемъ Степановымъ объявленъ приказъ д. т. с. и кав. бар. А. И. Остермана Высокому Сенату объявить» то или иное распоряженіе; наконецъ, бывало и такъ, что призывался об.-прокуроръ въ засѣданія В. Т. Совѣта и тамъ непосредственно получалъ распоряженія для передачи сенату. Изъ всего этого очевидно, что В. Т. Совѣтъ очень мало церемонился съ сенатскимъ об.-прокуроромъ Воейковымъ [2]).

Иногда В. Т. Совѣтъ пользовался об.-прокуроромъ чтобы получить чрезъ него ту или иную дѣловую справку, изрѣдка поручая ему сдѣлать её непосредственно на дѣлѣ. Такъ, въ ноябрѣ 1728 года Совѣтомъ «приказано Воейкову, чтобъ подалъ вѣдомость, сколько въ 727 и 728 годахъ какихъ дѣлъ рѣшено въ сенатѣ и коллегіяхъ»; въ августѣ 1727 г. Совѣтъ требуетъ отъ Воейкова «рапортовъ» о томъ, сколько взыскано подушныхъ денегъ за январскую треть, о томъ, вступили-ли въ должность вновь назначенные губернаторы, и о томъ, почему до сихъ поръ не представлены порученныя Совѣтомъ для составленія сенатомъ «инструкціи» губернаторамъ и воеводамъ. 10 декабря 1729 г. Воейковъ «предло-

---

[1]) М. А. М. Ю., сен. кн. 1894 (л. 353), 1896 (л. 665—666, 788), 1993 (л. 75 и 252).

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1896 (л. 713 и 718), 1895 (л. 428 и 429), 1999 (л. 55). Указанія на эту роль Воейкова еще см. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 84 (стр. 57, 354, 355); т. 69 (стр. 171, 54, 236), т. 63 (стр. 480); и М. А. М. Ю. сен. кн. 1894 (л.л. 431, 513, 630, 462, 471, 534 и др.), сен. кн. 1895 (л. 575, 845, 400, 548), сен. кн. 1896 (л. 1011, 595, 724, 761, 225 и др.), сен. кн. 1984 (л. 113), сен. кн. 1981 (л. 22), сен. кн. 1974 (л. 106), сен. кн. 1998 (л. 75).

жилъ» сенату имъ полученное въ В. Т. Совѣтѣ распоряженіе, произвести осмотръ полотняной фабрики, оставшейся по смерти ея содержателя Ив. Тамеса [1]).

Такъ слагалась дѣятельность об.-прокурора Воейкова въ качествѣ главы ген.-прокурорской власти въ послѣдніе годы существованія В. Т. Совѣта. Вмѣстѣ съ сенатомъ и представитель этой власти попалъ прежде всего подъ начало къ В. Т. Совѣту, безъ церемоніи его третировавшему, которому даже въ концѣ концовъ показалось лишнимъ и самое существованіе всего этого прокурорскаго института.

Осторожно, строго въ предѣлахъ отводимыхъ «Должностью», держалъ себя Воейковъ по отношенію къ обезсиленному сенату. Но тутъ имѣется какая-то двойственность: съ одной стороны, несомнѣнное подчиненіе об.-прокурора сенату, который даетъ ему порученія, какъ зависимому отъ него органу; а, съ другой стороны, не умерли и не заглохли моменты иные: Воейковъ властно ведетъ за собой сенатъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ главнымъ образомъ финансово-хозяйственныхъ, выходя уже изъ области контроля и надзора, и вмѣшиваясь непосредственно въ сферу собственно управленія. Такъ туманно и неопредѣленно рисуется вообще, очевидно, недѣятельная ген.-прокурорская власть этого момента, притомъ спутанная въ своей компетенціи съ властью генералъ-рекетмейстерской. Весь этотъ періодъ былъ несомнѣнно переходнымъ въ исторіи ген.-прокуратуры, а своеобразіе общеполитическаго момента послѣдняго пятилѣтія двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка наложило къ тому-же и свою печать.

V.

5 марта 1730 года происходило первое засѣданіе возстановленнаго по Петровскому образцу правительствующаго сената, составленнаго изъ самыхъ блестящихъ представителей русскаго правящаго класса того времени. Но этотъ сенатъ не имѣлъ еще ни ген.-прокурора, ни ген.-прокурорской власти, какъ института. Такъ длилось съ 5 марта по 2 октября 1730 г., когда, какъ мы выше говорили, «сенатскій членъ» гр. Пав. Ягушинскій былъ назначенъ временно исправлять генералъ-прокурорскія обязанности. Въ протоколѣ перваго-же сенатскаго собранія этого времени, т. е. въ протоколѣ засѣданія сената 5 марта, имѣется очень любопытная запись: «по томъ разсу-

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1997 (л. 201) и Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 84 (ст. 644) и т. 69 (стр. 258).

ждали,—читаемъ мы здѣсь,—надлежало-ль быть въ сенатѣ ген.-прокурору и оберъ-прокурору, и такожъ рекетмейстеру; и слушали ихъ должностей; и разсудили, что рекетмейстеру быть надлежитъ, и поступать ему по своей должности; послѣ того слушали указъ о баллотированіи»... и т. д.; объ институтѣ ген.-прокуратуры болѣе нигдѣ такъ и не упоминается во всемъ протоколѣ [1]); между тѣмъ о его бытіи или небытіи при сенатѣ, какъ видно, разсуждали. Разсужденія о ген.-рекетмейстерѣ были занесены въ ихъ резюмэ въ протоколъ, а о разсужденіяхъ по поводу ген.-прокурора тотъ-же протоколъ не проронилъ ни слова. Невольно возникаетъ вопросъ, въ чемъ-же тутъ дѣло? Если это пропускъ случайный со стороны составителя протокола, то трудно его допустить, во-первыхъ, потому, что этотъ протоколъ уже написанъ достаточно тщательно, не является только черновой замѣткой, переписывался, не разъ даже; а, во-вторыхъ, ужъ очень странно было-бы сдѣлать такой большой и явный пропускъ, ясно и сразу замѣтный при чтеніи текста. Надо думать, что тутъ не было случайнаго пропуска; а если такъ, то, слѣдовательно, пропускъ былъ сдѣланъ умышленно, т. е. протоколистъ умышленно ничего не внесъ въ протоколъ по поводу этихъ разсужденій сената о ген.-прокуратурѣ. Почему-же онъ это сдѣлалъ? Если мы обратимъ вниманіе на то, что́ вообще считалось нужнымъ вносить въ такого рода сенатскіе протоколы, то увидимъ, что вносили, во-первыхъ, изложеніе предмета «разсужденія»; во-вторыхъ, — крайне рѣдко,—отдѣльныя мнѣнія изъ разсужденій сенаторовъ; въ-третьихъ—рѣшенія, къ которымъ приходилъ сенатъ болѣе или менѣе безъ разногласій въ результатѣ обсужденія; и, наконецъ, тѣ или иныя дѣйствія, предпринимаемыя сенатомъ. Такъ типически построился протоколистами обычный протоколъ сенатскихъ засѣданій. И, слѣдовательно, если что́-либо не было намѣренно внесено въ протоколъ, то значитъ оно не подходило ни подъ одну изъ вышеперечисленныхъ рубрикъ, или по какимъ-нибудь, уже совершенно особымъ соображеніямъ считалось неподлежащимъ внесенію, хотя-бы и подходило къ одной изъ установленныхъ выше рубрикъ протокольной записки. Такимъ образомъ, если о результатѣ «разсужденій» по вопросу о необходимости ген.-прокуратуры не внесено ничего въ протоколъ, то это было сдѣлано или потому, что этотъ результатъ, выразившійся въ формѣ болѣе или менѣе согласнаго рѣшенія, отсутствовалъ, или потому, что на то были совершенно особыя соображенія для скрытія такихъ результатовъ. Вторая

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1897 (л. 1).

изъ причинъ трудно допустима; никакихъ на это указаній найти нельзя, и предполагать это нѣтъ никакихъ рѣшительно основаній. Гораздо вѣроятнѣе является первая причина, только одна и остающаяся для объясненія выше замѣченнаго умолчанія въ протоколѣ. А если принять её,—что́, видимо, представляется наиболѣе вѣроятнымъ и оправдываемымъ имѣющимися данными,—то придется сдѣлать любопытный выводъ изъ этого: обновленный сенатъ не могъ выяснить себѣ, насколько дѣйствительно нуженъ институтъ ген.-прокуратуры для него и Россіи; произошло разногласіе; мнѣнія были разныя; сенатъ, слѣдовательно, не отнесся, во всякомъ случаѣ сразу, *положительно* къ генералъ-прокурорскому институту; сенатъ не призналъ ген.-прокуратуру своей органической частью; сенатъ не считалъ свое существованіе невозможнымъ безъ этого института, онъ былъ, очевидно, далекъ отъ этого мнѣнія; а все это не свидѣтельствуетъ о дружелюбныхъ чувствахъ сената къ генералъ-прокуратурѣ, не свидѣтельствуетъ о ихъ солидарности въ прошломъ, а скорѣе,—какъ разъ наоборотъ, говоритъ противъ существованія чего-либо подобнаго такой солидарности. Притомъ надо помнить, что отнесся такъ къ ген.-прокуратурѣ сенатъ въ самомъ блестящемъ и полномъ составѣ своемъ, который только былъ мыслимъ для того времени, когда въ него вошелъ весь цвѣтъ русской высшей бюрократіи.

Прошло весемь мѣсяцевъ со времени возстановленія «Правительствующаго Сената», сейчасъ-же принявшагося за энергичную работу; генералъ-прокурора въ немъ такъ и не было. И только 4 октября 1730 г., временно исполняющимъ его обязанности, былъ назначенъ «сенатскій членъ» гр. П. Ягушинскій. У насъ нѣтъ данныхъ судить о томъ, что́ повліяло на эту задержку въ возстановленіи ген.-прокуратуры, и почему прибѣгли ко временному только замѣщенію этой должности; но невольно сопоставляется выше намѣченное колебаніе сената въ этомъ вопросѣ съ фактомъ проволочки и нерѣшительности, проявленной въ вопросѣ о возстановленіи ген.-прокуратуры.

Какъ бы то ни было однако, Ягушинскій сталъ фактическимъ главой ген.-прокурорской власти вплоть до начала кабинетнаго правленія, т. е. почти на годъ. Ягушинскій естественно сталъ въ это положеніе со старыми навыками и традиціями въ этомъ дѣлѣ; онъ ихъ пріобрѣлъ за два предшествующихъ момента, когда ему пришлось, во-первыхъ, устанавливать на практикѣ дѣятельность впервые учрежденнаго института,

а во-вторыхъ, эту практику развивать и укрѣплять уже въ царствованіе имп. Екатерины I-й.

Ставъ фактическимъ ген.-прокуроромъ, Ягушинскій прежде всего сталъ въ непосредственную близость къ Императрицѣ и, дѣйствительно, видимо, въ большой мѣрѣ являлся посредникомъ между верховной властью и сенатомъ. По крайней мѣрѣ, дошло очень много указаній за эти мѣсяцы на то, что Ягушинскій передавалъ сенату то тотъ, то другой именной указъ для исполненія, указъ всегда очевидно полученный имъ отъ самой Императрицы. Содержаніе этихъ указовъ было чрезвычайно разнообразно: то указъ о тѣхъ или иныхъ назначеніяхъ или увольненіяхъ отъ должностей, то о денежныхъ выдачахъ разнымъ лицамъ, то о посылкѣ къ Миниху солдатъ для фортификаціонныхъ работъ, то о какомъ-либо рѣшеніи по поводу челобитной судебнаго характера, то о сборѣ пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ,—хотя новый тарифъ не былъ еще введенъ въ дѣйствіе,—то распоряженіе по поводу индуктнаго сбора въ Малороссіи, то какія-то указанія объ однодворцахъ, въ связи съ сенатскими о нихъ разговорами [1]). Затѣмъ, очевидно, и сенатъ черезъ Ягушинскаго нерѣдко дѣлалъ свои доклады государынѣ. Такъ одно постановленіе сената по поводу доношеній гр. Миниха сенатомъ рѣшено было «доложить Ея Императорскому Величеству»; и дѣлаетъ этотъ докладъ ген.-прокуроръ. Около того-же времени, въ мартѣ 1730 г., есть такая въ журналѣ замѣтка: «графъ Павелъ Ивановичъ вышелъ во дворецъ съ портовымъ указомъ и уставомъ»; опять, видимо, былъ докладъ Императрицѣ о сенатскихъ дѣлахъ. А совсѣмъ уже на исходѣ своей ген.-прокурорской дѣятельности, въ началѣ октября 1731 г., сенатское «опредѣленіе объ индуктномъ сборѣ» Ягушинскій тоже докладывалъ Аннѣ и передалъ сенату черезъ оберъ-прокурора ея указъ по этому поводу [2]). И эти доклады несомнѣнно сопровождались обсужденіемъ ихъ Императрицею съ Ягушинскимъ, который, видно, считалъ своимъ долгомъ доводить до свѣдѣнія сената объ указаніяхъ, данныхъ Императрицею при этихъ обсужденіяхъ. Въ «журнальной запискѣ» отъ 13 октября 1730 г. записано: «Павелъ Ивановичъ (т. е. ген.-прокуроръ) объявилъ, что сочиненный въ сенатѣ о растригѣ Лаврентьѣ приговоръ для апробаціи объявлялъ онъ Ея Императорскому Величеству и Ея Величество сказала исполнять такъ, какъ воономъ при-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1898 (л. 299,305, 146 и 233), кн. сен. 1901 (л. 173, 234, 30, 14 и 157), сен. кн. 1900 (л. 69), 1902 (л. 38) и 2013 (л. 161).

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1900 (л. 117, 119, 175), 1901, (л. 33 и 59), 1902 (л. 87).

говорѣ написано; притомъ-же Ея Величество указала про казанскаго губернатора Волынскаго объ обидахъ его къ казанскому митрополиту и къ монастырю и о протчемъ разыскивать ген.-л. Волкову; и для того его Волынскаго отъ губернаторства отрѣшить» [1]). А 29 іюля 1731 г. сенату «графъ Павелъ Ивановичъ говорилъ, что государыня изволитъ разсуждать о губернаторѣ въ Москву, что понынѣ не представляютъ» [2]).

Такъ, несомнѣнно, Ягушинскій сразу становится въ нѣкоторой мѣрѣ посредникомъ между сенатомъ и верховной властью и докладчикомъ Императрицѣ сенатскихъ дѣлъ. Этотъ моментъ конечно, даетъ могучее орудіе въ руки ген.-прокурора по отношенію сената. Съ этимъ послѣднимъ отношенія Ягушинскаго складываются, видимо, по тому-же типу, какъ они складывались у него съ сенатомъ-же въ царствованіе Екатерины I-й. Опять получившій значеніе и возвысившійся представитель ген.-прокуратуры явно начинаетъ вліять на сенатъ, явно забираетъ въ свои руки частичку министерской власти. Нерѣдко можно прочитать въ журнальныхъ сенатскихъ запискахъ такія мѣста: «Его сіятельство гр. Павелъ Ивановичъ предлагалъ (идетъ содержаніе предложенія) и собраніе на томъ соглашалось»; или: «гр. Павелъ Ивановичъ представлялъ..; и тому прочіе согласились»; или: «гр. Павелъ Ивановичъ предлагалъ, и по тому представленію согласились»; или: «слушано предложеніе гр. П. И. Ягушинскаго... и приложенныя при томъ разсужденія апробованы»; или: «приказали по оному (т. е. по предложенію ген.-прокурора) исполнить и подписали о томъ указъ»; или: «и разсуждено (сенатомъ) чинить по тому предложенію»; или: «и разсуждено быть по тому предложенію». А во всѣхъ такъ охотно и послушно сенатомъ принимаемыхъ предложеніяхъ Ягушинскаго зачастую ген.-прокуроръ говорилъ совсѣмъ не о вещахъ своего прямого вѣдѣнія, а заходилъ уже въ область управленія, предлагалъ и намѣчалъ конкретныя мѣры, иногда важныя, въ дѣлѣ государственнаго правленія. Такъ одинъ разъ Ягушинскій предлагалъ поручить Московскому ген.-губернатору взысканіе подушныхъ денегъ со всѣхъ лицъ, живущихъ въ Москвѣ и подлежащихъ этому окладу; въ другой разъ ген.-прокуроръ предлагалъ «о бытіи въ Санкпитербурхѣ отъ коммерцъ-коллегіи конторѣ»; затѣмъ Ягушинскій выбираетъ кандидата на должность генералъ-криксъ-комиссара, и сенатъ «тому соглашается»; наконецъ, что-то по поводу усовершенствованія «дороги Петербургской и Московской» докладываетъ Ягушинскій

---

[1]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1898 (л. 157).
[2]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1901 (л. 209).

сенату, который тоже принимаетъ всѣ мѣры, имъ предложенныя [1]). Во многихъ случаяхъ, кромѣ того, журнальныя сенатскія записки, передавая то или иное постановленіе сената, начинаются словами: «по предложенію ген. и кав. гр. П. И. Ягушинскаго», или: «по представленію Его Сіятельства», или: «по словесному предложенію графа Павла Ивановича»; тутъ, несомнѣнно, каждое данное постановленіе сената было уже подсказано въ «предложеніи» ген.-прокурора. А всѣ эти сенатскія опредѣленія касались очень разнообразныхъ дѣлъ и все дѣлъ административныхъ, по управленію; такъ рѣшено было не наряжать «къ дѣлу линіи Закамской за позднимъ временемъ работниковъ, чтобъ не отягчать крестьянъ напрасно»; затѣмъ постановлено объ отпускѣ со взятіемъ пошлины купцамъ того ревеня, который они уже «имѣютъ у портовъ»; по предложенію-же Ягушинскаго велѣно было сенатомъ отпустить въ Англію 10,000 пудовъ желѣза, имѣющагося въ Петербургѣ въ тотъ моментъ; по иниціативѣ-же ген.-прокурора рѣшено сенатомъ «о бытіи во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ при слушаніи спорныхъ дѣлъ и отвѣтчикамъ» [2]). Совершенно несомнѣнно, что никакого отношенія со стороны своей контрольно-надзирающей власти ген.-прокуроръ къ этимъ вопросамъ не могъ имѣть. Онъ просто вмѣшивался въ нихъ съ точки зрѣнія «государственнаго интереса», тѣмъ явно входя въ область неподлежащую его прямому по «Должности» вѣдѣнію, такъ какъ онъ разрѣшалъ дѣла, а не ограничивался однимъ указаніемъ на необходимость ихъ разрѣшенія компетентнымъ учрежденіемъ. И есть еще несомнѣнныя данныя, что Ягушинскій явно вмѣшивается «министерски» въ разнообразныя, иногда очень существенныя, дѣла управленія страной. Такъ, въ 1730 году Масловъ передавалъ сенату, что «Ягушинскій, разсуждаетъ, чтобъ таможенный въ Москвѣ сборъ, покамѣстъ новый тарифъ апробуется, на одинъ годъ отдать въ компанію»; другой разъ Ягушинскій внушилъ своимъ «предложеніемъ» сенату мѣру такого рода: призвать въ сенатъ «всѣхъ коллежскихъ президентовъ и членовъ и прочихъ знатнаго шляхетства» и совмѣстно обсудить, «чтобы женѣ изо всего оставшагося послѣ мужа недвижимаго имѣнія давать въ награжденіе со ста четвертей по 15 четв., а дочери противъ того вполъ». И сенатъ вполнѣ согласился съ ген.-прокуроромъ, распорядившись о проведеніи въ дѣйствіе этой мѣры [3]). Когда въ сенатскомъ засѣ-

[1]) См. М. А. М. Ю. Сен. кн. 1902 (л. 185, 131, 46), 1900 (л. 62, 18, 115), 1898 (л. 204).

[2]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1902 (л. 73), 1901 (л. 140 и 172), 1900 (л. 52 и 73).

[3]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1898 (л. 327 и 331).

даніи 31 іюля 1731 г. шло разсужденіе о «кадетскомъ домѣ», то «при томъ его сіятельство гр. Павелъ Ивановичъ» объявилъ, что о содержаніи и ученіи кадетъ «подастъ онъ проектъ и учителямъ реестръ». Ясно, что такого рода функція никакъ не входила въ ген.-прокурорскія обязанности по «Должности»; это уже функція чисто «министерская»[1]). Затѣмъ прав. сенатъ однажды—«по предложенію г. генерала и кав. гр. Ягушинскаго приказали: во всѣхъ судныхъ мѣстахъ спорныя дѣла слушать при истцахъ и отвѣтчикахъ; а при томъ имъ никакихъ излишнихъ рѣчей и споровъ не имѣть, дабы отъ того въ слушаніи дѣлъ помѣшательства и затрудненія не происходило; а ежели во время чтенія тѣхъ дѣлъ пропущены будутъ какія рѣчи, слѣдующія къ которой сторонѣ ко оправданію, о томъ въ то-жъ время имъ предлагать; и какъ все дѣло выслушано будетъ, то какъ истцамъ, такъ и отвѣтчикамъ выходить вонъ, и тѣ дѣла безъ нихъ разсуждать и рѣшать по Уложенію и по указамъ; и о томъ въ коллегіи, и канцеляріи, и конторы, и во всѣ судныя мѣста послать указы»[2]). Такая очень существенная мѣра въ улучшеніи судопроизводства по тяжебнымъ дѣламъ была проведена, очевидно, по иниціативѣ и проекту ген.-прокурора. Конечно, въ данномъ случаѣ, пожалуй, нѣкоторую опору такому своему шагу съ точки зрѣнія «Должности» Ягушинскій могъ найти въ 10 пунктѣ ея, которымъ ген.-прокурору предоставлялась законодательная иниціатива; постолько, впрочемъ, такое соображеніе можетъ имѣть мѣсто, посколько данную мѣру можно разсматривать, какъ мѣру законодательную. Но уже, безъ сомнѣнія, чистымъ вмѣшательствомъ въ дѣло исключительно управленія явилось «предложеніе» Ягушинскаго,—видимо, сенатомъ принятое,—чтобы «для удержанія безпорядка для принятія магазейновъ выбрать и послать провіантскихъ служителей немедленно, чтобъ приняли съ губернаторами и воеводами обще»; дѣло идетъ о фуражировкѣ и провіантированіи арміи изъ запасныхъ магазиновъ[3]).

Однако, рядомъ съ этимъ, вмѣшивался Ягушинскій и въ такія дѣла, гдѣ вмѣшательство ген.-прокурора съ точки зрѣнія контрольно-наблюдающей за нормальнымъ темпомъ въ ходѣ механизма государственнаго управленія являлось нужнымъ и вполнѣ согласнымъ съ «Должностью». Такъ 29 янв. 1731 г. «Павелъ Ивановичъ собранію (сената) словесно предлагалъ, что для покупки на московскіе питейные дворы вина

---

[1]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1901 (л. 211).
[2]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 2012 (л. 11).
[3]) М. А. М. Ю. Сен. кн. 1902 (л. 133).

посланъ въ Малую Россію Каморъ-коллегіи совѣтникъ Батуринъ, токмо въ той покупкѣ чинится продолженіе и остановка за неимѣніемъ денегъ, понеже дана ассигнація на такія деньги, которыхъ на лицо не имѣется». Видимо, тутъ Ягушинскій только указалъ на непорядокъ и волокиту и тѣмъ ограничилъ свое въ это дѣло вмѣшательство; а сенатъ уже самъ сообразилъ и постановилъ принять мѣры для устраненія непорядковъ [1]). Такое-же отношеніе, строго соотвѣтственное «Должности», опредѣленно занялъ Ягушинскій, когда однажды (14 мая 1731 г.) «собранію словесно предлагалъ: доносилъ его сіятельству бриг. Палибинъ, что приличившіеся по дѣлу, слѣдующемуся по повинной купеческаго человѣка Мусина губернской канц. подъячіи оговариваютъ другихъ той канц-ріи подъячихъ, которыхъ немедленно надлежитъ забрать, чего ради и послано; токмо вице-губернаторъ Вельяминовъ-Зерновъ безъ присылки объ нихъ промеморіи не отдаетъ: и ежели-де послать объ нихъ промеморіи, то будетъ продолженіе, а между тѣмъ оные подъячіи пожитки свои могутъ схоронить; и чтобъ о томъ учинить опредѣленіе» [2]).

Положеніе Ягушинскаго, какъ ген.-прокурора, осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ въ то-же время былъ и «сенатскимъ членомъ», т. е. имѣлъ право и обязанность участвовать въ преніяхъ и въ рѣшеніяхъ вопросовъ, чего, какъ ген.-прокуроръ, онъ согласно «Должности» дѣлать не могъ. Очевидно, этимъ правомъ своимъ Ягушинскій нерѣдко пользовался, принимая участіе въ обсужденіи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, явно въ качествѣ сенатора, а не ген.-прокурора, проводя и высказывая свои мнѣнія и подписывая вмѣстѣ съ сенаторами протоколы. Разсуждаютъ-ли въ сенатѣ о порядкѣ производства въ чины, о какихъ-то «каптенармусскихъ суммахъ», «о кирасирскихъ полкахъ», объ ассигнованіяхъ на постройку рижской крѣпости,—по всѣмъ этимъ вопросамъ, и еще по цѣлому ряду другихъ Ягушинскій высказываетъ свои мнѣнія по существу, какъ сенаторъ, а не какъ ген.-прокуроръ; но, несомнѣнно, фактически это раздѣленіе спутывалось [3]). Особенно дѣятельное участіе Ягушинскій принималъ въ обсужденіи штатовъ, установленіемъ которыхъ для всѣхъ правительственныхъ учрежденій сенатъ былъ очень занятъ въ то время [4]).

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1900 (л. 52).
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1901 (л. 26-27).
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1900 (л. 100), 1901 (л. 75), 1902 (л. 133—135 и слѣд.).
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1902 (л. 137—139).

Таковы тѣ черты «министерскаго» характера, которыя находятъ себѣ опредѣленное мѣсто въ дѣятельности ген.-прокурора Ягушинскаго. Генералъ-прокуроръ, возвышенный въ своемъ общемъ положенiи, сейчасъ-же возвысилъ свою власть и влiянiе въ сенатѣ, хотя-бы этотъ послѣднiй къ тому времени тоже возвысился, въ свою очередь, среди установленiй центральнаго, управленiя; а вмѣстѣ съ этимъ сильнѣе проявились нароставшiя «министерскiя» функцiи въ существѣ ген.-прокурорской власти въ возстановленномъ сенатѣ.

Однако, Ягушинскiй не переставалъ исполнять и тѣ обязанности, которыя прямо возлагались «Должностью» на ген.-прокурора, являясь основными для существа его власти. Такъ Ягушинскiй постоянно регулировалъ дѣятельность сената, исправляя въ ней тѣ или иные дефекты, какъ то прямо предписывалось ген.-прокурору по первому параграфу его «Должности». 17 мая 1731 г. «гр. Павелъ Ивановичъ предлагалъ реестръ о нужныхъ дѣлахъ, чтобъ по онымъ рѣшенiе учинить», вслѣдствiе чего сенатъ постановилъ «собраться для оныхъ (т. е. нужныхъ дѣлъ) на будущей недѣлѣ всѣмъ». Другой разъ «Павелъ Ивановичъ предлагалъ о закрѣпѣ протоколовъ по спорнымъ дѣламъ, которыя персоны не подписали». А когда въ сенатѣ «имѣли разсужденiе по дѣлу Линева, токмо не согласились», то «Павелъ Ивановичъ собранiю предлагалъ, что по дѣлу Линева и по прочимъ такимъ спорнымъ дѣламъ, о которыхъ не изволятъ согласиться, надлежитъ подавать каждому свое мнѣнiе; потому записываны мнѣнiя чрезъ секретарей Владимiрова и Невѣжина» [1]).

Несомнѣнно, также всѣ хозяйственныя дѣла по сенату и его учрежденiямъ вѣдались тоже Ягушинскимъ [2]).

Исполнялъ Ягушинскiй и еще одну обязанность, тоже точно предуказанную «Должностью»: онъ представлялъ сенату протесты-доношенiя, которыя получалъ отъ прокуроровъ центральныхъ учрежденiй и провинцiй, а по нимъ «инстиговалъ»; хотя нельзя не замѣтить, что такихъ прокурорскихъ протестовъ было не много, и эта сторона дѣятельности ген.-прокурора была развита слабо. Ягушинскiй двоякимъ способомъ представлялъ сенату прокурорскiя доношенiя: или со своимъ по нимъ «предложенiемъ», или просто ограничивался передачею сенату подлинныхъ прокурорскихъ доношенiй, безъ всякаго со своей стороны предложенiя. Такъ въ апрѣлѣ 1731 г. въ сенатѣ «слушано предложенiе гр. Павла Ивановича и притомъ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1901 (л. 36) и 1898 (л. 150 и 286).
[2]) См., напр. М. А. М. Ю. сен. кн. 1901 (л. 258).

адмиралтейской коллегіи прокурора протестація и приложенія о посылкѣ тою коллегіею не по очереди изъ морскихъ служителей въ Астрахань». Въ іюнѣ того же года Ягушинскій предложилъ сенату вмѣстѣ со своимъ предложеніемъ «экстрактъ» отъ прокурора Каморъ-коллегіи «по московскому питейному сбору». Около того-же времени Ягушинскій сдѣлалъ «предложеніе» («словесно») сенату по поводу имъ полученнаго доношенія «бригадира Палибина», гдѣ ставился вопросъ, надо-ли разыскивать въ Сыскномъ приказѣ тѣми людьми, которые имѣли «воровскіе паспорты» [1]). Несомнѣнно чаще ген.-прокуроръ просто передавалъ сенату, безъ всякихъ объясненій и «инстигованій» со своей стороны, прокурорскіе протесты; и въ такихъ случаяхъ въ журнальной сенатской запискѣ обычно даже игнорировалось участіе въ этой передачѣ ген.-прокурора. «Слушано доношеніе каморъ-коллежскаго прокурора о подозрительномъ содержаніи» въ одной изъ таможенъ денежныхъ суммъ прямо въ столахъ у чиновниковъ; въ такой записи нѣтъ и упоминанія о ген.-прокурорѣ, безъ вѣдома и содѣйствія котораго данное «доношеніе», однако, не могло быть предложено сенату; но свою роль Ягушинскій тутъ свелъ къ чисто механической передачѣ, въ результатѣ чего и появилась вышеприводимая формула журнальной записки, формула, появляющаяся неоднократно въ разсматриваемое время. Такъ 23 февраля 1731 г. въ сенатѣ «слушали доношеніе каморъ-коллегіи прокурора Мельгунова на Архангельскаго губернатора кн. Мещерскаго о подрядѣ вина передъ прошлыми годами съ излишествомъ и съ передачею»; такъ 5 апрѣля того-же года «слушали предложеніе Адмиралтейской кол. прокурора Соймонова о непорядочномъ отъ оной коллегіи произвожденіи въ чинъ»; такъ уже въ сентябрѣ того-же года «по доношенію каморъ-коллежскаго прокурора о доимкѣ съ заклейменныхъ кубовъ разсуждено тое доимку взыскивать», и затѣмъ «по доношенію его-жъ разсуждено взять у него извѣстіе, кто имянно служители изъ той коллегіи и куда отбыли». А въ іюлѣ того-же 1731 г. «слушано доношеніе вотчинной коллегіи прокурора о непорядкахъ той коллегіи», и еще «словесное» «представленіе коммерцъ-коллегіи прокурора»—и все это, очевидно, только чисто механически касалось ген.-прокурора: онъ являлся пассивнымъ передатчикомъ—и только [2]). Обѣ эти манеры, какъ выше видѣли, прак-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1901 (л. 21 и 75) и 1900 (л. 182).

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1900 (л. 19, 95 и 188), 1902 (л. 32 и 52) и 1901 (л. 173 и 202).

тиковались уже и ранѣе, и здѣсь только продолжалась старая практика.

Совершенно согласно съ духомъ «Должности» Ягушинскій заботился о пополненіи состава прокуратуры, выбирая кандидатовъ и представляя ихъ на утвержденіе сената. Такъ 1 ноября 1730 г. сенатъ рѣшилъ «по его-же (т. е. Ягушинскаго) предложенію по силѣ указовъ, какъ прежняго, такъ и нынѣшняго въ губерніяхъ прокуроромъ быть, и для того выбрать кандидатовъ». И, видно, вслѣдствіе такого рѣшенія 9 марта 1731 г. сенаторы «имѣли разсужденіе о прокурорахъ, въ военную коллегію токмо точно не положили»; а въ цѣлый рядъ учрежденій (въ Юстицъ-коллегію, и въ губерніи: Московскую, Бѣлгородскую, Смоленскую, Новгородскую, Архангельскую и Нижегородскую) или назначили опредѣленныхъ лицъ, или временно отложили почему-то назначеніе. А въ Военную коллегію назначили уже 27 апрѣля, когда «слушали предложеніе ген. и кав. гр. П. И. Ягушинскаго о опредѣленіи генеральсъ-адъютанта Петра Шипова въ Военную коллегію прокуроромъ [1]).

Иногда Ягушинскій слѣдилъ и за правильнымъ исполненіемъ правосудія, что́ тоже по «Должности», несомнѣнно, прямо входило въ его основную компетенцію. Такъ 28 мая 1731 г. ген.-прокуроръ «предлагалъ, что бывшій алаторскій воевода бриг. Юсуповъ непрестанно проситъ о разсмотрѣніи дѣла о положенной на него и на камергера Болховскаго доимкѣ, понеже изъ того дѣла выписка учинена неправильно, и они у той выписки не подписались, и по той выпискѣ оное дѣло рѣшено; и они обвинены напрасно; и притомъ его сіятельство представлялъ, чтобъ ту выписку приказано было освидѣтельствовать; и ежели явится, что учинена неправильно, то за такой фальшъ секретарю, который ту выписку сочинялъ, учинить жестокій штрафъ; а ежели сдѣлана правильно, оштрафовать челобитчиковъ» [2]). Но такого рода проявленія дѣятельности Ягушинскаго попадаются крайне рѣдко за разсматриваемое время.

Итакъ, ставъ фактическимъ ген.-прокуроромъ во второй разъ, въ могущественномъ,—по крайней мѣрѣ, по внѣшности,—сенатѣ, Ягушинскій развивалъ свою дѣятельность въ томъ-же, въ общихъ чертахъ, направленіи, въ которомъ онъ её проявлялъ въ царствованіе Екатерины 1-ой. Иными словами говоря, исполняя функціи, возложенныя на эту должность ея учредительнымъ актомъ въ прямомъ и точномъ значеніи его текста,

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1898 (л. 204) и 1900 (л. 120 и 228).
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1901 (л. 61—62).

Ягушинскій въ то-же время опредѣленно выявлялъ и подчеркивалъ, и укрѣплялъ практикой свои «министерскія» функціи, правда, еще подчиненныя сенату, имъ «апробуемыя» въ ихъ конкретныхъ проявленіяхъ, однако по существу не присущія генералъ-прокуратурѣ и, несомнѣнно, нерѣдко, при иниціативѣ и нѣкоторомъ давленіи со стороны Ягушинскаго, въ существѣ своемъ являвшіяся вырванными у сената волею ген.-прокурора, у сената не могшаго или не хотѣвшаго тутъ вступать въ борьбу со своимъ ген.-прокуроромъ, «сенатскимъ членомъ», стоявшимъ близко къ верховной власти (по дѣламъ сенатскимъ, по крайней мѣрѣ).

Характерно для личности того оберъ-прокурора, который началъ свою дѣятельность въ этой должности вмѣстѣ и одновременно съ Ягушинскимъ, для личности того Анисима Маслова, который первыя почти пять лѣтъ царствованія Анны Іоановны стоялъ, послѣ ухода Ягушинскаго, во главѣ ген.-прокуратуры уже въ правленіе Кабинета, характерно то положеніе, которое этотъ Масловъ занялъ уже при Ягушинскомъ, въ качествѣ его помощника. Масловъ, дѣйствительно фактически явился его помощникомъ, нерѣдко его заступавшимъ и замѣнявшимъ въ роли ген.-прокурора; причемъ въ такихъ случаяхъ оберъ-прокуроръ, видимо, держалъ себя самостоятельно активно въ предпринимаемыхъ имъ шагахъ. Масловъ иногда (въ какихъ именно случаяхъ,—имѣющійся матеріалъ на это отвѣта не даетъ), во-первыхъ, докладывалъ лично Императрицѣ и передавалъ сенату высочайшія повелѣнія. Такъ 1 декабря 1730 г. «статскій совѣтникъ г. Масловъ собранію предлагалъ что Ея И. В. указала бригадира Ст. Грекова для слѣдствія о доимкахъ въ Бѣлгородскую губернію не посылать»; сенату только осталось во исполненіе этого сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе. Въ тотъ-же день Масловъ вновь «собранію предлагалъ, что въ прошедшую субботу, т.-е. ноября 28 дня сего 730 году, Е. И. В. указала по челобитью Троицкаго Сергіева монастыря архимандрита о астраханской учюгѣ и ванчюгѣ рѣшеніе учинить въ сенатѣ, и тотъ учюгъ... приписать къ казеннымъ рыбнымъ промысламъ или тому монастырю отдать». А 22 декабря того-же года «отъ собранья посланъ былъ къ Ея Величеству с. с. госп. Масловъ для донесенія о новыхъ денежкахъ и полушкахъ»; и ему Императрица «указала тѣ денежки и полушки впредь выпускать, токмо бъ о томъ указъ поднесть къ подписанію Ея Величества» [1]). Во-вторыхъ, Масловъ иногда отъ себя

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1898 (л. 320 и 272).

(очевидно, въ отсутствіе ген.-прокурора въ сенатѣ) дѣлалъ сенату «предложенія» по разнообразнымъ вопросамъ; и они сенатомъ принимались такъ-же, какъ «предложенія» самого ген.-прокурора. То Масловъ «словесно предлагалъ о плесовскомъ сборѣ, что откупщикамъ отдать сумнительно»; то онъ «собранью предлагалъ», что по донесенію посланнаго для взысканія недоимокъ въ Костромскую провинцію маіора Головкина костромской воевода не желаетъ давать Головкину никакихъ вѣдомостей; то опять Масловъ «предлагаетъ» сенату, что Штатсъ-коллегія напутала въ вѣдомости по челобитьямъ о заслуженномъ, но не полученномъ жалованьѣ, смѣшавъ требованія законныя съ требованіями «сумнительными», отъ чего по такой вѣдомости нельзя «генеральное рѣшеніе учинить»; наконецъ, Масловъ часто выступалъ съ разнаго рода мелкими «предложеніями», гдѣ или давалъ справки, или что-либо напоминалъ, или высказывалъ свое мнѣніе, или примирялъ возникшія разногласія въ сенатскихъ засѣданіяхъ, посвященныхъ вопросу о выработкѣ штатовъ. Тутъ иногда получается впечатлѣніе, что Масловъ часто направлялъ пренія, но всегда дѣлалъ это въ самой предупредительной формѣ [1]). Бывали случаи, въ-третьихъ, что Масловъ «предлагалъ» сенату что-либо въ отношеніи сенатскаго дѣлопроизводства, желая исправить ту или иную его неисправность, имъ замѣченную [2]). И всѣ эти «предложенія» оберъ-прокурора сенатъ принималъ также радушно, а иногда и также послушно, какъ предложенія самого ген.-прокурора Ягушинскаго. Такъ еще при Ягушинскомъ началъ играть сравнительно крупную роль оберъ-прокуроръ Масловъ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы охватили исторію генералъ-прокуратуры за время прямо предшествовавшее эпохѣ В. Т. Совѣта, за время правленія этого учрежденія и за время непосредственно слѣдовавшее за уничтоженіемъ В. Т. Совѣта до того, какъ на горизонтѣ опредѣленно вырисовался образъ Кабинета Е. И. В. Если самая участь этого института висѣла на волоскѣ два раза, какъ видѣли, въ теченіе этого времени, то, понятно, разнообразно прихотлива была исторія его за это время; и не смотря на это всетаки можно въ этой исторіи уловить кое-что «регулярное», выражаясь языкомъ XVIII вѣка, кое-что правильно и планомѣрно развивающееся и имѣющее свое продолженіе въ послѣдующее время въ дальнѣйшей эволюціи ген.-прокуратуры на Руси.

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1902 (л. 35, л. 88—91, л. 102 и сл.), 1898 (л. 143), 1901 (л. 101).

[2]) См. наприм. М. А. М. Ю. сен. кн. 1898 (л. 325) и 1902 (л. 83) и др.

Уже въ Петровское время, уже въ первые моменты дѣйствованія генералъ-прокуратуры, мы видѣли, начало появляться стремленіе у перваго ген.-прокурора выйти изъ предѣловъ его «Должности», вступить на путь перенесенія своихъ обязанностей, своей власти и въ сферу чисто «министерскую», въ сферу активнаго государственнаго управленія на началѣ личной отвѣтственности «министра», т.-е. въ данномъ случаѣ—ген.-прокурора. Въ изученный нами выше періодъ исторіи генералъ-прокуратуры такое стремленіе не только стало совершенно опредѣленно проводиться на практикѣ, но оно какъ-бы окончательно укрѣпилось, какъ необходимый ингредіентъ, никѣмъ не оспариваемый въ его необходимости для общаго состава ген.-прокурорской власти. Дѣйствительно, момента начала личной отвѣтственности даннаго «министра» за его административныя дѣйствія мы еще въ дѣйствіяхъ ген.-прокуратуры за изучаемый періодъ отмѣтить не могли въ сколько-нибудь даже малой степени и тѣмъ, слѣдовательно, не до конца, не въ полномъ своемъ объемѣ этотъ «министерскій» ингредіентъ органически вошелъ въ составъ ген.-прокурорской власти; но моментъ прямого вмѣшательства въ дѣла собственно управленія для того или иного *рѣшенія* ихъ, этотъ первый моментъ присвоенія генералъ-прокурорской властью «министерскаго» характера, только слегка иногда проявлявшійся въ Петровское время, теперь занялъ прочное и опредѣленное положеніе одной изъ основныхъ функцій ген.-прокурора. Мы увидимъ въ слѣдующихъ очеркахъ, что въ «кабинетное» и Елизаветинское время также опредѣленно въ концѣ концовъ устанавливается (хотя, можетъ быть, слабо и нечасто проявляется до царствованія Екатерины Великой) и второй главнѣйшій моментъ, характеризующій «министерскую» власть,—моментъ личной отвѣтственности и личной инціативы съ соотвѣтственными полномочіями, чѣмъ обычно характеризовалась эта власть въ ея обычномъ для XVII—XVIII в.в. видѣ въ Зап. Европѣ.

Рядомъ съ этимъ въ изучаемый періодъ явилось въ дѣятельности ген.-прокуратуры и нѣчто совершенно новое; явились отдѣльные моменты, въ которыхъ ясно можно подмѣтить руководительство со стороны ген.-прокурора дѣйствіями сената. Руководительство это чуть-ли иногда не переходило въ нѣкоторое давленіе со стороны ген.-прокурора, которому сенатъ въ такихъ случаяхъ безпрекословно поддавался. Сенатъ иногда занималъ совершенно ему несвойственную казалось-бы роль учрежденія, только пассивно санкціонирующаго своими опредѣленіями тѣ или иныя мѣропріятія въ области админи-

стративной, въ области *управленія* въ широкомъ смыслѣ этого слова, которыя ему уже точно намѣченными и выясненными «предлагалъ» ген.-прокуроръ. Въ слѣдующихъ очеркахъ увидимъ, какъ это явленіе, зародившись въ туманныхъ и неопредѣленно колеблющихся формахъ въ изучаемый періодъ, развивалось и укрѣплялось въ дальнѣйшемъ.

Но вмѣстѣ съ всѣми этими новыми явленіями въ развитіи ген.-прокурорской власти основнымъ элементомъ ея функцій также оставалось и все то, что ей точно и опредѣленно предначертывалось «Должностью» 1722 года.

Таковы тѣ черты, которыя, проходя чрезъ весь изученный періодъ, опредѣленно и ясно намѣчаются во всемъ теченіи этого періода, являясь только несомнѣнными звеньями въ общей эволюціи института ген.-прокуратуры до-Екатерининскаго времени.

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ.

Генералъ-прокуратура въ эпоху Кабинетнаго правленія.

I.

Мало документовъ, незначительная часть дѣлопроизводственнаго фонда, характеризующаго собой и отражающаго въ себѣ дѣятельность ген.-прокуратуры за 30-ые годы XVIII вѣка дошла до насъ. Знаменитый московскій пожаръ 1737 г. надѣлалъ много бѣдъ, и въ частности громадное количество документовъ изъ сенатскаго дѣлопроизводства, очевидно, сгорѣло именно тогда. Дѣлопроизводство ген.-прокуратуры за годы до 1737 является крайне скудно представленнымъ въ нашихъ архивахъ. А между тѣмъ несомнѣнно, что непосредственно со времени учрежденія ген.-прокуратуры вся дѣятельность ея шла чрезъ установленную особую канцелярію (хотя и входившую въ составъ общесенатской канцеляріи), дѣлопроизводство которой и должно было-бы поэтому служить основнымъ матеріаломъ для сужденія, по крайней мѣрѣ, о главнѣйшихъ моментахъ исторіи ген.-прокуратуры.

Если еще при первомъ генералъ-прокурорѣ уже существовала канцелярія, то порядокъ выдѣленія дѣлъ собственно-прокурорскихъ въ особую часть тѣмъ болѣе имѣлъ основанія и существовалъ въ послѣдующее время. Въ царствованіе импер. Анны, когда должность ген.-прокурора исполнялъ оберъ-прокуроръ, такая канцелярія, видимо, носила названіе «прокурорскихъ дѣлъ»; бумаги направлялись «къ прокурорскимъ дѣламъ», или онѣ исходили «отъ прокурорскихъ дѣлъ» [1]). Остатки дѣлопроизводственнаго фонда этой канцеляріи носятъ ясные слѣды того, что въ этомъ учрежденіи уже вылились опредѣленныя дѣлопроизводственныя формы, а съ другой стороны названія этихъ формъ прямо указываютъ, какая сторона дѣятельности именно оберъ-прокурора запечатлѣвалась въ той или иной формѣ; такъ была форма подъ заглавіемъ:

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. № 8125, л. 283—284, 398 и др.

книга «поданнымъ въ сенатъ отъ господина оберъ-прокурора Соймонова предложеніямъ»; или: «журналъ 1738 году господина оберъ-прокурора Соймонова»; или: «книга записная опредѣленіямъ за подписаніемъ г-на оберъ-прокурора о выдачѣ изъ суммы сенатской канцеляріи отъ расходу денежной казны на разные и въ жалованье». Внѣ сомнѣнія, что всѣ эти формы входили въ «прокурорскія дѣла»; на это опредѣленно указываютъ черновики, отпуски, кое-гдѣ въ этихъ формахъ заключенныхъ бумагъ, а также и адресъ всѣхъ поступавшихъ и въ этихъ формахъ попадающихся бумагъ; это—или бумаги отъ «прокурорскихъ дѣлъ», или бумаги «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ». Такимъ образомъ, передъ нами несомнѣнно основной фондъ дѣлопроизводства ген.-прокурорской «канцеляріи», слѣдовательно, точный и достаточный матеріалъ для сужденія по немъ объ основныхъ сторонахъ дѣятельности сенатской прокуратуры въ Аннинское время. Но надо разрѣшить еще два вопроса, прежде чѣмъ приступать къ самому изслѣдованію; именно, во первыхъ, надо выяснить, насколько большую часть этого фонда мы будемъ въ состояніи имѣть въ своемъ распоряженіи, а, во-вторыхъ, если эта часть невелика, то въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи мы можемъ опираться на такого рода матеріалъ. Сначала постараемся отвѣтить на первый вопросъ: какъ велика часть даннаго фонда, которая попадаетъ въ сферу нашей разработки.

Несомнѣнно, что только обрывки дѣлопроизводства «прокурорскихъ дѣлъ» Аннинскаго времени дошли до насъ; большая часть этого дѣлопроизводства, видимо, погибла въ пожаръ 1737 года. Розыски прокурорскихъ дѣлъ мною производились въ Архивахъ Мин. Юстиціи (Москва), Сенатскомъ (Петроградъ) и Государственномъ. Это все тѣ хранилища, гдѣ по общему составу ихъ и исторіи составившихъ ихъ фондовъ можно было разсчитывать найти искомое дѣлопроизводство. Въ результатѣ, въ нашихъ рукахъ оказались нѣсколько книгъ «предложеній» об.-прокурора Сенату за время 1733—1735 и 1738—1740 г.г. и еще нѣсколько менѣе интересныхъ книгъ по дѣятельности об.-прокурора, какъ начальника общей сенатской канцеляріи. Несомнѣнно, что матеріалъ этотъ невеликъ; надо думать,—по примѣру послѣдующихъ лѣтъ,—что тогда уже существовали книги собственно съ «дѣлами» по прокурорскому дѣлопроизводству; но эта часть фонда до насъ не дошла; по крайней мѣрѣ, намъ не удалось пока найти нигдѣ ни одного даже обрывка такой книги. Почти навѣрно можно предполагать, что такого рода «книги» до 1737 года включи-

тельно сгорѣли во время московскаго пожара въ числѣ тѣхъ «926 книгъ сенатской канцеляріи» [1]), которыя исчезли, видимо, безслѣдно: никакой, хотя-бы самой краткой, описи ихъ содержанія мы не могли найти при просмотрѣ дѣлъ, относящихся до этого знаменитаго пожара. За годы 1738 и 1739 искомыя дѣла нами тоже отысканы быть не могли.

Итакъ, въ нашемъ распоряженіи имѣется только очень небольшая часть интересующаго насъ фонда; видимо, громадное большинство недостающаго сгорѣло, а потому пропало безвозвратно и должно быть вычеркнуто изъ перечня матеріаловъ для исторіи Аннинской сенатской прокуратуры. Такимъ образомъ, получаетъ большое уже значеніе то немногое, что еще сохранилось и дошло до насъ. Изъ этого сохранившагося наибольшее значеніе для историка имѣютъ «книги предложеній». Эти книги заключаютъ въ себѣ расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ въ точной копіи всѣ тѣ обращенія, всѣ тѣ запросы, указанія, словомъ всѣ тѣ «предложенія», съ которыми об.-прокуроръ обращался по разнаго рода дѣламъ и поводамъ къ сенату. Несомнѣнно, что въ этихъ «предложеніяхъ» находила отраженіе вся дѣятельность об.-прокурора въ ея основныхъ чертахъ; однако, надо тутъ-же замѣтить, что если такого рода документы особенно рельефно и полно должны отмѣчать взаимоотношенія сената и прокуратуры, а также намѣчать отношенія верховной власти къ той-же прокуратурѣ, то сравнительно слабо они отражаютъ дѣятельность прокуратуры въ ея самостоятельныхъ дѣйствіяхъ, помимо сената и въ ея роли по отношенію всего ей подчиненнаго института столичной и провинціальной прокуратуры.

Итакъ, отвѣчая на второй изъ двухъ нами вышепоставленныхъ вопросовъ, приходится сказать, что большая часть основныхъ для исторіи прокуратуры въ Аннинское время документовъ является окончательно и навѣрно для насъ утраченными; изъ уцѣлѣвшихъ и могущихъ еще найтись при дальнѣйшихъ розысканіяхъ документовъ уже имѣются въ нашемъ распоряженіи почти въ полномъ комплектѣ тѣ документы, въ которыхъ болѣе или менѣе отражалась вся дѣятельность прокуратуры въ ея общихъ штрихахъ, только съ нѣкоторыми въ этомъ ограниченіями и оговорками, только-что нами высказанными. Еще нѣсколько имѣющихся тоже въ нашемъ распоряженіи отрывковъ изъ другихъ дѣлопроизводственныхъ формъ («журналовъ» «книгъ записныхъ») даютъ

---

[1]) М. А. М. Ю. книга дѣлъ № 1148, а также срав. ст. Иванова, „Чтенія", 1858 г. кн. 3 (смѣсь).

возможность частично проникать и въ другую сферу дѣятельности Аннинскаго об.-прокурора, а, слѣдовательно, хотя немного могутъ помочь въ установленіи очертаній Аннинской прокуратуры.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду тѣ матеріалы, которые являются наиболѣе близко, непосредственно отражающими дѣятельность изучаемаго учрежденія; но при этомъ становились ясными очень большіе дефекты въ такого рода матеріалахъ въ виду исчезновенія бо́льшей ихъ части. Для нѣкотораго исправленія такихъ дефектовъ въ матеріалѣ есть только одно средство, это—обратиться къ дѣлопроизводственнымъ фондамъ тѣхъ центральныхъ государственныхъ учрежденій, которыя находились съ ген.-прокуратурой въ наиболѣе тѣсныхъ и постоянныхъ отношеніяхъ, въ ближайшей дѣловой связи. Такихъ учрежденій было два; во-первыхъ, и главнымъ образомъ,—«высокій сенатъ», и, во-вторыхъ,—Кабинетъ Ея Имп. Величества.

По самой роли ген.-прокуратуры вся главнѣйшая, основная дѣятельность ея въ отношеніи сената имѣла мѣсто въ засѣданіяхъ сенатскихъ, а потому журналы и протоколы сената являются тутъ источниками, въ которыхъ съ достаточной полнотой и надо искать отраженія дѣятельности прокуратуры въ сенатѣ. Отъ разсматриваемаго времени изъ такого дѣлопроизводственнаго сенатскаго фонда мы имѣемъ сохранившимися такъ-называемыя черновыя журнальныя записки. Записки эти представляютъ собой бѣглыя, черновыя замѣтки, дѣлавшіяся во время засѣданія сената наспѣхъ, видимо, сенатскими секретарями, безъ всякихъ скрѣпъ и подписей, переправленныя и перемаранныя, часто прямо недописанныя до конца, иногда не совсѣмъ понятно сокращенно изложенныя, а иногда и прямо непонятныя; конечно, такого рода матеріалъ не есть матеріалъ юридически точный, актовый; въ этомъ значеніи онъ долженъ быть отвергнутъ: но, несомнѣнно, съ другой стороны, тутъ находила себѣ полное, безыскуственно непосредственное,—хотя иногда возможно и несовсѣмъ точное,—отраженіе вся дѣятельность сената, поскольку она протекала въ сенатскихъ засѣданіяхъ. Обычная форма этихъ журнальныхъ записокъ была такая: сначало шло вкратцѣ изложеніе самаго дѣла, обычно съ указаніемъ, по чьему «доношенію», «челобитью» или «предложенію» оно начато; затѣмъ ставилось выраженіе: «и разсудили»..., или «и разсуждено»..., и далѣе заносилась самая резолюція сената. Иногда, хотя очень рѣдко, передъ резолюціей приводились,—тоже вкратцѣ,—мнѣнія по

данному дѣлу сенаторовъ; но это бывало, повторяемъ, очень рѣдко. Несомнѣнно, что всѣ об.-прокурорскія, «предложенія» всѣ сношенія прокуратуры съ сенатомъ проходили занесенными въ эти журнальныя черновыя записки; хранится этотъ архивный дѣлопроизводственный фондъ въ Москов. Арх. Мин. Юст., гдѣ значится подъ №№ 1902—1912 сенатскихъ книгъ.

Но съ 1737 года въ сенатѣ велись уже настоящіе протоколы и журналы по извѣстной формѣ, документально точные, съ надлежащими скрѣпами и подписями секретарей и сенаторовъ. Тутъ, конечно, тоже отражалась дѣятельность сената въ его «присутствованіяхъ», и, несомнѣнно, отражалась юридически правильно, но несомнѣнно также, съ другой стороны, что въ предыдущихъ черновыхъ запискахъ иногда лучше и точнѣе, непосредственнѣе звучалъ голосъ жизни, не обезличенный, не прикрашенный и не искаженный канцелярскими соображеніями, что̀ имѣло мѣсто въ формально правильныхъ протоколахъ 1737 и позднѣйшихъ годовъ. Однако, и тутъ цѣликомъ отразились сношенія ген.-прокуратуры съ сенатомъ въ ихъ основныхъ чертахъ. Этотъ дѣлопроизводственный фондъ хранится нынѣ въ Москов. Арх. Мин. Юст. въ ряду сенатскихъ книгъ за №№ 2168—2191, которыми мы и пользовались [1]).

Журналы Кабинета Е. И. В. за изучаемое время нынѣ изданы въ «Сборникахъ Имп. Рус. Ист. Общ.», подъ ред. проф. А. Н. Филиппова. Взаимоотношенія сената и Кабинета были слишкомъ тѣсны и постоянны для того, чтобы въ нихъ об.-прокуроръ не принималъ участія. На дѣлѣ это участіе было, какъ видно, довольно опредѣленно намѣчено, и по формамъ своимъ даетъ нѣсколько очень любопытныхъ штриховъ къ обрисовкѣ об.-прокуратуры при кабинетномъ правленіи.

Оба выше намѣченные дѣлопроизводственные фонда, въ силу приведенныхъ соображеній, и были нами использованы при нашемъ изслѣдованіи, что̀ внесло опредѣленный коррективъ, прибавивъ много существенныхъ данныхъ, въ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи фондъ дѣлопроизводства собственно «у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ».

Изъ всего вышесказаннаго о тѣхъ матеріалахъ, которые мы кладемъ въ основу нашего дальнѣйшаго изложенія, намъ представляется возможнымъ сдѣлать тотъ выводъ, что, во-первыхъ, количество его (имѣя въ виду невозвратимыя потери при пожарѣ 1737 г.) является достаточно значительнымъ

---

1) Въ этихъ книгахъ заключены журналы и протоколы за 1738 и 1739 г.; въ 1737 г. мѣсто об.-прокурора оставалось вакантнымъ.

возможно большимъ, а по качеству своему матеріалъ этотъ вполнѣ пригоденъ для выводовъ объ общемъ характерѣ, направленіи дѣятельности изучаемаго установленія, причемъ особенно этотъ матеріалъ пригоденъ для сужденія о взаимоотношеніяхъ сената и прокуратуры.

Такого рода квалификація имѣющагося въ нашихъ рукахъ матеріала позволяетъ намъ считать его пригоднымъ для начертанія общихъ штриховъ исторіи изучаемаго института; но, съ другой стороны, всетаки имѣющаяся его ясная неполнота принуждаетъ насъ быть очень осторожными со всякими болѣе или менѣе широкими утвержденіями категорическаго характера.

II.

Съ воцареніемъ императрицы Анны былъ, какъ извѣстно, торжественно возстановленъ сенатъ въ томъ значеніи и видѣ его, который онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, «на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ при дядѣ нашемъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петрѣ Великомъ Императорѣ и Самодержцѣ всероссійскомъ былъ» [1]). И вновь «сенатъ представлялъ собою необычайное зрѣлище: зала его засѣданій, гдѣ послѣ Петра Великаго едва можно было насчитать трехъ или четырехъ скромныхъ сенаторовъ, вдругъ наполнилась блестящими рядами знаменитыхъ людей времени, изъ коихъ нѣкоторые, нѣсколько недѣль тому назадъ, въ качествѣ членовъ всесильнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, предлагали корону россійскую избранной ими государынѣ» [2]). Но не долго длился этотъ періодъ въ жизни Аннинскаго сената. Уже съ начала апрѣля того-же года началось изъятіе изъ сената и преслѣдованіе «знаменитыхъ людей времени», попавшихъ въ сенатъ (Долгорукіе); а въ октябрѣ слѣдующаго, 1731 года, формально образовалось учрежденіе, ставшее надъ сенатомъ; и съ этого момента сенатъ опредѣленно начинаетъ падать все ниже и ниже въ своемъ значеніи и власти. Паденіе это шло быстрыми шагами, и Аннинскій сенатъ очень скоро сталъ своеобразнымъ учрежденіемъ, подручной канцеляріей по нѣкоторымъ внутреннимъ дѣламъ у всемогущаго Кабинета.

Уже въ самое первое время своего существованія Кабинетъ сталъ мѣстомъ, гдѣ читались Ея Величеству сенатскіе

---

1) Маниф. отъ 4 марта 1730 г. П. С. З. № 5510.
2) Исторія сената. Т. I, 483 стр.

доклады, и отсюда же шли на нихъ резолюціи; затѣмъ быстро изъ Кабинета пошли въ сенатъ прямые приказы, хотя сначала и основанные на тѣхъ или иныхъ «указахъ» Императрицы; а въ декабрѣ 1731 года сенатъ уже долженъ былъ представлять Кабинету рапорты и реестры рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ дѣлъ. Кабинетъ не стѣснялся передавать свои приказы сенату просто черезъ оберъ-секретаря или секретарей сената, вызывая ихъ въ свои засѣданія. Въ февралѣ 1732 г. сенатъ пробовалъ протестовать противъ такой упрощенной безцеремонности въ обращеніи съ нимъ Кабинета, но, видимо, не рѣшился на гласный протестъ, а только объ этомъ «поговорили» сенаторы, чѣмъ и кончили. И все сводилось въ концѣ концовъ къ тому, что «сенату приходилось постоянно то исполнять тѣ или иныя порученія Кабинета по доставленію разнаго рода справокъ и свѣдѣній, то отправлять по указамъ Кабинета указы, то, наконецъ, объяснять, нерѣдко путемъ всеподданнѣйшихъ доношеній, причины медленности своего дѣлопроизводства и т. п.» [1]). А затѣмъ уже «сенатъ нерѣдко входитъ съ докладами въ Кабинетъ по вопросамъ разрѣшеннымъ Высочайшими указами и резолюціями, и требуетъ у него разъясненія тѣхъ недоразумѣній, какія ими вызываются на практикѣ»; и «Кабинетъ даетъ эти указанія сенату, какъ инстанція... высшая» [2]). Такъ Аннинскій сенатъ сталъ безропотнымъ исполнителемъ кабинетскихъ рѣшеній и велѣній, сталъ фактически дѣловой при немъ канцеляріей— и только. Сенатъ пересталъ быть сенатомъ въ Петровскомъ смыслѣ этого слова; это отлично понимали кабинетные дѣльцы; къ этому, возможно, и стремились; ради формальнаго фиксированія такого положенія дѣлъ и былъ, видимо, проектированъ планъ уничтоженія сената преобразованіемъ его въ новую коллегію, въ «штатсъ-коллегію» [3]). — Въ результатѣ такого положенія, которое сенатъ занялъ въ Аннинское время, Кабинетъ въ одномъ изъ журналовъ своихъ засѣданій можетъ нарисовать сенатскому оберъ-прокурору для свѣдѣнія и съ выговоромъ слѣдующую обычную картину сенатскихъ засѣданій: «г. г. сенаторы въ присутствіе своемъ въ прав. сенатѣ неблагочинно сидятъ; и когда читаютъ дѣла, они тогда объ нихъ не внимаютъ для того, что имѣютъ между собой партикулярные разговоры и притомъ крики и шумы чинятъ, а потомъ велятъ тѣ дѣла читать вновь, отчего въ дѣлахъ продолженіе

[1]) Ист. сената. Т. I., стр. 522.
[2]) Ib., стр. 525.
[3]) См. мою статью: „Проектъ уничтоженія сената въ 18 в.". Записки Имп. Харьк. Универ. 1913 г.

и остановка чинится; тако-жъ въ сенатъ прiѣзжаютъ поздно и дѣла не дѣлаютъ, но ѣдятъ сухiе снитки, крендели и рябчики и указныхъ часовъ не высиживаютъ» [1]). Да и прiѣзжали въ сенатъ сенаторы даже такъ проводить время очень не охотно; фактъ полнаго индиферентизма сенаторовъ къ сенатскимъ дѣламъ и засѣданiямъ, фактъ сенаторскаго абсентеизма достаточно точно отмѣченъ современными свидѣтельствами; «полнаго собранiя никогда не бываетъ, доноситъ оберъ-секретарь, и рѣдко когда случается, чтобъ изъ оныхъ въ собранiи бывало по 3 или по четыре, но больше по 2 персоны» [2]); «въ ея (Анны Iоанновны) царствованiе въ сенатѣ присутствовали только два лица ген.-кригсъ-комиссаръ Новосильцевъ и Сукинъ;... хотя фельдмаршалъ Трубецкой и являлся изрѣдка въ сенатъ, но только или по своимъ частнымъ дѣламъ, или чтобы выказать тамъ все свое ничтожество», такъ свидѣтельствуетъ гр. Минихъ въ своихъ запискахъ [3]). «Нынѣ часто бываетъ, что два или три сенатора сидятъ» въ общихъ сенатскихъ засѣданiяхъ, показываетъ еще одинъ современный оффицiозный документъ [4]). Никогда во всей своей послѣдующей исторiи сенатъ не переживалъ времени такого униженiя и рѣзкаго видоизмѣненiя самаго его существа, какъ то было въ Аннинское царствованiе.

И въ это время у сената не было генералъ-прокурора; только въ 1740 году, передъ самымъ концомъ царствованiя, на эту должность былъ назначенъ кн. Н. Ю. Трубецкой. Однако, съ возстановленiемъ Петровскаго сената въ 1730 году въ манифестѣ отъ 2 октября 1730 года было написано: «повелѣваемъ мы всемилостивѣйше и учреждаемъ по опредѣленiю дяди нашего и государя при сенатѣ чину генералъ-прокурора, и ему помощникомъ оберъ-прокурору.... И для того нынѣ въ сенатъ, покамѣстъ особливый отъ насъ генералъ-прокуроръ опредѣленъ будетъ, имѣть въ должности его надзиранiе изъ членовъ сенатскихъ генералу Ягушинскому, а въ его дирекцiи въ должности оберъ-прокурора быть стат. сов. Маслову, а въ прокуроры-жъ въ коллегiи и канцелярiи, въ которыя надлежитъ, опредѣляются немедленно» [5]). Такъ во главѣ возстановленной прокуратуры временно былъ поставленъ «сенатскiй членъ» Ягушинскiй; и только его помощникъ, оберъ-прокуроръ, назна-

---

[1]) Ист. сената. Т. I, стр. 539.
[2]) Ib., 583 стр.
[3]) Записки гр. Миниха. Подъ ред. Шумигорскаго, стр. 64.
[4]) Моя статья: „Проектъ уничтож. сената въ 18 в.“. Записки Харьков. Универ. 1913 г.
[5]) П. С. З. № 5625.

чался, какъ таковой, а не въ качествѣ какого-то временнаго замѣстителя. Ровно черезъ годъ, въ 1731 г., Ягушинскій былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, и постъ генералъ-прокурора остался совершенно незамѣщеннымъ; согласно Петровской «Должности», его мѣсто занялъ и его должность исправлялъ оберъ-прокуроръ сената—Масловъ, ставшій во главѣ сенатской прокуратуры отнынѣ до самой смерти своей въ концѣ 1735 г. Прошли годы 1736, 1737, и только 11 апрѣля 1738 г. послѣдовалъ именной «указъ нашему Сенату. Всемилостивѣйше пожаловали Мы оберъ-штеръ-кригсъ-комисара Ѳедора Соймонова въ Сенатъ въ оберъ-прокуроры, въ рангъ генералъ-майора, и указали всѣ дѣла по той должности ему отправлять по прежней апробованной инструкціи; а жалованья ему давать, пока онъ при томъ дѣлѣ будетъ, по чему бывшій д. ст. сов. Масловъ получалъ» [1]). На слѣдующій-же день новый оберъ-прокуроръ вступилъ въ исполненіе не своихъ, оберъ-прокурорскихъ, а собственно генералъ-прокурорскихъ обязанностей, за неимѣніемъ генералъ-прокурора [2]). Прошелъ всего годъ съ небольшимъ, и Соймоновъ получаетъ другое назначеніе: «пожаловали мы, гласитъ именной указъ отъ 16 октября 1739 г., въ нашу адмиралтейскую коллегію въ генералъ-кригсъ-комисары сенатскаго оберъ-прокурора Ѳедора Соймонова»:.. «а на мѣсто Соймонова, говорилось далѣе въ томъ-же указѣ, въ оберъ-прокуроры въ Сенатъ выбрать достойнаго и для того представить двухъ или трехъ кандидатовъ» [3]). И опять мѣста и генералъ- и оберъ-прокуроровъ остались незамѣщенными еще полъ-года, когда на должность ген.-прокурора именнымъ указомъ отъ 28 апрѣля 1740 г. былъ назначенъ кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой [4]).

Такова внѣшняя исторія ген.-прокуратуры за Аннинское царствованіе.

Итакъ, во главѣ ген.-прокуратуры, въ первое время царствованія Имп. Анны Іоанновны и почти до конца его, стояли, одинъ вслѣдъ за другимъ, два оберъ-прокурора, сначала—Анисимъ Масловъ, а затѣмъ, послѣ нѣкотораго перерыва, Ѳедоръ Соймоновъ.

Анисимъ Масловъ—довольно крупная фигура на фонѣ русской государственной жизни средины XVIII вѣка. Еще С. М. Соловьевъ окрестилъ его «неутомимымъ взыскателемъ недоимокъ и преслѣдователемъ—сенатскихъ непорядковъ» [5]).

---

1) Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ., т. 120, стр. 301.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 8125, л. 330.
3) Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ., т. 130, стр. 372—373.
4) С. А., кн. выс. пов. № 57, л. 580.
5) *Соловьевъ*. Ист. Россіи. 2 изд., кн. IV, стр. 1416.

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ,—пр.-доц. В. Строевъ,—называетъ Маслова даже «знаменитымъ оберъ-прокуроромъ Сената» и характеризуетъ его, какъ «самаго энергичнаго и безпощаднаго изобличителя всевозможныхъ непорядковъ и злоупотребленій администраціи»; «это былъ типъ прибыльщика вродѣ петровскаго Курбатова,—говоритъ далѣе о Масловѣ тотъ же изслѣдователь,—постоянно и зорко вездѣ слѣдившій за казеннымъ интересомъ, постоянно сталкивавшійся съ сильными людьми и искавшій себѣ въ борьбѣ съ ними милостивцевъ при Дворѣ, какимъ для него являлся Биронъ»[1]). Обычно «весьма здравыя сужденія Маслова по тѣмъ или инымъ вопросамъ тогдашней административной практики» отмѣчаетъ и проф. А. Н. Филипповъ при разборѣ дѣятельности Маслова[2]); но этотъ же ученый, съ другой стороны, констатируетъ, что «въ предложеніяхъ Маслова сенату не указывается обычно какихъ-либо особо широкихъ мѣръ къ пресѣченію злоупотребленій власти, безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ и т. п.»[3]). Если, дѣйствительно, не были широки «предложенія» Маслова сенату, то происходило это не въ силу того, что въ головѣ Маслова не было достаточно широкихъ плановъ и достаточно смѣлыхъ и интересныхъ идей. Какъ извѣстно, не время было тогда такихъ общихъ плановъ, ихъ не понимали, въ нихъ какъ-бы не нуждались, а, пожалуй, ихъ и чуждались; вся дѣятельность Аннинскаго Кабинета служитъ тому яркимъ доказательствомъ. А разъ такъ, то понятно, что умный и тонкій оберъ-прокуроръ былъ очень остороженъ въ какихъ-либо выступленіяхъ своихъ, особенно передъ безсильнымъ сенатомъ, съ какими-либо широкаго характера проектами; и чтó дѣло именно было въ этомъ,—а не въ узости самого Маслова,—чтó умъ Маслова былъ и достаточно широкъ, и достаточно проницателенъ, доказательствомъ этому можетъ служить его мнѣніе-проектъ по крестьянскому вопросу, поданное въ Кабинетъ, гдѣ есть слѣдующее знаменательное мѣсто: «нужда требуетъ немедленно о томъ разсуждать и учрежденіе во всемъ государствѣ по состоянію мѣстъ учинить, дабы крестьяне знали, гдѣ по скольку (кромѣ государственныхъ податей) доходовъ кому платить и работъ какихъ исправлять безъ излишняго отягощенія, паче-же, во отлученіи помѣщиковъ, отъ приказчиковъ бы разоренія впредь не происходило... Правда, сіе въ нашемъ государствѣ, яко новое и необыкновенное дѣло, многимъ

---

[1]) *Строевъ*. Бироновщина и Кабинетъ Министровъ, ч. I, стр. 104.
[2]) Исторія Сената. Т. I, стр. 605.
[3]) Ib., стр. 606.

будетъ не безъ противности, но впредь можетъ быть въ лучшую пользу; а кромѣ того, инымъ какимъ-бы образомъ въ лучшемъ состояніи и порядкѣ крестьяне быть могли, иного способу не находится»[1]). Основная идея Маслова ясна: губительное значеніе для народнаго хозяйства крѣпостного права является непобѣдимымъ никакими другими мѣрами, кромѣ какъ ограниченіемъ крѣпостного права въ хозяйственномъ отношеніи. Эта мысль Маслова, позже, во второй половинѣ XVIII вѣка уже всплывавшая неоднократно въ планахъ-проектахъ по отмѣнѣ крѣпостного права, именно Масловымъ была, видимо, впервые высказана такъ ясно и опредѣленно. Очевидно, что рядовой, обычный, хотя и дѣловитый, чиновникъ Аннинскаго времени, не могъ-бы додуматься до этой смѣлой и глубокой мысли; очевидно, что Масловъ долженъ былъ значительно своимъ умомъ и прозорливостью выдвигаться надъ среднимъ уровнемъ толковаго и дѣловитаго чиновничества своего времени. Ключевскій считалъ Маслова «однимъ изъ тѣхъ государственныхъ дѣльцовъ, какіе появляются и въ темныя времена народной жизни, помогая своимъ появленіемъ мириться не съ этими временами, а со страной, которая ихъ допускаетъ въ своей жизни». Масловъ, по мнѣнію названнаго историка, былъ «родоначальникъ Сперанскихъ, Милютиныхъ и другихъ государственныхъ дѣльцовъ, мощной человѣколюбивой мыслью поработавшихъ надъ разрѣшеніемъ крѣпостного вопроса», личность, которой «нравственному дѣйствію его нелицепріятной и мужественной настойчивости подчинялись даже такіе нравственные сухари, какъ императрица и ея фаворитъ»[2]).

Совсѣмъ въ другомъ родѣ по своимъ личнымъ качествамъ былъ другой Аннинскій прокуроръ—Ѳедоръ Соймоновъ. Проходившій, очевидно, обычную военную карьеру того времени, только временно и случайно на годъ съ небольшимъ попалъ онъ въ штатскую должность и, видимо, оказался не на высотѣ своего положенія; поскольку былъ великъ личный престижъ и вліяніе Маслова въ его бытность оберъ-прокуроромъ, постолько тотъ же личный престижъ у Соймонова оказался ничтожнымъ; едва-ли Соймоновъ даже удовлетворялъ среднимъ требованіямъ, предъявляемымъ ко всякому, сидящему на мѣстѣ оберъ-прокурора.

Во всякомъ случаѣ, въ теченіе всего года съ небольшимъ его оберъ-прокурорской дѣятельности его постигло два рѣзкихъ выговора; одинъ изъ нихъ былъ занесенъ въ указъ изъ Кабинета, а другой записанъ въ кабинетскомъ журналѣ. Въ

---

[1]) Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 108, стр. 290 и 291.
[2]) *Ключевскій.* Курсъ Русской Исторіи, ч. IV, стр. 415—416.

указѣ отъ 11 декабря 1738 г. выговоръ Соймонову былъ сдѣланъ прямо за его небрежную дѣятельность, тогда какъ ему-бы «наипаче всего надлежало смотрѣть и предостерегать, чтобъ всѣ дѣла неотмѣнно» шли по указамъ [1]). Ровно черезъ мѣсяцъ, 10 января 1739 г., въ кабинетскомъ журналѣ появляется слѣдующая запись: «приказано: оберъ-прокурору Соймонову учинить выговоръ, чтобъ впредь между указами (сенаторы) конфузіи не чинили» [2]). Какъ видимъ, выговоры были рѣзки и рѣшительны; очевидно, въ дѣятельности Соймонова дефекты были достаточно велики; по отношенію къ Маслову не бывало никогда ничего подобнаго.

III.

Къ концу 1731 года, когда Ягушинскій былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, когда Кабинетъ ясно и опредѣленно уже занялъ свою позицію, когда началась расправа съ виднѣйшими «сенатскими членами», и началось опредѣленное умаленіе значенія всего сената въ его цѣломъ, съ этого момента во главѣ прокуратуры остается оберъ-прокуроръ сената Анисимъ Масловъ, въ рукахъ котораго, согласно «Должности», сосредоточивается генералъ-прокурорская власть. Такъ длится до конца 1735 года, когда послѣ трехлѣтняго перерыва его мѣсто занимаетъ Соймоновъ.

Отношенія между все болѣе угнетаемымъ сенатомъ и генералъ-прокурорской властью въ лицѣ Маслова,—а затѣмъ Соймонова,—по ряду дѣлъ и вопросовъ являются прежде всего проникнутыми со стороны оберъ-прокурора полнымъ признаніемъ независимой дѣйственности за независимымъ сенатомъ; об.-прокуроръ только указываетъ на тѣ или иные непорядки, на тѣ или иные вопросы, необходимые къ разрѣшенію, на тѣ или иныя отступленія отъ законной нормы, какъ со стороны сената, такъ и со стороны другихъ учрежденій. Въ мартѣ 1733 года прокуроръ Сыскного Приказа доноситъ о непорядкахъ въ дѣлахъ этого учрежденія, и оберъ-прокуроръ дѣлаетъ сенату по этому поводу предложеніе, гдѣ, изложивъ существо дѣла, только прибавляетъ въ заключеніе: «передаю въ высокое разсужденіе Сената» [3]). Въ предложеніи,—въ томъ же году,—объ упорядоченіи храненія дѣлъ въ Каморъ-коллегіи Масловъ прямо только препровождаетъ

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 124, стр. 479.
[2]) Ib., т. 126, стр. 22.
[3]) С. А. Кн. коп. им. ук. 66.

письмо по этому поводу прокурора коллегіи Мельгунова, «и прошу надлежащаго рѣшенія» [1]), оканчиваетъ Масловъ свое «предложеніе». Узнавъ о злоупотребленіи по подушному сбору секретаря калужской провинціи, Масловъ предлагаетъ сенату, «дабы Пр. Сенатъ изволили то дѣло разсмотрѣть и за такіе воровскіе того секретаря поступки..... учинить указъ» [2]); по другому аналогичному дѣлу оберъ-прокуроръ, изложивъ сенату суть дѣла, предлагаетъ только, «чтобъ соизволили по тѣмъ дѣламъ немедленно разсмотрѣть и по указамъ Е. И. В. рѣшеніе учинить» [3]). Иногда эта заключительная фраза гласила: «оное въ высокое разсужденіе Прав. Сенату при семъ сообщаю» [4]). И не только при такихъ сравнительно мелкихъ дѣлахъ, какъ вышеприведенныя, но и при болѣе важныхъ, «предлагая» ихъ сенату, оберъ-прокуроръ нерѣдко обращаетъ вниманіе сената, безъ всякой попытки дать свое мнѣніе по существу, хотя-бы въ самой краткой и осторожной формѣ; такъ, въ 1733 году Масловъ представляетъ сенату о необходимости назначенія ряда прокуроровъ въ разныя мѣста, но при этомъ кандидатовъ не называетъ [5]). Въ томъ же году Масловъ «предлагалъ, что извѣстно, какой въ Штатсъ-конторѣ въ деньгахъ недостатокъ, а нынѣ въ вѣдомости изъ Каморъ-коллегіи показано, что репортовъ изъ губерній и изъ провинцій о сборѣ денежной казны не прислано; и чтобъ изволили выслушать выписку и резолюцію учинить» [6]). Въ слѣдующемъ году Масловъ «предлагаетъ» сенату свое сомнѣніе въ правильности дѣйствій герольдмейстера, не смѣняющаго въ сроки воеводъ, т.-е. не исполняющаго указовъ; но никакихъ конкретныхъ мѣръ и резолюцій Масловъ не указываетъ [7]). Въ 1735 году, приводя въ пространномъ «предложеніи» сенату жалобы и по поводу нихъ разсужденія о неправильной счетной дѣятельности Каморъ-коллегіи, оберъ-прокуроръ заканчиваетъ свое предложеніе фразой: «что́ Пр. Сенатъ къ лучшему и скорѣйшему прежней Каморъ-коллегіи счету заблагоразсудитъ, о томъ опредѣленнымъ въ ту Коллегію вновь членамъ подтвердить указомъ» [8]). Въ томъ же году Бѣлгородскій прокуроръ завалилъ об.-прокурора цѣлымъ ворохомъ доношеній о разныхъ непорядкахъ въ провинціальныхъ учрежденіяхъ;

---

1) С. А. Кн. коп. им. ук. № 66, л. 5 об.
2) Ib., л. 10—11.
3) Ib., л. 17.
4) Напр. ib., л. 18.
5) Ib., л. 18 об.—21.
6) М. А. М. Ю. сен. кн. 1907, л. 394.
7) С. А. Кн. коп. им. ук. № 66, л. 74—75.
8) Ib., л. 118.

и по поводу всѣхъ ихъ Масловъ дѣлалъ «предложенія» сенату, при которыхъ обычно въ подлинникахъ препровождалъ сенату самыя прокурорскія доношенія, а въ текстѣ своего «предложенія» только и писалъ: «того ради подлинное... доношеніе и экстрактъ для разсмотрѣнія Пр. Сенату при семъ прилагаю», или: «того ради предлагаю, дабы Пр. Сенатъ изволилъ приказать, тѣ его прокурора Львова прежнія доношенія собравъ, разсмотрѣніе учинить» [1]). Судебнаго характера дѣла об.-прокуроръ также часто просто «предложеніемъ» своимъ передавалъ сенату, безъ всякаго своего мнѣнія по нимъ, только настаивая. чтобы «изволили выписку о немъ разсмотрѣть», или прямо «въ разсужденіе Пр. Сената» передавая дѣло [2]). Для такого рода «предложеній» Маслова достаточно типичнымъ является слѣдующее краткое «предложеніе», которое я позволяю себѣ привести цѣликомъ: «Каково мнѣ подалъ доношеніе полковникъ военной коллегіи прокуроръ Енишковъ о происшедшихъ между казанскимъ губернаторомъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ того гарнизона съ полковникомъ Шемякинымъ нѣкоторыхъ непорядковъ и ссорахъ, по которымъ де военная коллегія резолюцію учинила не по силѣ Е. И. В. указовъ и воинскихъ правъ, оное доношеніе въ разсмотрѣніе Пр. Сената при семъ прилагаю» [3]).

Рѣже такого рода «предложенія» встрѣчаются среди предложеній Соймонова; почти никогда уже этотъ оберъ-прокуроръ не выступаетъ безстрастнымъ, уклоняющимся отъ всякаго вмѣшательства по существу въ сенатскія рѣшенія. Если дѣятельность Соймонова въ качествѣ «предлагающей» сенату инстанціи была, пожалуй, интенсивнѣй даже дѣятельности въ этомъ отношеніи Маслова, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что среди Соймоновскихъ «предложеній» мы могли отмѣтить только одно въ разсматриваемомъ нами родѣ; это было, когда въ «предложеніи» своемъ Соймоновъ излагалъ жалобу нѣкоего «Сибирской губерніи новокрещена Ив. Молокова» на то, что его хозяинъ, у котораго онъ былъ въ услуженіи, выгналъ его, не давъ паспорта, а его жену закрѣпостилъ, давъ въ приданое своей дочери [4]). Тутъ Соймоновъ только ограничился изложеніемъ дѣла безъ всякихъ проектовъ предложеній со своей стороны. Итакъ можно думать, что если Масловъ нерѣдко и даже послѣдній годъ своего оберъ-проку-

---

[1]) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 102—106.
[2]) Ib., л. 101—103.
[3]) М. А. М. Ю. Кн. коп. им. ук. 66, л. 100.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8125, л. 255.

рорства обращался къ сенату только съ формальными «предложеніями», совершенно не вмѣшиваясь по существу въ сенатскія дѣла, то при Соймоновѣ такого рода «предложенія» сдѣлались болѣе рѣдкими.

Несомнѣнно, нѣкоторую независимость сената отъ ген.-прокурорской власти въ его сужденіяхъ можно иногда наблюдать въ первыя девять лѣтъ кабинетнаго правленія. Въ 1733 году въ двухъ «предложеніяхъ» оберъ-прокурорскихъ, сдѣланныхъ сенату въ длинной и обстоятельной формѣ, по вопросу о раскладкѣ конской повинности на населеніе, Масловъ излагаетъ цѣлый рядъ мыслей и соображеній по этому вопросу; и, если сравнить вынесенную сенатомъ по этимъ «предложеніямъ» резолюцію съ самыми «предложеніями», то ясно, что резолюція эта въ своихъ положеніяхъ является построенной совершенно независимо и самостоятельно по отношенію къ мыслямъ оберъ-прокурора, высказаннымъ имъ по этому поводу въ его «предложеніяхъ» [1]).

Въ 1738 году было еще два случая, когда сенатъ не пошелъ за «предложеніемъ» об.-прокурора: Соймоновъ предлагалъ сенату дать указъ, чтобы коллегіи входили въ сенатъ только за разрѣшеніемъ такихъ дѣлъ, о которыхъ въ этомъ смыслѣ есть точные указы; а то нынѣ, пояснялъ об.-прокуроръ, коллегіи зачастую отсылаютъ на рѣшеніе сената дѣла, которыя могутъ рѣшить и сами. Сенатъ, однако, не слушается оберъ-прокурорскаго желанія, а постановляетъ представить ему точную справку о дѣлахъ такого рода и объ указѣ 1724 г., къ этому вопросу относящемуся; а тогда уже и будутъ г.г. сенаторы разсуждать по существу даннаго предложенія [2]). Другой-же разъ въ томъ-же 1738 г. сенатъ опредѣленно рѣшилъ однажды прямо вопреки Соймоновскому «предложенію», хотя, впрочемъ, вопросъ былъ мелкій. Предлагая сенату «изслѣдовать» дѣло по взаимнымъ доношеніемъ другъ на друга губернатора и прокурора Бѣлгородской губ., Соймоновъ въ тоже время предлагалъ немедленно же отставить отъ дѣлъ губернатора (Грекова). На это сенатъ опредѣленно не согласился, заявляя въ своемъ опредѣленіи, что «того нынѣ учинить, не кончавъ по тѣмъ дѣламъ слѣдствія, не можно». И, видимо, тутъ Соймоновъ не настаивалъ далѣе на этомъ своемъ «предложеніи» [3]). Но такіе случаи были рѣдки въ оберъ-прокурор-

---

[1]) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 21—29.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2173, л. 85. См. подобный-же случай еще разъ: сен. кн. 2172, л. 28.

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2172, л. 53—54.

ской практикѣ Аннинскаго времени; несомнѣнно превалируютъ численно случаи иного типа, опредѣленно характеризующіе иной тонъ во взаимоотношеніяхъ сената и ген.-прокурорской власти.

Въ 1733 году, на основаніи донесенія прокурора Каморъ-коллегіи о непорядкахъ въ счетахъ этой коллегіи, Масловъ вноситъ въ сенатъ «предложеніе», гдѣ указываетъ, какую мѣру надо принять и идетъ даже далѣе: онъ прямо набрасываетъ текстъ того указа, съ какимъ сенатъ долженъ, по мнѣнію об.-прокурора, выступить по этому поводу; въ резолюціи, принятой сенатомъ по этому «предложенію» не только повторено общее положеніе об.-прокурора, но и весь текстъ указа сената является повтореніемъ, только немного развитымъ, соотвѣтственной части «предложенія» [1]). Въ томъ-же году тотъ-же Масловъ въ другомъ «предложеніи» даетъ рядъ мѣръ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для понужденія къ скорѣйшему окончанію государственной окладной книги; эти мѣры изложены въ «предложеніи» въ видѣ набросковъ текстовъ указовъ отъ сената. Въ своей резолюціи на такого рода «предложеніе» сенатъ прямо даетъ, только въ нѣсколько развитомъ видѣ, тѣ указы и съ тѣмъ содержаніемъ ихъ, какъ они значатся въ прокурорскомъ предложеніи [2]). Въ слѣдующемъ году, усмотрѣвъ изъ вѣдомостей штатсъ-конторы непорядки въ ея счетахъ съ монетной канцеляріей по поводу выдѣлки монетъ, предлагаетъ оберъ-прокуроръ сенату урегулировать эти непорядки тремя мѣрами,—входящими уже въ существо дѣло,—которыя онъ тутъ-же и излагалъ сенату; а этотъ послѣдній въ своей резолюціи только цѣликомъ повторилъ то, что было точно и ясно уже изложено оберъ-прокуроромъ [3]). 9 февраля 1734 г. Масловъ входитъ въ сенатъ съ «предложеніемъ» по вопросу, который тогда стоялъ на первомъ планѣ, по вопросу о сборѣ недоимокъ; тутъ оберъ-прокуроръ развивалъ мысль о необходимости осторожности и о нѣкоторыхъ «исправленіяхъ» по поводу притѣсненій, совершаемыхъ экзекуціонными командами; онъ далѣе опредѣленно совѣтовалъ сенату потребовать немедленно «репорты» у воеводъ и властей, чтобы не допускать крестьянъ до полнаго разоренія. И сенатъ точно и аккуратно слѣдуетъ указкѣ своего оберъ-прокурора, все исполняя въ своей резолюціи, какъ то предуказалъ оберъ-прокуроръ. Въ 1735 году Масловъ подробно «предлагаетъ» сенату по поводу непорядковъ въ Коммерцъ-коллегіи «взять отвѣтъ» отъ этого учре-

---

[1]) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 6.
[2]) Ib. л. 7.
[3]) С. А. кн. коп. им. ук. 66, л. 46—47.

жденія, и сенатъ въ своей резолюціи точно, слегка только распространенно, повторилъ «предложеніе» оберъ-прокурора [1]). Изъ всего изложеннаго ясно, что по важнѣйшимъ дѣламъ государственнаго управленія оберъ-прокуроръ довольно опредѣленно вносилъ въ сенатъ въ видѣ своихъ «предложеній» рядъ мѣръ, касавшихся самаго существа дѣла, уже предрѣшалъ,—и иногда детально,—тѣ вопросы, о которыхъ предлагалъ; а сенатъ только послушно и точно примыкалъ въ своихъ резолюціяхъ къ рѣшеніямъ своего оберъ-прокурора. Я позволю себѣ дать конкретный примѣръ вышеизложенной зависимости рѣшеній сената отъ предложеній Маслова. Одно свое «предложеніе» отъ 8 января 1734 года Масловъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «того ради не изволитъ-ли Пр. Сенатъ оный проектъ въ разсужденіе взять и въ нынѣшнемъ году для пробы вольные домы раздать публичнымъ торгомъ, какъ въ проектѣ написано; и когда подлинно явится приборъ, тогда изъ приборныхъ денегъ о содержаніи богадѣленъ и въ нихъ указного числа нищихъ и о учрежденіи вновь для сиротъ и подкидышевъ домовъ доложить Ея Импер. Величеству». Резолюція сената на это «предложеніе» гласитъ: «приказали: для пробы вольные дома въ нынѣшнемъ 1734 году раздать публичнымъ торгомъ и о всемъ учинить такъ, какъ въ проектѣ написано; а сколько за тѣ вольные дома сверхъ прежняго окладу съ публичнаго торгу наддача явится, о томъ подать въ сенатъ вѣдомость и тогда о употребленіи изъ тѣхъ денегъ на содержаніе богадѣленъ и сиротскаго и для подкидышевъ дому доложить Ея Импер. Величеству» [2]). Совершенно очевидно изъ сравненія этихъ двухъ текстовъ, что по смыслу они являются тождественными.

Этого рода явленіе становится совершенно постояннымъ при Соймоновѣ; онъ чаще и опредѣленнѣе включаетъ въ свои «предложенія» не только тѣ или иныя формулированныя мѣры, а уже постоянно предлагаетъ примѣрный смыслъ тѣхъ указовъ, которые сенатъ долженъ, по мнѣнію оберъ-прокурора, послать въ тѣ или иныя учрежденія [3]); такъ, по поводу одного дѣла судебно-кляузнаго характера, Соймоновъ прямо «предлагалъ» сенату, «чтобы поданные при доношеніяхъ изъ ревизіонъ-коллегіи щеты о приходѣ и расходѣ денежной казны бытности при кадецкомъ корпусѣ полковника Дегонона объявить ему, Дегонону, и ежели онъ чѣмъ недоволенъ будетъ,

[1]) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 111—113; см. также М. А. М. Ю. сен. кн. 1907, л. 555.

[2]) С. А. кн. коп. имен. ук. № 66, л. 40.

[3]) См., наприм., М. А. М. Ю. сен. кн. 8251, л. 12—13 и др.

о томъ подалъ(-бы) на письмѣ» [1]). Сенатъ совсѣмъ этимъ соглашается, превращая въ свои резолюціи оберъ-прокурорскія мнѣнія. Другой разъ Соймоновъ предлагалъ «словесно» сенату удовлетворить просьбу нѣкоего Миллера о дозволеніи ему варить полъ-пиво на Васильевскомъ островѣ съ условіемъ, чтобы продажа такого пива шла только боченками; но предварительно, по мнѣнію оберъ-прокурора, всетаки надо передать это дѣло на разсмотрѣніе Каморъ-конторы. Сенатъ рѣшаетъ дѣло это именно такъ, какъ предлагалъ Соймоновъ, и передаетъ его въ Каморъ-контору «съ объявленіемъ, ежели отъ варенія того пива купцу Чиркину (винному откупщику на Васильевскомъ островѣ) обиды быть не можетъ, то оному Миллеру... позволеніе дать надлежитъ-ли, представить въ Сенатъ» [2]). Тутъ очевидно сенатъ только немного развилъ и дополнилъ оберъ-прокурорское «предложеніе»; это иногда бывало, возможно, съ одобренія самого об.-прокурора. Такъ Соймоновъ въ 1738 г. «словесно предлагалъ» сенату по поводу одного челобитья о пожалованіи земли изъ «дикихъ поль при Саратовѣ» нѣкоему полков. Беклемишеву, чтобы сенатъ отмѣнилъ свой уже состоявшійся отказъ этому Беклемишеву въ его просьбѣ, покуда не будетъ утверждена вотчинная глава новаго составляемаго уложенія, ибо ждать этого долго, а раздача такихъ земель по старымъ «примѣрамъ» «не безъ пользы государственной признавается»; поэтому, по мнѣнію Соймонова, и надо её продолжать, примѣняясь къ бывшей практикѣ, о чемъ надлежитъ подать сообщеніе въ Кабинетъ. Сенатъ поступаетъ вполнѣ согласно «предложенію» об.-прокурора; только въ его расширеніе постановляетъ дополнить содержаніе сообщенія объ этомъ Кабинету соображеніями о важности развитія землепашества на такихъ хорошихъ земляхъ въ то время, когда неурожаи стали часты на Руси [3]). Другой разъ въ томъ-же 1738 г. въ журналѣ сенатскомъ записано: «по представленію об.-прокурора о здѣшнихъ кабакахъ учинить по тому представленію, *да къ тому приполнить*, ежели въ которой сотнѣ или десяткѣ учинена будетъ корчемная выемка по доношеніямъ и доказательствамъ мимо соцкихъ и десятскихъ, то такимъ соцкимъ и десятскимъ за оное ихъ несмотрѣніе чинить наказаніе» [4]).

Однако, видно, въ большинствѣ случаевъ сенатъ совершенно точно исполнялъ «предложенія» Соймонова; примѣровъ

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 8251, л. 106.
2) М. А. М. Ю. сен кн. 8125, л. 279.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 2173, л. 110—111.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 2168, л. 118.

этому можно найти много; число случаевъ такого повиновенія сената указкѣ оберъ-прокурора несравненно болѣе числа случаевъ иного отношенія сената къ Соймоновскимъ «предложеніямъ». Въ 1738 г. Соймоновъ «словесно предлагалъ» сенату, что разсужденіе его о сложеніи съ сибирскихъ купцовъ «гривенныхъ на горячее вино денегъ» является, неправильнымъ, почему и представляетъ сенату, чтобы «о тѣхъ гривенныхъ деньгахъ изволили-бъ выслушать еще; и оный 7-ой пунктъ слушанъ»; и сенатъ въ результатѣ этого вторичнаго обсужденія пошелъ всецѣло за мнѣніемъ об.-прокурора [1]). Другой разъ Соймоновъ «предлагаетъ» дѣло о дозволеніи купцу Брухберху заморскаго отпуска лѣса передать на рѣшеніе Кабинета въ виду того, что имѣются разныя «несмотрѣнія» и непорядки со стороны Адмиралтействъ-коллегіи. Сенатъ вполнѣ въ своемъ постановленіи слѣдуетъ указанію об.-прокурора [2]). 1 іюня 1738 г. тотъ-же Соймоновъ сенату «представлялъ словесно, чтобъ для забранія книгъ и сказокъ къ сочиненію по именному Е. И. В. указу вѣдомостей на заводы, которые въ вѣдомствѣ Адмиралтействъ-коллегіи,... послать нарочныхъ», что́ сенатъ въ точности и выполняетъ [3]). Въ томъ же году «по предложенію» Соймонова сенатъ дѣлаетъ обширное постановленіе о порученіи офицерамъ, посланнымъ отъ адмиралтейства, взять на себя ревизію по продажѣ гербовой бумаги; очевидно, тутъ точно выполняется об.-прокурорское предложеніе [4]). Можно еще привести нѣсколько случаевъ, въ болѣе незначительныхъ дѣлахъ такого же воздѣйствія об.-прокурорскихъ предложеній на сенатскія постановленія [5]).

Вліяніе нѣкоторыхъ «предложеній» и Маслова по дѣламъ государственнаго характера шло нерѣдко до того, что въ сенатской резолюціи *буквально* повторялись существеннѣйшія фразы оберъ-прокурорскаго предложенія такъ, что часто три четверти текста сенатской резолюціи оказывались точной копіей съ соотвѣтственныхъ мѣстъ «предложенія». Такъ, въ 1733 году текстъ предложенія Маслова, по поводу дѣла московскихъ компанейщиковъ по передѣлу монеты, входитъ частью своей, дословно въ конецъ, въ основную часть резолюціи сената [6]). Въ томъ же году оберъ-прокуроръ предлагаетъ сенату рядъ конкретныхъ, опредѣленныхъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію,

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2176, л. 100—101.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2171, л. 219—220.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2170, л. 10—12.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2169, л. 136—138.
[5]) Наприм. М. А. М. Ю. сен. кн. 2178, л. 164—165; сен. кн. 2170, л. 85.
[6]) С. А. кн. коп. им. ук. 66, л. 1—2.

необходимо предпринять для улучшенія дѣла по сбору рекрутовъ и лошадей. Позволяю себѣ ниже привести en regard текстъ, съ одной стороны, прокурорскаго предложенія, а рядомъ текстъ сенатской резолюціи; дословныя повторенія однимъ текстомъ другого напечатаны для наглядности курсивомъ.

Резолюція сената: «приказали: *для лучшаго* въ сенатѣ *извѣстія о сборѣ* доимочныхъ и новаго наряду рекрутъ обрѣтающимися у смотрѣнія надъ подушнымъ сборомъ штапъ-офицеромъ *репорты каковы отъ нихъ будутъ посланы въ военную коллегію, таковыжъ въ то-жъ время присылать имъ въ Сенатъ; а о сборѣ лошадей губернаторамъ и воеводамъ репорты въ Сенатъ присылать дважды въ мѣсяцъ, дабы всегда можно было увидѣть, съ какимъ прилежаніемъ сборъ тѣхъ рекрутъ и лошадей идетъ;* и о томъ къ губернаторамъ и воеводамъ и къ штабнымъ офицерамъ и для вѣдома въ военную коллегію послать указы, а въ Москву въ сенатскую контору сообщить вѣдѣніе».

Предложеніе об.-прокурора: ...«не соизволитъ-ли Пр. Сенатъ опредѣлить *для лучщаго* о томъ *сборѣ извѣстія* вышеписанныхъ штабъ-офицеровъ о сборѣ рекрутовъ; *каковы репорты посланы отъ нихъ будутъ въ военную коллегію, таковые и въ то-жъ время прислать имъ и въ Сенатъ; а о сборѣ лошадей губернаторамъ и воеводамъ репорты въ Сенатъ присылать дважды въ мѣсяцъ, дабы всегда можно было видѣть, съ какимъ прилежаніемъ сборъ тѣхъ рекрутъ и лошадей идетъ*» [1]).

Въ томъ же году об.-прокуроръ предлагаетъ сенату важную мѣру изъ сферы провинціальнаго управленія,—именно смѣнять воеводъ для счета въ извѣстный срокъ и оказавшихся затѣмъ вполнѣ исправными, безъ всякаго челобитія съ ихъ стороны, оставлять въ томъ-же городѣ воеводами и далѣе. Сенатская резолюція, точно повторяя смыслъ оберъ-прокурорскаго предложенія, кое-гдѣ прямо дословно заимствуетъ фразы изъ этого предложенія [2]). Въ 1734 году Масловъ на основаніи заявленія одного купца по поводу правилъ о продажѣ ревеня дѣлаетъ сенату «предложеніе», которое сенатъ въ резолюціи своей прямо принимаетъ дословно, фразой:

---

1) С. А. кн. коп. имен. ук. № 66, л. 30.
2) Ib., л. 31—32.

«учинить по представленію его, дѣйств. статс. сов., токмо, во-первыхъ, призвавъ, спросить о томъ означеннаго Калинина», а затѣмъ слѣдуетъ «во-вторыхъ», т. е. только переставлены дѣйствія въ ихъ порядкѣ, предложенномъ об.-прокуроромъ [1]).

Во время оберъ-прокурорства Соймонова это явленіе пошло глубже: довольно часто сенатскія резолюціи были формулированы, пожалуй, еще проще, еще согласнѣе съ предложеніемъ оберъ-прокурора, такія резолюціи были кратки, однообразны и гласили: «учинить о томъ по оберъ-прокурора предложенію» [2]).

Крайне разнообразныя дѣла рѣшались въ сенатѣ такимъ порядкомъ. Такъ прежде всего рѣшались вопросы относящіеся къ законодательству. Соймоновъ въ 1739 г., основываясь на донесеніи Коммерцъ-коллегіи, предлагаетъ провести рядъ мѣръ въ дѣйствующее законодательство, дабы пресѣчь возможность для разночинцевъ пользоваться векселями, назначенными обслуживать исключительно купечество; затѣмъ, по тому-же вопросу уже отъ себя непосредственно проектируетъ указъ губернскимъ канцеляріямъ, чтобы онѣ отнюдь не принимали такого рода векселя разночинцевъ. И сенатъ тутъ просто рѣшалъ «учинить по его, об.-прокурора, представленію» [3]). Уже, конечно, ясно, что все, касающееся до пріемовъ составленія окладной книги, регулировалось всецѣло и прямо по об.-прокурорскому желанію, т. е. опять-таки просто обычно выносилось опредѣленіе «учинить о томъ по оному его, г. об.-прокурора, предложенію»; а, вѣдь, окладная книга должна была по идеѣ являться актомъ громадной государственно-финансовой важности [4]).

Такъ же иногда рѣшались и принимались тѣ или иныя мѣры въ области управленія. Такъ, въ сенатскомъ журналѣ отъ 7 іюля 1738 г. было записано: «г. об.-прокуроръ Пр. Сенату словесно предлагалъ, что не соизволено-ль будетъ по поданному изъ коммиссіи отъ Адмиралтейской коллегіи доношенію по дѣлу вахмист. Насакина о адмиралтейскихъ казенныхъ лѣсахъ въ Кабинетъ Е. И. В. подать сообщеніе съ такимъ требованіемъ: по оному дѣлу въ особой комиссіи повелѣно-ли будетъ слѣдовать, или оное сообщить къ поданнымъ изъ той комиссіи, взятымъ изъ Адмиралтейской коллегіи вѣдомостямъ? Что-же по тому дѣлу показано о серж. Калашниковѣ, который

---

1) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 65—66.
2) Ib., напр., л. 104 и др.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 2185, л. 105 и 157.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 2177, л. 59—60.

якобы сюда прiѣзжалъ съ нагруженою пиковыми деревьями баркою, а въ экстрактѣ изъ помянутой комиссiи объявлено, что въ прiемѣ въ адмиралтейство отъ онаго Калашникова помянутаго деревья и объ немъ Калашниковѣ ничего не показано, — того ради не повелѣно-ль будетъ изъ Адмиралтейской коллегiи взять вѣдомость, помянутый Калашниковъ съ чѣмъ сюда прiѣзжалъ и нынѣ гдѣ обрѣтается. Приказали: учинить о томъ по его г. об.-прокурора представленiю» [1]). Также об.-прокуроръ точно указываетъ сенату, какiе должны быть сдѣланы административные шаги по поводу дѣятельности офицеровъ, «обрѣтающихся у слѣдствiя адмиралтейской недоимки» [2]). Бывали, видно, случаи, когда об.-прокуроръ,—все тотъ-же Соймоновъ,—даже «предлагалъ» сенату назначить на то или иное мѣсто то или иное имъ прямо указываемое лицо; и сенатъ въ такихъ случаяхъ тоже приказывалъ «учинить о томъ по оному его, г. об.-прокурора, предложенiю» [3]).

А послѣ всего вышеизложеннаго становится яснымъ, что очень часто тѣмъ же способомъ сенатъ долженъ былъ рѣшать дѣла и по исправленiю какихъ-либо оплошностей или погрѣшностей русскаго административнаго механизма, ибо тутъ была прямо указываемая «Должностью» сфера дѣятельности для об.-прокурора. Въ этихъ случаяхъ сенатъ то и дѣло постановлялъ: «быть по мнѣнiю его» (т. е. Соймонова), «быть по представленiю его, г. об.-прокурора», «учинить о томъ по оному представленiю» [4]).

Любопытное еще одно явленiе того-же порядка; къ характеристикѣ усиленiя влiянiя Аннинской оберъ-прокуратуры на сенатъ, приходится отмѣтить во взаимоотношенiяхъ формальныхъ Маслова и сената, а затѣмъ—Соймонова и сената.

Если вспомнить положенiе генералъ-прокурора въ сенатѣ по «Должности»,—и таковое-же на практикѣ въ Петровское время,—то ясно, что ген.-прокуроръ не только ни въ какомъ смыслѣ не являлся членомъ сената, но и не могъ собственно даже вмѣшиваться въ сенатскiя пренiя иначе, какъ только въ цѣляхъ контроля и надзора за правильностью внѣшней и законностью его дѣйствiй; этимъ несомнѣнно охранялась, съ одной стороны, самостоятельность сената, а, съ другой,—и независимость ген.-прокурора въ отношенiи сената. Если такъ былъ поставленъ въ сенатѣ ген.-прокуроръ, то тѣмъ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2171, л. 57.
[2]) См. ib., л. 104 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2177, л. 163, и сен. кн. 2185, л. 640.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1904 (л. 426—427), 2169 (л. 4 и 16), 2170. (л. 140).

болѣе не могъ ни съ какой точки зрѣнія почитаться его членомъ, вмѣшиваться въ его пренія оберъ-прокуроръ, хотя-бы и въ моментъ исполненія имъ обязанностей ген.-прокурора. А между тѣмъ въ противномъ случаѣ несомнѣнно явилось-бы въ рукахъ ген.-прокурора,— и оберъ-прокурора тѣмъ болѣе,— сильное орудіе для оказанія давленія на сенатъ; это ясно видно изъ того факта дѣятельности перваго оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева, о которомъ намъ приходится говорить въ третьемъ очеркѣ; и мы видѣли, что сенаторы это сознавали и противъ такого поползновенія Ск.-Писарева протестовали. И вотъ оказывается, что уже Масловъ хотя только по одному, но очень важному принципіальному вопросу, его «предложеніями» разрѣшаемому въ сенатѣ, изъявляетъ желаніе подписать приносимое Аннѣ отъ сената доношеніе *наравнѣ* съ сенаторами, причемъ несомнѣнно не встрѣчаетъ въ этомъ отношеніи противодѣйствія сената въ его цѣломъ. Позволяю себѣ изложить весь этотъ эпизодъ подлинными словами сенатской журнальной записки. «Дѣйствительной статской совѣтникъ Анисимъ Семеновичъ словесно предлагалъ: извѣстно де уже, что ея императорское величество всемилостивѣйше по докладу сенатскому о льготѣ крестьянству въ нынѣшнемъ году въ подушныхъ деньгахъ намѣреніе изволитъ имѣть, токмо оное умедлено за неприисканіемъ вмѣсто того суммы. И притомъ объявилъ на письмѣ, какія гдѣ имѣются деньги, изъ которыхъ бы вмѣсто того замѣнить; и предлагалъ, дабы оное подписали; *и ежели де изволятъ, то и онъ, дѣйствительной статской совѣтникъ, съ ними подпишется;* и со онымъ де для будущаго торжественнаго дни возшествія ея императорскаго величества на престолъ будетъ онъ объ оказаніи въ томъ подушномъ окладѣ милости сыскивать случая у ея императорскаго величества. И о томъ означенное объявленіе его слушано, и разсуждали: сообщить прочимъ господамъ сенаторамъ и къ кабинетскимъ министрамъ; и на то онъ, дѣйствительной статской совѣтникъ, предлагалъ, что въ кабинетѣ о всемъ о томъ извѣстно; и для того не надлежитъ то имъ сообщать; и со онымъ къ барону Петру Павловичу посланъ оберъ-секретарь Дмитрій Невѣжинъ, который, возвратясь, доносилъ, что баронъ Петръ Павловичъ съ тѣмъ согласенъ; *и оное для подачи ея императорскому величеству, какъ господа сенаторы, такъ и онъ, дѣйствителный статскій совѣтникъ, подписали;* и о томъ съ онымъ же къ графу Михаилу Гавриловичу посыланъ означенной-же оберь-секретарь Дмитрій Невѣжинъ: и, возвратясь доносилъ, что графъ Михайла Гавриловичъ, слушавъ, объявилъ: то де

дѣло немалое надлежитъ сообщить для разсужденія и къ господамъ министрамъ присутствующимъ въ кабинетѣ ея императорскаго величества... Разсуждали: быть и безъ его подписки; и приказали для подписанія послать къ барону Петру Павловичу, да князь Юрью Юрьевичу и къ кабинетскимъ министрамъ; а потомъ разсуждали: обождать до завтрашняго числа. 1735 г. Генваря 16 дня» [1]).

Если такъ было при Масловѣ, если пока тутъ дѣло шло только о частномъ, исключительномъ какъ-бы случаѣ, то черезъ четыре года, при Соймоновѣ, вопросъ этотъ поставленъ и почти рѣшенъ положительно уже въ его общемъ видѣ. Вотъ въ цѣломъ то извѣстіе, которое подтверждаетъ вышесказанное: «при подписаніи *протокола о подачѣ Ея Импер. Величеству доношенія о крѣпленіи протоколовъ господину оберъ-прокурору обще съ Пр. Сенатомъ* т. д. с. и кав. бар. П. П. Шафировъ изволилъ приказать записать въ журналъ, что онъ тотъ протоколъ подписалъ для того, что *на сіе есть соизволеніе господъ кабинетъ-министровъ*. А прочіе господа сенаторы того протокола не подписали, а изволили приказать доложить о томъ въ полномъ собраніи» [2]). Подобнаго содержанія подписаннаго протокола въ сенатскихъ дѣлахъ намъ найти не удалось; можно съ достаточной вѣроятностью предполагать, что его и не было; сенатъ въ послѣдній моментъ не рѣшился на этотъ шагъ дальнѣйшей капитуляціи передъ генералъ-прокурорской властью. Характерно тутъ, что домогательствамъ своимъ Соймоновъ нашелъ очевидно поддержку у Кабинета. Нельзя не обратить вниманія еще на одинъ фактъ, который, уже въ концѣ об.-прокурорства Маслова тоже обрисовываетъ отношенія между нимъ и сенатомъ опять въ томъ-же направленіи усиленія власти и вліянія представителя ген.-прокурорской власти. Въ засѣданіи сената 10 сентября 1735 г. «имѣли разсужденіе, что д. с. с. А. С. Масловъ, которому поручена должность оберъ-прокурорская, за болѣзнью въ сенатѣ не присутствуетъ, и за тѣмъ на нѣкоторые сенатскіе приговоры посылаетъ протесты, по которымъ чинится онымъ отмѣна, и *тѣмъ наносится сенату обида*, а въ дѣлахъ отъ того происходитъ замедленіе. А понеже по должности ген.-прокурора, по которой въ небытность долженъ поступать оберъ-прокуроръ, надлежитъ ему о всѣхъ дѣлахъ прежде закрѣпы протоколу свѣдому быть,—того ради приказали: всѣ протоколы, которые будутъ сочинены, прежде подписанія, сообщать къ нему,

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1909, л. 34—35.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2177, л. 51.

дѣйст. ст. совѣтнику, и о томъ сочинить протоколъ». На это Масловъ отвѣчалъ «предложеніемъ», гдѣ, «чтобъ смотрѣть оные (т. е. протоколы) прежде закрѣпы, объявляетъ, что ему за болѣзнью его, не выслушавъ дѣлъ, смотрѣть оныхъ не можно, а довольно того смотрѣть оберъ-секретарю; разсудили: оное быть запотребно». Отвѣтъ Маслова тутъ звучитъ явно уклончиво и двусмысленно неясно; а сенатъ, очевидно, не рѣшается далѣе настаивать. Да и рѣшился онъ протестовать противъ этого порядка всего за два мѣсяца до смерти Маслова, когда этотъ послѣдній былъ слѣдовательно совсѣмъ обезсиленъ болѣзнью и, вѣроятно, уже безнадеженъ. А до этого момента сенатъ, очевидно, терпѣлъ такой незаконный порядокъ съ превышеніемъ власти оберъ-прокурора, порядокъ, который нынѣ самъ-же оффиціально обозвалъ «обидой» для сената [1]).

Такое въ разныхъ моментахъ выше очерченное явленіе въ отношеніяхъ сената и об.-прокуратуры можетъ имѣть двоякое объясненіе; или оно происходило отъ того, что мнѣнія ген.-прокурорской власти всегда являлись до мелочей тождественными съ мыслями сенатскаго собранія; слѣдовательно, существовала по всякаго рода дѣламъ полная солидарность у сената и ген.-прокурорской власти. Или,—другое объясненіе,—все это было слѣдствіемъ того, что въ это время ген.-прокурорская власть стала навязывать сенату свои мнѣнія, стала какъ-бы надъ приниженнымъ сенатомъ, до извѣстной степени занявъ положеніе властнаго руководителя дѣятельности этого учрежденія. Въ такомъ случаѣ, это могло быть или явленіемъ временнымъ, зависимымъ отъ исключительной личности оберъ-прокурора, или явленіемъ симптоматическимъ, имѣющимъ въ основѣ своей болѣе глубокія, органическія причины.

Если-бы все дѣло было въ выдающейся личности оберъ-прокурора, то можно было-бы тогда указывать на личность Маслова, какъ мы видѣли, человѣка, несомнѣнно, незауряднаго; но вѣдь вполнѣ заурядным чиновникомъ былъ оберъ-прокуроръ Соймоновъ; о его личномъ вліяніи и значеніи едва-ли можно говорить; мы видѣли, что никакимъ значеніемъ, ни вліяніемъ, ни авторитетомъ въ правительственныхъ слояхъ того времени онъ не пользовался: а между тѣмъ, какъ только-что видѣли выше, отношенія генералъ-прокурорской власти къ сенату оставались совершенно такими-же при Соймоновѣ, какъ и при Масловѣ, только развѣ нѣсколько прогрессировали въ своей опредѣленности и интенсивности все въ томъ-же направленіи. Слѣдовательно, если при Масловѣ можно объяснять тонъ отношеній

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1911, л. 37 и 60.

сената и прокуратуры личностью оберъ-прокурора, то это объясненіе совершенно не подойдетъ для времени оберъ-прокурорства Соймонова, а тѣмъ самымъ, значитъ, объяснять данныя отношенія случайнымъ личнымъ моментомъ едва-ли приходится. Итакъ, у насъ только остается такая альтернатива, какъ возможное объясненіе подмѣченнаго явленія: или это явленіе выражало собой полную и постоянно усиливающуюся солидарность во мнѣніяхъ прокуратуры и сената, или оно свидѣтельствуетъ о начавшемся фактическомъ подчиненіи угнетеннаго сената авторитету генералъ-прокурорской власти. Для рѣшенія этой дилеммы необходимо прежде всего отмѣтить, что, очевидно, ни у Маслова, ни тѣмъ болѣе у Соймонова не существовало слишкомъ тѣсныхъ и неизмѣнно дружественно солидарныхъ отношеній съ сенатомъ. Это отчасти уже опредѣленно замѣтно изъ одного только-что приведеннаго факта пререканій Маслова съ сенатомъ, по поводу неутвержденія имъ подписанныхъ сенатскихъ протоколовъ; и то-же явленіе ставится совершенно яснымъ изъ ниже слѣдующихъ данныхъ. Въ сентябрѣ 1733 года Масловъ подаетъ «въ Кабинетъ Ея Им. В-ва всенижайшее доношеніе» о томъ, что сенаторы проводятъ много времени въ присутствіи праздно, а между тѣмъ имъ надо разрѣшать очень много дѣлъ; потому онъ проситъ повелѣть сенату собираться дважды въ день, и также чтобы «въ осеннее и зимнее время съѣзжались, конечно, въ седьмомъ часу по-полуночи, или и ранѣе, когда нужда требуетъ» [1]). Очевидно, это никакъ не свидѣтельствуетъ объ особо солидарныхъ отношеніяхъ генералъ-прокурорской власти и сената. Въ томъ-же 1733 году тотъ-же Масловъ подаетъ Императрицѣ черезъ Кабинетъ особое «доношеніе», въ которомъ предлагаетъ дать особое направленіе сенатскому, уже состоявшемуся рѣшенію о взысканіи на купцахъ и ратушахъ всей недоимки. Масловъ полагаетъ, что если сразу, согласно такому рѣшенію сената, произвести взысканіе всей недоимки, то это приведетъ очень многихъ купцовъ къ полному разоренію, чтó пагубно отразится на таможенныхъ и другихъ сборахъ. Поэтому, по мнѣнію оберъ-прокурора, надо-бы издать тайно указъ о дачѣ разсрочекъ и отсрочекъ въ уплатѣ этихъ недоимокъ, кому это будетъ необходимо сдѣлать, изъ опасенія разорить плательщиковъ; о такого рода льготахъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо подавать «выписки» въ Кабинетъ. На этотъ докладъ Маслова, стремящагося несомнѣнно къ опредѣленному измѣненію сенатскаго постановленія, послѣдовала слѣдующая резолюція, подписан-

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 106, стр. 457.

ная Императрицей: «о вышеозначенной по сему представленію доимкѣ разсматривать въ сенатѣ с. с. Маслову, и по разсмотрѣніи экстракты съ приложеніемъ своего мнѣнія подавать въ Кабинетъ» [1]). Очевидно, мнѣніе Маслова, было принято, и согласно ему измѣненъ сенатскій приговоръ. Въ этомъ эпизодѣ опять трудно усматривать существованіе полной солидарности прокуратуры и сената; онъ опредѣленно свидѣтельствуетъ объ обратномъ, именно о разногласіяхъ, и весьма существенныхъ, какія бывали у сената и Маслова.

Въ 1734 году Масловъ подаетъ черезъ Кабинетъ доношеніе Императрицѣ, въ которомъ, излагая бѣдственное состояніе крестьянъ Смоленской губерніи отъ случившагося неурожая, жалуется на сенатъ, что онъ не обращаетъ должнаго вниманія на это дѣло, никакого рѣшенія никакъ не можетъ «учинить». На основаніи такой жалобы Маслова дѣло это именнымъ указомъ изъемлется изъ вѣдѣнія сената и передается Кабинету въ усиленномъ его составѣ [2]). Ясно, что тутъ Масловъ совершенно разошелся съ сенатомъ и даже способствовалъ нѣкоторому его униженію, ибо таковымъ несомнѣнно было отобраніе у него дѣла о смоленскомъ голодѣ, съ передачей его прямо въ руки Кабинета. И не только по отдѣльнымъ дѣламъ, но въ 1732 году Масловъ приноситъ жалобу Императрицѣ на небрежное ко всѣмъ вообще дѣламъ отношеніе со стороны сенаторовъ. Въ результатѣ этой жалобы послѣдовалъ соотвѣтственный указъ сенату (объявленный Масловымъ), «чтобъ господа сенаторы поступали о присутствіи ихъ въ сенатѣ по состоявшемуся Ея Имп. Ве-ства указу сего мѣсяца 14-го; а которые за болѣзньми и другими дѣлами быть не могутъ, о посылкѣ къ нимъ на дворы, которые-бъ по силѣ сенатской должности тѣ дѣла слушали и мнѣнія свои письменно давали» [3]). Когда въ 1733 г. Масловъ сообщилъ сенату именной указъ о передачѣ «въ Москвѣ ген.-лейт. Волкову доимочныхъ денегъ», то сенатъ отказался признать и исполнить этотъ указъ, ссылаясь на другой указъ, чтобы вѣрили только тѣмъ именнымъ повелѣніямъ, которыя будутъ за собственноручною подписью Императрицы или подписью всѣхъ кабинетъ-министровъ. Ясно, что при хорошихъ, солидарныхъ отношеніяхъ сената и Маслова такого инцидента быть не могло. А тутъ Маслову пришлось испрашивать письменный указъ за подписью кабинетъ-министровъ, который онъ и «предложилъ»

---

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 106, стр. 204—206.
[2]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 108, стр. 288.
[3]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 104, стр. 486—487.

сенату; этому же послѣднему оставалось тогда только безпрекословно повиноваться [1]).

Такія же тренія, несомнѣнно, существовали и между Соймоновымъ и сенатомъ, такъ что и тутъ едва-ли можно говорить о какой-либо солидарности сената и его об.-прокурора. Въ декабрѣ 1738 г. Соймоновъ предлагалъ сенату о томъ, «что дѣлъ въ сенатѣ весьма умножилось, для того не соизволители для слушанія оныхъ въ нѣкоторые дни съѣзжаться и пополудни?». На такое прокурорское предложеніе послѣдовалъ отвѣтъ, что сенатъ «разсудили съѣзжаться пополуночи семь часовъ и сидѣть до перваго часа такъ, какъ по регламенту и по указамъ повелѣно, а послѣ полудни съѣзжаться не положили» [2]). Несомнѣнно, у Соймонова съ сенатомъ вышло разногласіе; и сенатъ прокурорскому желанію, его не исполнивъ, противопоставилъ «регламенты и указы». Не свидѣтельствуетъ о солидарности прокуратуры и сената при Соймоновѣ и слѣдующій эпизодъ. Сенатомъ было уже рѣшено одно судебное гражданское тяжебное дѣло въ пользу одного изъ истцовъ (въ пользу Марины Амелевой съ племянникомъ); оберъ-прокуроръ вноситъ въ сенатъ длинный протестъ противъ такого сенатскаго приговора, желаетъ рѣшенія дѣла въ пользу другого истца (нѣкоего Деденева), въ этомъ направленіи ведетъ разсмотрѣніе всего дѣла въ своемъ «предложеніи», уже слѣдовательно вмѣшиваясь въ самое существо судебнаго рѣшенія. На это «предложеніе» послѣдовала слѣдующая резолюція сената: присутствовавшіе въ засѣданіи генералъ-фельдмаршалъ кн. И. Ю. Трубецкой и тайный совѣтникъ Вас. Як. Новосильцевъ рѣшили, «что по оному дѣлу надлежитъ рѣшеніе учинить по прежнему ихъ, Пр. Сената, ноября 3 дня 1738 году разсужденію, а къ прочимъ г.г. сенаторамъ изволили приказать оное дѣло и предложеніе г. оберъ-прокурора сообщить на разсужденіе». Оказанное желанію оберъ-прокурора сопротивленіе было поколеблено: очевидно, спорящіе сенатъ и Соймоновъ пошли на компромисъ; «общее по тому дѣлу разсужденіе» состоялось уже въ засѣданіи 24 января, когда об.-прокуроръ уже «словесно представлялъ» о необходимости, не настаивая на томъ или иномъ приговорѣ, сначала пересмотрѣть и обслѣдовать нѣкоторыя купчія по этому дѣлу; сенатъ вполнѣ принялъ этотъ компромисный исходъ изъ создавшагося конфликта между нимъ и Соймоновымъ [3]). Этотъ фактъ ясно говоритъ объ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1910, л. 266 и 271.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8125, л. 123.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8125.

разногласіяхъ, бывавшихъ у сената съ его оберъ-прокуроромъ. Въ томъ же 1738 году Соймоновъ усмотрѣлъ, что въ дѣлѣ одной вдовы Скобельциной съ кабинетъ-секретаремъ Яковлевымъ Юрьевской-Ливонской воеводской канцеляріей допущенъ рядъ промаховъ, почему и предлагалъ сенату передать это дѣло въ Юстицъ-коллегію и вмѣстѣ разсмотрѣть «непорядочные поступки» въ данномъ случаѣ воеводской канцеляріи. Такое предложеніе прокурора не встрѣтило сочувствія сената, который рѣшилъ передать дѣло въ «С.-Петербургскую губернскую канцелярію», гдѣ и надо учинить рѣшеніе «безъ продолженія». Въ этомъ разногласіи сената и Соймонова, кажется, сыграло роль вліяніе Яковлева (не оно-ли объясняетъ и высказанную тутъ явную непокорность сената мнѣнію оберъ-прокурора?) и какія-то личныя отношенія между нимъ и Соймоновымъ, съ одной стороны, и несомнѣнное вліяніе на сенатъ такого фактически большого человѣка, какимъ являлся тогда кабинетъ-секретарь, каковымъ былъ Яковлевъ [1]). Итакъ опять на лицо ясное указаніе болѣе на разногласіе, чѣмъ на что-либо подобное тѣсной солидарности у сената и прокурорской власти. Такой солидарности, очевидно, не было.

IV.

Несомнѣнно, что Аннинская прокуратура въ сферѣ своей дѣятельности отводила мѣсто для осуществленія того надзора за законностью, который въ «должности» прокурорской является основной опредѣляющей функціей. Явились непорядки и хищенія у «компанейщиковъ» въ Москвѣ, которые были обязаны передѣлывать мелкую серебряную монету, — оберъ-прокуроръ немедленно вмѣшивается въ это дѣло, «предлагаетъ» сенату о необходимости «слѣдованій» происшедшихъ злоупотребленій [2]); обнаруживаются злоупотребленія секретаря Калужской провинціальной канцеляріи по сбору подушныхъ денегъ, — опять вмѣшательство Маслова и требованіе у сената суда и слѣдствія [3]). Есть доносъ на притѣсненія губернатора, — и Масловъ опять предлагаетъ сенату о возстановленіи справедливости и объ «изслѣдованіи» [4]). Представляетъ оберъ-прокуроръ сенату и о раскрывшихся злоупотребленіяхъ воеводъ въ Сибири [5]); охраняетъ казенный интересъ, казенныя деньги

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 8251, л. 69 и д.
2) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 1—2.
3) Ib. л. 10—11.
4) Ib. л. 33—34.
5) Ib. л. 46—52.

отъ растратъ [1]); обращаетъ вниманіе сената оберъ-прокуроръ на непорядки въ управленіи Монетной канцеляріей [2]); смотритъ за дѣйствіями герольдмейстера, отмѣчая незаконное въ нихъ [3]). Не упускаетъ изъ виду такое смотрѣніе за законностью и Соймоновъ, хотя, пожалуй, эта сторона прокурорской дѣятельности при Соймоновѣ была выражена слабѣе. Однако, въ маѣ 1739 года Московскій губернскій прокуроръ получилъ слѣдующій «ордеръ»: «по полученію сего извольте приказать справиться въ Московской ратушѣ челобитье и дѣло кофеншенка Осипа Филатова о лавкахъ, за которымъ ходатайство имѣетъ прикащикъ его П. Рыбаковъ, въ той ратушѣ имѣется-ли и рѣшено-ль; и буде не рѣшено, то извольте принудить, чтобъ по указамъ рѣшено было безъ промедленія. Буде-же усмотрѣно что̀ не по силѣ указовъ производится или беззаконно волочатъ, о томъ извольте предлагать и, что̀ учинено будетъ, ко мнѣ репортовать немедленно» [4]). Во все время Аннинскаго царствованія не переставала дѣйствовать областная и центральная прокуратура. Въ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріалахъ мало указаній на эту дѣятельность второстепенныхъ представителей прокурорскаго надзора, однако кое-что можно почерпнуть и изъ нихъ въ этомъ отношеніи.

Масловъ былъ, кажется, не особенно занятъ дѣлами прокуратуры центральныхъ и областныхъ учрежденій, крайне рѣдко можно только отмѣтить въ журналахъ сената его выступленія по поводу личнаго состава прокуратуры; больше вниманія этому институту отдавалъ Соймоновъ. Въ 1738 году «по предложенію» Соймонова сенатомъ было рѣшено» въ коллегіи, канцеляріи и конторы, такожъ и въ губерніи подтвердить Е. И. В. указами, чтобъ во всѣхъ мѣстахъ оберъ-секретари и секретари поступали, какъ въ прокурорской инструкціи и указахъ изображено; а ежели черезъ ихъ представленіи осмотрительно поступлено не будетъ, въ такомъ случаѣ объявлять имъ, прокурорамъ, а гдѣ прокуроровъ нѣтъ, то имъ, оберъ-секретарямъ и секретарямъ, буде кто заподлинно какое произвожденіе въ противность указомъ признаютъ, записывая въ протоколъ, представлять въ сенатъ къ прокурорскимъ дѣламъ» [5]). А въ слѣдующемъ, 1739 году сенатъ «приказали по прежнему пр. сената разсужденію и по представленію г. об.-прокурора о опредѣленіи въ коллегіи и канцеляріи въ прокуроры назначенныхъ персонъ предста-

[1]) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 54—56.
[2]) Ib. л. 82—83.
[3]) Ib. л. 106—109.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8125, л. 190.
[5]) М. А. М. Ю. сен. кн. 2168, л. 89.

вить въ Кабинетъ Е. И. В.; а въ которыя мѣста для опредѣленія въ прокуроры никого еще не назначено, во оныя мѣста, выбравъ г. об.-прокурору, представить» [1]). Такъ Соймоновъ принималъ мѣры общаго характера для поддержанія хотя-бы внѣшняго правильнаго функціонированія дѣятельности представителей и агентовъ ген.-прокуратуры въ центральныхъ и областныхъ учрежденіяхъ. Въ февралѣ 1739 г. Соймоновъ опять дѣлаетъ шаги въ томъ-же направленіи; онъ «предлагаетъ» сенату подать въ Кабинетъ «сообщеніе» о замѣнѣ прокурора Суднаго Приказа «за старостью» другимъ лицомъ, и затѣмъ, кромѣ того, рѣшается «о опредѣленіи въ другія мѣста въ прокуроры изъ какихъ чиновъ представлять, о томъ требовать общаго разсужденія, представя при томъ, что прежде сего прокуроры опредѣлялись изъ гвардіи и изъ прочихъ обрѣтающихся въ воинской службѣ офицеровъ; и нынѣ изъ оныхъ-ли для опредѣленія въ прокуроры представленіе чинить-ли? А въ которыя мѣста прокуроровъ опредѣлить надлежитъ, о томъ при томъ сообщеніи предложилъ вѣдомость». Сенатъ такому «предложенію» повинуется и исполняетъ по волѣ своего оберъ-прокурора [2]).

Если Масловъ, видимо, былъ меньше занятъ вопросами личнаго состава прокуроровъ, то, съ другой стороны, его отношеніе къ нимъ тоже не было безразличнымъ и безучастнымъ; по крайней мѣрѣ, мелькаетъ въ сенатскихъ журнальныхъ запискахъ, напримѣръ, такое извѣстіе отъ сентября 1734 года: «слушано предложеніе стат. сов. г. Маслова: инструкція губернскимъ прокурорамъ и прибавленіе ко оной; разсудили: то дополненіе въ инструкцію внести и къ апробаціи подать при доношеніи Ея Импер. Величеству» [3]).

И агенты ген.-прокуратуры, видимо, не бездѣйствовали. Опять въ тѣхъ-же журнальныхъ сенатскихъ запискахъ встрѣчаются время отъ времени краткія замѣтки такого типа: слушано «предложеніе статскаго совѣтника (т. е. Маслова), при которомъ приложено доношеніе Военной коллегіи прокурора Епишкова о произведеніи корнета Аксакова безъ баллотированія; приказали: учинить о произведеніи того Аксакова по указомъ въ Военной к.; а ежели онъ, Аксаковъ, произведенъ въ противность указу 1721 году баллотированія, то ему патента не давать» [4]). Другой разъ Масловъ «предложилъ» до-

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 2186, л. 31.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 2178, л. 53.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 1904, л. 11.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 1907, л. 559.

ношеніе архангелогородскаго прокурора о томъ, что на «неправое той губерніи опредѣленіе» по его о томъ предложенію всетаки «ничего не учинено». И сенатъ указалъ губернской канцеляріи, «для чего по означенному его предложенію ничего не учинено, о томъ въ сенатъ отвѣтствовать» [1]). Или однажды сенатомъ было «слушано предложеніе... Маслова по доношенію бѣлгородскаго губ. прокурора Львова той губерніи на губернатора и на бывшаго камерира Бехтѣева и доношеніе-жъ онаго губернатора на того прокурора въ непорядочныхъ поступкахъ»; или было «слушано предложеніе д. с. с. А. С. Маслова и приложенное при томъ доношеніе Военной коллегіи прокурора Епишкова о ссорахъ и о непорядкахъ казанскаго губернатора гр. Мусина-Пушкина того гарнизона съ полковникомъ Шемякинымъ»; или было слушано предложеніе об.-прокурора въ связи съ доношеніемъ прокурора Юстицъ-коллегіи «о приказныхъ служителяхъ», какъ кратко записано въ журналѣ; или Масловъ доводилъ до свѣдѣнія сената доношеніе того-же прокурора о «непорядочныхъ» поступкахъ въ дѣлахъ секретаря Юстицъ-коллегіи Крылова [2]).

Иногда доношенія агентовъ ген.-прокуратуры могли, видимо, даже привлекать къ себѣ особое вниманіе сената и служить толчкомъ къ установленію нѣкоторыхъ общихъ мѣропріятій. Такъ въ январѣ 1735 года Масловъ «предлагалъ» сенату репортъ Нижегородскаго прокурора о томъ, что у нихъ въ губерніи—хлѣбная скудость, въ результатѣ которой люди «пухнутъ и помираютъ», о чемъ и было своевременно донесено въ сенатъ, только отвѣта до сихъ поръ не имѣется, и является опасеніе, чтобы «не учинилось отъ того какой злой болѣзни». Это «доношеніе», видимо, встревожило сенатъ, который послалъ немедленно-же оберъ-секретаря доложить обо всемъ этомъ кабинетъ-министрамъ; эти послѣдніе постановили, «дабы въ сенатѣ трудиться, какимъ-бы образомъ оныхъ бѣдныхъ прокормить: давать-бы имъ хлѣбъ взаймы отъ помѣщиковъ, или изъ магазейновъ». Сенатъ немедленно обсудилъ этотъ вопросъ и рѣшилъ, во-первыхъ, обязать помѣщиковъ кормить своихъ крестьянъ, во-вторыхъ, подать Императрицѣ дополнительно рапортъ о необходимости облегченій въ подушномъ сборѣ [3]).

Во время сравнительно краткаго оберъ-прокурорства Соймонова встрѣчается меньше свѣдѣній о дѣйствіяхъ ген.-про-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1908, л. 943.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1909 (л. 237 и 248), 1910 (л. 4 и 18).
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1909, л. 51—52.

курорскихъ агентовъ но, однако, и тутъ имѣются примѣры, вполнѣ аналогичные приведеннымъ выше изъ времени оберъ-прокурорства Маслова [1]).

Точное и правильное исполненіе указаній «Должности» этимъ не ограничивалось, а проводилось и шире въ дѣятельности Аннинской оберъ-прокуратуры. Узналъ Соймоновъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ одному «Сибирской губерніи новокрещену» со стороны нѣкоего секретаря Баженова, у котораго новокрещенъ жилъ въ услуженіи,—и объ этомъ попраніи законовъ доноситъ «предложеніемъ» сенату. Устраненіемъ неправильныхъ дѣйствій коллегій, понужденіемъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ къ исполненію указовъ, выясненіемъ незаконныхъ дѣйствій судебныхъ мѣстъ въ судныхъ дѣлахъ, указаніями на «непорядочные» поступки губернаторовъ, (обычно по прокурорскимъ о томъ донесеніямъ)—всѣмъ этимъ занимается оберъ-прокуроръ, все это онъ «предлагаетъ» такъ или иначе сенату [2]); слѣдилъ Соймоновъ въ то-же время и за своевременностью въ дѣятельности самого сената [3]). Такой надзоръ и Масловъ, и Соймоновъ осуществляютъ иногда благодаря жалобамъ частныхъ заинтересованныхъ лицъ, которыя къ нимъ поступали (хотя, кажется, не часто); въ 1734 году одинъ купецъ принесъ Маслову жалобу на злоупотребленія и неправильности въ продажѣ ревеня, и Масловъ по этой жалобѣ дѣлаетъ сенату предложеніе о разслѣдованіи [4]); есть нѣсколько такого-же рода «предложеній», основанныхъ на жалобахъ частныхъ лицъ о разныхъ неправдахъ, и среди другихъ «предложеній» сенату Маслова [5]). Особенно часто приходилось Маслову напоминать сенату по отношенію дѣлъ налогово-финансоваго характера. Въ 1733 году Масловъ побуждаетъ сенатъ къ болѣе энергичной дѣятельности въ вопросѣ о раскладкѣ конской подъемной повинности на разныхъ чиновъ людей [6]); и чрезвычайно много «понужденій» сенату было со стороны оберъ-прокурора въ томъ дѣлѣ, которое тогда являлось очень важной, почти главной заботой и Маслова, и потомъ Соймонова;—это составленіе государственной окладной книги [7]).

---

[1]) См., напр., М. А. М. Ю. сен. кн. 2172, л. 80.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8251 и 8125 (passim), 1904 (л. 747), 1906 (л. 177), 1907 (л. 269), 2176 (л. 41), 2175 (л. 100).

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8125, л. л. 221, 277 и др.

[4]) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 65—66.

[5]) Ib. л. 44, 45 и др.

[6]) Два „предложенія“ см. С. А. кн. 66, л. 21—26, 27—29.

[7]) См., напр., ib. л. 7, затѣмъ М. А. М. Ю. сен. кн. 2174 (л. 110, 120, 130), 1904 (л. 776), 2175 (л. 110), 2180 (л. 18), 2182 (л. 18).

Итакъ, основная функція прокуратуры, какой она является въ «Должности» Петровскаго генералъ-прокурора, несомнѣнно имѣла мѣсто въ дѣятельности Аннинской прокуратуры; тутъ основной принципъ учрежденія сказывался ясно и не исчезалъ. Трудно только рѣшить, насколько такого рода дѣятельность оберъ-прокуроровъ была интенсивна; дефектъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ матеріаловъ не позволяетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Но есть рядъ моментовъ въ дѣятельности Аннинской прокуратуры, когда на формальномъ основаніи контроля и надзора опредѣленно проявляется стремленіе прокурорской власти считать въ своей компетенціи уже и разрѣшеніе самаго существа дѣла, оказаніе давленія на такое разрѣшеніе даннаго дѣла не только въ устраненіе той или иной незаконности въ его веденіи, но и въ установленіе того или иного конкретнаго рѣшенія даннаго дѣла въ его существѣ. Генералъ-прокурорская власть, поднимая тотъ или иной вопросъ въ связи съ какой либо усматриваемой ею незакономѣрностью въ его разрѣшеніи, начинаетъ нерѣдко предлагать сенату въ то-же время разрѣшеніе даннаго вопроса въ его существѣ тѣмъ, а не инымъ способомъ, хотя бы то или иное разрѣшеніе было одинаково допустимо съ точки зрѣнія законности. 9 февраля 1734 года Масловъ дѣлаетъ сенату обстоятельное предложеніе, въ которомъ развиваетъ рядъ соображеній по вопросу о сборѣ недоимокъ съ населенія; онъ говоритъ о дѣйствіяхъ экзекуціонныхъ командъ, о ими чинимыхъ притѣсненіяхъ, о вредѣ этихъ притѣсненій, и далѣе совѣтуетъ сенату требовать свѣдѣній и «репортовъ» у воеводъ и других провинціальныхъ властей, чтобы не допускать полнаго разоренія крестьянъ [1]). Очевидно, что въ порядкѣ надзора за законностью об.-прокуроръ долженъ былъ обратить вниманіе сената на незаконныя дѣйствія командъ— и только. Мѣры къ исправленію этого долженъ принимать самъ сенатъ; это—уже существо вопроса, которое до генералъ-прокурорской должности касаться-бы не должно. Въ 1734 году Масловъ дѣлаетъ также обстоятельное предложеніе сенату, по поводу голода въ центрѣ Россіи и необходимости урегулированія вопроса о сборѣ недоимокъ въ постигнутыхъ голодомъ мѣстахъ; оберъ-прокуроръ въ этомъ своемъ предложеніи набрасываетъ цѣлый планъ мѣропріятій, которыя надо, по его мнѣнію, осуществить [2]). Въ этомъ случаѣ уже совершенно очевидно, что генералъ-прокурорская власть даже и внѣшнюю форму надзора за законностью почти оставляетъ

[1]) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 43—44.
[2]) Ib., л. 75—81.

въ сторонѣ; тутъ Масловъ просто беретъ, по его мнѣнію, важный въ данный моментъ вопросъ управленія въ государствѣ, и, развивая его рѣшеніе по существу, предлагаетъ сенату поступить въ этомъ дѣлѣ такъ, какъ то находитъ нужнымъ генералъ-прокурорская власть. Обширность этого «предложенія», надо замѣтить, исключительно велика, а это показываетъ, что вопросъ разобранъ съ большой обстоятельностью. Въ слѣдующемъ, 1735 году Масловъ вновь настойчиво указываетъ сенату на необходимость оградить крестьянъ отъ голоднаго разоренія, между прочимъ указавъ помѣщикамъ на ихъ обязанность кормить своихъ крестьянъ [1]). Ясно, что генералъ-прокурорская власть опять выступала съ функціями не собственно прокурорскими по «Должности». Необходимо отмѣтить, что въ резолюціяхъ своихъ на эти «предложенія» сенатъ точно выполняетъ желанія оберъ-прокурора. Въ томъ-же 1734 году Масловъ усматриваетъ изъ вѣдомостей Штатсъ-конторы непорядки въ ея счетахъ съ Монетной канцеляріей; оберъ-прокуроръ не только доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія сената, чтобы этотъ послѣдній принялъ тѣ или иныя мѣры; Масловъ эти мѣры уже обдумалъ, формулировалъ и, въ числѣ трехъ, предлагаетъ сенату ихъ принять и привести въ исполненіе [2]). Несомнѣнно, тутъ опять оберъ-прокуроръ рѣшаетъ все дѣло по существу, и это рѣшеніе, какъ-бы навязываетъ сенату, которому приходится разсуждать о конкретномъ предложеніи нѣкоторыхъ мѣръ въ области государственнаго управленія со стороны прокуратуры, а не только слышать ея указанія на какіе-либо непорядки. Въ январѣ 1735 г. Масловъ предлагалъ сенату запретить куреніе вина изъ хлѣба въ низовыхъ городахъ изъ-за бывшаго тамъ хлѣбнаго недорода. Въ 1734 г. об.-прокуроръ подаетъ въ сенатъ въ видѣ «предложенія» большую записку по поводу плохой очистки въ Россіи пеньки, отчего происходятъ русской торговлѣ большіе убытки, въ чемъ сказывается и небрежность Коммерцъ-коллегіи; Масловъ тутъ же проектируетъ мѣры противъ этого. Очевидно, все это шаги внѣ генералъ-прокурорской компетенціи по «Должности» [3]). Такъ же поступалъ и Соймоновъ; въ 1738 году онъ дѣлаетъ длинное предложеніе сенату по вопросу о распредѣленіи виннаго откупа въ Петербургѣ; онъ входитъ въ детальное обсужденіе и разсмотрѣніе вопроса по существу, подробно объясняетъ сенату положеніе вещей, приводитъ надле-

---

1) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 89—90.
2) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 46—47.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 1909 (л. 4) и 1908 (1335—1336).

жащіе указы и резолюціи, и на основаніи всего этого проектируетъ необходимыя дѣйствія со стороны сената, которыя подробно излагаетъ и «предлагаетъ» сенату [1]).

Такимъ образомъ, очевидно, об.-прокуроры вмѣшивались въ область уже собственно сенатскаго вѣдѣнія, вмѣшивались безъ спросу на то со стороны сената. Такъ элементы административной распорядительной власти уже оказались фактически въ рукахъ Аннинской прокуратуры. Конечно, эта власть пока проводилась въ дѣло только черезъ и съ согласія сената, но, мы видѣли, что сенатъ не прекословилъ обычно «предложеніямъ» своего оберъ-прокурора.

Была область въ компетенціи оберъ-прокурорской, въ которой особенно все это сильно проявлялось; это—дѣла финансово-хозяйственныя. Несомнѣнно, что дѣла государственнаго хозяйства очень большую роль играли въ дѣятельности Маслова; упорядоченіе этой отрасли государственнаго управленія очень занимало вниманіе оберъ-прокурора. Если подсчитать, какой процентъ всѣхъ «предложеній» Маслова сенату падаетъ на предложенія по вопросамъ финансоваго хозяйства страны, то процентъ такого рода предложеній будетъ около 70. Въ 1735 году Масловъ представляетъ въ сенатъ длинное разсужденіе общаго характера, объ устройствѣ болѣе точнаго счета денегъ издерживаемыхъ казной, и надлежащаго ихъ контроля. Эти общія разсужденія Маслова принялъ и развилъ въ своемъ приговорѣ и сенатъ; конечно, все это оставалось въ области только разсужденій [2]). То же преобладаніе дѣлъ финансово-хозяйственныхъ можно наблюдать и въ дѣятельности Соймонова; дѣла это рода—главная забота оберъ-прокурора, при чемъ особенно изъ такихъ дѣлъ Соймонова заботитъ, видимо, составленіе государственной окладной книги; Соймоновъ внимательно слѣдитъ за составленіемъ этой книги, всячески стремится подвинуть это дѣло впередъ, дѣлаетъ по этому поводу рядъ «предложеній» сенату [3]).

Несомнѣнно, что чиновничья армія, въ извѣстной степени, на всемъ пространствѣ Россіи Аннинскаго времени была въ зависимости отъ генералъ-прокурорской власти; это также ясно изъ оберъ-прокурорскихъ «предложеній». Масловъ дѣлаетъ сенату цѣлый рядъ представленій о назначеніи тѣхъ или иныхъ чиновниковъ, главнымъ образомъ провинціальныхъ [4]). Порядки всякаго рода канцелярій находились подъ постояннымъ, оче-

[1]) М. А. М. Ю. кн. 8251.
[2]) С. А. кн. коп. им. выс. ук. № 66, л. 95—97.
[3]) См., напр., М. А. М. Ю. сен. кн. 8125, л. 351, 352 и др.
[4]) См. С. А. кн. коп. выс. ук. № 66, л. 34—35, 47 и др.

видно, надзоромъ Маслова; есть нѣсколько его «предложеній», посвященныхъ исправленію и возстановленію тѣхъ или иныхъ канцелярскихъ порядковъ въ россійскихъ государственныхъ учрежденіяхъ; такъ онъ доводитъ до свѣдѣнія сената о неправильностяхъ въ дѣлопроизводствѣ герольдмейстера [1]), а въ 1735 г. вноситъ въ сенатъ общаго характера «предложеніе» о «штатѣ гражданскомъ», настаивая на необходимости его разсмотрѣть, касаясь такимъ образомъ уже не отдѣльныхъ назначеній и не отдѣльныхъ частныхъ моментовъ канцелярскихъ порядковъ, но и такихъ основныхъ общихъ сторонъ въ жизни русскаго чиновничества того времени, какъ вопросъ о штатахъ [2]). То же продолжалось и при Соймоновѣ; въ его «предложеніяхъ» сенату часто мелькаютъ представленія о различныхъ назначеніяхъ провинціальныхъ чиновъ, главнымъ образомъ, воеводъ и прокуроровъ [3]); также и вопросы объ общеканцелярскихъ порядкахъ были въ вѣдѣніи Соймонова: въ 1738 году онъ поднимаетъ вопросъ о «дневаньяхъ во всѣхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ съ перемѣною безотлучно и о имѣніи крѣпкаго смотрѣнія и отъ огня предосторожности» [4]). Конечно, всѣ эти вопросы оберъ-прокуроръ не разрѣшалъ собственной властью, а со всѣмъ этимъ шелъ въ сенатъ; но роль сената была, видимо, пассивна: онъ только санкціонировалъ точныя и въ большинствѣ случаевъ вполнѣ конкретныя предложенія генералъ-прокурорской власти. Едва-ли такого рода дѣятельность Аннинскихъ прокуроровъ можетъ быть строго выведена изъ «Должности»; это—опять уже захватъ власти распорядительной, административной, хотя бы и ограниченной санкціей сената.

Итакъ, генералъ-прокурорская власть въ тѣхъ дѣлахъ своихъ, которыя она дѣлала черезъ посредство сената, несомнѣнно выходила изъ строгихъ рамокъ своей надзирающей компетенціи, согласной «Должности»; несомнѣнно, прокуратура все болѣе входила въ самое существо дѣлъ государственнаго управленія, стремилась давать имъ то или иное разрѣшеніе и направленіе по существу ихъ, такимъ образомъ предоставляя сенату налагать зачастую только штемпель своего согласія на генералъ-прокурорскія мѣропріятія въ области управленія страной; такъ, генералъ-прокурорская власть получила вполнѣ

---

1) С. А. кн. коп. им. ук. № 66, л. 106—109.

2) Ib., л. 118—119.

3) М. А. М. Ю. сен. кн. 8125 (л. 256, 270), 2177 (л. 81 и 143), 2182 (л. 5—6), 2179 (л. 93), 2169 (л. 108—110), 1911 (л. 48—49), 1908 (л. 747 и 913—914), 1904 (л. 94 и 491), 2185 (л. 14).

4) М. А. М. Ю. сен. кн. 8125, л. 323.

ясный оттѣнокъ власти распорядительно-административной въ государственномъ механизмѣ Аннинскаго времени. Такимъ образомъ, передъ нами вольная или невольная, но во-всякомъ случаѣ фактическая уступка сенатомъ части своей компетенціи въ пользу генералъ-прокурорской власти. И здѣсь личности не играли, во всякомъ случаѣ, сколько-нибудь значительной роли: личности Маслова и Соймонова діаметрально различны по своему калибру и значенію, а мы видѣли, что то явленіе, которое мы только-что выше формулировали, оставалось одинаково неизмѣннымъ въ оберъ-прокурорство какъ Маслова, такъ равно и Соймонова.—Для насъ несущественнымъ является разрѣшеніе въ ту или иную сторону вопроса о вольномъ или невольномъ умаленіи Аннинскимъ сенатомъ своей компетенціи въ пользу генералъ-прокурорской власти; вѣдь какъ-бы тамъ ни было, но получается неизбѣжный изъ всего только-что вышеизложеннаго выводъ, что компетенція сената *въ моментъ его крайняго угнетенія* уменьшилась за счетъ выростанія компетенціи прокуратуры; а такое положеніе едва-ли говоритъ въ пользу той части ранѣе нами поставленной альтернативы, гдѣ утверждается, что крайняя солидарность существовала между неразрывно, связанными между собой сенатомъ и прокуратурой. Едва-ли можно говорить о такой солидарной связи двухъ учрежденій, когда въ моментъ крайняго упадка одного изъ нихъ, другое на его счетъ, расширяя свою компетенцію, тѣмъ только усиливается. А мы видѣли, что это было именно такъ въ Аннинское царствованіе. И въ это же время принижаемаго все болѣе значенія сената, еще инымъ путемъ, кромѣ вышенамѣченнаго, шло расширеніе компетенціи генералъ-прокуратуры, и тѣмъ самымъ усиленіе ея власти и значенія; а сенатъ, какъ видѣли выше, въ это время все болѣе падалъ.

Представитель ген.-прокуратуры въ Аннинское время, казалось-бы, долженъ былъ стоять совсѣмъ вдалекѣ отъ верховной власти. И это, пожалуй, было такъ въ отношеніи Соймонова. Намъ не попалось ни одного указанія на то, чтобы этотъ оберъ-прокуроръ хоть разъ дѣлалъ Императрицѣ личные доклады. Но, видимо, въ другомъ положеніи относительно верховной власти находился «статскій совѣтникъ Масловъ». У него не только бывали личные доклады Аннѣ Іоанновнѣ, но доклады эти притомъ имѣли характеръ обмѣна мнѣніями, причемъ оберъ-прокуроръ нерѣдко передавалъ сенату,—конечно, для свѣдѣнія и руководства,—тѣ мысли и пожеланія, которыя высказывала Императрица. Несомнѣнно, что возможность такого общенія съ верховной властью только еще увеличивала пре-

стижъ и авторитетъ Маслова въ сенатѣ; тѣмъ болѣе было такъ, что иногда «статскій совѣтникъ» «объявлялъ» сенату, напримѣръ, такія вещи, что «Ея Императорское Величество изволила ему говорить, что де сенаторы въ сенатъ съѣзжаются поздно»; ясно, что тутъ звучитъ что-то похожее на выговоръ сенату [1]). Не иначе звучитъ, пожалуй, и слѣдующее заявленіе Маслова: «статскій совѣтникъ объявилъ сенаторамъ, что Ея Императорское Величество изволила указать сенаторамъ въ сенатъ съѣзжаться для слушанія дѣлъ, дабы въ дѣлахъ остановки не было» [2]). Но зачастую Масловъ передавалъ сенату лично имъ выслушанные высочайшіе мнѣнія и указы и по существу различныхъ дѣлъ, ихъ того или иного рѣшенія, ихъ того или иного направленія и т. п. Такъ въ 1733 году «статскій совѣтникъ объявилъ, что Ея Императорское Величество изволила говорить, что много челобитчиковъ и нищихъ; и чтобъ о тѣхъ нищихъ учинить, какъ было при Императорѣ Петрѣ Первомъ, а челобитчикомъ-бы волокиты не было» [3]). Въ январѣ того же года Масловъ объявляетъ въ сенатѣ «именной указъ, чтобы въ иркутскіе губернаторы въ сенатѣ выбраны были въ кандидаты» [4]). А въ декабрѣ слѣдующаго года оберъ-прокуроръ дѣлаетъ такое, обстоятельно занесенное въ журнальную сенатскую записку, заявленіе: «Масловъ» «предложилъ присланное доношеніе л.-гв. Преображенскаго полка пор. Ан. Пущина, который посланъ въ Иркутскъ для взятья иркутскаго вице-губернатора Жолобова, который (т. е. Пущинъ) доноситъ, что по показанію онаго Жолобова арестовалъ какъ его, Жолобова, такъ и бригадира Сухарева. И при томъ оный дѣйств. стат. совѣтникъ предлагалъ, что онъ о томъ доношеніи Ея Импер. Величеству доносилъ, которое Ея Величество слушавъ, изволила указать бригадира Сухарева и секр. Баженова взять въ С.-Петербургъ, а сибирскаго губернатора Плещеева, хотя и на него оный Жолобовъ показываетъ упущенія важныя, касающіяся дѣла до перваго пункта, до указу въ С.-Петербургъ не брать» [5]). Въ октябрѣ того же 1734 года Масловъ сообщалъ сенату опять о своей бесѣдѣ съ Императрицею: «вчерашняго-де числа Ея Импер. Величество изволила у него спрашивать о ст. сов. Кирилловѣ; и на оное де Ея Импер. Величеству онъ доносилъ, что тотъ Кирилловъ въ назначенное ему мѣсто еще не прибылъ; при-

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 1907, л. 542.
2) Ib., л. 439.
3) Ib., л. 282.
4) Ib., л. 259.
5) М. А. М. Ю. сен. кн. 1908, л. 1262—1263.

томъ де Ея Импер. Величеству доносилъ онъ, что оный Кирилловъ требовалъ, дабы публиковать данную новоназначенному городу Оренбурху привилегію; а сенатъ оную публиковать не разсудилъ до тѣхъ поръ, пока онъ, Кирилловъ, по данной ему инструкціи тамо офондуется, для опасности, о которой представилъ имянно, какъ показано въ сенатскомъ опредѣленіи; и Ея Импер. Величество то сенатское опредѣленіе изволила апробовать»[1]). Другой разъ Масловъ доложилъ Императрицѣ, что нѣкоторые члены Коммерцъ-коллегіи не могутъ «дѣла своего отправлять», и, видимо, съ апробаціи Анны Іоанновны о томъ донесъ сенату, который и рѣшилъ, что «надлежитъ о томъ подать отъ Коммерцъ-коллегіи доношеніе»[2]). Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о сравнительной близости Маслова къ Императрицѣ.

А все это только еще съ другой стороны упрочивало власть и вліяніе сенатскаго представителя ген.-прокуратуры несомнѣнно въ ущербъ власти и вліянію самого сената.

V.

10 октября 1732 года, послѣдовалъ слѣдующій именной указъ: «Нашему статскому совѣтнику Анисиму Маслову. Указали мы по взятымъ въ Сенатъ изъ разныхъ мѣстъ о доимкахъ дѣламъ разсматривать, а откуда не присланы, на тѣхъ взыскивать Вамъ съ поспѣшеніемъ безъ всякаго упущенія; и для взысканія тѣхъ доимокъ, и на комъ надлежитъ штрафовъ, предлагать Сенату и имѣть Вамъ прилежное стараніе, чтобъ по данному Нашему марта 13 дня сего 1732 года указу рѣшеніе учинено было безъ всякаго замедленія, и что объ ономъ происходить будетъ, о томъ самому тебѣ доносить намъ»[3]). Указъ подписанъ самой Императрицей. Такимъ образомъ, на оберъ-прокурора ложилось отъ Императорской власти порученіе особо слѣдить и непосредственно лично ей докладывать по доимочному дѣлу, находящемуся собственно, какъ видно и изъ вышеприведеннаго указа, въ компетенціи сената. На первый взглядъ это можетъ быть понято, какъ простое указаніе верховной власти генералъ-прокурорскому надзору на одно изъ дѣлъ сената, обращающихъ на себя исключительное вниманіе Императрицы и требующихъ особаго вниманія къ себѣ; такимъ образомъ, дѣло какъ-бы ограничивается усиленіемъ надзора

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1908, л. 1139.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1907, л. 287.
[3]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 104, стр. 448.

со стороны оберъ-прокурора—и только. Однако, на дѣлѣ оказалось иначе; доклады свои (впрочемъ, названные «предложеніями») по этимъ дѣламъ Маслову приходилось давать ужъ не сенату, а Кабинету (или точнѣе въ засѣданіи Кабинета, усиленномъ въ своемъ составѣ приглашеніемъ сенаторовъ); 29 января 1733 г. «въ кабинетѣ Е. И. В. засѣдали г.г. министры и сенаторы... При томъ былъ ст. сов. Масловъ, который подалъ Пр. Сенату предложеніе и пункты объ имѣющейся таможенной и кабацкой и прочей по каморъ-коллегіи доимкѣ, которые чтены чрезъ сенатскаго секретаря Баскакова; и имѣли разсужденіе, и, что́ положили, о томъ приказали написать оному секретарю» [1]). 2 февраля того же года, «въ кабинетѣ Е. И. В.», гдѣ засѣдалъ тотъ же составъ лицъ изъ кабинетныхъ министровъ и сенаторовъ, «по предложенію» Маслова «слушали опредѣленіе, учиненное по выпискѣ, слушанной ими-же минувшаго января 29 дня о докладѣ Ея Имп. В-ству о взысканіи запущенной съ 1719 года губернаторами и воеводами доимки,... и то опредѣленіе они подписали и отдали въ Сенатъ» [2]). Затѣмъ уже въ 1735 году въ засѣданіи опять-таки Кабинета, а не сената, оберъ-прокуроръ дѣлалъ докладъ по тѣмъ же доимочнымъ дѣламъ: «слушали...выписку изъ предложенія д. ст. сов. г. Маслова о взысканіи на неплательщикахъ подушныхъ денегъ на самихъ помѣщикахъ» [3]). Такимъ образомъ, не съ сенатомъ, не подъ его санкціей исполнялъ свое порученіе о доимкахъ оберъ-прокуроръ, а онъ дѣлалъ свои доклады по существу ему порученнаго дѣла, (а, конечно, не «предложенія» въ точномъ смыслѣ этого выраженія) Кабинету, учрежденію, стоявшему уже надъ сенатомъ. И совершенно ясно, что именно Масловъ стоялъ во главѣ всего доимочнаго дѣла, что именно онъ его и выполнялъ, подчиненный только Кабинету и самой Императрицѣ. Въ февралѣ 1734 г. дается «нашему д. ст. сов. Анисиму Маслову» (а не сенату) именной указъ «заплатить» «изъ доимочной суммы вѣдѣнія твоего» въ счетъ Соляной конторы долгъ Исаку Либману за алмазныя вещи, взятыя «въ комнату нашу» [4]). Въ 1732 году послѣдовалъ тоже на имя Маслова указъ о выдачѣ изъ доимочныхъ денегъ извѣстной суммы на покупку въ казну дома гр. Ягушинскаго. Въ іюнѣ 1735 года непосредственно отъ того же Маслова, Кабинетъ требуетъ свѣдѣній по «доимочнымъ деньгамъ въ сборѣ» [5]). Въ томъ же году

---

1) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 106, стр. 52.
2) Ib., стр. 54—55.
3) Ib., т. 111, стр. 7.
4) Ib., т. 108, стр. 40.
5) Ib., т. 111, стр. 216.

Кабинетъ вновь, прямо на имя Маслова, даетъ указъ объ особомъ храненіи и расходованіи доимочныхъ денегъ [1]).—Словомъ, оберъ-прокуроръ сената получилъ въ свое особое управленіе дѣло огромной важности и сталъ въ подчиненное положеніе только по отношенію къ высшему учрежденію Имперіи,—къ Кабинету. Управленіе Масловымъ доимочными дѣлами на такихъ основаніяхъ продолжалось до самой его смерти [2]). Въ 1733 году черезъ Кабинетъ былъ указъ на имя А. Маслова и гр. Головкина «о разсмотрѣніи дѣла деженыхъ компанейщиковъ». Разсмотрѣніе это шло цѣликомъ подъ руководствомъ Кабинета, который и давалъ рядъ указовъ по докладамъ «слѣдователей» [3]). Дѣлопроизводство этой «комиссіи о вымѣнѣ мелкихъ серебряныхъ денегъ» велось все въ оберъ-прокурорской канцеляріи, очевидно, подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ Маслова и совершенно независимо отъ воздѣйствій сената [4]). И тутъ оберъ-прокуроръ выступаетъ въ роли распорядительной, уже отъ сената *совершенно* независимой власти.

VI.

Конецъ царствованія имп. Анны Іоанновны былъ моментомъ виднымъ въ исторіи ген.-прокуратуры: указомъ 28 апрѣля 1740 г. на долго остававшійся вакантнымъ постъ ген.-прокурора былъ назначенъ кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой [5]). Трудно сказать съ достаточной точностью что-либо о причинахъ этого замѣщенія, почти десять лѣтъ стоявшей вакантной, должности. Думается, что тутъ сыграли свою немаловажную роль соображенія придворно-партійныя. Борьба Бирона съ Минихомъ (и Остерманомъ?), несомнѣнно, тутъ играла роль. Биронъ, видимо, хотѣлъ и добился возстановленія генералъ-прокурора и именно въ лицѣ гибкаго кн. Трубецкого; это ясно уже изъ того, что въ регентство Бирона, какъ ниже увидимъ, ген.-прокуроръ кн. Трубецкой пользовался полнымъ покровительствомъ и благоволеніемъ регента именно въ качествѣ ген.-прокурора; а послѣ паденія Бирона, начинается опредѣленный походъ—и именно Миниха и Остермана—не только противъ ген.-прокурора, но и противъ всего института прокуратуры. При всемъ этомъ не надо забывать и упускать изъ виду, что это вовсе не было возстановленіемъ изъ небытія генералъ-прокурорской

---

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 111, стр. 249.
[2]) Ib., т. 111, стр. 535.
[3]) Ib., т. 6, стр. 165, 197, 198, 235 и др.
[4]) С. А. кн. выс. им. ук. № 40.
[5]) См. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 138, стр. 399.

власти, а произошло только фактическое замѣщеніе *должности* ген.-прокурора. Вѣдь, мы видѣли, что ген.-прокурорская власть, за неимѣніемъ фактическаго ген.-прокурора, всетаки не переставала существовать почти непрерывно въ теченіе всего царствованія Анны Іоанновны, сосредоточившись въ рукахъ сенатской оберъ-прокуратуры. А потому едва-ли слѣдуетъ придавать по существу большое значеніе фактическому замѣщенію, остававшейся до 1740 г. вакантной, должности ген.-прокурора. Было-ли въ этомъ актѣ желаніе умаленія или возвышенія генералъ-прокуратуры, рѣшить трудно, да и едва-ли важно для пониманія исторіи *учрежденія* въ выясненіи общаго хода его развитія.

Вновь назначенный ген.-прокуроръ, кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой, едва-ли можетъ быть причисленъ къ сколько-нибудь выдающимся людямъ своего времени. Біографія его не сложна. Въ 1719 году «взятъ я,—пишетъ князь Трубецкой въ своей автобіографіи,— въ службу ко двору Государя... волунтиромъ». Затѣмъ, черезъ три года «написанъ» сержантомъ въ Преображенскій полкъ, и еще черезъ четыре года «пожалованъ» ко Двору въ камеръ-юнкеры уже при имп. Екатеринѣ I-ой. Въ 1730 году при Аннѣ Іоанновнѣ онъ уже былъ ген.-маіоромъ и подпоручикомъ кавалергардовъ; затѣмъ кн. Трубецкой къ концу 30-ыхъ годовъ попадаетъ въ сравнительно крупныя должности: въ 1738 г. онъ назначается генералъ-кригсъ-комиссаромъ, затѣмъ проводитъ больше года въ Украинѣ «при командѣ», и наконецъ 28 апрѣля 1740 г. «пожалованъ въ тайные дѣйствительные совѣтники и въ генералъ-прокуроры». Въ этой должности онъ пробылъ до послѣднихъ лѣтъ царствованія имп. Елизаветы, когда его мѣсто заступилъ кн. Яковъ Шаховской, а онъ былъ «пожалованъ въ ген.-фельдмаршалы» и затѣмъ (въ 1760 г.) «въ сенаторы и въ президенты Военной Коллегіи». При Петрѣ III, будучи въ несомнѣнной милости, былъ сдѣланъ полковникомъ Преображенскаго полка; и только въ 1763 г. «уволенъ какъ отъ воинской, такъ и отъ гражданской службы вѣчно» съ оставленіемъ жалованья и съ пожалованіемъ еще 50 тысячъ рублей [1]). Издатель автобіографіи этого ген.-прокурора даетъ ему слѣдующую характеристику: «одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго, человѣкъ обширнаго и по своему времени просвѣщеннаго ума, другъ сатирика кн. А. Д. Кантемира, кн. Никита Трубецкой

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о кн. Трубецкомъ см. Рус. Стар. 1870 г. т. I, стр. 35—41 и „Сборникъ біографій кавалергардовъ“. Подъ ред. С. А. Панчулидзева, т. I (С.-ПБ. 1901), стр. 139—156.

въ теченіи восьми царствованій удержалъ за собой постъ въ ряду наиболѣе замѣтныхъ государственныхъ дѣятелей; онъ видѣлъ паденіе многихъ изъ своихъ милостивцевъ и благопріятелей, самъ нерѣдко участвовалъ въ гибели ихъ и, ловко соображаясь съ перемѣною обстоятельствъ, всегда умѣлъ своевременно оставить ослабѣвшую и перейти на сторону усилившейся партіи» [1]). Съ этой характеристикой личности новаго ген.-прокурора и особенно съ ея заключительными словами приходится соглашаться; только необходимо, пожалуй, добавить, что кн. Трубецкой, если и обладалъ дѣлеческой ловкостью, то онъ былъ лишенъ совершенно всего того, что могло его ставить, хотя-бы отчасти, въ ряды истинно-государственныхъ людей; онъ не возвышался выше обычнаго уровня опытныхъ бюрократическихъ дѣльцовъ средины XVIII вѣка.

Дѣятельность кн. Н. Трубецкого, какъ ген.-прокурора времени кабинетнаго правленія, распадается на два періода: съ момента назначенія и до момента сверженія регентства Бирона и въ эпоху регентства Анны Леопольдовны. Каждый изъ этихъ періодовъ носитъ свой особый, какъ сейчасъ увидимъ, отпечатокъ въ исторіи ген.-прокуратуры XVIII вѣка.

Въ декабрѣ 1741 г., подавая имп. Елизаветѣ Петровнѣ одинъ всеподданнѣйшій докладъ, кн. Трубецкой такими штрихами обрисовалъ въ немъ свое положеніе ген.-прокурора (а вмѣстѣ и всего этого института) времени кабинетнаго правленія: «въ 1740 году апрѣля 28 дня Ея-жъ Имп. Вел. имен. указомъ опредѣленъ ген.-прокуроромъ изъ насъ всепослѣднѣйшихъ т. д. с. кн. Никита Трубецкой. И понеже нынѣ въ сенатской конторѣ и во многихъ коллегіяхъ и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ и губерніяхъ прокуроровъ почти никого нѣтъ, а въ нѣкоторыхъ, малыхъ, хотя и есть, токмо люди уже зѣло престарѣлые и къ тому неспособные; и для того, дабы ген.-прокуроръ, имѣя себѣ во всѣхъ мѣстахъ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ, по званію его подлежащія взысканія и къ скорѣйшему дѣлъ производенію понужденіи чинить и во всѣхъ мѣстахъ правосудіе наблюдать могъ, назнача во всѣ подлежащія мѣста вновь достойныхъ людей, октября 31 дня того-жъ 1740 г. съ показаніемъ, въ которыхъ мѣстахъ прежде какихъ ранговъ были и нынѣ необходимо быть подлежитъ, и въ которыхъ мѣстахъ не были, и въ которыхъ-же, буде хотя и опредѣлены не будутъ, впредь до разсмотрѣнія великой нужды не признавается,— представленъ былъ реестръ, который ноября 3 дня того-жъ 1740 г. въ правленіе бывшаго герцога Кур-

[1]) См. Рус. Ст. 1870 г., т. I, стр. 33—34.

ляндскаго былъ и апробованъ; а потомъ, въ томъ-же 1740-мъ году декабря 15 числа въ правленіе принцессы Брауншвейгъ-Люнебургской (происком̆ъ графовъ Остермана и Миниха, дабы ихъ въ адмиралтейской и военной коллегіяхъ, которыя въ ихъ вѣдѣніи тогда состояли, дѣлъ видѣть было не можно) оная апробація до разсмотрѣнія впредь оставлена; и нѣкоторые потомъ изъ оныхъ представленныхъ опредѣлены въ другіе чины, а ген.-прокуроръ отправленъ въ Ригу. По возвращеніи-же генерала-прокурора отъ порученной ему комиссіи изъ Риги, хотя по представленію его сентября 17 дня сего года въ Правит. Сенатъ оберъ-прокуроромъ дѣйствительный камергеръ Брылкинъ и опредѣленъ, однако въ протчія мѣста прокуроровъ по двукратнымъ представленіямъ и понынѣ еще не опредѣлено» [1]).

Изъ этого отрывка видно, что время ген.-прокурорства кн. Трубецкого при кабинетномъ правленіи ясно разбивается на два періода; первый періодъ,—время царствованія имп. Анны и регентства Бирона,—характеризуется благожелательнымъ отношеніемъ высшей власти къ ген.-прокурорскому институту; второй періодъ обнимаетъ собой время регентства Анны Леопольдовны и характеризуется прямо обратнымъ отношеніемъ правящихъ сферъ къ ген.-прокуратурѣ; какъ увидимъ ниже еще яснѣе, въ это время настойчиво проводилась идея объ уничтоженіи всего прокурорскаго института, идея, уже начавшая даже получать свое практическое осуществленіе.

Въ силу вышесказаннаго понятно, что въ первый періодъ изъ двухъ только-что намѣченныхъ верховная власть должна была сравнительно близко стоять къ своему ген.-прокурору. Прежде всего, несомнѣнно кн. Трубецкой имѣлъ довольно частые личные доклады Императрицѣ, выслушивалъ и передавалъ ея «изустные указы»; этого рода случаевъ имѣется немало отмѣченными въ томъ дѣлопроизводственномъ фондѣ ген.-прокурорскихъ дѣлъ за время имп. Анны Іоанновны, который дошелъ до насъ переплетеннымъ въ одну книгу за № 1666, хранящуюся въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи. То же явленіе можно отмѣтить и по двумъ другимъ дѣлопроизводственнымъ фондамъ, которые даютъ немало дополнительныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній для освѣщенія дѣятельности ген.-прокурора въ кабинетное время; это—протоколы и журналы сената, напечатанные въ т.т. 2, 3, 4 и 5 «Сенатскаго Архива» и документы Кабинета, напечатанные въ «Сборникахъ Имп. Рус. Ист.

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1667, л. 803—805.

Обц.» [1]). Эти «изустные указы» были всякаго рода; то они касались какихъ-либо справокъ, нужныхъ для чего-либо Императрицѣ; такъ, однажды она «изустно указать соизволила» ген.-прокурору, сообщить ей точно, куда и по какимъ распоряженіямъ были розданы люди Волынскаго, на что, конечно, кн. Трубецкой подноситъ императрицѣ соотвѣтственную вѣдомость [2]). То кн. Трубецкой 4 іюня 1740 г. дѣлаетъ «Пр. Сенату» слѣдующее «объявленіе»: «Ея Имп. Величество, всемилостивѣйшая государыня сего числа изволила мнѣ при отданіи взнесенныхъ въ прошлыхъ 738 и 739-мъ годѣ отъ Пр. Сената Ея И. В-ству всеподданнѣйшаго доклада и въ высокій учрежденный кабинетъ сообщенія...» (идетъ изложеніе этихъ доклада и сообщенія) «...всемилостивѣйше изустно повелѣть: по онымъ учиня разсмотрѣніе, рѣшеніе учинить въ Сенатѣ съ такимъ при томъ всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ, что о таковыхъ винныхъ, яко то означенныхъ въ прошеніяхъ, не токмо о какомъ имъ награжденіи, и объ отпускѣ винъ ихъ, имѣя нынѣ точный о таковыхъ указъ, должно по довольномъ разсужденіи разсмотрѣніе имѣть и въ томъ осторожно поступать. А о прочихъ, о каковыхъ указы есть, и представлять было не надлежало; и чтобъ въ томъ Сенатъ, яко главное надъ всѣмъ государствомъ мѣсто, зѣло осторожно въ утружденіи Ея Имп. Величества высочайшей персоны въ докладахъ поступалъ, дабы о таковыхъ дѣлахъ, кои въ Сенатѣ рѣшить возможно, отнюдь Е. И. В-ству или Ея Вел. въ высокій Кабинетъ представляемо, и Е. И. В-ство ко утружденію привождаема не была» [3]). А другой разъ, въ томъ же іюнѣ 1740 г. во «всеподданнѣйшемъ докладѣ» своемъ кн. Трубецкой писалъ: «высочайшимъ В. И. В. изустно даннымъ мнѣ всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно: птицъ соловьевъ впредь ко двору В. И. В. не присылать, о чемъ изъ Сената и указы уже отправлены. А понеже нынѣ въ Сенатѣ мною усмотрѣно, что помянутый Волынскій въ 738-мъ году и кромѣ упоминаемыхъ соловьевъ о ловлѣ и присылкѣ ко двору В. В. разныхъ звѣрей и птицъ не только изъ всѣхъ губерній, но и изъ Персіи, Вашему Величеству представлялъ, что всемилостивѣйше и апробовать изволили, о чемъ и указы тогда-жъ изъ Сената во всѣ надлежащія мѣста посланы. А въ которыхъ мѣстахъ той ловлѣ быть опредѣлено и сколько гдѣ какихъ

---

1) Эти документы трехъ архив. фондовъ являются единственнымъ основнымъ источникомъ для исторіи ген.-прокуратуры въ разсматриваемое время. Ихъ подлинность несомнѣнна, какъ и относительная полнота.

2) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 112—115.

3) М. А. М. Ю. сен. кн. 6398.

звѣрей и птицъ наловлено и отправлено, и ко отправленію изготовлено, и чтó на покупку и содержаніе и отправленіе ихъ денегъ издержано, о томъ В. И. В. при семъ всеподданнѣйше подношу краткія вѣдомости. А впредь оныхъ звѣрей и птицъ В. И. В. соизволите-ли указать сюда отправить, всеподданнѣйше требую высочайшаго указу» [1]).

Въ двухъ вышеприведенныхъ случаяхъ ген.-прокуроръ являлся посредникомъ въ отношеніяхъ сената къ верховной власти, ему передавая лично имъ выслушанныя пожеланія Императрицы, у нея же лично испрашивая болѣе точнаго и детальнаго пониманія указа, ею даннаго сенату. Правда, такого рода случаевъ посредничества, какъ бы представительства, ген.-прокурора отъ сената лично предъ государыней можно замѣтить немного. Но вѣдь и промежутокъ времени ген.-прокурорства кн. Трубецкого при Аннѣ былъ очень невеликъ, всего пять съ половиной мѣсяцевъ.

Имп. Анна обращалась къ прямому содѣйствію ген.-прокурора иногда и въ такихъ случаяхъ, когда это не имѣло никакого отношенія ни къ сенату, ни ко всей по «Должности» ген.-прокурорской дѣятельности. Такъ однажды кн. Трубецкой пишетъ «предложеніе» Военной коллегіи, гдѣ говоритъ: «сего іюля 15 дня Е. И. В. высочайшимъ именнымъ изустно даннымъ мнѣ указомъ всемилостивѣйше изволила повелѣть: поручика кн. Ник. Голицына... за самовольное его отъ полку отлученіе и укрывательство судить военнымъ судомъ», чтó и было Военной коллегіей исполнено, и производство этого суда прислано прямо ген.-прокурору, который при рапортѣ «поднесъ» его Императрицѣ [2]). Затѣмъ имп. Анна поручаетъ кн. Трубецкому осмотрѣть Московскую «першпективную дорогу до сосницкаго яму». Ген.-прокуроръ,выполняя это порученіе и нашедши неисправности, дѣлаетъ распоряженія лично о ихъ исправленіи, а затѣмъ доноситъ императрицѣ «наше разсужденіе» о томъ, «чтобы такого, какъ нынѣ, въ проѣздѣ затрудненія не было» на будущія времена [3]). По челобитной одной вдовы на «разбитье», т.-е. на нападеніе на нее съ избіеніемъ ея и ея дочери однимъ ихъ сосѣдомъ по дорогѣ недалеко отъ Петрограда, согласно высочайшему повелѣнію былъ произведенъ допросъ, который ген.-прокуроръ лично представилъ Аннѣ Іоанновнѣ, и «сей допросъ,—записываетъ кн. Трубецкой,—вышеозначеннаго 12 числа Ея Имп. Величество изволила мнѣ отдать съ такимъ

---

¹) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 57.
²) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 126 и сл.
³) Ib., л. 338—340.

изустнымъ всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ, чтобы... по сему по силѣ указовъ изслѣдовать безъ упущенія». Несомнѣнно, надо замѣтить, во всемъ этомъ дѣлѣ сенатъ остается совершенно въ сторонѣ.

Итакъ случалось, что Императрица лично съ своимъ «изустнымъ указомъ» передавала ген.-прокурору челобитныя, просившія объ ускореніи дѣлъ и правосудіи. Трубецкой въ такихъ случаяхъ дѣствовалъ отчетливо «министерски», дѣлая распоряженія нужнымъ учрежденіямъ на основаніи такихъ именныхъ высочайшихъ повелѣній [1]).

«Изустные» указы Императрицы иногда касались серьезныхъ вопросовъ управленія. «По изустному данному мнѣ В. И. В. высочайшему сего іюля 20 дня въ Петергофѣ словесному указу,—пишетъ кн. Трубецкой въ своемъ «всеподданнѣйшемъ репортѣ» отъ 27 іюля 1740 года,—о разныхъ исправленіяхъ подъ симъ всеподданнѣйше доношу». Такимъ образомъ Анна Іоанновна лично и устно дала ген.-прокурору цѣлый рядъ повелѣній къ лучшему устройству нѣкоторыхъ дѣлъ управленія; и въ длинномъ рапортѣ кн. Трубецкой отвѣчаетъ на поставленныя Императрицею вопросы изложеніемъ своихъ мнѣній [2]). Если не забывать, что слѣды всего этого приходится находить въ практикѣ ген.-прокуратуры менѣе, чѣмъ за шесть мѣсяцевъ, то слѣды эти съ надлежащей ясностью показываютъ, что кн. Трубецкой, какъ ген.-прокуроръ, сталъ въ извѣстной личной близости къ Императрицѣ (выдвинутый Бирономъ?), въ той близости, которая позволяла Аннѣ Іоанновнѣ дѣлать его,—иногда по крайней мѣрѣ,—посредникомъ въ отношеніяхъ своихъ къ сенату, и давать ему порученія, хотя по характеру своему соприкасавшіяся съ областью его ген.-прокурорскаго вѣдѣнія, но, несомнѣнно имѣвшія по формѣ чисто министерское значеніе. Итакъ, ожили опять устанавливавшіеся въ началѣ царствованія новые моменты, органически вошедшіе въ должность ген.-прокурора.

Такое положеніе кн. Трубецкого, сравнительно близкое по отношенію верховной власти, всетаки не дѣлало его независимымъ отъ Кабинета; этотъ послѣдній, стоя надъ всѣмъ государственнымъ механизмомъ Россіи стоялъ и надъ ген.-прокуроромъ. Когда однажды въ 1740 году Кабинетъ усмотрѣлъ, что недоимка по питейнымъ сборамъ съ нѣкоего Милякова все не взыскивается, то онъ далъ порученіе ген.-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 375 и слѣд., дѣло № 185 и др.
[2]) Ib. л. 152—154.

прокурору, ускорить разрѣшеніе этого дѣла, приказывая «ген.-прокурору имѣть стараніе, чтобъ... Сенатомъ надлежащее опредѣленіе учинено было, какъ указами повелѣно» [1]). Когда въ іюнѣ того-же года возникаетъ вопросъ о назначеніи жалованія новымъ сенаторамъ, то ген.-прокуроръ объ этомъ подаетъ «всеподданнѣйшее доношеніе», требуя именного указа о размѣрѣ жалованія. Это «доношеніе» идетъ черезъ Кабинетъ; и хотя резолюція на немъ за собственноручной подписью Анны, но затѣмъ эту резолюцію «контрасигновали господа кабинетъ-министры Андрей Остерманъ, кн. Алексѣй Черкасскій» [2]). Такимъ образомъ ген.-прокуроръ являлся опредѣленно подчиненнымъ Кабинету.

Въ отношеніи же всѣхъ остальныхъ учрежденій Имперіи кн. Трубецкой занималъ или независимое, или до извѣстной степени начальственное положеніе, выполняя свои функціи въ общемъ совершенно согласно со своей «Должностью». Прежде всего ген.-прокуроръ обращалъ вниманіе сената своими «предложеніями» на разные непорядки въ дѣлахъ управленія; такъ, напримѣръ, 23 октября 1740 г. кн. Трубецкой «пр. сенату словесно предлагалъ» о томъ, что вино, для казны поставленное купцомъ Глазовымъ, въ Петроградъ прибыло; но Глазовъ сидитъ подъ арестомъ (по дѣлу Волынскаго), не можетъ вино разгрузить и не имѣетъ даже средствъ для этой разгрузки. А между тѣмъ, такая задержка только наноситъ ущербъ казенному интересу, на что ген.-прокуроръ и обращалъ вниманіе сената [3]). Въ октябрѣ того же года ген.-прокуроръ предлагалъ сенату,—который и «слушалъ»,—доношеніе совѣтника «новоучрежденной каморъ-коллегіи» бар. Ис. Шафирова, гдѣ тотъ жалуется на отсутствіе состава коллежскаго присутствія, на «непорядочные поступки» съ ея стороны по разнымъ дѣламъ, донося объ этомъ «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ» [4]). Во всѣхъ такого рода случаяхъ кн. Трубецкой, видимо, уклонялся давать сенату какія-либо конкретныя указанія по существу разрѣшенія дѣла, оставаясь только и исключительно освѣдомляющей сенатъ инстанціей. Намъ не удалось замѣтить нигдѣ слѣдовъ того, чтобы ген.-прокуроръ входилъ въ сенатъ съ какими-либо болѣе или менѣе конкретно-формулированными широкими предложеніями тѣхъ или иныхъ мѣропріятій по тому или иному поводу; только одинъ разъ, «по словесному

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 18
2) Ib., „дѣло № 4“.
3) „Сенатскій Архивъ“, т. 2, стр. 48—49.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666.

предложенію» кн. Трубецкого, сенатъ приказалъ напечатать 1200 экземпляровъ указовъ «о правосудіи подтвердительныхъ» и разослать ихъ по церквамъ для чтенія съ амвона по воскреснымъ днямъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ [1]). Таковъ единственный слѣдъ единственнаго конкретнаго предложенія, крайне незначительнаго по своему существу, которое кн. Трубецкой внесъ въ сенатъ въ первый періодъ своего генералъ-прокурорства въ кабинетное правленіе.

Гораздо шире была, очевидно, дѣятельность кн. Трубецкого въ это время по понужденію различныхъ учрежденій къ скорѣйшему рѣшенію, главнымъ образомъ, разныхъ судебныхъ дѣлъ. Въ ген.-прокурорскомъ дѣлопроизводствѣ сохранился цѣлый рядъ прошеній разныхъ лицъ, поданныхъ «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ» съ жалобами на волокиту различныхъ учрежденій. И ген.-прокуроръ, обычно, по каждому изъ нихъ предпринимаетъ соотвѣтственные шаги, въ смыслѣ понужденія даннаго учрежденія; къ сожалѣнію, нельзя усмотрѣть изъ дѣлопроизводства, насколько оказывались дѣйствительными эти ген.-прокурорскія понужденія [2]).

Сношенія кн. Трубецкого съ прокурорами, ему подчиненными, губернскихъ и центральныхъ учрежденій несомнѣнно были очень нечасты въ разсматриваемое время, что́ находитъ себѣ полное объясненіе въ томъ состояніи личнаго состава этой прокуратуры, о которомъ свидѣтельствовалъ самъ генер.-прокуроръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ (см. выше). Однако, все-таки кое-какіе слѣды такихъ сношеній, при томъ ведшихся вполнѣ въ духѣ «Должности», имѣются въ дѣлопроизводственномъ ген.-прокурорскомъ фондѣ. Въ октябрѣ 1740 г. прокуроръ Сибирской губерніи присылаетъ кн. Трубецкому свой протестъ на одно постановленіе Сибирской губернской канцеляріи, по поводу взысканія пошлинъ; немного ранѣе, въ іюнѣ того-же года ген.-прокуроръ, по поводу жалобы на волокиту въ одномъ гражданскомъ процессѣ, пишетъ прокурору Московскаго Суднаго Приказа объ ускореніи процесса и требуетъ сообщить ему, почему данное дѣло такъ затянулось (съ 1730 года) [3]).

Также согласно «Должности» сенатская канцелярія находилась въ прямомъ и непосредственномъ завѣдываніи генер.-прокурора. 10 іюня 1740 года Трубецкой пишетъ длинную, очень обстоятельную инструкцію сенатской канцеляріи о томъ, какъ въ ней должно вестись дѣлопроизводство; самымъ точ-

---

[1]) „Сенат. Архивъ", т. 2, стр. 58.
[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, passim.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 131 и др.

нымъ образомъ устанавливается внутренній формальный распорядокъ всей сенатской дѣятельности [1]). А за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе, тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, кн. Трубецкой, констатируя большую запущенность въ дѣлопроизводствѣ сенатской канцеляріи, даетъ приказъ, регулирующій въ основныхъ чертахъ дѣятельность чиновъ этой канцеляріи. «Оберъ-секретарямъ поутру въ сенатъ приходить въ $5^1/_2$ часовъ пополуночи», гласитъ первый пунктъ этого приказа. «Правящему экзекуторскую должность, такожъ секретарямъ и протоколистамъ—въ 5 час. пополуночи; подьячимъ всѣмъ—въ $4^1/_2$ час. пополуночи» повелѣвалъ являться на службу тотъ-же приказъ. При этомъ всѣ эти чины на службѣ должны «исправлять порученныя имъ дѣла по присяжной должности съ крайнемъ радѣніемъ и со всевозможнымъ поспѣшеніемъ нелѣностно». «И какъ скоро присутствующіе въ сенатѣ соберутся, тобъ тотъ часъ оные (т. е. журналы предшествующаго дня) къ закрѣпѣ напередъ всего предлагаемы и закрѣплены были; а потомъ предлагать и къ закрѣпѣ заготовленные по подписаннымъ журналамъ же протоколы, смотря, кои нужнѣе и времени терпѣть не могутъ, тѣ напередъ, а потомъ и всякіе, какіе у кого заготовлены. Доклады о текущихъ входящихъ дѣлахъ чинить секретарямъ, когда чей день, прежде о случающихся именныхъ Е. И. В. указахъ или изъ высокаго Кабинета сообщеніяхъ и другихъ нужныхъ государственныхъ дѣлахъ, не взирая на реестръ; а потомъ—о челобитчичьихъ и прочихъ не нужныхъ, по реестру, не выбирая на выборъ, чтобъ всякія дѣла, кои прежде войдутъ, тѣмъ прежде вновь входящихъ и рѣшеніе свое получить могли». Далѣе, въ такомъ же духѣ идутъ еще четыре параграфа этого приказа [2]). Не оставляя и далѣе устраивать надлежащіе порядки въ сенатской канцеляріи, кн. Трубецкой доходилъ даже до мелочности въ этомъ направленіи; такъ, въ одномъ изъ своихъ «приказовъ» онъ, между прочимъ, писалъ: «во убѣжаніи отъ докуки челобитчиковъ къ присудствующимъ и собственной ихъ втунѣ волокитѣ, росписавъ, кому изъ секретарей въ который день по его экспедиціи докладывать опредѣлено, внизу на галлереѣ при дверяхъ входа на сенатскую лѣстницу, также и вверху, и на стѣнѣ на крыльцѣ сенатскомъ выставить, наклея на доскахъ, билетъ» [3]).

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 53—54.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8252, л. 2—3.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8252, л. 7.

Несомнѣнно, что всѣ назначенія по сенатской канцеляріи,—до секретарей исключительно,—шли не только черезъ ген.-прокурора, но и приводились въ исполненіе его «приказами» [1]). Часть чиновъ общесенатской канцеляріи была выдѣлена въ особый отдѣлъ, называвшійся «у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ»; въ этомъ отдѣлѣ къ іюлю 1740 г. находился одинъ канцеляристъ и четыре копіиста [2]).

Однако, кн. Трубецкой переступалъ иногда предѣлы своего вѣдѣнія по «Должности», входя въ «министерскую» роль не только, какъ мы выше видѣли, въ силу непосредственныхъ о томъ велѣній верховной власти, но и въ силу своихъ общеконтрольныхъ функцій надъ дѣятельностью учрежденій. Такъ, просматривая одно поданное въ сенатъ изъ Юстицъ-коллегіи судебное дѣло, ген.-прокуроръ замѣтилъ тамъ многіе формальные промахи (напримѣръ, не вся «выписка» была скрѣплена секретаремъ и проч.), а также прямыя умолчанія и укрывательства по самому существу дѣла различныхъ документовъ. Кн. Трубецкой сейчасъ-же дѣлаетъ по этому поводу соотвѣтственный запросъ коллегіи, которая немедленно отвѣчала почтительнымъ «представленіемъ», гдѣ пыталась оправдаться въ вышепомянутыхъ промахахъ [3]). Тутъ явная попытка со стороны ген.-прокурора вести надзоръ и контроль не черезъ сенатъ только, какъ то по «Должности» полагается, а лично, самостоятельно, «министерски», пользуясь терминологіей того времени. Другой разъ ген.-прокуроръ обращается къ Адмиралтейской коллегіи съ непосредственнымъ «предложеніемъ», въ которомъ «Адмиралтействъ-коллегіи чрезъ сіе предлагается» учинить наказанье нѣкоему «компаснику Анисимову», и «чтò учинено будетъ, въ пр. сенатъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ репортовать». Никакого тутъ участія сената не видно.

Опредѣленно мѣняется къ худшему положеніе кн. Трубецкого, какъ ген.-прокурора, при регентствѣ Анны Леопольдовны. Тутъ, какъ увидимъ, все существованіе института прокуратуры въ его цѣломъ оказывается висящимъ на волоскѣ.

Прежде всего кн. Трубецкой былъ, несомнѣнно, далекъ отъ правительницы. Совершенно нѣтъ данныхъ судить о томъ, бывали-ли у кн. Трубецкого самостоятельные личные доклады правительницѣ; указаній на ихъ существованіе намъ не встрѣтилось. Правда, въ засѣданіи сената 9 октября 1741 г., ген.-прокуроръ передаетъ, что, «вчерашняго числа Е. И. В.

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 219 и сл.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 217.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 146 и сл.

гос. прав. в. кн. Анна всея Россіи изволила приказать прав. сенату объявить, чтобы» былъ заготовленъ фуражъ для лошадей войскъ, находящихся подъ Выборгомъ и у Красной Горки и «въ дачу былъ произведенъ со всякимъ довольствіемъ» [1]); а другой разъ кн. Трубецкой опять докладываетъ сенату, что «Е. И В. гос. вел. кн. и правительница всей Россіи изволила ему отдать сообщеніе, поданное отъ сената въ кабинетъ и при томъ формуляръ, что̀ разсуждено было вновь собирать 50 т. человѣкъ; и повелѣла оный пр. сенату разсмотрѣть», нельзя-ли уменьшить этотъ комплектъ рекрутовъ [2]). Однако въ обоихъ случаяхъ нельзя сказать опредѣленно, что такого рода повелѣнія отъ верховной власти ген.-прокуроръ получилъ лично, при своемъ правительницѣ докладѣ. Такимъ образомъ кн. Трубецкой, если и получалъ личный доступъ къ правительницѣ, то крайне рѣдко, да и то какъ будто, чтобы лишь выслушать опредѣленное повелѣніе.

И несмотря на то, что такимъ образомъ положеніе ген.-прокурора только принижалось, а отнюдь не возвышалось, вліяніе кн. Трубецкого въ разсматриваемое время на сенатъ выливалось несомнѣнно въ опредѣленныя формы какъ-бы верховенства и руководительства въ отношеніи этого учрежденія. Ни одно изъ «предложеній» кн. Трубецкаго,—очень разнообразныхъ по составу и содержанію,—не было такъ или иначе,—хотя-бы очень дипломатично,—отвергнуто сенатомъ; эти «предложенія» сенатъ всегда неизмѣнно исполнялъ въ рамкахъ, ему указываемыхъ генералъ-прокуроромъ. А рамки эти были различны. Кн. Трубецкой часто только держался строго нормъ «Должности» и въ своихъ «предложеніяхъ» ставилъ только вопросы передъ сенатомъ, совершенно не затрагивая ихъ рѣшенія по существу, а иногда ген.-прокуроръ достаточно властно и опредѣленно выговаривалъ какъ-бы сенату по поводу тѣхъ или иныхъ дефектовъ въ его дѣятельности, указывая, что́ должно предпринять для ихъ устраненія. И въ того и другого рода отношеніяхъ своихъ къ сенату кн. Трубецкой, несомнѣнно, стоялъ строго на почвѣ точнаго смысла «Должности» 1722 г. Тутъ, только тонъ, пожалуй, былъ излишне категориченъ, и сенатъ какъ-то ужъ очень былъ послушенъ мнѣніямъ своего ген.-прокурора. Въ засѣданіи 3 сентября 1741 г. кн. Трубецкой предложилъ на рѣшеніе сената одинъ вопросъ юридическаго свойства, возникшій при разсмотрѣніи одного судебнаго дѣла,

1) „Сенат. Архивъ“ т. V, стр. 31.
2) Ib. т. IV, стр. 406.

дошедшаго до сената, при чемъ генералъ-прокуроръ только поставилъ этотъ вопросъ, отнюдь не предрѣшая того или иного отвѣта на него. Другой разъ «словесно предлагая» сенату мнѣніе фельдмаршала о продажѣ вина при арміи и мнѣніе вице-президента Каморъ-коллегіи по этому-же вопросу, не прибавляя ничего отъ себя, кн. Трубецкой закончилъ «предложеніе» фразой о томъ, чтобы по этому дѣлу сенатъ соизволилъ «опредѣленіе учинить». Затѣмъ, въ ноябрѣ 1740 года, передавая сенату одно частное челобитье, ген.-прокуроръ, такъ заканчиваетъ свое по этому поводу «предложеніе» сенату: «которую челобитную для разсмотрѣнія пр. сенату оригинально при семъ сообща, предлагаю, дабы соблаговолено было, оную разсмотря, надлежащее рѣшеніе учинить» [1]. Кн. Трубецкой, видимо, достаточно напряженно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы сенатъ правильно, съ законами согласно, исполнялъ свою должность. Онъ часто напоминаетъ сенату, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, о томъ или иномъ указѣ, который при рѣшеніи дѣла сенатъ упускалъ изъ вида [2]; ген.-прокуроръ постоянно вноситъ мелкія поправки и къ дѣйствіямъ сената, ихъ направляя болѣе согласно съ велѣніями закона, или по существу болѣе цѣлесообразно [3]. То кн. Трубецкой стремится внести согласованность въ различныя дѣйствія сената, чтобы не было въ нихъ противорѣчій, и чтобы примирились разногласія въ средѣ сенаторовъ [4]; то кн. Трубецкой предлагаетъ не приводить въ дѣйствіе сенатскаго приговора, такъ-какъ онъ касается случая «сомнительнаго», а потому о немъ надо донести кабинету; то онъ торопитъ сенатъ привести въ исполненіе его-же указъ; то ставитъ на видъ сенаторамъ, чтобы они пріѣзжали въ сенатъ «пополуночи въ 7-мъ часу», согласно указамъ; то предлагаетъ сенату, въ виду принципіальной важности одного дѣла и большихъ по нему разногласій, не рѣшать его «собою, не представя Его Им-скому Величеству»; то Трубецкой разъяснялъ сенату, что онъ неправильно истолковалъ и привелъ въ дѣйствіе одинъ именной указъ; то ген.-прокуроръ «словесно» предлагаетъ сенату о неточности и недомолвкѣ, допущенной въ одномъ изъ сенатскихъ приговоровъ, что́ вызвало со стороны Штатсъ-конторы вопросъ, почему необходимо сдѣлать нужныя тутъ разъясненія. И все это сенатъ, выслушивая, принимаетъ не только къ свѣдѣнію, но,

---

1) „Сенатскій Архивъ“. т. IV, ст. 362; II, ст. 110-111; IV, стр. 433.
2) „Сенатскій Архивъ“, т. IV, стр. 98, 101, 5.
3) Ib. стр. 123, 259—260, 344, 360, 126, 67—68.
4) Ib. т. V, стр. 34, 191—192; т. II, стр. 266.

никогда не споря, всегда поступаетъ согласно желанію и предложенію своего ген.-прокурора[1]).

Не всегда кн. Трубецкой въ своихъ «предложеніяхъ» такъ строго согласовался съ духомъ и текстомъ «Должности». Нерѣдко ген.-прокуроръ предлагалъ сенату прямо провести въ жизнь конкретно опредѣленную мѣру; нерѣдко онъ не только ставилъ сенату тотъ или иной вопросъ въ предѣлахъ надзора и контроля, но и предлагалъ сенату то или иное рѣшеніе вопроса, входя такимъ образомъ въ область управленія, вмѣшиваясь въ собственно сенатскую область вѣдѣнія. И сенатъ этому не противорѣчилъ; наоборотъ, онъ каждый разъ покорно своимъ приговоромъ только санкціонировалъ подобнаго рода ген.-прокурорскія предложенія. Въ засѣданіи 17 авг. 1741 г. Трубецкой дѣлаетъ «предложеніе» о собираніи свѣдѣній и о необходимости учета всѣхъ шведскихъ подданныхъ, живущихъ въ Россіи; и сенатъ послушно исполняетъ волю своего ген.-прокурора. Другой разъ кн. Трубецкой, по поводу прошенія Ник. Демидова о наказаніи калужанъ, которые держали его бѣглыхъ, предлагалъ сенату: «не соизволено-ли будетъ... для усмиренія крестьянъ потребовать отъ Военной коллегіи офицеровъ съ потребной командой»; сенатъ такое именно рѣшеніе и постановляетъ. Въ октябрѣ 1741 г. ген.-прокуроръ «предлагаетъ» сенату о необходимости поставить воинскій караулъ на суда съ хлѣбомъ, привезеннымъ въ Петроградъ для военныхъ надобностей; и это сенатъ тоже точно исполняетъ, согласно волѣ ген.-прокурора. Въ другомъ «предложеніи» кн. Трубецкой, говоря о непослушаніи одного съ приписью подъячаго сенатскому указу о явкѣ въ Торжокъ къ слѣдствію, предлагаетъ его допросить, почему онъ не явился къ слѣдствію, и допрося, «учинить рѣшеніе». Сенатъ опять повинуется мнѣнію кн. Трубецкого [1]). А бывали случаи, когда ген.-прокуроръ прямо распоряжался именемъ сената, который нисколько противъ этого не протестуя, заднимъ числомъ санкціонировалъ такія ген.-прокурорскія распоряженія. Такъ въ засѣданіи 27 окт. 1741 г. сенату было «докладывано», что по формальному приказу отъ ген.-прокурора (за подписью также и оберъ-прокурора Брылкина) «въ небытность собранія Пр. Сената» «посланъ изъ Сената указъ», о выдачѣ находившимся при персидскомъ посольствѣ офицерамъ «въ прибавокъ» «до Новгорода ямскихъ 4 подводы за указные прогоны»; выслушавъ это сообщеніе, сенатъ

---

[1]) „Сенатскій Архивъ“ т. IV, ст. 249, 628—629; т. V, стр. 11; т. III, ст. 419.

постановилъ просто «оное записать въ журналъ» [1]). А недѣлей ранѣе «совѣтникъ Голенищевъ-Кутузовъ» доносилъ сенату, что «по словесному приказу д. т. с. кав. и ген.-пр. кн. Н. Ю. Трубецкого» отпущено для слоновъ, приведенныхъ изъ Персіи, полковнику ф.-Трескау 160 пудовъ сѣна; но настоящаго указу о томъ онъ, совѣтникъ, не получалъ. Сенатъ на это постановилъ: «оное сѣно записать въ расходъ» и дать соотвѣтственный «указъ». Образъ дѣйствій ген.-прокурора, очевидно, сочли вполнѣ правильнымъ; сенатъ безпрекословно подчинился такому съ нимъ обращенію ген.-прокурора [2]).

Такія отношенія между сенатомъ и ген.-прокуроромъ находили себѣ поддержку и въ томъ положеніи, какое занялъ кн. Трубецкой въ отношеніи Кабинета. Въ общемъ такъ-же, какъ и ранѣе, Кабинетъ былъ прямымъ начальникомъ въ отношеніи ген.-прокурора; но всѣ сношенія кн. Трубецкого и Кабинета сводились исключительно къ посреднической функціи ген.-прокурора между сенатомъ и Кабинетомъ. Ген.-прокуроръ постоянно «объявлялъ» сенату резолюціи Кабинета на сенатскія «доношенія», и также постоянно передавалъ отъ Кабинета тѣ или иные приказанія сенату [3]). Такая роль Трубецкого не могла не возвышать его престижа въ сенатѣ, какъ докладчика сенатскихъ дѣлъ въ высшемъ учрежденіи Имперіи.

Однако, рядомъ съ этими видоизмѣненіями въ сферѣ и въ тонѣ дѣятельности ген.-прокурора разсматриваемаго момента сравнительно съ нормами, «Должности» 1722 г., основныя по той-же «Должности» функціи ген.-прокурора по надзору и контролю хода управленія сохраняли свое мѣсто въ дѣятельности кн. Трубецкого; но также несомнѣнно, что этого рода функціи исполнялись ген.-прокуроромъ въ очень и очень ограниченномъ масштабѣ. Въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ случаевъ проявленія такой надзирающей дѣятельности кн. Трубецкого побудительной причиной являлись челобитныя, попадавшія или непосредственно отъ челобитчика, или передаваемыя отъ какого-либо другого учрежденія (Кабинета, напр.) къ ген.-прокурору. Но и тутъ почти всегда ген.-прокуроръ (или его замѣняющій оберъ-прокуроръ) ограничиваются простой передачей сенату сущности челобитья, безъ всякихъ со своей стороны замѣчаній и заключеній про-

---

[1]) „Сенатскій Архивъ", т. V, ст. 24.

[2]) Ib. ст. 71.

[3]) См. ib., т. IV, стр. 54, 409; т. V, ст. 49—50, 190, 192, 200; т. II, стр. 115.

сто «для разсмотрѣнія» [1]). И только въ одномъ случаѣ удается констатировать, что ген.-прокуроръ рѣшился высказаться по поводу челобитья, и то такого, въ которомъ заключалась просьба объ усиленіи размѣра жалованія, что̀ кн. Трубецкой находилъ справедливымъ сдѣлать въ данномъ случаѣ [2]).

Шелъ надзоръ и контроль, — хотя, видно, также очень вялый, — и за дѣятельностью областныхъ учрежденій. Въ дѣлопроизводствѣ сохранились, во-первыхъ, «репорты» нѣкоторыхъ прокуроровъ о теченіи дѣлъ (т. е. о количествѣ рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ дѣлъ) и о колодникахъ, а, во-вторыхъ, донесенія ихъ по поводу ихъ протестовъ о непорядкахъ въ ихъ надзору подчиненныхъ учрежденіяхъ. Такого рода донесенія и репорты были отъ прокуроровъ Архангелогородской и Сибирской губ. [3]).

Управленіе сенатской канцеляріей тоже, очевидно, оставалось, согласно «Должности», всецѣло въ рукахъ ген.-прокурора [4]).

Оберъ-прокуроровъ при кн. Трубецкомъ было всего двое; сначала — Бахметевъ, а затѣмъ Брылкинъ; въ разсматриваемое время регентства Анны Леопольдовны «управляющимъ въ сенатѣ оберъ-прокурорскую должность» былъ Брылкинъ, хотя первые дни оставался Бахметевъ, назначенный на эту должность по представленію кн. Трубецкого, о чемъ Бахметеву въ сенатѣ было объявлено 4 ноября 1740 г., съ котораго дня онъ и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей; но въ январѣ слѣдующаго, 1741 года Минихъ объявилъ сенату, что, «по соизволенію Е. И. В. высокоповелительнаго генералиссимуса велѣно при здѣшней командѣ за недовольствомъ генералитета быть ген.-л. и сенатору Ив. Ив. Бахметеву», причемъ, конечно, онъ уже не могъ болѣе исполнять оберъ-прокурорскую должность. И только 18 сентября 1741 г. сенатъ «приказали» по именному указу «объ управленіи оберъ-прокурорской въ сенатѣ должности дѣйствительному камергеру Ивану Брылкину... учинить исполненіе» [5]). Оба эти помощника кн. Трубецкого, видимо, были совершенно безличны, въ своей дѣятельности, неразрывно сливаясь со своимъ шефомъ, кн. Трубецкимъ.

---

[1]) См. „Сенатскій Архивъ“, т. II, стр. 222—223, 237, 509, 106, 125, 152, 216; т. III, стр. 406, 433, и др.

[2]) Ibid, т. IV, стр. 255—256.

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1666, л. 550 и слѣд.

[4]) См. „Сенатскій Архивъ“, т. II, ст. 163; т. IV, ст. 66, 78, 289, 402 и др.

[5]) См. „Сенатскій Архивъ“, т. II, ст. 88—89, 93, 446, 142—143; т. IV, стр. 419, 467.

VII.

Вопросъ объ уничтоженіи, объ уничтоженіи формальномъ, генералъ-прокуратуры и всего института прокуратуры былъ ясно поставленъ, почти рѣшенъ положительно, съ принятіемъ нѣкоторыхъ соотвѣтственныхъ мѣръ, въ регентство Анны Леопольдовны. И совершенно иначе смотрѣли на этотъ институтъ въ регентство Бирона; въ это время только-что укрѣпившійся новый ген.-прокуроръ подаетъ обширный «всеподданнѣйшій докладъ», въ которомъ констатируетъ, что «нынѣ въ сенатѣ и въ синодѣ оберъ, а въ сенатской конторѣ и во многихъ коллегіяхъ и прочихъ судебныхъ мѣстахъ и губерніяхъ прокуроровъ не состоитъ; а въ нѣкоторыхъ, хотя и есть, токмо люди къ тому неспособные»; а потому кн. Трубецкой, дабы имѣть себѣ «во всѣхъ мѣстахъ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ», проситъ о назначеніи всюду прокуроровъ; кандидатовъ на всѣ эти мѣста онъ называлъ въ особомъ спискѣ, приложенномъ къ «всеподданнѣйшему докладу». Здѣсь намѣчалась цѣлая сѣть агентовъ ген.-прокуратуры. Во-первыхъ, намѣчались два оберъ-прокурора,—одинъ—для сената, другой—для синода; затѣмъ намѣчался прокуроръ въ Московскую контору сената, поставленный хотя и ниже оберъ-прокуроровъ, но въ то-же время выше обычныхъ коллежскихъ прокуроровъ; «оный хотя прежде и не былъ въ такомъ рангѣ опредѣленъ,—пишетъ по этому поводу кн. Трубецкой,—но нынѣ неотмѣнно и нужно опредѣлить надлежитъ, ибо онъ долженъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи всѣхъ тамошнихъ мѣстъ,—также и замосковскихъ губерній,—прокуроровъ; и для того надлежитъ ему быть рангомъ выше коллежскихъ прокуроровъ». Затѣмъ, на третьемъ мѣстѣ, по «рангу», шли прокуроры въ коллегіяхъ: военной, адмиралтейской, юстицъ, каморъ, коммерцъ, ревизіонъ, вотчинной, штатсъ-конторы; затѣмъ, на четвертомъ мѣстѣ стояли прокуроры губернскіе (14 губерній) и прокуроры: генералъ-бергъ-директоріума, коллегіи экономій, канцелярій отъ строеній, монетной канцеляріи, фортификаціонной конторы и ямской канцеляріи. Всего было тутъ намѣчено 36 прокурорскихъ мѣстъ и столько-же названо кандидатовъ къ нимъ. Весь этотъ докладъ ген.-прокурора въ его цѣломъ получилъ одобреніе и утвержденіе регента, т. е. Бирона, за исключеніемъ только одного прокурорскаго назначенія, такъ-какъ почему-то надо было назначить куда-либо прокуроромъ лейбъ-гвардіи ротмистра Ржевскаго, котораго не было въ спискѣ кандидатовъ, представленномъ кн. Трубецкимъ, почему этотъ Ржевскій и былъ

вставленъ въ списокъ, взамѣнъ одного изъ кандидатовъ генералъ-прокурора. 4 ноября 1740 года указъ объ утвержденіи такого ген.-прокурорскаго «доношенія» былъ изложенъ кн. Трубецкимъ сенату въ соотвѣтственномъ его «предложеніи», въ результатѣ котораго сенатъ и постановилъ, о приведеніи его въ исполненіе [1]. Но времена измѣнились. 25 ноября того-же года, т. е. черезъ три недѣли, уже въ регентство Анны Леопольдовны, въ указѣ на имя ген.-губернатора Лифляндіи гр. Ласси за подписью Анны было, между прочимъ, написано: «того ради мы за благо разсудили къ такой коммиссіи (дѣло шло о секвестрѣ всѣхъ маетностей бывшаго регента) наиглавнѣйше и, яко главнаго оной директора, употреблять Васъ, придавъ Вамъ ген.-экономіи директора бар. ф.-Менгдена и регирунгсъ-рата ф.-Будберга, а отсюда—ген.-прокурора и дѣйствительнаго тайн. сов. кн. Никиту Трубецкого». 27 ноября уже кн. Трубецкой выѣхалъ по этому дѣлу въ Ригу [2]. Такъ ген.-прокуроръ былъ временно отстраненъ отъ своей должности, а черезъ 2 недѣли, 15 декабря 1740 г. послѣдовалъ именной указъ (его подлинника мы найти не могли), которымъ хотя и утверждались оберъ-прокуроры въ сенатѣ и синодѣ, однако тутъ-же повелѣвалось «о произведеніи въ коллегіи, канцеляріи и въ губерніи прокуроровъ по прежнему указу исполненія не чинить, понеже объ оныхъ имѣетъ быть разсмотрѣніе вновь» [3]. Однако, оберъ-прокуроръ вновь назначенный въ сенатъ, Бахметевъ,—который, слѣдуя законному порядку, и долженъ былъ замѣнять отсутствующаго ген.-прокурора,—отказался вступать въ свою должность, ссылаясь на то, что онъ «не смѣетъ» этого сдѣлать, такъ какъ, согласно указу отъ 15 декабря, «о сенатскомъ и синодскомъ оберъ-прокурорахъ, такожъ и о прокурорахъ разсмотрѣно будетъ вновь». Такое его рѣшеніе встрѣтило косвенное одобреніе Кабинета; на докладѣ сената о томъ, что за отказомъ Бахметева подписывать рапорты о сенатскихъ засѣданіяхъ (подаваемыхъ на высочайшее имя по старому порядку) «въ *небытность* такихъ чиновъ» (т. е. ген. и об.-прокуроровъ), надлежитъ подписывать или герольдмейстеру, или ген.-рекетмейстеру, Кабинетъ поставилъ слѣдующую резолюцію: «и оные господа кабинетъ-министры приказали: тѣ репорты подписывать генералъ-рекетмейстеру». Итакъ, Кабинетъ согласился съ толкованіемъ Бахметевымъ указа

[1] М. А. М. Ю. „Дѣло съ извѣст. титуломъ" № 121, л. 1—4 и „Сенатскій Архивъ", т. II, 93 стр.
[2] См. „Внутренній бытъ рус. гос."... т. II, стр. 57, и „Сенатскій Архивъ", т. II, 157 стр.
[3] М. А. М. Ю. „дѣла въ извѣст. титуломъ" № 121, л. 68—69.

15 декабря, призналъ этотъ указъ временно упраздняющимъ *всѣ* должности прокурорскія до оберъ-прокурорскихъ включительно. Такимъ образомъ, ген.-прокуроръ былъ фактически временно устраненъ отъ своихъ обязанностей, всѣ остальные представители прокурорскаго института было формально уничтожены, хотя только впредь до новаго пересмотра вопроса о прокуратурѣ [1]).

29 декабря того-же, 1740 года сенатъ выноситъ слѣдующій приговоръ: «въ собраніи пр. сенатъ имѣли разсужденіе, что оберъ-прокуроръ ген.-лейт. г. Бахметевъ по силѣ именного Е. И. В. сего декабря 15 дня указа, въ которомъ написано, что о сенатскомъ и синодскомъ оберъ-прокурорахъ, такожъ и о прокурорахъ, разсмотрѣно будетъ вновь, въ должность оберъ-прокурорскую не вступаетъ; и хотя господа кабинетные министры по докладу чрезъ оберъ-секретаря Демидова о репортахъ, кои подаются Ея Имп. Величеству о засѣданіяхъ, какъ о томъ въ журналѣ 21 числа сего мѣсяца записано, приказали подписывать тѣ репорты генералу рекетмейстеру, однако-жъ подать объ ономъ въ кабинетъ сообщеніе, прописавъ прежній и послѣдній указы, и требовать, повелѣно-ль будетъ ему, ген.-л. Бахметеву, пока о оберъ-прокурорахъ и прокурорахъ разсмотрѣно будетъ вновь и указъ воспослѣдуетъ, должность оберъ-прокурорскую въ сенатъ отправлять» [2]). Это постановленіе приводится въ исполненіе; и 6 января 1741 г. отъ сената поступаетъ въ Кабинетъ «сообщеніе», которымъ, изложивъ все дѣло объ отказѣ Бахметева исполнять свою должность, «сенатъ Кабинету Е. И. В. требуетъ: до будущаго вновь разсмотрѣнія и указу ему, ген.-л. Бахметеву оберъ-прокурорскую должность въ сенатѣ отправлять-ли, понеже ген.-прокуроръ по именному Е. И. В. указу нынѣ во отлученіи» [3]). А еще въ концѣ предшествующаго, 1740 года 30 декабря сенату докладывается слѣдующій указъ за собственноручной подписью Анны Леопольдовны: «всемилостивѣйше указали мы изъ назначенныхъ въ прокуроры изъ нашей гвардіи и прочихъ мѣстъ тѣхъ, кои во ономъ чинѣ быть не пожелаютъ, опредѣлить по ихъ прошеніямъ въ прежнія мѣста» [4]). Сенатъ исполняетъ этотъ указъ, и въ февралѣ представляетъ Кабинету списокъ прокуроровъ, гдѣ отмѣчено, кто изъ прокуроровъ, согласно ихъ прошеніямъ,

---

[1]) См. „Сенатскій Архивъ", II т., 295—296 стр.

[2]) „Сенатскій Архивъ", т. II, стр. 305 и М. А. М. Ю. „дѣла съ извѣст. тит." № 121, л. 67.

[3]) М. А. М. Ю. „дѣло съ извѣст. тит." № 121, л. 68—69.

[4]) М. А. М. Ю. „дѣла съ извѣст. тит." № 121, л. 70.

куда опредѣляется къ другимъ «статскимъ дѣламъ», «а прочихъ (т. е. неподавшихъ подобныхъ прошеній) отставить вовсе» [1]). Получивъ такое «сообщеніе», Кабинетъ однако его не утверждаетъ (т. е. прокуроры всѣ остаются на своихъ мѣстахъ), а кладетъ слѣдующую резолюцію: «по сему представленію напередъ пр. сенату имѣть разсужденіе вмѣсто прокуроровъ для лучшаго порядка и смотрѣнія во исправленіи дѣлъ потребно-ль какіе чины опредѣлить? и представить о томъ въ Кабинетъ Е. И. В. со мнѣніемъ, дабы по тому возможно было и о вышеписанныхъ оставшихъ прокурорахъ опредѣленіе учинить» [2]). Такъ Кабинетъ, боязливо осторожно и не сразу, колеблясь въ исполненіи, но опредѣленно въ своихъ намѣреніяхъ и планахъ задумалъ уничтожить институтъ прокуратуры. Въ отвѣтъ на вышепоставленный запросъ сенатъ 7 апрѣля 1741 г. «приказалъ въ Кабинетъ Е. И. В. подать сообщеніе, въ которомъ представить: ежели Его Импер. Величество прокурорамъ быть не соизволитъ, то какіе-бъ чины вмѣсто ихъ опредѣлить сенатъ иного способу сыскать не можетъ, кромѣ того, что ту прокурорскую должность исправлять и въ лучшемъ порядкѣ за подчиненными и воеводами смотрѣніе имѣть, и по должности прокурорской исправлять, и взыскивать, и по оной въ надлежащія мѣста репортовать могутъ: въ коллегіяхъ—президенты,—а гдѣ президентовъ нѣтъ,—главные члены,—въ губерніяхъ-же—губернаторы и вице-губернаторы, а въ св. синодѣ, который болѣе состоитъ до духовныхъ правленій, а не свѣтскихъ (ибо и коллегія экономіи съ прочими мѣстами, гдѣ сборы и свѣтскія дѣла имѣются, отъ него отрѣшены) потому-жъ ту должность можетъ исправлять изъ первыхъ духовныхъ персонъ. Что-же принадлежитъ до сената, о томъ, чтобъ кому генералъ и оберъ-прокурорское правленіе поручить, мнѣнія никакого сенатъ представить не можетъ, ибо въ сенатѣ въ членахъ главнаго, яко президента, не имѣется, а всенижайше предать оное въ всевысочайшее Его Имп. Величества соизволеніе» [3]). Съ такимъ яркимъ убожествомъ творческой мысли отозвался сенатъ на обращеніе къ нему Кабинета. Не силенъ, видно, этой мыслью былъ и самъ Кабинетъ. Дальнѣйшее теченіе этого дѣла остановилось. Возможно, и сами кабинетные дѣльцы не соображали, что-же они будутъ далѣе дѣлать: съ одной стороны было явное желаніе уничтожить институтъ прокуратуры, а съ

---

1) М. А. М. Ю. „дѣло съ извѣст. тит." № 121, л. 84.
2) Ib. л. 93.
3) Ib. л. 100.

другой,—было стремленіе его всетаки чѣмъ-либо замѣнить; вотъ передъ этимъ творческимъ моментомъ и остановились кабинетные министры, ни на что не рѣшаясь. А между тѣмъ кн. Трубецкой вернулся изъ Риги въ срединѣ 1741 года и вновь автоматически занялъ должность ген.-прокурора; затѣмъ всего черезъ 4—5 мѣсяцевъ пало и все кабинетное правленіе: на престолъ взошла Елизавета.

Итакъ, во время кабинетнаго правленія ясно видно, что, съ одной стороны,—сенатъ и генер.-прокуратура отнюдь не всегда солидарно и согласно вели общее дѣло; а съ другой,—компетенція ген.-прокурорской власти вовсе не являлась тождественной компетенціи сената. Если ген.-прокурорская власть и въ это время сохраняетъ тѣ ея основныя функціи, которыя предначертываетъ Петровская «Должность», то также несомнѣнно, что во время кабинетнаго правленія эти основныя функціи расширяются, дополняются совсѣмъ въ другомъ направленіи, въ направленіи присвоенія генералъ-прокурорской властью административныхъ, распорядительныхъ функцій. А въ то же время способный, авторитетный и пользовавшійся довѣріемъ представитель генер.-прокурорской власти, какимъ явился Анисимъ Масловъ, уже пріобрѣталъ особенно опредѣленный уклонъ въ сферѣ своей компетенціи къ видоизмѣненію власти собственно ген.-прокурорской, только надзирающей и контролирующей, во власть чисто административную, власть «министерскую», преимущественно проявлявшуюся въ дѣлахъ финансоваго (въ широкомъ смыслѣ этого слова) хозяйства страны. Такимъ образомъ, то, что ясно вырисовалось при Екатеринѣ II, при тоже авторитетномъ, способномъ и довѣренномъ генералъ-прокурорѣ, при тоже безсильномъ и приниженномъ сенатѣ, уже проявилось еще при императрицѣ Аннѣ въ аналогичныхъ условіяхъ.

Превратности послѣднихъ годовъ кабинетнаго режима, перемѣна на престолѣ и перемѣна регентствъ внѣшне отразились на судьбахъ ген.-прокуратуры, при чемъ возникъ даже планъ ея уничтоженія; и, несмотря на это, внутренняя исторія этого института стояла опять-таки на томъ же пути, на который она болѣе или менѣе ясно стала въ предшествующее десятилѣтіе. Министерская роль ген.-прокурора продолжала имѣть свое мѣсто, съ одной стороны, по иниціативѣ въ этомъ направленіи верховной власти, съ другой стороны,—она проявлялась на почвѣ контрольно-надзирающей власти ген.-прокурора въ отношеніи всего подуказнаго управленія Россіи того времени. Если,—далѣе,—въ регентство (слишкомъ

кратковременное) Бирона не замѣтно руководящаго значенія ген.-прокурора въ сенатѣ, то въ регентство Анны Леопольдовны оно проявляется съ достаточной опредѣленностью; и опять сенатъ въ моментъ своего наибольшаго угнетенія оказывается подъ наибольшимъ вліяніемъ, въ наибольшемъ подчиненіи у своего ген.-прокурора. Здѣсь сенатъ покорно и неизмѣнно подчиняется всѣмъ тѣмъ, очень конкретнымъ зачастую, «предложеніямъ», которыя внести въ него заблагоразсудитъ ген.-прокуроръ; а бывали случаи, что даже генер.-прокуроръ осмѣливался лично дѣйствовать *за* сенатъ, *вмѣсто* него, давая распоряженія, которыя post factum сенатъ безпрекословно оформливалъ своими «указами».

Все это не ново; все это въ основныхъ линіяхъ своихъ мы замѣтили существовавшимъ и нараставшимъ уже и ранѣе въ развитіи ген.-прокурорскаго института; все это имѣло мѣсто, даже развивалось далѣе и въ царствованіе Іоанна Антоновича.

ОЧЕРКЪ ШЕСТОЙ.

Генералъ-прокуратура при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

I.

Прежде чѣмъ приступать непосредственно къ изслѣдованію исторіи какого-бы то ни-было учрежденія, является всегда совершенно неизбѣжнымъ точно выяснить тотъ архивный матеріалъ, его качества и свойства, на которомъ будетъ строиться самое изслѣдованіе. Этотъ архивный матеріалъ,—когда рѣчь идетъ объ исторіи какого-либо государственнаго учрежденія,—составляется почти непремѣнно изъ двухъ основныхъ, неравнозначныхъ по важности частей: архивнаго дѣлопроизводственнаго фонда собственно изучаемаго учрежденія и архивныхъ фондовъ иныхъ учрежденій и остатковъ дѣловой дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, съ изучаемымъ учрежденіемъ входившихъ въ сравнительно наиболѣе тѣсныя сношенія. Дѣятельность каждаго государственнаго учрежденія новаго времени, обычно, находитъ себѣ наиполнѣйшее отраженіе и выраженіе въ тѣхъ документахъ, которые скопляются въ этомъ учрежденіи, какъ неисчезающія свидѣтельства его дѣятельности; эти документы въ ихъ совокупности образуютъ то, что обычно именуется дѣлопроизводственнымъ фондомъ даннаго учрежденія. Не трудно видѣть, что нигдѣ и ни въ чемъ не представляется возможнымъ найти болѣе точныхъ и полныхъ слѣдовъ дѣятельности учрежденія, чѣмъ именно въ такомъ фондѣ; слѣдовательно, этотъ матеріалъ является самымъ цѣннымъ матеріаломъ и для исторіи учрежденія. Мы, конечно, при этомъ имѣемъ въ виду тѣ общія дѣлопроизводственныя формы и нормы, какія въ новое время можно считать достаточно однообразно установленными, въ ихъ общемъ видѣ,—во всякомъ случаѣ въ русской правительственной практикѣ. Можно принять въ общей формѣ, что полный и достовѣрный дѣлопроизводственный фондъ того или иного учрежденія даетъ не только основной, главнѣйшій матеріалъ для его, этого учрежденія, исторіи, но

можетъ быть признанъ достаточнымъ для выясненія основныхъ чертъ этой исторіи, такъ какъ дѣятельность учрежденія, обычно совершенно полно отражается именно въ его дѣлопроизводственномъ фондѣ.

Вторая, выше намѣченная часть матеріала играетъ обычно, при наличности первой, только вспомогательную роль. Вѣдь очень многіе слѣды дѣятельности даннаго учрежденія, которые можно бываетъ найти въ фондахъ наиболѣе близко къ нему стоявшихъ учрежденій и лицъ, имѣются отмѣченными, иногда даже полнѣе (нѣсколько редакцій, черновики съ поправками и проч.) уже въ первой части матеріала, т.-е. въ основномъ дѣлопроизводственномъ фондѣ.

Итакъ, при наличности основного дѣлопроизводственнаго фонда даннаго учрежденія можно уже à priori считать, что въ рукахъ изслѣдователя имѣется достаточный основной матеріалъ для возможности построенія исторіи даннаго учрежденія. Но затѣмъ должны быть необходимо поставлены еще три вопроса. Первый изъ этихъ вопросовъ есть вопросъ *о подлинности* даннаго дѣлопроизводственнаго фонда; второй вопросъ—вопросъ о *полнотѣ* этого фонда, и третій вопросъ,—вопросъ объ *исчерпанности* этого фонда. Первый изъ этихъ вопросовъ можетъ быть формулированъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: насколько во всемъ цѣломъ, или въ какихъ частяхъ своихъ данный дѣлопроизводственный фондъ можетъ и долженъ быть признанъ, несомнѣнно, образующимъ основной дѣлопроизводственный фондъ именно учрежденія изслѣдователемъ изучаемаго? Второй вопросъ пробуемъ формулировать такъ: насколько во всемъ цѣломъ своемъ и отдѣльныхъ частяхъ своихъ данный основной дѣлопроизводственный фондъ можетъ и долженъ быть признанъ достаточно полнымъ, для отвѣта на тѣ или иные, ставимые ему изслѣдователемъ, запросы? Наконецъ, третій вопросъ можетъ быть изложенъ такъ: является-ли то, что изслѣдователь имѣетъ въ своихъ рукахъ, какъ дѣлопроизводственный фондъ изучаемаго учрежденія, достаточно исчерпывающе собраннымъ изъ всего того, что̀ могло сохраниться и дойти до изслѣдователя изъ этого фонда во всей его *первоначальной* полнотѣ? Если два вопроса, первый и третій, несомнѣнно, должны быть отнесены къ критической *характеристикѣ* матеріаловъ, то второй вопросъ касается уже критической *оцѣнки* матеріала.

Теперь, слѣдовательно, необходимо подойти къ нашимъ матеріаламъ съ выше намѣченными тремя вопросами.

Въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юст. хранится рядъ дѣлопроизводственныхъ книгъ 18 вѣка, пріуроченныхъ архивными

описями къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ, т. е. составляющимъ, слѣдовательно, основной дѣлопроизводственный фондъ этого учрежденія. Часть этихъ дѣлъ относится къ Елизаветинскому времени, къ дѣйствованію Елизаветинской ген.-прокуратуры. Исторія этихъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ, поскольку окажется возможнымъ её прослѣдить, несомнѣнно даетъ прежде всего возможность, отчасти хотя-бы, выяснить вопросъ о подлинности этого дѣлопроизводственнаго фонда. Для удобства мы начнемъ эту исторію не съ момента образованія этого фонда и до настоящаго времени, а пойдемъ обратнымъ путемъ; тогда будетъ легче и проще идентифицировать эти архивные документы съ подлиннымъ дѣлопроизводственнымъ фондомъ ген.-прокурорскихъ дѣлъ.

Въ Московскомъ Архивѣ М. Ю. подъ рубрикой «генералъ-прокурорскія дѣла», «дѣла по генералъ-прокурорскому департаменту» хранится нынѣ рядъ бумагъ, въ большинствѣ переплетенныхъ, очевидно, еще въ 18 вѣкѣ, въ кожаные переплеты. Помѣщены онѣ среди книгъ сенатскаго дѣлопроизводства; и Елизаветинское время обнимаютъ изъ нихъ по общей архивной нумераціи №№ 8252—8266, 6396—6437, 1667—1724 и 8126—8130. Дѣла въ этихъ книгахъ, какъ видно изъ исторіи Архива, поступили въ него въ 1848 году и отчасти въ 1855 году; до этого времени они хранились въ Петроградѣ, въ Сенатскомъ Архивѣ [1]). При дѣлахъ этихъ сохранились описи, составленныя именно въ этомъ послѣднемъ архивѣ, откуда по нимъ дѣла и были приняты въ «Московскій Сенатскій Разрядный Архивъ» [2]), вошедшій въ составъ Московскаго Архива Мин. Юстиціи. Слѣдовательно, до 1848 года интересующіе насъ фонды хранились въ Петроградскомъ Сенатскомъ Архивѣ. Этотъ послѣдній архивъ въ его первичномъ образованіи «нужно отнести къ моменту возникновенія самого сената» [3]), причемъ онъ «составлялся постепенно изъ рѣшеныхъ дѣлъ, протоколовъ, журналовъ и всего дѣлопроизводства сената» [4]). Находился онъ въ ближайшемъ вѣдѣніи генералъ-прокурора, какъ и всѣ сенатскія учрежденія. Въ 1764 году кн. Вяземскій, только-что назначенный генералъ-прокуроромъ, отдалъ приказъ по сенатской канцеляріи, чтобы «сколь скоро 3 года минуетъ, тобъ переплетая, отдавать всѣ рѣшеныя дѣла съ реестрами въ Архивъ», что подтверждалось и въ слѣдующемъ году. Были

---

[1]) См. „Памятная книжка Сенатскаго Архива“ С.-ПБ. 1913, стр. 114.
[2]) См., напр., книга описей № 102.
[3]) См. „Памят. кн. Сен. Арх.“, стр. 2.
[4]) „Опис. бум. и док. Моск. Арх. Юст.“ т. V, стр. 20.

представлены вѣдомости, и выяснилось, что, «залежи были весьма значительны» [1]). Нѣтъ основаній думать, что генералъ-прокурорскія дѣла исключались изъ этого правила: они тоже оказались вѣдь въ сенатскомъ архивѣ, куда, очевидно, и поступили непосредственно изъ производившаго ихъ учрежденія, т. е. «отъ ген.-прокурорскихъ дѣлъ». Незадолго передъ этимъ, въ 1763 году, сенатскій архивъ былъ переименованъ въ Государственный Архивъ при сенатѣ и соединенъ съ Разряднымъ Архивомъ [2]). Съ 1787 года тамъ началась особенно усиленная разборка дѣлъ. До насъ дошелъ «нарядъ въ силу Высочайшаго Ея Им. Величества повелѣнія 1787 года іюля 6 дня о разборѣ и описи въ разрядномъ архивѣ прежнихъ лѣтъ дѣлъ и столбцевъ» [3]). Въ этомъ «нарядѣ» есть «вѣдомость учиненная Прав. Сената въ разрядной архивѣ о разобранныхъ всѣхъ трехъ отдѣловъ служителями разныхъ присутственныхъ мѣстъ дѣлахъ», въ которой значится между прочимъ: «генералъ прокурорскихъ 742, 744, 746, 750, 751, 752, 753, 754, 760, 762, 764» годовъ. Количество этихъ дѣлъ не помѣчено, къ сожалѣнію. Составленіе вѣдомости относится къ февралю 1790 года [4]). Въ «учиненной 1791 года іюля 5 дня» «вѣдомости, учиненной въ Разрядномъ Архивѣ разобраннымъ въ теченіе четырехлѣтняго времени разныхъ судебныхъ мѣстъ по годамъ и мѣсяцамъ дѣламъ и мелочнымъ, кои за наступленіемъ срочнаго времени не описаны, а расположены по названіямъ бумагъ въ связкахъ; а какихъ оныя судебныхъ мѣстъ, значить подъ симъ»; между другими помѣчены: «генералъ-прокурорскія дѣла 731, 735—1 связка, 742—2 связ., 743—1 связ., 744—2 связ., 746, 750, 751—1 связ., 752—2 связ., 753—2 связ., 754, 756, 760, 762, 763, 766—1 связ. Итого число связокъ—12» [5]). Несомнѣнно, что здѣсь помѣчены не всѣ ген.-прокурорскія дѣла; пропущены они за годы 1745, 1747, 1748, 1749; но и по заглавію вѣдомости видно, что вовсе не требовалось тутъ перечислять все наличное въ Архивѣ ихъ количество. Однако, изъ этихъ данныхъ ясно, что дѣла ген.-прокурорскаго производства уже почти сейчасъ-же вслѣдъ за своимъ окончаніемъ, хранились подъ такимъ именно заглавіемъ въ сенатскомъ архивѣ. Другой вопросъ,

---

[1]) „Памят. кн. Сен. Арх.“, стр. 46 и 47.
[2]) „Памят. книж. Сен. Арх.“, стр. 8 и „Опис. бум. и док. М. А. М. Ю.“ т. V, стр. 20.
[3]) М. А. М. Ю. книга справокъ № 99.
[4]) См. ibidem.
[5]) См. ibidem.

на сколько *все* ихъ количество оказывалось тамъ. Можетъ возникнуть предположеніе, что часть ихъ попала въ другой какой-либо архивъ. Это предположеніе, однако, едва-ли можетъ имѣть мѣсто; въ то время никакихъ иныхъ государственныхъ хранилищъ для бумагъ такого высокаго учрежденія не было конечно, онѣ могли просто оставаться въ самомъ учрежденіи; въ самомъ генералъ-прокурорскомъ департаментѣ, а потомъ когда-либо гораздо позже быть сданными въ какой-либо иной архивъ. Но свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ; съ другой стороны, въ главнѣйшихъ архивныхъ хранилищахъ столицъ, кромѣ Московскаго Архива Мин. Юст., намъ не удалось найти существенныхъ частей ген.-прокурорскихъ фондовъ. Только въ сравнительно позднее время, въ 30-хъ годахъ 19 вѣка очень небольшая часть этого фонда изъ Сенатскаго Архива была передана въ Государственный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ (Петроградъ).

Въ этой части генералъ-прокурорскаго дѣлопроизводственнаго фонда, хранящейся въ XVI разрядѣ за №№ 168 и 169, оказываются собранными, видимо, совершенно случайно, тѣ разрозненные отдѣлы, которые являются почти неимѣющими цѣнности при наличности «ген.-прокурорскихъ дѣлъ» Москов. Архива Мин. Юст. Въ картонахъ подъ № 168-ымъ имѣются, во-первыхъ, разрозненные подлинные доклады кн. Трубецкого императрицѣ Елизаветѣ; но сравнительно очень полное ихъ собраніе мы имѣемъ въ черновикахъ и копіяхъ въ московскомъ фондѣ. Затѣмъ, во-вторыхъ, тамъ имѣются собранными въ большомъ количествѣ всеподданнѣйшіе доклады сената въ подлинникахъ. Если эти доклады шли чрезъ ген.-прокурора, то несомнѣнно они не могутъ быть по существу причислены къ ген.-прокурорскому дѣлопроизводственному фонду, попадая туда только внѣшне формально. Затѣмъ, въ-третьихъ, тутъ имѣются крайне незначительные по количеству и совершенно неинтересные по содержанію отрывки изъ ген.-прокурорскаго дѣлопроизводства при Глѣбовѣ. Въ картонахъ подъ № 169-ымъ того же разряда хранятся бумаги, относящіяся, несомнѣнно, уже къ Екатерининскому времени, а потому выходящія уже за нами изучаемые хронологическіе предѣлы.

Итакъ, кое-что изъ ген.-прокурорскихъ дѣлъ, случайно попавшее въ Государственный Архивъ М. И. Д., не даетъ новаго матеріала для исторіи Елизаветинской ген.-прокуратуры. Все это, косвенно хотя, но опредѣленно, свидѣтельствуетъ о томъ, что, кромѣ сенатскаго архива, дѣлопроизводственный ген.-прокурорскій фондъ больше никуда не попадалъ въ его основныхъ

и цѣнныхъ частяхъ; а поэтому въ этомъ архивѣ и надо имѣть, во всякомъ случаѣ, сохраненной его *основную* часть. Такимъ образомъ, если обратиться къ исторіи тѣхъ книгъ, которыя нынѣ называются въ Москов. Архивѣ М. Ю. «генералъ-прокурорскими дѣлами», то несомнѣнно можно заключать, что есть полная возможность именно для даннаго Архива имѣть въ его составѣ такія «дѣла», являющіяся основнымъ дѣлопроизводственнымъ фондомъ генералъ-прокуратуры въ Елизаветинское время. Кромѣ того, можно съ достаточной вѣроятностью предполагать, что тутъ будетъ собрана во всякомъ случаѣ основная часть этого фонда. Теперь, слѣдовательно, ставится вопросъ объ идентификаціи, вопросъ о томъ, насколько мы имѣемъ право тѣ книги, которыя нынѣ въ Москов. Архивѣ М. Ю. носятъ наименованіе «ген.-прокурорскихъ дѣлъ», отнести именно къ выше намѣченному дѣлопроизводственному фонду, тѣмъ, значитъ, отожествить «генералъ-прокурорскія дѣла» вѣдомостей 1789—1791 г.г. съ нынѣ такъ озаглавленными въ Архивѣ книгами.

Въ книгѣ № 102 описей сенатскихъ книгъ, находящейся въ Москов. Архивѣ М. Ю., имѣется вплетеннымъ рядъ отдѣльныхъ описей-«реестровъ» дѣлъ, строго соотвѣтствующихъ содержаніемъ (каждая отдѣльной книгѣ) съ тѣми «генералъ-прокурорскими дѣлами» по терминологіи Москов. Арх. М. Ю., о которыхъ мы только-что выше говорили. Такимъ образомъ несомнѣнно, что эти «реестры» являются именно описями намъ нынѣ извѣстныхъ подъ архивнымъ наименованіемъ «генералъ-прокурорскихъ дѣлъ». Почти всѣ эти реестры носятъ слѣдующій рядъ заглавій: 1. «реестръ рѣшенымъ дѣламъ (или просто: рѣшеныя дѣла) *по генералъ-прокурорскому департаменту* по резолюціямъ господъ генерала и оберъ-прокуроровъ»; 2. «реестръ рѣшенымъ дѣламъ (или просто: рѣшеныя дѣла) Прав. Сенатомъ *по генералъ-прокурорскому департаменту»*; 3. «реестръ рѣшенымъ дѣламъ *по генералъ-прокурорскому департаменту* по резолюціямъ (или опредѣленіямъ) Прав. Сената»; 4. «реестръ по рѣшенымъ дѣламъ *по экспедиціи генералъ-прокурорской»*; 5. «реестръ рѣшенымъ юнкерскимъ дѣламъ *по экспедиціи генералъ-прокурорской»*; 6. «реестръ интереснымъ и челобитчиковымъ рѣшенымъ дѣламъ *по генералъ-прокурорскому департаменту»*; 7. «реестръ рѣшенымъ дѣламъ *по генералъ-прокурорскому департаменту*, касающимся до сенацкой роты»; 8. «реестръ рѣшенымъ *по генералъ-прокурорскому департаменту* дѣламъ по резолюціямъ к журнальнымъ запискамъ»; 9. «реестръ рѣшенымъ дѣламъ *по генералъ-прокурорскому правленію»*. Такъ озаглавлено подавляющее

большинство нами вышеотмѣченныхъ реестровъ, собою отражающихъ содержаніе архивнаго фонда генералъ-прокурорскихъ дѣлъ. Слѣдовательно, если вѣрить этимъ «реестрамъ», то, дѣйствительно мы должны будемъ огромное (за немногими исключеніями) большинство вышеназваннаго архивнаго фонда признать тождественнымъ съ генералъ-прокурорскимъ подлиннымъ дѣлопроизводственнымъ фондомъ, о которомъ написано, какъ имѣвшемся въ сенатскомъ архивѣ въ девяностыхъ годахъ XVIII в., судя по вышепомянутымъ «вѣдомостямъ». Но теперь ставится слѣдующій вопросъ: насколько мы можемъ довѣрять номенклатурѣ этихъ реестровъ? Тутъ необходимо условиться, что опредѣленіе принадлежности данныхъ дѣлъ къ данному дѣлопроизводственному фонду надо считать выполненнымъ, согласно прямому о томъ свидѣтельству соотвѣтственнаго учрежденія; если само данное установленіе (или ему близкое и современное) данныя «дѣла» относитъ къ данному дѣлопроизводственному фонду, то это надо считать достаточнымъ для установленія дѣлопроизводственной принадлежности «дѣлъ». Такимъ образомъ, если разсматриваемые «реестры» являются современными самимъ дѣламъ и вышедшими изъ къ нимъ близкаго или ихъ породившаго учрежденія, то у насъ нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ дѣлопроизводственной принадлежности «дѣлъ» согласной съ номенклатурой, принятой реестрами.

По архивнымъ порядкамъ Екатерининскаго царствованія,— когда дѣла Елизаветинской прокуратуры попали уже, какъ мы выше видѣли, въ сенатскій архивъ,—требовалось, чтобы «дѣла» сдавались въ архивное хранилище при полныхъ ихъ реестрахъ, составленныхъ тѣмъ отдѣломъ общесенатскаго дѣлопроизводства, которому принадлежали сдаваемыя дѣла [1]). Такъ-какъ такой порядокъ устанавливалъ генералъ-прокуроръ (кн. Вяземскій), то, понятно, что онъ долженъ былъ особенно строго и точно исполняться именно въ его дѣлопроизводствѣ. Итакъ, если мы убѣдимся въ современности этихъ изучаемыхъ реестровъ и въ принадлежности ихъ или Елизаветинскому генералъ-прокурорскому производству, или сенатскому архиву того времени, то тогда надо принять номенклатуру этихъ реестровъ, какъ достаточно точно и достовѣрно опредѣляющую подлинный дѣлопроизводственный фондъ разсматриваемыхъ книгъ-дѣлъ. А убѣдиться въ этомъ нетрудно. Всѣ интересующіе насъ реестры написаны на бумагѣ и по общему виду своему, и по водянымъ знакамъ («коммерцъ-коллегіи», а также оградка

[1]) См. „Памятн. кн. Сенат. Арх." стр. 17—18.

«pro patria», см. Лихачевъ, «Бумага и пр.» № 570, № 569 и №№ 575—577) несомнѣнно бывшей въ общеканцелярскомъ употребленіи въ Россіи въ предѣлахъ средины XVIII вѣка и исчезающей къ его концу. Почеркъ написанія — чрезвычайно характеренъ для хорошаго канцелярскаго почерка того же времени. Такъ что внѣшность «реестровъ» не оставляетъ сомнѣній въ ихъ современности дѣламъ. Затѣмъ, такія же доказательства можно найти и при разсмотрѣніи редакціи ихъ. Именно, во-первыхъ, очень характерна именно для XVIII в., и никакъ не для XIX в., та редакція заглавій реестровъ, которая является выдержанной въ одномъ тонѣ во всѣхъ реестрахъ; а, во-вторыхъ, реестръ для дѣлъ кн. № 1675 озаглавленъ такъ: «реестръ дѣламъ рѣшенымъ и поступившимъ *въ нынѣшнемъ 1744 году* слѣдующимъ ниже сего къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ». Слѣдовательно, этотъ реестръ былъ составленъ *одновременно* съ окончаніемъ заключенныхъ въ немъ дѣлъ, а реестръ этотъ и по внѣшности, и по внутреннимъ признакамъ абсолютно подобенъ всѣмъ прочимъ.

Затѣмъ о части книгъ-дѣлъ разсматриваемаго фонда необходимо сказать, что онѣ имѣютъ на себѣ наличныя, по бумагѣ, почерку и редакціи несомнѣнно приблизительно современныя самимъ дѣламъ, а передъ самими бумагами, послѣ переплета, особый листъ, съ обозначеніемъ на немъ общаго имени той дѣлопроизводственной формы, часть которой заполняетъ собой данную книгу. И въ редакціи названій формъ въ большинствѣ случаевъ входятъ выраженія: «по генералъ-прокурорскому департаменту», или: «отъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ». Такимъ образомъ эта часть фонда и по этой современной номенклатурѣ является, несомнѣнно, относящейся къ дѣлопроизводству генералъ-прокуратуры.

Таковы тѣ данныя изъ исторіи изучаемаго архивнаго фонда и изъ разсмотрѣнія его нѣкоторыхъ внѣшнихъ признаковъ, которыя убѣждаютъ достаточно опредѣленно, въ необходимости отожествить этотъ архивный фондъ, въ его общемъ цѣломъ, съ подлиннымъ дѣлопроизводственнымъ фондомъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ Елизаветинскаго времени.

Однако, при разсмотрѣніи болѣе подробномъ этихъ книгъ-дѣлъ, можно указать на рядъ признаковъ, еще болѣе незыблемо указывающихъ тождество этихъ двухъ фондовъ. Первый изъ такихъ признаковъ тотъ, что въ дѣлахъ этихъ всѣ бумаги, исходящія по содержанію и наименованію своему «отъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ», являются представленными только и исключительно въ видѣ черновиковъ-отпусковъ. Такого рода

явленіе можно встрѣтить по правиламъ канцелярскаго дѣлопроизводства XVIII в. *только* въ фондахъ учрежденія, *посылающаго* такія бумаги; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, только въ фондѣ «генералъ-прокурорскихъ» дѣлъ. Затѣмъ, бумаги «входящія», бѣловыя являются въ основной части своей состоящими изъ документовъ, адресованныхъ «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ», или на имя генералъ-прокурора, что́ тоже является опредѣляющимъ фондъ учрежденія. Тутъ, конечно, надо считаться и съ возможностью, что данное установленіе имѣетъ дѣла, переданныя ему уже *послѣ* ихъ производства *другимъ* учрежденіемъ или по наслѣдованію функцій, или какъ приложенія къ какой-либо бумагѣ, собственно до него касающейся. Но такого рода явленіе, конечно, можетъ имѣть характеръ только спорадическаго явленія, а отнюдь не постояннаго въ данномъ дѣлопроизводственномъ фондѣ: постоянство въ адресованіи бѣловыхъ бумагъ, проведенное болѣе или менѣе систематически во всемъ фондѣ, уже опредѣленно указываетъ на прямую принадлежность даннаго фонда тому учрежденію, котораго наименованіе встрѣчается въ заголовкѣ документовъ. Именно такое положеніе вещей имѣется къ разсматриваемомъ фондѣ.

Кромѣ того, нерѣдко въ этихъ книгахъ-дѣлахъ встрѣчаются такія дѣлопроизводственныя формы, которыя могли по самому смыслу своему имѣть мѣсто *только* въ фондахъ генералъ-прокурорскаго дѣлопроизводства. Это ясно сразу изъ нѣкоторыхъ хотя-бы названій такихъ формъ; такъ, въ книгѣ № 1677 вплетена «книга записная входящимъ по интереснымъ дѣламъ 1745 году по генералъ-прокурорскому департаменту» (л. 904 и слѣд.), или въ кн. 6414 вплетены формы: «книга входящая генералъ-прокурорскому департаменту интереснымъ дѣламъ генваря съ 5 числа 1754 году», или «книга входящая по генералъ-прокурскому департаменту челобитчиковымъ дѣламъ генваря съ 13 числа 1754 году»; или: въ кн. № 6410 вплетена: «тетрадь записная входящимъ интереснымъ дѣламъ по генералъ-прокурорскому департаменту 1753 г.»; та же форма за другіе годы вплетена въ кн. № 6408, 6399, 6402 и друг.; въ кн. № 6401 вплетена: «тетрадь записная входящимъ доношеніямъ и репортамъ по генералъ-прокурорскому департаменту» и «тетрадь записная входящимъ по челобитчиковымъ дѣламъ по генералъ-прокурскому департаменту 1749 году»; въ кн. № 6405 вплетена: «книга записная по генералъ-прокурорскому департаменту посылаемымъ въ разныя мѣста предложеніямъ, приказамъ, ордерамъ и прочимъ исходящимъ». Тутъ же есть

опять «книга записная входящимъ челобитчиковымъ дѣламъ по генералъ-прокурорскому департаменту 1751 году». Или въ кн. № 6432 вплетена, напримѣръ, такая форма: «посланныя отъ его свѣтлости господина генерала фельдмаршала и кавалера князя Никиты Юрьевича Трубецкого къ разнымъ персонамъ и отъ нихъ полученныя письма», и т. п.

Можно отмѣтить еще нѣсколько болѣе мелкихъ доказательствъ внѣшняго характера принадлежности разсматриваемыхъ документовъ къ подлинному дѣлопроизводственному фонду генералъ-прокурорскихъ дѣлъ. На протяженіи всѣхъ книгъ № 1667–1699 и 6396–6437 постоянно встрѣчаются *подлинные* (за подлинными подписями) акты дѣятельности именно генералъ-прокуратуры, такъ-называемые «опредѣленія» или приказы. Мѣсто этимъ подлиннымъ актамъ могло быть по общеканцелярской практикѣ 18 вѣка *только* въ дѣлахъ того учрежденія, отъ котораго исходили эти «опредѣленія»-приказы [1]). Затѣмъ, иногда въ изучаемыхъ книгахъ можно встрѣтить большія группы незначительныхъ по содержанію бумагъ, направленныхъ точно «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ» и представляющихъ собой подлинные «репорты» подчиненныхъ генер.-прокурору прокуроровъ, шаблонно составленныхъ по заранѣе данной формѣ. По канцелярской техникѣ 18 вѣка такого рода скопленія такихъ документовъ можно находить только въ подлинныхъ фондахъ тѣхъ учрежденій, куда эти бумаги были направляемы; въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, передъ нами—лишнее свидѣтельство принадлежности изучаемыхъ книгъ именно къ генералъ-прокурорскому дѣлопроизводственному фонду [2]). Въ книгѣ № 6408, напримѣръ, есть черновыя бумаги, которыя, видимо, были приготовлены уже въ бѣловомъ видѣ, подписаны ген.-прокуроромъ кн. Трубецкимъ, и только послѣ подверглись исправленіямъ, благодаря чему превратились въ черновыя и въ такомъ видѣ остались въ дѣлахъ; а иногда на простой черновой дѣлалась помѣта, что она идетъ за подписью ген.-прокурора; ясно, что все это могло имѣть мѣсто только въ подлинномъ дѣлопроизводствѣ генералъ-прокуратуры—и нигдѣ болѣе [3]). Таковъ тотъ рядъ внѣшнихъ признаковъ, болѣе крупныхъ и менѣе крупныхъ, совокупное существованіе которыхъ, однако, опредѣленно рѣшаетъ вопросъ,—съ внѣшней стороны,—о необходимости признать тождество имѣющихся нынѣ въ нашихъ рукахъ въ Моск. Архивѣ М. Ю., такъ

---

1) См. наприм., кн. 6422, 6425, 6419, 6423, 6420, 6416, 6406, 6413 и пр.
2) См. наприм., кн. 6410, 1681 и др.
3) См. также кн. 6406, 6413, 6418, 6412, 6409, 6434 и друг.

называемыхъ «генералъ-прокурорскихъ дѣлъ» съ подлиннымъ дѣлопроизводствомъ Елизаветинской генералъ-прокуратуры.

Кромѣ того, дальнѣйшему разрѣшенію того-же вопроса о подлинности могутъ содѣйствовать и нѣкоторыя наблюденія надъ внутреннимъ составомъ, содержаніемъ, изучаемыхъ документовъ. Если мы, съ одной стороны, примемъ во вниманіе основные моменты внутренняго содержанія дѣятельности ген.-прокуратуры такъ, какъ въ самыхъ основныхъ общихъ чертахъ вырисовываются они изъ «Должности» 1722 года, и обратимся, имѣя это въ виду, къ изучаемымъ документамъ, то въ нихъ найдемъ сравнительно полное и точное осуществленіе этихъ моментовъ на практикѣ, чтò, очевидно, можно найти только въ «генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ».

Съ другой стороны, если мы выдѣлимъ изъ даннаго фонда одну или двѣ книги его, которыя по *всѣмъ*, внѣшнимъ вообще и по провеніенціи въ частности, признакамъ должны быть несомнѣнно отнесены къ генералъ-прокурорскому фонду, и, если мы сравнимъ ихъ внутреннее содержаніе съ содержаніемъ преобладающаго большинства всѣхъ другихъ книгъ-дѣлъ, то мы прямо увидимъ, что тутъ можно установить полное тождество въ основныхъ моментахъ содержанія, а тѣмъ, слѣдовательно, тождество дѣлопроизводственнаго фонда, изъ котораго вышли *всѣ* эти дѣла-книги. Это не трудно видѣть, если взять, напримѣръ, основныя рубрики содержанія книгъ-дѣлъ №№ 6401 и 1681. Первая изъ нихъ,—кн. № 6401,—содержитъ дѣла, рѣшаемыя «по генералъ-прокурорскому департаменту» »по резолюціямъ господъ генерала и оберъ-прокуроровъ», и дѣла эти по содержанію своему являются или дѣлами до личнаго состава подчиненныхъ генералъ-прокурору учрежденій относящимися; или дѣлами хозяйственнаго рода по сенату и по тѣмъ же учрежденіямъ; или дѣлами по межеванію и о геодезистахъ, въ распоряженіи генералъ-прокурора находившихся; или дѣлами объ обычныхъ «репортахъ» отъ прокуроровъ или подчиненныхъ мѣстъ; или дѣлами о направленіи тѣхъ или иныхъ бумагъ, къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ поступавшихъ; или дѣлами въ связи съ разными мелкими порученіями, данными генералъ-прокуроромъ тому или иному подвѣдомственному установленію (чаще всего—доставленіе свѣдѣній или справокъ по какимъ-либо вопросамъ). Почти идентично, содержаніе дѣлъ, одинаково формально проводимыхъ, находимъ мы во многихъ книгахъ разсматриваемаго фонда (№№ 6399, 6403, 6406, 6408 и т. д.), чтò даетъ намъ въ руки еще одинъ, хотя бы и косвенный, но

опредѣленный доводъ къ признанію всѣхъ этихъ книгъ принадлежащими подлинному генералъ-прокурорскому дѣлопроизводственному фонду. Къ тому же выводу приводитъ и разсмотрѣніе содержанія кн. № 1681, сравнительно съ другими книгами того же архивнаго фонда (т. е. отъ № 1667 до № 1699); въ этой книгѣ, озаглавленной: «рѣшеныя дѣла по генералъ-прокурорскому департаменту по резолюціямъ Правит. Сената 1747 году» и подъ этимъ же названіемъ стоящей въ современной описи «реестрѣ», находится рядъ дѣлъ, шедшихъ по предложеніямъ генер.-прокурора сенату; у нихъ слагается болѣе или менѣе установившаяся дѣлопроизводственная форма (внутренняя), могущая быть сведенной къ такимъ четыремъ частямъ, въ послѣдовательности моей нумераціи обычно располагающимся во взаимномъ слѣдованіи; именно:—1) копія сенатскаго «журнала», оканчивающаго дѣло; 2) «репортъ» прокурора (или рѣже—«предложеніе» сенату ген.-прокурора), по которому дѣло слушается сенатомъ; 3) «репорты» соотвѣтственныхъ учрежденій о полученіи и исполненіи ими указа сената по данному дѣлу; и 4) сравнительно не всегда, какія-либо дополнительныя, къ дѣлу относящіяся бумаги со справками, прошеніями, выписками изъ законовъ и т. п. Если мы сравнимъ такое содержаніе книги № 1681 и особенно вышеприведенный формуляръ «дѣлъ» по генералъ-прокурорскимъ предложеніямъ сенату съ нѣкоторыми другими книгами и частями ихъ изъ разсматриваемаго архивнаго фонда, то увидимъ почти полное тождество. Сравн., напримѣръ, кн. №№ 1674, 1676, 6418, 6424, 6421 и др. со взятой нами книгой № 1681-й.

Такъ, совокупностью разнаго рода данныхъ внѣшней и внутренней характеристики разсматриваемаго архивнаго фонда, названнаго архивными описями «дѣлами генералъ-прокурора» приходится убѣждаться, что передъ нами находятся подлинныя части дѣлопроизводства Елизаветинской генералъ-прокуратуры. Но изъ этого архивнаго фонда, однако, приходится исключить, какъ несомнѣнно не принадлежащія къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ, и по внѣшнимъ и по внутреннимъ признакамъ книги №№ 1679 (очевидно, дѣла прокурора сенатской конторы), 1675 (тоже), 1670 (тоже), 1700 (по сенатской канцеляріи), 1713 (тоже): книги же №№ 1687—1721, по содержанію ничтожныя, нельзя пріурочить, даже приблизительно, къ дѣламъ генералъ-прокурорскимъ, за неимѣніемъ на то никакихъ данныхъ; скорѣе уже придется ихъ причислить къ фонду дѣлопроизводства сенатской канцеляріи, такъ какъ на одной изъ этихъ книгъ,—1687,—есть современная дѣламъ наличка,

гласящая: «книга записная *полученнымъ канцеляріею Прав. Сената* изъ Св. Прав. Синода и изъ сенатской конторы вѣдѣніямъ» . . ., т. е. въ подчеркнутыхъ словахъ прямо указана именно вышеназванная дѣлопроизводственная принадлежность. Къ иному фонду относится и книга № 1684 (по прокуратурѣ сенатской конторы).

До сихъ поръ мы имѣли въ виду почти исключительно ту часть (бо́льшую) архивнаго фонда «дѣлъ» генералъ-прокурорскихъ, которая заключается въ кн. №№ 6396—6437 и кн. №№ 1667—1724. Эта часть вмѣщаетъ въ себѣ почти исключительно дѣлопроизводственную форму, извѣстную нашему времени, и донынѣ обычно именуемую «дѣломъ». Другая же часть этого архивнаго фонда,—несравненно меньшая,—является заполненной другой дѣлопроизводственной формой XVIII вѣка, которую можно объединить терминомъ: «книги записныя»; это—книги №№ 8252—8255, 8257—8266. Книги эти, эту часть архивнаго фонда, названнаго архивными описями тоже «генер.-прокурорскими дѣлами», надо равнымъ образомъ признать частью подлиннаго дѣлопроизводства «генералъ-прокурорскихъ дѣлъ» Елизаветинскаго времени. Почти всѣ эти книги переплетены въ папковые переплеты, современные имъ, и имѣютъ всѣ (кромѣ одной, № 8258) современныя же ихъ заглавія, по всѣмъ внѣшнимъ даннымъ несомнѣнно относящіяся ко времени самаго веденія этихъ книгъ «у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ». И бумага, и способы написанія ясно свидѣтельствуютъ о срединѣ XVIII вѣка. О томъ же говорятъ и внутреннее содержаніе ихъ, и имена собственныя, тамъ встрѣчающіяся,—имена генералъ и оберъ-прокуроровъ; да и самое содержаніе ихъ опредѣленно говоритъ, что ни въ какомъ иномъ дѣлопроизводственномъ фондѣ такихъ книгъ существовать не могло; это—все книги, гдѣ были записаны и подлинными подписями закрѣплены дѣйствія генералъ-прокуратуры. Это—во-первыхъ, «книги записныя», «предложеній», дѣлавшихся генералъ-прокуроромъ сенату «по генералъ-прокурорскому департаменту» и посылавшихся имъ «въ разныя мѣста» (напримѣръ, кн. №№ 8290, 8261, 8257, 8255); это, во-вторыхъ, «книги записныя» «приказамъ» или «ордерамъ», которые давались генералъ-прокуроромъ разнымъ отъ него зависимымъ установленіямъ: это,—въ третьихъ,—«книги записныя» разнымъ «резолюціямъ», по различнымъ дѣламъ, вынесеннымъ властью генералъ-прокурора (обычно вмѣстѣ съ оберъ-прокуроромъ). Такимъ образомъ, это все запечатлѣнные на бумагѣ акты дѣятельности генералъ-прокуратуры. Ясно, что такого рода

дѣлопроизводственная форма, отражающая и изображающая собой дѣятельность самаго учрежденія, не можетъ имѣть мѣста ни въ какомъ иномъ дѣлопроизводственномъ фондѣ, кромѣ дѣлопроизводственнаго фонда того учрежденія, дѣятельность котораго санкціонируетъ, какъ-бы запечатлѣвая, данная форма дѣлопроизводства. Въ силу всего вышеизложеннаго и эту часть архивнаго фонда «генералъ-прокурорскихъ дѣлъ» является тоже необходимымъ признать принадлежащей къ подлинному дѣлопроизводственному фонду генералъ-прокуратуры Елизаветинскаго времени.

Въ этой же части архивнаго фонда есть еще книга за № 8256, о которой приходится сказать отдѣльно нѣсколько словъ. Книга эта носитъ современное ей заглавіе: «реестры о разныхъ интересныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ 1744 и 1745 годовъ по генералъ-прокурорскому департаменту». Внутри книга эта разграфлена на двѣ основныя графы; одна изъ нихъ носитъ заглавіе: «реестръ къ докладу интереснымъ дѣламъ по генералъ-прокурорскому департаменту», а другая вмѣщаетъ въ себѣ несомнѣнно подлинныя помѣты-резолюціи по поводу этихъ «выписанныхъ въ докладъ» бумагъ, помѣты, сдѣланныя рукой генералъ-прокурора, о дальнѣйшемъ направленіи производства по нимъ. Несомнѣнно, что по существу такого рода дѣлопроизводственная форма подходитъ подъ опредѣленіе вышенамѣченнаго понятія о «книгѣ записной», а поэтому, какъ и по прямому на то же указанію въ заглавіи своемъ,—должна быть отнесена къ подлинному генералъ-прокурорскому дѣлопроизводству Елизаветинскаго времени.

Итакъ, поставленный нами выше первый вопросъ о подлинности того матеріала, на которомъ мы будемъ строить исторію Елизаветинской генералъ-прокуратуры, сводится, какъ видѣли, къ вопросу о возможности отожествить архивный фондъ Москов. Архива Мин. Юст., называемаго «генералъ-прокурорскими дѣлами» (взятыми нами, конечно, въ хронологическихъ предѣлахъ Елизаветинскаго времени) съ подлиннымъ дѣлопроизводственнымъ фондомъ, оставленнымъ генералъ-прокуратурой Елизаветинскаго времени. Это отожествленіе, послѣ всего вышеизложеннаго, представляется вполнѣ правильнымъ и въ достаточной мѣрѣ доказаннымъ въ его необходимости, а тѣмъ самымъ рѣшается первый нами поставленный вопросъ, вопросъ о подлинности того матеріала, надъ которымъ мы будемъ работать въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи, и рѣшается этотъ вопросъ положительно.

Перейдемъ къ рѣшенію третьяго нами вышепоставленнаго вопроса, пока обходя вопросъ второй. Этотъ вопросъ былъ

нами формулированъ такъ: является-ли то, что изслѣдователь имѣетъ въ своихъ рукахъ, какъ дѣлопроизводственный фондъ изучаемаго учрежденія, достаточно исчерпывающе собраннымъ изъ всего того, что могло сохраниться и дойти до изслѣдователя изъ этого фонда во всей *первоначальной* полнотѣ? На такой вопросъ можно найти отвѣтъ въ предыдущемъ изложеніи нашемъ. Мы уже говорили, что дѣлопроизводственный фондъ генералъ-прокуратуры долженъ былъ храниться и сосредоточиваться въ своемъ храненіи исключительно въ томъ Сенатскомъ Архивѣ, который уже въ срединѣ XIX вѣка вошелъ своей частью, — и именно генералъ-прокурорскими дѣлами,—въ составъ того Московскаго Архива Мин. Юстиціи, о фондахъ котораго мы все время и говорили. Съ другой стороны, мы видѣли, что ни въ какихъ иныхъ государственныхъ крупнѣйшихъ архивныхъ хранилищахъ, видимо, не имѣется фондовъ, могущихъ являться имѣющими значеніе частями подлиннаго генералъ-прокурорскаго фонда за Елизаветинское время.

Все это несомнѣнно, однако, не исключаетъ возможности, что еще какія-либо небольшія части, случайные отрывки генералъ-прокурорскаго фонда за Елизаветинское время могутъ находиться въ дѣлахъ какого-либо изъ русскихъ архивныхъ хранилищъ. Но, думается, есть полное основаніе считать, что такая возможность можетъ имѣть мѣсто только именно по отношенію къ отрывкамъ фонда, имѣющимъ совершенно второстепенное значеніе въ сравненіи съ той основной частью его, которую мы только-что выше разсмотрѣли. А потому едвали допустимо предположеніе, чтобы эти второстепенные отрывки,— если-бы даже они и нашлись еще гдѣ-либо, — могли оказать существенное вліяніе на тѣ выводы, которые сдѣланы на основаніи нами разсмотрѣнной главной части фонда. Такимъ образомъ приходится признать,—въ отвѣтъ на выше нами формулированный вопросъ объ исчерпанности,— что все сохранившееся отъ дѣлопроизводства генералъ-прокуратуры въ главной массѣ своей мы имѣемъ достаточно исчерпывающе собраннымъ въ выше разсмотрѣнныхъ дѣлахъ Москов. Архва Мин. Юстиціи; то, что изъ этого могло остаться намъ неизвѣстнымъ, затерявшись въ другихъ архивныхъ хранилищахъ, можетъ быть не принимаемо нами въ обязательное вниманіе, какъ величина, которой возможно пренебречь, вслѣдствіе ея незначительности въ отношеніи къ получаемымъ выводамъ.

Намъ теперь остается еще отвѣтить на второй,—и послѣдній,— вопросъ, нами въ началѣ главы поставленный,

вопросъ, который мы формулировали слѣдующимъ образомъ: насколько во всемъ цѣломъ своемъ и отдѣльныхъ своихъ частяхъ данный дѣлопроизводственный фондъ можетъ и долженъ быть признанъ достаточно полнымъ для отвѣта на тѣ или иные ставимые ему изслѣдователемъ запросы? Этотъ вопросъ можетъ быть разложенъ на двѣ части; это,—во-первыхъ, вопросъ о томъ, какая часть бумагъ или книгъ—дѣлъ изъ общаго полнаго числа ихъ, заключавшагося въ дѣлопроизводствѣ Елизаветинской ген.-прокуратуры дошла до насъ и въ насколько внѣшне цѣльномъ видѣ? Затѣмъ,—во-вторыхъ,—сюда-же будетъ входить и вопросъ о томъ, какія именно части по внутреннему ихъ содержанію сохранились и дошли до насъ изъ этого дѣлопроизводства, и на какіе въ частности вопросы исторіи Елизаветинской ген.-прокуратуры, и въ какой мѣрѣ какія изъ этихъ частей могутъ давать отвѣты. Дать прямой отвѣтъ на первый частный вопросъ въ нашемъ случаѣ чрезвычайно трудно, такъ-какъ у насъ не имѣется для этого никакихъ ясныхъ и точныхъ данныхъ; несомнѣнно тутъ только одно, что дѣлопроизводство генералъ-прокурорское *не* дошло до насъ въ его совершенно полномъ видѣ; какъ увидимъ ниже, тутъ несомнѣнны пробѣлы. Но, къ сожалѣнію, точно судить объ относительной величинѣ этихъ пробѣловъ (въ отношеніи всего цѣлаго) мы не можемъ, за отсутствіемъ данныхъ. По разнымъ косвеннымъ признакамъ можно допускать, однако, что часть, во всякомъ случаѣ бóльшая половина, подлиннаго генералъ-прокурорскаго дѣлопроизводственнаго фонда сохранилась въ фондахъ, нами выше разсмотрѣнныхъ. Доводы въ пользу такого положенія даютъ, главнымъ образомъ, данныя, которыя можно почерпнуть изъ болѣе детальнаго разсмотрѣнія частей (установленныхъ по внутреннему содержанію) дошедшаго до насъ фонда. Такъ-какъ такое разсмотрѣніе необходимо и для отвѣта на второй частный нами выше только-что поставленный вопросъ, то къ нему именно мы и перейдемъ.

Главнѣйшее въ количественномъ отношеніи число книгъ генералъ-прокурорскаго дѣлопроизводства является состоящимъ изъ основной дѣлопроизводственной формы канцелярій 18 в., имѣющей полное примѣненіе и въ настоящее время,—именно изъ такъ называемыхъ «дѣлъ». Каждое «дѣло» обычно имѣетъ заглавный листъ съ краткой отмѣтой о его содержаніи, также свой особый номеръ, и состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ бумагъ-документовъ, обычно расположенныхъ хронологически, въ порядкѣ ихъ поступленія «къ генералъ-прокурорскимъ

дѣламъ». Затѣмъ, въ употребленіи была еще дѣлопроизводственная форма, обычно обозначаемая терминомъ «книга записная». Это и по внѣшнему своему виду всегда бывали именно книги, заранѣе переплетенныя и зачастую опредѣленно разграфленныя, куда регистрировались и гдѣ соотвѣтственно (обычно подписями) закрѣплялись тѣ или иныя дѣйствія, совершаемыя генералъ-прокуратурой въ разныхъ сферахъ ея вѣдѣнія. Это — документы, отражающіе болѣе или менѣе полно всю дѣятельность ген.-прокуратуры въ ея главнѣйшихъ моментахъ. «Книги» раздѣляются въ изучаемомъ дѣлопроизводственномъ фондѣ на четыре группы: 1) книги записныя приказомъ генералъ-прокурора ему подвѣдомственнымъ учрежденіямъ; 2) книги записныя «предложеніямъ», которыя ген.-прокуроръ по тѣмъ или инымъ вопросамъ дѣлаетъ сенату, а также и «въ другія мѣста»; 3) книги записныя «резолюціямъ» ген.-прокурорскимъ, которыя дѣлаются по поводу разныхъ бумагъ, поступающимъ «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ» и идущимъ «въ докладъ», на разсмотрѣніе ген.-прокурору; и наконецъ, 4) книги записныя «циркулярнымъ ордерамъ», т.-е. тѣмъ приказаніямъ ген.-прокурора, которыя онъ даетъ ему подчиненнымъ органамъ въ видѣ общихъ нормъ для дѣйствованія ихъ въ томъ или иномъ случаѣ; на современномъ дѣлопроизводственномъ канцелярскомъ языкѣ такая точно форма носитъ названіе «циркуляра».

Наконецъ, одна изъ дѣлопроизводственныхъ формъ Елизаветинскихъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ именовалась «реестры» или «тетради записныя». Эта форма является производной по своему существу; она вкратцѣ регистрируетъ по тому или иному признаку или «дѣла», или даже отдѣльные документы — и только. Ясно, что значеніе этой формы для исторіи ген.-прокуратуры является второстепеннымъ. Надо замѣтить, что иногда она вплеталась среди «дѣлъ» (см. напр. кн. 6402).

«Дѣла» обычно дѣлились на группы; этихъ группъ можно намѣтить нѣсколько; во-первыхъ, «дѣла» «рѣшеныя по резолюціямъ господъ генерала и оберъ-прокуроровъ». Въ эту группу входили тѣ дѣла, которыя могли быть окончательно рѣшаемы единственно властью генералъ-прокурора. Изъ этой группы до насъ дошли въ изучаемомъ архивномъ фондѣ дѣла за годы: 1747, 1748, 1749, 1750, 1751, 1752, 1753, 1754, 1755, 1756, 1757 и 1758. Такимъ образомъ, несомнѣнно тутъ есть пробѣлы, ибо не можетъ быть, чтобы за годы съ 1741 по 1746 г. включительно и съ 1759 по

1761 такого рода дѣлъ вовсе не было; слѣдовательно, или они стали въ это время попадать въ другую группу, или они, просто, до насъ не дошли. Первое предположеніе является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ потому, что именно *до* 1747 г. и *послѣ* 1758 г. въ генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ имѣется болѣе общая дѣлопроизводственная форма: «дѣла рѣшеныя», гдѣ несомнѣнно имѣются и дѣла рѣшеныя по генералъ-прокурорскимъ резолюціямъ. Такимъ образомъ о пробѣлѣ и исчезновеніи въ этомъ смыслѣ части «дѣлъ» этой группы едва-ли приходится говорить: вѣроятнѣе, что произошла только перегруппировка въ распредѣленіи дѣлъ. Но возможно, съ другой стороны, что не всѣ дѣла данной группы за каждый отдѣльный годъ до насъ доходили; и здѣсь уже, дѣйствительно, до насъ дошло, можетъ-быть, не все. Можно такъ думать потому, что, напримѣръ, за 1754, 1755, 1756, 1757 и 1758 г. мы имѣемъ по два толстыхъ переплета съ такими дѣлами, а за 1753, 1752 и еще болѣе ранніе годы только по одному переплету; трудно допустить такое рѣзкое колебаніе количества этихъ дѣлъ; скорѣе можно думать объ утратѣ части переплетовъ, ихъ заключавшихъ. Во всякомъ случаѣ, значитъ, если и была такая утрата, то она обнимаетъ собой развѣ одну треть всего полнаго комплекта такого рода дѣлъ. Что не могло быть для позднихъ годовъ болѣе двухъ переплетовъ, это видно изъ того, что въ каждомъ изъ нихъ расположены дѣла по полугодіямъ, какъ иногда то прямо отмѣчалось въ заголовкѣ книги (см. кн. 6413). Итакъ, возможную утрату этого рода дѣлъ надо признать не превышающей 30% первоначальнаго, полнаго числа ихъ.

Вторая группа дѣлъ, обычно выдѣляемая въ тотъ-же промежутокъ времени (1747—1758 г.г.) въ отдѣльные переплеты въ генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ носитъ названіе «дѣлъ рѣшеныхъ по резолюціямъ Правительствующаго Сената»; иными словами говоря, сюда входили всѣ дѣла, которыя требовали для окончательнаго своего разрѣшенія опредѣленія по нимъ пр. сената; главная масса этихъ дѣлъ состояла изъ дѣлъ, возбуждаемыхъ въ сенатѣ предложеніями генералъ-прокурора на основаніи прокурорскихъ доношеній. Эта группа дѣлъ имѣется за годы: 1747, 1748, 1749, 1750, 1751, 1752, 1753, 1754, 1755, 1756, 1757 и 1758. Трудно сказать, насколько эта группа является сохранно дошедшей до насъ; во всякомъ случаѣ, отъ всѣхъ годовъ мы имѣемъ по одному переплету; слѣдовательно, все дошедшее до насъ сравнительно равномѣрно обнимаетъ весь возможный хронологи-

ческій періодъ; а это—нѣкоторая гарантія, если не достаточно полной, то достаточно разнообразной, не односторонней сохранности. По общему, обычному количеству дѣлъ, встрѣчающихся въ подобныхъ группахъ, число дѣлъ, сохранившихся въ данной группѣ, даетъ основаніе думать о большой ея сохранности, только трудно переводимой на болѣе точный языкъ цифръ.

Третья группа дѣлъ, объединяемая, видимо, просто терминомъ «дѣла рѣшеныя», заключаетъ въ себѣ *всякаго* рода дѣла, рѣшавшіяся чрезъ генералъ-прокуратуру. Несомнѣнно, это—болѣе общая форма сравнительно съ двумя предыдущими; она имѣла мѣсто, очевидно, наряду съ двумя вышеочерченными, такъ-какъ встрѣчается за всѣ годы съ 1741 по 1761 г. Крайне трудно тутъ сказать что-либо о сохранности этой формы генер.-прокурорскаго дѣлопроизводственнаго фонда. Никакими болѣе или менѣе конкретными данными для этого мы не располагаемъ. Существованіе этой формы на ряду съ вышеотмѣченными свидѣтельствуетъ о нѣкоторой спутанности и неустойчивости въ формахъ производства «у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ». Съ такимъ явленіемъ необходимо считаться, его учитывая, при томъ обзорѣ формъ, который мы сейчасъ дѣлаемъ.

Есть еще третья группа дѣлъ; это—«дѣла рѣшеныя и нерѣшеныя», какъ они называются въ имъ современныхъ «реестрахъ». Такихъ дѣлъ имѣемъ всего два переплета, обнимающихъ хронологически весь періодъ съ 1747 г. по 1762 г.; едва-ли мы ошибемся, если предположимъ, что въ эту форму вошли всѣ тѣ дѣла, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ (скорѣе всего—по канцелярскимъ непорядкамъ) были уже составлены въ группу, *послѣ* разгруппированія всего основного количества прочихъ дѣлъ; это были просто—остатки дѣлопроизводства.

Наконецъ, можно намѣтить четвертую, послѣднюю группу дѣлъ, именно такихъ дѣлъ, которыя разрастались въ цѣлые томы и тянулись болѣе или менѣе длительно. Такія дѣла обычно выдѣлялись изъ общей массы, особо переплетались, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности являлось какъ-бы такой-же равноправной частью всего фонда, какъ «дѣла рѣшеныя», «дѣла рѣшеныя по резолюціямъ Пр. Сената» и др. Въ этой особой дѣлопроизводственной формѣ выдѣлены, во-первыхъ, въ ихъ совокупности мелкія дѣла «о юнкерахъ» и о «сенацкой ротѣ». Два эти всецѣло подчиненныя генералъ-прокурору установленія давали массу мелкихъ дѣлъ, соединяемыхъ

обычно въ одно болѣе или менѣе общее крупное дѣло. Затѣмъ, во-вторыхъ, иногда, видимо, въ особое специальное дѣло выдѣлялись «репорты» прокуроровъ, которыми они сообщали о своихъ болѣзняхъ, вслѣдствіе чего они не могли въ тѣ или иные дни бывать въ присутствіи. Особымъ «дѣломъ» въ особомъ переплетѣ, въ-третьихъ, тутъ-же оказалось дѣлопроизводство «комиссіи о строеніи Ея Импер. Величества дому» въ Москвѣ.

«Реестрѣ» (иногда «тетради записныя» подходили близко по типу къ реестрамъ) представляютъ собой третью основную дѣлопроизводственную форму «генералъ-прокурорскихъ дѣлъ». Форма эта рѣдко получала самостоятельное значеніе, переплеталась въ отдѣльныя книги; обычно она приплеталась, вставлялась въ переплеты съ «дѣлами». Въ этихъ «реестрахъ» въ видѣ краткихъ экстрактовъ—заглавій, въ хронологическомъ обычно порядкѣ, перечислялся тотъ или иной родъ дѣлъ; такъ, напримѣръ, имѣемъ «реестры о разныхъ рѣшеныхъ интересныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ 1744 и 1745 годовъ». Форма эта несомнѣнно не первичная, какъ «дѣла» и большинство «книгъ записныхъ», а вторичная, производная по отношенію вышеразобранной формы «дѣлъ».

Изъ той краткой внутренней характеристики основныхъ формъ генералъ-прокурорскаго дѣлопроизводства, которую мы сдѣлали только-что, можно сдѣлать выводы о сравнительной пригодности, роли и значеніи отдѣльныхъ частей разсматриваемаго фонда для цѣлей нашего изученія исторіи Елизаветинской генералъ-прокуратуры.

Всѣ разобранныя дѣлопроизводственныя формы прежде всего можно раздѣлить на двѣ части; это, во-первыхъ, формы первичныя основныя, и, во-вторыхъ, формы вторичныя производныя. Формы первичныя характеризуются тѣмъ, что онѣ отражаютъ собой прямо, непосредственно дѣятельность генералъ-прокуратуры, какъ учрежденія; въ этихъ формахъ непосредственно выливается работа установленія и обычно притомъ въ наиболѣе полномъ ея видѣ. Несомнѣнно поэтому, что для исторіи учрежденія эта часть дѣлопроизводственныхъ формъ является наиболѣе цѣннымъ, основнымъ матеріаломъ къ сужденію о дѣятельности генералъ-прокуратуры въ самомъ возможно широкомъ масштабѣ, ибо ни въ какомъ другомъ матеріалѣ нельзя найти такихъ полныхъ и точныхъ непосредственныхъ данныхъ. Къ этой части должны быть отнесены, во-первыхъ, всѣ «дѣла», и во-вторыхъ, тѣ «книги записныя», гдѣ занесены дѣйствія и резолюціи генералъ и оберъ-прокуроровъ, оставляющія только трудно уловимые слѣды своего

существованія въ соотвѣтственныхъ дѣлахъ; а иногда (какъ примѣръ, можно указать «циркулярные ордеры») въ дѣлахъ прямо невозможно найти даже указаній на эти дѣйствія генералъ-прокуратуры, въ данной «книгѣ записной» запечатлѣнныя полностью. Такимъ образомъ, слѣдовательно, эта часть дѣлопроизводственныхъ формъ является наиболѣе цѣнной для изученія исторіи учрежденія.

Совсѣмъ иную, очень небольшую, степень цѣнности съ той-же точки зрѣнія имѣетъ вторая часть; къ этой части надо отнести «реестры» и тѣ «книги записныя», которыя повторяютъ въ сущности полностью уже имѣющійся въ «дѣлахъ» запечатлѣннымъ, подлинный актъ ген.-прокурорской дѣятельности; таковы «книги записныя» «предложеній» и «резолюцій» (послѣднія—отчасти: поскольку эти резолюціи являются повтореніями сдѣланныхъ уже непосредственно на соотвѣтственныхъ документахъ, входящихъ въ составъ того или иного дѣла). Тутъ вѣдь въ сущности, часто даже вкратцѣ («реестры») повторяется то, что имѣется заключеннымъ въ дѣлахъ. Конечно, при значительной утратѣ «дѣлъ» достаточно полно сохранившіеся «реестры» могутъ до извѣстной степени возстановить вкратцѣ эту основную дѣлопроизводственную форму и основной источникъ для исторіи учрежденія; но при наличности первой части дѣлопроизводственныхъ первичныхъ формъ въ болѣе или менѣе сохранномъ видѣ значеніе второй части этихъ формъ, вторичныхъ, падаетъ чрезвычайно сильно, и роль ихъ въ изученіи исторіи даннаго учрежденія получается третьестепенная, почти исключительно дополнительно вспомогательная. Ясно, что «дѣла» глубже всего и полнѣе всего вводятъ насъ въ жизнь, въ практику генералъ-прокуратуры, какъ учрежденія; тутъ наиболѣе ярко отражается фактическая сторона генералъ-прокурорской работы; въ этой-то именно дѣлопроизводственной формѣ возможно полно и точно (хотя-бы эта точность и была тутъ нѣсколько условна и относительна) изучить факты дѣятельности учрежденія; съ другой стороны, «книги записныя»,—тѣ изъ нихъ, гдѣ отражаются такъ или иначе общаго характера распоряженія ген.-прокурора («циркулярные ордера»),—позволяютъ особенно хорошо наблюдать общіе пріемы и нормативные моменты, теоретическія положенія, на которыхъ строилась и которыми руководилась въ своихъ дѣйствіяхъ генералъ-прокурорская власть.

Итакъ всѣ вышеперечисленныя дѣлопроизводственныя формы даютъ главный и достаточно полный матеріалъ для изученія исторіи генералъ-прокуратуры.

Мы видѣли выше, что судить о томъ, насколько полно дошли до насъ эти основныя формы, прямыхъ точныхъ данныхъ мы не имѣемъ; изъ только-что сдѣланнаго болѣе подробнаго разсмотрѣнія ихъ можно вынести впечатлѣніе, что никакого особеннаго разрозненія, никакихъ болѣе или менѣе крупныхъ пробѣловъ въ фондѣ нѣтъ, что фондъ этотъ въ сохранившихся частяхъ очень равномѣрно распредѣляется хронологически, а о дѣлахъ есть болѣе мелкія указанія (см. выше, стр. 217), что они являются въ крупныхъ своихъ отдѣлахъ сохраненными, по крайней мѣрѣ, больше половины, если не отъ $^{2}/_{3}$ до $^{3}/_{4}$. Думается, что такого рода состояніе того главнаго и основного матеріала, на которомъ должно строиться все изученіе Елизаветинской генералъ-прокуратуры, съ точки зрѣнія его полноты, нельзя не признать очень удовлетворительнымъ и могущимъ считаться достаточно надежнымъ для построенія на немъ основныхъ линій исторіи вышеназваннаго учрежденія.

Въ началѣ этой главы мы упоминали, что приходится привлекать и побочные дѣлопроизводственные фонды, фонды тѣхъ учрежденій, которыя имѣли ближайшія отношенія къ изучаемому. Обозрѣніе такихъ фондовъ, несомнѣнно, можетъ дать иногда очень полезныя дополнительныя данныя къ исторіи учрежденія, почему не слѣдуетъ упускать изъ виду по возможности разсмотрѣнія побочныхъ фондовъ. Въ нашемъ случаѣ въ число такихъ фондовъ приходится включать «дѣла Пр. Сената», какъ единственнаго наиболѣе близкаго по отношеніямъ къ генералъ-прокуратурѣ учрежденія; другихъ настолько близкихъ генералъ-прокуратурѣ учрежденій, чтобы въ ихъ дѣлопроизводствѣ можно было найти слѣды, болѣе или менѣе замѣтные, ген.-прокурорской дѣятельности, въ Елизаветинское время не существовало. Что же касается до сенатскаго фонда, то въ немъ наиболѣе частое и полное свое отраженіе дѣятельность ген.-прокуратуры находитъ въ журналахъ, протоколахъ и «опредѣленіяхъ» сената, принять во вниманіе которые поэтому являлось-бы необходимымъ, если-бы это не было сдѣлано уже у самыхъ «генералъ-прокурорскихъ дѣлъ»: лишь только генералъ-прокуроръ такъ или иначе выступаетъ въ сенатѣ, лишь только, хотя-бы совсѣмъ мимоходомъ, тамъ упоминается его званіе, сейчасъ-же точная и полная копія соотвѣтственнаго журнала сената, протокола, «опредѣленія» прилагается къ «ген.-прокурорскимъ дѣламъ». Такимъ образомъ, слѣдовательно, все, что въ данной части сенатскаго фонда являлось касающимся ген.-прокуратуры, было уже извлечено и внесено въ

тотъ дѣлопроизводственный фондъ, который является основнымъ. Сдѣлано это было, видимо, достаточно тщательно. Слѣдовательно, при такомъ положеніи вещей привлеченіе въ качествѣ матеріала еще и подлинныхъ журналовъ и опредѣленій сенатскихъ несомнѣнно является излишнимъ.

Остается еще рядъ документовъ, привлеченіе которыхъ могло-бы быть полезно; это—личныя бумаги, переписка и мемуары лицъ, стоявшихъ во главѣ генералъ-прокуратуры, т.-е. кн. Н. Ю. Трубецкого, кн. Я. Шаховского, Брылкина, гр. Чернышева. Въ тѣхъ крупныхъ столичныхъ государственныхъ архивныхъ хранилищахъ, къ которымъ мы имѣли доступъ, намъ не удалось найти ничего почти изъ переписки названныхъ лицъ или изъ ихъ личныхъ бумагъ. Что-же касается мемуаровъ, то записки кн. Трубецкого и кн. Шаховского извѣстны и довольно давно изданы. Если записки перваго, т.-е. Трубецкого, не даютъ ничего для нашей темы, то несомнѣнно коечто интересное даютъ записки кн. Шаховского, и ихъ данными мы пользуемся въ нашемъ изложеніи.

Таковы тѣ матеріалы, на которыхъ мы будемъ строить изложеніе исторіи Елизаветинской генералъ-прокуратуры.

II.

25 января 1741 года на русскій престолъ вступила Императрица Елизавета Петровна. Съ того-же дня пересталъ фактически существовать Аннинскій Кабинетъ Ея Величества, прекратилъ свою дѣятельность и сенатъ въ его Аннинскомъ видѣ. «Генеральное собраніе какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ особъ» съ этого дня и до 12 декабря того-же года взяло въ свои руки управленіе государствомъ, замѣнивъ собой и сенатъ, и Кабинетъ. Это собраніе не было чѣмъ-то неопредѣленнымъ по своему составу; наоборотъ, въ первый же день оно опредѣлилось состоящимъ изъ слѣдующихъ членовъ: ген.-фельдмаршалъ кн. Ив. Юр. Трубецкой, ген.-фельдмаршалъ гр. ф.-Лессій, государ. канцлеръ кн. Алекс. Мих. Черкасскій, ген. Гр. Петр. Чернышевъ, ген. Андрей Ив. Ушаковъ, ген. Вас. Як. Левашевъ, адмиралъ гр. Н. Ѳ. Головинъ, оберъ-шталмейстеръ кн. Ал. Бор. Куракинъ, д. т. с. Ал. Пет. Бестужевъ-Рюминъ, д. т. с. и ген.-прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой, д. т. с. А. Л. Нарышкинъ, «всего 11 персонъ» [1]). «Протокольныя записки» этого собранія велъ секр. Мих. Петровъ [2]); «присутствовало» это установленіе

---

[1]) „Сенаторскій Архивъ“ т. V, стр. 301.
[2]) Ib., стр. 302.

обычно «въ домѣ Ея Величества» почти ежедневно. Роль его въ управленіи страной была огромна; это былъ «временный чрезвычайный органъ верховнаго управленія, поддерживавшій непрерывность теченія дѣлъ въ переходный моментъ организаціи новаго правительства» [1]).

И въ составъ установленія такой роли и такого положенія въ государствѣ вошелъ, въ числѣ немногихъ бывшій при «прежнихъ двухъ правленіяхъ» генералъ-прокуроръ кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой. Мы уже знаемъ вкратцѣ его біографію и его характеристику; знаемъ что онъ былъ человѣкъ ловкій, услужливый и въ высокой мѣрѣ эластичный; но едва-ли только эти одни его качества позволили-бы ему не только остаться ген.-прокуроромъ при Елизаветѣ, но и попасть въ члены вышеназваннаго «Собранія». У кн. Трубецкого былъ еще одинъ крупный козырь въ рукахъ, который онъ и сумѣлъ использовать: кн. Трубецкой былъ въ явной немилости въ правленіе Анны Леопольдовны, когда его, видимо, только терпѣли да и то съ трудомъ. Видно, этимъ кн. Трубецкой и сохранилъ свое положеніе при новой императрицѣ, даже попалъ въ довѣренные люди.

Роль генералъ-прокурора въ «собраніи г.г. министровъ и генералитета» не была ролью рядового его члена; эта роль, какъ сейчасъ увидимъ, была нѣсколько особенная; указанія на это,—и болѣе или менѣе точныя,—даютъ тѣ «протокольныя записки» «собранія», которыя до насъ дошли и раскрываютъ собой дѣятельность этого установленія и его отдѣльныхъ членовъ [2]).

28 ноября кн. Трубецкой передаетъ сенату «Ея И. В. именной словесный указъ», правда, по пустяковому дѣлу (объ отправленіи съ принцессой Анной придворнаго попа Родіона) [3]); на слѣдующій день, 29 ноября, кн. Трубецкой передаетъ уже нѣсколько такихъ «словесныхъ» указовъ, также, и 1-го декабря [4]). Такимъ образомъ, эти дни ген.-прокуроръ входитъ въ непосредственныя сношенія съ Елизаветой, принимаетъ и передаетъ ея указы высшему въ тотъ моментъ государственному установленію. Затѣмъ, кн. Трубецкой представляетъ «собранію» на разрѣшеніе рядъ вопросовъ, возникшихъ въ сенатѣ послѣ совершившагося переворота. Вопросы эти обсуждаются въ «собраніи» 2 декабря, и на нихъ

---

[1]) См. „Исторія Пр. Сената“ т. II, стр. 9.
[2]) См. „Сенатскій Архивъ“, т. V, стр. 301—320.
[3]) Ib., стр. 317.
[4]) Ib.

выносятся соотвѣтственныя резолюціи [1]). Тутъ, очевидно, ген.-прокуроръ выступаетъ въ роли докладчика отъ сената органу верховнаго правленія, непремѣннымъ и равноправнымъ членомъ котораго состоитъ и онъ самъ, чѣмъ уже, естественно, сенатъ оказывается «подъ нимъ» стоящимъ. Наконецъ, въ рукахъ Трубецкого до извѣстной степени оказывается дѣло организаціи будущаго верховнаго правленія въ Россіи. 2 декабря за подписью кн. Трубецкого «собранію» объявляется слѣдующій «именной словесный указъ, черезъ ген.-прокурора 2 декабря 1741 г. собранію объявленный, чтобъ имѣть разсужденіе: есть-ли нужда будетъ впредь Кабинету, или нѣтъ; а Ея Имп. Величества высочайшее намѣреніе въ томъ состоитъ, чтобъ правительство возобновить на томъ фундаментѣ, какъ оное было при жизни блаж. и в.-д. пам. гос. родителя Ея Петра Великаго, и для того-бъ сенату быть въ такой силѣ, какъ оный въ то время былъ; и понеже Е. И. В. въ томъ сенатѣ сама своею Высочайшей особой присутствовать намѣреніе имѣть изволить, для того за потребно-же соизволитъ разсуждать, чтобъ такому сенатскому засѣданію и быть всегда во дворцѣ. Кн. Н. Трубецкой» [2]). Такъ въ краткихъ, но опредѣленныхъ чертахъ были намѣчены въ этомъ «словесномъ» указѣ основныя черты реформы верховнаго управленія Россіей; и при этомъ передатчикомъ, а слѣдовательно толкователемъ намѣреній Елизаветы,—возможно, совѣтникомъ ея въ этомъ дѣлѣ,—явился одинъ кн. Трубецкой, одинъ ген.-прокуроръ. Чтó это было именно такъ, подчеркивается дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Въ «протокольной запискѣ» отъ 2 декабря отмѣчено: «послѣ именного-же указа имѣли въ собраніи разсужденіе: быть-ли впредь Кабинету или Сенату, и положено о семъ дальнѣйшее имѣть разсужденіе завтрашняго дня» [3]). А къ этому завтрашнему дню,—т. е. 3 декабря,—генералъ-прокуроръ по этому поводу уже изготовилъ докладъ, и все «разсужденіе» о вопросѣ, поставленномъ въ предыдущемъ засѣданіи кончилось тѣмъ, что,—очевидно, для простой формы,—«слушаны прежнія учрежденія б. и в. д. п. Ихъ И. Вел. объ учрежденіи сената, верховнаго тайнаго совѣта и Кабинета и разсуждаемо, быть-ли Кабинету или сенату», а затѣмъ слушанъ «о семъ дѣлѣ сочиненный и *отъ г. ген.-прокурора* предъявленный докладъ и подписанъ» [4]). Этотъ докладъ, произведеніе пера кн. Трубецкого, и легъ въ

---

1) Ib., стр. 315—316.
2) Ib., стр. 318—319.
3) Ib., стр. 305.
4) Ib., стр. 306.

основу вновь созидаемаго строя государственнаго управленія[1]). А ген.-прокуроръ между тѣмъ продолжалъ свою активную практическую дѣятельность въ «собраніи» по прежнему, до самаго 12 декабря. Характерно, что прежде всего, ген.-прокуроръ ясно и опредѣленно становится какъ-бы *надъ* окончательно униженнымъ, обреченнымъ на уничтоженіе Аннинскимъ кабинетскимъ сенатомъ: въ засѣданіи 7 декабря «по представленію ген.-прокурора *приказано* въ сенатъ, чтобъ» сдѣлать распоряженія о подводахъ для отправляемаго принца Антона-Ульриха. Ген.-прокуроръ, если не самъ, то чрезъ установленіе, котораго онъ виднѣйшій членъ, отдаетъ сенату уже приказанія. Затѣмъ кн. Трубецкой объявляетъ «собранію» указы Императрицы, подписываетъ «протокольныя записки», присутствуетъ на всѣхъ засѣданіяхъ совершенно наравнѣ со всѣми прочими членами этого «собранія».

Но основная, главнѣйшая задача этого «собранія» исполнена: оно, прекрасно послуживъ новой Императрицѣ въ переходный моментъ, выработало тотъ новый государственный порядокъ управленія, который, уже какъ постоянный, долженъ былъ установиться въ Россіи; и эту задачу выполнилъ главнымъ образомъ ген.-прокуроръ кн. Трубецкой; его записка послужила базисомъ для возстановленія Сенатскаго строя по Петровскому образцу.

Итакъ, въ моментъ наибольшаго униженія сената, въ тотъ моментъ, когда былъ поставленъ вопросъ, быть ему, или Кабинету, генералъ-прокуроръ сената какъ-будто употребилъ все свое краснорѣчіе для возстановленія всей «преждебывшей» силы и значенія этого учрежденія. Несомнѣнно, однако, что кн. Трубецкой шелъ по теченію, по которому шла, видимо, и сама Елизавета. А съ другой стороны, именно въ этотъ-же моментъ возвышенный ген.-прокуроръ *приказывалъ* сенату отъ лица верховнаго учрежденія, гдѣ онъ сидѣлъ въ качествѣ вліятельнѣйшаго члена. Но сенатъ Елизаветинскій оказался не сенатомъ Петровскимъ, а генералъ-прокуроръ Елизаветинскаго сената, какъ увидимъ, очень отличался отъ генералъ-прокурора Петровскаго. И было тутъ дѣло не въ различіи личностей, стоявшихъ во главѣ этого учрежденія, не въ отличіи характера Ягушинскаго отъ характера кн. Трубецкого, а затѣмъ кн. Шаховского. Тутъ дѣйствовали силы, глубоко коренящіяся въ самой эволюціи всего государственнаго строя Россіи 18 вѣка;

---

[2]) Онъ напечатанъ цѣликомъ въ ст. проф. А. Н. Филиппова: „Докладъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти Пр. Сената". Жур. Мин. Нар. Пр. 1897 г., февраль, стр. 274—291.

вліяніе этихъ силъ болѣе могущественно было, чѣмъ вліянія отдѣльныхъ личностей, хотя, какъ Ягушинскій, иногда довольно ярко выраженныхъ индивидуально. Это покажетъ дальнѣйшее разсмотрѣніе исторіи Елизаветинской ген.-прокуратуры.

III.

12 декабря 1741 г. Именнымъ указомъ было повелѣно: «Правительствующій нашъ сенатъ да будетъ имѣть преждебывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ на основаніи, учиненномъ отъ нашего Государя Отца блаженной памяти Петра Великаго указами его, обрѣтающимися и нынѣ въ сенатѣ»; а вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось «генералу-прокурору дѣйств. т. совѣт. кн. Никитѣ Трубецкому и оберъ-прокурору дѣйствительному камергеру Ивану Брылкину быть въ своихъ должностяхъ, установленныхъ отъ Его-жъ Величества Государя Отца нашего Императора Петра Великаго». При нихъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, «гдѣ прежде были», приказывалось «учредить прокуроровъ». Такъ при возобновленномъ Петровскомъ сенатѣ возстановлялся весь институтъ прокуратуры съ генералъ-прокуроромъ во главѣ. Это было юридически; а фактически бывшій генералъ-прокуроръ кабинетскаго сената кн. Н. Трубецкой и бывшій оберъ-прокуроръ при немъ Брылкинъ только оставлялись и далѣе исполнять свои должности, не измѣненныя въ ихъ существѣ, съ подчеркнутымъ обязательствомъ только ихъ понимать и исполнять строго въ духѣ Петровскихъ узаконеній. При томъ, конечно, измѣнившееся положеніе сената не могло не оказать фактически своего вліянія на генералъ-прокурорскую «должность»; вѣдь теперь былъ уже не униженный «высокій сенатъ», а возвеличенный «правительствующій сенатъ», не органъ подчиненнаго управленія, а органъ верховнаго правленія; не бюрократическая, коллегіальная хотя-бы, канцелярія,—а органъ съ опредѣленной политической ролью, не явный, но фактическій выразитель шляхетскаго могущества въ россійскомъ правительствѣ Елизаветинскаго времени. И несомнѣнно, что такой сенатъ оказался Петровскимъ только формально, будучи очень далекъ отъ этого образца по существу своему. И все это отразилось, какъ увидимъ, опредѣленно на генералъ-прокурорской роли.

Однако, формально юридически Елизаветинскій ген.-прокуроръ долженъ былъ слѣдовать точно Петровскимъ завѣтамъ; а завѣты эти для него хранились въ «Должности генералъ-проку-

рора» 1722 г.; слѣдовательно, основнымъ актомъ, нормирующимъ дѣятельность кн. Трубецкаго и Брылкина, должна была служить именно «Должность». Мы въ первомъ очеркѣ подробно касались ея содержанія, а поэтому теперь позволимъ себѣ только повторить основныя положенія этого акта, долженствовавшія съ 12 дек. 1741 г. служить нормой дѣятельности Елизаветинскаго ген.-прокурора.

Надзирающая, контролирующая роль ген.-прокурора въ отношеніи законности дѣйствованія какъ самого сената, такъ и всего правительственнаго механизма,—вотъ та основная и почти единственная задача, которая лежитъ на ген.-прокурорѣ по Петровской «Должности». Эту роль онъ долженъ выполнять фактически лично въ отношеніи сената, гдѣ онъ «повиненъ сидѣть и смотрѣть накрѣпко, дабы сенатъ свою должность хранилъ», и черезъ прокуроровъ—въ отношеніи остальныхъ учрежденій. Способъ дѣйствія, въ случаѣ замѣченнаго нарушенія законности учрежденіемъ, былъ по формѣ одинаковъ для всѣхъ представителей прокуратуры; сначала шло «предложеніе» и «инстигованіе» самому учрежденію объ замѣченной незаконности его дѣйствій, а затѣмъ слѣдовалъ «протестъ» и пріостановка приведенія въ дѣйствіе этихъ рѣшеній учрежденія, если оно не послушаетъ «предложенія». «Протестъ» на сенатъ ген.-прокуроръ подаетъ верховной власти, а прокуроры—ген.-прокурору, докладывающему о нихъ на разсужденіе сената.

Сообразно съ этой основной своей обязанностью, ген.-прокуроръ слѣдитъ черезъ сенатскаго экзекутора, чтобы всѣ сенатскіе указы приводились въ дѣйствіе, для чего долженъ требовать «репортовъ» отъ всѣхъ учрежденій, получающихъ тѣ или иные указы сената о дѣйствительномъ ихъ этими учрежденіями полученіи.

Не безъ отношенія къ той-же главной роли ген.-прокурора стоитъ и ему поручаемая «дирекція» надъ всей сенатской канцеляріей. Но несомнѣнное расширеніе получала эта контролирующая сфера дѣятельности ген.-прокурора, когда ему вручалась и законодательная иниціатива о дѣлахъ «указами ясно не изъясненныхъ» не только передъ сенатомъ, но и передъ верховной властью (только всегда черезъ сенатъ).

Такими штрихами очерчивалась и въ такія рамки ставилась дѣятельность Елизаветинской генералъ-прокуратуры ея основной Петровской учредительной хартіей. Эти теоретическія нормы своей дѣятельности Елизаветинская генер.-прокуратура, несомнѣнно, ясно усвоила въ ихъ цѣломъ и настойчиво под-

тверждала и развивала въ нужныхъ случаяхъ; но конечно, вкладывала и свое въ нихъ пониманіе, дававшее иногда своеобразныя уклоненія и толкованія для Петровскихъ идей.

Черезъ полъ-года по возстановленіи сената, 21 іюля 1742 г. кн. Трубецкой обращается почти ко всѣмъ прокурорамъ какъ-бы съ циркулярнымъ письмомъ, въ концѣ котораго указываетъ, въ чемъ въ ихъ дѣятельности должны они имѣть «съ наиприлежнѣйшимъ Вашимъ трудомъ крѣпкое и неослабное смотрѣніе и стараніе», и за чѣмъ наблюдать; излагается все это въ двухъ пунктахъ: «1. дабы въ Пр. Сенатъ доношеніи и доклады подаваны были съ крѣпкимъ смотрѣніемъ о такихъ дѣлахъ, кои уже необходимо къ рѣшенію Пр. Сенату принадлежатъ, и самой той коллегіи рѣшить будетъ неможно и на что точныхъ указовъ нѣтъ, и во оныхъ всѣ обстоятельства и основательное мнѣніе подписывать такъ, какъ указы повелѣваютъ; а о непринадлежащемъ къ сенатскому рѣшенію, и на что точные указы есть, отнюдь ни о чемъ не представлять; 2. по интереснымъ, яко то по указамъ и по присылаемымъ изъ губерній и провинцій доношеніямъ, и по челобитчиковымъ дѣламъ разсмотрѣній и рѣшеній чинить по указомъ безъ всякаго продолженія въ указные сроки по регламенту и указомъ, а особливо челобитчикомъ волокитъ не чинить; и коллегіи о томъ наивсегда предлагать и накрѣпко смотрѣть, дабы въ рѣшеніи челобитчиковыхъ дѣлъ никому сверхъ указного времени продолженія и волокиты отнюдь чинено не было, и колодники-бъ долговременно отнюдь держаны не были, и имѣющіяся объ нихъ дѣла безъ всякаго продолженія изслѣдованы и рѣшены были по указомъ; и въ томъ во всемъ наиприлежнѣйше неусыпно по Вашей должности стараніе имѣть. И для такого безъ упущенія дѣлъ исправленія коллегіи надлежащимъ пристойнымъ образомъ предлагать, чтобъ засѣданіе имѣть изволили неотмѣнно во всѣ дни, и пріѣзжать въ указные часы по регламенту; буде-жъ таковыхъ запущеніевъ умножится, то и послѣ обѣда пріѣзжать, какъ о томъ прежними указами подтверждено, ибо за неисправленіе и за несмотрѣніе Ваше всего вышеписаннаго поступлено будетъ съ Вами по силѣ инструкціи безъ всякаго послабленія. И для того и паки чрезъ сіе вамъ наикрѣпчайше все вышеписанное въ непремѣнное исполненіе рекомендуется» [1]). Послѣднюю фразу кн. Трубецкой собственноручно вставилъ въ заготовленный ему ранѣе текстъ.

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1671, л. 88—90.

Въ этомъ циркулярномъ ордерѣ ген.-прокурора ясно можно видѣть, что кн. Трубецкой конкретно понималъ подъ своей контролирующей ролью, какъ онъ имѣлъ въ виду слѣдить за дѣятельностью россійскаго правительственнаго механизма.

Ген.-прокуроръ прежде-всего имѣлъ въ виду наблюдать,—черезъ прокуроровъ,—за тѣмъ, чтобъ коллегіи, конторы, канцеляріи и др. учрежденія не обременяли сенатъ вопросами по дѣламъ, которыя и сами они могли рѣшить на точномъ основаніи законовъ. Затѣмъ—контроль долженъ былъ состоять, во-вторыхъ, въ томъ, чтобы всѣ дѣла, подлежащія разсмотрѣнію и рѣшенію, точно въ срокъ, закономъ указанный, рѣшались и разсматривались всѣми учрежденіями, безъ всякаго «продолженія»; особенно это должно имѣть мѣсто, во-первыхъ, для дѣлъ челобитчиковыхъ, чтобы тутъ «волокиты отнюдь чинено не было», а во-вторыхъ, для дѣлъ колодничьихъ, чтобъ «колодники долговременно отнюдь держаны не были». Для достиженія своевременнаго рѣшеніи дѣлъ и поддержанія нормальнаго темпа въ дѣятельности учрежденія имѣлось въ виду принимать слѣдующія мѣры: во-первыхъ, строго слѣдить, чтобы лица, управляющія учрежденіемъ, сидѣли за дѣлами закономъ установленное время, а если его не хватитъ по количеству дѣлъ, то чтобы прибавляли еще часы присутствія изъ послѣобѣденнаго времени; а во-вторыхъ, представитель прокурора долженъ самъ наблюдать за этимъ производствомъ «съ крѣпкимъ смотрѣніемъ» подъ угрозай отвѣтственности за небрежность этого «смотрѣнія». Тутъ характерно, что подъ особое покровительство прокуратуры ставились дѣла трехъ родовъ: колодничьи, интересныя и челобитчиковы. Если особое вниманіе къ дѣламъ колодничьимъ должно быть отнесено своимъ началомъ еще къ моменту возникновенія и образованія текста «Должности», какъ мы видѣли въ первомъ очеркѣ; если дѣла интересныя еще въ Аннинское время несомнѣнно обращали на себя особое вниманіе сенатскихъ оберъ-прокуроровъ,—то, хотя забота о безволокитности дѣлъ челобитчиковыхъ тоже не къ этому только моменту выдвинулась на одно изъ первыхъ мѣстъ, однако, такое подчеркиваніе этого момента въ дѣятельности прокурорскаго института должно быть отнесено именно къ Елизаветинской эпохѣ.

Несомнѣнно, что вопросъ о темпѣ въ дѣятельности учрежденій былъ основнымъ въ дѣятельности прокуратуры, по мнѣнію представителей Елизаветинской ген.-прокуратуры. На эту сторону въ дѣлѣ прокуроровъ они постоянно обращаютъ

особое вниманіе. Въ 1743 году кн. Трубецкой пишетъ прокурору сенатской конторы Щербинину длинное наставленіе, чтобы онъ всячески внушалъ прокурорамъ, дабы они слѣдили за пріѣздомъ во́ время въ учрежденія присутствующихъ въ нихъ лицъ, чтобы они дѣлали возможно больше дѣла за присутственные часы и не держали напрасно колодниковъ, которыхъ даже въ Москвѣ набралось «немалое число», по выраженію ген.-прокурора [1]). Въ томъ же 1743 году кн. Трубецкой шлетъ «ордеръ» тому-же прокурору сенатской конторы въ Москвѣ, гдѣ пишетъ, что «изъ присланныхъ изъ обрѣтающихся въ Москвѣ коллегій, канцелярій, приказовъ и конторъ о присутствіи и о рѣшенныхъ дѣлахъ семидневныхъ репортовъ усмотрѣно, что многіе присутствующіе пріѣздъ свой имѣютъ позже опредѣленныхъ по генеральному регламенту часовъ, и дѣлъ въ рѣшеніи показано мало»; «того ради, дабы оная Прав. Сената контора по вышеписанному посланному изъ Прав. Сената вѣдѣнію за обрѣтающимися въ Москвѣ въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ, приказахъ и конторахъ присудствующими, чтобъ они въ свои мѣста съѣзжались во опредѣленныя по генеральному регламенту часы, и дѣла безъ продолженія отправляли, а особливо о колодникахъ, чтобы оные долговременно держаны не были, соблаговолила имѣть смотрѣніе и понужденіе», и «въ томъ ему, господину прокурору, имѣть взысканіе и по должности его и инстиговать» [2]).

Въ 1745 г. Трубецкой опять разсылаетъ циркулярное посланіе всѣмъ прокурорамъ, съ объясненіемъ и напоминаніемъ

---

[1]) М. А. М. Ю., сен кн. 8254, л. 38 и слѣд.

[2]) Вотъ этотъ „ордеръ“ въ его цѣломъ:

Маія 5-го того жъ (1743) году. Сенатской конторы прокурору господину Щербинину. Понеже по генералному регламенту 3-й главы велено колегіямъ сиденіе свое имѣть во всякой неделе въ назначенные дни и съѣзжатся въ самые кратчайшіе дни въ 6-мъ часу, а въ долгія въ 8-мъ часу, и быть по 5 часовъ, о чемъ тако жъ и о решеніи дѣлъ въ указной срокъ, многими указами подтверждено; а по иструкцыи жъ оставшаго въ Москвѣ сенатскаго члена по 6-му пункту велено ему смотреть накрепко, дабы отъ коллегей определенныя члены порученныя имъ дѣла отправляли по указомъ своихъ коллегей немедленно, и для техъ отправленей (3) въ своихъ канторахъ сидеть, конечно, противъ регламента во вся дни; буде же и тѣмъ указнымъ времянемъ исправить будетъ дѣлъ немочно, то и пополудни сидѣли бы и отправляли, а изъ присланныхъ изъ обретающихся въ Москвѣ колегей, канцелярей, приказовъ и канторъ о присудствіи и о решеныхъ делахъ семидневныхъ репортовъ усмотрѣно, что многія присудствующія пріѣздъ свой имѣютъ позже определенныхъ по генералному регламенту часовъ и дѣлъ въ решеніи показано мало, о чемъ изъ правителствующаго сената 2 маія въ кантору правителствующаго сената сообщено вѣденіе, по которому велено оной канторе въ томъ имѣть смотреніе, какъ о томъ въ ономъ вѣденіи пространно изображено; къ тому жъ вышеобъявленные репорты изъ нѣкоторыхъ мѣстъ скрепляютъ одни секретари, а изъ другихъ и безъ секретарской закрепы присылаются, а подписываются регистраторы и канцеляристы; а понеже онымъ репортомъ надлежитъ быть за закрепами тѣхъ мѣстъ прокуроровъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то присудствующихъ и какъ оные, такъ и о присудствіи репорты, присылаются семидневныя, исъ чего въ техъ местахъ

ихъ обязанностей, что они должны сидѣть указное время въ присутствіи при «слушаніи дѣлъ», что они должны, въ случаѣ неправильностей въ этомъ «слушаніи», съ начала дѣлать устныя заявленія объ этомъ, а потомъ, если они не подѣйствуютъ на присутствующихъ, то давать свои протесты на письмѣ, чтобы учрежденіе не могло ничего сдѣлать несогласнаго съ указами [1]). Въ 1756 году вновь ген.-прокуроръ пишетъ уже прямо чрезъ прокуроровъ во всѣ коллегіи, канцеляріи и приказы «подтвержденіе» «о пріѣздѣ и выѣздѣ присутствующихъ въ положенные по генеральному регламенту часы»; тутъ же прибавляетъ и требованіе о томъ, чтобъ «челобитчикамъ волокиты не чинить»; при этомъ ссылается на указъ обо всемъ этомъ, въ ноябрѣ данный сенатомъ [2]). Нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнить опять ген.-прокуроръ и о колодничьихъ дѣлахъ, напримѣръ, попутно приписывая въ ордерѣ губернскому прокурору такую фразу: «особливо же ваше благородіе по должности своей изволите имѣть смотрѣніе, чтобъ по оной губернской канцеляріи колодники долговременно безъ рѣшенія и напрасно держаны не были» [3]).

Когда въ 1760 г. оказалось, что въ Каморъ-коллегіи, въ Сыскномъ Приказѣ и въ Московской губер. канцеляріи скопилось подозрительно много колодниковъ, то ген.-прокуроръ посылаетъ тремъ прокурорамъ этихъ учрежденій «циркулярные ордеры». «Благородный и высокопочтенный госп. прокуроръ,— писалъ кн. Трубецкой въ этомъ ордерѣ прокурору Московской

тако жъ и здѣсь въ сочиненіи изъ оныхъ месечныхъ не бесъ трудности, и одно умноженіе въ писме, а во оныхъ, кромѣ месечныхъ, далней нужды не находится, ибо о обретающихся въ Москвѣ колегіяхъ, канцеляріяхъ и канторахъ исъ техъ присылаемыхъ репортовъ генералныя для подачи ея императорскому величеству сочиняются помесячно; того ради дабы оная правителствующаго сената кантора по вышеписанному посланному исъ правителствующаго сената вѣдѣнію за обретающимися въ Москвѣ въ колегіяхъ, канцеляріяхъ, приказехъ и канторахъ присудствующими, чтобъ они въ своей мѣста съѣзжалпсь во определенныя по генеральному регламенту часы и дѣла безъ продолженія отправляли, а особливо о колодникахъ, чтобъ оные долговременно держаны не были, соблаговолила имѣть смотреніе и понужденіе по силѣ вышеобъявленной, оставшего въ Москвѣ сенатскаго члена инструкціи и по данному 12-го декабря 1742 году ея императорскаго величества всемилостивѣйшему указу, въ томъ ему господину прокурору имѣть взысканіе и по должности его и инстиговать, а обретающихся тогда въ Москвѣ колегей, канцелярей и канторъ прокуроровъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, тѣхъ мѣстъ секретарей, призвавъ объявить, чтобъ таковыя репорты, сочиняя по прежде даннымъ ѳормамъ, присылали помѣсячно, а не семідневныя, и за руками прокурорскими, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то рѣшенныхъ дѣлахъ за руками жъ присудствующихъ, а о присудствіи за закрепами секретарскими и отправляли бъ по прошествіи каждаго мѣсяца на другой день неотменно, въ чемъ ему прокурору на оныхъ имѣть взысканіе, дабы за долговременною неприсылкою въ сочиненіи месячныхъ остановки быть не могло. М. А. М. Ю., сен. кн. 8253, л. 5—7.

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1667.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6420, л. 491 и слѣд.

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8253, л. 12.

губерн. канцелярiи,—изъ полученнаго о присутствiи Моск. губ. канцелярiи присутствующихъ и о рѣшеныхъ дѣлахъ за май мѣсяцъ сего 1760 году за рукою Вашею репорта усмотрѣно, что колодниковъ содержится 124 человѣка, въ томъ числѣ подлежащихъ отсылкѣ въ Рогервикъ—3, слѣдующихъ по дѣламъ—121. И для того черезъ сiе наикрѣпчайше подтверждаю, изволите наиприлежнѣйшее смотрѣнiе имѣть, дабы о тѣхъ колодникахъ дѣла окончены, и рѣшенiе учинено было безъ всякаго продолженiя, и колодники, какъ нынѣ, такъ и впредь, безъ рѣшенiя долговременно отнюдь держаны не были; и въ томъ по должности Вашей, инстиговавъ, предлагать, а въ противномъ случаѣ и протестовать подъ опасенiемъ за упущенiе взысканiя, какъ въ должности Вашей изображено. Вашего благородiя охотный слуга кн. Трубецкой [1]).

Тѣми-же мыслями и положенiями проникнуто почти циркулярное распоряженiе кн. Шаховскаго, преемника кн. Трубецкаго на посту генералъ-прокурора, разосланное имъ прокурорамъ въ 1761 году. «Я при вступленiи въ правленiе моей должности,—писалъ кн. Шаховской,—за надобное изобрѣтаю, во-первыхъ, отъ Вашего благородiя чрезъ сiе потребовать, всѣ ль въ... (имя учрежденiя, при которомъ состоитъ прокуроръ) входящiя и исходящiя дѣла должнымъ порядкомъ съ принадлежащими успѣхами производство и исполненiе имѣютъ; и буде есть какiя въ чемъ упущенiя и остановки, а наипаче ежели казенные платежи безъ взысканiя и заплаты, дѣла—безъ рѣшенiя, челобитчики—безъ надлежащаго удовольствiя оказуются, о всѣхъ таковыхъ неисправностяхъ давно-ль и отчего оныя такъ состоятъ, изволите ко мнѣ прислать со объясненiемъ вѣдомость; а впредь, окромѣ нетерпящихъ время, чрезъ каждый мѣсяцъ во обыкновенныхъ о рѣшенiи дѣлъ репортахъ о таковыхъ остающихся безъ надлежащаго производства и исполненiя напрасно длящихся дѣлахъ объяснительнымъ-же въ концѣ прописанiемъ показывать, дабы я чрезъ то исправныя по должности вашей попеченiя видѣть и о пристойномъ тѣхъ дѣлъ къ надлежащимъ производствамъ старанiи употреблять могъ» [2]). И тутъ опять надзоръ и контроль прокурорскiй понимается теоретически ген.-прокурорской властью, какъ прежде всего надзоръ за правильностью, надлежащей скоростью темпа въ дѣйствованiи учрежденiй; а особенное вниманiе прокуратуры должно быть удѣляемо при этомъ дѣламъ тѣхъ-же родовъ, т. е. челобитчиковымъ и «инте-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6432, л. 19.

[2]) Ib. л. 212.

реснымъ»; только о колодничьихъ ничего не говоритъ кн. Шаховской.

Итакъ, истолковывая понятіе «Должности» о надзорѣ и контролѣ дѣятельности государственныхъ учрежденій институтомъ прокуратуры, Елизаветинскіе ея представители приходили къ выводу, что надзоръ этотъ долженъ заключаться, во-первыхъ, въ томъ, чтобы «накрѣпко смотрѣть» за аккуратнымъ посѣщеніемъ чиновниками мѣстъ ихъ службы и надлежащимъ по времени сидѣніемъ ихъ за дѣлами; во-вторыхъ, въ томъ, чтобы для рѣшенія дѣлъ установленные сроки строго соблюдались, и дѣла шли въ производствѣ «безволокитно»; въ-третьихъ, въ томъ, чтобъ всѣ учрежденія исполняли сенатскіе указы, по крайней мѣрѣ, присылали аккуратно въ сенатъ «репорты» о ихъ полученіи; и наконецъ, въ томъ, чтобъ особенно все это соблюдалось въ дѣлахъ челобитчиковыхъ, колодничьихъ и интересныхъ.

Однако, вѣдь прокуроры,—съ генералъ-прокурора начиная,—должны были слѣдить въ присутствіи и за самымъ ходомъ *разрѣшенія* даннымъ учрежденіемъ дѣла; въ чемъ-же тутъ долженъ былъ состоять ихъ контроль? Теоретическая мысль Елизаветинской прокуратуры, видимо, очень затруднялась въ этомъ вопросѣ какимъ-либо болѣе конкретнымъ отвѣтомъ. Настаивать на незамедленіи, на скорѣйшемъ «производженіи» дѣлъ,—вотъ, видно, та основная конкретная задача въ этой сторонѣ контроля, которая одна только и представлялась достаточно ясно въ умахъ Елизаветинскихъ дѣльцовъ; оспаривать и протестовать противъ «неточнаго»—и по существу слѣдовательно формальнаго,—примѣненія указовъ—вотъ вторая основная задача для института прокуратуры въ пониманіи Елизаветинскихъ бюрократовъ. Эту вторую задачу понимали, какъ строго канцелярскій актъ, какъ чисто дѣлопроизводственный шагъ одного чиновника т. е. представителя прокуратуры по отношенію къ чисто дѣлопроизводственнымъ шагамъ другихъ чиновниковъ, т. е. присутствующихъ лицъ въ томъ или иномъ учрежденіи. Очень характерно, что когда однажды одинъ прокуроръ попытался иначе посмотрѣть на свои контрольныя обязанности, вынести ихъ изъ предѣловъ присутствія и дѣлопроизводственныхъ канцелярскихъ дѣйствій на болѣе широкую арену, то Елизаветинскій ген.-прокуроръ вполнѣ категорично и безаппелляціонно призналъ это выходящимъ изъ предѣловъ прокурорской должности, а потому и недопустимымъ. Такъ нижегородскій губернскій прокуроръ въ 1743 г. выражалъ желаніе въ «репортѣ» ген.-прокурору

ѣхать въ губернію, чтобы на мѣстѣ фактически слѣдить за правильнымъ исполненіемъ «о взысканіи положенныхъ на адмиралтейство сборовъ и отправленія оныхъ къ адмиралтейству»; на это онъ получилъ отъ кн. Трубецкого вполнѣ ясный и опредѣленный отвѣтъ, въ которомъ ген.-прокуроръ писалъ категорически: «изволите Ваше Высокоблагородіе въ правленіяхъ дѣлъ и во взысканіи положенныхъ сборовъ смотрѣніе имѣть и инстиговать въ нижегородской губернской канцеляріи,... а для вышеписаннаго... по провинціямъ и городамъ Вашему Благородію ѣздить не надлежитъ» [1]). Смыслъ ясенъ: слѣдить за канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ, за его движеніемъ «точно по законамъ»—вотъ въ этомъ и только въ этомъ должна сосредоточиваться надзирающая прокурорская дѣятельность. Да и то иногда, видно, возникалъ вопросъ, по всѣмъ-ли дѣламъ даннаго учрежденія и за такимъ канцелярскимъ производствомъ могъ прокуроръ «смотрѣніе имѣть». Въ 1741 г. прокуроръ Оренбургской губерніи, по поводу одного частнаго случая, запрашиваетъ «доношеніемъ» у ген.-прокурора: «повелѣно-ль будетъ ему въ той губернской канцеляріи по такимъ дѣламъ, по которымъ колодники сказываютъ за собой государево слово и дѣло и въ томъ имъ распросы и розыски производиться будутъ, по должности его смотрѣніе имѣть». Отвѣтить на это за свой страхъ кн. Трубецкой не рѣшается; онъ передаетъ это на усмотрѣніе сената, который рѣшилъ «ему прокурору по должности его смотрѣніе имѣть по всѣмъ дѣламъ», а, слѣдовательно, не исключая дѣлъ по «слову и дѣлу» [2]). Такимъ образомъ какъ будто устанавливался принципъ, что для «смотрѣнія» прокурорской власти не можетъ быть никакихъ запретныхъ уголковъ въ дѣятельности его надзору подчиненныхъ учрежденій.

Такъ генералъ-прокуроръ разъяснялъ обязанности и компетенцію ему подчиненныхъ представителей прокуратуры. Но такъ-ли онъ понималъ все это въ отношеніи къ своей собственной, непосредственной дѣятельности, или тутъ было иное пониманіе задачъ прокуратуры? Отвѣтить на этотъ вопросъ прямо опредѣленно нельзя по той причинѣ, что никакихъ непосредственныхъ данныхъ въ рукахъ для этого мы не имѣемъ: теоретизированіемъ о задачахъ и цѣляхъ ихъ собственной дѣятельности генералъ-прокуроры Елизаветинскіе, видно, не занимались. Однако, можно думать, что тѣ общія положенія и задачи, которыя ген.-прокуроры ставили передъ

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 8253, л. 11.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 416—423.

своими подчиненными, органами *той-же* прокуратуры, являлись,—развѣ mutatis mutandis,—изображающими и воззрѣнія ген.-прокуроровъ также на ихъ собственную работу; вѣдь *существо* прокурорскихъ обязанностей по Петровскимъ законодательнымъ нормамъ остается неизмѣннымъ оттого, младшій-ли, или старшій членъ прокуратуры выполняетъ эти обязанности; а Елизаветинская ген.-прокуратура теоретически, по крайней мѣрѣ, точно и неотступно слѣдовала завѣтамъ Петра въ ихъ основаніяхъ, во всякомъ случаѣ; слѣдовательно, надо полагать, что тѣ разсужденія и положенія о роли и значеніи прокуратуры, которыя ген.-прокуроры преподавали прокурорамъ, являлись весьма и весьма близкими,—въ теоріи, конечно,—со взглядами ихъ на собственную роль въ русской государственной жизни. А если такъ, то значитъ все вышеизложенное можетъ быть принято въ общихъ чертахъ, какъ теоретическія воззрѣнія самой генералъ-прокуратуры на свою роль въ русской государственной жизни. Нельзя не обратить вниманія на то, что, несомнѣнно, Петровское представленіе о генералъ-прокуратурѣ и ея роли, представленіе, конечно, только въ самыхъ общихъ, потому немного туманныхъ, чертахъ вырисовывающееся изъ «Должности» 1722 г., при своей такой детализаціи въ частностяхъ утратило въ сильной мѣрѣ, въ интерпретаціи Елизаветинскихъ дѣльцовъ, свой широкій захватъ и глубокое проникновеніе въ жизнь государства. Елизаветинская ген.-прокуратура поняла свою контролирующую роль почти исключительно формально, и сферу ея распространенія свела исключительно къ канцелярскому дѣлопроизводству. Точное рѣшеніе дѣлъ формально «по указамъ», исполненіе дѣлъ безъ задержки и волокиты, обращеніе при этомъ съ такой точки зрѣнія особаго вниманія на дѣла колодниковъ, интересныя и челобитчиковы—вотъ въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ видѣ понимала свою задачу Елизаветинская ген.-прокуратура, притомъ строго ограничивая сферу дѣятельности чисто канцелярскими дѣлопроизводственными моментами. Такъ была понята и теоретически развита въ царствованіе Елизаветы идея Петровская, воплощенная въ «Должности генералъ-прокурора». Практика положила свой дальнѣйшій отпечатокъ на такую теорію, а старыя традиціи и пути въ развитіи практическомъ генералъ-прокурорской власти въ Аннинское время въ совокупности дали новый фазисъ въ дальнѣйшей эволюціи генералъ-прокуратуры, значительно уже въ результатѣ отличившій елизаветинскій обликъ этого учрежденія отъ его петровскаго прообраза.

Если попытаться уяснить себѣ по содержанію дѣлъ, въ какихъ чертахъ слагалась практически компетенція генералъ-прокуратуры, какъ фактически развивалась теорія генералъ-прокурорской должности при Елизаветѣ, то придется сразу-же отмѣтить, что основныя, обычныя ея будничныя занятія сводились къ двумъ сферамъ: во-первыхъ, къ сферѣ управленія ей ввѣренными разнородными учрежденіями, состоявшими при сенатѣ, съ сенатской канцеляріи начиная, и, во-вторыхъ, къ сферѣ выполненія ею собственно надзирающей роли въ области государственнаго управленія, согласно Петровской «Должности». И едва-ли не является крайне характернымъ для времени Елизаветы, что количество дѣлъ генералъ-прокурора, относившихся къ первой сферѣ его дѣятельности, едва-ли не превосходило количества дѣлъ его, относившихся собственно къ основнымъ обязанностямъ по «Должности».

Въ любой части генералъ-прокурорскаго дѣлопроизводства разсматриваемаго времени прежде всего находится цѣлый рядъ дѣлъ по управленію подчиненными ген.-прокуратурѣ учрежденіями. А ихъ было не мало; прежде всего — вся прокуратура; управленіе ея личнымъ составомъ занимаетъ довольно видное мѣсто въ генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ; перемѣщенія, отпуски, замѣны, назначенія, вопросы о жалованіи и прочіе вопросы, относящіеся до управленія личнымъ составомъ прокуроровъ, оставили большіе слѣды въ ген.-прокурорскихъ бумагахъ. Затѣмъ, — управленіе сенатской ротой, со стороны личнаго состава и хозяйственныхъ дѣлъ этого установленія, входило опредѣленно въ область дѣйствованія генералъ-прокурора, который заботился и о камзолахъ для солдатъ, и объ ихъ болѣзняхъ, и объ отпускахъ, и объ увольненіяхъ, который разбиралъ ихъ ссоры, ихъ проступки, ихъ упущенія по службѣ. Все это дѣлалось внимательно и обстоятельно, отнимая, видимо, у ген.-прокурора достаточное количество времени. Но, конечно, еще большее количество дѣла было ген.-прокурору по управленію сенатской канцеляріей, хотя тутъ его роль всецѣло опирается на прямое указаніе о томъ «Должности», причемъ приходилось входить въ дѣла канцеляріи иногда весьма мелочныя; такъ есть цѣлое, довольно объемистое «дѣло» о кричаніи копистомъ сенатской канцеляріи Баутинымъ караула «передъ сенатскимъ апартаментомъ» на улицѣ, гдѣ его кто-то собирался бить; по этому поводу «у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ» производится цѣлое длинное слѣдствіе, кто именно собирался этого кописта бить, какъ все это происходило и т. д. Къ этому какъ-то примѣшанъ былъ нѣкій Чикинъ, которому

Баутинъ якобы сообщалъ свѣдѣнія о сенатскихъ дѣлахъ,— словомъ, заварилась каша, въ которой тщательно разбирались [1]). Въ Елизаветинское время въ завѣдываніи генералъ-прокурора находились юнкера коллежскіе и сенатскіе; ихъ обученіе и воспитаніе шло подъ главнымъ руководствомъ того-же ген.-прокурора, которому постоянно и подробно доносили вѣдомостями о ходѣ этого дѣла, о нужныхъ мѣрахъ для его лучшаго движенія, объ успѣхахъ и неуспѣхахъ юнкеровъ, о ихъ болѣзняхъ, отпускахъ, назначеніяхъ и проч.; все это, видимо, въ бо́льшей или меньшей степени попадало на его личное разсмотрѣніе. Теоретическимъ обученіемъ юнкеровъ обычно завѣдывали офицеры-геодезисты, состоявшіе при сенатѣ и исполнявшіе, кромѣ того, всѣ нужныя работы, имъ поручаемыя по межеванію земель. Весь этотъ кадръ межевщиковъ состоялъ въ управленіи и распоряженіи генералъ-прокурора. Наконецъ, еще три находящихся при сенатѣ учрежденія управлялись тоже генералъ-прокуроромъ и, очевидно, тоже постоянно брали нѣкоторое количество его времени и вниманія; это была сенатская типографія, герольдмейстерская контора и печатная контора. Конечно, тутъ роль ген.-прокурора сводилась къ наблюденію не столько за ихъ дѣятельностью собственно, сколько за ихъ личнымъ составомъ; но и это ложилось нѣкоторой тяжестью на компетенцію генералъ-прокурора. Мы уже сказали, что несомнѣнно половина бумагъ,—а можетъ-быть, и болѣе,—изъ книгъ-«дѣлъ» ген.-прокурорскаго производства посвящена именно дѣламъ вышенамѣченнаго типа, дѣламъ по завѣдованію разными, при сенатѣ состоящими установленіями.

Дѣла, касавшіяся основной сферы дѣятельности генералъ-прокуратуры по «Должности», занимаютъ собой другую половину (возможно, меньшую) генералъ-прокурорскаго дѣлопроизводственнаго фонда. Главное количество этихъ дѣлъ составляютъ дѣла по доношеніямъ прокуроровъ отъ разныхъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Этимъ путемъ генералъ-прокуроръ чрезъ своихъ агентовъ слѣдилъ за правильностью работы имперскаго бюрократическаго механизма; надзоръ этотъ выражался конкретно, во-первыхъ, въ томъ, что прокуроры, на мѣстахъ самостоятельно наблюдая за дѣйствіями учрежденій, обычно доносили о всѣхъ своихъ шагахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они замѣчали тѣ или иные непорядки въ дѣйствіяхъ установленій. Если ихъ указаній на эти непорядки на мѣстахъ не слушали, или если они находили прямыя злоупотребленія,

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. № 1682, „дѣло № 5“.

то обычно объ этомъ подробно доносили ген.-прокурору, который препровождалъ по своемъ разсмотрѣніи все дѣло на усмотрѣніе сената. Во-вторыхъ, прокуроры доносили ген.-прокурору о всѣхъ ссорахъ и распряхъ, которыя бывали между присутствующими въ учрежденіяхъ и мѣшали нормальному ходу занятій; ген.-прокуроръ опять-таки, разсмотрѣвъ дѣло, доводилъ обо всемъ до распоряженія сената. И въ-третьихъ, прокуроры наблюдали за тѣмъ, чтобы въ дѣятельности учрежденій, въ силу недочетовъ ихъ организаціи, ограниченности личнаго состава или какихъ иныхъ органическихъ причинъ, не происходило задержекъ и неправильностей. Замѣчая тѣ или иные непорядки этого рода, прокуроры доносили о нихъ своему шефу, который дѣлалъ соотвѣтственное представленіе сенату. Такимъ образомъ, чрезъ своихъ агентовъ ген.-прокуроръ вводилъ въ свою компетенцію надзоръ за правильностью дѣйствованія государственнаго бюрократическаго механизма, прежде всего со стороны законности этого дѣйствованія, затѣмъ со стороны должной согласованности въ работѣ отдѣльныхъ лицъ, обслуживающихъ механизмъ, и, наконецъ, со стороны надлежащей приспособленности самаго устройства механизма къ данной работѣ. Все это является, несомнѣнно, развитіемъ того пониманія контроля и надзора прокурорскаго, въ чемъ онъ только общимъ слишкомъ штрихомъ отмѣченъ въ «Должности» 1722 г. Нечего говорить о томъ, что надзоръ за отсутствіемъ преступныхъ дѣяній со стороны учрежденій и правящихъ лицъ цѣликомъ входилъ въ ген.-прокурорскую компетенцію, и въ этихъ случаяхъ, видимо, ген.-прокуроръ являлся такимъ лицомъ верховнаго правительства, къ которому прибѣгали обычно за помощью и обороной пострадавшія частныя лица. Такъ 1742 году нѣкто Грибоѣдовъ жалуется ген.-прокурору на одного сенатскаго секретаря, что онъ завѣдомо неправильно доложилъ его дѣло сенату, вслѣдствіе чего оно и было неправо рѣшено. Тогда Трубецкой и Брылкинъ требуютъ себѣ на просмотръ все дѣло и по слушаніи постановляютъ, что «оное дѣло по силѣ уложенія и указовъ рѣшено правильно; и для исполненія въ рекетмейстерскую контору съ сего журнала дать копію»[1]). Затѣмъ въ слѣдующіе годы жаловался прямо ген.-прокурору новгородскій посадскій человѣкъ Крашенинниковъ, что ему за правый доносъ о рубкѣ крестьянами заповѣдныхъ лѣсовъ не дали законнаго вознагражденія, а по другому его доношенію о тайномъ винокуреніи канцелярія не захотѣла слѣдовать. Ген.-прокуроръ ставитъ резолюцію: «предложить новгородской губернской канцеляріи, а къ про-

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668, л. 241/250 и слѣд.

курору той канцеляріи, чтобы по должности своей инстиговалъ, дать ордеръ». Затѣмъ нѣкій солдатъ Шкаликовъ поднялъ на улицѣ и представилъ ген.-прокурору доношеніе, обличающее управителей Починковскихъ заводовъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ. И по этому доношенію ген.-прокуроръ ставитъ резолюцію «предложить сенату». Еще нѣкій города Петровска посадскій человѣкъ жалуется ген.-прокурору, что его дѣло по доносу никакъ не рѣшается въ Каморъ-каллегіи; ген.-прокуроръ распоряжается «предложить Каморъ-коллегіи и доношеніе въ оную отослать»[1]). Въ 1746 г. ген.-прокуроръ докладываетъ сенату между прочимъ «доношеніе псковской провинціальной канцеляріи подканцеляриста Сем. Кузнецова, который доноситъ той канцеляріи на воеводу Пущина въ непорядочныхъ имъ Пущинымъ поступкахъ, и въ битьѣ его, Кузнецова, и жены его «смертными побои и въ держаніи подъ карауломъ, о чемъ-де отъ него и въ Новгородской губернской канцеляріи подано доношеніе, точію-де на оное никакой резолюціи не учинено, а содержится и нынѣ въ той губерніи подъ карауломъ»[2]).

Постоянно въ дѣлахъ generalъ-прокурорскихъ отражается также дѣятельность генералъ-прокурора въ области ускоренія дѣлопроизводственныхъ дѣйствій различныхъ учрежденій. Несомнѣнно, что волокита была однимъ изъ наиболѣе крупныхъ дефектовъ государственныхъ учрежденій XVIII в. Тутъ и прилагалъ часто свои старанія высшій представитель прокуратуры, чтобы въ порядкѣ надзора и контроля пресѣкать волокиту тамъ, гдѣ она попадалась на глаза, вызывая чьи-либо жалобы. Съ общей точки зрѣнія «Должности» это, несомнѣнно, входило въ компетенцію генералъ-прокуратуры; однако, въ этомъ отношеніи послѣдующимъ законодательствомъ было внесено нѣкоторое измѣненіе въ развитіе и укрѣпленіе этой функціи ген.-прокурорской компетенціи, именно—согласно указу отъ 20 декабря 1738 г.[3]). По тексту этого указа ген.-прокуроръ имѣлъ право и обязанность понуждать всякое учрежденіе къ скорѣйшему выполненію имъ той или иной его задачи, для чего должны были быть посылаемы соотвѣтственныя напоминанія и указанія «отъ экзекуторскихъ дѣлъ» сената.

Изъ этой общей роли ген.-прокурора, какъ генеральнаго контроля всего строя подуказнаго государственнаго управленія, выявлялась еще одна сторона въ его компетенціи, правда не сильно выраженная: это опредѣленіе и выясненіе той или иной

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8256, л. 4, 5 и 12.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8257, л. 53 об.
[3]) См. П. С. З. № 7713.

подвѣдомственности дѣлъ; обычно это дѣлалось соотвѣтственными о томъ «резолюціями» ген.-прокурора [1]). Такъ фактически намѣчалась компетенція ген.-прокурора въ ея основной, главной части. Тутъ можно замѣтить, что несомнѣнно произошли нѣкоторыя, и пожалуй достаточно важныя, отступленія отъ «Должности». Во-первыхъ, совершенно «Должностью» непредвидѣнное мѣсто заняло въ дѣятельности ген.-прокурора управленіе разными учрежденіями, состоящими при сенатѣ; «Должность» изъ нихъ предвидѣла одну сенатскую канцелярію и, конечно, совершенно не могла предвидѣть того большого мѣста въ дѣятельности главы прокуратуры, какое заняло тамъ управленіе разными учрежденіями, никакого прямого и даже косвеннаго отношенія не имѣющими къ прямымъ ген.-прокурорскимъ обязанностямъ. Такъ, генералъ-прокуроръ становился все болѣе «министромъ», въ Петровскомъ смыслѣ этого слова. И когда, лѣтъ пятнадцать-двадцать спустя, при Имп. Екатеринѣ Великой, рядъ важнѣйшихъ (вродѣ экспедиціи по расходу и приходу) стоявшихъ при сенатѣ учрежденій переходитъ понемногу въ «министерское» завѣдованіе ген.-прокурора, то въ этомъ по существу и по формѣ не было никакого новшества; на такой путь уже вступило развитіе ген.-прокурорской компетенціи опредѣленно въ Елизаветинское время.

Во-вторыхъ, намѣченное, собственно, только очень косвенно въ Петровской «должности» контролирующе-надзирающее положеніе ген.-прокурора по отношенію правительственнаго механизма (см. п. 3-й «Должности») приняло опредѣленныя конкретныя формы въ Елизаветинское время. Наибольшее вниманіе ген.-прокуроръ обращалъ на борьбу съ волокитой, съ затягиваніемъ и замедленіемъ теченія дѣлъ въ учрежденіяхъ; для этого еще въ Аннинское время былъ установленъ пріемъ понужденія соотвѣтственныхъ учрежденій «отъ экзекуторскихъ дѣлъ» сената, находившій себѣ приложенія въ практикѣ уже Елизаветинскаго времени. Затѣмъ опредѣлилось съ достаточной точностью, что этотъ контроль долженъ обнимать собой три момента въ дѣятельности учрежденія: точное соблюденіе ими закона и его надлежащаго въ конкретныхъ обстоятельствахъ примѣненія, соотвѣтствіе устройства учрежденій работѣ, на нихъ возложенной, надлежащую солидарность учрежденіемъ управляющихъ лицъ. Такъ была конкретно понята и на практикѣ проводима Елизаветинской ген.-прокуратурою ея компетенція въ сферѣ надзора за дѣятельностью государственнаго механизма, въ развитіе и несомнѣнное дополненіе идей Петровской «Должности».

---

[1]) См. М. А. М. Ю. кн. сен. 8262.

Но, если вся выше намѣченная область ген.-прокурорскаго вѣдѣнія, хотя-бы иногда весьма отдаленно, но всетаки является связанной съ текстомъ «Должности» 1722 г., то была еще одна сторона въ ген.-прокурорской компетенціи Елизаветинскаго времени (впрочемъ, достаточно ясно проявившаяся уже въ Аннинское время) гдѣ генералъ-прокуроръ дѣйствовалъ по разнаго рода порученіямъ, даннымъ непосредственно верховной властью, *совершенно независимо* отъ сената, какъ вполнѣ самостоятельный «министръ». Эти порученія касались прежде всего исполненія ряда дѣлъ, относящихся къ области чисто придворной жизни. Въ коронаціи Императрицы, въ приготовленіяхъ и устройствѣ ея, очевидно, по личнымъ порученіямъ Елизаветы и почти минуя сенатъ, ген.-прокуроръ игралъ существенную роль. Онъ получалъ цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ распоряженій и приводилъ ихъ въ исполненіе непосредственно отъ себя лично [1]). Такъ, въ частности, кн. Трубецкой по личному порученію Елизаветы ведетъ переписку,— и обширную,—съ Салтыковымъ (московскимъ ген.-губернаторомъ) о предметахъ, относящихся до коронаціи, о ихъ комплектѣ, о ихъ цѣлости и исправности, о необходимыхъ въ нихъ передѣлкахъ и проч. [2]). Съ тѣмъ же Салтыковымъ ген.-прокуроръ ведетъ все дѣло о постройкѣ въ Москвѣ для коронаціи тріумфальныхъ воротъ [3]). Елизавета даетъ кн. Трубецкому изустный указъ о выпискѣ изъ Кіева нѣсколькихъ пѣвчихъ архіерейскаго хора для коронаціи; и ген.-прокуроръ исполняетъ это порученіе, ведя длинную переписку по этому поводу [4]). Для той же коронаціи подыскивались въ Малороссіи десять рослыхъ гайдуковъ для придворной службы; и это дѣло велъ личной перепиской самъ ген.-прокуроръ [5]).

Кромѣ того, еще былъ у ген.-прокурора рядъ болѣе мелкихъ дѣлъ по коронаціи, вродѣ дѣла о раздачѣ суконъ, оставшихся послѣ коронаціи, церковно-служителямъ Московскихъ соборовъ [6]).

По заключеніи мира со Швеціей, въ 1743 году, генер.-прокуроръ дѣлаетъ сенату слѣдующее «предложеніе»: «Какъ то Прав. Сенату не безызвѣстно, что Ея Импер. Величество высочайшее свое намѣреніе воспріять соизволила ради совершившагося благополучно заключеннаго между Россійской имперіей

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 8259, л. 26, 27 и др.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1667.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668, л. 225 и слѣд.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1667, л. 749 и слѣд.
[5]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668.
[6]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1673 и 1676.

и короною свѣйской вѣчнаго мира шествовать къ Москвѣ; и тако уже разумѣвается, что и въ шествіи Ея Имп. Величества надлежитъ быть съ подлежащею къ тому торжеству тріумфальною церемоніей, къ чему и находящіяся въ Москвѣ построенныя тріумфальныя ворота, ежели при оныхъ находится какая ветхость, надлежитъ исправить; такожде картины съ приличными тому изображеніями и съ пристойными надписи потребно по приличности того торжества перемѣнить, и то все заблаговременно изготовить. Прав. Сенатъ не соизволитъ-ли разсудить для сочиненія тѣмъ картинамъ рисунковъ съ надписаніемъ и прочихъ фигуръ находящихся нынѣ въ Москвѣ тріумфальныхъ воротъ описаніи (съ которыхъ копіи при семъ прилагаются) отослать при указѣ въ канцелярію десиянсъ [академіи?] и велѣть, немедленно то сочиня, для апробаціи взнесть въ Прав. Сенатъ» [1]).

Тонъ этого «предложенія»—не совсѣмъ обычный по опредѣленности; сенату заранѣе предуказано, что̀ онъ долженъ сдѣлать, и онъ послушно подчиняется указкѣ ген.-прокурора, стоя по существу совершенно въ сторонѣ отъ всего этого дѣла, очевидно, находящагося всецѣло въ рукахъ кн. Трубецкого по личному порученію Императрицы; вообще все дѣло о порядкѣ празднованія мира со Швеціей было въ рукахъ генер.-прокурора [2]). Когда, уже много позже, въ 1759 году, умерла велик. княжна Анна Петровна, то опять все дѣло по устройству и распоряженію похоронами были цѣликомъ и непосредственно возложено на ген.-прокурора [3]). Бывали и порученія болѣе мелкія; въ 1752 году Елизавета выбрала нѣсколько образцовъ бумажныхъ шпалеръ для Двора, присланныхъ изъ Москвы, съ фабрики Бютлера, и черезъ ген.-прокурора Императрица дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы по выбраннымъ образцамъ немедленно стали дѣлать возможно лучше шпалеры. Генералъ-прокуроръ пишетъ объ этомъ «ордеръ» прокурору сенатской конторы въ Москвѣ, приказывая ему, призвавъ фабриканта, лично передать ему образцы и повелѣніе Императрицы; а по исполненіи заказъ долженъ быть переданъ въ Москвѣ «гардемебелю Борису Исаеву» [4]).

Нерѣдко Императрица, чѣмъ-либо заинтересовавшись, поручала исполнить ее интересующее дѣло или отвѣтить на ее интересующій вопросъ своему генералъ-прокурору, который,

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 39.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 1673.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 6428, л. 128 и слѣд.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 8265.

конечно, лично и непосредственно выполнялъ эти порученія. Въ самомъ началѣ 40-ыхъ годовъ Елизавета очень заинтересовалась личными вещами, оставшимися въ Ригѣ отъ герцога курляндскаго; то были «сервизы, часы, зеркала и прочія вещи»; кн. Трубецкому было повелѣно озаботиться ихъ доставленіемъ въ столицу; затѣмъ они частью тутъ были распроданы, а часть, видимо, отобрана для Двора; и все это дѣло вѣдалъ ген.-прокуроръ лично и самостоятельно, по соотвѣтственному порученію Императрицы [1]). Въ мартѣ 1742 года Императрица дала указъ черезъ ген.-прокурора, чтобы купцы не продавали никакихъ матерій, сперва «не объявя ихъ Ея Импер. Величеству»; кн. Трубецкой немедленно сносится по этому поводу съ Коммерцъ-коллегіей и Ратушей, чтобы принять мѣры къ выполненію этого указа, дѣйствуетъ лично, и непосредственно [2]). Въ 1755 г. Елизавета у ген.-прокурора «изволила спрашивать реестра, какіе товары изъ Сибирскаго Приказу нынѣ продаются, и какіе-жь изъ Сибири десятинные и ясашные товары въ Москву нынѣ-же привезены»; кн. Трубецкой немедленно посылаетъ объ этомъ запросъ прокурору Сибирскаго Приказа, который и присылаетъ требуемыя вѣдомости о товарахъ; эти данныя представляются Императрицѣ. Бутурлинъ письмомъ передаетъ кн. Трубецкому распоряженіе Елизаветы, весь этотъ товаръ разобравъ, «въ двѣ палаты въ удобныхъ мѣстахъ положить» и до указу не продавать. Ген.-прокуроръ исполняетъ, согласно такому распоряженію [3])—«Декабря 16-го дня 1756 году по именному Е. И. В. указу повелѣно выбрать изъ камчадальскаго народу молодыхъ шесть дѣвокъ, у которыхъ бы голосы были хорошіе и умѣли бъ по тамошнему обычаю пѣть; да для присмотру за ними дву женщинъ и одного мужчину; и какъ скоро возможно, привесть ихъ на почтовыхъ подводахъ въ Петербургъ». Во исполненіе этого указа былъ посланъ «штапъфурьеръ Шахтуровъ», но онъ куда-то исчезъ по дорогѣ; и вотъ ген.-прокуроръ, сообщая обо всемъ этомъ прокурору Сибирскаго Приказа, требуетъ навести возможныя справки и позаботиться всячески «о скорѣйшемъ тѣхъ камчадаловъ сюда привозѣ». Прокуроръ предпринимаетъ рядъ соотвѣтственныхъ дѣйствій своими «предложеніями» Приказу и репортуетъ обо всемъ ген.-прокурору [4]). Очевидно, что и это дѣло входило въ сферу особыхъ порученій генералъ-прокурору.

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 1667, л. 959 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668, л. 410—417.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6416, л. 232 и слѣд.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6426, л. 81 и слѣд.

Но иногда Елизавета поручала ген.-прокурору дѣла другого рода, дѣла уже относящіяся такъ или иначе къ области государственнаго управленія; и опять тутъ ген.-прокуроръ выступалъ совершенно независимо, въ роли самостоятельнаго «министра». Въ 1743 году Елизавета признала, что необходимо изъять изъ обращенія медали, выбитыя по случаю погребенія Импер. Анны Іоанновны. Черезъ бар. Ив. Черкасова она передаетъ это дѣло въ руки кн. Трубецкого, чтобы онъ, собравъ для нея всѣ свѣдѣнія объ этихъ медаляхъ, представилъ ей, а тѣмъ временемъ озаботился, чтобы всѣ эти медали «изъ народа вымѣнить» [1]). Въ 1752 году ген. Люберасъ представлялъ сенату (и, видимо, одновременно ген.-прокурору), что имъ строившійся кронштадскій каналъ готовъ, въ него можно пустить воду и открыть для плаванія судовъ; и при этомъ спрашивалъ, какъ этотъ каналъ именовать, а также, будетъ-ли при его открытіи какая церемонія. Кн. Трубецкой пишетъ объ этомъ всеподданнѣйшій докладъ и чрезъ А. Бутурлина передаетъ его Императрицѣ, которая рѣшаетъ сама присутствовать на открытіи. Тогда ген.-прокуроръ занялся выработкой церемоніала, и все это дѣло оказалось въ его непосредственномъ завѣдываніи и распоряженіи [2]). Въ 1753 г. бар. И. Черкасовъ, начальникъ кабинета Ея Имп. Вел., пишетъ письмо кн. Трубецкому и одновременно доноситъ сенату, что по донесенію солдата гвардіи, находящагося при транспортѣ золота и серебра, которое везутъ изъ Сибири, этотъ транспортъ задерживаютъ губернскія власти въ Нижнемъ-Новгородѣ, чиня всякія препоны его дальнѣйшему слѣдованію. Кн. Трубецкой немедленно отвѣчаетъ, что онъ принялъ всѣ мѣры противъ такой задержки, что посланъ спеціальный нарочный отъ Ямской канцеляріи въ Нижній-Новгородъ, что все будетъ устроено, а Ямская канцелярія начнетъ слѣдствіе о томъ, кто виноватъ въ такой задержкѣ транспорта. Рядомъ съ этимъ ген.-прокуроръ требуетъ у Нижегородскаго прокурора объясненій по этому поводу; прокуроръ отвѣчаетъ, что все по отправкѣ транспорта было сдѣлано, какъ слѣдуетъ, что всѣ объ этомъ заботились, что соотвѣтственно и онъ о томъ въ губернской канцеляріи «инстиговалъ»,—словомъ, никакого непорядка тутъ не произошло, и подробно при этомъ описываетъ, какъ дѣло фактически происходило. Затѣмъ ген.-прокурору пишетъ особое оправдательное письмо губернаторскій товарищъ Бобрищевъ-Пушкинъ, на котораго особенно нападалъ солдатъ въ своемъ

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 1673.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6408, л. 724 и слѣд.

донесеніи; Бобрищевъ тутъ жалуется, что онъ этимъ солдатомъ «невинно обнесенъ». Такимъ образомъ, установивъ, какъ было дѣло, и, видимо, убѣдившись въ отсутствіи какихъ-либо явныхъ непорядковъ, ген.-прокуроръ всѣ эти доношенія въ копіяхъ препровождаетъ бар. Черкасову [1]).

Все время кн. Трубецкой тутъ дѣйствуетъ одинъ, совершенно самостоятельно и независимо отъ сената; здѣсь онъ, несомнѣнно,—не генералъ-прокуроръ въ обычномъ смыслѣ. Въ мартѣ 1753 г. бар. Ив. Черкасовъ опять обращается съ письмомъ прямо и только къ ген.-прокурору, въ которомъ передаетъ повелѣніе Императрицы «сыскать здѣсь въ Москвѣ казенныхъ денегъ 500 тысячъ рублей», которыя надо отправить въ Петербургъ «на расходы окладные». «Того для Ваше Сіятельство благоволите,—заканчиваетъ Черкасовъ это письмо,—изъ всѣхъ казенныхъ мѣстъ приказать собрать вѣдомости, колико здѣсь или въ ближнихъ мѣстахъ есть налицѣ.... денегъ;... и что явится по вѣдомостямъ, о томъ прислать извѣстіе для доношенія Ея Импер. Величеству». Трубецкой немедленно вызываетъ къ себѣ всѣхъ прокуроровъ Московскихъ учрежденій [и секретарей мѣстъ, гдѣ не было прокуроровъ] и отбираетъ отъ нихъ нужныя свѣдѣнія о наличныхъ суммахъ. На этомъ «дѣло» прерывается, но несомнѣнно, что сенатъ тутъ остался въ сторонѣ [2]).

Всѣ эти особыя порученія, которыя давались Елизаветинскому ген.-прокурору, всѣ эти его выступленія въ качествѣ самостоятельнаго «министра» были, какъ видимъ, и немногочислены, и очень незначительны по существу; тутъ по сравненію съ Аннинскимъ временемъ скорѣе шагъ назадъ, чѣмъ впередъ; но, несомнѣнно, принципъ былъ сохраненъ; такое новшество, значитъ, всетаки прочно и опредѣленно въ Елизаветинское время вошло въ сферу ген.-прокурорской компетенціи, что́, очевидно, придавало ей принципіально «министерскій» оттѣнокъ. Съ другой стороны, именно при Елизаветѣ начавшееся обрастаніе ген.-прокуратуры цѣлымъ рядомъ ей подчиненныхъ на «министерскомъ» началѣ, разнообразныхъ по функціямъ учрежденій,—о чемъ мы только-что выше говорили,—въ иной плоскости, но несомнѣнно, однако, еще болѣе усиливаетъ «министерскій» характеръ ген.-прокурорской компетенціи; и тутъ сдѣланъ, очевидно, шагъ впередъ именно въ Елизаветинское время.

Такъ въ основныхъ чертахъ слагалась компетенція и государственная роль Елизаветинскаго генералъ-прокурора.

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 6410, л. 151 и слѣд.
2) Ib. л. 190 и слѣд.

Дальнѣйшее изложеніе его дѣятельности по отношенію центральныхъ, а также и областныхъ правительственныхъ органовъ управленія раскроетъ еще шире и полнѣе существо компетенціи и оттуда существо самаго института генералъ-прокуратуры въ разсматриваемое время.

IV.

По «Должности» 1722 г. отношенія генералъ-прокурора къ верховной власти опредѣлялись болѣе или менѣе ясно; во-первыхъ, всѣ «протесты» ген.-прокурора на дѣйствія сената должны были имъ представляться верховной власти лично, устно или письменно (п. 2); во-вторыхъ, ген.-прокуроръ обязанъ лично доносить Государю также о всѣхъ тѣхъ пополненіяхъ и изъясненіяхъ законовъ, которыя онъ будетъ проводить черезъ сенатъ (п. 10).

Въ литературѣ часто высказывается мнѣніе, что ген.-прокуроръ являлся посредствующимъ, соединительнымъ звеномъ между сенатомъ и верховной властью; мнѣніе это, если не ошибаемся, впервые было высказано еще въ срединѣ XVIII вѣка гр. Минихомъ въ его «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie» [1]). Совершенно ясно, что никакихъ формальныхъ юридическихъ основаній къ такому заключенію не даетъ текстъ «Должности» 1722 г.; тамъ нигдѣ не упоминается, хотя-бы косвенно, о такой роли ген.-прокурора въ отношеніи верховной власти. Если Минихъ и былъ правъ, то это уже было-бы дѣломъ факта, а не юридической нормы. Да и зачѣмъ Петру былъ нуженъ какой-либо посредникъ въ его сношеніяхъ съ сенатомъ, когда эти сношенія были такъ, какъ извѣстно, интенсивны и часты, выражаясь въ личныхъ присутствованіяхъ Императора на сенатскихъ засѣданіяхъ и въ напря-

---

1) Минихъ писалъ: „весьма замѣчательно, что этотъ великій государь (т. е. Петръ Великій), проницательность и политическая мудрость котораго были верхомъ совершенства, постоянно имѣлъ въ виду *пустоту, существовавшую между неограниченной властью русскаго государя и властью Сената*, и вслѣдствіе этого всегда выбиралъ лице, способное управлять Сенатомъ, а въ отсутствіе Государя, и всей имперіей“. Такимъ лицомъ до 1722 г., по мнѣнію Миниха, былъ кн. Меньшиковъ, а съ 1722 г. онъ „былъ замѣненъ Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ, назначеннымъ генералъ-прокуроромъ Сената“. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ того-же сочиненія Минихъ писалъ, что „Остерманъ, ставъ такимъ образомъ во главѣ правительства, понялъ очень хорошо необходимость наполнить пустоту, о которой шла рѣчь (т.-е. пустоту между верховной властью и Сенатомъ)“, поясняетъ авторъ, ибо какъ разъ передъ разсматриваемымъ моментомъ, какъ говоритъ Минихъ, Ягушинскій, не ужившись при Дворѣ, былъ изъ ген.-прокуроровъ отправленъ въ Берлинъ посланникомъ. См. „Записки гр. Миниха“, пер. подъ ред. С. Н. Шумигорскаго. СПБ. 1874 г., стр. 22—23 и 44.

женной, при отсутствіи изъ столицы, переписке съ нимъ? Съ другой стороны, разсмотрѣнный нами генезисъ возникновенія «Должности» и иностранныхъ вліяній на нее не даетъ права и возможности говорить о томъ, чтобы Петромъ преслѣдовалась цѣль именно такимъ образомъ поставить генералъ-прокурора въ его къ нему и сенату отношеніяхъ.

Какъ мы видѣли, Елизаветинская ген.-прокуратура, стоя на почвѣ Петровскихъ узаконеній, такъ же поняла свое отношеніе къ верховной власти, какъ его конкретно въ двухъ пунктахъ намѣчала «Должность» 1722 г., т. е. кн. Трубецкой и Шаховской докладывали лично и письменно свои «протесты» на дѣйствія сената Императрицѣ, а затѣмъ,—чего фактически почти не случалось,—свои предположенія, сенатомъ разсмотрѣнныя, объ измѣненіи и исправленіи въ томъ или иномъ случаѣ законовъ. Никакого «посредническаго» значенія, никакой особой роли въ отношеніяхъ сената и верховной власти не игралъ ни одинъ изъ Елизаветинскихъ ген.-прокуроровъ. Прежде всего этому препятствовала законодательная воля Петра Великаго;—а затѣмъ у могущественнаго Елизаветинскаго сената, состоявшаго съ одной стороны изъ представителей шляхетства, основной соціальной и политической силы тогдашней Россіи, а съ другой,—изъ многихъ лицъ, особенно близкихъ лично Императрицѣ (вспомнить хотя-бы бр. гр. Шуваловыхъ), не было никакихъ основаній имѣть еще какого-то посредника между нимъ и верховной властью въ лицѣ генералъ-прокурора. Подтвержденіе такому положенію вещей мы находимъ въ дѣлахъ ген.-прокурорскихъ,—во-первыхъ, и въ запискахъ кн. Шаховского, во-вторыхъ. Въ дѣлахъ по ген.-прокуратурѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшихъ указаній на какую-либо особую связь, именно ген.-прокуроромъ устанавливаемую, между сенатомъ и верховной властью; всѣ отношенія и кн. Трубецкого, и кн. Шаховского къ Императрицѣ,—поскольку они отразились въ «дѣлахъ»,—по сенатскимъ дѣламъ носятъ характеръ или дѣйствій по «протестамъ», или докладовъ по дѣламъ о представителяхъ прокуратуры, т.-е. все время не сходятъ съ почвы Петровской «Должности». Правда, лично докладывалъ и получалъ указы Елизаветы кн. Трубецкой и по другимъ дѣламъ, но всѣ эти дѣла шли *мимо* сената, а потому тутъ и не можетъ быть рѣчи ни о какомъ посредничествѣ со стороны ген.-прокурора между Елизаветой и сенатомъ. Затѣмъ, правда, бывали у кн. Шаховского особаго рода «довѣрительныя» бесѣды съ Императрицею, но опять тутъ дѣло, видно, не касалось въ частности сената, какъ учрежденія.

Глухо пишетъ въ своихъ «Запискахъ» осторожный кн. Шаховской о темахъ этихъ бесѣдъ: «невѣдомыя никому,—говоритъ онъ,—особливыя отъ Ея Величества мнѣ бывшія довѣренности и милостивыя наединѣ неоднократныя, *о неробкости моего духа въ защищеніе по моему званію справедливости* удостовѣрительныя обнадеживанія, я здѣсь подробно описывать оставилъ,... а только чистосердечно васъ, любезный читатель, увѣряю, что то были наивеличайшія» [1]). Характеренъ при этомъ слѣдующій разсказъ того-же ген.-прокурора. Однажды по поводу одного своего протеста въ сенатѣ кн. Шаховской, желая противопоставить что-либо вліянію на Императрицу сенаторовъ бр. Шуваловыхъ, ему враждебныхъ, захотѣлъ лично «персонально о всѣхъ такихъ неправосудныхъ и безславіе имени Ея Величества навлекающихъ дѣлахъ изъяснить»; но возможности къ этому онъ не получилъ, «ибо форпосты по всѣмъ путямъ къ камерѣ Ея Величества, въ коей уже она находилась неисходно (вслѣдствіе болѣзни), къ недопущенію меня такъ хитро и коварно употребляемы были, что не токмо я самъ доступить не могъ, но и цыдулка моя, къ Ея Величеству посланная», не дошла по назначенію [2]).

Въ дѣлахъ генералъ-прокурорскихъ встрѣчается очень мало указаній на непосредственные всеподданнѣйшіе доклады ген.-прокурора по разнымъ его вѣдомства по «Должности» дѣламъ. Въ доношеніи отъ 24 мая 1745 года прокуроръ Военной Коллегіи Баклановскій доносилъ ген.-прокурору, что онъ хотѣлъ вступить въ должность свою, но президентъ коллегіи его до этого не допустилъ; Баклановскій спрашиваетъ, какъ-же ему теперь поступать. На это об.-прокуроръ Брылкинъ ему отвѣчаетъ: «сего іюня 16 дня о поданномъ Вашего Высокоблагородія 28 минув. мая доношеніи, которымъ представляли, что военной коллегіи президентъ... Вас. Влад. Долгоруковъ въ присутствіи своемъ во оной коллегіи говорилъ прочимъ и Вамъ, что онъ Васъ въ ту коллегію впускать не велитъ, и сказалъ, чтобы васъ въ коллегію не впущать,—которое доношеніе Ея Имп. Величество отъ меня принять соизволила, и Вашему Высокоблагородію въ той коллегіи въ должность свою попрежнему вступать-ли, о томъ я всеподданнѣйше докладывалъ Ея Имп. Величеству въ Петергофѣ, на что Ея Имп. Величество всемилостивѣйше указать соизволила Вамъ при исправленіи должности своей быть въ той коллегіи по прежнему, о чемъ В. В-дію чрезъ сіе объявляю; и для того

---

1) „Записки кн. Як. Пет. Шаховского“. М. 1810, стр. 104—105, ч. II-ая.
2) См. ib., ч. II, стр. 127.

изволите В. В-діе въ правленіе должности Вашей въ той коллегіи быть по-прежнему и по вступленіи меня репортовать» [1]). Такое направленіе дѣла является тутъ несомнѣнно необычнымъ; объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что дѣло шло о поступкѣ такого вліятельнаго и крупнаго сенатора, какимъ былъ кн. В. В. Долгоруковъ. Видимо, оберъ-прокуроръ счелъ удобнѣе это дѣло не доводить до нѣкоторой гласности въ сенатѣ, а рѣшить тише, авторитетнѣе, никого не раздражая и не ставя сенатъ въ неловкое положеніе, миновавъ его непосредственнымъ докладомъ верховной власти. Такъ же поступилъ кн. Трубецкой въ 1746 г. въ случаѣ, когда дѣло касалось прямо прокуратуры, но тоже оказалось въ силу особаго указа, какъ-бы неподвѣдомственнымъ сенату. 20 мая 1746 г. ген.-прокуроръ вноситъ въ сенатъ «предложеніе», гдѣ пишетъ: «сего мая 18 дня Ея Имп. Величеству всеподданнѣйше докладывалъ я о прокурорѣ Полицеймейстерской канцеляріи, что понеже нынѣ высоч. именнымъ Ея Имп. Величества указомъ та канцелярія состоитъ не подъ сенатомъ, почему и прокурору въ ней быть нынѣ нужды уже нѣтъ; на что всемилостивѣйше указать соизволила изъ той канцеляріи прокурора отрѣшить и опредѣлить его въ другое мѣсто; а понеже Юстицъ-коллегіи бывшій прокуроръ Аврамъ Лопухинъ за болѣзнью въ 1744 году опредѣленіемъ Пр. Сената отставленъ отъ службы, и для того не изволятъ-ли Пр. Сенатъ заблагоразсудить опредѣлить въ ту Юстицъ-коллегію по способности къ дѣламъ [какъ то и я засвидѣтельствую] прокурора» изъ Штатсъ-конторы [2]).

Итакъ нѣтъ основаній, по имѣющимся даннымъ, полагать, чтобъ Елизаветинская ген.-прокуратура играла роль представителя и посредника между сенатомъ и верховной властью, заполняя тутъ имѣющуюся «пустоту», по выраженію Миниха. По иному масштабу строились отношенія Елизаветинской ген.-прокуратуры къ сенату и верховной власти, переплетаясь и перепутываясь между собой въ довольно сложную и своеобразную сѣть.

Вліяніе Петровскихъ нормъ сразу и достаточно точно въ основномъ опредѣлило взаимоотношенія Елизаветинскаго сената и генералъ-прокурора. Изъ этихъ, или точнѣе—отъ этихъ, нормъ исходили, несомнѣнно, Елизаветинскіе дѣльцы. Но если, какъ мы видѣли, уже при Петрѣ въ этомъ возникли своеобразныя, обстановкой момента вызванныя, отклоненія, то

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1677.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 402—403.

Елизаветинское время тоже давало отклоненія, только нѣсколько иного рода.

Елизаветинскій генералъ-прокуроръ передъ могущественнымъ сенатомъ въ своихъ дѣйствіяхъ особенно сильно стремится опереться на точный текстъ «Должности». Это характерно сказывается на выполненіи имъ обязанности представлять сенату «доношенія прокурорскія» и по нимъ «инстиговать» (п. 3 «Должности). Если Елизаветинскій ген.-прокуроръ большую часть своей дѣятельности проявляетъ именно въ исполненіи этой функціи, то онъ, несомнѣнно, даетъ тутъ тексту акта очень узкое толкованіе какъ-бы даже въ ущербъ своей власти: какъ правило почти безъ исключеній, въ дѣятельности и Трубецкого, и Шаховского, моментъ представленія доношеній прокуроровъ сенату присутствуетъ въ полной мѣрѣ, но момента «инстигованія», очевидно, не бывало: ген.-прокуроръ былъ только и строго механическимъ посредникомъ между сенатомъ и прокуроромъ, отнюдь не вмѣшиваясь съ какими-либо своими «инстигованіями»; это проводилось настолько систематически, что едва-ли можно говорить о случайности такого явленія, какъ то по неважнымъ и безразличнымъ дѣламъ бывало во времена Ягушинскаго. Теперь, очевидно, было возведено въ правило полное уклоненіе ген.-прокурора отъ какого-бы то ни было вмѣшательства въ составленіе сенатскаго мнѣнія о томъ или иномъ доношеніи прокурорскомъ; контролировать—дѣло прокуратуры, а предпринимать какія-бы то ни было рѣшенія по поводу тѣхъ или иныхъ контрольныхъ результатовъ,—это уже дѣло только и исключительно самого сената. Пожалуй, такое положеніе является строгимъ выводомъ изъ всего текста и духа «Должности», но выводомъ, грѣшащимъ нѣкоторой односторонностью.

Обычно ген.-прокуроръ, получивъ отъ прокурора того или иного центральнаго или областного учрежденія «доношеніе», непосредственно, безъ всякаго со своей стороны даже письменнаго сопровожденія, «оригинально» передавалъ это доношеніе на усмотрѣніе сената, являясь въ полномъ смыслѣ слова механическимъ передатчикомъ прокурорской бумаги. Примѣрами этого рода пестрятъ ген.-прокурорскія дѣла. Въ 1746 г. прокуроръ Мануфактуръ-коллегіи доносилъ ген.-прокурору о неправильномъ рѣшеніи этой коллегіи по дѣлу объ открытіи купцомъ Сѣриковымъ фабрики (коллегія отказала въ разрѣшеніи). Прокуроръ Жилинъ «протестовалъ» это коллежское рѣшеніе послѣ того, какъ его «предложеній» по этому поводу коллегія не послушала. Ген.-прокуроръ даетъ нѣсколько спра-

вокъ о законахъ, къ этому случаю приличествующихъ, справокъ безстрастно-канцелярскихъ, формальныхъ, и безъ всякаго письменнаго или устнаго «предложенія» съ своей стороны, всѣ бумаги во главѣ съ доношеніемъ, въ оригиналахъ докладываетъ сенату, въ журналѣ котораго находимъ слѣдующую этому запись: «въ собраніи правительствующаго сената слушалось предложенныхъ отъ г. генералъ-прокурора и кавалера присланныхъ отъ прокурора Жилина къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ доношеніяхъ съ приложенными при оныхъ со опредѣленій мануфактуръ-коллегіи о недопущеніи».., и далѣе идетъ уже изложеніе содержанія этихъ бумагъ, поданныхъ сенату; затѣмъ записанъ приговоръ сената, и дѣло кончено [1]). Въ 1748 г. казанскій прокуроръ Родіоновъ доноситъ о необходимости наложить временный арестъ на имѣніе умершаго секретаря Казанской канцеляріи, такъ какъ возможны въ его дѣлахъ упущенія казеннаго интереса, которыя и можно будетъ возстановить изъ арестованнаго его имущества. На этомъ доношеніи ген.-прокуроръ ставитъ резолюцію: «предложить сенату»; и затѣмъ никакого письменнаго предложенія нѣтъ, а прилагаемая копія журнала сената свидѣтельствуетъ, что ген.-прокуроръ представилъ это доношеніе прямо въ оригиналѣ, не сопроводивъ съ своей стороны ничѣмъ [2]). Вообще, въ теченіе этого 1748 г. особенно много было со стороны ген.-прокурора такого рода пассивно-механическихъ представленій сенату прокурорскихъ «доношеній» [3]). Прокуроръ Вотчинной коллегіи въ 1749 году посылаетъ ген.-прокурору свой протестъ по поводу рѣшенія коллегіей одного гражданскаго дѣла; и въ этомъ случаѣ, кн. Трубецкой прямо въ оригиналѣ передаетъ это доношеніе на слушаніе и рѣшеніе сената, очевидно, ни устно, ни письменно и словомъ не обмолвившись по поводу него [4]). А одинъ разъ, въ 1746 г., ген.-прокуроръ еще менѣе обременилъ себя въ этомъ отношеніи. Посадскій человѣкъ Новгорода, нѣкій Крашенинниковъ пишетъ всюду доносы о разныхъ «интересныхъ» дѣлахъ (о взяткахъ таможеннаго бургомистра и проч.) и наконецъ требуетъ у новгородскаго прокурора, чтобы всѣ его доносы были пересланы прямо къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ. Подъ давленіемъ этого требованія прокуроръ спрашиваетъ у ген.-прокурора, пересылать-ли ему эти доносы Крашенинникова и принимать-ли ихъ ему. Ген.-прокуроръ ставитъ резолюцію: «при-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1686, дѣло № 2.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1685, л. 75 и слѣд.
[3]) См. ibidem, passim.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 67 и слѣд.

нимать»; и когда всѣ эти доносы получаются отъ прокурора, то кн. Трубецкой ихъ «оригинально», безъ всякихъ замѣчаній со своей стороны, докладываетъ сенату, даже уже не отъ себя, а пересылаетъ къ одному изъ секретарей сенатскихъ, чтобы тотъ все это дѣло и доложилъ сенату. Формально, видимо, можно было сослаться на то, что у этого секретаря въ производствѣ было уже какое-то дѣло, касающееся этого Крашенинникова [1]). Впрочемъ, часто ген.-прокуроръ дѣлалъ и письменныя «предложенія» сенату по поводу прокурорскихъ «доношеній», но дѣло въ существѣ мѣнялось отъ этого мало. Вотъ примѣръ такого «предложенія»: «Опредѣленный по имянному Ея Имп. Вел. указу въ генералъ-бергъ-директоріумъ прокуроръ Василій Суворовъ поданнымъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ сего марта 12 дня доношеніемъ объявляетъ, что генералъ-бергъ-директоръ въ канцелярію не ѣздитъ и подаваннаго отъ него прокурора о опредѣленіи къ нему канцелярскихъ служителей требованія не принимая, объявилъ, что-де онъ—ген.-бергъ-директоръ и прокурора никакого не знаетъ, и такихъ подъячихъ до полученія отъ Ея Величества резолюціи давать не будетъ. А понеже о всѣхъ опредѣленныхъ по именному Е. И. В. указу въ разныя мѣста прокурорами,—въ томъ числѣ и въ генералъ-бергъ-директоріумъ помянутаго Суворова,—изъ Пр. Сената во оный г.-б.-директоріумъ указъ посланъ минувшаго генваря 7 дня и о полученіи того указа того-же генваря 11 дня въ сенатъ репортовано, того ради помянутое отъ него Суворова доношеніе оригинально Пр. Сенату для надлежащаго по указамъ Е. И. В. разсмотрѣнія, прилагаю при семъ» [2]). Совершенно очевидно, что фактически никакого намека на измѣненіе роли ген.-прокурора въ отношеніи сената по поводу разсмотрѣнія прокурорскихъ доношеній тутъ нѣтъ. Это только и чисто канцелярская форма. Такого рода «предложенія» иногда поступали въ сенатъ отъ ген.-прокурора прямо кипами; такъ 3 октября 1743 г. генералъ-прокуроръ «по вступившимъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ о разныхъ дѣлахъ доношеніямъ Пр. Сенату предлагалъ» сразу 14 «предложеніями», изъ которыхъ каждое, въ сущности, являлось подобнымъ вышеприведенному, т. е. только экстрактомъ изъ одного доношенія прокурорскаго, безъ всякихъ даже отдаленныхъ намековъ на какія-либо собственныя мысли по данному поводу ген.-прокурора [3]). Тутъ проходятъ самыя разнообразныя по существу

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 228—241.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8259, л. 30—31.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 53—64.

своему дѣла: и объ излишествѣ приказныхъ пишетъ одинъ прокуроръ, и о подозрѣніяхъ на секретаря канцеляріи пишетъ другой; и объ отъѣздѣ сразу всѣхъ членовъ-присутствующихъ (въ мануфактуръ-коллегіи),—почему дѣла тамъ стали,—пишетъ третій; и о ненадлежащихъ выдачахъ денегъ казенныхъ, и о невниманіи учрежденій къ ихъ предложеніямъ, и о неправильностяхъ въ веденіи судебныхъ дѣлъ пишутъ прокуроры; а ихъ глава механически передаетъ съ формально безсодержательными «предложеніями» своими, всѣ эти ихъ жалобы на усмотрѣніе сената, сводя тѣмъ требованіе объ «инстигованіи», по существу, на нѣтъ. Оставалась тутъ только одна безпримѣсная форма [1]).

Такія предложенія нерѣдко кончались до извѣстной степени стереотипными выраженіями, еще болѣе подчеркивающими ихъ безсодержательную уклончивость. 20 января 1743 г. ген.-прокуроръ «предлагаетъ» сенату о томъ, что по доношенію прокурора Бергъ-коллегіи, эта послѣдняя отдала въ аренду желѣзные заводы нѣкоему Марку Попову даромъ, да еще рѣшила выдать ему ссуду 10 тысячъ; а между тѣмъ явился желающій не только взять заводы безъ всякаго займа, но и обязующійся уплатить взносъ въ 5 тысячъ въ казну сразу, а затѣмъ черезъ пять лѣтъ платить аренды по 2 тыс. руб. въ годъ. Въ силу этого прокуроръ и протестуетъ постановленіе коллегіи. Дѣло, казалось-бы, достаточно важное, касающееся крупнаго казеннаго интереса; но ген.-прокуроръ, передавъ прокурорскій протестъ, только и прибавляетъ: «того ради Пр. Сенату чрезъ сіе предлагается, дабы соизволено было, оное доношеніе разсмотря, по немъ надлежащее рѣшеніе учинить по указамъ Е. И. В. въ непродолжительномъ времени; и для того означенное доношеніе съ приложенными при немъ со опредѣленія той коллегіи копіями при семъ прилагаются» [2]). Или ген.-прокуроръ пишетъ, чтобы сенатъ соизволилъ «разсмотря, надлежащее ...рѣшеніе учинить»,—это еще кратче [3]). Въ такомъ-же «предложеніи» своемъ сенату отъ 27 января 1743 г. ген.-прокуроръ, передавъ содержаніе ряда протестовъ прокурора Суднаго Приказа по поводу и превышеній власти, и непослушанія указамъ, и нерадивости членовъ Приказа, ставитъ такое заключеніе: «оныя доношенія Пр. Сенату для надлежащаго разсмотрѣнія и поуказамъ Е. И. В. рѣшенія орегенально при семъ прилагаются»,—и только [4]). Въ «жур-

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 57—64.
[2]) Ib., л. 2—3.
[3]) Ibid., л. 21.
[4]) Ibid., л. 4.

налахъ» сената обычно такого рода ген.-прокурорскія предложенія записывались двумя формами: или: «въ собраніи Пр. Сената по доношенію (такого-то) прокурора, которымъ представляетъ... (изложеніе дѣла)... приказали... (изложеніе резолюціи)»; или нѣсколько иначе:» «г. генералъ-прокуроръ предложилъ поданное бергъ-коллегіи прокурора Суворова доношеніе, коимъ объявляетъ»... далѣе идетъ изложеніе этого доношенія и затѣмъ резолюція сената [1]).

Такъ Елизаветинскій ген.-прокуроръ уклонялся опредѣленно отъ болѣе точнаго по духу исполненія Петровской «Должности»; свое невмѣшательство въ сенатскія рѣшенія онъ довелъ до отказа отъ выраженія своего мнѣнія, даже отъ чисто формальнаго «инстигованія» передъ сенатомъ о дѣлахъ по надзору, возбужденныхъ его агентами. Впрочемъ, были очень немногочисленные случаи, когда ген.-прокуроръ рѣшался всетаки привести, рядомъ съ прокурорскими доношеніями сенату, и нѣкоторыя справки по затрагиваемымъ вопросамъ, дѣлавшіяся «у ген.-прокурорскихъ дѣлъ». Но надо имѣть въ виду, что эти справки имѣли исключительно узкій и безличный характеръ; онѣ обычно состояли въ приведеніи тѣхъ или иныхъ указовъ, или фактическихъ данныхъ изъ сенатскихъ дѣлъ. Въ 1753 г. прокуроръ Казанской губ. Родіоновъ доноситъ о многихъ непорядкахъ, проступкахъ и ослушаніяхъ указовъ, присланнаго для сыска воровъ и разбойниковъ, нѣкоего сек.-маіора Дементьева. Передавая это сенату, ген.-прокуроръ прибавляетъ отъ себя справки по этому дѣлу, которыя состоятъ изъ выдержекъ изъ инструкціи, данной сыщикамъ, и изъ трехъ приговоровъ-указовъ сената по аналогичнымъ дѣламъ; никакихъ при этомъ ни примѣчаній, ни дополненій отъ лица ген.-прокурора нѣтъ; это даже сенатъ косвенно отмѣчаетъ въ своей резолюціи, начиная её словами: «по доношенію прокурора... Родіонова»... и т. д.; о ген.-прокурорѣ нѣтъ и упоминанія [2]). Когда прокуроръ Смоленской губерніи доносилъ и «протестовалъ» постановленіе канцеляріи о незаконной, по его мнѣнію, выдачѣ денегъ, то ген.-прокуроръ опять сопровождаетъ справкой изъ указовъ это «доношеніе», представляя его въ сенатъ [3]). Въ 1753 году прокуроръ Коммерцъ-коллегіи пишетъ обширное доношеніе ген.-прокурору, оспаривая одно постановленіе коллегіи. Ген.-прокуроръ, прежде чѣмъ прямо передать это доношеніе сенату, дѣлаетъ тоже рядъ справокъ въ сенатскомъ

---

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 317—345, и л. 151 и далѣе.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 1651—1652.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, съ л. 449 и слѣд.

дѣлопроизводствѣ о томъ чиновникѣ и его дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ прокурорскомъ доношеніи, но всѣ эти справки,—чисто канцелярскія,—преподносились сенату даже несвязанными другъ съ другомъ [1]). Приблизительно около того же времени прокуроръ Провіантской канцеляріи доноситъ и протестуетъ одно рѣшеніе этой канцеляріи о выдачѣ нѣкоему офицеру жалованья. Ген.-прокуроръ тутъ тоже предпринимаетъ нѣкоторые шаги по своей инціативѣ, но все ограничиваетъ только собраніемъ изъ соотвѣтствующихъ указовъ, нѣкоторыхъ справокъ и фактическихъ данныхъ по этому вопросу, опять не связывая ихъ другъ съ другомъ и отнюдь никакъ не освѣщая съ своей стороны [2]).

Такого рода проявленіе хотя бы признаковъ какой-то личной дѣятельности и инціативы ген.-прокурора, чего-то хотя бы немного похожаго на «инстигованіе», въ сущности, однако, не мѣняло характера ген.-прокурорскаго отношенія къ сенату при представленіи ему прокурорскихъ протестовъ и «доношеній». И, когда однажды, при докладѣ сенату одной прокурорской бумаги, ген.-прокуроръ выступилъ со словеснымъ объясненіемъ или заявленіемъ по поводу нея, то и тутъ, въ сущности, была имъ дана только фактическая къ дѣлу справка— не болѣе. «1753 года октября 28 дня въ собраніи Пр. Сената,— записано въ «журналѣ»,—г. генералъ-прокуроръ и кавалеръ предложилъ, поданное вотчинной коллегіи прокурора Елагина, доношеніе, которымъ представляетъ, что по имѣющемуся въ вотчинной коллегіи дѣлу ген.-маіора Ивановой жены Юрлова Натальи Степановой дочери съ комиссаромъ Аввакумомъ, а по немъ съ сыномъ его капитаномъ Семеномъ да съ Васильемъ Давыдовыми имъ, прокуроромъ, усмотрѣны немалые непорядки, о чемъ приложилъ экстрактъ, по которому между прочимъ показано, что по тому дѣлу февраля 5 дня 1751 года въ вотчинной коллегіи учиненъ журналъ, и подписанъ однимъ вице-президентомъ Камынинымъ, а прочіе присутствующіе оной коллегіи члены того журнала не крѣпили, и голосовъ ихъ нѣтъ. А декабря 23 дня того-жъ году учиненъ вторичный журналъ, съ отмѣною перваго, который подписали: совѣтникъ Каринъ, ассесоръ Ляпуновъ, Ивановъ; и по тому журналу учинено опредѣленіе и подписано ими-жъ, а вице-президентомъ Камынинымъ не подписано; а то дѣло производитъ секретарь Лаврентій Цуриковъ, отъ котораго де, а потомъ отъ секретаря-же Петра Аврамова, которому то дѣло отдано было въ произво-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1682, л. 1153 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 266 и слѣд.

жденіе, поданы были письменныя представленіи: изъ того-де дѣла утрачено 102 письма; а означенные-де секретари Цуриковъ и Аврамовъ въ представленіяхъ своихъ то утаили; и другіе по тому дѣлу показаны на нихъ непорядочные поступки, и что въ вотчинной коллегіи о томъ никакого произвожденія не учинено. При томъ-же г. генералъ-прокуроръ объявлялъ: оный-де прокуроръ Елагинъ ему, г. генералъ-прокурору, доносилъ, что означенное дѣло въ вотчинной коллегіи имъ по тому подозрѣнію запечатано; да поданная въ сенатѣ вышеписанная Юрлова челобитная объявляетъ, что Давыдовы показаннымъ по тому дѣлу недвижимымъ имѣніемъ владѣютъ и оное разоряютъ» и проситъ, пока идетъ дѣло, это имѣніе «отписать» у Давыдовыхъ. Далѣе журналъ излагаетъ рѣшеніе Сената [1]).

Таково было возведенное въ норму и строго проводимое на практикѣ Елизаветинскимъ ген.-прокуроромъ правило: совершенно уклоняться отъ какихъ-либо своихъ мнѣній передъ сенатомъ по поводу всякихъ прокурорскихъ «доношеній», а только механически ихъ передавать сенату, лишь изрѣдка сопровождая ихъ немногими формально канцелярскими справками. Такъ проводилось въ жизнь Елизаветинскимъ генералъ-прокуроромъ требованіе Петровской «Должности» объ «инстигованіи» имъ передъ сенатомъ въ отношеніи прокурорскихъ протестовъ.

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, л. 948—949. Рѣшеніе сената по этому дѣлу было слѣдующее: „слушавъ означенныхъ доношенія съ приложеннымъ экстрактомъ, и поданной челобитной приказали: о произшедшихъ по тому делу въ вотчинной колегіи, какъ во ономъ экстракте показано непорядкахъ и о утрате исъ того дела 102 листовъ по силе генеральнаго регламента 51 главы изслѣдовать въ юстицъ колегіи, и для того оное дѣло изъ вотчинной колегіи за печатью того прокурора Елагина отослать въ юстицъ колегію въ самой скорости; а въ юстицъ колегіи оное дѣло, распечатавъ при немъ прокурорѣ Елагине, и ежели тому дѣлу опись есть, то велеть по оной при немъ же освидетелствовать; а буде описи нетъ, то, сочиня вновь тому дѣлу верную опись, то дело разсмотреть и о произшедшихъ непорядкахъ, какія подлинно окажутся, о всемъ накрепко безъ всякаго упущенія и продолженія, и о утрате исъ того дела 102 листовъ изслѣдовать; и для того вотчинной колегіи секретарей и прочихъ приказныхъ служителей, которые къ тому следствію потребны будутъ, изъ вотчинной колегіи въ юстицъ колегію отослать въ самой скорости, и по изслѣдованіи о томъ въ юстицъ колегіи надлежащее решеніе учинить по указомъ; а ежели зачемъ собою решенія учинить будетъ невозможно, учиня исъ того дела экстрактъ съ приличными указами и съ приложеніемъ своего мненія, представить въ правителствующій сенатъ, не продолжая ни малого времени, и о томъ въ юстицъ и вотчинную колегіи послать указы и съ поданнаго отъ прокурора Елагина доношенія и приложеннаго экстракта при посылаемомъ въ юстицъ колегію указе сообщить копію; что же вышеписанная генералъ-майора Юрлова жена проситъ объ отписаніи того недвижимаго именія въ томъ ей ныне отказать, понеже недвижимыя имении по указамъ велено отписывать только такія, о которыхъ на крепости учинится споръ, а по тому ея челобитью того не показано; и бесъ подлиннаго того дѣла разсмотренія онаго учинить ныне невозможно. Подлинной за подписаніемъ правителствующаго сената“. Ibidem, л.л. 949—950.

Но не только въ отношеніи «доношеній» своихъ агентовъ генералъ-прокуроръ такъ уклончиво пассивно держался передъ сенатомъ. И всякія другія дѣла, которыя приходилось представлять сенату, кн. Трубецкой и кн. Шаховской обычно также «предлагали» сенату совершенно безстрастно, уклончиво. Такъ по поводу одного «интереснаго» проекта-доношенія, поданнаго генералъ-прокурору, этотъ послѣдній пишетъ такое «предложеніе» сенату: «каково въ Пр. Сенатѣ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ подано Соляной конторы отъ совѣтника Балбекова о соляныхъ заводахъ Пыскорнаго монастыря представленіе, оное Пр. Сенату присемъ оригинально сообщается. А понеже оное касается до интереса Ея Имп. Вел., того ради да соблаговолитъ Пр. Сенатъ, разсмотря оное представленіе, надлежащее по Ея Имп. Вел. указу рѣшеніе учинить»[1]). Или въ то-же время (видимо, въ 1747 году) по другому дѣлу ген.-прокуроръ такъ предлагалъ сенату: «каково прислано ко мнѣ изъ Малороссіи отъ бунчуковаго товарища Ивана Коропида доношеніе о покражѣ кіевскимъ старшиною судьею Иваномъ Степановскимъ да писаремъ Покорскимъ покупныхъ казенныхъ воловъ и провіантовыхъ заплатныхъ денегъ и о прочемъ,— оное Пр. Сенату при семъ оригинально сообщаю. А понеже оное касается до интереса Ея Имп. Величества, того ради да благоволитъ Пр. Сенатъ, разсмотря оное доношеніе подлежащее по Ея Имп. Вел. указамъ учинить»[2]). Когда въ 1752 году «починковской конторы поташнаго правленія титулярный совѣтникъ» Ушаковъ доноситъ «генералъ къ прокурорскимъ дѣламъ» о злоупотребленіяхъ приказныхъ этой конторы, то, сдѣлавъ маленькую формальную справку, ген.-прокуроръ безучастно все въ подлинникѣ предлагаетъ сенату[3]). Въ томъ же году «селитренныхъ дѣлъ заводчикъ», Артемій Духовъ, подаетъ прошеніе, которое адресуетъ «къ поданію» «Пр. Сената у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ», гдѣ онъ трактуетъ о мѣдныхъ рудахъ въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ и о необходимости учрежденія каравановъ «въ азіатскія мѣста» (Хива и Бухара) изъ Казани и Оренбурга. Это уже—не жалоба на какіе-либо злоупотребленія и непорядки въ области управленія; однако, и тутъ ген.-прокуроръ не измѣняетъ своей обычной тактикѣ и, положивъ на этомъ прошеніи резолюцію: «предложить сенату», безъ всякихъ со своей стороны замѣчаній

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8259, л. 27—28. См. также л. 68 об. и л. 35 об., гдѣ помѣщены аналогичнаго типа „предложенія" кн. Трубецкого сенату.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8259, л. 27.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6407, л. 176 и слѣд.

просто представляетъ въ оригиналѣ этотъ документъ сенату [1]). Въ 1755 году баронъ Ив. Черкасовъ пишетъ личное письмо ген.-прокурору, въ которомъ говоритъ, что сенатъ постановилъ уничтожить литейный заводъ нѣкоего Баташева на рѣчкѣ Грязнанкѣ; а между тѣмъ на немъ отливаются чугунныя и желѣзныя вещи для казенныхъ строеній и Двора, и закрытіе завода будетъ для Двора невыгодно, да и самъ Баташевъ проситъ не закрывать; поэтому бар. Черкасовъ обращается къ кн. Трубецкому съ просьбой, «поданную отъ онаго Баташева челобитную разсмотря, доложить Пр. Сенату съ тѣмъ, чтобъ тотъ заводъ... не уничтожать. Буде-же и тогда Пр. Сенатъ останется при прежнемъ своемъ опредѣленіи, въ такомъ случаѣ меня увѣдомить, дабы я могъ доложить Ея Имп. Величеству». Импульсъ для ген.-прокурора, казалось-бы, очень сильный: вѣдь бар. Черкасовъ стоитъ во главѣ Кабинета Ея Имп. Величества и является близкимъ Императрицѣ человѣкомъ. Если можно было-бы безучастное отношеніе кн. Трубецкого къ доношеніямъ прокурорскимъ, къ дѣламъ, возбуждаемымъ незначительными лицами, къ дѣламъ неважнымъ объяснить просто его инертностью и халатностью, дѣловой лѣнью, то въ только-что изложенномъ случаѣ подобному объясненію уже нѣтъ мѣста; а между тѣмъ кн. Трубецкой нисколько и тутъ не измѣняетъ своей тактики; онъ безучастно и безстрастно отвѣчаетъ бар. Черкасову, что онъ «Вашего Превосходительства письмо» «Пр. Сенату предлагалъ», и каково было опредѣленіе по этому дѣлу сената, съ него онъ прилагаетъ при письмѣ копію. Изъ этой-же копіи ясно видно, что кн. Трубецкой, нисколько не измѣняя принятой манерѣ, и въ этомъ случаѣ безъ всякихъ комментарій, «оригинально» представилъ письмо Черкасова сенату и тѣмъ ограничился [2]).

Только въ тѣхъ случаяхъ генералъ-прокуроръ рѣшался покидать свою такую механически пассивную позицію, когда затрагивался вопросъ о дѣйствіяхъ чиновъ прокуратуры, о ихъ правомѣрности. Здѣсь генералъ-прокуроръ находилъ возможнымъ самому вмѣшиваться въ дѣло. Такъ, въ 1756 году нѣкій кап. Озеровъ, въ поданной въ сенатъ челобитной, доносилъ, что прокуроръ Казанской губер. Родіоновъ чинитъ ему въ его тяжебномъ дѣлѣ «посяжки». Эту челобитную рекетмейстеръ пересылаетъ ген.-прокурору, который начинаетъ дѣйствовать самостоятельно; сочиняется «опредѣленіе» за подписью генералъ и оберъ-прокуроровъ о томъ, чтобы предложить

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6407, л. 206 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 1 и слѣд.

Казанской губернской канцеляріи дѣло это кончить возможно скорѣе, отнюдь не затягивая, а у прокурора потребовать объясненій, почему онъ тормазилъ рѣшеніе дѣла, и дать ему приказъ прислать къ генер.-прокурорскимъ дѣламъ «вѣрный» экстрактъ изъ этого дѣла. Прокуроръ на это, конечно, немедленно отвѣчаетъ, что онъ никогда дѣла не тормазилъ, а только, усматривая непорядки въ его веденіи, дѣлалъ для ихъ исправленія соотвѣтственныя губернской канцеляріи «предложенія», при чемъ постоянно «инстиговалъ» о скорѣйшемъ его «производженіи». Видимо, ген.-прокуроръ такой отвѣтъ призналъ совершенно удовлетворительнымъ и донесъ объ всемъ этомъ сенату [1]).

25 февраля 1743 г. ген.-прокуроръ пишетъ длинное «предложеніе» сенату, гдѣ говоритъ, что прокуроръ Коммерцъ-конторы, когда эта послѣдняя его предложенія не послушалась и осталась при своемъ мнѣніи, «не допустилъ» ея журнала «до закрѣпы» и сообщилъ объ этомъ прокурору сенатской конторы, передавшему все дѣло на усмотрѣніе генералъ-прокурора. Рядомъ съ этимъ, Коммерцъ-контора со своей стороны подала сенату жалобу, толкуя въ ней, что, конечно, прокуроръ могъ протестовать ея рѣшеніе, но онъ не имѣлъ права останавливать его тѣмъ, чтобы не допускать журналъ до закрѣпы. Тутъ кн. Трубецкой въ своемъ по этому поводу «предложеніи» сенату не остается пассивнымъ, а развиваетъ мысль въ защиту дѣйствій прокурора, указывая, что такой его поступокъ является вполнѣ согласнымъ съ указаніями о томъ прокурорской «должности» [2]). Другой разъ, ген.-прокуроръ въ своемъ «предложеніи» сенату сообщилъ, что одна челобитчица въ Сыскномъ Приказѣ писала въ своей челобитной, что прокуроръ относится пристрастно къ ея дѣлу («оный прокуроръ по тому дѣлу исцуетъ учинить посылку, знатно-де къ посяшкѣ её разсужденіе свое полагаетъ»), почему прокуроръ проситъ ген.-прокурора, «чтобъ о такомъ поклепномъ ею на него подозрѣніи повелѣно-бъ было изслѣдовать и учинить съ нею по указомъ». И по поводу всего этого кн. Трубецкой дѣлаетъ сенату опредѣленно конкретное заявленіе: «того ради не соизволитъ-ли Прав. Сенатъ о помянутомъ, показуемомъ на него, прокурора, подозрѣніи, кому надлежитъ, изслѣдовать; и кто изъ того виновенъ явится, съ тѣмъ учинить по оному Е. И. В. указу непремѣнно» [3]). Такого же рода опредѣленныя,

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 737 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 8—9.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8259, л. 43—44.

чисто конкретныя «предложенія» дѣлалъ ген.-прокуроръ сенату также по поводу личнаго состава и внутреннихъ дѣлъ сенатской канцеляріи [1]).

Такъ исполнялъ ген.-прокуроръ при Елизаветѣ требованіе его «Должности» объ «инстиговании» всѣхъ дѣлъ, чрезъ него проходящихъ, передъ сенатомъ. Систематическое уклоненіе отъ всякаго акта, хотя-бы внѣшне похожаго на инстигованіе, строгое соблюденіе положенія полной незаинтересованности, механическая роль, которую ген.-прокуроръ бралъ на себя въ отношеніяхъ къ сенату,—вотъ что ясно и опредѣленно обрисовывается изъ всего вышеизложеннаго. Все это не свидѣтельствуетъ о могуществѣ Елизаветинскаго ген.-прокурора.

Думается, было-бы крайне рисковано объяснять такое положеніе дѣла только личными свойствами кн. Трубецкого, его лѣнью, о которой до насъ дошли слухи; это было-бы уже слишкомъ упрощенное пониманіе исторіи учрежденія, съ одной стороны, а съ другой—вѣдь кн. Шаховской такого личнаго свойства не имѣлъ, сколько намъ извѣстно, а дѣла во время его ген.-прокурорства шли такъ же, какъ и при его предшественникѣ. Очевидно, причины этого явленія надо искать глубже. И это подтверждается еще нѣкоторыми другими чертами въ отношеніяхъ ген.-прокуратуры къ сенату разсматриваемаго времени.

Черезъ все дѣлопроизводство и кн. Трубецкого, и кн. Шаховского красной нитью проходитъ ихъ почтительно-исполнительное, аккуратно-точное выполненіе всякихъ порученій, которыя имъ даетъ сенатъ въ очень всегда осторожной, правда, формѣ и въ предѣлахъ ихъ прямыхъ обязанностей, хотя собственно по «Должности» едва-ли можно было-бы доказать у сената существованіе такого права. Но Елизаветинскій ген.-прокуроръ никогда не протестуетъ противъ такихъ поползновеній сената, а наоборотъ, скорѣе идетъ имъ навстрѣчу. Въ 1744 году сенатъ посылаетъ нѣкоего генерала Юшкова урегулировать доставку въ города по Волгѣ и ея бассейну соли отъ промысловъ Строгановыхъ. Видимо, по порученію сената-же вся переписка съ Юшковымъ по этому дѣлу и все руководительство его дѣйствіями сосредоточивается въ рукахъ ген.-прокурора, часто ссылающагося въ тѣхъ или иныхъ мнѣніяхъ и распоряженіяхъ своихъ на сенатскія резолюціи, постоянно сообщающаго сенату о всемъ ходѣ дѣла [2]).

---

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 8259, л. 58—59.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1676, л. 825 и слѣд.

Такого рода случаи, впрочемъ, рѣдки въ практикѣ ген.-прокурора, но постоянно онъ получаетъ отъ сената,—косвенныя, правда,—порученія въ области его непосредственнаго вѣдѣнія, въ области надзора и контроля за дѣятельностью учрежденій. Такъ, въ 1746 г. сенатъ ставитъ резолюцію по одному уголовному дѣлу, производившемуся въ сенатской конторѣ, требуя скорѣйшаго исполненія нѣкоторыхъ его приказаній о взятіи у Юстицъ-коллегіи дополнительныхъ объясненій. Въ концѣ «журнала» дѣлается распоряженіе дать копію съ этого «журнала» къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ «во извѣстіе». И кн. Трубецкой отлично понимаетъ значеніе этого шага сената, отлично, видно, знаетъ, чего этимъ косвенно отъ него хотятъ: онъ немедленно составляетъ подробный объ этомъ дѣлѣ и о резолюціи сената «ордеръ» прокурору сенатской конторы, въ которомъ требуетъ отъ этого послѣдняго тщательнаго «инстигованія» по данному дѣлу [1]). Въ 1754 году сенатъ въ опредѣленіи своемъ объ одномъ уголовномъ дѣлѣ требуетъ скорѣйшаго его «слѣдованія» въ Юстицъ-коллегіи, а также въ губерн. канцеляріяхъ Воронежской и Бѣлгородской, причемъ постановляетъ «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ съ сея резолюціи дать копію». Ген.-прокуроръ немедленно-же пишетъ по этому поводу «ордера» къ прокурорамъ вышепомянутыхъ учрежденій, о непремѣнномъ съ ихъ стороны наблюденіи и инстигованіи по этому дѣлу. Совершенно то же происходитъ и по поводу постройки новыхъ и починки старыхъ церквей въ Новгородѣ; опять объ этомъ дѣлѣ сенатъ даетъ «во извѣстіе» свою резолюцію, а ген.-прокуроръ даетъ ордеры подлежащимъ прокурорамъ объ особомъ ихъ смотрѣніи и инстигованіи по данному дѣлу [2]). Въ 1756 г. сенатъ въ «опредѣленіи» своемъ понуждаетъ Каморъ-коллегію о скорѣйшей присылкѣ «реестра» подрядившихся въ винной поставкѣ «вотчинниковъ и помѣщиковъ» «въ десятилѣтнее время»; и ген.-прокуроръ, получивъ «во извѣстіе» копію такого сенатскаго распоряженія, немедленно шлетъ ордеръ прокурору Каморъ-коллегіи, чтобы онъ возможно внимательнѣе слѣдилъ за исполненіемъ этого указа сената; и «какъ оный (т. е. этотъ реестръ) отправленъ будетъ, меня репортовать», приказываетъ кн. Трубецкой [3]).

Сенатъ нерѣдко дѣлаетъ такія порученія по надзору, даже какъ-бы черезъ голову ген.-прокурора, непосредственно прокурору соотвѣтственнаго учрежденія; и опять ген.-прокуроръ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1683, л. 499 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6414, л. 750 и слѣд. и л. 758 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6419, л. 531 и слѣд.

выступаетъ только и исключительно въ роли предупредительнаго исполнителя сенатскихъ желаній, хотя съ точки зрѣнія Петровской «Должности» опять, несомнѣнно, является большимъ вопросомъ, насколько это было въ соотвѣтствіи съ ея духомъ.

Такъ въ 1752 г., въ декабрѣ, сенатъ постановилъ строить около Ниж.-Новгорода на Волгѣ два особаго типа судна для перевозки эльтонской соли, что́ и поручено было выполнить Нижегородской губ. канцеляріи; но сенатъ рѣшаетъ сообщить объ этомъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ, чтобы ген.-прокуроръ распорядился къ нижегородскому прокурору о «надлежащемъ» «понужденіи и смотрѣніи» постройки этихъ судовъ. Кн. Трубецкой немедленно и въ точности исполняетъ сенатское порученіе, посылая нижегородскому прокурору соотвѣтственный «ордеръ», на что этотъ послѣдній отвѣчаетъ рядомъ обстоятельныхъ «репортовъ», гдѣ подробно сообщаетъ о ходѣ дѣла и о своихъ инстигованіяхъ [1]). Въ томъ-же году сенатъ, разсматривая одно дѣло Сыскного Приказа и усмотрѣвъ въ немъ медленность и затягиваніе производства, опредѣлилъ запросить объ этомъ прокурора приказа; исполняя это сенатское порученіе, ген.-прокуроръ пишетъ соотвѣтственный ордеръ прокурору съ требованіемъ по этому поводу объясненій [2]). Въ 1756 г. сенатъ въ одномъ своемъ «опредѣленіи», постановляя, чтобъ одной изъ сторонъ по одному гражданскому дѣлу «въ силу указовъ удовольствіе учинено было», прибавляетъ далѣе: «чего наблюдать и стараться по должности своей тамошнему прокурору, о чемъ и къ нему отъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ ордеромъ подтвердить». Это сенатское рѣшеніе ген.-прокуроръ немедленно приводитъ въ точное исполненіе, посылая прокурору соотвѣтственный ордеръ [3]). Въ 1760 г. низовая соляная контора проситъ сенатъ о подтвержденіи губерн. канцеляріямъ Оренбургской, Казанской и Саратовской, чтобы онѣ доставили людей на суда, перевозящія по Волгѣ соль. Дѣлая соотвѣтственное распоряженіе, сенатъ въ своемъ «журналѣ» пишетъ: «а чтобъ оное самымъ дѣйствомъ исполнено было непродолжительно, въ томъ оныя губерніи неослабно понуждать прокурорамъ, и для посылки о томъ къ нимъ крѣпкимъ ордеромъ, съ сего пункта къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ дать копію». Ген.-прокуроръ незамедлительно адресуется къ прокурорамъ названныхъ губерній съ ордеромъ, въ которомъ писалъ между прочимъ: «и для того, чтобъ оное самымъ дѣйствомъ и не продолжая ни малѣйшаго

---

1) М. А. М. Ю., сен. кн. 6410, л. 9 и слѣд.
2) М. А. М. Ю., сен. кн. 6408, л. 392 и слѣд.
3) М. А. М. Ю., сен. кн. 6420, л. 402 и слѣд.

времени исполнено было, изволите по должности вашей инстиговать и въ томъ, кого надлежитъ, неослабно и наикрѣпчайше понуждать» [1]).

Вся эта практика сената и предупредительная отзывчивость на нее со стороны ген.-прокурора не находитъ себѣ почвы въ Петровской «Должности». Тутъ является представленіе, что власть ген.-прокурорская ставила себя какъ-бы въ положеніе подчиненнаго сенату органа по надзору за нѣкоторыми дѣлами, поручаемыми сенатомъ въ этомъ отношеніи ген.-прокурорскому попеченію. Мы видѣли, что это не дѣлалось прямо; объ этихъ дѣлахъ сенатъ только «во извѣстіе» сообщалъ ген.-прокурору, но онъ всегда принималъ это и понималъ фактически именно въ смыслѣ порученія ему, какъ-бы органу сената, со стороны этого послѣдняго надзора и контроля въ данномъ конкретномъ случаѣ. Несомнѣнно, что такой фактъ отношеній сената и генералъ-прокуратуры въ Елизаветинское время отнюдь не можетъ быть объясненъ лѣностью ген.-прокурора; а между тѣмъ его смыслъ и значеніе совершенно параллельно со смысломъ и значеніемъ факта изъ этихъ-же отношеній, очерченнаго ранѣе.

Уклоненіе отъ всякаго даже намека на «инстигованіе» передъ сенатомъ, пассивно-механическая роль передатчика сенату прокурорскихъ доношеній и другихъ дѣлъ съ одной стороны, и съ другой—такое обязательно предупредительное выполненіе порученій сената по надзору за разными дѣлами со стороны генералъ-прокуратуры въ отношеніи Елизаветинскаго сената въ совокупности едва-ли свидѣтельствуютъ о независимомъ положеніи этого установленія въ то время. Во всякомъ случаѣ, тутъ на лицо несомнѣнныя отступленія отъ Петровскихъ завѣтовъ, или уже очень своеобразное ихъ пониманіе.

Только одинъ разъ намъ удалось найти «предложеніе» ген.-прокурора сенату, въ которомъ кн. Трубецкой проектируетъ прямо конкретную мѣру для избѣжанія непорядковъ въ Нижегородской губ. канцеляріи, о которыхъ ему доноситъ Нижегородскій прокуроръ. Констатируя въ началѣ своего предложенія, что Нижегородскій губернаторъ и его товарищъ Бахметевъ никакихъ дѣлъ не дѣлаютъ, а занимаются исключительно «партикулярными ссорами», и въ виду состоявшагося уже перевода оттуда губернатора, кн. Трубецкой пишетъ сенату: «не изволитъ-ли пр. сенатъ его, Бахметева, за показанныя въ помянутомъ экстрактѣ его недѣльныя и непорядочныя письменныя произвожденія изъ той губерніи отъ дѣлъ отрѣшить, дабы отъ таковыхъ его непорядковъ, какъ изъ помянутаго экстракта

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 298—300 и слѣд.

пр. сенатъ усмотрѣть изволитъ, въ надлежащихъ по указамъ Е. И. В. дѣлахъ исправленіяхъ остановки и упущенія произойти не могло» [1]). Другой разъ конкретное предложеніе сенату дѣлаетъ даже оберъ-прокуроръ по поводу непорядковъ по Саратовской рыбной конторѣ. Въ «журналѣ» сената отъ 7 іюля 1748 г. записано: «по доношенію каморъ-коллегіи, коимъ объявляетъ, что минувшаго іюня 9 дня въ предложеніи той каморъ-коллегіи прокурора Философова показано, что того-жъ іюня 7 дня въ присланномъ къ нему статсъ-дамы Елены Александровны Нарышкиной, а его сіятельства графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго и супруги его графини, крестьянъ Ефима Осипова, Антона Чюкарина, Филиппа Парфентьева съ товарищи доношеніи, между прочимъ, написано»..., далѣе идетъ описаніе взятокъ, вымогательствъ и побоевъ разъѣздчика Ив. Романова, состоящаго въ Саратовѣ при рыбной конторѣ, который очень притѣсняетъ рыбаковъ при своихъ разъѣздахъ по ловлямъ. Оберъ-прокуроръ и «предложилъ» сенату, согласно прокурорскому доношенію, послать на мѣсто для изслѣдованія дѣла кого-либо изъ присутствующихъ Каморъ-коллегіи; но сенатъ это предложеніе отклонилъ, а рѣшилъ только подтвердить Саратовской губ. канцеляріи о скорѣйшемъ слѣдствіи по этому дѣлу съ тѣмъ, чтобы его результаты были донесены сенату [2]).

Если-бы даже такого рода факты изъ отношеній сената и генералъ-прокуратуры встрѣтились въ бо́льшомъ количествѣ, то и тогда сравнительно съ всетаки преобладающимъ, несомнѣнно, количествомъ фактовъ пассивно уклончиваго невмѣшательства и преклоненія предъ сенатскими порученіями генералъ-прокуратуры едва-ли можно было-бы оспаривать сдѣланную нами характеристику этой стороны отношеній ген.-прокурора и сената. Но такіе факты конкретныхъ предложеній несомнѣнно были только единичными, случайными отклоненіями отъ общаго тона, который мы пытались очертить выше.

Однако, были нѣкоторые вопросы, по которымъ генералъ-прокуроръ выступалъ въ сенатѣ не такъ пассивно и уклончиво, проявляя свою иниціативу. Такъ онъ поступалъ въ вопросахъ касающихся ускоренія дѣйствій въ работѣ самаго сената. Тутъ обычно ген.-прокуроръ дѣлалъ прямо болѣе или менѣе конкретныя «предложенія». Въ 1743 году кн. Трубецкой дѣлаетъ сенату предложеніе, въ которомъ напоминаетъ, что недавно, лично присутствуя въ засѣданіи сената, Императрица обратила вниманіе на противорѣчія и несовершенства указовъ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8259, л. 63.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6401, л. 69 и слѣд.

о наслѣдованіи и залогѣ вотчинъ и повелѣла, немедленно сочиня ясный о томъ указъ, поднести на ея апробацію. Но у сената мало для этого времени, если считать только его обычные часы присутствія, ибо слишкомъ много на немъ лежитъ еще другихъ срочныхъ дѣлъ; поэтому ген.-прокуроръ полагаетъ, что для исполненія вышеизложеннаго повелѣнія необходимо сенату еще дополнительно съѣзжаться въ присутствіе спеціально для этого дѣла по полудни отъ четвертаго до седьмого часу, какъ это и по «Должности» велѣно дѣлать «для нужнѣйшихъ дѣлъ»[1]). Въ 1750 г. ген.-прокуроръ «предлагалъ» сенату списокъ указовъ съ 1741 г., по которымъ отъ сената не состоялось еще «надлежащаго исполненія», чѣмъ осторожно какъ-бы указывалъ сенату на необходимость немного усилить ему свою дѣятельность. Интересно отмѣтить, что сенатъ, видно, охотно реагировалъ на это напоминаніе и назначилъ особый день, именно, для этой нужды. А дѣлъ такихъ было достаточно, и между ними такія важныя, какъ напримѣръ, о никакъ не сходящихся между собой бюджетныхъ цыфрахъ сената и штатсъ-коллегіи за минувшіе годы, о государственномъ межеваніи и т. п.[2]).

Затѣмъ, дѣла, связанныя съ казеннымъ интересомъ, съ «интересомъ» въ болѣе широкомъ значеніи этого финансоваго термина XVIII вѣка, нерѣдко тоже выводили ген.-прокурора изъ состоянія индиферентизма, и онъ осмѣливался выступать передъ сенатомъ съ тѣми или иными конкретными предложеніями-инстигованіями. Такъ въ 1743 г. кн. Трубецкой дѣлаетъ сенату слѣдующее «предложеніе»: «въ Пр. Сенатъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ Архангелогородской губерніи прокуроръ Елагинъ отъ 2 декабря минувшаго 1742 г. доношеніемъ объявляетъ, что у города Архангельскаго съ 731 по 742 г. по записнымъ книгамъ казенной соли въ продажѣ было только 44701 пудъ, чему статься никакъ неможно,—чтобъ такимъ малымъ числомъ тамошнее множественное людство довольствоваться могли; чего ради представляетъ о опредѣленіи для искорененія потаеннаго ввоза соли тамошняго гарнизону офицеровъ съ командою. Оное его прокурора Елагина доношеніе для разсмотрѣнія и надлежащаго по указамъ Е. И. В. рѣшенія Пр. Сенату о реченномъ при семъ прилагается. А понеже, какъ изъ онаго его прокурора Елагина доношенія значится, отъ такова потаеннаго ввоза соли Высочайшему Е. И. В. интересу ущербъ приключается, и не безъ сумнѣнія, не нахо-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 72—74.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 124 и слѣд.

дится-ли и въ прочихъ городахъ такого потаеннаго соли вывоза и, кромѣ казенной продажи, отъ партикулярныхъ людей,— того ради чрезъ сіе Пр. Сенату предлагается, дабы соизволено было въ Соляную контору опредѣлить указомъ, чтобъ оная контора въ томъ крѣпкое и неослабное смотрѣніе имѣла по должности своей, и чрезъ то-бъ такія происходимыя казнѣ Е. И. В. ущербы пресѣчены быть могли»[1]). Въ теченіе ряда лѣтъ,—отъ 1742 до 1757 года, приблизительно,—ген.-прокуроръ дѣлаетъ сенату предложенія, обычно длинныя и обстоятельныя, въ которыхъ предначертываетъ рядъ мѣръ по поводу взиманія пошлинъ съ привозимыхъ изъ-за границы товаровъ; несомнѣнно, что эти мысли и конкретныя предложенія ген.-прокурорскія являлись подъ вліяніемъ разсмотрѣнія тѣхъ вѣдомостей съ данными о привозимыхъ товарахъ и пошлинахъ съ нихъ собираемыхъ, которыя ген.-прокурору регулярно присылались прокуроромъ Мануфактуръ-коллегіи[2]). Въ 1746 году ген.-прокуроръ дѣлаетъ сенату длинное, уснащенное въ концѣ рядомъ выдержекъ изъ всякаго рода указовъ «предложеніе», въ которомъ указываетъ, что по всей Имперіи, при многихъ городахъ имѣется большое количество пустующей земли, оставшейся отъ людей разныхъ службъ, нынѣ исчезнувшихъ; эти земли почти теперь никакого дохода казнѣ не даютъ, почему кн. Трубецкой и предлагаетъ ихъ распродать желающимъ, что̀, по его мнѣнію, принесетъ казнѣ не малую сумму денегъ[3]). Съ такимъ-же конкретнымъ «предложеніемъ» выступаетъ ген.-прокуроръ и еще разъ въ іюнѣ 1753 г., когда недостаточный надзоръ за кирпичными заводами въ Москвѣ позволялъ заводчикамъ неумѣренно повышать цѣну и тѣмъ наносить ущербъ «интересу Ея Имп. Вел.», такъ-какъ кирпичъ въ Москвѣ «надобенъ для строенія домовъ Е. И. В. и къ другимъ казеннымъ строеніямъ». Поэтому кн. Трубецкой предложилъ сенату: «не разсуждено-ли будетъ тѣ заводы, по числу дѣлающагося кирпича, раздѣлить одни на дворцовыя, а другіе—на протчія казенныя строенія и въ партикулярную продажу», причемъ не мѣшало-бы поручить кому-либо «въ особливое вѣдомство» эти заводы. Тутъ ген.-прокуроръ ссылается и на извѣстіе изъ Московскаго Магистрата, и на донесенія архитектора кн. Ухтомскаго и на то, что такое положеніе дѣла съ кирпичомъ въ Москвѣ вообще «Пр. Сенату извѣстно»[4]). Въ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 3.
[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 6396, л. 129 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8257, л. 118—133.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6410, л. 610—611.

1756 г. ген.-прокуроръ подробными «экстрактами» освѣдомляетъ сенатъ о томъ, какова «доимка и недоборъ» по разнымъ налогамъ (подушному, кабацкому, оброчнымъ и проч.) образовалась за 1755 и 1756 годы; этотъ докладъ сенатъ «слушали» и имѣли по немъ разсужденіе [1]).

Не трудно изъ вышеизложеннаго видѣть, что только очень рѣдко и по небольшимъ, случайнымъ какъ-бы дѣламъ и въ этой области выступалъ ген.-прокуроръ Елизаветинской эпохи передъ сенатомъ съ конкретными предложеніями. И, если мы вспомнимъ, какъ въ этомъ направленіи дѣйствовалъ Аннинскій оберъ-прокуроръ (въ роли генералъ-прокурорской), вспомнимъ содержаніе и тонъ его «предложеній» сенату, вспомнимъ, какъ сенатъ того времени точно выполнялъ предначертанія генералъ-прокурорской власти, какъ въ сильной мѣрѣ онъ шелъ подъ ея руководствомъ, у нея на поводу, и если сопоставимъ того властнаго и вліятельнаго такимъ положеніемъ вещей представителя Аннинской генералъ-прокуратуры съ Елизаветинскими, въ большинствѣ случаевъ безсильно пасующими и уклоняющимися передъ сенатомъ ген.-прокурорами, то ясно будетъ, какого рода и въ какую сторону произошло уклоненіе и видоизмѣненіе въ институтѣ ген.-прокуратуры за это время.

И только въ дѣлахъ о назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ лицъ въ подвѣдомственныхъ ген.-прокурору учрежденіяхъ, да въ дѣлахъ хозяйственныхъ по этимъ учрежденіямъ генералъ-прокуроръ осмѣливается дѣлать сенату всегда вполнѣ опредѣленныя и конкретно ясныя представленія. Въ 1755 году «декабря 16 дня, въ собраніи Прав. Сената генералъ-фельдмаршалъ, и генералъ-прокуроръ и кавалеръ, кн. Н. Ю. Трубецкой предложилъ списокъ о находящихся въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, и губерніяхъ прокурорахъ, что изъ оныхъ съ награжденіемъ чиновъ нѣкоторые должны быть опредѣлены къ другимъ дѣламъ, и о опредѣленіи на ихъ мѣста изъ губернскихъ въ должность, а въ губерніи и въ Главн. Магистратъ— представленныхъ въ томъ спискѣ по способности; приказали: 1) о произведеніи вновь въ коллежскіе прокуроры Ея Имп. Величеству къ Высочайшей конфирмаціи поднесть докладъ отъ него господина генерала-фельдмаршала и генер.-прокурора и кавалера; 2) представленныхъ какъ изъ коллежскихъ, такъ и изъ губернскихъ прокуроровъ вовсе въ отставку отъ всѣхъ дѣлъ отставить вовсе, и давъ пашпорты, отпустить въ домы ихъ; а о награжденіи ихъ при той отставкѣ рангами внесть съ того списка въ подаваемый отъ сената Ея Имп. Величеству докладъ;

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 900 и слѣд.

3) представленныхъ же въ поданномъ отъ сената докладѣ къ произвожденію въ статскіе совѣтники коллежскимъ прокурорамъ Самарину, Николаеву и Философову для опредѣленія къ другимъ дѣламъ явиться въ герольдію, а ревизіонъ-коллегіи—Афанасью Офросимову, переименовавъ его чиномъ коллежскаго совѣтника, присутствовать въ Московской межевой канцеляріи членомъ; а на ихъ мѣста назначеннымъ въ коллежскіе прокуроры до воспослѣдованія Ея Императорскаго Величества конфирмаціи изъ губернскихъ въ правленіе должностей нынѣ дѣйствительно вступить и о высылкѣ ихъ въ тѣ мѣста послать указы». Такъ рѣшилъ сенатъ по генералъ-прокурорскому «предложенію»; и затѣмъ Императрицѣ поступилъ «отъ генералъ-прокурора всеподданнѣйшій докладъ», гдѣ было написано: «въ штатсъ-контору да въ Оренбургскую губернію на мѣста бывшихъ прокуроровъ, которые за болѣзньми отставлены вовсе, также и на мѣста прокуроровъ, которые нынѣ представлены къ награжденію въ другіе чины, со всеподданнѣйшемъ прошеніемъ о Высочайшей Е. И. В. конфирмаціи по способности представляются въ прокуроры»;... и далѣе поименно перечисляются всѣ представляемые съ обозначеніемъ мѣстъ ихъ назначенія [1]).

Такимъ образомъ, генер.-прокуроръ въ «предложеніяхъ» своихъ сенату о чинахъ прокуратуры опредѣленно заявлялъ сенату о тѣхъ измѣненіяхъ въ личномъ составѣ, которыя онъ намѣревался сдѣлать, и, по одобреніи ихъ сенатомъ, взносилъ на конфирмацію Императрицѣ. Такой порядокъ въ 50-хъ годахъ, очевидно, являлся уже прочно установленнымъ. Вотъ примѣръ такого рода «предложенія» уже отъ сентября 1759 года. «Какъ Правит. Сенату извѣстно,—писалъ въ немъ генер.-прокуроръ,—что бывшей провіантской канцеляріи прокуроръ Родіоновъ по переименованіи его подполковникомъ опредѣленъ къ покупкѣ на армію лошадей въ Казанскую губернію;...къ опредѣленію же въ ту канцелярію въ прокуроры за достойнаго находимъ Сибирской губерніи прокурора Ф. Соловьева, который и по старшинству его передъ прочими губернскими прокуроры къ произвожденію въ коллежскіе слѣдуетъ. И для того Прав. Сенату чрезъ сіе предлагаемъ, да соблаговолитъ въ провіантскую кенцелярію опредѣлить онаго прокурора Соловьева; на мѣсто-жъ его Соловьева въ Сибирскую губернію въ прокуроры опредѣлить-же изъ отставныхъ поручика гр. Ап. Еп. с. Мусина-Пушкина, котораго къ тому также способнымъ признаваемъ». На это «предложеніе»

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6429, л. 572 и слѣд.

послѣдовало слѣдующее сенатское опредѣленіе: «1759 года сентября 23 дня въ собраніи Прав. Сенатъ по предложенію ген.-фельдмаршала, ген.-прокурора и кавалера кн. Н. Ю. Трубецкого и г. оберъ-прокурора Глѣбова приказали: въ главной провіантской канцеляріи на мѣсто бывшаго тамъ и опредѣленнаго нынѣ къ покупкѣ на армію лошадей прокурора Родіонова быть въ правленіи прокурорской должности Сибирской губерніи прокурору Ф. Соловьеву; а въ произведеніи его въ коллежскіе прокуроры Ея Импер. Величеству къ Высочайшей конфирмаціи поднесть докладъ отъ нихъ, господъ генер.-фельдмаршала, ген.-прокурора и кавалера и оберъ-прокурора; а на мѣсто его Соловьева въ Сибирскую губернію въ прокуроры опредѣлить изъ отставныхъ поручика гр. Ап. Еп. Мусина-Пушкина» [1]).

Такимъ образомъ, въ прокурорскихъ назначеніяхъ Елизаветинскій ген.-прокуроръ осмѣливался дѣлать сенату опредѣленно конкретныя предложенія, а не слѣдовать обычной политикѣ уклоненія. Вообще, гдѣ дѣло касалось личнаго состава зависимыхъ отъ него установленій, генералъ-прокуроръ держался такого-же тона въ своихъ къ сенату отношеніяхъ. Такъ, когда Архангельскій прокуроръ доносилъ о недостаткѣ подъячихъ въ Архангельскѣ и предлагалъ воспользоваться для пополненія ихъ состава обученными солдатскими дѣтьми, находящимися въ Архангельскѣ, то ген.-прокуроръ въ такомъ именно смыслѣ и сдѣлалъ «предложеніе» сенату, напомнивъ, что сенатъ уже разъ (въ 1738 году) такъ поступилъ по отношеніи Петрограда; при этомъ кн. Трубецкой даже проектируетъ эту мѣру сдѣлать общей, т. е. вездѣ, гдѣ не будетъ вообще хватать приказныхъ, пополнять ихъ составъ солдатскими дѣтьми изъ гарнизонныхъ школъ [2]). Когда оказалось очень неудобнымъ посылать на освидѣтельствованіе въ Медицинскую коллегію всѣхъ больныхъ приказныхъ генер.-прокурорскаго вѣдомства, то генер.-прокуроръ дѣлаетъ сенату «предложеніе» о необходимости опредѣленія при сенатѣ особаго лѣкаря [3]). Да и вообще всѣ дѣла, касающіяся служебныхъ назначеній и перемѣщеній въ подчиненныхъ власти генер.-прокурора учрежденіяхъ «предложеніями» сенату, и кн. Трубецкой, и кн. Шаховской обычно уже конкретно предрѣшали; и дѣло фактически сводилось только къ санкціи сенатомъ генер.-прокурорскихъ желаній [4]).

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6429, л. 598—600.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 7.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8260, л. 14—15.
[4]) См. наприм. сен. кн. 1681, 6402 и др. passim.

Такого-же рода, обычно, бывали отношенія сената и ген.-прокуратуры по дѣламъ мелкимъ, хозяйственнымъ ему подчиненныхъ учрежденій. Хотя объ нихъ ген.-прокуроръ всегда почти докладывалъ сенату въ видѣ «предложеній», но всѣ эти предложенія носили опредѣленно конкретный характеръ. Такъ, напримѣръ, въ 1743 г. кн. Трубецкой предлагаетъ сенату сдѣлать нѣкоторыя распоряженія по пріисканію въ Москвѣ помѣщеній для переселяющагося вмѣстѣ съ Императрицею сената, причемъ вполнѣ опредѣленно намѣчаетъ, какія помѣщенія должны для этого отойти; требовалось только, чтобъ «соблаговолено было надлежащее опредѣленіе учинить, о чемъ Пр. Сенату чрезъ сіе предлагается», такъ кн. Трубецкой заканчиваетъ свое обращеніе къ сенату [1]). Всякія мелкія хозяйственныя дѣла по сенатской канцеляріи, сопряженныя съ тратами денегъ, также уже предрѣшенными, предлагалъ сенату ген.-прокуроръ; здѣсь онъ не уклонялся выражать свое мнѣніе и, значитъ, его «инстиговать»; въ этихъ, и только въ этихъ, случаяхъ Елизаветинскій глава прокуратуры рѣшался выступать въ опредѣленной позиціи, съ точно формулированными желаніями и требованіями; только въ этой сферѣ его отношенія къ сенату носили старый, какъ-бы властный отпечатокъ Аннинскаго времени. Въ дѣлахъ объ устройствѣ квартиръ для сенатскихъ сторожей, о награжденіяхъ сенатскихъ канцеляристовъ, о покупкѣ для сената новыхъ часовъ и продажѣ старыхъ, о прибавкѣ жалованья наборщикамъ сенатской типографіи, о покупкѣ учебныхъ пособій для школы юнкеровъ и т. п. [2]), въ такихъ дѣлахъ ген.-прокуроръ выступалъ передъ сенатомъ со вполнѣ опредѣленными мнѣніями и требованіями и, надо сказать, не встрѣчалъ въ исполненіи ихъ отказа со стороны сената.

При вышеочерченномъ отношеніи ген.-прокурора къ сенату Елизаветинскаго времени, невольно возникаетъ вопросъ о возможности вообще для ген.-прокурора протестовать какое-либо постановленіе сената, его останавливая и доводя до свѣдѣнія и рѣшенія верховной власти. Общій принципъ уклоненія и невмѣшательства, очень предупредительное исполненіе всѣхъ сенатскихъ порученій, болѣе, чѣмъ осторожное, освѣдомленіе сената о разныхъ мелочахъ, вродѣ покупки новыхъ стѣнныхъ часовъ,—все это въ совокупности, какъ характеризующее отношеніе ген.-прокуратуры къ сенату, едва-ли позво-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 44—45.

[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 8256, л. 155, сен. кн. 6402, л. 36, 247, 277 и др.

ляетъ допускать возможность наряду съ этимъ существованія опредѣленныхъ протестовъ, споровъ и несогласій у этихъ двухъ установленій, несогласій по существу дѣлъ, которыя-бы, въ разрѣшеніе ихъ непримиримаго конфликта, доводились до верховной власти. Всѣ тѣ ген.-прокурорскіе протесты, которые намъ пришлось найти въ дѣлахъ, носятъ одинъ вполнѣ опредѣленный признакъ: это—протесты при болѣе или менѣе крупныхъ разногласіяхъ среди сенаторовъ въ рѣшеніи какого-либо дѣла; только въ такомъ случаѣ ген.-прокуроръ и рѣшается, останавливая резолюцію сената,—вынесенную слѣдовательно шаткимъ и непрочнымъ большинствомъ,—её протестовать передъ верховной властью, причемъ даже не всегда по существу, а иногда просто изъ-за «сумнѣнія» въ возможности рѣшенія важнаго дѣла съ такими спорами и разногласіями. Еще одно наблюденіе: почти всегда ген.-прокуроръ поддерживаетъ и защищаетъ мнѣніе большинства, мнѣніе сильнѣйшихъ, если онъ въ протестѣ своемъ касается существа дѣла. Едва-ли такой образъ дѣйствія ген.-прокурора могъ быть оправданъ Петровской «Должностью»; тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ отклоненіемъ отъ нея и не въ сторону усиленія власти ген.-прокурора. Что это такъ, доказать нетрудно. Мы разсмотримъ въ дальнѣйшемъ изложеніи всѣ, встрѣтившіеся намъ въ дѣлахъ, протесты ген.-прокурора. Если предположить, что нѣкоторая доля ихъ нами случайно неусмотрѣна и пропущена, то во всякомъ случаѣ въ полѣ нашего зрѣнія ихъ имѣется такое относительно большое количество, что, думается, можно съ достаточной точностью дѣлать изъ него выводы того общаго характера, которые мы только-что выше изложили.

Въ январѣ 1742 г. кн. Трубецкой, по обычаю совмѣстно съ оберъ-прокуроромъ, подноситъ Императрицѣ «всеподданнѣйшее доношеніе», въ которомъ излагаетъ свой протестъ на дѣйствія сената. Еще въ 1717 году началось гражданское тяжебное дѣло капит. Сумарокова съ Соломонидой Беклемишевой; оно проходило рядъ инстанцій, наконецъ, дошло до сената больше, чѣмъ черезъ 20 лѣтъ; въ сенатѣ его слушали и постановили наконецъ рѣшеніе; но уже послѣ этого рѣшенія и послѣ подписи журнала сен. Новосильцевъ вдругъ объявилъ свое особое мнѣніе, несогласное съ рѣшеніемъ; тогда ген.-прокуроръ представлялъ, что такой поступокъ противорѣчитъ законамъ, и этого мнѣнія уже принимать не надлежитъ, и предлагалъ поэтому Новосильцеву подписать уже состоявшееся, въ журналъ занесенное, сенатское рѣшеніе; но Ново-

сильцевъ заявилъ, что онъ «остается на своемъ мнѣніи»; а тутъ еще сенаторы Нарышкинъ и Стрѣшневъ, уже подписавшіе ранѣе журналъ, теперь заявляли, «чтобы оное дѣло паки выслушать со вступившими вновь сенаторами»; на это ген.-прокуроръ возражалъ, что перерѣшать законно разъ рѣшеныхъ дѣлъ нельзя по указу; но названные сенаторы «утвердились на ономъ рѣшеніи», а Новосильцевъ тоже не покидалъ своей позиціи. Тогда, видимо, ища выхода, могущаго всѣхъ удовлетворить, ген.-прокуроръ предложилъ это дѣло въ протокольномъ его изложеніи этимъ «вступившимъ вновь» сенаторамъ: Наумову, Ушакову и Чернышеву. Но изъ нихъ только Наумовъ примкнулъ къ уже состоявшемуся рѣшенію, а Ушаковъ и Чернышевъ примкнули къ мнѣнію Новосильцева. Словомъ, получалась полная разноголосица. И только тогда, изложивъ все выше приведенное, ґенералъ и оберъ прокуроры входятъ съ протестомъ къ Императрицѣ, останавливая дѣло. Въ своемъ протестѣ ген.-прокуроръ пишетъ, что тутъ явное пренебреженіе многими указами, на которые онъ и ссылается, притомъ всѣ формы нарушены; а потому онъ и долженъ былъ довести объ этомъ до свѣдѣнія и рѣшенія Императрицы, опираясь на Петровскіе указы въ оправданіе своихъ дѣйствій [1]). Однако, бывали случаи, когда при такихъ разногласіяхъ ген.-прокурору удавалось своимъ «предложеніемъ» внести нужную солидарность въ сенаторскую среду, и тогда, конечно, онъ не доводилъ дѣла до протеста. Такъ въ ноябрѣ 1743 г. кн. Трубецкой дѣлаетъ сенату длинное «предложеніе», гдѣ, излагая одно тяжебное дѣло (сводящееся въ концѣ концевъ къ утвержденію или неутвержденію одного крѣпостного акта), разсказываетъ его перипетіи до сената включительно, гдѣ оно разсматривалось не одинъ разъ, но всегда вызывало большія разногласія; въ результатѣ, наконецъ, шесть сенаторовъ высказались за утвержденіе спорнаго крѣпостного акта, а четверо—противъ, т. е. произошелъ полный расколъ. Тутъ ген.-прокуроръ поэтому-то и даетъ свой разборъ дѣла по существу, доказывая необходимость неутвержденія крѣп. акта, и предлагаетъ сенату «имѣть еще разсужденіе и рѣшеніе учинить по онымъ точнымъ на то дѣло уложенному пункту и указамъ». Кажется, это предложеніе возымѣло свое дѣйствіе, и дѣло обходится безъ протеста [2]). Но въ томъ-же году, по другому дѣлу кн. Трубецкой и Брылкинъ подали протестъ Императрицѣ въ виду того, что сенаторы

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6396, л. 6 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255.

заспорили и разошлись во мнѣніяхъ безнадежно. Бар. Шембергъ, управлявшій сибирскими казенными рудниками, запродалъ тремъ англійскимъ купцамъ (Ниперу, Ганзену и Феслеру) желѣзную руду, но затѣмъ былъ отстраненъ отъ управленія, и купцы просили имъ возвратить хотя-бы задатокъ, который они дали за руду. По рѣшенію сената, вынесенному въ личномъ присутствіи въ засѣданіи самой Императрицы, велѣно было это дѣло точно и подробно обслѣдовать Коммерцъ-коллегіи и подать объ этомъ съ ея мнѣніемъ рапортъ въ сенатъ. Коммерцъ-коллегія рѣшила, что этотъ контрактъ надо утвердить, хотя онъ и сдѣланъ не по надлежащей формѣ. Сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ коллегіи, но сен. Новосильцевъ выступилъ съ противнымъ мнѣніемъ, что контрактъ, въ виду нарушенія формъ, никакъ нельзя утверждать. Это Новосильцевское возраженіе не подѣйствовало на сенаторовъ, которые продолжали «согласно имѣть разсужденіе» другое. Тогда ген.-прокуроръ, ссылаясь на пункты 2 и 9 «Должности», выступаетъ съ протестомъ, доводя все дѣло «всеподданнѣйшимъ доношеніемъ» до вѣдома Елизаветы; при этомъ мотивируетъ, что онъ обязанъ доносить немедля Ея Имп. Величеству, если кто изъ сенаторовъ будетъ дѣлать «противное» и не послушаетъ ген.-прокурора, какъ именно и дѣлалъ сен. Новосильцевъ. Характерно, что самъ ген.-прокуроръ всецѣло примыкаетъ къ мнѣнію большинства и его поддерживаетъ передъ Елизаветой [1]).

Иногда ген.-прокурору приходилось только пригрозить какъ-бы своимъ протестомъ, чтобы дѣло приходило къ какому-либо согласному рѣшенію. Такъ,—долго тянулось дѣло о подмѣнѣ одной помѣщицею ея мертворожденнаго ребенка живымъ (что̀ было сдѣлано въ цѣляхъ полученія наслѣдства), пока, наконецъ, въ Судномъ Приказѣ прокуроръ не заявилъ протестъ противъ веденія этого процесса «судомъ», требуя примѣненія «сыска». Этотъ протестъ ген.-прокуроромъ, по обычаю, былъ переданъ сенату, и тутъ мнѣнія сенаторовъ раздѣлились; на одной сторонѣ оказалось большинство, стоявшее за сыскное производство этого дѣла, а на другой—меньшинство изъ двухъ сенаторовъ Шувалова и Бутурлина,—которые стояли за «судъ»; къ нимъ присоединился еще гр. Чернышевъ, отколовшійся отъ большинства. Очевидно, разногласіе было острое, добиться примиряющаго рѣшенія не удавалось; тогда ген.-прокуроръ входитъ въ сенатъ съ формальнымъ «предложеніемъ», чтобы «соизволили» всѣ согла-

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6396, л. 19—29.

ситься на рѣшеніе большинства, которое и самъ кн. Трубецкой считаетъ наиболѣе соотвѣтственнымъ законамъ, и при этомъ прибавляетъ, что если все-таки разногласіе будетъ продолжаться, то онъ будетъ принужденъ, пріостановя дѣло, его протестовать, донести обо всемъ Императрицѣ. Надо думать, что въ концѣ концовъ примиряющее рѣшеніе было достигнуто, ибо «протеста» ген.-прокурора по этому дѣлу не послѣдовало [1]). Въ 1746 году вызвало въ сенатѣ разногласіе большое дѣло по доносу о злоупотребленіяхъ, будто чинимыхъ въ Малороссіи при взиманіи «индуктнаго сбора», отданнаго на откупъ нѣкоему Тернавіоту. Большинство сената рѣшаетъ, что, прежде чѣмъ порвать контрактъ съ Тернавіотомъ, надо это дѣло изслѣдовать; но противъ такого рѣшенія возстаетъ могущественный гр. Петръ Шуваловъ, по мнѣнію котораго дѣло настолько ясно, что надо немедленно этотъ откупъ отнять у Тернавіота. Тогда выступаетъ ген.-прокуроръ, видимо, желая своимъ «предложеніемъ» дать примиряющее рѣшеніе; изложивъ сущность дѣла, онъ пишетъ въ своемъ «предложеніи»: «и для того мы въ силѣ данныхъ 27 апрѣля 1722 года за подписаніемъ бл. и в.-д. с. д. п. гос. имп. Петра Великаго собственныя руки должностей: ген.-прокурору 2, Пр. Сенату 9 пунктовъ вышеписанное опредѣленіе ко исполненію допустить опасны, чего ради не изволитъ-ли Пр. Сенатъ, принявъ всѣ вышеобъявленныя обстоятельства въ разсужденіе, опредѣлить нынѣ: во-первыхъ, означенное находящееся въ Малой Россіи о генеральной войсковой канцеляріи о показанномъ индуктномъ сборѣ противъ доношенія асаула Володковскаго на объявленнаго Тернавіота дѣло, по которому у нихъ и судъ былъ, также изъ бывшаго покойнымъ генераламъ княземъ Шаховскимъ слѣдствія экстрактъ, и что еще къ тому потребно, изъ генеральной войсковой канцеляріи къ подлинному разсмотрѣнію черезъ нарочно посланнаго забрать въ Пр. Сенатъ немедленно, изъ котораго о всемъ томъ основательнѣе усмотрѣть возможно будетъ; и ежели изъ показаннаго взятаго дѣла и прочихъ потребныхъ къ тому изъ генеральной войсковой канцеляріи извѣстій о излишнихъ въ индуктныхъ сборахъ Тернавіотомъ усмотрѣно будетъ, тогда уже безъ всякаго сумнѣнія должно будетъ его Тернавіота отъ индукты и до наступленія срока отрѣшить; а буде-же бы изъ того дѣла и вѣдомостей обстоятельно всего усмотрѣть не можно было, тогда уже доложить Ея Имп. Величеству съ такимъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, что не соизволитъ-ли Ея Имп. Величество для

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6396, л. 30—43.

подлиннаго по оному на нихъ Тернавіота съ товарищи въ индуктѣ противъ прежняго обыкновенія излишнихъ сборѣхъ показанію слѣдствія въ Мал. Россію послать гвардіи изъ штабъ или оберъ офицеровъ надежную персону, которому о всемъ томъ накрѣпко и безъ всякаго продолженія изслѣдовать и освидѣтельствовать подлинно; а при томъ слѣдствіи быть какъ отъ нихъ Малороссійской генеральной старшины, кого они къ тому изберутъ, депутатомъ, такъ и оному Тернавіоту или отъ него повѣреннымъ; и ежели по тому слѣдствію явится, что оный войтъ Тернавіотъ съ товарищи противъ прежняго обыкновенія и въ противность заключеннаго съ нимъ контракта сбирали что излишнее, то его Тернавіота съ товарищи отъ тѣхъ сборовъ до срока отрѣшить, а въ Пр. Сенатъ для учиненія ему штрафу съ прописаніемъ указовъ и съ приложеніемъ своего мнѣнія представить. И для того о всемъ ономъ по силѣ вышеозначенныхъ должностей Пр. Сената 9 и генералъ-прокурора 2 пунктовъ Пр. Сенату предложить должны себя находимъ» [1]). Но этимъ «предложеніемъ», очевидно, не удалось кн. Трубецкому примирить сенаторскія разногласія; пришлось уже поэтому прибѣгнуть къ формальному «протесту». Кн. Трубецкой шлетъ «всеподданнѣйшее доношеніе», въ которомъ говоритъ,—по обычаю отъ имени своего и оберъ-прокурора,—что «мы, усмотрѣвъ оныхъ господъ сенаторовъ во мнѣніяхъ несогласія и къ тому признавая требующіяся показанныя въ нашемъ предложеніи и въ экстрактѣ недостаточныя обстоятельства къ разбиранію того дѣла, принуждены показанное дѣло, протестуя, остановить» [2]). Такъ ген.-прокуроръ, видимо, идетъ всетаки за большинствомъ сената; однако, въ меньшинствѣ остался такой крупный и могущественный, близкій Императрицѣ человѣкъ, какъ гр. П. Шуваловъ. И это очень учитываетъ кн. Трубецкой; во-первыхъ, его вышеприводимое «предложеніе» является всетаки примиряющимъ оба мнѣнія, хотя и съ явнымъ уклономъ въ пользу мнѣнія большинства; а, во-вторыхъ, рѣшаясь на «протестъ» и понимая, что онъ этимъ вступаетъ въ нѣкоторый несомнѣнный конфликтъ съ гр. Шуваловымъ, ген.-прокуроръ это смягчаетъ и сглаживаетъ въ концѣ своего всеподданнѣйшаго доношенія такимъ образомъ»: «что-же показанный (титулъ) Шуваловъ въ послѣднемъ на наше предложеніе своемъ мнѣніи написалъ: при слушаніи де и подпискѣ вышеупомянутаго опредѣленія о противномъ рѣшеніи того дѣла ген.-прокуроромъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8257, л. 63—85.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6396, л. 66 об.

было не упомянуто, но то де опредѣленіе имъ апробовано и оберъ-секретаремъ подписано и при присутствіи де его, ген.-прокурора, Пр. Сенатъ подписалъ безъ запоминанія многихъ резоновъ, которые де явились нынѣ въ письменномъ предложеніи его,—и то онъ, г. ген.-лейтенантъ и кавалеръ, объявляетъ напрасно», затѣмъ на цѣлой страницѣ очень подробно кн. Трубецкой осторожно оправдывается въ своихъ дѣйствіяхъ передъ Императрицею [1]). Такъ мнѣніе даже одного сенатора заставляетъ Елизаветинскаго ген.-прокурора иногда быть весьма насторожѣ и, принимая его во вниманіе, съ нимъ очень считаться. А это тоже едва-ли говоритъ о могуществѣ ген.-прокурора при несомнѣнно могущественномъ сенатѣ.

Въ Петровское и послѣдующее время мы не имѣли случая наблюдать такой зависимости ген.-прокурора отъ отдѣльныхъ, хотя бы и очень вліятельныхъ, сенатскихъ членовъ. Характерно съ этой же точки зрѣнія и еще одно дѣло, имѣвшее мѣсто значительно позже, уже въ 1761 году, уже при другомъ ген.-прокурорѣ, при кн. Шаховскомъ, но рисующее то же положеніе вещей. Въ 1761 году возмутились крестьяне, приписные къ Овзяно-петровскимъ заводамъ Демидовыхъ, требуя ихъ обратнаго переселенія въ тѣ мѣста въ Казанскомъ уѣздѣ, гдѣ они жили до приписки къ заводамъ, о чемъ и подали челобитную въ сенатъ; а Евд. Демидовъ, съ своей стороны, просилъ сенатъ тогда же усмирить этихъ взбунтовавшихся крестьянъ и дать для этого на заводъ воинскую команду. Сенатъ рѣшилъ, что дѣло это уже было разсмотрѣно; крестьяне только бунтуются; и потому надо послать указы въ надлежащія мѣста, чтобы не допускалось дальнѣйшаго неповиновенія крестьянъ. Такое сенатское опредѣленіе послалъ ген.-прокуроръ подписать небывшему въ засѣданіи сенатору Костюрину; но онъ его не подписалъ, а прислалъ свое особое мнѣніе, которое было заслушано въ сенатѣ, гдѣ рѣшено,—согласно и съ мнѣніемъ ген.-прокурора,—мнѣніе это просто пріобщить къ «генеральной о всѣхъ партикулярныхъ заводахъ и о всѣхъ приписныхъ крестьянахъ разсмотрѣніи выпискѣ». Это опредѣленіе для подписи ген.-прокуроръ тоже отправилъ Костюрину, но тотъ заявилъ, что онъ мнѣнія своего перемѣнить не можетъ и подъ такимъ опредѣленіемъ сената тоже не подпишется. Тогда кн. Шаховской дѣлаетъ формальное «предложеніе» сенату, гдѣ излагаетъ этотъ отказъ Костюрина, который ведетъ только къ замедленію въ рѣшеніи дѣла. Все это изложено крайне осторожно и, какъ будто, только для свѣдѣнія

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6396, л. 67 и слѣд.

сената. Однако, затѣмъ ген.-прокуръ протестуетъ рѣшеніе сената въ силу такого разногласія и доводитъ о немъ до свѣдѣнія Императрицы «всеподданѣйшимъ доношеніемъ», которое, изложивъ всѣ обстоятельства дѣла, онъ заканчиваетъ такъ: «въ инструкціи должности нашей во 2-мъ пунктѣ между прочимъ написано: долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ, а ежели что увидитъ противное сему, тогда въ тотъ же часъ повиненъ предлагать Сенату явно съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они, или нѣкоторые изъ нихъ, не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили; а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать и собою дѣло остановить и немедленно донесть; того ради въ силу оной означенное подписанное опредѣленіе, къ коему г. сен. Костюринъ, не согласовавъ, далъ свое мнѣніе сего марта дня въ Пр. Сенатѣ г.г. присутствующимъ, протестовать и, производство оному опредѣленію остановя, чрезъ сіе всеподданнѣйше съ приложеніемъ вышеписаннаго Пр. Сената опредѣленія и съ поданнаго отъ сен. Костюрина мнѣнія копій для разсмотрѣнія и благоволенія Вашему Импер. Величеству всеподданнѣйше подносимъ и ожидать будемъ Высочайшаго указа» [1]). Очевиденъ крайне осторожный тонъ этого протеста; идетъ прежде всего точная и длинная ссылка въ оправданіе на текстъ «Должности»; затѣмъ ясна, хотя и опять весьма мягко и осторожно выражена, защита ген.-прокуроромъ мнѣнія большинства Сената,— а съ другой стороны, несомнѣнно желаніе ген.-прокурора не обойти какъ-либо неосторожно мнѣніе отдѣльнаго сенатора; причемъ и въ «предложеніи» своемъ, и во «всеподданнѣйшемъ доношеніи» кн. Шаховской какъ-то неясно говоритъ о своемъ мнѣніи по существу дѣла, а опредѣленно указываетъ на формальную сторону, на замедленіе дѣла. Это «всеподданнѣйшее доношеніе» было поднесено Императрицѣ оберъ-прокуроромъ гр. И. Гр. Чернышевымъ и по нему послѣдовало повелѣніе, «чтобъ крестьянъ усмирить, дабы ко онымъ и другіе пристать не могли; а поданное о ономъ наше доношеніе и мнѣніе сенатора и кавалера Костюрина разсмотрѣть», обѣщала Императрица.

Итакъ, когда Елизаветинскій генералъ-прокуроръ обращался къ Императрицѣ съ протестомъ по поводу дѣйствій сената, то это бывало только въ томъ случаѣ, если въ средѣ самаго сената происходило разногласіе по какому-либо вопросу; причемъ и тогда ген.-прокуроръ обычно бралъ сторону большинства и не столько настаивалъ на томъ или иномъ рѣше-

[1]) М. А. М. Ю. сен кн. 6434, л. 36—46.

ніи въ существѣ вопроса, сколько стоялъ на формальной сторонѣ дѣла и считался не только со мнѣніемъ большинства, но не забывалъ отдавать осторожно дань соотвѣтственнаго уваженія и мнѣнію меньшинства, хотя бы одного сенатора, особенно же если этотъ сенаторъ былъ лично вліятельный человѣкъ. Въ послѣднемъ случаѣ генералъ-прокуроръ особенно тщательно оправдывалъ свое право на вмѣшательство и на протестъ передъ верховной властью, какъ бы заранѣе защищаясь отъ возможныхъ его обвиненій въ неправильномъ обращеніи со своимъ правомъ протеста.

Эта тактика и кн. Трубецкого, и кн. Шаховского проводилась, видимо, постоянно и при обычныхъ, не сопряженныхъ съ протестомъ «предложеніяхъ» ихъ сенату, если они на нихъ рѣшались. И всѣ эти «предложенія» являлись только тогда, когда въ средѣ сенаторовъ происходило разногласіе, когда надо было внести согласіе въ разрѣшеніе дѣла, прежде всего чтобы не страдала формальная, дѣлопроизводственная сторона, не было замедленія и неуказного движенія въ дѣлѣ. Такъ, въ 1746 году ген.-прокуроръ обращается къ сенату съ обстоятельнымъ «предложеніемъ», когда по дѣлу объ извѣстномъ пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ въ сенаторской средѣ возникло большое разногласіе. Однако, всѣ сенаторы были согласны въ томъ, что надо производить слѣдствіе по этому дѣлу. Выяснивъ это, ген.-прокуроръ дѣлаетъ «предложеніе» сенату: «не соизволитъ-ли по тому дѣлу..., принявъ всѣ выше объявленныя обстоятельства въ разсужденіе, учинить надлежащее въ силѣ Е. И. В. указовъ рѣшеніе» и рѣшить производить это слѣдствіе; причемъ кн. Трубецкой стремится такое опредѣленіе дополнительно развить въ нѣкоторыхъ частностяхъ [1]). Въ 1750 г. сенату пришлось рѣшать еще одно дѣло, въ которомъ мнѣнія сенаторовъ тоже рѣзко и непримиримо разошлись. Нѣкій крестьянинъ оберъ-кригсъ-комиссара Свѣчина попался въ корчемствѣ и былъ приведенъ въ корчемную контору; секретарь ея, Богдановъ, его отпустилъ; сенатъ передалъ этотъ случай на разсмотрѣніе Каморъ-коллегіи; но Свѣчинъ подалъ въ сенатъ челобитную, прося отрѣшить отъ изслѣдованія этого дѣла президента коллегіи Кисловскаго и нѣкоторыхъ другихъ присутствующихъ. Дѣло это слушалось въ сенатѣ; мнѣнія раздѣлились; одни сенаторы (кн. М. М. Голицынъ и кн. Ал. Дм. Голицынъ) были за неотрѣшеніе Кисловскаго, а другіе (кн. Юсуповъ, Щербатовъ и двое кн. Одоевскихъ) соглашались на отрѣшеніе, но только одного Кисловскаго, уважая приводимые Свѣчинымъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6396, л. 44—50.

доводы. Видя это, генералъ-прокуроръ «словесно» предлагалъ, чтобы «подписанный двумя персонами журналъ они, господа сенаторы, безотмѣнно прежняго своего разсужденія подписали», чтобы не было въ этомъ дѣлѣ излишняго продолженія; очевидно, что въ засѣданіи 7-го іюня былъ «согласное разсужденіе» объ отрѣшеніи Кисловскаго; но двое Голицыныхъ его и подписали; а другіе, перемѣнивъ затѣмъ мнѣніе, уже не захотѣли подписывать такого опредѣленія. Кн. Трубецкой, становясь на сторону этого только двумя подписаннаго «опредѣленія» о неотрѣшеніи Кисловскаго, упорно ссылается въ текстѣ «предложенія» на 9 и 2 пункты «Должности»; притомъ,—что̀ очень характерно,—опять стремится перенести центръ тяжести своего предложенія на формальную сторону, говоря, что будетъ еще время, если окажется нужнымъ, отрѣшить Кисловскаго, а пока это разногласіе прежде всего только «паче продолженіе чинитъ», что̀ «не надлежитъ, ибо я опасенъ, чтобъ такое оному слѣдствію продолженіе не причлось мнѣ яко-бы къ несмотрѣнію, и о томъ чрезъ сіе Пр. Сенату предлагаю». Такъ Трубецкой заканчиваетъ это свое «предложеніе»[1]). Та же формальная сторона еще болѣе ярко, какъ основной моментъ, выдвигается ген.-прокуроромъ въ другомъ его «предложеніи» сенату отъ 1751 года. Въ виду оказавшагося недостатка въ центральной Россіи выкуреннаго вина, откупщики Новгородской и Псковской губерніи просятъ сенатъ имъ разрѣшить, закупить вино въ Лифляндіи; сенатъ даетъ на это разрѣшеніе, приказывая и впредь такъ поступать, если когдалибо опять обнаружится такой недостатокъ вина въ средней Россіи. На такомъ рѣшеніи вопроса согласилось большинство сенаторовъ; одинъ,—кн. Ив. Одоевскій,—выступилъ съ особымъ мнѣніемъ, въ которомъ полагалъ необходимымъ не давать на такую покупку разрѣшенія, ссылаясь на плутовство откупщиковъ. Это особое мнѣніе было написано до составленія и закрѣпленія сенатскаго журнала, что̀ формально не надлежитъ, какъ отмѣчаетъ ген.-прокуроръ; а тутъ еще другой сенаторъ,—кн. Щербатовъ,—хотя журналъ и подписалъ безъ всякихъ оговорокъ, но затѣмъ прислалъ особое мнѣніе, согласное съ мнѣніемъ кн. Одоевскаго, что̀ то-же является формально незаконнымъ, какъ это и отмѣчаетъ ген.-прокуроръ, ссылаясь на 6 главу Регламента и на 9 пунктъ сенатской «Должности». Изложивъ все это, ген.-прокуроръ уговариваетъ сенаторовъ примириться и подписать общее опредѣленіе, такъ какъ дѣло страдаетъ отъ проволочки, и можетъ быть ущербъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8263, л. 33—40.

«интереса Ея Имп. Величества»; «приращеніе Высочайшаго Е. И. В. интереса должно всѣмъ единогласно обще крайне стараться; отъ чего-же де ущербъ воспослѣдовать могъ, оное всемѣрно отвращать, какъ въ вышеприписанныхъ должностей сената и ген.-прокурора пунктахъ точно повелѣвается. И для того въ противномъ случаѣ, ежели оное опредѣленіе согласно всѣми окончено не будетъ,—должны мы будемъ о томъ всеподданнѣйше доносить Ея Имп. Величеству; а причиною того казеннаго ущербу остаются тѣ, отъ кого тому остановка послѣдуетъ. Ежели-же г. тайный совѣтникъ кн. Одоевскій, какъ въ вышеписанномъ мнѣніи своемъ пишетъ, о какомъ-либо плутовствѣ означенныхъ откупщиковъ подлинно извѣстенъ, о томъ по силѣ генералъ-регламента 19 главы долженъ со изъясненіемъ того имянно объявить особливо письменно, не останавливая сего нужнѣйшаго дѣла, о чемъ по тому и надлежащее опредѣленіе по силѣ указовъ учинено будетъ, какъ скоро возможно, безъ упущенія»[1]). Такъ по этому дѣлу ген.-прокуроръ заканчиваетъ свое «предложеніе». Несомнѣнно, что здѣсь центръ тяжести ген.-прокуроръ переноситъ на формальную сторону и на «интересъ Е. И. В.»; онъ самое существо дѣла оставляетъ въ сторонѣ; свою главную роль онъ какъ-бы видитъ въ возстановленіи формальной правильности въ ходѣ дѣла—и только. Съ этой же точки зрѣнія ген.-прокуроръ и предупреждаетъ сенатъ, что, въ случаѣ продолженія разногласія, ему придется обратиться съ протестомъ къ верховной власти: не по существу рѣшенія дѣла, а вслѣдствіе нарушенія формъ производства будетъ слѣдовать этотъ ген.-прокурорскій протестъ. Такое несомнѣнно обуженное и формальное пониманіе ген.-прокуроромъ своихъ правъ и обязанностей передъ сенатомъ сравнительно съ Петровской «Должностью», отразилось въ этомъ его протестѣ. Когда въ томъ-же году еще по другому дѣлу выступилъ (или хотѣлъ выступить,—см. ниже) со своимъ протестомъ ген.-прокуроръ, то вновь это случилось именно тогда, когда во мнѣніяхъ сенаторовъ произошли большія разногласія. Очевидно, только черновой, неоконченный набросокъ «предложенія» до насъ и дошелъ, такъ-что является вопросъ, осуществилъ-ли это свое предложеніе ген.-прокуроръ. По поводу одного денежнаго злоупотребленія въ таможнѣ двухъ «таможенныхъ управителей», былъ данъ именной указъ о невзысканіи съ виновныхъ суммы начета; а между тѣмъ уже послѣ, при разсмотрѣніи въ сенатѣ доношенія по этому дѣлу Ревизіонъ-коллегіи, оказалось, что были у этихъ «управителей» еще и другія злоупотребленія, почему

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8263, л. 87—98.

сенатъ опредѣлилъ, чтобы Ревизіонъ-контора продолжала слѣдствіе, о результатахъ котораго должна донести сенату; причемъ предполагалось въ «опредѣленіи», что сенатъ тогда доложитъ объ этомъ Императрицѣ дополнительно. Всѣ сенаторы подписали такое рѣшеніе; но двое его подписать отказались (кн. Ив. Щербатовъ и кн. Ив. Одоевскій), мотивируя тѣмъ, что по ихъ мнѣнію далѣе никакого слѣдствія о злоупотребленіяхъ этихъ таможенныхъ управителей вести не надлежитъ, и никакого доклада поэтому Императрицѣ объ этомъ дѣлѣ подавать не надо, «но единое повиновеніе и исполненіе къ повелѣнію высочайшему Ея Имп. Величества изъ высочайшей милости указъ исполнить должно»[1]). Неизвѣстно, какъ ген.-прокуроръ стремился примирить разногласіе, такъ какъ предложеніе осталось недописаннымъ; вѣроятно, въ немъ миновала надобность. Но оно все-таки остается показательнымъ, внѣ зависимости отъ рѣшенія вопроса о его осуществленіи; это опять предложеніе, поданное ген.-прокуроромъ въ случаѣ сенатскаго разногласія, въ случаѣ, слѣдовательно, прежде всего формально дѣлопроизводственныхъ неурядицъ въ сенатѣ; не существо дѣла, а эта формальная сторона его прохожденія въ сенатѣ была на первомъ планѣ для ген.-прокурора. И опять то-же впечатлѣніе, что только въ подобныхъ случаяхъ сенатскихъ раздоровъ и рѣшался ген.-прокуроръ Елизаветинскаго времени входить въ сенатъ со своими «предложеніями», захватывающими болѣе или менѣе широко область государственнаго правленія въ ея существенной, а не только внѣшнеформальной области, выходящими изъ узкихъ предѣловъ хозяйственныхъ, да, пожалуй, мелкихъ интересныхъ дѣлъ. Чтò при этомъ генералъ-прокуроръ чувствовалъ себя очень стѣсненнымъ, иногда подавленнымъ какъ-бы, личными мнѣніями даже отдѣльныхъ, вліятельныхъ сенаторовъ, слѣды этого несомнѣнно есть, какъ видѣли, во многихъ вышеприведенныхъ ген.-прокурорскихъ «предложеніяхъ».

Подтверждается это и нѣкоторыми мѣстами изъ записокъ кн. Шаховского. Гр. П. И. Шуваловъ внесъ въ сенатъ проектъ о передѣлѣ мѣдныхъ денегъ, чтобы изъ пуда мѣди дѣлать не шестнадцать, а тридцать два рубля. Кн. Шаховской, разсмотрѣвъ этотъ проектъ, отнесся къ нему отрицательно и приготовилъ сенату соотвѣтственное «предложеніе», которое являлось возраженіемъ планамъ гр. П. Шувалова. Казалось-бы далѣе ген.-прокуроръ могъ прямо итти съ нимъ въ сенатъ и тамъ его «инстиговать»; но кн. Шаховской поступаетъ иначе; онъ, во-первыхъ, признается, что «съ удвоенной осторожностью

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8263, л. 99—102.

я оное возраженіе сочинялъ»; а, во-вторыхъ, когда сочинилъ, то прежде всего понесъ его къ Ивану Ив. Шувалову, которому его «объявилъ» «въ знакъ моей дружеской преданности и желаемаго миролюбія»; при томъ предлагалъ, что, если «гр. Петръ Ивановичъ за благо приметъ такъ, какъ я доказываю, или иначе какъ еще къ лучшему,—отмѣнить и пополнить по самому дѣлъ событію, а не по воображеннымъ гаданіямъ, то я охотно обще съ нимъ разсуждать и по лучшимъ удостовѣреніямъ соглашаться тщиться буду, не подавая сего моего предложенія». Такъ ген.-прокуроръ шелъ на сдѣлку и компромиссъ съ вліятельнымъ сенаторомъ. «Нѣсколько дней спустя,—пишетъ далѣе кн. Шаховской въ своихъ запискахъ,—я спрашивалъ Ивана Ивановича, какъ то принялъ братъ его графъ Петръ Ивановичъ, и какія мнѣ къ производству того дѣла мѣры брать»? И все это несомнѣнно дѣлалъ кн. Шаховской, можетъ-быть, болѣе имѣя въ виду могущественнаго гр. Ивана Ивановича, его къ этому дѣлу отношеніе, чѣмъ собственно гр. Петра Ивановича. Изъ отвѣта гр. Ивана Ивановича выяснилось, что гр. Иванъ Шуваловъ лично не хотѣлъ въ это вмѣшиваться, уклонился отъ этого дѣла, котораго «онъ по неискусству своему понять не можетъ, и тако оставляетъ то на мое соизволеніе», хотя притомъ скорѣе «держалъ сторону своего брата», какъ пишетъ кн. Шаховской, желая, можетъ-быть, такимъ увѣреніемъ подчеркнуть свою безкорыстную и небоязливую преданность дѣлу. Однако, разсуждая объективно, въ этомъ уклоненіи едва-ли возможно видѣть дѣйствительно поддержку. Изъ частныхъ разговоровъ съ нѣкоторыми сенаторами ген.-прокуроръ убѣдился далѣе, что многіе изъ нихъ были такого-же, какъ и онъ, мнѣнія о Шуваловскомъ проектѣ. И только послѣ всѣхъ этихъ прелиминарныхъ дѣйствій, послѣ того, какъ кн. Шаховской осторожно разузналъ, что́ можетъ ждать его «предложеніе» въ сенаторской средѣ, какъ къ нему отнесутся ея вліятельнѣйшіе члены, онъ уже формально рѣшился выступить съ этимъ предложеніемъ, а затѣмъ осмѣлился и на протестъ, когда сенатъ, видно, нѣсколько неожиданно для кн. Шаховскаго, присоединился цѣликомъ къ Шуваловскому проекту [1]). Это было, очевидно, необычно смѣло и невозможно для Елизаветинскаго ген.-прокурора: итти противъ сената во главѣ съ гр. П. Шуваловымъ. И очень скоро кн. Шаховской это почувствовалъ съ полной ясностью. Немного спустя онъ вздумалъ опять выступить противъ сената; когда однажды «Ея Имп. Величества секретарь Адамъ Вас.

[1]) См. „Записки кн. Як. Пет. Шаховского". М. 1810, ч. II, стр. 91—107.

Олсуфьевъ» объявилъ сенату два «изустные словесные Ея Имп. Вел. указы», и когда сенатъ рѣшилъ ихъ немедля исполнить, то ген.-прокуроръ возразилъ, что это будетъ несогласно съ подписанными Ея Величества рукою указами, такъ-какъ въ указахъ нѣтъ разрѣшенія чтобъ сенатъ исполнялъ указы словесные, переданные черезъ кабинетскаго секретаря, да еще о томъ, чтобы отдать изъ сената назадъ подлинный, Императрицею подписанный указъ. Кн. Шаховской сталъ частнымъ образомъ убѣждать отдѣльныхъ сенаторовъ, склонилъ многихъ на свою сторону, вызвалъ этимъ разногласіе въ средѣ сенатской, въ результатѣ котораго «приказали согласно» «къ рѣшенію объ оныхъ двухъ повелѣніяхъ сочинить изъ узаконеній и послѣдовавшихъ указовъ экстрактъ». Видимо, и этимъ результатомъ остался ген.-прокуроръ очень доволенъ, лаская себя надеждой, что онъ «усчастливится персонально» обо всемъ изъяснить Императрицѣ. Но то были напрасныя надежды: вліятельные приближенные сенаторы его просто не допустили къ уже больной Елизаветѣ. И всетаки нѣсколько разъ еще пытался кн. Шаховской противорѣчить вліятельнымъ гр. Шуваловымъ, а съ ними и всему сенату; онъ дѣлалъ это очень осторожно, всячески стремясь смягчить и частно лично сначала переговорить: но настроеніе гр. Петра Шувалова было къ нему непримиримо; все хуже сталъ къ нему относиться и гр. Иванъ Ивановичъ. Наконецъ, кн. Шаховской сталъ просто уклоняться, подъ предлогомъ болѣзни въ нужныхъ случаяхъ, уже не входя въ борьбу. Но скоро онъ понялъ, что такъ не можетъ себя вести ген.-прокуроръ Елизаветинскаго сената, что даже ту боязливо-осторожную самостоятельность, которую онъ думалъ тутъ проявить,—много меньшую, чѣмъ которую по духу «Должности» полагалось имѣть ген.-прокурору,—нельзя было имѣть Елизаветинскому ген.-прокурору; онъ почувствовалъ себя въ положеніи путешественника, который «загнанъ въ болото наполненное тиною», и который, «потерявъ силы и отчаясь на твердый берегъ выйти, близко гибель свою ощущаетъ» [1]). Оставался одинъ выходъ изъ этого положенія,—подать въ отставку; такъ кн. Шаховской и сдѣлалъ. Все это очень характерно для обрисовки положенія ген.-прокуратуры при могущественномъ Елизаветинскомъ сенатѣ. Елизаветинскій сенатъ не допускалъ возраженій и протестовъ себѣ по существу дѣлъ со стороны ген.-прокурора; тотъ изъ этихъ послѣднихъ, кто захотѣлъ, хотя-бы крайне осторожно и съ разными подходами смягчающаго характера, осуществлять

[1]) **Записки кн. Шаховского, ч. II, стр. 152.**

это свое право, тотъ не могъ долго оставаться на этомъ мѣстѣ и долженъ былъ уйти.

Характерно отношенiе сената къ представителямъ прокуратуры въ губернiяхъ и въ центральныхъ учрежденiяхъ. Мы уже видѣли, что ихъ увольненiя и назначенiя фактически держалъ въ Елизаветинское время въ своихъ рукахъ сенатъ тѣмъ, что одобрялъ предварительно соотвѣтственные доклады ген.-прокурора верховной власти. Такимъ образомъ даже и съ этой стороны самостоятельность ген.-прокурора была ограничена; но тутъ дѣло шло, пожалуй, еще глубже; сенатъ непосредственно вмѣшивался въ исполненiе прокурорами ихъ обязанностей какъ-бы даже помимо ген.-прокурора, только освѣдомляемаго объ этомъ, что́ онъ и принималъ «за извѣстiе». Правда, такъ бывало не всегда; приблизительно въ половинѣ, встрѣтившихся намъ въ дѣлахъ, случаевъ, сенатъ совершенно правильно по духу Петровской «Должности» передавалъ всѣ свои наблюденiя по поводу дѣятельности чиновъ прокуратуры прямо и только на усмотрѣнiе ген.-прокурора. Такъ, въ апрѣлѣ 1742 г. нѣкая челобитчица подала жалобу на прокурора Сыскного приказа, что онъ держитъ сторону ея противника; ген.-прокуроръ дѣлаетъ по этому поводу предложенiе сенату, передать это дѣло на разсмотрѣнiе Юстицъ-коллегiи, какъ-бы ища незаинтересованнаго судью. Сенатъ, однако, «приказали оное разсужденiе отмѣнить, а то дѣло... разсмотрѣть господамъ генералу и оберъ прокурорамъ» и затѣмъ представить сенату ихъ заключенiе; а когда ген. и об. прокуроръ это сдѣлали, то сенатъ прямо согласился съ ихъ заключенiемъ (о неправильномъ поклепѣ на прокурора, и о взятiи за это въ его пользу «бесчестiя» [1]). Когда въ 1746 г. Главный Комиссарiатъ, какъ призналъ сенатъ, поступилъ незаконно, отмѣнивъ распоряженiе сената объ откомандированiи одного изъ его секретарей въ комиссiю о покражѣ вещей казны Ея Импер. Величества, и противъ такого его постановленiя прокуроръ не протестовалъ, то сенатъ опредѣлилъ довести объ этомъ до свѣдѣнiя ген.-прокурора на его, слѣдовательно, усмотрѣнiе [2]). Въ 1751 г. также сенатъ замѣтилъ, что прокуроръ Мануфактуръ коллегiи однажды протестовалъ уже послѣ указного срока, причемъ высказалъ мнѣнiе, что онъ такъ дѣйствовалъ, норовя одному фабриканту; объ этомъ сенатъ опредѣляетъ сообщить къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ [3]). Въ 1761 году сенатъ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 21 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1686, дѣло № 3.

въ опредѣленіи своемъ писалъ по поводу дѣйствій прокурора Вотчинной коллегіи въ одномъ тяжебномъ дѣлѣ: «о непорядочныхъ по сему дѣлу прокурора Елагина поступкахъ сообщить на разсмотрѣніе объ ономъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ» [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ сенатъ устраняется отъ непосредственнаго вмѣшательства, какъ то и должно было быть по духу и смыслу Петровской «Должности».

Но былъ рядъ случаевъ, когда сенатъ прямо, какъ-бы черезъ голову ген.-прокурора, дѣлалъ выговоры, замѣчанія, испрашивалъ объясненій у прокуроровъ; тутъ, какъ будто генералъ-прокуроръ оставался въ сторонѣ; а между тѣмъ то были отъ него зависимые органы, которыми долженъ былъ управлять именно и только онъ, глава всей прокуратуры.

Такъ въ 1750 году сенатъ, рѣшая одно дѣло о неправомъ дѣйствіи нѣкоторыхъ членовъ Каморъ-коллегіи, запрашиваетъ указомъ объясненій прямо и непосредственно у прокурора коллегіи, почему онъ этого не досмотрѣлъ и не донесъ во-время, «такожъ и той же коллегіи прокуроръ Философовъ до того допустилъ, о томъ взявъ отвѣтъ, для разсмотрѣнія прислать въ Пр. Сенатъ» [2]). Генералъ-прокуроръ ставитъ тутъ характерную помѣтку: «за извѣстіе», т. е. дѣло это прошло мимо него, его только освѣдомили о немъ. Двумя годами ранѣе,—въ 1748 г.,—въ подобномъ же случаѣ, дѣйствительно, прокуроръ шлетъ «доношеніе» прямо сенату, но только считаетъ нужнымъ прислать такого же содержанія репортъ *и* ген.-прокурору. Тогда сенатъ запрашивалъ прокурора Смоленской губерніи, почему онъ не принялъ мѣръ, согласно регламенту и своей должности, когда въ присутствіи произошла «брань» между губернаторомъ и его товарищемъ [3]). По поводу одного протеста прокурора Юстицъ-коллегіи Протасова сенатъ писалъ въ своемъ опредѣленіи въ 1758 г.: «и тако ему прокурору, зная указы, такихъ предложеніевъ, а паче по равномѣрнымъ дѣламъ опредѣленіевъ въ примѣръ къ рѣшенію другихъ дѣлъ представлять Коллегіи не подлежало, отъ чего впредь воздержаться и по случающимся дѣламъ протестъ чинить съ указами согласнѣе, дабы въ томъ Сенату напрасно утружденія, а Коллегіи нареканія не нанесть» [4]). Въ другой разъ, въ 1760 году, сенатъ дѣлаетъ непосредственно прокурору Оренбургской губ. опредѣленное предостереженіе за его неправильныя

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6434, л. 772 и л. 768 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6403, л. 605 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1685, л. 158 и слѣд.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6429, л. 329.

дѣйствія; дѣло шло по прокурорскому протесту о выдачѣ губернской канцеляріей жалованья безъ ассигновки Штатсъ-коллегіи. «Что же губернаторскій товарищъ Ададуровъ,—писалъ сенатъ въ своемъ опредѣленіи,—и прокуроръ Елагинъ, имѣя о томъ въ полученіи изъ Пр. Сената указъ, за которымъ отъ статсъ-конторы ассигнаціи требовать не подлежало, а должно бъ скорое исполненіе учинить, какъ уже прежде для пріему тѣхъ денегъ отъ войска яицкаго и нарочный истребованъ, но затѣмъ, остановя ту выдачу, стали имѣть разсужденіе, чтобъ отъ статсъ-конторы ассигнаціи дожидаться и въ Пр. Сенатъ представленій о такомъ неподлежащемъ до Сената дѣлѣ вступили, въ чемъ Пр. Сенату излишнее затрудненіе, а казакамъ—волокита учинена,—въ чемъ ими, губернаторскимъ товарищемъ и прокуроромъ, поступлено весьма неосмотрительно; и ежели впредь окажутся они въ таковыхъ же поступкахъ, за то неотмѣнно штрафованы будутъ». Объ этомъ сенатскомъ рѣшеніи, видимо, ген.-прокуроръ даже отъ себя и не сообщаетъ прокурору; по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ нѣтъ никакого на это указанія [1]). Такимъ образомъ, даже въ сферѣ внутреннихъ отношеній между генералъ-прокуроромъ и его ближайшими подчиненными органами Елизаветинскій сенатъ нерѣдко занимаетъ доминирующее положеніе высшаго органа. Едва-ли такая практика можетъ быть признана соотвѣтственной Петровской «Должности»; она только еще съ другой стороны болѣе оттѣняетъ ту зависимость, въ которой во время императрицы Елизаветы ген.-прокуроръ фактически находился отъ сената.

Такъ Елизаветинская дѣйствительность видоизмѣнила образъ ген.-прокурора, нарисованный въ Петровскомъ законодательствѣ. Не было тутъ уже «ока нашего», стоявшаго съ полной независимостью и свободой сужденій, съ полной и яркой контрольной властью высшаго порядка, при высшемъ правительствующемъ учрежденіи,—Петровскомъ сенатѣ. Елизаветинскій сенатъ, вообще говоря, былъ могущественнѣе Петровскаго, а Елизаветинскій генералъ-прокуроръ былъ слабѣе, безсильнѣе генералъ-прокурора Петровскаго; Аннинскій сенатъ былъ очень приниженъ сравнительно съ Елизаветинскимъ, а Аннинская ген.-прокуратура была значительно вліятельнѣе, сильнѣе въ дѣлахъ управленія страной, чѣмъ ген.-прокуратура Елизаветинская. Если въ царствованіе Анны Іоанновны сенатъ очень часто подчинялся вліянію этого института, то при Елизаветѣ, какъ мы только-что видѣли, приходится скорѣе констатировать обратное: ген.-прокуратура подпадала подъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6432, л. 140—143.

опредѣленное вліяніе сената. При этомъ, если при Петрѣ Ягушинскій и былъ дѣйствительно, въ извѣстной мѣрѣ, «окомъ Нашимъ», то это, можетъ быть, въ наименьшей степени можно наблюдать именно въ царствованіе Елизаветы; тому доказательства мы видѣли въ началѣ настоящей главы.

V.

Все центральное подуказное управленіе Россіи въ Елизаветинское время несомнѣнно находилось подъ нѣкоторымъ вліяніемъ ген.-прокуратуры. Какъ общее правило можно принять, что всѣ центральныя учрежденія того времени, которыя находились «подъ вышней дирекціей» сената, въ то же время были подъ вліяніемъ ген.-прокурора. Изъ всей совокупности коллегій, конторъ, канцелярій и приказовъ Елизаветинской эпохи только Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцеляріи, и Полицеймейстерская канцелярія, не считая учрежденій дворцоваго вѣдомства и дѣлъ иностранныхъ, вѣдались внѣ зависимости отъ Сената; весь остальной комплексъ установленій, составлявшій центральное правленіе въ Россіи, находился въ болѣе или менѣе непосредственномъ подчиненіи у сената, а тѣмъ самымъ подвергался вліянію ген.-прокуратуры. Это вліяніе, конечно, шло въ направленіи той компетенціи, которая, какъ мы видѣли въ предыдущемъ изложеніи, слагалась на практикѣ ген.-прокурорской власти.

Дѣйствовалъ генералъ-прокуроръ въ центральномъ управленіи двояко: или непосредственными сношеніями и распоряженіями, или,—что́ бывало несравненно чаще,—черезъ своихъ агентовъ т. е. прокуроровъ, размѣщенныхъ почти по всѣмъ коллегіямъ, канцеляріямъ, приказамъ и конторамъ. Дѣйствуя чрезъ прокуроровъ, ген.-прокуроръ, во-первыхъ, черезъ нихъ постоянно слѣдилъ за дѣятельностью учрежденія въ ея общемъ ходѣ, и, во-вторыхъ, вмѣшивался и исправлялъ въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчаемыя неисправности того или иного рода.

Постоянное наблюденіе за общей дѣятельностью учрежденія выражалось въ томъ, что прокуроры должны были регулярными и обстоятельными «репортами» и «вѣдомостями» сообщать ген.-прокурору всякаго рода свѣдѣнія о ходѣ работъ въ данномъ учрежденіи. Вопросы, на которые прокуроры должны были отвѣчать въ этой своей регулярной информаціонной дѣятельности, были заранѣе поставлены и формулированы ген.-прокуроромъ. Получая отовсюду и регулярно такого

рода рапорты и вѣдомости, ген.-прокуроръ всегда могъ находиться въ курсѣ того, какъ идетъ дѣятельность центральнаго управленія.

Въ ходѣ этой дѣятельности, очевидно, ген.-прокурора интересовали три ея стороны: во-первыхъ, насколько точно и аккуратно исполняются сенатскіе указы; во-вторыхъ, насколько чиновники являются прилежными въ исполненіи своихъ обязанностей, приходятъ-ли во-время на службу, сидятъ-ли за дѣлами закономъ установленное время и не слишкомъ-ли малое количество дѣлъ рѣшаютъ при томъ; въ третьихъ, не происходитъ-ли волокита при рѣшеніяхъ дѣлъ и при этомъ задержаніе колодниковъ, сидящихъ въ ожиданіи рѣшенія дѣла въ заключеніи. Наконецъ, въ тѣхъ учрежденіяхъ, дѣятельность которыхъ была связана съ «интересомъ Ея Имп. Величества», ген.-прокуроръ требовалъ доставленія ему регулярныхъ свѣдѣній о результатахъ финансовой дѣятельности учрежденій.

Рапортами, доношеніями и вѣдомостями такого рода отъ прокуроровъ центральныхъ учрежденій пестрятъ «ген.-прокурорскія дѣла» одинаково за все Елизаветинское время [1]). А время отъ времени идутъ отъ ген.-прокурора на эту тему напоминанія, подтвержденія, разъясненія. Такъ, по поводу постояннаго наблюденія за исполненіемъ сенатскихъ указовъ и присылки объ этомъ рапортовъ, ген.-прокуроръ въ 1754 году, напримѣръ, шлетъ всѣмъ прокурорамъ центральныхъ учрежденій, очевидно, «циркулярный», слѣдующаго содержанія ордеръ: «Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ прокуроръ! въ данной апрѣля 27 дня 1722 года за собственноручнымъ подписаніемъ бл. и вѣч. сл. д. п. гос. имп. Петра Великаго ген.-прокурору должности въ 1-мъ пунктѣ написано: накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указомъ исполнялись, въ чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ, исполнено-ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство онаго исполнено быть можетъ; и буде неисполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой причины: невозможность-ли какая помѣшала, или по какой страсти, или за лѣностью; а по должности прокурора, состоявшейся того же числа за собственноручнымъ Его Имп. Величества подписаніемъ о исполненіи указовъ повелѣно прокурорамъ крѣпкое-жъ смотрѣніе имѣть, какъ о томъ въ 1-мъ пунктѣ той должности

---

[1]) См. напримѣръ, репорты о „присутствіяхъ“ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ М. А. М. Ю. сен. кн. 1671, съ л. 1671 и далѣе.

точно изображено. А понеже по силѣ состоявшихся Высоч. Ея Имп. Величества ноября 16 дня 749 г. марта 14, мая 16 и декабря 18 чиселъ 753 годовъ указовъ по приговорамъ Прав. Сената и по посланнымъ въ вотчинную коллегію въ 749 г. марта 18 и ноября 18 и сего 754 г. мая 24 чиселъ указомъ, велѣно».... идетъ перечисленіе дѣлъ, касающихся того учрежденія, какого прокурору шлется «ордеръ»; затѣмъ генералъ-прокуроръ продолжаетъ: «какое исполненіе (по этимъ дѣламъ), о томъ въ Прав. Сенатъ не репортовано. Того ради изволите, ваше высокоблагородіе, какъ о тѣхъ указѣхъ, такъ и по другимъ посланнымъ изъ Прав. Сената указомъ, по всѣмъ-ли дѣйствительное исполненіе учинено, справясь подлинно, и, по которымъ еще дѣйствительнаго исполненія не учинено, о тѣхъ (данному учрежденію) предложить, дабы по тѣмъ указамъ исполненіе учинено было въ самой скорости, не чиня ни малаго продолженія; и по исполненіи въ Прав. Сенатъ репорты присланы были-жъ немедленно, какъ о томъ генеральный регламентъ и указы повелѣваютъ, безъ всякаго упущенія. Да и впредь, чтобъ по присылаемымъ указомъ надлежащее исполненіе чинено было, и репорты присылаемы въ указной срокъ неотмѣнно, въ томъ наикрѣпчайшее смотрѣніе имѣть и о томъ по должности вашей инстиговать, а въ противномъ случаѣ и протестовать, подъ опасеніемъ за упущеніе изображеннаго въ должности вашей штрафа» [1]. При этомъ ордерѣ далѣе въ «дѣлѣ» приложенъ рядъ справокъ изъ разныхъ центральныхъ учрежденій, «о дѣйствительномъ исполненіи» какихъ указовъ и изъ какихъ мѣстъ не было «репортовано». Прокуроры, въ отвѣтъ на этотъ ордеръ, немедленно отвѣчали соотвѣтственными рапортами [2]. Не ограничившись этой болѣе или менѣе общей мѣрой, въ томъ же году ген.-прокуроръ посылаетъ разнымъ прокурорамъ рядъ напоминаній объ неисполненныхъ отдѣльныхъ указахъ сената [3].

О количествѣ рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ даннымъ учрежденіемъ дѣлъ и о содержащихся колодникахъ прокуроры обычно извѣщали ген.-прокурора регулярными рапортами по слѣдующему образцу: «въ Прав. Сенатъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ Сибирскаго приказу отъ прокурорскихъ дѣлъ репортъ. Понеже въ данной мнѣ прокурорской должности между прочимъ написано, чтобъ надъ Сибирскимъ приказомъ имѣть мнѣ во всемъ крѣпкое смотрѣніе, сколько въ которомъ мѣсяцѣ

---

1) М. А. М. Ю., сен. кн. 6414, л. 315—316.
2) Idem, съ л. 328 и далѣе.
3) Idem, л. 350 и слѣд.

и числѣ какихъ исцовыхъ и другихъ случающихся дѣлъ рѣшено и по нихъ колодниковъ свобожено, или какая экзекуція учинена будетъ, и что еще какихъ нерѣшеныхъ дѣлъ и по нихъ колодниковъ безъ рѣшенія останется, о томъ о всемъ прислать по третямъ года обстоятельно репорты. А по справкѣ въ Сибирскомъ приказѣ у прокурорскихъ дѣлъ мая въ 1 сентября по 1 число сего 742-го году во ономъ приказѣ входящихъ указовъ, промеморій, прошеній, доношеній и прочихъ тому подобныхъ вступило 216, и изъ онаго числа рѣшено и протоколовъ закрѣплено 336, затѣмъ нынѣ въ сентябрьскую треть безъ рѣшенія въ остаткѣ обстоитъ 60 дѣлъ. Да во ономъ приказѣ по касающимся интереснымъ дѣламъ содержано было колодниковъ 2 человѣка, и изъ онаго числа слобоженъ одинъ, за тѣмъ нынѣ содержится одинъ. А кто имянно колодники содержаны были и по какимъ дѣламъ, о томъ при семъ сообщаю вѣдомость» [1]).

Когда ген.-прокуроръ усматривалъ, что прокурорскіе рапорты недостаточно полны, то это немедленно, видимо, ставилось прокурору на видъ, и предъявлялись къ нему рѣшительныя требованія дать надлежащія данныя о дѣятельности учрежденія. Такъ, въ 1753 году генералъ-прокуроръ пишетъ слѣдующій «ордеръ»: «высокоблагородный и высокопочтенный Провіантской канцеляріи господинъ прокуроръ, изъ поданнаго сего февраля 14 дня на посланный отъ меня отъ 13 минувшаго генваря и 12 сего февраля ордеры о состоящихъ въ вѣдомствѣ главной Провіантской канцеляріи кирасирскихъ конскихъ заводахъ вашего репорта усмотрѣно, что о тѣхъ заводахъ репортовъ здѣсь нѣтъ, а по бытности канцеляріи въ Москвѣ оставлены тамо; а отъ находящагося нынѣ при тѣхъ заводахъ маэора Финцеля въ полученіи репортовъ и вовсе нѣтъ; а понеже тѣ заводы поручены и во особливомъ вѣдомствѣ состоятъ провіантской канцеляріи, которой о состояніи оныхъ и вѣдать всегда надлежитъ, особливо же вамъ по должности вашей то надлежать должно бы; а чего не доставало или не присылается, о томъ неминуемо Провіантской канцеляріи предлагать. И для того чрезъ сіе подтверждается, дабы о состояніи тѣхъ конскихъ заводовъ основательные репорты собраны и изъ нихъ по прежде данныхъ вамъ отъ меня ордерамъ вѣдомость совсѣмъ исправная сочинена и подана была, какъ поскорѣе возможно» [2]).

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1671, л. 637. См. такіе рапорты также: сен. кн. 1671, л. 1421 и слѣд.

[2]) М. А. М. Ю. кн. сен. 6425, л. 22.

Прокуроры учрежденій, имѣвшихъ въ своемъ вѣдѣніи дѣла, касающіяся до «интереса» Ея Импер. Величества, должны были, какъ мы уже выше сказали, особыми вѣдомостями тоже регулярно доносить ген.-прокурору, ставя его постоянно въ курсъ дѣла о ходѣ этихъ «интересныхъ» операцій. Такъ, прокуроръ Коммерцъ-коллегіи долженъ былъ, — и исполнялъ это, — постоянно сообщать ген.-прокурору «вѣдомостями» о приходящихъ въ Петроградъ и Кронштадтъ иностранныхъ корабляхъ, о ихъ грузѣ и проч. [1]); онъ же посылалъ «репорты» «о сборѣ въ Санкпетербургской портовой таможнѣ внутренняго сбора денежной казны» [2]). Прокуроръ Сибирскаго Приказа постоянно рапортуетъ объ аукціонахъ сибирскихъ товаровъ и о сборахъ ясашномъ и десятинномъ, давая подробныя вѣдомости, показывая тамъ названіе товара, его сибирскую цѣну, его московскую оцѣнку, а также по какой цѣнѣ онъ шелъ при аукціонной его продажѣ [3]).

Когда-же ген.-прокуроръ просматривалъ этого рода «репорты» своихъ агентовъ, то очевидно,—иногда по крайней мѣрѣ,—онъ на основаніи ихъ дѣлалъ распоряженія понудительнаго характера, вызванныя данными этихъ документовъ. Такъ онъ писалъ 17 сентября 1753 г.: «высокоблагородный и высокопочтенный вотчинной коллегіи господинъ прокуроръ. Изъ подаваемыхъ отъ васъ о присутствіи и о рѣшеныхъ дѣлахъ по вотчинной коллегіи репортовъ усмотрѣно, что въ вотчинной коллегіи, кромѣ неспорной конторы, дѣлъ въ рѣшеніи бываетъ весьма мало. А имянно: іюля съ 19 по 24 число интересное рѣшено токмо одно; съ 26 по 31-е интересныхъ 7, челобитчиковыхъ 5; августа со 2 по 7-е интересныхъ 3, челобитчиково 1; съ 9-го по 14-е интересное 1; съ 16 по 21 интересное 1, челобитчиково 1; съ 23 по 28-е да съ 30-го августа сего сентября по 4-е число челобитчиковыхъ только по 2; съ 6-го по 11 числа интересныхъ 4, челобитчиковыхъ 5 дѣлъ. А понеже, чтобъ дѣла въ вотчинной коллегіи рѣшеніемъ не продолжались и челобитчикомъ волокить не происходило, въ томъ по данной вамъ инструкціи наиприлежнѣйшее смотрѣніе имѣть вы должны; и для того чрезъ сіе наикрѣпчайше вамъ подтверждаю, изволите имѣть наиприлежнѣйшее смотрѣніе, дабы въ вотчинной коллегіи въ рѣшеніи дѣлъ поступано было во всемъ по Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указамъ непремѣнно, и дѣлъ бъ рѣшили, сколько возможно,

---

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 1677, также кн. 6410, 1678 и др.
[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 6410.
[3]) См. наприм., М. А. М. Ю. сен. кн. 6399, 6413 и др.

болѣе, а не такъ, какъ понынѣ то происходило;... ежели паче чаянія и впредь усмотрѣно будетъ въ рѣшеніи дѣлъ мало, и челобитчикомъ волокита, а на васъ, что вы по должности вашей того паче чаянія наблюдать и инстиговать не будете, жалоба произойдетъ, взысканіе, какъ о томъ въ должности вашей изображено, неотмѣнно» [1]).

Въ 1743 году ген.-прокуроръ шлетъ прокурору Суднаго приказа «ордеръ» слѣдующаго содержанія: «Понеже изъ посланныхъ въ Пр. Сенатъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ отъ вашего высокоблагородія репортовъ усмотрѣно, что въ Судномъ приказѣ колодниковъ содержится весьма многое число, которыхъ по послѣднему присланному отъ вашего высокородія репорту по 19 число минувшаго февраля показано въ задержаніи 95 чел.; а понеже по указамъ Е. И. В. колодниковъ долговременно держать не велѣно; а по тѣмъ вашего высокородія репортамъ показаны оные колодники въ неплатежѣ пошлинъ и исковъ, въ неприкладываніи къ выпискамъ рукъ, а большею частью въ побѣгахъ отъ помѣщиковъ и въ прочихъ криминальныхъ дѣлахъ,—того ради В. В. по полученіи сего изволите о содержащихся въ томъ приказѣ колодникахъ Судному приказу предложить, дабы о тѣхъ колодникахъ рѣшеніе учинено было немедленно; и впредь имѣть смотрѣніе и инстиговать по данной Вамъ «Должности», чтобъ колодники безъ рѣшенія долговременно и напрасно держаны не были». Въ томъ-же году ген.-прокуроръ пишетъ прокурору Юстицъ-коллегіи, что изъ одного постояннаго рапорта прокурора Сыскного приказа «усмотрѣно» имѣющимися въ этомъ приказѣ за Юстицъ-коллегіей 18 чел. колодниковъ, а «рѣшенія по онымъ не учинено», вслѣдствіе этого ген.-прокуроръ предлагаетъ прокурору Юстицъ-коллегіи, «справясь объ ономъ подлинно, Юстицъ-кол. предложить, дабы объ оныхъ колодникахъ дѣла по силѣ Е. И. В. указовъ и государственныхъ правъ рѣшены были конечно въ указной срокъ по генеральному регламенту; и въ томъ по должности вашей,—прибавляетъ ген.-прокуроръ,—инстиговать, чтобъ тѣ колодники безъ рѣшенія долговременно держаны не были». О томъ-же особо пишется и прокурору Сыскного приказа отъ ген.-прокурора [2]).

Другой разъ кн. Трубецкой изъ просмотра рапортовъ прокурора Суднаго приказа опять замѣтилъ, что въ этомъ приказѣ держится слишкомъ много колодниковъ; съ запросомъ о причинахъ этого онъ немедленно обратился къ прокурору,

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6410, л. 1048.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8254, л. 19—20 и л. 40 и 41.

настаивая, чтобы колодники ни въ коемъ случаѣ не были держаны «долговременно». На этотъ «ордеръ» прокуроръ даетъ пространныя объясненія замѣченному кн. Трубецкимъ явленію; шлетъ также «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ» и съ своей стороны объясненіе самъ Судный приказъ [1]). Около того-же времени, въ 1743 г., просматривая «репорты» прокурора Сыскного приказа, ген.-прокуроръ усмотрѣлъ, что тамъ содержится «долговременно» одинъ колодникъ «по сенату»; и сейчасъ-же кн. Трубецкой запрашиваетъ у прокурора точной справки объ имени и дѣлѣ этого колодника; когда-же прокуроръ прислалъ всѣ нужныя данныя, то ген.-прокуроръ положилъ такую резолюцію: «справиться съ дѣломъ; ежели рѣшенія еще не было, то предложить къ слушанію» [2]).

Такъ Елизаветинскій ген.-прокуроръ имѣлъ «постоянное смотрѣніе» за нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, сторонами дѣятельности центральныхъ учрежденій. Несомнѣнно, что весь характеръ этого надзора былъ исключительно внѣшній, формальный; и «смотрѣніе» за исполненіемъ указовъ (исполненіемъ, конечно, формально дѣлопроизводственнымъ), за своевременнымъ «сидѣніемъ» «присутствующихъ» въ канцеляріяхъ, за недержаніемъ колодниковъ лишняго времени, за количествомъ рѣшаемыхъ (въ формальномъ смыслѣ) дѣлъ, за цифрами изъ «интересной» дѣятельности учрежденія—все вѣдь это моменты чисто формальные по своему существу. Такимъ образомъ постоянный правильный надзоръ ген.-прокуратуры за дѣйствіями учрежденій носилъ опредѣленно и только формальный внѣшній характеръ.

Этимъ вовсе не рѣшается вопросъ о его важности и значеніи въ правительственномъ строѣ Елизаветинской Россіи. Можно съ нѣкоторой увѣренностью утверждать, что формальная сторона въ дѣлопроизводствахъ средины XVIII вѣка была въ большомъ непорядкѣ; просмотръ, хотя-бы нѣкоторыхъ фондовъ учрежденій того времени съ ясностью показываетъ, какъ тяжело отзывались на всемъ ходѣ дѣлъ,—на заинтересованныхъ лицахъ прежде всего,—злоупотребленія и безпорядки чисто формальнаго свойства; возможно, эта сторона общаго административно-судебнаго неустройства болѣе всего бросалась въ глаза, легче всего могла быть констатирована и больнѣе всего била по интересамъ управляемыхъ. А поэтому едва-ли въ отношеніи къ XVIII в., въ его срединѣ, можно считать маловажной такую въ существѣ формальную

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1672.
[2]) Ib. л. 693—696.

функцію, которую выполняла ген.-прокуратура въ отношеніи центральныхъ учрежденій.

Другой вопросъ, насколько этотъ надзоръ былъ дѣйствителенъ, и насколько онъ былъ глубокъ, а не случайно поверхностенъ. Отвѣтить на такой вопросъ точно теперь едва-ли возможно; для такого отвѣта нужно знать достаточно полно исторію хотя-бы главнѣйшихъ коллегій; только тогда можно ясно представить себѣ, насколько глубоко проникалъ въ коллежскія дѣла ген.-прокурорскій надзоръ, и насколько значительную роль онъ игралъ въ коллежскомъ дѣловеденіи. Но исторіи коллежскаго управленія, даже въ его общей схемѣ, мы до сихъ поръ не имѣемъ, не говоря уже объ исторіи отдѣльныхъ коллегій. А поэтому и отвѣтъ на поставленный вопросъ пока возможенъ только крайне гадательный, тѣмъ болѣе, что фондъ генералъ-прокурорскаго дѣлопроизводства не даетъ для рѣшенія этого вопроса почти никакихъ конкретныхъ данныхъ.

Мы уже выше замѣтили, что, дѣйствуя чрезъ прокуроровъ, ген.-прокуроръ не только регулярно слѣдилъ за общимъ ходомъ дѣлъ,—какъ только-что видѣли,—но и вмѣшивался въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, когда находилъ въ чемъ-либо нарушеніе закона или вообще не надлежащій порядокъ дѣйствій у даннаго учрежденія. Обычно вмѣшательство ген.-прокурорской власти являлось прежде всего и главнымъ образомъ тогда, когда въ дѣйствіяхъ установленія обнаруживалось что-либо противное законамъ и указамъ, т. е. что-либо незаконное. Эта незаконность понималась при этомъ преимущественно формально; она полагалась или въ примѣненіи не тѣхъ указовъ и статей закона, или въ прямомъ злоумышленномъ игнорированіи и искаженіи примѣненія законныхъ нормъ къ тому или иному случаю. Не всегда возможно было при этомъ держаться въ рамкахъ строго формальныхъ, да и едва-ли этого сознательно хотѣла ген.-прокуратура; а поэтому въ дѣлахъ судебнаго характера почти постоянно, исходя отъ формальныхъ непорядковъ, прокуроры въ своихъ протестахъ незамѣтно переходили къ спору противъ дѣйствій коллегій по существу рѣшенія дѣлъ; и ген.-прокуроры очевидно считали вполнѣ нормальнымъ такое смѣшеніе; примѣромъ этого можетъ служить протестъ Жилина въ 1754 г. по поводу одного тяжебнаго дѣла, производившагося Юстицъ-коллегіей. Прокуроръ въ «доношеніи» говоритъ, что коллегія «не соблаговолила» принять его «резоны», которые отнюдь не являлись формальными, а выходили изъ раз-

смотрѣнія существа дѣла. Жилинъ тутъ разсматривалъ и оцѣнивалъ свидѣтельскія показанія совершенно такъ-же, какъ онъ разбиралъ неправильности въ примѣненіи указовъ и законовъ [1]). Бывало подобное,—но гораздо рѣже, и, какъ увидимъ, почти исключительно только въ дѣлахъ особаго рода,—также по отношенію къ дѣйствіямъ учрежденій несудебнаго характера.

Центральными учрежденіями, въ которыхъ чаще всего возникали дѣла судебнаго характера были Юстицъ-коллегія и Вотчинная коллегія. Прокуроры Юстицъ-коллегія въ пятидесятыхъ годахъ особенно часто выступали со своими протестами, обычно принимаемыми ген.-прокуроромъ и нерѣдко вызывавшими мѣры со стороны сената, для исправленія допущенныхъ коллегіей неправильностей въ примѣненіяхъ законныхъ нормъ. Обычно протестъ прокурора влекъ за собой истребованіе сенатомъ всего дѣла на его разсмотрѣніе; почти постоянно сенатъ высказывался согласно съ прокуроромъ, признавая имъ указываемыя неправильности или въ веденіи дѣла, или въ примѣненіи законовъ; дѣла эти были и гражданскія, и уголовныя [2]). Иногда за упущенія въ веденіи дѣла сенатъ, по прокурорскому протесту, констатировавъ это, налагалъ взысканія и штрафы на совѣтниковъ и секретарей [3]).

Протесты прокурора иногда принимали очевидно придирчиво-мелочный характеръ, касаясь незначительныхъ формальныхъ вопросовъ; такъ, въ 1756 г. Юстицъ-коллегія доносила сенату, что княгиня Кангеміръ въ одномъ прошеніи своемъ назвала своего мужа «свѣтлѣйшимъ россійскимъ княземъ»; этотъ титулъ коллегія повторила въ своемъ «опредѣленіи», которое прокуроръ не пропустилъ, «не видавъ на то (такое титулованіе кн. Кантеміра) точнаго указу». Повѣренный княгини представилъ всякіе оправдательные для такого титулованія документы, но коллегія не сочла возможнымъ этотъ вопросъ рѣшить сама, а обратилась въ сенатъ, который постановилъ «опредѣленію (коллежскому) учинить надлежащее исполненіе», а о такихъ пустякахъ ей вообще сенату представлять не надлежало; о протестѣ-же прокурора, затѣявшаго все это дѣло «сообщить къ генер.-прокурор. дѣламъ». И генералъ-прокуроръ пишетъ прокурору рѣзкій выговоръ, что онъ не долженъ былъ допускать коллегію къ перенесенію этого

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, л. 657 и сл.

[2]) См. сен. кн. 6429 (л. 411 и слѣд.), 6431 (л. 213 и слѣд.), 6409 (л. 1845 и слѣд.), 6418 (л. 58 и слѣд.) и др.

[3]) См. сен. кн. 6405 (л. 13 и слѣд.).

дѣла въ сенатъ, и «тѣмъ продолженіе онаго дѣла, а Пр. Сенату затрудненіе чинить» [1]).

Общее количество прокурорскихъ протестовъ по Юстицъ-коллегіи за это десятилѣтіе (50-ые годы) было, однако, невелико сравнительно съ общимъ количествомъ дѣлъ, проходившихъ чрезъ это учрежденіе,—всего около десятка; а между тѣмъ дѣлъ за то-же время прошло чрезъ коллегію, вѣроятно, сотни. Заключать отъ этого къ безукоризненной дѣятельности коллегіи или заключать о недѣятельности прокуратуры? Безъ изученія коллежскаго дѣлопроизводства на это отвѣтить нельзя, но можно всетаки полагать, что скорѣе причиною тутъ являлась недостаточная дѣятельность прокурора. А это позволяетъ думать о томъ, что надзоръ прокурорскій,—а отсюда и ген.-прокурорскій,—не проникалъ глубоко въ дѣятельность учрежденій, былъ нѣсколько случаенъ и неинтенсивенъ. То же можно наблюдать и на дѣлахъ по протестамъ прокурора Вотчинной коллегіи. Эта коллегія разрѣшала тоже много дѣлъ чисто судебнаго (гражданскаго, конечно) характера. И тутъ прокуроръ тоже нерѣдко протестовалъ коллежскія постановленія въ виду процессуальныхъ неправильностей въ веденіи дѣла или неправильностей въ примѣненіи законовъ. Протесты эти обычно принималось сенатомъ (случаи обратные рѣдки), и все дѣло поступало на его разсмотрѣніе или передавалось сенатской конторѣ; иногда, впрочемъ, посылался указъ и самой Вотчинной коллегіи, или дѣло передавалось въ другую коллегію [2]). Всѣхъ этихъ протестовъ отъ прокурора Вотчинной кол. попадается въ генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ не болѣе двухъ десятковъ. Опять можно думать, что число это слишкомъ мало въ отношеніи общаго числа прошедшихъ черезъ коллегію за это время дѣлъ; поэтому тѣ-же соображенія, которыя только-что были нами выше высказаны относительно Юстицъ-коллегіи, могутъ имѣть мѣсто и относительно Вотчинной коллегіи. Скорѣе можно предположить, что и въ судебную дѣятельность этого учрежденія не глубоко и нѣсколько случайно проникалъ прокурорскій надзоръ. Слѣдовательно, ген.-прокуроръ не могъ оказывать особаго вліянія на ходъ дѣятельности и этого учрежденія.

Несравненно рѣже попадаются въ генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ протесты прокуроровъ по поводу формально несоглас-

---

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 714 и слѣд.

[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 6405, (л. 56 и сл.), 1678 (л. 172 и сл.), 6412 (л. 1 и сл.), 6419 (л. 558 и сл.), 6421 (л. 130 и сл. и л. 18 и слѣд.), 6424 (л. 18 и сл.), 6429 (л. 856 и сл.), 6418 (л. 760 и сл.) и др.

ныхъ съ закономъ дѣйствій другихъ, кромѣ вышеназванныхъ, коллегій и вообще центральныхъ учрежденій. Въ сороковыхъ годахъ прокуроръ Коммерцъ-коллегіи доносилъ ген.-прокурору, что онъ остановилъ дѣло нѣкоего купца Ренцена и протестуетъ его производство за «непорядочностью», какъ онъ выражается. Эта «непорядочность» состояла въ томъ, что по мнѣнію прокурора, принадлежащіе къ этому дѣлу указы и законы оказались въ противорѣчіи съ рѣшеніями коллегіи, что́ прокуроръ обстоятельно стремится доказать, по существу разбирая дѣло; судя по рѣшенію сената доводы прокурора были не бездоказательны [1]). Въ 1753 году прокуроръ той же коллегіи доноситъ, что онъ остановилъ и протестуетъ постановленія коллегіи объ отрѣшеніи отъ должности инспектора Брянской таможни, такъ какъ коллегія тутъ неправильно поняла указъ, и привлеченіе этого инспектора къ дѣламъ комиссіи о фальшивыхъ паспортахъ приняла, какъ доказательство существованія у этой комиссіи на него «подозрѣній», а между тѣмъ этого нѣтъ; слѣдовательно, ссылка коллегіи на эти указы неправильна, и неправильно само ея постановленіе [2]). Въ 1742 г. прокуроръ Бергъ-коллегіи протестуетъ рѣшеніе этой коллегіи объ отдаваемомъ во владѣніе на урочные годы имѣніи на рѣкѣ Назьѣ, для устройства тамъ заводовъ, въ «потомственное владѣніе» нѣкоему франкфуртскому купцу Поппу. По мнѣнію прокурора, это незаконно, такъ-какъ имѣніе это бывшее кн. Меньшикова, описное, а о такихъ имѣніяхъ нѣтъ указу, чтобы ихъ можно было отдавать въ потомственное владѣніе. Сенатъ, куда ген.-прокуроръ передалъ дѣло, вполнѣ согласился съ прокуроромъ [3]). Въ 1750 г. тотъ же прокуроръ протестовалъ постановленіе той же коллегіи о произведеніи одного горнаго офицера въ слѣдующій чинъ не по старшинству, что́, по мнѣнію прокурора, противорѣчитъ указамъ [4]). Прокуроръ Глав. Провіантской канцеляріи протестуетъ рѣшеніе канцеляріи о выдачѣ жалованья одному подпоручику, исполнявшему временно должность экзекутора, ибо это будетъ несогласно закону; по той же причинѣ протестуетъ онъ производство въ слѣдующій чинъ одного кирасирскаго офицера, какъ тоже противорѣчащее указамъ [5]). Такого же рода попадаются въ дѣлахъ ген.-прокурора два протеста прокурора Адмиралтействъ-коллегіи; въ одномъ онъ протестуетъ рѣшеніе

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 85 и слѣд.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 1682, л. 1153 и слѣд.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 6400, л. 192 и слѣд.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 151 и слѣд.
5) М. А. М. Ю. сен. кн. 1682, л. 14 и слѣд. и кн. 6418, л. 266 и слѣд.

Коллегіи о произведеніи въ морскіе офицеры одного недворянина, что противорѣчитъ, по мнѣнію прокурора, имъ тутъ же приводимымъ указамъ; въ другомъ случаѣ онъ возражаетъ противъ постановленія коллегіи о назначеніи на пакеботы офицеровъ, а не мичмановъ, какъ то надлежитъ по точному смыслу одного указа 1724 г. [1]). Есть еще нѣсколько такого же въ общемъ типа протестовъ прокуроровъ Мануфактуръ-коллегіи, Военной кол., Главнаго комиссаріата, Канцеляріи Конфискацій. Нельзя не отмѣтить, что всѣ они касаются незначительныхъ по существу дѣлъ съ точки зрѣнія незаконности ихъ рѣшенія, причемъ количество ихъ вообще ничтожно [2]).

Бывали протесты небезынтересные съ принципіальной точки зрѣнія. Такъ въ 1742 г. прокуроръ Сыскного Приказа посылалъ ген.-прокурору доношеніе о томъ, что онъ требовалъ, чтобы всѣ «господа присутствующіе» скрѣпляли всегда своими подписями пыточныя и допросныя рѣчи колодниковъ, чего не дѣлалось, вопреки закону; но присутствіе этого его «предложенія» не приняло, признавъ это «никакъ невозможнымъ»; а между тѣмъ, такимъ образомъ, по мнѣнію прокурора, раскрывается путь для всяческихъ злоупотребленій со стороны приказныхъ ради «лакомства». Затѣмъ, въ 1752 г. прокуроръ того же приказа пишетъ въ своемъ «доношеніи» ген.-прокурору слѣдующее: «сего іюня съ 3 по 20 число за моею болѣзнью въ присутствія я въ Сыскной пр. не выѣзжалъ а того іюня 5 дня учинена журнальная записка, чтобъ того приказа протоколиста Ивана Мошина, что онъ безъ присутствія давалъ очную ставку вору и распопу Ефиму Никонову съ порутчикомъ Палдою, штрафовать передъ собраніемъ въ двѣ палки; на которую журнальную записку отъ меня подано предложеніе, чтобъ оному протоколисту Мошнину того штрафа не чинить, понеже онъ Мошнинъ по табели о рангахъ имѣетъ офицерскій чинъ. А оный протоколистъ Мошнинъ еще до объявленія мнѣ по должности моей означенной резолюціи въ двѣ палки и битъ. И то учинено въ противность генеральнаго регламента и указовъ». И то, и другое прокурское доношеніе ген.-прокуръ «предложилъ» сенату, который всецѣло внялъ жалобамъ прокурорскимъ, а по второму дѣлу запрошенный Сыскной Приказъ, въ лицѣ совѣтника Челищева, прямо отвѣтилъ признаніемъ вины и «принося повинную», просилъ «милостиваго отпущенія вины». Сенатъ ограничился выговоромъ [3]).

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6407, л. 120 и сл., кн. 6409, л. 1326 и слѣд.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6400, л. 621 и сл., кн. 6409, л. 1688 и слѣд., кн. 6418, л. 671 и слѣд.

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1671 и сен. кн. 6407,л. 222 и слѣд.

Иногда наоборотъ,—эти протесты имѣли крайне мелочный, несерьезный характеръ; такъ въ 1749 году прокуроръ Вотчинной коллегіи очень, видимо, горячился по слѣдующему дѣлу. Медицинская коллегія сообщила Вотчинной, что въ ея бывшемъ помѣщеніи въ Москвѣ нѣкій Прядуновъ продаетъ нефть, которой онъ лѣчитъ къ нему приходящихъ больныхъ, что́ многими указами запрещено. Вотчинная коллегія отнеслась къ этому сообщенію легко, постановивъ, что нефть въ числѣ ядовитыхъ веществъ не значится, а потому объ этомъ фактѣ ея продажи нечего безпокоиться. Прокуроръ выступилъ противъ такого рѣшенія коллегіи съ протестомъ, который поддержалъ ген.-прокуроръ, направивъ его въ сенатъ, и сенатъ постановилъ, чтобы Вотчинная коллегія немедленно арестовала этого Прядунова съ его лѣкарствомъ и отправила въ Медицинскую канцелярію. Бергъ-коллегія по этому поводу донесла Сенату, что этотъ Прядуновъ—«рудоискатель», что онъ нашелъ въ Россіи нефть, имѣетъ заводъ для ея добыванія, привезъ образцы ея въ Москву, и Коммерцъ-коллегія ему разрѣшила помѣстить ихъ въ ея лабораторіи; а что касается лѣченія ею, то коллегія точно знаетъ, что эта нефть очень помогла отъ ревматизма одному члену Бергъ-коллегіи, а о какихъ-либо смертныхъ случаяхъ отъ такого лѣченія извѣстій никакихъ не имѣется [1]).

Однако, бывали случаи, когда не только о законности и незаконности того или иного коллежскаго опредѣленія говорили въ своихъ протестахъ прокуроры; они нерѣдко входили въ обсужденіе вопроса по существу и не соглашались съ коллежскимъ (или другого центральнаго учрежденія) постановленіемъ уже исключительно съ точки зрѣнія его полезности и цѣлесообразности. И такое направленіе прокурорскаго надзора находило себѣ полное признаніе и одобреніе ген.-прокуратуры. Приведу наиболѣе яркіе образцы. Въ 1742 году прокуроръ Бергъ-коллегіи Суворовъ доноситъ «къ генер.-прокурорскимъ дѣламъ», что по поводу обложенія доменныхъ печей на частныхъ заводахъ онъ сдѣлалъ коллегіи предложеніе всѣ эти печи вновь переосвидѣтельствовать; и коллегія отчасти его предложенію вняла, но только отчасти; а, благодаря такому недостаточному вниманію къ его настояніямъ, недовзыскивается много доменнаго налогу, отчего происходятъ убытки казнѣ. Повторяя свое доношеніе по тому-же дѣлу уже въ 1745 году, прокуроръ входитъ довольно детально въ существо дѣла, показывая тотъ ущербъ интересу Ея Величества, который про-

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6400, (1749 г.).

исходитъ отъ такого невниманія коллегіи къ его предложенію [1]). Тотъ-же прокуроръ въ 1750 году протестовалъ постановленіе коллегіи о томъ, чтобы сдѣлать на Сѣверскихъ заводахъ еще одинъ, четвертый молотъ, приводимый въ движеніе водой; прокуроръ считалъ вреднымъ для дѣла устройство этого молота, такъ какъ для надлежащей его работы не хватитъ воды, во-первыхъ, и рабочихъ людей, во-вторыхъ. Когда это дѣло, по предложенію ген.-прокурора, перешло въ сенатъ, то около этого вопроса уже накопилось нѣсколько доношеній отъ прокурора въ дальнѣйшее доказательство невыгодности этого предпріятія и отъ Бергъ-коллегіи съ доказательствами обратнаго. Сенатъ въ концѣ-концевъ согласился съ мнѣніемъ прокурора [2]). Около того-же времени прокуроръ Коммерцъ-коллегіи доноситъ ген.-прокурору, что нѣкій Цигръ по контракту поставилъ извѣстное число «коньячной и бурдовской водки», и Коллегія рѣшила её принять по свидѣтельству объ ея качествахъ таможеннаго анкера Демюльдера. Но прокурору это рѣшеніе представляется «не безъ сумнѣнія», почему онъ предлагалъ пока не расплачиваться съ Цигромъ, такъ какъ ему экспертиза Демюльдера по существу представлялась недостаточно надежной; и онъ настаивалъ послать эту водку для экспертизы «въ медицинскую контору». Но коллегія возразила на это прокурору, что, «оное мѣсто, имѣя особое свое правленіе, состоитъ не въ томъ, чтобъ водки свидѣтельствовать», почему и не согласилась съ прокуроромъ, который тогда это дѣло опротестовалъ. Ген.-прокуроръ предложилъ прокурорскій протестъ на разсмотрѣніе сената; вопроса о некомпетентности вмѣшательства прокурора не возбуждалось [3]).

Несомнѣнно, что и по дѣламъ чисто судебнымъ прокуроры иногда входили тоже въ разсмотрѣніе самаго существа дѣла, цѣлесообразности его того или иного рѣшенія, а не только законности въ его веденіи. Такъ прокуроръ Юстицъ-коллегіи въ 1752 году протестуетъ постановленіе коллегіи въ дѣлѣ «о смертномъ убійствѣ лейбъ-гвардіи отставного прапорщика Беклемишева, крестьянина Матвѣева кн. Ал. Долгорукова, крестьяниномъ-же Сѣрымъ». Въ протестѣ своемъ прокуроръ вошелъ въ обсужденіе самого существа дѣла, обсуждалъ добытыя слѣдствіемъ данныя, находилъ ихъ недостаточными, требовалъ дальнѣйшаго слѣдствія, при чемъ давалъ вполнѣ опредѣленныя указанія конкретнаго характера, какъ и въ ка-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 1111 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 5 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, л. 322 и сл.

комъ направленіи это слѣдствіе должно было итти. Но коллегія съ этимъ не согласилась, желая уже постановлять рѣшеніе по этому дѣлу. Тогда прокуроръ выступилъ съ протестомъ, а ген.-прокуроръ «предложилъ» все это сенату [1]).

Прокуратура считала необходимымъ всегда вмѣшиваться въ дѣла учрежденія тогда, когда при какомъ-либо рѣшеніи возникало непримиримое разногласіе «присутствующихъ». Тутъ обычно прокуроръ писалъ соотвѣтственное доношеніе объ этомъ генералъ-прокурору, при чемъ иногда просто мотивировалъ протестъ несогласіемъ присутствующихъ, а чаще становился самъ на сторону чьего-либо мнѣнія, и протестъ свой излагалъ съ точки зрѣнія этого мнѣнія. Такъ, въ 1757 г. прокуроръ Вотчинной коллегіи доносилъ ген.-прокурору, что по одному дѣлу въ Юстицъ-коллегіи (гдѣ онъ временно замѣнялъ тамошняго прокурора) произошло разногласіе; голосъ президента Желябужскаго остался одинокимъ; и хотя прокуроръ предложилъ, «чтобъ присутствующіе согласились», но этого не произошло, почему прокуроръ рѣшилъ, что постановленія этого онъ, «не доложась, пропустить не могъ». Ген.-прокуроръ, видимо, вполнѣ одобрилъ такой поступокъ своего агента, и все дѣло «предложилъ» сенату [2]). Тотъ-же прокуроръ другой разъ, протестуя и останавливая одно тяжебное дѣло, доноситъ, что онъ это дѣлаетъ «за несогласіемъ всѣхъ голосовъ», такъ-какъ президентъ былъ противъ рѣшенія всѣхъ остальныхъ присутствующихъ. Однако, въ этомъ случаѣ, прокуроръ уже въ своемъ протестѣ опредѣленно становится на точку зрѣнія президента (противъ мнѣнія большинства), что и поддерживаетъ въ доношеніи ген.-прокурору. Ген.-прокуроръ, очевидно, принимая точку зрѣнія прокурора, передаетъ дѣло сенату; но сенатъ не соглашается съ образомъ дѣйствія прокурора, находя, что онъ слишкомъ рано внесъ свой протестъ; въ этой стадіи «ему представлять не надлежало, а должно бы о окончательномъ того дѣла рѣшеніи предложить; и для того нынѣ Юстицъ-коллегіи прокурору при рѣшеніи того дѣла велѣть наблюдать и поступать по должности», писалъ сенатъ въ своемъ опредѣленіи [3]). Такую же точку зрѣнія проводитъ сенатъ и въ другомъ случаѣ, когда уже постоянный прокуроръ Юстицъ-коллегіи Жилинъ останавливаетъ и протестуетъ одно тяжебное дѣло потому, что въ коллегіи вышло разногласіе, при чемъ прокуроръ опредѣленно становится на точку зрѣнія

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 1682, л. 1129 и слѣд.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6421, л. 41 и слѣд.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 895 и слѣд.

меньшинства (даже собственно одного совѣтника) и стремится именно её провести въ своемъ «доношеніи». Сенатъ такую позицію прокурора при разногласіяхъ присутствующихъ считаетъ опять неправильной; «что-же,—написано въ сенатскомъ по этому дѣлу опредѣленіи,—и пр. Жилинъ по оному дѣлу въ непринадлежащее предложеніе и протестъ вступилъ весьма неосмотрительно, въ чемъ и безотвѣтенъ-бы остаться не могъ; но понеже его такой прокурорскій ненадлежащій протестъ усмотрѣнъ впервые, того ради впредь ему Жилину въ предложеніяхъ своихъ и протестахъ поступать такъ, какъ данная прокурорамъ должность повелѣваетъ» [1]). Къ сожалѣнію, нельзя сказать, какой точки зрѣнія тутъ держался ген.-прокуроръ. Возможно, что и здѣсь онъ просто уклонился отъ активнаго участія въ дѣлѣ; по крайней мѣрѣ, слѣдовъ этого участія въ бумагахъ нѣтъ никакихъ.

Такимъ образомъ, находя правильнымъ вмѣшательство прокурорскаго надзора при разногласіяхъ среди присутствующихъ коллегіи, сенатъ полагалъ, что, предварительно формальнаго протеста, прокуроръ долженъ стараться объ устраненіи происшедшихъ разногласій; и, только, если это ему совершенно не удастся, онъ долженъ входить съ протестомъ безъ всякаго личнаго вмѣшательства въ самое рѣшеніе спорнаго вопроса. Здѣсь опять характерна, между прочимъ, роль ген.-прокурора: онъ совершенно умышленно отстраняется со своимъ мнѣніемъ, со всякимъ вмѣшательствомъ, являясь какъ-бы только механическимъ посредникомъ между сенатомъ и прокурорами. Графъ П. Шуваловъ потребовалъ отъ Военной коллегіи, чтобы подполковникъ Приклонскій, присутствовавшій въ Провіантской канцеляріи, былъ присланъ обратно въ свой полкъ. Военная коллегія на это не соглашалась, такъ какъ признавала его присутствованіе очень важнымъ для Провіантской канцеляріи; но противъ такого опредѣленія возсталъ одинъ изъ присутствующихъ коллегіи, бригадиръ Суворовъ, и не подписывалъ опредѣленія. Тогда прокуроръ, видя, что опредѣленіе «учинено не согласно», предлагаетъ коллегіи его отмѣнить и отпустить Приклонскаго, такъ какъ онъ въ арміи нуженъ, а никакими указами не установлено, чтобы было можно пополнять присутствіе Провіантской канцеляріи штабъ-офицерами изъ арміи. Но коллегія не объединилась на такомъ рѣшеніи; большинство на это возражало, что если Приклонскаго отпустить, то дѣло въ Провіантской канцеляріи совсѣмъ станетъ, за отсутствіемъ присутствующихъ. Тогда прокуроръ вошелъ съ протестомъ-доно-

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 317 и слѣд.

шеніемъ къ ген.-прокурору, который передалъ его сенату [1]). Въ Вотчинной коллегіи голоса по одному судебному дѣлу раздѣлились: одни присутствующіе,—большинство,—требовали дополнительной сложной справки, а другіе,—меньшинство,—считали эту справку не входящей въ компетенцію коллегіи. Прокуроръ, считая, что рѣшеніе большинства о такого рода справкахъ заставитъ «въ такія неподлежащія до вотчинной коллегіи слѣдствія вступать», въ своемъ протестѣ опредѣленно высказывается за мнѣніе меньшинства. Здѣсь уже и ген.-прокуроръ усмотрѣлъ, что прокуроръ поступаетъ ненадлежаще и дѣлаетъ ему прямо отъ себя наставленіе, чтобы онъ сперва предложилъ на этомъ согласиться самой коллегіи; и ежели уже, не послушавъ этого его предложенія, коллегія всетаки будетъ разныя мнѣнія выражать, то тогда только прокурору надлежитъ входить съ протестомъ [2]). Прокуроръ Бергъ-коллегіи, все тотъ-же Суворовъ доноситъ, что въ коллежскомъ присутствіи по вопросу о взысканіи доменныхъ денегъ съ одного тульскаго заводчика произошло разногласіе, и часть членовъ отказалась подписывать опредѣленіе, а всѣ подали свои особыя мнѣнія. Прокуроръ, тутъ самъ не высказываясь никакъ, въ виду такого непримиримаго разногласія все дѣло протестуетъ, и ген.-прокуроръ передаетъ его сенату [3]).

Когда какое-либо предложеніе прокурора, хотя и принималось коллегіей, но не вызывало единогласнаго рѣшенія, прокуроры, видимо, считая это разногласіемъ, доводили объ этомъ до свѣдѣнія ген.-прокурора, пріостанавливая дѣло. Такъ въ срединѣ 50-хъ годовъ прокуроръ Вотчинной коллегіи доносилъ, что эта коллегія, по его предложенію, постановила не перерѣшать вновь тѣхъ дѣлъ, которыя были рѣшены при старомъ, прежде бывшемъ составѣ коллегіи, а въ случаѣ недовольства челобитчики должны жаловаться въ сенатъ. Прокуроръ полагалъ согласно съ другими членами коллегіи, что такого перерѣшнія дѣлъ быть не должно, а вице-президентъ Камынинъ стоялъ на противоположной точкѣ зрѣнія [4]). Ген.-прокуроръ передалъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе сената.

Итакъ, генералъ-прокуроръ, слѣдя чрезъ своихъ агентовъ за дѣятельностью учрежденій центральнаго управленія въ отношеніи ея законности, не только понималъ тутъ свою роль, какъ роль наблюдателя за формально правильнымъ примѣненіемъ

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, л. 386 и слѣд.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 1686, дѣло № 17.
3) Ib. дѣло № 4.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 6415, л. 390 и слѣд.

того или иного закона къ данному конкретному дѣлу, не только вступался въ рѣшеніе дѣлъ тогда, когда происходили въ коллегіи непримиримыя разногласія, но нерѣдко полагалъ возможнымъ, кромѣ того, вмѣшиваться въ цѣлопроизводство и по самому существу того или иного рѣшенія дѣла, по вопросу уже о цѣлесообразности, а не исключительно законности, въ томъ или иномъ опредѣленіи коллегіи. Можно, пожалуй, замѣтить, что такая точка зрѣнія проводилась особенно часто тамъ, гдѣ въ дѣлѣ затрогивался такъ или иначе «интересъ Ея Имп. Величества». Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на то, что глава прокуратуры игралъ во всемъ этомъ до крайности пассивную роль. Во всѣхъ, кромѣ одного, вышеперечисленныхъ случаяхъ приходится, просматривая соотвѣтственное «дѣло» въ ген.-прокурорскомъ производствѣ, убѣждаться, что активно выступалъ только тотъ или иной прокуроръ и сенатъ, а ген.-прокуроръ, играя роль передаточной инстанціи, не оставлялъ замѣтнаго слѣда своего участія, своей активности въ этихъ «дѣлахъ». А между тѣмъ низшіе агенты прокуратуры, сидящіе въ центральныхъ учрежденіяхъ, нерѣдко затрагивали не только вопросы, поднимаемые и такъ или иначе рѣшаемые присутствіемъ учрежденія, но болѣе или менѣе самостоятельно намѣчали вопросы изъ сферы компетенціи даннаго учрежденія, помимо почти учрежденія идя съ соотвѣтственными донесеніями прямо къ ген.-прокурору. Такъ въ 1743 г. прокуроръ Суднаго Приказа задаетъ вопросъ въ своемъ доношеніи ген.-прокурору, который видимо указами не разрѣшается, вопросъ процессуальнаго характера, именно: при частномъ обвиненіи кого-либо въ безчестіи, давать-ли судъ немедленно, или ждать, пока высшая судебная инстанція укрѣпитъ (обвинительнымъ или оправдательнымъ приговоромъ) основаніе для обвиненія въ нанесеніи безчестія [1]). Въ 1749 г. прокуроръ Сибирской губерніи присылаетъ длинное доношеніе ген.-прокурору, въ которомъ развиваетъ мысль, что продажа Сибирской канцеляріей аукціоннымъ торгомъ выдѣленныхъ въ Верхотурской, Ирбитской и прочихъ таможняхъ «въ десятинный сборъ россійскихъ товаровъ» невыгодна; прокуроръ даетъ рядъ своихъ по этому поводу соображеній. Ген.-прокуроръ, видимо, не видитъ въ этомъ ничего «непринадлежащаго» до прокурора, а наоборотъ, направляетъ это доношеніе для его внимательнаго разсмотрѣнія въ Сибирскій Приказъ [2]). Въ 1756 г. прокуроръ Сыскного Приказа изъ Москвы доноситъ ген.-прокурору, что по городу

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 53.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6401, л. 40 и слѣд.

бродятъ и просятъ милостыни колодники изъ военнаго суда и «другихъ командъ», а между тѣмъ это запрещено указами. Сыскной приказъ объ этомъ посылалъ конторѣ Военной коллегіи промеморію. Между тѣмъ, уличныя безчинства колодниковъ, просящихъ милостыню и выдающихъ себя за пытаныхъ изъ Сыскного Приказа, не прекращаются, почему для уничтоженія этого явленія прокуроръ и вынужденъ обратиться чрезъ ген.-прокурора къ содѣйствію сената. Ген.-прокуроръ механически передаетъ это «доношеніе» на разсмотрѣніе сената; сенатъ рѣшаетъ послать въ Москву соотвѣтственные указы [1]). Въ 1745 г. прокуроръ Сибирскаго Приказа пишетъ ген.-прокурору «доношеніе», гдѣ излагаетъ нѣкоторыя мѣропріятія по продажѣ «мягкой рухляди», придуманныя Приказомъ, очевидно, совмѣстно съ прокуроромъ; объ всемъ этомъ Приказомъ уже посланъ рапортъ сенату, и прокуроръ проситъ ген.-прокурора настаивать въ сенатѣ на скорѣйшемъ утвержденіи всѣхъ этихъ плановъ, съ присылкой соотвѣтствующихъ указовъ. Ген.-прокуроръ немедленно наводитъ всѣ нужныя справки въ сенатской канцеляріи, торопитъ съ рѣшеніемъ этого дѣла; а когда указъ отъ сената былъ уже посланъ, то подробно отвѣчаетъ прокурору, что онъ сдѣлалъ по этому вопросу, прибавляя въ концѣ бумаги, что тутъ задачею прокурора будетъ «имѣть всекрайнее стараніе и попеченіе» о неупущеніи «интереса Ея Имп. Величества» [2]).

Когда-же прокуроры замѣчали, что въ силу какихъ-либо внѣшнихъ, отъ учрежденія и его руководителей независимыхъ причинъ, что-либо въ личномъ составѣ его разлаживается и нарушаетъ правильное его функціонированіе, то зачастую они доносили объ этомъ ген.-прокурору, считая и это входящимъ въ сферу ихъ контрольной дѣятельности, въ чемъ находили полное сочувствіе и у ген.-прокурора, и у сената. Въ 1742 г. прокуроръ Суднаго Приказа доносилъ ген.-прокурору, что въ Приказѣ очень мало число присутствующихъ членовъ, отчего происходитъ большое замедленіе въ рѣшеніи дѣлъ. Ген.-прокуроръ тотчасъ-же на основаніи этого доношенія дѣлаетъ соотвѣтственное «предложеніе» сенату (о назначеніи новыхъ присутствующихъ членовъ въ Судный Приказъ) [3]). Въ 1748 г. прокуроръ Юстицъ-коллегіи доноситъ, что въ коллегіи очень мало присутствующихъ членовъ, такъ какъ многіе больны; а потому часто въ присутствіи бываетъ только одинъ членъ,

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 770 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1677, л. 258 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668, л. 208 и слѣд.

чтò сильно тормозитъ дѣлопроизводство учрежденія. Ген.-прокуроръ представляетъ это доношеніе, подкрѣпляя его «справкой», въ сенатъ, который и назначаетъ въ дополненіе новыхъ членовъ [1]). Въ 1749 году въ «присутствіи» Суднаго Приказа въ Москвѣ пошли разные непорядки; во-первыхъ, два асессора находились подъ слѣдствіемъ, почему и устранены отъ дѣлъ, и оставшихся присутствующихъ не хватаетъ для надлежаще скораго рѣшенія дѣлъ; а во-вторыхъ, оставшіеся присутствующіе постоянно ссорятся между собой, и дѣла идутъ плохо. Видимо, пришедшій въ отчаяніе отъ этой картины прокуроръ все это докладываетъ ген.-прокурору и пишетъ между прочимъ: «за тѣмъ ихъ несогласіемъ (рѣчь идетъ о присутствующихъ членахъ), какъ оныхъ асессоровъ въ репортахъ писать, не знаю, понеже въ присутствіи бываютъ четыре персоны, а слушаютъ и крѣпятъ дѣло двѣ персоны, отъ чего я опасенъ, чтобъ за необъявленіе о томъ мнѣ непричтено было къ винѣ» [2]). Это дѣло ген.-прокуроръ,—рѣдкій случай,—считаетъ возможнымъ рѣшить безъ сената въ томъ смыслѣ, что надо потерпѣть до окончанія слѣдствія надъ временно отставленными асессорами, а затѣмъ уже и можно будетъ, смотря по результату слѣдствія, что-либо предпринять. Въ 1751 г. прокуроръ Каморъ-коллегіи доноситъ ген.-прокурору, что, несмотря на его напоминанія и предложенія, коллегія не можетъ рѣшать дѣла и приводить рѣшенія въ исполненіе, вслѣдствіе малаго числа присутствующихъ, какъ она сама объясняетъ свою медлительность, и съ чѣмъ совершенно согласенъ прокуроръ; а, между тѣмъ, дѣла очень много, и, если коллегію «неудовольствовать служителями», то дѣла въ ней могутъ совсѣмъ пріостановиться. Ген.-прокуроръ передаетъ сенату эти данныя прокурорскаго доношенія [3]). Печальное положеніе было въ Сыскномъ Приказѣ въ 1752 г.; многихъ присутствующихъ, по штату полагающихся, вовсе не было назначено; изъ остальныхъ двухъ присутствующихъ одинъ былъ очень занятъ въ коммиссіи «о ворѣ Каинѣ» и потому мало приносилъ пользы въ приказѣ; третій присутствующій былъ командированъ въ помощь изъ Ревизіонъ-коллегіи, но онъ былъ занятъ больше своими дѣлами по этой коллегіи, чѣмъ присутствіемъ въ приказѣ; словомъ,—дѣла въ этомъ послѣднемъ крайне залеживались и имъ,—по выраженію прокурора объ этомъ докладывающаго ген.-прокурору,—«происходитъ крайняя остановка». Ген.-прокуроръ дѣлаетъ на этомъ доно-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1685, л. 202 и слѣд.
[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 6401, л. 77 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6405, л. 407 и слѣд.

шеніи резолюцію: «нынѣ уже другіе опредѣлены, и для того справяся, полное-ль число тепере состоитъ». По справкѣ оказалось, что Судный Приказъ уже соотвѣтственно пополненъ присутствующими, а потому никакого дальнѣйшаго хода прокурорскому доношенію не дается [1]).

Но непорядки въ присутствіяхъ происходили не только отъ недостатка членовъ; о неисправностяхъ другого рода въ дѣловомъ механизмѣ учрежденій прокуроры тоже считали своимъ долгомъ доносить ген.-прокурору, боясь, чтобы недонесеніе объ этомъ «не причлось имъ въ несмотрѣніе». Такимъ образомъ ген.-прокуроръ чрезъ агентовъ своихъ наблюдалъ не только за достаточностью служебнаго персонала учрежденій, но захватывалъ въ сферу своего надзора и другія неисправности въ центральной правительственной машинѣ, если онѣ попадались. Такъ въ 1755 г. въ Юстицъ-коллегіи оказалось, что два члена присутствія этой коллегіи, будучи постоянно въ двухъ особыхъ комиссіяхъ (по фабрикаціи фальшивыхъ векселей и по Канцеляріи Конфискацій) не могли присутствовать въ коллегіи болѣе двухъ дней въ недѣлю, а, не слушая дѣлъ, подписывать по нимъ опредѣленія отказываются; поэтому часто имъ приходится вторично докладывать дѣла, что́ очень затягиваетъ ходъ дѣятельности коллегіи. Прокуроръ, сейчасъ-же вмѣшиваясь въ это, видя тутъ неисправность въ дѣйствіи бюрократическаго механизма, доноситъ объ этомъ ген.-прокурору, предлагая, какъ выходъ изъ создавшагося положенія, разрѣшить дѣлать окончательныя постановленія и безъ этихъ двухъ членовъ коллегіи, т. е. когда въ присутствіи всетаки будетъ оставаться трое съ президентомъ во главѣ. Ген.-прокуроръ передаетъ доношеніе сенату, который даетъ указъ въ желательномъ прокурору смыслѣ [2]). Въ 1756 г. въ Вотчинной коллегіи получается такое положеніе, что по одному тяжебному дѣлу, вторично разсматриваемому коллегіей, некому присутствовать, кромѣ одного асессора; изъ остальныхъ же одни больные и не ходятъ, а другіе, являясь новыми сравнительно членами коллегіи и неприсутствовавшими при первоначальномъ разборѣ этого дѣла, отказываются поэтому присутствовать при вторичномъ разборѣ; и дѣло безнадежно затормазилось. Прокуроръ, донося объ этомъ ген.-прокурору,— предлагаетъ, чтобы сенатъ повелѣлъ по этому дѣлу присутствовать въ Вотчинной кол. кому-либо «изъ прочихъ коллегій членовъ» «въ прибавокъ», или, не отговариваясь, присутство-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6408, л. 253 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6415, л. 345 и сл.

вать всѣмъ «прочимъ находящимся во оной коллегіи присутствующимъ». Ген.-прокуроръ по обычаю механически передалъ сенату это «доношеніе», и сенатъ рѣшилъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ присутствовали всѣ члены коллегіи безъ отговорокъ [1]).

Еще на одну сторону дѣятельности центральныхъ учрежденій обращалъ постоянное и чуть-ли не самое большое вниманіе свое ген.-прокуроръ чрезъ посредство своихъ агентовъ, это—на незатягиваніе дѣлъ, на надлежащую скорость въ темпѣ дѣйствованія учрежденій. Ген.-прокуроръ постоянно занятъ «понужденіями» черезъ прокуроровъ разныхъ коллегій, конторъ и канцелярій, по поводу отдѣльныхъ конкретныхъ дѣлъ, замедленныхъ производствомъ. Дѣлаетъ эти «понужденія» ген.-прокуроръ прежде всего по требованіямъ и жалобамъ однихъ учрежденій въ отношеніи другихъ. Въ 1746 г. Каморъ-контора длинно излагаетъ въ бумагѣ одно дѣло, касающееся продажи спиртныхъ напитковъ, и жалуется на Коммерцъ-коллегію, что она не желаетъ помогать ей въ этомъ дѣлѣ и поступать согласно указамъ, заканчивая свою жалобу такъ: «того ради Пр. Сената къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ каморъ-контора доноситъ и требуетъ, чтобъ коммерцъ-коллегія о вышеписанномъ принуждена была, понеже по силѣ указу изъ Пр. Сената»... и далѣе слѣдуетъ доказательство права на такое требованіе со стороны Каморъ-конторы. Получивъ такое «требованіе», ген.-прокуроръ пишетъ длинный ордеръ прокурору Коммерцъ-кол., излагая все это дѣло и требуя съ своей стороны, чтобы все нужное въ Коммерцъ-кол. было исполнено по этому дѣлу «въ самой скорости»; «и о томъ,—пишетъ ген.-прокуроръ,—изволите Ваше Высокородіе коммерцъ-коллегіи предложить; ежели-же объ ономъ одной коммерцъ-коллегіи подлиннаго разсмотрѣнія и въ Пр. Сенатъ представленія безъ сношенія съ каморъ-конторой учинить за чѣмъ-либо будетъ невозможно, то-бъ оная коллегія по силѣ генеральнаго регламента съ присутствующими каморъ-конторы имѣли о томъ общее разсужденіе и, учиня обстоятельное опредѣленіе, въ Пр. Сенатъ по тому-жъ представлено было безъ всякаго продолженія; и въ томъ по должности вашей изволите инстиговать; а для чего оное понынѣ такъ продолжалось и упущено, о томъ меня репортовать». Прокуроръ на это немедленно отвѣчаетъ, что продолженіе этому дѣлу было «за чинимыми по тому дѣлу принадлежащими справками» [2]). Въ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 533 и сл.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 377 и сл.

томъ-же году Юстицъ-контора имѣла нужду получить для рѣшенія одного дѣла справку изъ Ревизіонъ-коллегіи, но добиться этой справки никакъ не могла; и вотъ она посылаетъ длинный «репортъ», жалобу по этому поводу «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ», гдѣ проситъ «понудить, дабы изъ оныхъ правительствъ вышеписанныя требуемыя юстицъ-конторой извѣстія присланы были въ немедленномъ времени». И ген.-прокуроръ сейчасъ-же шлетъ ордеръ прокурору Ревизіонъ-коллегіи съ предложеніемъ, «инстиговать» по этому дѣлу передъ коллегіей и затѣмъ о результатѣ его «репортовать». Прокуроръ быстро отвѣчаетъ, что надлежащія справки уже посланы въ Юстицъ-контору [1]). Въ 1760 г. ген.-прокуроръ пишетъ бѣлгородскому прокурору, что Сыскной Приказъ не можетъ рѣшить одного уголовнаго воеводскаго дѣла, переданнаго ему именнымъ и сенатскимъ указомъ, потому что никакъ не можетъ получить надлежащихъ справокъ изъ Бѣлгородской канцеляріи; ген.-прокуроръ поручаетъ поэтому прокурору «предложить» это канцеляріи и объ этомъ передъ ней «инстиговать» [2]).

Однако, чаще всего приходилось ген.-прокурору понуждать различныя центральныя учрежденія по дѣламъ сенатскимъ. Требованія этого высокаго учрежденія, очевидно, обычно не особенно ревностно и быстро исполнялись, что нерѣдко заставляло ген.-прокурора прибѣгать черезъ прокуроровъ къ «понужденіямъ» для ускоренія дѣлъ. Примѣровъ этому можно найти достаточное количество хотя-бы въ кн. сен. 8254, гдѣ имѣется рядъ такихъ ген.-прокурорскихъ понужденіи [3]). Напримѣръ, сенату потребовалась одна вѣдомость о горномъ дѣлѣ въ Россіи, а Коммерцъ-кол. никакъ не могла собраться её составить. Наконецъ ген.-прокуроръ шлетъ ордеръ коллежскому прокурору: «изволите оную вѣдомость взявъ изъ коммерцъ-конторы прислать въ Пр. Сенатъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ» [4]). Въ 1743 г. въ этомъ-же отношеніи провинилась Каморъ-контора; ей изъ сената былъ посланъ указъ доставить свѣдѣнія о кабакахъ по винному откупу (отъ Петербурга до Сосницкой пристани), «но токмо,—писалъ по этому поводу ген.-прокуроръ прокурору сенатской конторы въ Москвѣ,—означенной вѣдомости не прислано и понынѣ; того ради по полученіи сего Ваше Высокородіе изволите,... ежели оная вѣдомость еще не сочинена, то въ скорѣйшемъ оной сочиненіи той коллегіи

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 578 и сл.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 567 и сл.
3) См. М. А. М. Ю. эта книга л. 15, 17, 18, 20, 35, 57 и др., а также кн. 8261, л. 7, 8, 12—13, 13—14 и др.
4) Ibid. л. 13.

канцелярскихъ служителей приказать понудить, и въ немедленной той вѣдомости въ Пр. Сенатъ присылкѣ на каморъ-коллегію имѣть взысканіе, а прокурора той коллегіи призвавъ, и для чего та вѣдомость такъ долговременно не отправлена, и онъ въ томъ по должности своей поступаетъ слабо, сказать ему репримантъ, и чтобъ онъ впредь во всемъ неослабное смотрѣніе имѣлъ и инстиговалъ, какъ должность его повелѣваетъ, подтвердить ему накрѣпко; и по исполненіи въ Пр. Сенатъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ репортовать» [1]). О скорѣйшей присылкѣ вѣдомостей по отписнымъ за подушную недоимку имѣніямъ изъ Главн. Комиссаріата пишетъ ген.-прокуроръ прокурору названнаго учрежденія [2]). Еще въ 1756 г. Мануфактуръ-коллегіи «за неисправностью» изъ сената была отослана обратно одна вѣдомость (о состояніи фабрикъ и заводовъ) и впродолженіе почти пяти лѣтъ никакого отвѣта отъ коллегіи не было, такъ-что въ 1760 году ген.-прокуроръ «понуждаетъ» коллегію, чрезъ соотвѣтственный «ордеръ» коллежскому прокурору [3]). И когда по именному повелѣнію было указано прислать Сибирскому Приказу «немедленно» вѣдомости о «звѣриномъ ясакѣ», и когда затѣмъ «о присылкѣ тѣхъ вѣдомостей чинены неоднократныя подтвержденія», а вѣдомостей все не было, то ген.-прокуроръ пишетъ черезъ прокурора, чтобы «наикрѣпчайшее подтвержденіе» тому, отъ кого должны поступить свѣдѣнія для этихъ вѣдомостей, было сдѣлано Сибирскимъ Приказомъ «черезъ нарочнаго» «на коштѣ» виновныхъ въ промедленіи [4]). Приходилось ген.-прокурору «понуждать» центральныя учрежденія и по другимъ указамъ сената, не только по доставленію свѣдѣній—вѣдомостей. Такъ въ 1755 г. велѣно было Юстицъ-коллегіи прислать копію съ одного духовнаго завѣщанія (нужнаго къ гражданскому судебному дѣлу), «точію оной и понынѣ еще не прислано», свидѣтельствуетъ ген.-прокуроръ въ своемъ «понудительномъ» ордерѣ по этому поводу, посланномъ прокурору Юстицъ-коллегіи [5]).

Въ пятидесятыхъ годахъ сенатъ предложилъ Главн. Магистрату высказать свои соображенія объ одномъ общемъ вопросѣ по вексельному праву; отвѣта Магистрата на это не послѣдовало, и наконецъ, ген.-прокуроръ пишетъ соотвѣтственное «понужденіе» прокурору, чтобы былъ данъ скорѣйшій

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8254, л. 14—15.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6426, л. 79.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 355.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6426, л. 88.
[5]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6416, л. 814 и др.

отвѣтъ «безъ всякого упущенія, и что учинено будетъ, меня немедленно репортовать», прибавляетъ ген.-прокуроръ въ своемъ ордерѣ [1]). Въ 1760 г. ген.-прокуроръ чрезъ прокурора понуждаетъ Юстицъ-коллегію, наконецъ, исполнить указъ сената, «разсмотрѣть» дѣло пензенскаго воеводы Жукова, которое по сенатскому опредѣленію давно было туда отослано именно «для разсмотрѣнія» [2]). По всѣмъ этимъ ген.-прокурорскимъ понужденіямъ прокуроры даютъ обычно подробные «репорты» о тѣхъ шагахъ по «инстигованію» въ данномъ направленіи, которые они предпринимали. Въ 1742 г. ген.-прокуроръ далъ общее распоряженіе прокурорамъ о томъ, чтобы они слѣдили за принятіемъ учрежденіемъ, гдѣ они сидѣли, присылаемыхъ отъ рекетмейстерской конторы челобитенъ и «инстиговали», «дабы по нимъ рѣшеніе учинено было» [3]).

Иногда прокуроры сами доносили ген.-прокурору, что тѣ или иные сенатскіе указы лежатъ безъ движенія и исполненія, и они, прокуроры, ничего съ этимъ подѣлать не могутъ. Такъ въ 1753 году прокуроръ Вотчинной коллегіи Самаринъ доноситъ, что, хотя и былъ сенатскій указъ возможно быстрѣе окончить Вотчинной коллегіи составленіе ея счетовъ за прошлые годы и отправить ихъ въ Ревизіонъ-коллегію,—«токмо, пишетъ прокуроръ, изъ оныхъ щетовъ многихъ лѣтъ и понынѣ въ Вотчинной коллегіи не освидѣтельствовано», о чемъ прокуроръ «многократно» «предлагалъ», но безъ результата. Въ 1760 г. прокуроръ Глав. Магистрата доносилъ ген.-прокурору, о крайней медленности въ Магистратѣ въ исполненіи указовъ, причемъ его на этотъ счетъ предложенія оставлялись безъ вниманія; прокуроръ представилъ цѣлый реестръ неисполненныхъ указовъ. Ген.-прокуроръ оба эти доношенія «предложилъ» сенату, который опредѣлилъ приказать учрежденіямъ по указамъ этимъ «учинить немедленное исполненіе» [4]).

Генералъ-прокуроръ хлопочетъ объ ускореніи дѣлъ и «понуждаетъ» черезъ прокуроровъ соотвѣтственныя централь-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6422, л. 532 и слѣд.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 356 и сл.; такого рода „понужденія" см. также кн. 6426, л. 86 и сл.; кн. 6423, л. 672 и слѣд.

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668. Тестъ этого „ордера": 1742. Марта 28. Обрѣтающимся въ колегіяхъ и канцеляріяхъ прокурорамъ. Понеже многія челобитчики подаютъ ея императорскому величеству и въ правительствующій сенатъ челобитныя, о такихъ дѣлахъ, кои до разсмотрѣнія колегій и другихъ мѣстъ подлежатъ, и для того отдаваемыя отъ рекетмейстерской конторы челобитныя для разсмотрѣнія и по ея императорскаго величества указомъ рѣшенія предлагать и инстиговать, дабы по онымъ скорѣйшее рѣшеніе было учинено и о тѣхъ челобитчиковъ болѣе докуки и имъ волокиты происходить не могло". (М. А. М. Ю. сен. кн. 8253, л. 3—4).

[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 895 и сл. и сен. кн. 6431, л. 425 и сл.

ныя учрежденія не только по жалобамъ самихъ учрежденій другъ на друга, но и по жалобамъ частныхъ лицъ; такого рода «понужденій» по всему ген.-прокурорскому дѣлопроизводству встрѣчается довольно большое количество; остановимся только на наиболѣе характерныхъ примѣрахъ. Въ 1752 году бригадиръ Григорьевъ подаетъ челобитную ген.-прокурору, «о непринимании показаннаго отъ него Давыдова (его противника по дѣлу о «боѣ крестьянъ») Углицкой провинціальной канцеляріи на воеводу подозрѣнія, понеже по помянутому дѣлу судъ уже оконченъ». Дѣло, видимо, теперь уже находилось въ Юстицъ-коллегіи; и ген.-прокуроръ, пересылая прокурору ея эту челобитную Григорьева, пишетъ: «изволите Ваше Высокоблагородіе Юстицъ-коллегіи предложить, дабы по оной надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе въ силѣ Высочайшихъ Ея Имп. Вел. указовъ учинено было въ непродолжительномъ времени; и въ томъ по должности Вашей инстиговать, и что учинено будетъ, меня репортовать»[1]). Въ 1757 г. французскій купецъ Бенуа подалъ прошеніе прямо на имя ген.-прокурора о томъ, что въ Глав. Магистратѣ волочатъ его дѣла по векселямъ. Ген.-прокуроръ сейчасъ же пишетъ прокурору Гл. Магистрата по поводу этого прошенія: «и для того изволите въ скорѣйшемъ онаго дѣла рѣшеніи Магистрату предложить, дабы оное дѣло въ силѣ высочайшихъ Е. И. В. указовъ конечно рѣшено было безъ всякаго продолженія;... а когда оное зачалось и зачѣмъ понынѣ безъ рѣшенія продолжалось, съ первою почтою меня репортовать». Прокуроръ отвѣчаетъ подробнымъ доношеніемъ о дѣлѣ и о своихъ по нему «инстигованіяхъ». Однако, это помогло, видимо, мало. Бенуа вторично жалуется на затягиваніе дѣла, уже обращаясь къ сенату; ген.-прокуроръ опять пишетъ прокурору Гл. Магистрата объ инстигованіи и опять требуетъ, «что учинено будетъ, меня репортовать». И опять прокуроръ шлетъ успокоительныя доношенія[2]). Изъ этого случая ясно, что не всегда ген.-прокурорскія понужденія черезъ прокуроровъ, достигали своей цѣли; и опять встаетъ вопросъ о глубинѣ и значеніи ген.-прокурорскаго надзора въ сферѣ дѣятельности центральныхъ учрежденій, вопросъ, на который прямой и точный отвѣтъ можетъ дать только изученіе дѣлопроизводствъ самихъ центральныхъ учрежденій, разсмотрѣніе ихъ исторіи, если-бы мы её имѣли. Такого рода примѣровъ, не менѣе характерныхъ, можно подобрать еще достаточное количество изъ ген.-проку-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6408, л. 931 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6425, л. 382 и слѣд.

рорскихъ дѣлъ; и при томъ не встрѣчается ни одного случая, чтобы ген.-прокуроръ реагировалъ на такія челобитья отказомъ; всегда безъ исключенія онъ принималъ тѣ мѣры понужденія, которыя можно видѣть въ вышеприведенныхъ примѣрахъ [1]).

Такое же отношеніе ген.-прокуроръ проявляетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія о волокитѣ дѣлъ доходили до него не прямымъ путемъ челобитій потерпѣвшихъ, а какъ-либо иначе. Такъ въ 1759 г. прокуроръ Ревизіонъ-коллегіи доноситъ ген.-прокурору, что дѣло по доношеніямъ нѣкоего Свѣшникова уже слѣдуется въ Ревизіонъ-кол., а онъ подалъ прокурору еще одно доношеніе о своихъ «подозрѣніяхъ», касающихся до «интереса»; тогда прокуроръ сдѣлалъ коллегіи «предложеніе» это дѣло не задерживать, а его производствомъ ускорить, о чемъ онъ и сообщаетъ ген.-прокурору «для высокаго увѣдомленія». Ген.-прокуроръ, однако, не принялъ этого «репорта» «за извѣстіе», какъ то было въ порядкѣ вещей; но сейчасъ же составлено было обычное «опредѣленіе» за подписью ген. и об.-прокуроровъ о посылкѣ въ Ревизіонъ-кол. непосредственно уже «предложенія» о веденіи этого дѣла по доношеніямъ Свѣшникова «безъ продолженія» [2]). Въ другой разъ, въ 1760 г., ген.-прокуроръ пишетъ прокурору Юстицъ-коллегіи, что «извѣстно мнѣ, что въ Юстицъ-кол. производится слѣдствіе о вяземскомъ регистраторѣ Матвѣѣ Ждановѣ, которое продолжается долгое время», и предлагаетъ прокурору «домогаться, чтобъ оное рѣшеніемъ окончено было... безъ всякаго медленія» [3]).

Такъ генералъ-прокуроръ стремился бороться чрезъ своихъ прямыхъ агентовъ съ беззаконіемъ въ дѣйствіяхъ центральныхъ учрежденій, во-первыхъ,—съ непорядками и разстройствами въ механизмѣ тѣхъ же центральныхъ учрежденій, во-вторыхъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, съ волокитою, съ «продолженіемъ» въ дѣлахъ.

Несомнѣнно, что во всемъ этомъ достаточно широко является намѣченной сфера контрольной ген.-прокурорской дѣятельности; трудно её какъ-либо было еще расширить. Другой вопросъ, насколько этотъ контроль былъ интенсивенъ, съ одной стороны, и вліятеленъ, съ другой. Вѣроятно, что онъ былъ и не интенсивенъ, и не очень вліятеленъ; слѣды того и другого мы видѣли выше. Общее количество прокурорскихъ

---

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 8254, л. 51, л. 58, л. 32, кн. 1678, л. 64 и слѣд., кн. 1673 и др.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6429, л. 773 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6432, л. 256 и слѣд.

доношеній за періодъ въ двадцать лѣтъ, доношеній насъ въ данный моментъ интересующаго характера, вѣдь очень и очень невелико, если сопоставить его съ тѣмъ количествомъ «дѣлъ» во всѣхъ центральныхъ учрежденіяхъ, за которыми слѣдили агенты прокуратуры; а это говоритъ опредѣленно противъ интенсивности такого агентскаго надзора ген.-прокуратуры. Съ другой стороны, были случаи, когда понужденія и вмѣшательство ген.-прокурора не очень дѣйствовали на учрежденія; а это заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что ген.-прокурорскій надзоръ былъ вліятеленъ.

Контроль ген.-прокурора чрезъ прокуроровъ распространялся не только на дѣятельность учрежденія въ его цѣломъ, но и на дѣятельность отдѣльныхъ чиновниковъ каждаго центральнаго учрежденія. Ген.-прокуроръ чрезъ своихъ агентовъ слѣдилъ за личнымъ составомъ учрежденій, во-первыхъ, въ отношеніи его трудоспособности, во-вторыхъ, въ отношеніи его знанія порученнаго дѣла и, въ-третьихъ, въ отношеніи его честности и нравственной высоты вообще. Прежде всего, очевидно, приходилось ген.-прокурору бороться съ лѣностью и нерадивостью, о которыхъ ему сообщали по разнымъ поводамъ прокуроры разныхъ центральныхъ учрежденій. Особенно рьяно въ этомъ отношеніи дѣйствовали прокуроры двухъ коллегій: Жилинъ, прокуроръ Юстицъ-коллегіи, и Елагинъ, прокуроръ Вотчинной коллегіи. Елагинъ въ 1755 году начинаетъ съ жалобы на нерадивыя дѣйствія вице-президента коллегіи Камынина, который, по доношеніямъ прокурора, крайне затягиваетъ теченіе дѣлъ, не подписывая долго журналовъ, оставаясь при особомъ мнѣніи, котораго не подаетъ и т. п. [1]). Въ томъ-же году такого-же рода жалобы Елагинъ уже распространяетъ на весь личный составъ коллежскаго присутствія [2]). Въ слѣдующемъ году тотъ-же Елагинъ доноситъ уже о нерадивости и неисправностяхъ секретаря коллегіи Веригина, который его не слушается, скрываетъ отъ него бумаги и проч. [3]). Въ томъ-же году Елагинъ опять доноситъ на весь составъ присутствующихъ коллегіи, что они все чинятъ несогласія между собой, подъ разными предлогами уклоняются отъ слушанія дѣлъ, а потому въ дѣлахъ идутъ неисправности [4]). Въ 1757 году Елагинъ въ доношеніи опять обрушивается на вице-президента Камынина, на его неприлежность къ дѣламъ; онъ волочитъ дѣла

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6415, л. 419 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6416, л. 671 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 856 и слѣд.
[4]) Ib. л. 783 и слѣд.

подъ предлогомъ болѣзни, отъ которой «когда освободится, вѣдать не можно», замѣчаетъ прокуроръ; а то пишетъ какія-то особыя мнѣнія, подъ ихъ предлогомъ тоже затягивая дѣлопроизводство [1]). Наконецъ, въ слѣдующемъ году Елагинъ присылаетъ ген.-прокурору подрядъ нѣсколько доношеній. «Хотя почти ежедневно словесно,—пишетъ тутъ прокуроръ,—а многократно и письменно, отъ меня коллегіи предлагается, чтобъ текущія дѣла, какъ возможно скорѣе, вершились безволокитно, а въ несогласіи господа присутствующіе голосы или мнѣнія свои подавали безъ замедленія, но тѣ мои предложенія въ томъ никакого дѣйства не имѣютъ»; главнымъ виновникомъ этого безпорядка является вице-президентъ, опять все тотъ-же Камынинъ, по отношенію къ которому не только его, прокурора, «предложенія», но и указы сената «успѣха никакого не имѣютъ». Затѣмъ и секретари, и подъячіе, по мнѣнію прокурора, крайне въ дѣлахъ неисправны «за лѣностью и нехотѣніемъ», отчего происходятъ задержки въ составленіи журналовъ и опредѣленій; а секретари при этомъ недѣлями не ходятъ на службу [2]). Кн. Трубецкой прямо въ оригиналахъ, безъ всякихъ своихъ дополненій и соображеній, передавалъ эти «доношенія» на разсмотрѣніе сената, который, надо прибавить, всегда старался принимать тѣ или иныя мѣры, въ виду указываемыхъ прокуроромъ непорядковъ.

Почти одинаковою съ Елагинымъ ревностью къ обличенію коллежскихъ личнаго свойства непорядковъ отличался и прокуроръ Юстицъ-коллегіи Жилинъ. Въ 1748 году этотъ прокуроръ жалуется на совѣтника коллегіи Юшкова, что онъ въ присутствіи почти не бываетъ, бумагъ и дома не подписываетъ, ссылается на болѣзнь и всѣмъ этимъ тормазитъ дѣла. Сенатъ потребовалъ объясненій отъ Юшкова [3]). Но еще въ томъ-же году Жилинъ опять доноситъ ген.-прокурору о томъ-же Юшковѣ, что, хотя теперь этотъ совѣтникъ аккуратнѣе бываетъ въ присутствіи, но толку отъ этого мало, такъ какъ онъ не рѣшаетъ спорныя судныя дѣла, которыя лежатъ передъ нимъ на столѣ и накопливаются, а ограничивается рѣшеніемъ разныхъ пустяковыхъ мелкихъ дѣлъ о переносѣ подсудности по «подозрѣніямъ» на судей и т. п. [4]). Въ августѣ 1749 года Жилинъ прислалъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ «доношеніе», гдѣ онъ уже жалуется на неспособность къ работѣ всѣхъ чле-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6421, л. 32 и слѣд.
[2]) Ib. л. 52 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1683.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1685, л. 196 и слѣд.

новъ коллежскаго присутствія. «Въ оной Юстицъ-коллегіи,— писалъ онъ,—имѣется дѣлъ переносныхъ изъ Суднаго Приказу и изъ губерній и Московской губерніи изъ городовъ рѣшеныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя челобитчики показывали, якобы рѣшены неправильно,—немалое число; и по нѣкоторымъ указамъ изъ Прав. Сената подтверждено, дабы оные рѣшены были въ указные сроки по регламенту; сверхъ-же того по указомъ-же изъ Прав. Сената велѣно произвесть слѣдствіи» о цѣломъ рядѣ дѣлъ. А между тѣмъ, «нѣкоторые дни господа присутствующіе съѣзжаются не въ равныхъ часахъ; а хотя всѣ и въ собраніи когда бываютъ, только оныхъ дѣлъ не слушаютъ, а между тѣмъ читаютъ сами положенные передъ нихъ журналы по дѣламъ о переносѣ изъ города въ городъ и о запискѣ духовныхъ. И въ томъ ихъ читаніи почти все то время проходитъ, пока изъ коллегіи выходить время приспѣетъ. Да и многія прочтя, иныя подпишутъ, а иныя оставляютъ безъ подписанія, и затѣмъ лежатъ многое время передъ ними незакрѣплены;...и за читаніемъ тѣхъ журналовъ до слушанья дѣлъ и время дойти не можетъ, и затѣмъ тѣ слѣдственныя дѣла донынѣ состоятъ безъ рѣшенія; да и отъ челобитчиковъ происходятъ въ нерѣшеніи дѣлъ, которые ходатайство имѣютъ, непрестанныя докучности, токмо удовольствія никакого получить не могутъ» [1]). Наконецъ, въ журналѣ сената отъ 13 октября 1749 года записано слѣдующее: «впущенъ былъ Юстицъ-коллегіи прокуроръ Жилинъ и собранію Прав. Сената словесно доносилъ, что члены той коллегіи, кромѣ ассесора Извѣкова, отговариваясь болѣзнями, въ коллегію къ присудствію рѣдко ѣздятъ; а хотя, когда и пріѣзжаютъ, токмо не ранѣе десятаго часу пополуночи» [2]). Тутъ ген.-прокуроръ прибѣгнулъ къ необычному пріему: онъ, вмѣсто «доношенія» прокурора, представилъ сенату самого прокурора съ его словеснымъ докладомъ. Но Жилинъ не унимается. Въ 1751 году онъ опять пишетъ длинное «доношеніе» о томъ, что вице-президентъ Юстицъ-коллегіи Камынинъ выслушалъ одинъ въ присутствіи словесное заявленіе одного изъ тяжущихся лицъ (кн. Волконскаго) и сочинилъ объ этомъ журналъ съ нѣкоторымъ постановленіемъ за единичной своей подписью. Прокуроръ предлагалъ коллегіи отмѣнить этотъ журналъ, но члены коллегіи на это не согласились, находя его вполнѣ правильнымъ, на что прокуроръ замѣчаетъ, что «видно, что у нихъ то и всегда происходитъ: кто ни случился-бъ въ коллегіи, такой

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 917.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6400, л. 679.

журналъ сочинить можетъ, хотя и секретарь, не токмо членъ, котораго порядку нигдѣ не видано». Ген.-прокуроръ «предложилъ» это сенату, который объявилъ выговоры членамъ коллегіи и нѣкоторыхъ штрафовалъ [1]). Все это, очевидно, и ген.-прокуроръ, и сенатъ считали вполнѣ входящимъ въ задачи прокурорскаго надзора. Совершенно очевидно, что очень немногіе прокуроры были въ наблюденіи за личнымъ составомъ коллегій такъ рьяны, какъ Елагинъ и Жилинъ. Происходило-ли это оттого, что въ другихъ центральныхъ учрежденіяхъ личный составъ былъ такъ хорошъ, или оттого, что прокуроры не были тамъ особенно преданы этой сторонѣ своей дѣятельности? Скорѣе приходится остановиться на второмъ предположеніи.

По крайней мѣрѣ, крайне скудны въ ген.-прокурорскихъ дѣлахъ слѣды этого рода прокурорскаго надзора. Позволяю себѣ ниже привести всѣ примѣры его, которые встрѣтились мнѣ въ ген.-прокурорскомъ дѣлопроизводствѣ. Въ 1743 году прокуроръ коллегіи экономіи жалуется въ «доношеніи» ген.-прокурору на то, что члены коллегіи относятся крайне небрежно къ присутствованію одинъ безъ другого, не рѣшаются ничего дѣлать, и все это очень вредно отражается на дѣлахъ [2]). Прокуроръ Сыскного Приказа тоже неоднократно жаловался на нерадивость членовъ этого Приказа; при этомъ ген.-прокуроръ въ обоихъ случаяхъ допускалъ этого прокурора до личнаго его сенату доклада о лѣни присутствующихъ въ Приказѣ. Въ журналѣ сената отъ 13 октября 1749 года это записано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «впущенъ былъ сыскного приказу прокуроръ Безобразовъ и собранію Прав. Сената словесно доносилъ, что члены того приказу рѣдко и поздно ѣздятъ, такъ-что и теперь въ присутствіи одинъ только асессоръ кн. Вадбольскій» [3]). Въ журналѣ-же отъ 15 декабря 1749 г. было записано: «въ собраніе Прав. Сената пополуночи въ десятомъ часу вначалѣ впущенъ былъ сыскного приказу прокуроръ Безобразовъ; а словесно доносилъ, что члены сыскного приказу въ присутствіе еще не бывали; и за такимъ де ихъ позднимъ въ присутствіе пріѣздомъ въ дѣлахъ происходитъ немалая остановка. Приказали: отъ экзекуторскихъ дѣлъ тѣхъ сыскного приказа членовъ сыскать и велѣть имъ въ сыскномъ приказѣ по силѣ генеральнаго регламента и состоявшагося . . . указу надлежащіе часы, чего они такимъ позднимъ пріѣздомъ не досидѣли, досидѣть безысходно» [4]). Въ журналѣ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6405, л. 364 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 57.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6400, л. 680.
[4]) Ib. л. 811.

сената отъ 27 сентября 1753 г. было записано между прочимъ слѣдующее: «въ собраніи Прав. Сената г. ген.-прокуроръ и кавалеръ представилъ суднаго приказу прокурора Лосева, который предъ собраніемъ словесно доносилъ, что въ судномъ приказѣ за несогласіемъ присутствующихъ теченіе дѣлъ остановилось, о чемъ де отъ него судному приказу, хотя многожды и предложено, но и по тому не точію по имѣющимся челобитчиковымъ дѣламъ порядочное произвожденіе идетъ, но и о обрѣтающихся въ томъ Приказѣ коллегіи юнкерахъ болѣе году въ Прав. Сенатъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ о достоинствѣ репортовъ не подается». Сенатъ, выслушавъ это, далъ указъ Юстицъ-коллегіи «неослабно» смотрѣть за Суднымъ Приказомъ [1]). Немногочисленное количество примѣровъ прокурорскаго надзора надъ дѣеспособностью личнаго состава присутствующихъ центральныхъ учрежденій указываетъ на то, что эта сторона ген.-прокурорскаго контроля черезъ его агентовъ была выражена достаточно слабо.

Иногда рьяность въ контролѣ со стороны прокуроровъ вела къ опредѣленнымъ пикировкамъ ихъ на дѣловой почвѣ съ присутствующими членами учрежденія; и, конечно, разрѣшеніе этихъ конфликтовъ шло опять на усмотрѣніе ген.-прокурора. Такъ, въ 1744 году прокуроръ коллегіи экономіи очень ярко въ своемъ «доношеніи» ген.-прокурору живописуетъ подобное пререканіе. «Сего января 11 дня,—пишетъ этотъ прокуроръ,—при присутствіи въ коллегіи экономіи ген. Волкова и той коллегіи членовъ... требовалъ я, чтобъ дано было мнѣ видѣть учиненное въ той коллегіи на присланный Прав. Сената изъ конторы о взносу въ ту Прав. Сената контору произвожденнаго о строеніи богадѣленъ дѣла указъ опредѣленіе; токмо объявлено мнѣ, что означеннаго опредѣленія, якобы за поданнымъ моимъ по тому дѣлу протестомъ, объявить не должно. И для того предлагалъ я, что оное объявленіе приказано мною протоколисту будетъ записать въ журналъ; однако, и на оное мое предложеніе ассессоръ Козьминъ разсуждалъ, что въ журналъ записывать не надлежитъ, съ которымъ его разсужденіемъ и прочіе г.г. присутствующіе, согласясь, записывать не приказали. А потомъ по должности моей, призвавъ секретаря Протопопова, который то дѣло производилъ, я означеннаго сочиненнаго опредѣленія требовалъ-же; точію онъ сказалъ мнѣ, что за печатаньемъ онаго печатью... Волкова показать неможно. И дабы послѣ перепискою не могло воспослѣдовать въ резолюціи какой отмѣны, приказалъ подать къ себѣ и

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 1683 и слѣд.

запечаталъ къ той Волкова печати своею печатью-жъ». Весь этотъ инцидентъ, по мнѣнію прокурора, «прокурорской должности уничтоженіе есть». Ген.-прокуроръ обычно механически передалъ дѣло сенату; сенатъ потребовалъ дѣло о строеніи богадѣленъ передать въ сенатскую контору, а запрошенная по поводу своихъ дѣйствій относительно прокурора коллегія пытается вывернуться разными отговорками о недосугѣ приказныхъ, встрѣтившихся праздничныхъ дняхъ и проч. [1]). Въ 1752 году прокуроръ Юстицъ-коллегіи Богдановъ пререкается на дѣловой почвѣ съ коллежскимъ присутствіемъ и опять доводитъ дѣло до сената чрезъ ген.-прокурора. Дѣло въ томъ, что когда прокуроръ по одному гражданскому дѣлу предложилъ коллегіи, въ виду «сумнѣнія», просить указа по этому поводу у сената, то коллегія, хотя и послушалась прокурора, но въ своемъ объ этомъ рапортѣ въ сенатъ, «оговаривая написанные въ предложеніи моемъ сумнительные резоны,—пишетъ прокуроръ,—написала нѣсколько предобидно», во-первыхъ, въ томъ, что прокуроръ будто-бы «не справясь, чтó коллегія положила взыскать» съ одного изъ тяжущихся по этому дѣлу, въ силу этого сдѣлалъ фактическую ошибку въ своемъ «предложеніи»; во-вторыхъ, коллегія рапортовала сенату между прочимъ и то, что прежнія ея представленія «смотрѣны равномѣрнымъ мнѣ прокуроромъ, которыхъ я ни удостоивать,—говоритъ прокуроръ,—ни испровергать не долженъ»; и далѣе идетъ еще нѣсколько подобныхъ-же замѣчаній о дѣятельности прокурора, показавшихся этому послѣднему «предобидными». Ген.-прокуроръ не отступилъ отъ своего обычая въ этомъ случаѣ и пассивно передалъ все дѣло сенату, который между прочимъ опредѣлилъ: «что-же прокуроръ Богдановъ въ доношеніи своемъ представлялъ якобы о причиненной ему въ опредѣленіи Юстицъ-коллегіи обидѣ, но понеже и по разсмотрѣнію Прав. Сената явилось, что онъ, Богдановъ, о сумнительствѣ своемъ того дѣла Юстицъ-коллегіи предлагалъ напрасно, о чемъ во опредѣленіи Юстицъ-коллегіи и оговаривано изъ обстоятельства дѣла по силѣ указовъ согласно; и тако, чтобъ какая обида ему въ томъ опредѣленіи предписана была, того Прав. Сенатомъ не усмотрѣно» [2]).

Уже изъ вышеприведеннаго примѣра ясно, что не всегда такія личныя пререканія прокуроровъ могли оставаться въ рамкахъ чисто дѣловыхъ отношеній; но часто пререканія эти прямо уже переходили въ настоящія ссоры и взаимную брань про-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1674, л. 204 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, л. 361 и слѣд.

куроровъ съ присутствующими членами учрежденія. И опять все доносилось на усмотрѣніе и разрѣшеніе ген.-прокурора. Въ 1745 г. прокуроръ Военной кол. Баклановскій такъ повздорилъ съ президентомъ коллегіи кн. Вас. Влад. Долгоруковымъ по поводу одного протеста, что Долгоруковъ въ пылу перебранки выгналъ прокурора изъ коллегіи и сказалъ, чтобы его «въ ту коллегію не впущать». Прокуроръ, видно, растерялся и просилъ у ген.-прокурора указаній, какъ ему тутъ быть. По какимъ-то соображеніямъ оберъ-прокуроръ Брылкинъ, временно тогда замѣнявшій ген.-прокурора, не понесъ этого дѣла въ сенатъ, а непосредственно представилъ Императрицѣ [1]). Въ 1751 г. возникло у ген.-прокурора дѣло «по доношенію каморъ-коллегіи президента Кисловскаго той-же коллегіи на прокурора Философова во изодраніи имъ, Философовымъ, связаннаго отъ учиненнаго въ каморъ-коллегіи опредѣленія за скрѣпою его, Кисловскаго, листа и въ называніи его-же, Кисловскаго, имъ, Философовымъ, лжецомъ и изъ ума выступленнымъ». Дѣло это—очень длинное; сенатская контора ведетъ обстоятельное слѣдствіе объ этомъ инцидентѣ [2]). Прокуроръ Бергъ-коллегіи жаловался ген.-прокурору, что при обсужденіи въ присутствіи одного его «предложенія», несогласный съ нимъ совѣтникъ Чебышевъ нанесъ ему «чувствительныя брани и обиды». И ген.-прокуроръ, и сенатъ, разсмотрѣвъ по существу этотъ протестъ прокурора, видимо, игнорировали въ данномъ случаѣ вопросъ объ этихъ «браняхъ и обидахъ» [3]). Въ 1760 г. секретарь Глав. Магистрата оскорбилъ своими «невѣжественными» словами и поступками прокурора этого учрежденія, который и жалуется на это въ своемъ «доношеніи» ген.-прокурору; этотъ послѣдній механически передаетъ все дѣло на разсмотрѣніе сената, рѣшающаго «взять отвѣтъ» по поводу этого случая у Главнаго Магистрата [4]).

Хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что русская центральная администрація средины 18 в. совершенно не отличалась пуританской чистотою своихъ дѣловыхъ нравовъ; злоупотребленія на почвѣ взяточничества были въ то время особенно распространены. А поэтому страннымъ представляется тотъ фактъ, что ген.-прокурорскій надзоръ очень мало раскрывалъ черезъ своихъ агентовъ такого рода злоупотребленій въ центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ; дѣла о взяточни-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1677.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1682, л. 1008 и сл.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 974 и сл.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6432, л. 42 и слѣд.

чествѣ въ центральныхъ учрежденіяхъ, раскрытыя представителями прокуратуры, встрѣчаются рѣдко. Нѣсколько подобныхъ дѣлъ возбуждаетъ только прокуроръ Юстицъ-коллегіи Жилинъ, да два дѣла—прокуроръ Сыскного Приказа Безобразовъ; во всей-же совокупности остальныхъ учрежденій можно отыскать только единичные примѣры. Несомнѣнно, что борьба съ такими злоупотребленіями была вещь хлопотливая и очень непріятная для прокуроровъ того времени, какъ можно видѣть изъ дѣла секретаря Юстицъ-кол. Макова, чьи злоупотребленія пытался раскрыть коллежскій прокуроръ Жилинъ. Когда Жилинъ передъ коллегіей началъ обличать Макова во взяткахъ и вымогательствахъ, то этотъ послѣдній занялъ сразу агрессивное положеніе и заявилъ коллегіи «подозрѣніе» на прокурора. Жилинъ долженъ былъ писать «репортъ» по этому поводу ген.-прокурору, гдѣ проситъ «оборонить» его отъ такихъ обидъ и «учинить» ему «надлежащую сатисфакцію». А Маковъ въ это время, съ своей стороны, приноситъ въ сенатъ жалобу на преслѣдованія, которымъ онъ якобы подвергается со стороны прокурора. Ген.-прокуроръ передаетъ все дѣло сенату, который поручаетъ сенатской конторѣ его разслѣдовать. Понятно, разъ попавъ въ такую канитель, и самъ оказавшись чуть не въ обвиняемыхъ, прокуроръ не станетъ другой разъ проявлять особой энергіи въ дальнѣйшемъ раскрытіи злоупотребленій [1]). Попытался другой разъ, въ 1748 г., тотъ-же прокуроръ Жилинъ донести довольно обстоятельно ген.-прокурору о ненадежности и о подозрѣніяхъ на секретаря у крѣпостныхъ дѣлъ коллегіи нѣкоего Струкова; но на это получилъ отъ ген.-прокурора требованіе представить еще болѣе по этому поводу обстоятельное доношеніе; этого «доношенія» ген.-прокуроръ не дождался; очевидно Жилинъ махнулъ рукой и оставилъ все это дѣло, въ виду препятствій съ самагоже начала [2]). Въ другомъ случаѣ дѣло пошло какъ-будто нѣсколько иначе; но тутъ прокуроръ въ сущности только явился передатчикомъ доноса вахмистра коллегіи на «оной коллегіи надворнаго совѣтника Колычева» въ томъ, что этотъ совѣтникъ взялъ взятку съ одного купца, бывшаго въ коллегіи подъ карауломъ. Когда объ всемъ этомъ Жилинъ донесъ ген.-прокурору, то тотъ передалъ дѣло сенату, который поручилъ произвести разслѣдованіе присутствію Юстицъ-коллегіи подъ предсѣдательствомъ президента Каморъ-коллегіи [3]). Другой разъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1682, л. 791 и сл.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1683.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 193 и сл.

Жилинъ узналъ, что одинъ колодникъ былъ выпущенъ незаконно Юстицъ-коллегіей въ обстановкѣ, очень напоминавшей о злоупотребленіи; онъ донесъ объ этомъ ген.-прокурору, «чтобъ то въ несмотрѣніе и въ продолженіе мнѣ причтено не было», такимъ образомъ, не настаивая и не указывая прямо на возможность тутъ преступленія. Ген.-прокуроръ все передалъ сенату, который запросилъ Юстицъ-коллегію о поводахъ къ такому отпуску колодника [1].

Вздумалъ однажды и прокуроръ Вотчинной коллегіи поднять дѣло объ злоумышленной «утратѣ» ста двухъ листовъ изъ одного гражданскаго тяжебнаго дѣла; но когда секретарь коллегіи повелъ первоначальное разслѣдованіе, то повелъ его такъ, чтобы, тайно отыскавъ всѣ листы, потомъ объявить ихъ имѣющимися на лице, дабы «тѣмъ вмѣнить можно протестъ его (т. е. прокурора) въ неосновательный». Прокуроръ проситъ ген.-прокурора оградить его отъ такого оборота дѣла и «о томъ изслѣдовать». Сенатъ, которому ген.-прокуроръ передалъ жалобу прокурора, поручилъ это «изслѣдовать безъ упущенія» Юстицъ-коллегіи. Опять слѣдовательно и прокуроръ попадаетъ въ непріятное и тягостное положеніе [2]). Два «доношенія» на злоупотребленія дѣлаетъ прокуроръ Сыскнаго Приказа Безобразовъ; въ одномъ изъ нихъ онъ приводитъ нѣкоторые подозрительные факты изъ дѣятельности приказа, говоритъ о своихъ по поводу нихъ «предложеніяхъ», изъ которыхъ ничего не выходило. Сенатъ, по докладу ему ген.-прокуроромъ этого «доношенія», распорядился Юстицъ-коллегіи произвести разслѣдованіе [3]). Въ другомъ «репортѣ» своемъ (1750 г.). Безобразовъ сообщаетъ о томъ, какъ ему удалось уличить во взяткахъ совѣтника приказа Ив. Караулова [4]).

Насколько можно заключать по дѣлопроизводственнымъ слѣдамъ о томъ или иномъ, въ смыслѣ энергичности и интенсивности, ходѣ «дѣла», надо признать, что всѣ такого рода дѣла шли чрезъ ген.-прокурора очень вяло, видимо, никого не интересуя и обращая на себя минимумъ необходимаго вниманія.

Если, съ одной стороны, широко и многообразно захватывала контрольно-надзирающая дѣятельность агентовъ ген.-прокуратуры ходъ работы въ центральномъ управленіи Ели-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6405, л. 384 и сл.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 834 и сл.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 307 и сл.
[4]) Ib., л. 595 и сл.

заветинской Россіи, то, съ другой стороны, несомнѣнно, этотъ надзоръ и контроль не былъ ни глубокъ, ни планомѣренъ, ни интенсивенъ, а былъ случаенъ и поверхностенъ; при этомъ нигдѣ и никогда не приходится замѣтить, чтобы, хотя въ самой малой степени, ген.-прокуратура брала на себя руководящую, направляющую роль; всѣ моменты этого рода сводятся только къ напоминаніямъ текста «Должности» и нѣкоторыхъ указовъ, да изрѣдка къ чисто формальнымъ поправкамъ въ направленіи того или иного шага, того или иного прокурора. А во всемъ остальномъ ясно, какъ совершенно произвольно дѣйствовала вся прокуратура центральныхъ учрежденій, отданная на волю личностей и случая. Ген.-прокуроръ устранился въ этого рода дѣлахъ отъ всякой руководящей роли; пользуясь буквою пункта своей «Должности», онъ превратилъ себя въ механическаго передатчика на благоусмотрѣніе сената всѣхъ прокурорскихъ «доношеній», и этимъ, почти исключительно, ограничилъ свою роль.

Такимъ образомъ, въ положеніи ближайшаго руководителя дѣятельностью агентовъ прокуратуры въ центральныхъ учрежденіяхъ являлся фактически скорѣе сенатъ, чѣмъ уклонявшійся ген.-прокуроръ. Но понятно, что сенатъ вообще не могъ выполнять этой роли, тѣмъ болѣе выполнять её регулярно и планомѣрно. А въ результатѣ, оставленная безъ руководства, надлежащей поддержки и управленія, прокуратура центральныхъ учрежденій и не могла иначе выполнять своей роли, какъ только случайно и поверхностно. Генералъ-прокуроръ-же, находившійся во главѣ института, состоявшій при сенатѣ въ расцвѣтѣ его могущества, оказывался въ роли только чисто пассивной, почти бездѣятельной по отношенію къ ближайшимъ своимъ агентамъ и ихъ дѣятельности. Едва-ли это свидѣтельствуетъ о могуществѣ Елизаветинскаго генералъ-прокурора; думаемъ, это все говоритъ только опять и еще въ подтвержденіе его большой внутренней слабости, при, можетъ-быть, внѣшне и блестящемъ положеніи. Крайне характерно и то, что роль и значеніе свое ген.-прокуроръ уступилъ, несомнѣнно, вопреки смыслу Петровской «Должности», именно и только сенату.

Однако, иногда дѣйствовалъ Елизаветинскій ген.-прокуроръ въ исполненіи своихъ обязанностей не только черезъ прокуроровъ, но и непосредственно въ отношеніяхъ своихъ къ тѣмъ-же центральнымъ государственнымъ учрежденіямъ. Характеръ этихъ непосредственныхъ дѣйствій ген.-прокуратуры можно уяснить съ достаточной точностью по тѣмъ слѣдамъ ихъ, которые сохранились въ «генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ».

Непосредственныя дѣйствія Елизаветинскаго генералъ-прокурора въ отношеніи центральныхъ учрежденій проявлялись, во-первыхъ, въ томъ, что «отъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ» нерѣдко шли «понужденія» въ учрежденія, по поводу тѣхъ или иныхъ въ данномъ учрежденіи залежавшихся дѣлъ; во-вторыхъ, иногда ген.-прокуроръ непосредственно вмѣшивался въ веденіе учрежденіемъ того или иного дѣла, гдѣ онъ почему-либо усматривалъ или «непорядочныя» дѣйствія, или какія-либо неправильности по существу рѣшенія даннаго дѣла; въ-третьихъ, наблюдаются случаи, когда ген.-прокуроръ непосредственно давалъ приказанія центральнымъ учрежденіямъ, приказанія чисто распорядительнаго характера по дѣламъ этихъ учрежденій. Трудно объединить всю эту сторону дѣятельности Елизаветинскаго ген.-прокурора въ нѣчто цѣльное, сознательно и планомѣрно конструированное.

Мы уже упоминали о томъ, что еще 20 декабря 1737 г. состоялся указъ сената, по которому было повелѣно учрежденіямъ испрашивать содѣйствія ген.-прокурора, если они не смогутъ добиться отвѣта по какому-либо дѣлу отъ какого-нибудь другого учрежденія; въ такихъ случаяхъ ген.-прокуроръ долженъ былъ «понуждать» соотвѣтственную коллегію или канцелярію «отъ экзекуторскихъ дѣлъ сената». Этотъ порядокъ несомнѣнно вполнѣ привился на практикѣ въ Елизаветинское время. Самое большое число «понужденій», пришлось ген.-прокурору дѣлать по требованіямъ Ревизіонъ-коллегіи и ея конторы, которой слишкомъ часто бывало крайне трудно добиться отъ разныхъ учрежденій надлежащихъ счетовъ и вѣдомостей для ихъ ревизіи. Обычно начиналось съ того, что Ревизіонъ-коллегія «требовала» у ген.-прокурорскихъ дѣлъ, чтобы отъ экзекуторскихъ дѣлъ были посланы «понужденія» цѣлому ряду учрежденій, которыя никакъ не могли доставить для ревизіи ихъ счета и генеральныя вѣдомости. На это «требованіе» ген.-прокуроръ отвѣчаетъ обычнымъ по общей формѣ «опредѣленіемъ» за своей и оберъ-прокурора подписью, въ которомъ дѣлается соотвѣтственное распоряженіе сенатскому экзекутору [1]). Затѣмъ Ревизіонъ-контора получала, напримѣръ, такое «предложеніе» «отъ ген.-прокурорскихъ дѣлъ»: «Ревизіонъ-контора репортомъ представляла о понужденіи Каморъ-контору въ присылкѣ требуемыхъ по счетамъ бытности въ 1747 г. на санктпетербургскомъ отдаточномъ дворѣ управителя асессора Шмита извѣстіевъ и 748 г. его же Шмита

---

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 1685, а также еще „понужденія“: сен. кн. 6422, л. 64 и слѣд. и кн. 6425, л. 547 и др.

и прочихъ счетовъ, почему въ немедленной изъ Каморъ-конторы объявленныхъ извѣстіевъ и счетовъ въ Ревизіонъ-контору отсылкѣ опредѣлено Каморъ-контору понуждать отъ экзекуторскихъ дѣлъ, о чемъ Ревизіонъ-конторѣ чрезъ сіе во извѣстіе и предлагается»[1]). А экзекуторъ письменно сообщаетъ это «понужденіе» соотвѣтственному учрежденію, видимо, черезъ особаго нарочнаго, посылаемаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Иногда «опредѣленіе» ген.-прокурора о понужденіи бывало съ опредѣленными угрозами, въ случаѣ дальнѣйшихъ задержекъ въ исполненіи дѣла. Такъ, однажды по требованію Ревизіонъ-конторы, за подписью ген. и об.-прокуроровъ состоялось слѣдующее опредѣленіе: «1754 г. іюля 6 дня по указу Ея Имп. Вел. д. т. с. и ген.-пр. об. рос. орд. кав. и л.-гв. м. кн. Трубецкой и оберъ-прокуроръ Жеребцевъ по вышеозначенному Ревизіонъ-конторы репорту о понужденіи Санктпетербургской губерніи канцеляріи въ присылкѣ показанныхъ въ томъ доношеніи счетовъ и вѣдомостей приказали: въ самоскорѣйшей тѣхъ счетовъ и вѣдомостей изъ С.-Петербургской губерн. канцеляріи въ Ревизіонъ-контору отсылкѣ С.-Петербургскую канцелярію понуждать отъ экзекуторскихъ дѣлъ неослабно; и пока тѣ счеты и вѣдомости въ Ревизіонъ-контору отосланы не будутъ, по то время губернской канцеляріи секретарей и повытчиковъ, у которыхъ тѣ дѣла находятся, держать въ той канцеляріи безъ выпуску; и о томъ къ экзекуторскимъ дѣламъ съ сего опредѣленія и съ вышеписаннаго Ревизіонъ-конторы репорта дать копіи, а въ Ревизіонъ-контору для извѣстія послать предложеніе»[2]). Въ другомъ «опредѣленіи» своемъ, 1756 г., генералъ и оберъ-прокуроры ту же мѣру примѣняютъ къ приказнымъ Вотчинной конторы въ виду того, что эта контора не присылаетъ тѣхъ вѣдомостей, которыхъ тщетно отъ нея добивается Ревизіонъ-контора; «и докамѣстъ,—пишутъ ген. и об.-прокуроры въ своемъ рѣшеніи,—все то изъ Каморъ-конторы въ Ревизіонъ-контору отослано будетъ, Каморъ-конторы приказныхъ служителей держать въ той конторѣ неисходно»[3]). И когда въ слѣдующемъ году Ревизіонъ-контора опять пишетъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ съ просьбой о «понужденіи» Главной Провіантской канцеляріи, то опять въ своемъ по этому поводу «опредѣленіи» ген.-прокуроръ пишетъ: «и доколѣ тѣ вѣдомости отосланы не будутъ, секретарей и приказныхъ служителей, до кого то принадлежитъ, держать въ той канцеляріи безысходно»[4]).

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 6404, л. 42.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6414, л. 7 и слѣд.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 6420, л. 525 и слѣд.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 6432, л. 97.

Пользовались такимъ правомъ просить о «понужденіи» отъ ген.-прокурорскихъ дѣлъ и другія учрежденія, хотя не часто. Такъ въ 1751 г. Главная Дворцовая канцелярія обращается съ такой просьбой относительно Юстицъ-коллегіи, задерживающей разсмотрѣніе одного дѣла [1]). Каморъ-контора требовала о понужденіи Магистратской конторы, не исполняющей ея требованія о присылкѣ «на отдаточный дворъ выборныхъ ларечныхъ и счетчиковъ». И тутъ ген.-прокуроръ, исполняя требованіе Каморъ-конторы, опять прибѣгаетъ къ тому же воздѣйствію на приказныхъ, о которомъ говорится въ вышеприводимыхъ «опредѣленіяхъ» [2]). Впрочемъ, такого рода строгія мѣры, видимо, примѣнялись не всегда въ случаяхъ «понужденія»; иногда эти понужденія сводилось просто къ напоминанію. По поводу одного «требованія» о понужденіи отъ Штатсъ-конторы «у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ» было составлено слѣдующее «опредѣленіе» за обычными двумя подписями: «1757 г. мая 20 д. по указу Е. И. В. (титулы).. Трубецкой и об.-прокуроръ Глѣбовъ по поданному Штатсъ-конторы репорту, коимъ представляетъ, что о подлежащей до Штатсъ-конторы денежной казнѣ изъ Печатной, Каморъ, Мануфактуръ и Вотчинной конторъ, да изъ С.-Петербургской губернской канцеляріи требуемыя извѣстія присылаются весьма медленно, и требуетъ, чтобъ о скорѣйшей тѣхъ извѣстій присылкѣ и отдачѣ показанныхъ денегъ въ рентерею подтвердить, приказали: о скорѣйшей подлежащихъ въ Статсъ-контору изъ оныхъ мѣстъ вѣдомостей отсылкѣ понуждать отъ экзекуторскихъ дѣлъ неослабно; и для того сію резолюцію и со означеннымъ репортомъ отдать къ экзекуторскимъ дѣламъ» [3]).

Едва ли не характеренъ, для выясненія размѣровъ вліянія и значенія ген.-прокурорской власти въ Елизаветинскихъ центральныхъ учрежденіяхъ, тотъ фактъ, что небывавшія частыми такія ген.-прокурорскія «понужденія», однако, нерѣдко встрѣчали весьма недружелюбный пріемъ въ учрежденіяхъ, и ген.-прокурору приходилось прибѣгать къ авторитету сената, къ его указамъ, чтобы спасать свой авторитетъ. Въ этомъ отношеніи въ генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ есть довольно яркіе примѣры. Въ 1759 г. сенатскій экзекуторъ доноситъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ, что имъ было своевременно, согласно ген.-прокурорскому «опредѣленію», послано въ Мануфактуръ-коллегію «понужденіе», почему на указъ Сената

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6406, л. 439 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6414, л. 776 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6422, л. 483 и слѣд.

отъ 14 апрѣля 1758 г. «по имѣющемуся о краскѣ крапѣ дѣлу» ничего до сихъ поръ не сдѣлано. Въ отвѣтъ на это экзекуторъ получилъ «записку», скрѣпленную коллежскимъ секретаремъ о положеніи дѣла съ упоминаніемъ, что послана эта записка «по опредѣленію той коллегіи», и что вице-президентъ ея боленъ и теперь въ присутствіи не бываетъ. Ген.-прокуроръ, получивъ обо всемъ этомъ «репортъ» экзекутора, обращается съ предложеніемъ уже къ сенату. И тогда сенатъ постановляетъ послать въ Мануфактуръ-коллегію указъ, гдѣ написать, что секретарь коллегіи «весьма непристойно отважился записку въ сенатъ за своею только рукою, а не отъ коллегіи репортъ прислать», да и всей «коллегіей въ томъ поступлено весьма неосмотрительно и не по силѣ вышеписанныхъ указовъ», причемъ предлагается впредь подъ угрозой взысканія отъ подобныхъ поступковъ «этой коллегіи всемѣрно остерегаться», а дѣло «о краскѣ крапѣ» «самимъ дѣйствомъ исполнить, а не на однихъ только перепискахъ»; и для этого до окончанія его секретаря коллегіи «держать въ коллегіи безъ выпуску» [1]).

Въ другой разъ, въ 1760 г., экзекуторъ сената доноситъ ген.-прокурору, что Юстицъ-коллегіи своевременно отъ него «было послано понужденіе» о скорѣйшемъ рѣшеніи ей дѣла двор. Грузинцева съ женой Нефедьева Кудрявцевой «о холопствѣ»; но «что́ оная коллегія учинила» по этому «понужденію», «и понынѣ ни о чемъ въ Пр. Сенатъ не репортуетъ». Ген.-прокуроръ опять прибѣгнулъ къ авторитету сената, которому все это «предложилъ». Сенатъ посылаетъ Юстицъ-коллегіи указъ, рѣшить это дѣло въ недѣльный срокъ съ угрозой иначе держать секретаря и служителей въ коллегіи «безъ выпуску» [2]). А въ 1748 г., цѣлый рядъ учрежденій не обратилъ вниманія на ген.-прокурорскія «понужденія», и опять пришлось прибѣгать къ сенатскому авторитету. Тогда, по требованію Ревизіонъ-конторы, обычнымъ ген.-прокурорскимъ «опредѣленіемъ» былъ сдѣланъ «отъ экзекуторскихъ дѣлъ» рядъ «понужденій» разнымъ коллегіямъ и канцеляріямъ, затягивавшимъ представленіе счетовъ и вѣдомостей Ревизіонъ-конторѣ; въ этомъ «опредѣленіи» былъ также приказъ о держаніи безвыходно въ учрежденіяхъ приказныхъ до тѣхъ поръ, пока надлежащіе счета и вѣдомости не будутъ составлены. Это, однако, не очень помогло; этихъ «понужденій» не очень послушались; и ген.-прокуроръ опять прибѣгаетъ

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 6429, л. 713 и слѣд.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6432, л. 81 и слѣд.

къ содѣйствію сената, которому онъ предлагаетъ подробную справку объ этомъ дѣлѣ, взятую имъ у Ревизіонъ-конторы. Сенатъ уже отъ себя даетъ по этому поводу особый во всѣ учрежденія понудительный указъ [1]).

Нерѣдко въ дѣлахъ «понужденія» ген.-прокуроръ прибѣгалъ къ непосредственному содѣйствію сената, даже не пытаясь дѣйствовать самостоятельно, путемъ своихъ «опредѣленій». Не было-ли это въ тѣхъ случаяхъ, когда ген.-прокуроръ уже заранѣе не разсчитывалъ на дѣйствительность только своихъ самостоятельныхъ дѣйствій? По крайней мѣрѣ, когда въ 1746 году сенатскій экзекуторъ донесъ кн. Трубецкому, что на указъ сената отъ 1745 года ниоткуда нѣтъ никакихъ отвѣтовъ,—а дѣло шло о срочной присылкѣ вѣдомостей съ перечнемъ штрафовъ, начетовъ и взысканій даннымъ учрежденіемъ на кого-либо наложенныхъ,—то ген.-прокуроръ «предложилъ» объ этомъ сенату, очевидно, имѣя въ виду его содѣйствіе къ надлежащему въ этомъ случаѣ «понужденію» [2]). Въ другой разъ, въ 1751 году, опять Ревизіонъ-контора писала «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ» просьбу о понужденіи конторы Глав. Магистрата въ составленіи нѣкоторыхъ счетовъ. Ревизіонъ-контора добавляетъ въ «репортѣ», что она вызывала къ себѣ, согласно закону, для дачи объясненій по этому дѣлу одного изъ присутствующихъ Магистратской конторы; на этотъ вызовъ явился послѣ долгихъ оттяжекъ ратсгеръ Басковъ, но явился только одинъ разъ, а затѣмъ уже и не показывался. Тутъ ген.-прокуроръ, видимо, прямо идетъ чрезъ сенатъ, хотя мы видѣли выше, что въ рядѣ аналогичныхъ случаевъ онъ прибѣгалъ къ самостоятельному «понужденію» «отъ экзекуторскихъ дѣлъ». Резолюція кн. Трубецкого на этомъ доношеніи Ревизіонъ-конторы гласитъ ясно и точно: «предложить сенату». И согласно такому ген.-прокурорскому предложенію, сенатъ даетъ отъ себя указъ къ понужденію Гл. Магистрата, чтобы имъ все требуемое было доставлено Ревизіонъ-конторѣ «безъ всякаго упущенія и времени продолженія подъ опасеніемъ взысканія» [3]).

Въ томъ-же 1751 г. «слѣдственная о корчемныхъ питьяхъ комиссія» шлетъ «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ» «репортъ», гдѣ проситъ воздѣйствовать на Адмиралтействъ-коллегію, чтобы она не задерживала присылкою одного матроса, который оказался замѣшанъ въ нѣкоторомъ корчемномъ дѣлѣ.

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1685 (1748 г.).
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8257, л. 61.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6405, л. 61 и сл.

Ген.-прокуроръ «предлагаетъ» этотъ рапортъ прямо сенату, который и «приказали: Адмиралтейской коллегіи наикрѣпчайше подтвердить, дабы по требованію показанной комиссіи означенный матросъ... изъ Адмиралтейской коллегіи въ ту комиссію отосланъ былъ» [1]). А въ журналѣ сената отъ 10 авг. 1754 г. было записано, что «въ собраніи пр. сената г. генералъ-прокуроръ предложилъ поданный къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ ревизіонъ-коллегіи изъ конторы репортъ, коимъ объявляетъ, что» отъ архитектора Ос. Трезина никакъ нельзя добиться счетовъ для ревизіи его построекъ сенатскихъ и синодскихъ зданій за 1736—1743 г.г. И вновь кн. Трубецкой предпочитаетъ «понуждать» не самостоятельно, а черезъ сенатъ [2]).

Такимъ образомъ, предоставленная самостоятельному и непосредственному дѣйствованію ген.-прокурора власть «понужденія» центральныхъ учрежденій «отъ экзекуторскихъ дѣлъ» не всегда примѣнялась самостоятельно и непосредственно; какъ-будто, не надѣясь на свое вліяніе или убѣдившись на дѣлѣ въ своемъ относительномъ безсильѣ, ген.-прокуроръ нерѣдко прибѣгалъ къ авторитету сената, отказываясь отъ непосредственно самостоятельныхъ дѣйствій.

Но, съ другой стороны, получая отъ прокуроровъ извѣстія о какой-либо въ чемъ медлительности того или иного центральнаго учрежденія, ген.-прокуроръ, сообщая это данному учрежденію, иногда дѣлаетъ ему непосредственное предложеніе отъ себя, ускорить данное дѣло въ его производствѣ. Такъ въ 1743 г. архангелогородскій прокуроръ доносилъ ген.-прокурору о тѣхъ непорядкахъ, которые обнаруживаются въ «запущеніи и несмотрѣніи полицейской должности у г. Архангельскова, также и на Вологдѣ, опредѣленныхъ къ сему офицеровъ». Пересылая это доношеніе въ подлинникѣ Глав. Полицеймейстерской канцеляріи, ген.-прокуроръ предлагаетъ ей немедленно разсмотрѣть эти непорядки и, «что по оному учинено будетъ, въ пр. сенатъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ репортовать». Здѣсь ужъ не только «понужденіе» въ прямомъ смыслѣ, но и указанія по существу дѣла о непорядочныхъ дѣйствіяхъ агентовъ Глав. Полицеймейстерской канц. [3]). Въ 1759 г. прокуроръ Глав. Магистрата пишетъ ген.-прокурору «покорнѣйшій репортъ», гдѣ доноситъ, что въ Московскомъ Магистратѣ числится невзысканной недоимки около 1500 руб., что происходитъ исключительно отъ «продолженія»

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 6405, л. 6—10.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, л. 733 и сл.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 1672 (1743 г.).

и «нерадѣнія» въ дѣлахъ этого учрежденія. Ген.-прокуроръ составляетъ обычное по формѣ «опредѣленіе», гдѣ постановляется «подтвердить» Глав. Магистрату о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ о недоимкахъ, прислать доношеніе объ этихъ упущеніяхъ, которыя немедленно Главн. Магистрату изслѣдовать и «въ сенатъ репортовать». Главн. Магистрату посылается соотвѣтственное предложеніе [1]). Въ 1746 г. два архангельскихъ купца подали архангелогородскому прокурору челобитья, что ихъ притѣсняетъ архангельскій магистратъ, волочитъ и продолжаетъ ихъ дѣло, держа ихъ въ тюрьмѣ. Прокуроръ переслалъ эти челобитья ген.-прокурору, который, въ свою очередь, пересылая ихъ Глав. Магистрату, предлагалъ этому послѣднему немедленно разсмотрѣть все это дѣло и рѣшить «безъ всякаго продолженія и упущенія, и, что учинено будетъ, въ пр. сенатъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ репортовать; о чемъ главному магистрату чрезъ сіе и предлагается», заканчиваетъ ген.-прокуроръ свою бумагу [2]). Гл. Магистратъ, видно, сразу слушается ген.-прокурора и немедленно шлетъ ему доношеніе, что дѣло это было слушано и рѣшено челобитчиковъ отпустить на поруки и сдѣлать выговоръ президенту магистрата въ Архангельскѣ, чтобы впредь онъ никого не притѣснялъ [3]). Въ 1746 г. тотъ-же архангельскій прокуроръ доноситъ ген.-прокурору о злоупотребленіяхъ таможеннаго цолнера Томилина и о грубостяхъ, по этому поводу сдѣланныхъ прокурору отъ присутствующихъ архангельской конторы Коммерцъ-коллегіи. Ген.-прокуроръ непосредственно пишетъ Коммерцъ-коллегіи предложеніе, въ которомъ излагаетъ доношеніе прокурора, требуетъ отъ коллегіи производства слѣдствія по всѣмъ пунктамъ этого доношенія и приказываетъ о его результатахъ немедленно сообщить «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ». Коммерцъ-кол. повинуется этому приказу и назначаетъ слѣдствіе [4]). Прокуроръ С.-Петербургской губ. канцеляріи «репортуетъ» ген.-прокурору, что сдача кабаковъ на откупъ совершена была съ утратой казеннаго интереса, по мнѣнію прокурора. Ген.-прокуроръ, справившись подробнѣе объ этомъ дѣлѣ, непосредственно шлетъ предложеніе Каморъ-коллегіи, чтобы по этому прокурорскому «репорту» «учинить рѣшеніе» «въ силѣ Ея Имп. Вел. указовъ», чему коллегія повинуется и присылаетъ по этому дѣлу подробный отвѣтъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ, напи-

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 6429, л. 60 и сл.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 8257, л. 104—106.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 855 и сл.
4) Ib., л. 609 и сл.

санный въ самомъ почтительно-подчиненномъ духѣ [1]). Въ 1744 г. прокуроръ Сибирскаго Приказа, наблюдая за производствомъ одного тяжебнаго дѣла, доноситъ ген.-прокурору о рядѣ, по его мнѣнію, въ производствѣ этого дѣла совершонныхъ процессуальныхъ промаховъ и упущеній. Ген.-прокуроръ это доношеніе посылаетъ непосредственно въ Юстицъ-коллегію, съ предложеніемъ ей, «разсмотря, надлежащее въ силѣ Е. И. В. указовъ рѣшеніе учинить въ указной срокъ по генеральному регламенту [2]). Въ 1742 году смоленскій губ. прокуроръ жалуется ген.-прокурору, что гарнизонная канцелярія отказывается давать ему списки колодниковъ и свѣдѣнія о рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ дѣлахъ. Ген.-прокуроръ непосредственно отъ себя дѣлаетъ по этому поводу предложеніе Военной коллегіи, чтобы она заставила съ своей стороны гарнизонную канцелярію давать прокурору нужныя свѣдѣнія [3]). Въ 1744 году воронежскій прокуроръ доносилъ, что Воронежская губернская канцелярія не посылаетъ счетовъ, требуемыхъ Ревизіонъ-коллегіей, несмотря на его о томъ ей «предложенія». Ген.-прокуроръ отъ себя непосредственно шлетъ «предложеніе» Ревизіонъ-коллегіи, чтобы она соблаговолила «о взысканіи съ означенной губерніи показанныхъ счетовъ» [4]). Въ 1755 году нижегородскій прокуроръ сообщалъ «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ», что въ Адмиралтейскую коллегію было «представлено» отъ губернской канцеляріи о необходимости «пытать» по одному дѣлу адмиралтейскаго счетчика каптенармуса Чулошникова «въ похищеніи денегъ», а коллегія на это представленіе ничего не отвѣтила. Ген.-прокуроръ вмѣстѣ съ оберъ-прокуроромъ составляютъ по этому поводу обычное «опредѣленіе», чтобы послать «въ адмиралтейскую коллегію» соотвѣтственное «предложеніе», дабы «надлежащее по силѣ указовъ опредѣленіе учинено было немедленно» [5]). Когда, въ 1756 году оказалось, что одно дѣло задержано въ Юстицъ-коллегіи и колодникъ сидитъ уже два года въ ожиданіи рѣшенія, а передано это дѣло въ коллегію было по указу сената, то ген.-прокуроръ, узнавъ объ этомъ отъ прокурора казанской губерніи, немедленно непосредственно отъ себя шлетъ «предложеніе» прямо Юстицъ-коллегіи о «непродолженіи» этого дѣла; «и когда рѣшено, о томъ въ сенатъ репортовать», прибавляетъ онъ въ концѣ бумаги [6]).

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1674, (1744 г.).
[2]) Ibidem, л. 265 и сл.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1671, (окт. 1742 г.).
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1674, л. 198—200.
[5]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6417, л. 121 и слѣд.
[6]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6419, л. 306 и слѣд.

Такъ-же непосредственно самостоятельно ген.-прокуроръ иногда поступалъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо учрежденіе жаловалось на другое центральное учрежденіе о неисполненіи его законныхъ требованій; такъ, когда въ 1742 г. Канцелярія Конфискацій пожаловалась ген.-прокурору на то, что Сыскной Приказъ не принимаетъ отъ нея «указовъ», а требуетъ сношенія «промеморіями», то ген.-прокуроръ, давъ справку изъ указовъ, пишетъ обоимъ учрежденіямъ «предложенія», съ установленіемъ точныхъ формъ ихъ сношеній [1]). Въ другой разъ контора Ревизіонъ-коллегіи доноситъ ген.-прокурору, что она никакъ не можетъ добиться, несмотря на рядъ требованій, отъ канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ, чтобы эта послѣдняя взыскала съ находящагося въ ея вѣдѣніи поручика Троумберха девять рублей одиннадцать копѣекъ. Ген.-прокуроръ пишетъ немедленно «предложеніе» этой канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ, «чтобы оныя деньги съ показаннаго поручика Троумберха взысканы и въ Ревизіонъ-контору отосланы были конечно черезъ три дни, и по исполненію того въ Прав. Сенатъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ репортовать» [2]). Состоявшій у починки мостовъ «по шлютенбургской дорогѣ» полковникъ Григорьевъ «объявляетъ жалобу» на имя ген.-прокурора, что ему не хватаетъ денегъ, и онъ никакъ не можетъ добиться ихъ полученія изъ Штатсъ-конторы; изъ-за этого въ починкѣ происходитъ задержка, а время между тѣмъ уходитъ. Ген.-прокуроръ немедленно наводитъ справки; и оказалось, что изъ сената только-что были посланы поэтому указы Штатсъ-коллегіи [3]).

Бывали случаи, когда ген.-прокуроръ дѣлалъ учрежденіямъ прямые приказы-предложенія, вмѣшиваясь въ существо ихъ дѣятельности, проявляя опредѣленно моменты «министерской» административной власти; правда, это приходится наблюдать рѣдко. Такъ, когда въ 1742 году новому генералъ-провіантмейстеру Шереметеву понадобился штатъ приказныхъ и секретарь, то онъ о назначеніи ихъ просилъ ген.-прокурора, «у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ»; и кн. Трубецкой, согласно этой просьбѣ, дѣлаетъ объ этомъ «предложеніе» Военной коллегіи, минуя сенатъ; а эта коллегія затѣмъ «репортомъ» доноситъ ген.-прокурору объ исполненіи такого его распоряженія [4]). Двумя годами позже ген.-прокуроръ отъ себя лично пишетъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1671, л. 981 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6423, л. 637 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1683, л. 409 и слѣд.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668, (1742 г., мартъ).

приказъ - «предложеніе» Главной Полицеймейстерской канцеляріи «о неукоснительномъ ею разысканіи воровъ и украденыхъ вещей изъ дому архіепископа Переяславскаго и архимандрита Троицко-Сергіевской лавры». Такого-же содержанія «предложеніе» ген.-прокуроръ шлетъ и Главному Магистрату; тонъ этихъ обоихъ предложеній весьма опредѣленно повелительный и начальственный [1]). Около того-же времени той-же Главной Полицеймейстерской канцеляріи ген.-прокуроръ даетъ наставленіе и распоряженіе о водвореніи на улицахъ Москвы надлежащаго порядка и чистоты и объ искорененіи нищенства, чтобы нищіе «по улицамъ не бродили»; кромѣ того, предписывалъ кн. Трубецкой той-же канцеляріи заняться упорядоченіемъ уличной разносной (на лоткахъ) торговли [2]). Такое-же, скорѣе чисто административное, чѣмъ только контрольное, вліяніе ген.-прокурора ясно проскальзываетъ и въ слѣдующемъ случаѣ. Въ 1744 году посадскій человѣкъ г. Петровска подалъ челобитье о томъ, что дѣло его, переданное изъ Сибирской губернской канцеляріи въ Каморъ-коллегію, тутъ задерживается и волочится. Тогда ген.-прокуроръ пишетъ непосредственно «предложеніе» Каморъ-коллегіи, гдѣ предписываетъ ей, «разсмотря, надлежащее въ силѣ Е. И. В. указовъ рѣшеніе учинить въ указной срокъ по генеральному регламенту, дабы о томъ отъ него, Селецкаго, (т. е. челобитчика) впредь докуки болѣе не происходило». На это ген.-прокурорское «предложеніе» Каморъ-коллегія шлетъ длинный отвѣтъ-доношеніе, гдѣ, оправдываясь въ своихъ дѣйствіяхъ, подробно мотивировано излагаетъ самое дѣло и то рѣшеніе его, которое она вынесла, заканчивая бумагу слѣдующими словами: «о вышеписанномъ о всемъ Прав. Сената къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ каморъ-коллегія репортуетъ во извѣстіе» [3]). Конечно, основное содержаніе этого факта—ген.-прокурорское «понужденіе»; но этотъ подробный отвѣтъ по существу дѣла и оправданія коллегіи уже даютъ привкусъ чисто административнаго вмѣшательства,—при полной, очевидно, его возможности,—со стороны ген.-прокурора въ дѣйствія центральныхъ учрежденій.

Итакъ, контрольная надзирающая роль ген.-прокуратуры Елизаветинскаго времени является ея основной функціей въ отношеніи центральныхъ правительственныхъ учрежденій. Такой контроль, однако, являлся почти исключительно формальнымъ, внѣшнимъ; но рядомъ съ этимъ область распростра-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1667, л. 507 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8259, л. 36—37.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1674, (авг. 1744 г.).

ненія, сфера захвата этого контроля была очень широка; не было ни одной стороны въ центральномъ управленіи, которую-бы ген.-прокуратура считала находящейся внѣ ея контроля. Наибольшее вниманіе удѣлялось дѣламъ «интереснымъ», связаннымъ съ доходами или расходами казны, которыя ген.-прокуратура, видимо, считала особенно находящимися подъ ея ближайшимъ присмотромъ. Была, наконецъ, еще одна очень важная черта, характеризовавшая основную функцію Елизаветинской ген.-прокуратуры въ отношеніяхъ къ центральнымъ учрежденіямъ, это—малая интенсивность прокурорскаго надзора, его поверхностный, недостаточно планомѣрный, слишкомъ случайный, захватъ. А такое явленіе, несомнѣнно, не могло не ослаблять вліянія ген.-прокуратуры на дѣятельность центральнаго правительственнаго механизма.

Мы видѣли въ предыдущемъ изложеніи, что вопросъ о значительности ген.-прокурорскаго вліянія на дѣйствія центральныхъ учрежденій приходится скорѣе разрѣшать въ смыслѣ признанія его небольшой силы. Рядомъ съ этимъ съ достаточной опредѣленностью выяснилась та крайне неактивная тактика, которую систематически и, видимо, сознательно проводилъ ген.-прокуроръ въ своихъ отношеніяхъ къ тѣмъ-же учрежденіямъ. Онъ всячески стремился обращаться въ механическаго передатчика или механическаго исполнителя буквы закона, какъ-бы нарочно передавая всю активную, дѣйственную роль сенату, что только ослабляло власть ген.-прокурора.

Такимъ образомъ, три только-что указанные момента въ существѣ ген.-прокурорской власти Елизаветинской эпохи, посколько эта власть проявлялась въ отношеніяхъ къ центральному правленію, свидѣтельствуютъ объ ясномъ ослабленіи этой власти въ ея существѣ, въ ея активности, ослабленіи за счетъ сената, какъ то особенно видно изъ послѣдняго нами только-что отмѣченнаго момента.

Однако, рядомъ съ этимъ нельзя не замѣтить, что въ сферу дѣятельности ген.-прокурора какъ-то отрывочно, несмѣло, безпочвенно какъ-бы, но опредѣленно входятъ моменты, далекіе отъ основныхъ, и единственныхъ по Петровской «Должности», надзирающе-контрольныхъ обязанностей ген.-прокурора. Время отъ времени Елизаветинскій главный представитель прокурорской власти предпринимаетъ дѣйствія, имѣющія ясный характеръ дѣйствій распорядительныхъ, «министерскихъ» въ отношеніи то того, то иного центральнаго учрежденія. Эти явленія чисто спорадическія и немногочисленныя въ практикѣ генералъ-прокурорской власти, видимо, однако

не вызываютъ ничьего удивленія, являются происходящими какъ-бы вполнѣ въ порядкѣ вещей. Если,—и этого нельзя не повторить,—такого рода дѣйствія ген.-прокурора являются очень рѣдкими въ его практикѣ, единичными въ общей массѣ фактовъ его контрольной дѣятельности, если, съ другой стороны, несомнѣнно, факты эти какъ-то очень случайны и не имѣютъ никакой внутренней связи между собой, то не надо забывать, что уже самая возможность существованія такой стороны въ дѣятельности Елизаветинскаго ген.-прокурора—при томъ, очевидно, не вызывавшей у современниковъ никакого представленія объ незаконности и объ узурпаціи—не можетъ не останавливать на себѣ вниманія, и едва-ли не вскрываетъ и не подтверждаетъ далѣе существованія нѣкоторыхъ чертъ у Елизаветинской ген.-прокуратуры, указывающихъ на непрекращающуюся эволюцію этого института все въ томъ-же направленіи: элементы «министерской» власти явно имѣлись даже у сравнительно безсильнаго въ отношеніи сената ген.-прокурора сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка.

VI.

Общая схема отношеній ген.-прокуратуры Елизаветинскаго времени къ областному управленію является почти тождественной схемѣ ея отношеній къ центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ. Такъ же, какъ и въ области центральнаго управленія, въ сферѣ областныхъ учрежденій контрольно надзирающая роль ген.-прокурора въ ея цѣломъ слагалась изъ двухъ моментовъ: постояннаго и регулярнаго наблюденія за общимъ темпомъ хода управленія по періодически доставляемымъ прокурорами свѣдѣніямъ въ установленной формы «репортахъ»,—и, затѣмъ, изъ ряда отдѣльныхъ случаевъ вмѣшательства ген.-прокурорской власти въ дѣла областныхъ учрежденій при какихъ-либо непорядкахъ по донесеніямъ прокуроровъ. Также, далѣе, прокурорскіе «протесты» по существу дѣлъ и прокурорскія «доношенія» о непорядкахъ самаго учрежденія обычно прямо представлялись на усмотрѣніе сената ген.-прокурорскими «предложеніями». Также бывали случаи, когда ген.-прокуроръ выступалъ болѣе или менѣе активно. Также «понужденіе» было важной обязанностью ген.-прокурора въ отношеніи провинціальнаго управленія. И притомъ общій тонъ всей дѣятельности областныхъ прокуроровъ мало чѣмъ отличался отъ общаго тона дѣятельности прокуратуры цен-

тральныхъ учрежденій. Но были, конечно, тутъ и нѣкоторыя отступленія, варіаціи.

«Репорты», которые служили для постояннаго и регулярнаго надсмотра ген.-прокурора за дѣятельностью областныхъ учрежденій, присылались обычно отъ прокуроровъ составленными по формѣ почти тождественной съ тѣми «репортами» того же типа, что посылали ген.-прокурору прокуроры центральныхъ установленій. Эти областные «репорты» прокурорскіе содержали въ себѣ свѣдѣнія о трехъ сторонахъ,—чисто формальныхъ,—дѣятельности учрежденій: о количествѣ посѣщеній даннаго учрежденія за данный періодъ времени его присутствующими, о числѣ рѣшенныхъ тѣмъ же учрежденіемъ за то же время дѣлъ и о задержанныхъ при томъ же учрежденіи колодникахъ. «Репорты» съ такого рода свѣдѣніями представители провинціальной прокуратуры должны были присылать «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ» сперва каждый мѣсяцъ; но когда такой порядокъ оказался крайне неудобнымъ для нѣкоторыхъ губернскихъ прокуроровъ, отъ мѣстожительства которыхъ воеводскія провинціальныя канцеляріи кое-гдѣ оказались на разстояніи нѣсколькихъ недѣль пути (что́ очень затрудняло частое и своевременное полученіе отъ нихъ надлежащихъ для «репорта» свѣдѣній),—то ген.-прокуроръ назначилъ болѣе длинный, именно—четырехмѣсячный срокъ, такъ—что «репорты» должны были поступать къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ только каждую треть года [1]).

Поступленіе этихъ «репортовъ», видимо, не отличалось особой аккуратностью; по крайней мѣрѣ, въ 1755 г. ген.-прокуроръ пишетъ рядъ напоминаній губернскимъ прокурорамъ о своевременной и точной присылкѣ ими къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ «репортовъ» о присутствіи губернатора «съ товарищи» и о «рѣшеныхъ дѣлахъ» [2]). Въ 1756 году ген.-прокуроръ посылаетъ многимъ провинціальнымъ прокурорамъ ордеръ, гдѣ пишетъ: «о рѣшенныхъ (такой-то) губерніи въ провинціяхъ и городѣхъ дѣлахъ и о колодникахъ за майскую 1755 года треть репорта и понынѣ еще не прислано; и для того изволите ваше благородіе означенный репортъ прислать сюда въ самой скорости, и впредь тѣ репорты прислать безъ всякаго замедленія подъ опасеніемъ за нескорую тѣхъ репортовъ присылку неотмѣннаго взысканія» [3]).

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 6414, л. 603.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6417, л. 542 и слѣд.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 6420, л. 190 и слѣд.

Есть опредѣленныя указанія на то, что эти «репорты» достаточно внимательно просматривались «у ген.-прокурорскихъ дѣлъ», а не являлись только никому ненужнымъ исполненіемъ формы. По крайней мѣрѣ, въ 1754 г. ген.-прокуроръ шлетъ прокурору Московской губ. слѣдующій «ордеръ»: «Благородный и высокопочтенный господинъ Московской губерніи прокуроръ, изъ полученной при репортѣ вашемъ сего іюля отъ 4 числа о рѣшеныхъ въ нынѣшнемъ 1754 году въ генварьской трети Московской губерніи въ провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ и о колодникахъ вѣдомости усмотрѣно, что во многихъ городѣхъ дѣлъ рѣшено весьма мало, а въ нѣкоторыхъ городахъ,—а именно въ Кадыевѣ, въ Кашинѣ,—и въ рѣшеніи дѣлъ не было, а колодниковъ содержится немалое число; для того изволите ваше благородіе присылаемые изъ городовъ репорты разсматривать, и ежели гдѣ усмотрѣно будетъ въ рѣшеніи дѣлъ мало, а индѣ и ничего нѣтъ, а колодники въ задержаніи есть, о таковыхъ Московской губерніи предлагать, дабы на таковыхъ воеводахъ надлежащее взысканіе чинила и съ таковыми поступала по указамъ безъ упущенія; и въ томъ по должности вашей инстиговать, и въ присылаемыхъ въ Пр. Сенатъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ репортахъ о томъ показывать имянно». Подписанъ этотъ «ордеръ» кн. Трубецкимъ. Почти буквальный ордеръ 18 іюля же былъ посланъ и къ Бѣлгородскому прокурору, а затѣмъ въ виду, очевидно, однороднаго явленія, замѣченнаго изъ просмотра подобныхъ рапортовъ всѣхъ остальныхъ областныхъ прокуроровъ, было «у ген.-прокурорскихъ дѣлъ» постановлено: «написать циркулярный ордеръ и ко всѣмъ губернскимъ прокурорамъ, кромѣ Московскаго и Бѣлгородскаго (ибо къ нимъ особливые посылаются),—примѣняясь къ сему же Оренбургской губерн. канцеляріи, ибо тамъ и нынѣ прокурора нѣтъ,—предложеніе, чтобъ такіе же репорты присланы были и смотрѣніе чинилось» [1]).

Такимъ путемъ постоянно слѣдилъ ген.-прокуроръ за дѣятельностью областныхъ учрежденій въ ея обычно нормальномъ ходѣ. И тутъ,—также, какъ и въ отношеніи центральныхъ учрежденій,—выдвигались три стороны дѣятельности областной администраціи, надъ которыми и сосредоточился весь ген.-прокурорскій контроль, это именно,—интенсивность въ ходѣ работы учрежденія (надлежащая скорость въ рѣшеніи дѣлъ, какъ цѣль и необходимый предѣлъ этой интенсивности), своевременный отпускъ задержанныхъ въ заключеніи лицъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6414, л. 125—127.

(недолговременное держаніе колодниковъ) и надлежащее усердіе чиновниковъ въ исполненіи ихъ прямыхъ обязанностей (указное сидѣніе всѣхъ присутствующихъ въ присутствіи положенныхъ часовъ для занятія дѣлами). Надзоръ же за самымъ существомъ, а не только формами дѣятельности областныхъ учрежденій, ближайшимъ образомъ лежалъ на самихъ губернскихъ прокурорахъ; и только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти агенты ген.-прокурорской власти замѣчали что-либо ненадлежащее въ дѣйствіяхъ учрежденій, они доводили объ этомъ до свѣдѣнія ген.-прокурора двоякимъ образомъ: или путемъ «протестовъ», предусмотрѣнныхъ прокурорской должностью, или просто путемъ «репортовъ», представляющихъ все дѣло на ген.-прокурорское усмотрѣніе. Тотъ же порядокъ, какъ мы видѣли, существовалъ въ соотвѣтственныхъ отношеніяхъ у прокуратуры центральныхъ учрежденій.

«Протесты» губернскихъ прокуроровъ обычно присылались ими ген.-прокурору, которымъ и передавались на усмотрѣніе сената. Протестовали прокуроры рѣшенія областныхъ учрежденій по всякого рода дѣламъ; и все это одинаково ген.-прокуроръ принимаетъ и передаетъ въ сенатъ. Одинъ прокуроръ протестуетъ рѣшеніе губерн. канцеляріи о выдачѣ жалованья чиновникамъ безъ спеціальной ассигнаціи на то Штатсъ-коллегіи; другой протестуетъ дѣйствія губ. канцеляріи по оброчнымъ статьямъ, одну изъ которыхъ, вопреки закону, она отняла у нѣкоего «новокрещена»; третій присылаетъ рядъ протестовъ по мелкимъ интереснымъ дѣламъ, ненадлежаще, по мнѣнію прокурора, рѣшенымъ; цѣлый рядъ «протестовъ» имѣются отъ многихъ прокуроровъ по поводу разныхъ судебныхъ приговоровъ губ. канцелярій; а то прокуроръ протестуетъ рѣшеніе по дѣлу одного безроднаго крестьянина, котораго губ. канцелярія рѣшила отдать на поселеніе въ дворцовую волость, что, по мнѣнію, прокурора, будетъ незаконно; то прокуроръ недоволенъ и протестуетъ рѣшеніе губ. канцеляріи о выдачѣ разночинцамъ паспортовъ срокомъ на годъ; то прокуроръ не согласенъ на то направленіе дѣла о поиманномъ бѣгломъ нижнемъ чинѣ, которое этому дѣлу даетъ губ. канцелярія; то прокуроръ со своимъ «протестомъ» впутывается въ огромное и сложное дѣло по злоупотребленіямъ, посланнаго для слѣдствія, нѣкоего маіора [1]). Иногда, за неимѣніемъ гдѣ-либо прокурора, въ этой роли

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431 (л. 536 и сл. и л. 443 и сл.), 6429 (л. 883 и сл.), 6424 (л. 167 и сл., 351 и сл.), 6407 (л. 347 и сл., л. 372 и сл.) 6421 (л. 423 и сл.), 6417 (л. 255 и сл.) и друг.

выступаетъ секретарь учрежденія; такъ въ 1760 году секретарь Пензенской провинціальной канцеляріи доноситъ «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ» о незаконномъ рѣшеніи губернской канцеляріи—назначить въ эту провинціальную канцелярію еще одного секретаря [1]). Всѣ эти моменты прокурорскаго надзора ген.-прокуроръ докладываетъ непосредственно сенату такъ же, какъ онъ то дѣлаетъ и съ доношеніями прокуроровъ центральныхъ учрежденій.

Доносили ген.-прокурору уже формально не въ видѣ «протеста», а прямо въ видѣ «репортовъ», областные его представители о всякаго рода такихъ дѣлахъ и фактахъ дѣятельности учрежденій мѣстнаго управленія, которые на ихъ взглядъ представлялись отступленіями отъ законной нормы и требовали тѣмъ вмѣшательства высшей власти. Тутъ прежде всего обращали вниманіе прокуроровъ всякаго рода непорядки въ веденіи дѣлопроизводства, которыми, вольными и невольными, изобиловала канцелярская областная практика того времени. Такъ, «о запущенныхъ письменныхъ дѣлахъ и счетахъ» губернской канцеляріи доноситъ одинъ прокуроръ; о завѣдомо неправильныхъ денежныхъ выдачахъ—доноситъ другой; третій доноситъ, что «отъ присутствующихъ разныхъ разсужденіевъ канцелярія никакъ не можетъ заключить контракты по внутренней таможни»; четвертый доноситъ, что губерн. канцелярія беретъ къ себѣ двухъ явно заподозрѣнныхъ подъячихъ изъ провинціальной канцеляріи; пятый доноситъ о задержаніи канцеляріей составленія счетовъ, ей предписаннаго сенатскимъ указомъ. Прокуроръ Сазоновъ просто жалуется, что канцелярія вообще не слушаетъ никакихъ его предложеній; на полные безпорядки въ дѣловеденіи другой губерн. канцеляріи жалуется ея прокуроръ; жалобы на невниманіе канцелярскихъ присутствій къ «предложеніямъ» прокурорскимъ повторяются разными прокурорами, а одна губернская канцелярія даже вынесла формальное рѣшеніе—не принимать отъ прокурора вторичнаго «предложенія» по одному и тому-же дѣлу; другія же, видимо, часто оставляли прокурорскія предложенія «безъ дѣйства и исполненія», какъ выражается одинъ прокуроръ. Иной разъ прокуроръ вмѣшивается въ опредѣленія канцеляріи о наказаніяхъ ею низшихъ мелкихъ ея служащихъ, находя и тутъ превышенія власти и неправильности. Иной разъ прокуроръ обращаетъ вниманіе на поступки канцеляріи явно подозрительные, прикрытые притомъ странными оправданіями; такъ, одна губ. канцелярія отпустила всѣхъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 103 и сл.

безъ разбора задержанныхъ по одному убійству, «по процессу военнаго артикула приличая, что во ономъ изображено лучше десять винныхъ освободить, нежели одного невиннаго на смерть осудить». Прокуроръ, считая это разсужденіе къ дѣлу неотносящимся, заподозрѣвая «непорядочность» въ веденіи дѣла, доноситъ объ этомъ ген.-прокурору [1]). Другой прокуроръ доноситъ, что всѣ его предложенія о подачѣ и посылкѣ «сочиненныхъ» вѣдомостей всякаго рода для центральныхъ учрежденій ничуть не дѣйствуютъ, не производя никакого эффекта. Смоленскій прокуроръ жалуется, что губ. канцелярія по своему перекраиваетъ свои штаты, назначая особыхъ подъячихъ «за секретарей»; а нижегородскій прокуроръ доноситъ о лѣни и нерадѣніи присутствующихъ канцеляріи, которые не во время съѣзжаются въ присутствіе, мало тамъ занимаются дѣлами и проч. Иногда, за неимѣніемъ прокуроровъ, и секретари доносили о непорядкахъ канцелярскихъ и о злоупотребленіяхъ; но это, впрочемъ, бывало только въ единичныхъ случаяхъ [2]).

Считаютъ, очевидно, своимъ долгомъ прокуроры доносить и о тѣхъ злоупотребленіяхъ отдѣльныхъ чиновниковъ, съ которыми имъ приходится сталкиваться. Такъ, астраханскій прокуроръ доноситъ, что губернаторъ (извѣстный В. Н. Татищевъ) выдалъ изъ казенныхъ денегъ 1000 руб. персидскому послу своевольно, безъ указу о томъ [3]); архангелогородской прокуроръ доноситъ о злоупотребленіяхъ архангельскаго полицеймейстера [4]). Новгородскій прокуроръ жалуется на губернаторскаго товарища Ушакова, который, вопреки прямому указанію статей уложенія, беретъ разнаго рода крѣпости и закладныя у жителей Новгородской губерніи, причемъ употребляетъ для этого прямое вымогательство [5]). Цѣлый рядъ прокурорскихъ доношеній ген.-прокурору о злоупотребленіяхъ разныхъ представителей областного управленія строится на доносахъ, имъ поданныхъ отъ разнаго рода частныхъ, въ большинствѣ пострадавшихъ лицъ. Обычно доносы эти прокуроры препровождали въ подлинникахъ ген.-прокурору при своихъ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412 (1752 г.).

[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 1682 (дѣло „№11"), 6432 (л. 2 и сл.), 6431 (л. 462 и сл., л. 451 и сл.), 6424 (л. 410 и сл., л. 417 и сл., л. 459 и сл.), 6421 (л. 411 и сл., л. 376 и сл., л. 247 и сл., л. 368 и сл., л. 260 и сл.) 6418 (л. 604 и сл., л. 24 и сл., л. 610 и сл., л. 618 и сл.) 6412 (л. 662 и сл.), 6409 (л. 815 и сл., л. 792 и сл.), 6405 (л. 398 и сл.), 1668 (л. 325 и сл.), 6402 (л. 346 и сл.).

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8255, л. 57.

[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6407, л. 324 и слѣд.

[5]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, л. 785 и сл.

«репортахъ», иногда добавляя кое-что отъ себя, хотя рѣдко и мало [1]).

Попадаются доношенія прокуроровъ по вопросу болѣе общаго, принципіальнаго значенія, а именно по вопросу объ недостаткахъ,—тѣхъ или иныхъ,—въ организаціи того или другого провинціальнаго учрежденія. Такъ, прокуроръ новгородскій доносилъ о «запущеніи» дѣлъ въ губерн. канцеляріи, такъ какъ тамъ было очень мало приказныхъ, и не хватало людей для веденія нѣкоторыхъ частей дѣлопроизводства (именно—счетной части [2]). Нижегородскій прокуроръ доносилъ, что губернаторъ внезапно заболѣлъ и дѣлъ дѣлать не можетъ; его товарищъ, недавно назначенный, все не можетъ доѣхать до Нижняго-Новгорода; а потому въ присутствіи канцеляріи никто не присутствуетъ, кромѣ одного прокурора, который исправляетъ всѣ дѣла, что́, конечно, свидѣтельствуетъ о полной разрухѣ въ организаціи учрежденія. Характерно, что, принявъ тутъ соотвѣтственныя мѣры, сенатъ считаетъ возможнымъ, чтобы нѣкоторое время всѣ дѣла по губерн. канцеляріи продолжалъ исправлять единственный въ ней «присутствующій»—губернскій прокуроръ [3]). Тотъ же нижегородскій прокуроръ черезъ шесть лѣтъ доноситъ, что по одному дѣлу въ губернской канцеляріи, опять вслѣдствіе недостатка присутствующихъ, создалось такое положеніе, что «за отбытіемъ изъ Нижняго г. губернатора» и за свойствомъ губернаторскаго товарища одному изъ участниковъ въ дѣлѣ, въ присутствіи некому было принять прокурорскій протестъ по этому дѣлу на состоявшееся раньше рѣшеніе канцеляріи [4]).

Бывали со стороны областныхъ прокуроровъ и жалобы на бездѣятельность, замедленія центральныхъ учрежденій. Такъ, казанскій прокуроръ жалуется на то, что въ Казани были уже приготовлены всѣ матеріалы для постройки питейнаго дома, долго лежали, успѣли уже сгорѣть, а крыша на гостинномъ дворѣ давно течетъ и отъ этого портятся товары; давно было писано обо всемъ этомъ Каморъ-коллегіи, а оттуда ничего не отвѣчаютъ [5]). Новгородскій прокуроръ жалуется на то, что по одному дѣлу отъ сената никакъ нельзя получить указа, несмотря на всѣ въ этомъ направленіи старанія губернской канцеляріи [6]).

---

1) См. М. А. М. Ю. сен. кн.: 6405 (л. 67 и сл.), 6400 (л. 473, л. 466 и сл. л. 391 и сл.) 6403 (л. 158 и сл.) и др.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 431 и сл.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 6407, л. 285 и сл.
4) М. А. М. Ю. сен. кн. 6424, л. 294 и сл.
5) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, л. 783 и сл.
6) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 770 и слѣд.

Не трудно замѣтить, сравнивъ предметы доношеній областныхъ прокуроровъ съ предметами доношеній прокуроровъ центральныхъ учрежденій, что въ нихъ много общаго; точнѣе говоря, всѣ тѣ вопросы, которые поднимаютъ одни изъ нихъ, поднимаютъ и другіе; а тѣмъ самымъ опредѣляется пониманіе ген.-прокуратурой сферы ея надзора и контроля въ области областного управленія.

И тамъ, и тутъ этотъ надзоръ прежде всего былъ надзоромъ за правильнымъ примѣненіемъ нормъ закона въ рѣшеніяхъ учрежденій, затѣмъ—надзоромъ за законностью въ самыхъ способахъ дѣйствованія учрежденій, затѣмъ—надзоромъ за законностью дѣйствій отдѣльныхъ представителей администраціи, затѣмъ—надзоромъ за правильнымъ, нормальнымъ функціонированіемъ учрежденій, и, наконецъ, надзоромъ за нормальнымъ соотношеніемъ дѣйствій центральныхъ и областныхъ учрежденій. Все это, очевидно, ген.-прокуроръ считалъ входящимъ въ сферу компетенціи своего контроля надъ областнымъ управленіемъ. Сюда же прокуроры вмѣшивали и свои, несомнѣнно, личныя пререканія съ отдѣльными чинами провинціальной администраціи, иногда принимавшія крупные размѣры. Петроградскій губернскій прокуроръ жаловался на вице-губернатора, что онъ однажды въ присутствіи «не приказалъ» заносить въ журналъ одного прокурорскаго предложенія [1]). Новгородскій прокуроръ доноситъ, что, услышавъ его предложеніе въ присутствіи, губернскій товарищъ прямо заявилъ, «чтобъ я имъ не указывалъ,—пишетъ прокуроръ,—и ни о чемъ не предлагалъ» [2]). Прокуроръ Воронежской губерніи проситъ ген.-прокурора «оборонить» его отъ челобитій и навѣтовъ на него канцеляриста губернской канцеляріи, заявлявшаго, въ свою очередь, въ челобитьѣ, что прокуроръ, выгнавъ его изъ «судейской камеры», «билъ немилостиво» [3]). Архангелогородскій прокуроръ доноситъ, что, вопреки «протесту», губернаторъ продолжалъ производство дѣла и доношеніе по нему велѣлъ немедленно нести на почту, вопреки прокурорскому требованію, грозя иначе «всѣхъ у протокола подъячихъ батожьемъ ободрать» [4]). Бѣлогородскій прокуроръ жалуется, что, пріѣхавшій къ нимъ для понужденія во взысканіи подушныхъ денегъ, солдатъ однажды «шуменъ» вошелъ въ присутствіе и приказалъ вахмистру канцеляріи не выпускать прокурора изъ помѣщенія канцеляріи,

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6415, л. 602 и слѣд.
[2]) Ib., л. 304 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6420, л. 332 и слѣд.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1686, л. 129 и слѣд.

«чего ему и въ данной инструкціи не написано», осторожно оговаривается прокуроръ въ своемъ «доношеніи» по этому поводу, и проситъ ген.-прокурора оградить его отъ такихъ «обидъ» [1]).

Но иногда прокуроры расширяли область своихъ прямыхъ конкретныхъ обязанностей и въ другомъ отношеніи: они иногда доносили ген.-прокурору о необходимости принять тѣ или иныя мѣры по существу тѣхъ или иныхъ ими замѣченныхъ непорядковъ внѣ, собственно, прямого надзора за чисто канцелярской дѣятельностью. Такъ, въ 1749 году прокуроръ Казанской губерніи доносилъ, что вездѣ велѣно мѣрить товары орлеными и клеймеными мѣрами, а между тѣмъ, пишетъ онъ, «мной усмотрѣно въ Казанской губерніи», что во многихъ мѣстахъ «имѣются мѣры свои съ немалымъ излишествомъ, отчего въ сборѣ въ казну Е. И. В. можетъ чиниться упущеніе»; о необходимости тутъ принятія надлежащихъ мѣръ и доноситъ прокуроръ своимъ «репортомъ» [2]). Смоленскій прокуроръ въ 1746 году доносилъ, что рейтарскія дачи нельзя по закону ни закладывать, ни продавать, и ими владѣть можно только при службѣ самого владѣльца; а, между тѣмъ, онъ усмотрѣлъ, что въ Смоленской губерніи ихъ закладываютъ и продаютъ, и владѣютъ ими зачастую вдовы и малолѣтніе, при чемъ разоряютъ крестьянъ; о принятіи мѣръ противъ этого и ходатайствовалъ прокуроръ [3]). Въ 1753 году сибирскій прокуроръ сообщилъ ген.-прокурору, что, по его свѣдѣніямъ, въ сибирскихъ городахъ нѣтъ соли для продажи, и необходимо озаботиться немедленной ея доставкой; онъ это два раза «предлагалъ» канцеляріи, но толку не выходило, поэтому онъ, наконецъ, доноситъ объ этомъ ген.-прокурору [4]). И во всѣхъ этихъ случаяхъ, правда, очень рѣдкихъ, ген.-прокуроръ, видимо, не считалъ такой родъ прокурорскихъ выступленій выходящимъ за предѣлы ихъ компетенціи. Подобнаго явленія, какъ видѣли, не приходится наблюдать въ дѣятельности прокуратуры центральныхъ учрежденій; но, съ другой стороны, тамъ иногда прокуроры возбуждали широкіе принципіальные вопросы, чего въ свою очередь незамѣтно въ дѣятельности областной прокуратуры.

Приходятъ къ генералъ-прокурору всѣ разнообразные «репорты» и доношенія отъ его провинціальныхъ агентовъ, приходятъ, въ общемъ, въ довольно большомъ количествѣ,—

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 869 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6400, л. 385 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 148 и слѣд.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 614 и слѣд.

и по нимъ всѣмъ долженъ ген.-прокуроръ «инстиговать», представляя въ сенатъ; такъ полагалось по Петровской «Должности». Но мы видѣли, къ чему сводилось это «инстигованіе» у Елизаветинскаго ген.-прокурора по «протестамъ» и «репортамъ» представителей прокуратуры центральныхъ учрежденій; такія-же, своеобразныя формы принимало это «инстигованіе» по протестамъ и доношеніямъ областныхъ прокуроровъ.

Ген.-прокуроръ, какъ мы уже видѣли, обычно принималъ на себя только роль механическаго передатчика сенату прокурорскихъ доношеній, совершенно ничѣмъ не выражая своего къ нимъ отношенія. Это прежде всего ясно изъ тѣхъ двухъ, стереотипно повторяющихся формулъ, въ которыхъ обычно въ сенатскомъ «журналѣ» регистрировалось такое выступленіе ген.-прокурора. Первая формула гласила: «г. генералъ-прокуроръ и кавалеръ предложилъ присланные въ Пр. Сенатъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ Казанской губерніи отъ прокурора Родіонова доношеніе, коимъ представляетъ»... и затѣмъ идетъ почти дословный пересказъ текста прокурорскаго доношенія [1]). Гораздо чаще въ «журналѣ» употребляется вторая формула, въ которой даже не упоминается объ ген.-прокурорѣ, а соотвѣтственный параграфъ начинается непосредственно: «по доношенію Новгородскаго прокурора Протасова»... и затѣмъ прямо излагается сущность этого доношенія [2]). И больше почти никогда въ сенатскихъ журналахъ и въ ген.-прокурорскихъ дѣлахъ нельзя уловить никакого признака,—хотя-бы самаго малаго,—дальнѣйшаго участія ген.-прокурора: въ обсужденіи или рѣшеніи по данному «протесту» или доношенію онъ всегда отъ всего этого совершенно опредѣленно уклоняется.

И только кое-когда, въ качествѣ безстрастнаго матеріала, ген.-прокуроръ сочтетъ нужнымъ представить сенату не только одно прокурорское «доношеніе», но и приложить къ нему двѣ-три фактическихъ справки по затрогиваемому въ «доношеніи» дѣлу. Такъ, когда въ своемъ «репортѣ» Новгородскій прокуроръ въ 1758 году доносилъ, что въ присутствіи губернской канцеляріи некому засѣдать (см. выше), то ген.-прокуроръ вмѣстѣ съ этимъ «репортомъ» прокурорскимъ представляетъ сенату также справку, во-первыхъ, объ офицерахъ, находящихся въ Новгородской губ. «при подушномъ сборѣ», а во-вторыхъ о томъ, что туда только-что назначенъ новый вице-губернаторъ [3]). Передавая, другой разъ,

---

[1]) См., напр., М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, л. 783; также: сен. кн. 6407, л. 372 и слѣд., сен. кн. 6418, л. 610 и слѣд.

[2]) См., напр., М. А. М. Ю. сен. кн. 6402, л. 431—460; также: сен. кн. 6424, л. 417 и сл., сен. кн. 6418, л. 604 и слѣд.

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6424, л. 294 и слѣд.

сенату «репортъ» архангельскаго прокурора о непорядкахъ въ тамошней полиціи, ген.-прокуроръ при этомъ даетъ справку изъ указа 7 мая 1746 г. о томъ, что всѣ жалобы на полицію должны приноситься только исключительно генералъ-полицеймейстеру [1]). Въ 1757 г. нижегородскій прокуроръ доноситъ о непорядкахъ въ корчемной конторѣ; и ген.-прокуроръ, препровождая его «репортъ» сенату, прилагаетъ при этомъ справку объ этой конторѣ, взятую изъ сенатскихъ дѣлъ [2]). Когда Астраханскій прокуроръ доноситъ о счетахъ, которыхъ никакъ не можетъ составить губернская канцелярія, то ген.-прокуроръ, передавая сенату это «доношеніе», при немъ прилагаетъ справку о томъ, что уже одинъ разъ, согласно того-же прокурора «репорту» по тому же поводу,—о «несочиненіи» счетовъ,—сенатъ уже указомъ подтверждалъ объ этомъ «накрѣпчайше» той-же губернской канцеляріи [3]). Новгородскій прокуроръ доноситъ ген.-прокурору о томъ, что нѣкій канцеляристъ Романовъ, имъ и Олонецкимъ воеводою заподозрѣнный въ присвоеніи денегъ и въ неправильныхъ счетахъ, «шумно» обвинялъ прокурора, будто онъ все дѣлаетъ противъ него по дружбѣ съ воеводою; прокуроръ просилъ «оборонить» его отъ такихъ нападокъ. «Предлагая» это доношеніе прокурора сенату, ген.-прокуроръ сопроводилъ его справкой о томъ, что уже былъ одинъ доносъ этого Романова на того же Олонецкаго воеводу. Но давая эту справку, ген.-прокуроръ опять остался на почвѣ чистой передачи дополнительныхъ къ дѣлу свѣдѣній, безъ всякихъ со своей стороны комментарій [4]). Иногда,—но, видно, очень рѣдко,—ген.-прокуроръ давалъ сенату такія справки и «словесно», онъ устно дополнялъ передъ сенатомъ «доношеніе» Новгородскаго прокурора, по поводу странныхъ и подозрительныхъ дѣйствій Новгородской губернской канцеляріи въ одномъ уголовномъ дѣлѣ [5]).

Такъ пассивно уклончиво относясь къ своей роли въ сенатѣ, при «инстигованіи» по прокурорскимъ протестамъ и рапортамъ, ген.-прокуроръ, съ другой стороны, въ такихъ случаяхъ, видимо, очень послушно исполнялъ сенатскія по нимъ рѣшенія. Въ 1760 г. прокуроръ Оренбургской губерніи доносилъ, что онъ пригрозилъ одному повытчику за его медлительность въ дѣлахъ тѣмъ, что по его прокурорскому приказу онъ «имѣетъ быть скованъ и подъ карауломъ» держанъ;

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6407, л. 324 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6421, л. 411 и слѣд.
[3]) Ib., л. 260 и слѣд.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1681, л. 163 и слѣд.
[5]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6412, (1752 г.).

въ этомъ ему далъ отпоръ одинъ изъ асессоровъ канцеляріи, заявивъ, что безъ постановленія присутствія прокуроръ дѣлать этого не вправѣ. Ген.-прокуроръ обычнымъ порядкомъ, механически передаетъ это доношеніе на усмотрѣніе сената, который, становясь на сторону асессора, дѣлаетъ прокурору замѣчаніе, что онъ совершенно неправъ въ такой самовольной расправѣ. Ген.-прокуроръ пишетъ отъ себя ордеръ прокурору, въ которомъ дѣлаетъ ему выговоръ за этотъ его поступокъ, причемъ *почти дословно* повторяетъ соотвѣтственныя фразы изъ сенатской резолюціи; настолько точно придерживается ген.-прокуроръ въ своихъ дѣйствіяхъ соотвѣтствующихъ сенатскихъ мнѣній [1]). Другой разъ, когда по поводу одного прокурорскаго доношенія сенатъ выноситъ резолюцію, что корчемныя канцеляріи, являясь какъ-бы «департаментами» губернскихъ канцелярій, тѣмъ самымъ подлежатъ вѣдѣнію и надзору губернскихъ прокуроровъ, ген.-прокуроръ немедленно составляетъ всѣмъ прокурорамъ нѣчто вродѣ циркулярнаго ордера, въ которомъ точнѣйшимъ образомъ повторяетъ сенатское рѣшеніе объ ихъ отношеніяхъ къ этимъ учрежденіямъ [2]).

Отношенія ген.-прокурора къ областному управленію выражались не только въ представленіи сенату прокурорскихъ доношеній и въ требованіи отъ прокуроровъ постоянныхъ рапортовъ-свѣдѣній о движеніи дѣлъ и присутствованіяхъ въ учрежденіяхъ. Бывали моменты, когда ген.-прокуроръ проявлялъ и самостоятельную активную дѣятельность; крайне узки были предѣлы такой активности; чрезвычайно бѣдно, какъ увидимъ, было ея содержаніе; но имѣлись въ ней и любопытные штрихи.

Прежде всего, ген.-прокуроръ нерѣдко по собственному почину обращается съ «ордерами» къ прокурорамъ о необходимости особаго ихъ вниманія и особаго «инстигованія» по тому или иному дѣлу. Казанскому прокурору ген.-прокуроръ спеціальнымъ ордеромъ вмѣняетъ въ особенное вниманіе дѣло какого-то неслужащаго дворянина Облязова, слушающееся въ губернской казанской канцеляріи [3]). Смоленскому прокурору сообщаетъ ген.-прокуроръ, что въ Смоленской губерн. канцеляріи застряло дѣло «о боѣ посланныхъ въ Дорогобужъ для взятія тамошняго купца Ив. Нестерова л.-гв. капрала Тютчева, да гренадера Петрова», «для чего извольте,—предлагаетъ Трубецкой канцеляріи,—.. о скорѣйшемъ того слѣдствія произ-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 510 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6424, л. 459 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8254, л. 22.

вожденіи предложить». Получивъ такой «ордеръ», не только самъ прокуроръ отвѣчаетъ обстоятельнымъ по этому поводу «репортомъ», но и губернская канцелярія еще отъ себя шлетъ тоже обстоятельное объ этомъ дѣлѣ доношеніе «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ» [1]). Въ 1757 году кн. Трубецкой, усмотрѣвшій замедленіе въ исполненіи сенатскаго указа, пишетъ сейчасъ-же «ордеръ» Новгородскому прокурору такого содержанія: «Прошлаго 1756 году декабря 4 дня по посланному изъ Пр. Сената въ Новгородскую губер. канцелярію указу велѣно объ учинившемся въ Твери въ домѣ архіерейскомъ въ бытность у его архіерейскаго секретаря П. Юдницкаго отъ киданія порховыхъ потѣшныхъ матеріаловъ поврежденіи и людемъ убійствѣ и о прочемъ изслѣдовать. И для того Новгор. губ. канцеляріи въ Тверь отправить немедленно нарочнаго надежнаго человѣка, и что по слѣдствію явится, представить въ Пр. Сенатъ непродолжительно. Точію что по тому указу учинено, въ Пр. Сенатъ и понынѣ не репортовано. И для того по полученіи сего извольте прислать ко мнѣ репортъ немедленно, по означенному указу какое исполненіе учинено, и то слѣдствіе окончено-ль. Буде понынѣ еще паче чаянія не окончено, то зачѣмъ такъ продолжается, и о скорѣйшемъ онаго слѣдствія произведеніи Нов. губ. канцеляріи предложить по должности вашей и инстиговать, и меня по тому репортовать» [2]). Того-же прокурора извѣщаетъ однажды кн. Трубецкой, что по именному указу слѣдуется въ Воронежской губерн. канцеляріи дѣло о выключеніи изъ подушнаго оклада нѣкоего Евсея Иванова; и ген.-прокуроръ предлагаетъ, обратить прокурору на это дѣло особое вниманіе и «инстиговать» по нему [3]). А въ 1761 г. по неизвѣстной причинѣ кн. Шаховской заинтересовывается однимъ тяжебнымъ дѣломъ о «насильномъ владѣніи» и запрашиваетъ Бѣлогородскаго прокурора, правильно-ли идетъ дѣло; прокуроръ отвѣчаетъ обстоятельнымъ рапортомъ о его ходѣ [4]).

Проявляетъ нѣкоторую самостоятельную активность ген.-прокуроръ и въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-либо челобитчикъ обращается къ нему за содѣйствіемъ (что, впрочемъ, по дѣламъ провинціальныхъ учрежденій, видимо, бывало нечасто); такъ капитанъ Преображенскаго полка подалъ челобитную о томъ, что его споръ по наслѣдству съ мачехой волочатъ въ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 359 и сл.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6422, л. 374—375.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 376 и сл.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6434, л. 364 и сл.

Бѣлогородской губерн. канцеляріи. Ген.-прокуроръ немедленно запрашиваетъ Бѣлогородскаго прокурора, почему въ теченіи того дѣла произошла задержка, требуетъ, чтобы прокуроръ надлежаще «инстиговалъ» передъ канцеляріей и сообщалъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ о дальнѣйшемъ его движеніи [1]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда прокуроры доносятъ о какихъ-либо непорядкахъ (некрупныхъ) по областнымъ учрежденіямъ, находящимся подъ ихъ надзоромъ, то иногда ген.-прокуроръ считаетъ возможнымъ дѣйствовать самостоятельно, безъ сената, отдавая тѣ или иныя распоряженія соотвѣтственному учрежденію. Въ 1742 г. прокуроръ Смоленской губерніи доносилъ, что по губерніи скопились большія недоимки «за упущеніемъ» въ этомъ дѣлѣ губерн. канцеляріи. Ген.-прокуроръ, получивъ это извѣстіе, непосредственно отъ себя шлетъ канцеляріи «предложеніе»—обратить на это вниманіе и исправить такое упущеніе [2]).

Въ 1757 году архангелогородскій прокуроръ сообщилъ ген.-прокурору, что Архангельская корчемная контора не желаетъ присылать ему никакихъ свѣдѣній о присутствованіяхъ ея членовъ и о количествѣ рѣшенныхъ дѣлъ, и не слушаетъ его «предложеній» объ этомъ. Ген.-прокуроръ тогда беретъ справку въ сенатской канцеляріи, изъ которой слѣдуетъ, что никакихъ «репортовъ» дѣйствительно изъ этой конторы не поступаетъ. Тогда составляется обычное «опредѣленіе» за подписью ген.-прокурора и об.-прокурора, которымъ предписывалось «отъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ» подтвердить конторѣ о присылкѣ такихъ свѣдѣній—«репортовъ»; а если и затѣмъ контора не будетъ послушна, то «присутствующихъ до подачи тѣхъ репортовъ въ корчемной конторѣ Архангелородской губернской канцеляріи держать безысходно». О такомъ «опредѣленіи» отъ ген.-прокурорскихъ дѣлъ сообщалось для исполненія губернской канцеляріи и прокурору [3]). Тутъ ясно видно, что ген.-прокуроръ является для губернской канцеляріи прямымъ начальникомъ, по собственной инціативѣ (а не въ качествѣ посредника-исполнителя) распоряжавшимся въ ея дѣйствіяхъ относительно понужденія другого ей подчиненнаго учрежденія, каковымъ являлась корчемная контора; несомнѣнно, это была роль «министерская» въ отношеніи губернской канцеляріи. Въ томъ-же году казанскій прокуроръ доноситъ, что онъ не

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 69—73. Вотъ этотъ ордеръ въ подлинникѣ.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1671, л. 1087 и сл.

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6422, л. 450—453.

можетъ, согласно сенатскому указу и ген.-прокурорскому ордеру, присылать во время вѣдомостей о рѣшеныхъ дѣлахъ и проч. потому, что въ канцеляріи задерживаютъ и не даютъ ему надлежащихъ свѣдѣній; онъ «предлагалъ» по этому поводу губернской канцеляріи, но никакого результата изъ этого не вышло. Ген.-прокуроръ составляетъ обычнаго типа «опредѣленіе», гдѣ распоряжается послать подтвердительный указъ Казанской губернской канцеляріи съ угрозой отвѣтственности. Такой указъ былъ составленъ и посланъ «отъ ген.-прокурорскихъ дѣлъ» [1]). Когда, около того-же времени (1758 г.) прокуроръ Смоленской губерніи прислалъ доношеніе о задержаніи рѣшенія одного дѣла въ губернской канцеляріи, хотя и не по винѣ этой послѣдней, то ген.-прокуроръ подтверждаетъ особымъ «предложеніемъ» канцеляріи, что она «имѣетъ объ окончаніи того слѣдствія стараться, дабы то слѣдствіе окончено и надлежащее рѣшеніе учинено было конечно, безъ всякаго продолженія». Получивъ такой ордеръ, губернская канцелярія, видимо, считаетъ своей обязанностью написать по этому поводу длинный «репортъ» къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ» о положеніи слѣдствія, объясняя и оправдывая свои дѣйствія [2]).

Не только по прокурорскимъ доношеніямъ, но и по свѣдѣніямъ изъ другихъ источниковъ ген.-прокуроръ вмѣшивался иногда тономъ начальства въ дѣла областныхъ учрежденій. Такъ, когда въ 1741 году Каморъ-контора не могла никакъ добиться отъ «С.-Петербургской ратуши» своевременной высылки выборныхъ цѣловальниковъ и ларечныхъ, чтобы

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6423, л. 129 и слѣд.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6426, л. 77 и слѣд.

„Благородный и высокопочтенный Бѣлогородской губерніи господинъ прокуроръ! Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитанъ Григорей Леонтьевъ сынъ Протасовъ поданнымъ прошеніемъ объявляетъ, что по имѣющимся у него въ Бѣлогородской губерніи въ завладѣніи мачихою ево Маѳою Семеновою дочерью Протасова съ сыномъ еѣ Петромъ Протасовымъ оставшимъ послѣ отца и матери ево движимымъ имѣніемъ дѣлу, которое въ той губерніи продолжается болѣе дву лѣтъ, рѣшенія и поныне не учинено, отъ чего де пришелъ въ великіе убытки и долги и отъ той мачихи и отъ сына еѣ претерпѣваетъ великіе обиды и раззореніе. А понеже о рѣшеніи того дѣла, какъ оное прежде находилось въ Орловской правинцыальной канцеляріи предложено отъ меня было 3 октября 741-го, да 22 ѳевраля и 27 августа 742-го годовъ. И по полученіи сего, чтобъ по означенному дѣлу въ Бѣлогородской губерніи надлежащее разсмотрѣніе, и въ силѣ ея императорскаго величества указовъ рѣшеніе учинено было въ указной срокъ по генералному регламенту, неотмѣнно изволите той губерніи предложить и въ томъ по должности вашей инстиговать такъ-же и по протчимъ, находящимся въ Бѣлогородской губерніи дѣломъ, чтобъ по онымъ рѣшеніи чинены были въ указной же по регламенту срокъ, и челобитчики волокитою продолжаемы не были, и отъ того Правительствующему Сенату докуки не происходило; въ томъ крѣпкое смотрѣніе имѣть по должности вашей безъ всякаго упущенія. А о вышеозначенномъ капитана Протасова дѣлѣ, когда оное рѣшено будетъ, меня репортовать. Вашего благородія охотный слуга. У подлинного подписано тако: князь Н. Трубецкой. 3-го марта 1746 года“.

М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 72.

они могли во-время вступить въ сборы 1742 г., то она пожаловалась на такую неисполнительность ратуши ген.-прокурору, который немедленно шлетъ ратушѣ «приказъ» объ исполненіи каморъ-коллежскихъ требованій [1]). По жалобѣ одного частнаго лица ген.-прокурору на медленныя дѣйствія слѣдственной комиссіи въ Торжкѣ, кн. Трубецкой непосредственно отъ себя дѣлаетъ распоряженіе этой комиссіи о немедленномъ окончаніи слѣдствія. Комиссія принимаетъ этотъ приказъ ген.-прокурора и отвѣчаетъ, въ оправданіе своихъ дѣйствій, цѣлымъ рядомъ объясненій въ длинномъ доношеніи «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ» [2]). Когда секретарь Костромской провинціальной канцеляріи донесъ ген.-прокурору о самоуправныхъ дѣйствіяхъ бывшаго въ Костромѣ «у ревизіи» сек.-маіора Маркова, который безъ дальнихъ разсужденій, личнымъ распоряженіемъ наказалъ рядъ канцеляристовъ «обнаженіемъ ихъ батоги», то ген.-прокуроръ личнымъ «опредѣленіемъ» немедленно отослалъ это доношеніе въ Московскую концелярію генеральной ревизіи съ приказаніемъ, дѣло это разсмотрѣть и «рѣшеніе учинить», такъ-какъ этотъ маіоръ былъ подвѣдомственъ именно этой канцеляріи [3]).

Такое непосредственное вмѣшательство ген.-прокурора въ дѣлопроизводство областныхъ учрежденій заключаетъ въ себѣ два момента, существованіе которыхъ необходимо отмѣтить. Во-первыхъ, совершенно ясно, что вмѣшательство это имѣетъ опредѣленный видъ вмѣшательства учрежденія верховнаго по отношенію къ учрежденіямъ низшимъ, прямо подчиненнымъ; слѣдовательно, ген.-прокуратура имѣла за собой неоспоримую высшую «министерскую» власть въ отношеніи областныхъ учрежденій; это право ея,—принципіальное,—подтверждается въ его существованіи вышеотмѣченной практикой. Во-вторыхъ, та же практика указываетъ и на фактическую узость примѣненія такого принципіально имѣющагося права: нельзя не видѣть, что только въ предѣлахъ контроля и соблюденія формъ и нормъ законности способовъ дѣйствованія учрежденій Елизаветинскій ген.-прокуроръ рѣшался примѣнять эту, у него въ рукахъ находившуюся, «министерскую» власть. Все это—моменты очень существенные для правильнаго пониманія ген.-прокурорской власти въ Елизаветинское время. Вѣдь, исходя прямо и точно изъ «Должности» 1722 г., изъ ея духа и текста, такого рода власти у ген.-прокурора, такого рода отно-

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 1667, л. 706 и сл.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668, л. 708 и сл.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 1683, л. 720 и сл.

шеній его къ областнымъ учрежденіямъ не должно было-бы существовать. Въ подобныхъ случаяхъ намѣчается по «Должности» иной путь: или, представляя дѣло сенату, *черезъ* него, черезъ *его* рѣшеніе уже дѣйствовать на данное областное учрежденіе; или требовать отъ своихъ агентовъ,—провинціальныхъ прокуроровъ,—чтобы они надлежаще предлагали и инстиговали предъ своими областными учрежденіями, а затѣмъ, въ случаѣ необходимости, входили съ протестами; и дѣйствительно, первый изъ этихъ путей часто избирали Елизаветинскіе ген.-прокуроры, шли они иногда и по второму пути. Такъ, когда въ 1743 г. Воронежскій прокуроръ доносилъ ген.-прокурору о непорядкахъ въ ратушѣ и въ губернской канцеляріи по питейнымъ дѣламъ, кн. Трубецкой сейчасъ-же пишетъ прокурору Каморъ-коллегіи, чтобы онъ разсмотрѣлъ это дѣло и затѣмъ вошелъ въ коллегію съ соотвѣтственнымъ «предложеніемъ» [1]). Въ другой разъ, когда Гороховская воеводская канцелярія прислала жалобу «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ» о воровствѣ одного бургомистра и о томъ, что Вязниковскій Магистратъ не исполняетъ ея требованія о высылкѣ въ Глав. Магистратъ замѣшаннаго въ этомъ дѣлѣ купца, то ген.-прокуроръ обычнымъ «приказомъ» - «опредѣленіемъ» рѣшаетъ послать по этому дѣлу ордеръ прокурору Глав. Магистрата «и велѣть то доношеніе, для надлежащаго разсмотрѣнія и учиненія по указамъ предложить Глав. Магистрату немедленно» [2]). Въ 1744 г. Новгородскій прокуроръ доносилъ ген.-прокурору, что, несмотря на указъ изъ сената о новой постройкѣ моста черезъ р. Волховъ, этотъ мостъ не строится, хотя по этому поводу прокуроръ и дѣлалъ губ. канцеляріи соотвѣтственное предложеніе, но канцелярія подъ разными предлогами откладывала его разсмотрѣніе, а между тѣмъ удобное для постройки время уходитъ. Ген.-прокуроръ положилъ на это доношеніе слѣдующую резолюцію: «чтобъ предложилъ внову, дать ордеръ, ибо губернаторъ новый» [3]). Тутъ, слѣдовательно, опять ген.-прокуроръ идетъ точно по второму пути, согласному съ «Должностью; но затѣмъ именно въ этомъ дѣлѣ обнаруживается характерный штрихъ: послѣ отправленія соотвѣтственнаго вышеприведенной резолюціи «ордера» Новгородскому прокурору, губерн. канцелярія шлетъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ огромный «репортъ» по данному вопросу, гдѣ объясняетъ подробно всѣ обстоятельства дѣла въ тонѣ крайней почтительности и

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1672, л. 499—505.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6403, л. 278 и сл.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1676, л. 81 и сл.

оправданія; такъ писали только учрежденія подчиненныя къ своимъ прямымъ начальникамъ [1]). Въ 1756 г. ямщики Зимнегородскаго стана подали жалобу «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ» на Новгородскую губ. канцелярію, которая волочитъ ихъ тяжебное дѣло объ угодьяхъ съ «властьми Иверскаго монастыря»; ген. и об. прокуроры «опредѣленіемъ» рѣшаютъ: «оную челобитную, оставя со оной копію послать Новгородской губ. къ прокурору Елагину и велѣть ему оную Новгородской губ. канцеляріи предложить, дабы по означенному дѣлу надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинено было въ указной срокъ по генеральному регламенту неотмѣнно, и въ томъ ему по должности его инстиговать» [2]). Въ томъ-же году прокуроръ Сибирской губ. сообщалъ ген.-прокурору, что велѣно всѣхъ подъяческихъ и солдатскихъ дѣтей, по разборѣ, забрать на военную службу; а если это сдѣлать въ Сибири, то тамъ въ канцеляріяхъ некому будетъ исполнять подъяческихъ обязанностей, такъ какъ другого контингента не имѣется. Ген.-прокуроръ на это даетъ «опредѣленіе»: «послать ордеръ» прокурору, «дабы въ томъ поступлено было по посланнымъ изъ Пр. Сената указамъ» [3]). Такимъ образомъ въ этихъ двухъ случаяхъ ген.-прокуроръ опять шелъ прямымъ, «Должностью» указываемымъ, путемъ.

Если, слѣдовательно, иногда послѣдній, какъ бы нормальный путь, образъ дѣйствованія и имѣлъ мѣсто, то наряду съ нимъ, ген.-прокуроръ употреблялъ другой способъ дѣйствія, пользовавшійся такимъ же полнымъ общимъ признаніемъ, способъ, дававшій въ руки ген.-прокурора уже чисто административную, «министерскую» власть въ отношеніи органовъ мѣстнаго управленія. Правда, Елизаветинскій ген.-прокуроръ эту власть свою употреблялъ только исключительно въ цѣляхъ контроля, «Должностью» предусмотрѣннаго, и не расширялъ ея примѣненія въ отношеніи областныхъ учрежденій; но фактъ существованія у ген.-прокурора изучаемаго времени такой административной, «министерской» власти становится несомнѣненъ.

Итакъ, въ отношеніяхъ ген.-прокуратуры къ областной администраціи прежде всего можно замѣтить широкій захватъ компетенціи ген.-прокуратуры; и акты незаконные, и злоупотребленія, и личныя качества чиновниковъ провинціи, и недостатки организаціи учрежденій, и необходимость принятія нѣкоторыхъ мѣръ по существу иныхъ сторонъ управленія—

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 1676, л. 85.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6419, л. 606 и сл.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 6419, л. 283 и сл.

все это считалось одинаково входящимъ въ сферу ген.-прокурорскаго надзора и контроля въ отношеніи областного управленія. Затѣмъ, необходимо отмѣтить, что и въ этой сторонѣ дѣятельности Елизаветинскаго ген.-прокурора проявилось съ большой яркостью его уклончиво-пассивное, доходящее до абсолютной механичности, отношеніе къ сенату, въ дѣятельность котораго, по дѣламъ ему представляемыхъ, ген.-прокуроръ совершенно избѣгаетъ вносить какой-либо актъ своей личной инціативы, только послушно и точно почтительно исполняя соотвѣтственныя резолюціи сената. Во всемъ этомъ нельзя не замѣтить, что отношенія ген.-прокуратуры къ областной администраціи слагались совершенно по типу отношеній ген.-прокуратуры къ центральнымъ правительственнымъ установленіямъ. Но, тутъ же приходится констатировать и наличность другого явленія: ген.-прокуроръ принципіально являлся «министромъ» для областного управленія; онъ, несомнѣнно, имѣлъ эту «министерскую» власть, онъ иногда ее проявлялъ, хотя всегда только въ сферѣ контроля и надзора за законностью формы дѣйствій, почти не вмѣшиваясь въ самое существо этихъ дѣйствій. Однако, несомнѣнно, что такого рода власть у ген.-прокурора едва ли можетъ быть точно выведена изъ текста и смысла Петровской «Должности», хотя бы власть эта и проявлялась только въ сферѣ возстановленія законности, въ сферѣ контроля и надзора.

Оба эти момента сыграли свою роль въ исторіи Елизаветинской ген.-прокуратуры, проявившись не только въ сферѣ отношеній къ областной администраціи, но и въ другихъ сферахъ ген.-прокурорской дѣятельности.

VII.

Во главѣ ген.-прокуратуры въ Елизаветинское время стоялъ вначалѣ кн. Никита Трубецкой, а послѣдній годъ царствованія—кн. Яковъ Шаховской. Изъ предыдущаго очерка мы уже знакомы съ фигурой кн. Трубецкого. Перемѣнились люди, перемѣнился монархъ на престолѣ, а кн. Трубецкой сумѣлъ усидѣть на своемъ ген.-прокурорскомъ креслѣ и даже, какъ видѣли выше, принять дѣятельное участіе въ организаціи новаго строя центральнаго управленія страной. И когда 12 декабря 1741 года появился знаменитый манифестъ о возстановленіи власти сената, то въ этомъ актѣ кн. Трубецкой какъ бы вновь назначался ген.-прокуроромъ, а бывшій до этого оберъ-прокуроромъ Брылкинъ вновь утверждался въ

этомъ своемъ званіи [1]). И почти все Елизаветинское царствованіе,—19 лѣтъ,—кн. Трубецкой оставался генералъ-прокурором. Однако, 16 августа 1760 года ему пришлось уступить мѣсто другому: ген.-прокуроромъ былъ назначенъ тогда кн. Яковъ Шаховской. Не по своему желанію кн. Трубецкой, однако, уступилъ ему мѣсто; тутъ, видимо, играли роль какія то придворныя интриги [2]).

Кн. Яковъ Петровичъ Шаховской едва ли можетъ быть отнесенъ къ выдающимся личностямъ своего времени. Характеристика, которая обычно дается этому дѣятелю русской государственности средины 18 вѣка, устанавливаетъ собственно одно положительное достоинство въ этомъ человѣкѣ: «сознаніе долга передъ государствомъ и частными лицами и безупречная законность поступковъ». Однако, все это едва ли было такъ уже рѣзко и сильно выражено въ натурѣ кн. Шаховского; во-первыхъ, слишкомъ много, и какъ бы постоянно подчеркивая, онъ самъ распространяется объ этомъ въ своихъ «запискахъ»; ихъ общій тонъ отнюдь не дышетъ простотой и искренностью; онъ—дѣланный и нарочитый; онъ близокъ къ тону тѣхъ особоважныхъ бумагъ и доношеній служебныхъ, которыя, несомнѣнно, хорошо умѣлъ писать опытный Елизаветинскій бюрократъ. Во-вторыхъ, если имѣть въ виду объективныя данныя его дѣятельности, какъ оберъ-прокурора синода и какъ ген.-прокурора, то ни въ той, ни въ другой нѣтъ такихъ моментовъ, которые бы особенно выдвигали его надъ общимъ уровнемъ эпохи въ пониманіи имъ «долга передъ государствомъ» и «въ безупречной законности поступковъ». Если, несомнѣнно, въ его служебной дѣятельности не было ничего набрасывающаго на него въ чемъ-либо опредѣленную тѣнь, если,—съ другой стороны,—онъ былъ, видимо, ревностный чиновникъ-законникъ, то едва ли все это уже такъ особенно выдвигало кн. Шаховского изъ ряда ему современныхъ бюрократовъ. Онъ былъ хорошій, исполнительный и, видимо, честный чиновникъ,—но не болѣе. Несомнѣнно и характерно, что онъ уступалъ въ умственномъ отношеніи и въ образованности такимъ своимъ старшимъ современникамъ, какъ А. П. Волынскій, И. И. Неплюевъ и В. Н. Татищевъ [3]). Это ясно отражается и на содержаніи его записокъ, проникнутыхъ одними интересами, интересами чисто и узко служилыми.

---

[1]) См. П. С. З. и Барановъ, III т., № 8699.
[2]) См. Записки кн. Шаховского, М. 1810. т. II, стр. 34—36.
[3]) Біографія кн. Шаховского В. Корсаковой: Рус. Біогр. словарь (томъ: „Чаадаевъ-Швитковъ").

Кн. Шаховской родился въ 1705 году; по обычаю того времени поступилъ въ гвардію (Семеновскій полкъ), затѣмъ, уже капитаномъ былъ переведенъ въ лейбъ-региментъ; въ 30-хъ годахъ, при своемъ дядѣ, кн. Ал. Ив. Шаховскомъ, ѣдетъ на Украину въ связи съ учрежденіемъ слободскихъ полковъ. Присылаемый оттуда дядею съ докладомъ въ Петроградъ, становится извѣстенъ лично Бирону, которому, видимо, понравился; затѣмъ попадаетъ въ совѣтники Генералъ-полицеймейстерской канцеляріи, становится, при регентствѣ Бирона, главнымъ членомъ этой канцеляріи. При Аннѣ Леопольдовнѣ, по протекціи гр. М. Головкина, дѣлается сенаторомъ; послѣ переворота получаетъ отставку. Но кн. Трубецкой его представляетъ въ оберъ-прокуроры синода; въ этой должности кн. Шаховской пробылъ съ 1742 по 1753 годъ, когда былъ назначенъ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ, а оттуда,— въ 1760 году, посаженъ генералъ-прокуроромъ. Такова была карьера кн. Шаховского; несомнѣнно, въ ея результатѣ онъ долженъ былъ пріобрѣсти значительный бюрократическій опытъ. Но по самому содержанію своему карьера была очень обыкновенна, трафаретна. Нельзя не обратить вниманія также на то, что въ концѣ концовъ кн. Шаховской всѣмъ умѣлъ угодить: и Бирону, и Волынскому, и Головкину, и Елизаветѣ, и Трубецкому; вотъ только, видимо, съ однимъ гр. Петромъ Шуваловымъ у него никакъ не ладилось.

Итакъ, несомнѣнно, фигура кн. Як. Шаховского не была особенно выдающейся на общемъ фонѣ Елизаветинскихъ дѣльцовъ. Никакого особаго ума, особой широты взгляда, особыхъ государственныхъ способностей не замѣтно у этого человѣка. И не такъ, можетъ-быть, велика въ этомъ отношеніи разница между нимъ и кн. Трубецкимъ. Оба Елизаветинскихъ генералъ-прокурора были отличными дѣльцами, но и только; они прежде всего не были оба ни въ самой малой степени государственными людьми.

Иванъ Брылкинъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ сената еще въ сентябрѣ 1741 г.; остался онъ имъ и послѣ переворота вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ, получивъ въ манифестѣ отъ 12 декабря какъ-бы второе утвержденіе. Въ сентябрѣ 1745 года Брылкинъ назначается Астраханскимъ губернаторомъ, и постъ оберъ-прокурора остается свободнымъ до марта 1746 г., когда на это мѣсто опредѣляется сенатскій экзекуторъ Николай Жеребцовъ. Въ 1755 г., въ декабрѣ Жеребцовъ становится Московскимъ вице-губернаторомъ, а на его мѣсто назначается Александръ Глѣбовъ, сенатскій оберъ-секретарь, впослѣдствіи генералъ-прокуроръ, преемникъ кн. Шаховского уже въ цар-

ствованіе Имп. Петра III-го. Въ августѣ 1760 года Глѣбовъ назначается генералъ-кригсъ-комиссаромъ, а оберъ-прокуроромъ сената дѣлается гр. Ив. Чернышевъ; но онъ пробылъ менѣе года въ этой должности, и въ апрѣлѣ 1760 г. былъ назначенъ къ участію въ мирномъ конгрессѣ въ Аугсбургѣ, и до декабря того-же года, до начала царствованія Имп. Петра III, до назначенія Глѣбова генералъ-прокуроромъ мѣсто это было не замѣщено [1]).

Всѣ эти люди прошли почти незамѣченными въ исторіи русской государственности XVIII вѣка; развѣ одинъ Глѣбовъ, уже при Екатеринѣ Великой, сталъ съ одной стороны извѣстенъ, но со стороны весьма отрицательной. Ни о Брылкинѣ, ни о Жеребцовѣ, мы въ сущности ничего не знаемъ ни плохого, ни хорошаго; во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ нихъ и близко не подходитъ къ той крупной фигурѣ сенатскаго оберъ-прокурора, какимъ въ началѣ предшествующаго десятилѣтія являлся Анисимъ Семеновичъ Масловъ.

Таковъ былъ личный составъ представителей генералъ-прокуратуры въ Елизаветинское время. Ближайшими помощниками ген.-прокурора были два представителя прокуратуры, состоявшихъ при учрежденіяхъ почти равныхъ по положенію самому сенату, при Синодѣ и Сенатской конторѣ.

Синодскій об.-прокуроръ въ Елизаветинское время сталъ прямо и опредѣленно въ подчиненное положеніе къ ген.-прокурору, хотя на это прямыхъ основаній нельзя почерпнуть ни изъ ген.-прокурорской «Должности», ни изъ Духовнаго регламента. «Ген.-прокуроръ Трубецкой,—говоритъ по этому поводу историкъ синодальной оберъ-прокуратуры,—присвоившій себѣ право выбора синодальнаго оберъ-прокурора, сумѣлъ поставить его въ такое положеніе, что самъ Шаховской считалъ сенатскаго генералъ-прокурора своимъ «командиромъ» [2]). И по существу это было несомнѣнно такъ: кн. Трубецкой опредѣленно разсматривалъ синодскаго об.-прокурора, какъ его вполнѣ подчиненнаго агента въ Св. Синодѣ. И никто противъ этого не протестовалъ. Все такъ сложилось само собою и было всѣми принято, какъ должное и естественное. Тотъ-же историкъ далѣе даже констатируетъ такой фактъ, что «Трубецкой, посылая синодальному об.-прокурору копію съ извѣстной Петровской инструкціи, позволилъ себѣ внести въ неё одно существенное измѣненіе. Вмѣсто непосредственныхъ сношеній

---

[1]) См. Барановъ. Опись указ. и высоч. пов.... т. III, №№ 8602, 9456, 9528, 10594, 11660 и 11827.

[2]) *Благовидовъ*. Оберъ-прокуроры Св. Синода въ 18 в., стр. 108.

съ верховной властью, синодальный об.-прокуроръ долженъ былъ уже доносить обо всѣхъ дѣлахъ, требовавшихъ Высочайшей резолюціи, не самой императрицѣ, а ген.-прокурору»[1]). Такъ, по крайней мѣрѣ, это дѣло изображаетъ въ своихъ запискахъ кн. Шаховской[2]). Однако, совершенно несомнѣнно, что Трубецкой трактовалъ синодскаго об.-прокурора, какъ одного изъ ему всецѣло подчиненныхъ обычныхъ прокуроровъ, выдвигавшагося только высокимъ положеніемъ того учрежденія, при которомъ онъ состоялъ.

Сообщая кн. Шаховскому о его назначеніи об.-прокуроромъ Синода и предлагая ему вступить въ должность, генералъ-прокуроръ обязываетъ его подавать еженедѣльные «рапорты» «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ» о рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ дѣлахъ по Синоду «для подачи Е. И. В-ству генеральныхъ рапортовъ», какъ объясняетъ ген.-прокуроръ такое свое требованіе. Характерно при этомъ, что форма этихъ «рапортовъ» и для оберъ-прокурора Синода, и для прокурора какой-нибудь неважной коллегіи была совершенно одинакова[3]). Очевидно, съ другой стороны, что ген.-прокуроръ посылалъ обычно синодальному прокурору «ордеры» того-же типа, что и всѣмъ прочимъ прокурорамъ; это были «ордеры» не только по названію, но и по формѣ изложенія; такъ, передавая кн. Шаховскому, что по одному гражданскому дѣлу, согласно постановленію сената и именному указу, надо допросить духовнаго отца, подписавшаго завѣщаніе, о чемъ и дано знать Синоду, ген.-прокуроръ пишетъ: «и того для изволите Ваше Сіятельство Св. Пр. Синоду предложить, чтобъ о томъ надлежащее опредѣленіе въ Св. Пр. Синодѣ учинено было, и о допросѣ онаго попа указъ, куды надлежитъ, отправленъ былъ сего февраля 13 дня неотмѣнно»[4]). Тонъ вполнѣ опредѣленный, тонъ «ордера» не только по названію, но и по существу. А синодскій об.-прокуроръ отвѣчалъ на такіе «ордеры» настоящими «репортами» подчиненнаго. Уже при преемникѣ кн. Шаховскаго, при Львовѣ, за его подписью шли кн. Трубецкому такого, напримѣръ, рода бумаги: «Его сіятельству д. т. с. ген.-прокурору, лейбъ-гв. маіору и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеру князь Никитѣ Юрьевичу Трубецкому Св. Пр. Синода об.-прокурора Афанасія Львова рапортъ. Вашего сіятельства ордеръ сего маія отъ 15-го о томъ, чтобъ я Св. Пр. Синоду предложилъ, дабы отъ Св. Пр. Синода въ тѣ духовныя правленія, отъ которыхъ изображенныя въ приложенномъ при

[1]) *Благовидовъ.* Op. cit., стр. 109.
[2]) Записки кн. Шаховского. М. 1810 г., т. I, стр. 95—96.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1667, л. 852.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8565, л. 4 (1752 г.).

ономъ ордерѣ реестрѣ въ разборѣ и въ распредѣленіи по общему въ конференціи въ Пр. Сенатѣ Св. Пр. Синода и Пр. Сената опредѣленію всѣхъ дѣйствительно, такъ и недѣйствительно служащихъ священно и церковно служителей неположенныхъ въ подушный окладъ и ихъ дѣтей, препятствіи и медленіе происходитъ, и во всѣ епархіи и въ духовныя правленія подтверждено было наикрѣпчайше указами», чтобы дѣло это было закончено, «не продолжая ни малаго времени», «я того-жъ 15 числа получа, о всемъ вышеобъявленномъ Св. Пр. Синоду предложилъ; и чтобъ по тому надлежащее исполненіе учинено было въ непродолжительномъ времени, по должности моей наиприлежнѣйше стараюсь, о чемъ чрезъ сіе вашему сіятельству и рапортую; а по исполненіи всего того, и о томъ, въ какой силѣ и когда указы отправлены будутъ, вашему сіятельству рапортовать буду»[1]). А въ «ордерѣ», отвѣтомъ на который служитъ вышеприведенный «рапортъ», кн. Трубецкой писалъ между прочимъ: «изволите св. пр. синоду предложить, дабы... не продолжая ни малаго времени и единственно то самымъ дѣломъ, а не переписками исполнялось; и въ томъ по должности вашей инстиговать и взысканіе имѣть безъ упущенія; какое-же о томъ опредѣленіе воспослѣдуетъ, и когда указы отправлены будутъ, меня рапортовать»[2]). Получая-же отъ синодскаго оберъ-прокурора донесенія, Трубецкой ставилъ на нихъ иногда такія резолюціи: «дать ему, господину оберъ-прокурору, ордеръ, чтобъ о томъ предложить синоду»[3]).

Все это совершенно такъ-же практиковалось ген.-прокуроромъ въ отношеніи къ любому областному прокурору. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что ген.-прокуроръ Елизаветинской эпохи видѣлъ въ лицѣ об.-прокурора Синода прямо ему подчиненнаго, непосредственнаго своего помощника въ наблюденіи за дѣйствіями синода,—и не болѣе. Такъ это было и на практикѣ. Въ іюлѣ 1742 г. кн. Шаховской доноситъ кн. Трубецкому, что въ синодѣ «члены въ полномъ собраніи весьма рѣдко бываютъ», что вновь назначенный Арсеній, митрополитъ ростовскій, и совсѣмъ не присутствуетъ, поссорясь изъ-за мѣста со псковскимъ преосвященнымъ; и очень характерно, что, получивъ такое сообщеніе, ген.-прокуроръ уже прямо отъ себя шлетъ по этому поводу «предложеніе» Синоду, чтобы члены его собирались въ полныя собранія по регламенту и не чинили своимъ абсентеизмомъ остановку «нужнѣйшихъ дѣлъ».

---

[1]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 6416, л. 775.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6416, л. 769—770.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8256.

Съ другой стороны, также несомнѣнно, что ген.-прокуроръ въ то-же время не допускалъ непосредственныхъ докладовъ верховной власти со стороны синодскаго оберъ-прокурора; всѣ эти доклады шли черезъ руки ген.-прокурора, точнѣе говоря, дѣлались имъ и отъ его имени. Такъ 13 января 1743 г. кн. Трубецкой писалъ кн. Шаховскому слѣдующее: «репортъ вашего сіятельства, писанный сего генваря 12 дня, мною полученъ и въ подлежащемъ по оному Ея Имп. Величеству въ потребное время донести не премину; а о переводѣ синодальной канцеляріи съ Васильевскаго на Санктпетербургскій островъ въ прежнее мѣсто Ея Имп. Величество и мнѣ приказывать изволила; того ради ваше сіятельство извольте оную канцелярію на Санкпетербургскій островъ въ прежнее мѣсто перевесть немедленно» [1]).

Такое опредѣленно подчиненное положеніе синодальнаго оберъ-прокурора въ отношеніи къ кн. Трубецкому приводило къ тому, что ген.-прокуроръ вмѣшивался совершенно прямо въ синодскія дѣла и дѣйствія, въ качествѣ контролирующаго органа, и въ болѣе рѣзкой степени, чѣмъ онъ то дѣлалъ въ отношеніи сената. Такъ въ 1746 г. кн. Шаховской подаетъ ген.-прокурору слѣдующій «репортъ», заключающій въ себѣ общую характеристику дѣятельности синода. «По должности моей,—начинаетъ кн. Шаховской этотъ свой рапортъ,—обязанъ я особливо смотрѣть того, дабы въ Св. Синодѣ не на столѣ токмо дѣла рѣшались, но самымъ дѣйствомъ по указомъ и регламентамъ безъ потерянія времени исполнялись. А понеже нынѣ въ Св. Синодѣ во исполненіе именныхъ указовъ и духовнаго регламента надлежащаго рѣшенія и должнѣйшаго производства требующихъ дѣлъ немалое число находится, о которыхъ дабы безъ медленія по силѣ указовъ и регламентовъ были дѣйствомъ исполнены, я, всетщательнѣйшее попеченіе имѣя, присутствующимъ предлагаю, а оберъ-секретарю и секретарямъ чтобъ они по надлежащему порядку таковыя безъ уклоненія къ слушанью собранью представляли, почасту подтверждаю; а для незабвеннаго и должнѣйшаго о тѣхъ дѣлахъ памятованія особливый реестръ на столѣ присутствующихъ содержится; и хотя нѣкоторыя изъ оныхъ иногда и бываютъ слушаны, но точію безъ совершенныхъ резолюцій откладываются до полныхъ собраніевъ, которыхъ [какъ въ моихъ Вашему Сіятельству репортахъ означено] весьма рѣдко бываетъ, да и во оныхъ за краткостью времени, также иногда за несогласіями въ своихъ мнѣніяхъ, которыхъ не утвердивъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8254, л. 2.

и не давъ о оныхъ, какъ по порядку надлежитъ, голосовъ, оставляютъ тѣ нужнѣйшія дѣла безъ всякихъ резолюцій впредь для разсужденія; а когда-жъ по нѣкоторымъ изъ тѣхъ въ неполномъ собраніи и резолюціи полагаютъ, но безъ подписки всѣхъ членовъ въ дѣйство производить не соизволяютъ [да и исполнять безъ всѣхъ согласія въ таковыхъ духовныхъ дѣлахъ, кои важнаго содержанія, не безъ сумнѣнія есть]; а часто обрѣтающійся въ болѣзняхъ его преосвященство архіепископомъ Новгородскій и въ домѣ своемъ оныхъ посылаемыхъ къ нему опредѣленій слушать и по тѣмъ согласовать, также свои мнѣніи по надлежащему давать и подписать за болѣзньми своими по большей части отрицается; и тако, какъ въ рѣшеніи, такъ и въ отправкахъ многихъ нужныхъ дѣлъ происходитъ медленіе и остановка, о чемъ о всемъ я по должности моей Св. Синоду многократно предлагалъ, но точію понынѣ требующей къ должному нужныхъ дѣлъ производству успѣшности не вижу, того ради я о семъ Вашему Сіятельству по должности моей доношу» [1]). Получивъ такой «репортъ», Трубецкой подаетъ отъ себя «репортъ» уже непосредственно самой Императрицѣ, въ которомъ, сославшись предварительно на свою «Должность», затѣмъ почти дословно повторяетъ рапортъ кн. Шаховскаго, заканчивая свое доношеніе такъ: «чего ради и я по должности моей, дабы какъ то воономъ поданномъ его, оберъ-прокурора кн. Шаховского, репортѣ показано, въ св. пр. синодѣ о нужнѣйшихъ дѣлахъ не воспослѣдовало какого-либо упущенія, Вашему Имп. Величеству всеподданнѣйше доносить дерзаю» [2]).

Совершенно ясно, что общее положеніе вещей было именно таково во взаимоотношеніяхъ ген.-прокурора и об.-прокурора Синода еще и потому, что имѣется цѣлый рядъ жалобъ лицъ и учрежденій на дѣйствія духовныхъ властей, приносимыхъ именно генералъ-прокурору, какъ высшему надзирающему лицу за дѣятельностью Синода въ ея закономѣрности. Такъ, въ 1753 г. регистраторъ Владимірской духовной консисторіи пишетъ длиннѣйшее доношеніе «Прав. Сената къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ», гдѣ излагаетъ тѣ преслѣдованія, которыя онъ претерпѣваетъ отъ Владимірскаго епископа, въ дѣяніяхъ котораго есть кое-что незаконное, о чемъ онъ спѣшитъ сообщить ген.-прокурору. По поводу этого доношенія кн. Трубецкой составляетъ обычное «опредѣленіе», въ которомъ приказываетъ «оное доношеніе, оставя съ него въ сенатѣ копію, для надлежащаго

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 458.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678 л. 459.

по указамъ разсмотрѣнія и рѣшенія отослать въ Св. Прав. Синодъ при предложеніи»[1]). Этотъ приказъ былъ выполненъ, и Синоду было послано, минуя оберъ-прокурора, непосредственное предложеніе отъ ген.-прокурора.

Иногда ген.-прокуроръ дѣйствовалъ не самолично въ такихъ случаяхъ, а черезъ об.-прокурора Синода; и тутъ онъ оставался начальникомъ, отдающимъ своему подчиненному, оберъ-прокурору, соотвѣтственное приказаніе для исполненія. Это чрезвычайно ярко видно изъ слѣдующаго «репорта» об.-прокурора Синода Львова отъ 7-го сентября 1755 года. «Сего сентября 7-го дня въ присланномъ отъ вашего сіятельства ко мнѣ сообщеніи,—писалъ Львовъ кн. Трубецкому,—съ прописаніемъ высочайшаго ея императорскаго величества, состоявшагося въ 754-мъ году, октября 22-го дня, указа, о нехожденіи никому, ежели въ чьемъ домѣ воспа, корь, лопуха, и тѣмъ подобная сыпь случится, ко двору ея императорскаго величества объявлено; не безъ сумнѣнія де есть, что въ разныя церкви для пріобщенія святыхъ таинъ не приносятъ-ли младенцовъ больныхъ оспою и протчею сыпью, гдѣ де случится могутъ и такія персоны, которыя ко двору ея императорскаго величества пріѣздъ имѣютъ. И для того-бъ я о учиненіи къ предосторожности отъ того принадлежащихъ средствъ святѣйшему правительствующему синоду предложилъ; а понеже отъ сего 7-го до 11-го сентября, за наступающими неприсутственными днями собранія въ святѣйшемъ синодѣ быть не имѣетъ, а для учиненія надлежащаго о осторожности отъ того непродолжительнаго опредѣленія, и здѣшнихъ Санктъ-Петербургскихъ церквей священно служителямъ и протчимъ, кому слѣдуетъ, подтвержденія писменно предложилъ я синодальному члену преосвященному Сильвестру архіепископу Санктъ-Петербургскому сего-жъ числа. А когда въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ собраніе быть имѣетъ, о томъ я предложить и святѣйшему синоду не премину, о чемъ вашему сіятельству симъ репортую»[2]).

Такое-же по существу отношеніе ген.-прокурора къ синодскому оберъ-прокурору опредѣленно видно и изъ нѣкоторыхъ другихъ фактовъ. Такъ, въ 1756 году нѣкій іеромонахъ Яковъ изъ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря обратился съ лично адресованнымъ письмомъ къ кн. Трубецкому, гдѣ писалъ, что по проискамъ нѣкоего имъ замѣненнаго архимандрита Макарія, который находится подъ судомъ Московской консисторіи «за

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6410, л. 1005 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6416, л. 776 и слѣд.

непорядочные поступки», эта консисторія оказываетъ этому Макарію «послабленія», тѣсня жалобщика, который и проситъ ген.-прокурора за него заступиться. Кн. Трубецкой, изложивъ все это въ ордерѣ об.-прокурору, заканчиваетъ его такъ: «и для того извольте Ваше Превосходительство о томъ Св. Прав. Синоду предложить, дабы о скорѣйшемъ того слѣдствія произведеніи и рѣшеніи въ Московскую духовную консисторію подтверждено было, и въ томъ по должности вашей инстиговать; и что̀ учинено будетъ мнѣ репортовать» [1]). Въ 1758 году крестьяне Тверского уѣзда подали «доношеніе» «къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ», гдѣ просятъ, чтобы ихъ дѣло противъ нѣкоего архимандрита Пахомія, «что нынѣ архіерей», начатое слѣдованіемъ въ Московской Синодальной конторѣ, было окончено; а то «объ ономъ и понынѣ надлежащаго слѣдствія не произведено, и они черезъ то приведены въ крайнее разореніе». Кн. Трубецкой, сообщая обо всемъ этомъ синодскому оберъ-прокурору, прибавляетъ: «того ради означенныя ихъ доношенія и челобитныя прилагаются при семъ, по которымъ извольте ваше сіятельство св. прав. синоду предложить, дабы о томъ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе учинено было въ силѣ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества законовъ непродолжительно; и въ томъ по должности вашей инстиговать, дабы отъ нихъ о томъ болѣе челобитья и докуки не происходило, а особливо Высочайше Е. И. В. персонѣ утружденія быть не могло. О состояніи-же онаго дѣла и, зачѣмъ оное продолжается, меня репортовать» [2]). Въ 1760 году архимандритъ Черниговскаго Троицкаго Ильинскаго монастыря подаетъ челобитную на Высочайшее имя «къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ», съ жалобой на промедленіе въ синодѣ съ рѣшеніемъ дѣла по доношеніямъ его на разныя незаконныя дѣйствія черниговскаго архіерея Ираклія. Къ этому присоединяется еще одно «доношеніе» духовнаго лица, тоже обличавшаго названнаго архіерея, которому въ синодѣ тоже не даютъ никакого удовлетворенія. Кн. Трубецкой обычнымъ по формѣ «опредѣленіемъ» даетъ распоряженіе, «отослать означенныя доношенія» «при ордерѣ» об.-прокурору синода, «для надлежащаго разсмотрѣнія и производства». Оберъ-прокуроръ на этотъ имъ полученный «ордеръ» немедленно отвѣчаетъ подробнымъ рапортомъ, что онъ «предложилъ» Синоду всѣ эти челобитья, и дѣло это нынѣ Синодомъ уже разсматривается. И по формѣ своей, и по существу этотъ рапортъ синодскаго об.-прокурора ничѣмъ не отличается

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6418, л. 788 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6426, л. 494 и слѣд.

отъ общаго типа такихъ рапортовъ, поступавшихъ къ ген.-прокурору отъ самыхъ незначительныхъ областныхъ прокуроровъ.

Еще болѣе подчиненныя отношенія,—если это возможно,—къ ген.-прокурору существовали у прокурора сенатской конторы, положеніе котораго, вообще, конечно, было нѣсколько ниже положенія синодскаго об.-прокурора. Однако,—это мы сейчасъ увидимъ и этого не надо забывать,—прокуроръ сенатской конторы являлся для прокуроровъ цѣлаго ряда учрежденій несомнѣннымъ начальствомъ, а потому и можетъ быть поставленъ во внутренней организаціи ген.-прокуратуры на второе за генералъ и оберъ-прокурорами мѣсто, почти въ одномъ ряду съ синодскимъ об.-прокуроромъ.

Роль прокурора сенатской конторы вырисовывается съ достаточной ясностью въ основныхъ ея чертахъ, во-первыхъ, изъ слѣдующаго ген.-прокурорскаго ордера-опредѣленія отъ 16 января 1742 г. «Правительств. Сената конторы прокурору г. Щербинину;—гласитъ этотъ документъ,—до будущаго указа поступать ему по должности, данной ген.-прокурору (которой при томъ ордерѣ приложена копія) и по Е. И. В. указамъ и регламентамъ, и обрѣтающихся въ Москвѣ прокуроровъ имѣть въ своей командѣ. И сколько каждую недѣлю какихъ дѣлъ во оной конторѣ и во обрѣтающихся въ Москвѣ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ будетъ рѣшено,—о томъ, тако-жъ о засѣданіи въ тѣхъ мѣстахъ членовъ, собирая репорты и сочиняя изъ нихъ мѣсячныя вѣдомости, присылать къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ по приложенныхъ при томъ формамъ» [1]).

Во-вторыхъ, то же самое повторяетъ «ордеръ», который кн. Трубецкой въ январѣ 1743 г. отправилъ Анд. Щербинину. «Понеже пр. сенатъ,—писалъ Трубецкой,—нынѣ имѣется въ С.-Петербургѣ, а въ Москвѣ оставлена сенатская контора, въ которую и ваше высокородіе отправлены, въ Москвѣ же имѣются оставшія коллегіи и канцеляріи, въ которыхъ и прокуроры опредѣлены,—того ради ваше высокородіе изволите о скорѣйшемъ во оныхъ исправленіи дѣлъ по силѣ данной Вамъ должности и указомъ имѣть прилежное смотрѣніе и, въ чемъ кого изъ прокуроровъ надлежитъ, принуждать, дабы въ государственныхъ дѣлахъ замедленія, а челобитчикамъ волокиты происходить не могло. Ваше же высокородіе изволите о присутствіи сенатской конторы и о рѣшенныхъ дѣлахъ, сочиняя по формамъ вѣдомости, присылать въ Пр. Сенатъ

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8253, л. 3 об.

къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ; о полученіи-жъ сего въ Пр. Сенатъ къ ген.-прокурорскимъ дѣламъ репортовать» [1]).

Такимъ образомъ, прокуроръ сенатской конторы являлся, съ одной стороны, именно прокуроромъ въ обычномъ смыслѣ этого учрежденія, а съ другой,—старшимъ, наблюдающимъ за дѣйствіями представителей прокуратуры въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя находились въ Москвѣ или къ этой столицѣ тянули. Вотъ это-то послѣднее и дѣлало изъ прокурора сенатской конторы ближайшаго помощника ген.-прокурора, выдвигая его изъ ряда обычныхъ представителей прокуратуры при другихъ учрежденіяхъ. Находясь постоянно при сенатской конторѣ, прокуроръ ея тѣмъ самымъ, конечно, кочевалъ вмѣстѣ съ ней изъ Москвы въ Петроградъ и обратно, по приказамъ о томъ ген.-прокурора [2]). Вообще конторскій прокуроръ являлся агентомъ ген.-прокурора, дѣйствующимъ въ отведенной ему сферѣ по непосредственнымъ приказаніямъ ген.-прокурора. Такъ ген.-прокуроръ передаетъ въ случаѣ нужды то или иное «предложеніе» свое для его передачи сенатской конторѣ, именно, черезъ конторскаго прокурора, который въ такихъ случаяхъ является точнымъ и исполнительнымъ передатчикомъ [3]). Когда однажды ген.-прокуроръ усмотрѣлъ, что прокуроръ не протестовалъ въ сенат. конторѣ противъ передачи одного дѣла, взятаго туда изъ Корчемной конторы до его разрѣшенія въ этомъ послѣднемъ учрежденіи, что противорѣчило соотвѣтственнымъ указамъ, то онъ немедленно запрашиваетъ объ этомъ прокурора конторы въ выясненіе его такого поведенія; и Щербининъ отвѣчалъ длиннымъ «репортомъ», подробно объясняя причины такого своего отношенія къ данному случаю, доказывая, что дѣло это было рѣшено собственно въ первой инстанціи, почему и не было ничего противнаго указамъ въ его перенесеніи въ сенат. контору [4]). Въ 1747 г. ген.-прокурору становится извѣстнымъ, что по ревизіи, тогда производившейся, совершаются злоупотребленія при запискѣ душъ; кн. Трубецкой немедленно поручаетъ прокурору сенатской конторы «подлинно» объ этомъ разузнать въ канцеляріи ревизіи Московской губерніи и его сейчасъ же объ этомъ «репортовать». Щербининъ въ точности это выполняетъ, согласно ген.-прокурорскому приказу [5]).

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8254, л. 3.
[2]) См. напр., М. А. М. Ю. сен. кн. 1668, л. 14.
[3]) См. напр., М. А. М. Ю. сен. кн. 1670.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1670, л. 322 и слѣд.
[5]) М. А. М. Ю. кн. сен. 1680 (дѣло № 49).

Сравнительно часто приходилось прокурору сенатской конторы являться агентомъ ген.-прокурора въ изслѣдованіи разныхъ жалобъ и доношеній, поступавшихъ къ ген.-прокурору отъ прокуроровъ учрежденій, находившихся въ сферѣ вліянія сенатской конторы. Тутъ ген.-прокуроръ постоянно прибѣгалъ къ содѣйствію конторскаго прокурора. Когда, въ 1744 году, прокуроръ Петроградской губернской канцеляріи пространно донесъ ген.-прокурору о томъ, что Петроградскій вице-губернаторъ съ ассессорами не чинятъ «дѣйствительнаго исполненія» дѣлъ, а чинятъ «одно продолженіе и челобитчикамъ волокиту», и на этой почвѣ у него, прокурора, съ этимъ вице-губернаторомъ происходили весьма острыя бесѣды, то ген.-прокуроръ поручаетъ изслѣдовать это дѣло прокурору сенатской конторы (которая тогда находилась въ Петроградѣ), о чемъ и даетъ Щербинину соотвѣтственный приказъ «ордеръ» [1]). Когда, въ другой разъ, явилось «подозрѣніе» на прокурора Канцеляріи Конфискацій, нѣкоего Чаплыгина, то произвести надлежащее по этому поводу слѣдствіе ген.-прокуроръ поручаетъ прокурору сенатской конторы [2]). Въ 1746 году нѣкій маіоръ Савеловъ жалуется въ прошеніи къ ген.-прокурору, что по одному тяжебному дѣлу его сестры «дѣло въ судномъ приказѣ...продолжается безъ рѣшенія» и неправильно, а прокуроръ Приказа, «за ссорою съ братомъ ихъ роднымъ Ант. Савеловымъ», съ умысломъ не вмѣшивается въ такое неправильное веденіе дѣла. Ген.-прокуроръ шлетъ по этому поводу ордеръ опять прокурору сенатской конторы, гдѣ пишетъ: «изволите ваше высокородіе разсмотрѣть (это дѣло), и ежели по означенному дѣлу суднаго приказу прокурору Камынину за показаннымъ подозрѣніемъ по силѣ указовъ присутствовать невозможно», то тогда пусть назначенъ будетъ туда къ присутствованію какой-либо другой прокуроръ. Щербининъ, разобравъ жалобу, именно такъ и поступаетъ, согласно послѣднему указанію ген.-прокурора [3]).

Но нерѣдко прокуроръ сенатской конторы выступалъ и съ самостоятельными дѣйствіями, на которыя онъ, очевидно, былъ уполномоченъ по своему особому, сравнительно высокому положенію среди другихъ представителей прокуратуры. Такъ онъ часто самъ рѣшаетъ вопросъ о замѣщеніи одного прокурора другимъ, для слушанія въ какомъ-либо учрежденіи какого-либо отдѣльнаго дѣла, гдѣ прокуроръ даннаго учрежденія

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1674, (1744 г.).
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1679, л. 182 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 982 и слѣд.

не могъ присутствовать по соображеніямъ родственныхъ связей, приказной ссоры и т. п. съ одной изъ сторонъ. Только въ затруднительныхъ случаяхъ прокуроръ сенатской конторы обращается за указаніями къ ген.-прокурору. Такъ, однажды, надо было замѣнить въ одномъ дѣлѣ прокурора въ Московской губернской канцеляріи, а между тѣмъ этотъ прокуроръ былъ единственный изъ всѣхъ въ Москвѣ находящихся въ подполковничьемъ рангѣ прокуроровъ, могшихъ его замѣнить; всѣ остальные были старше его,—въ полковничьихъ рангахъ. Такое обстоятельство, видимо, затруднило конторскаго прокурора: какъ-же назначать старшаго по рангу исполнять обязанность младшаго по рангу? Тогда прокуроръ обратился за разрѣшеніемъ этого затрудненія уже къ ген.-прокурору [1]).

Самостоятельно дѣлаетъ распоряженія прокуроръ сенатской конторы прокурорамъ, его вліянію подчиненнымъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда надо понудить то или иное учрежденіе къ скорѣйшему производству даннаго дѣла. Такъ, въ 1744 году Ревизіонъ-контора доноситъ «въ контору къ прокурорскимъ дѣламъ» о томъ, что Адмиралтействъ-коллегіи-контора замедляетъ, не присылаетъ вó-время нужныхъ дѣлъ. Прокуроръ сенатской конторы сейчасъ же даетъ по этому поводу распоряженіе прокурору Адмиралтейской коллегіи и получаетъ отъ него извѣщеніе, что «отъ меня,—пишетъ этотъ послѣдній,—предложено» объ этомъ коллегіи, и тамъ «опредѣлено» все, чтó надо, «въ ревизіонъ-контору отослать немедленно» [2]).

Также самостоятельно Щербининъ дѣйствовалъ иногда и по частнымъ просьбамъ. Когда въ 1742 году нѣкій иноземецъ Коралій подалъ жалобу «въ Прав. Сената контору къ прокурорскимъ дѣламъ» на Коммерцъ-коллегіи-контору и Ревизіонъ-коллегію, что онѣ задерживаютъ производство его дѣлъ, то прокуроръ сенатской конторы сообщилъ объ этомъ прокурору Коммерцъ-коллегіи, чтобы тотъ принялъ мѣры «онаго иноземца Коралія дѣламъ надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить по указомъ безволокитно» [3]).

Однако, несомнѣнно, въ такихъ своихъ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ прокуроръ сенатской конторы являлся всегда отвѣтственнымъ передъ ген.-прокуроромъ, и, видимо, жалобу на такія его дѣйствія приносили именно ген.-прокурору. Въ 1747 г. вдова Метелина подала къ прокурорскимъ дѣламъ сенатской конторы прошеніе, въ которомъ, высказывая «подозрѣніе» на

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1684, л. 133 сл., также кн. 1679, л. 338 и др.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1675, (1745 г.).
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1670, л. 84—94.

прокурора Юстицъ-коллегіи Жилина, требуетъ устраненія его отъ присутствованія при разсмотрѣніи ея тяжебнаго дѣла. Щербининъ немедленно распоряжается объ удовлетвореніи такой просьбы. Но тутъ прокуроръ Юстицъ-коллегіи обидѣлся, и принесъ жалобу ген.-прокурору на это распоряженіе Щербинина, требуя «по ея неправому челобитью по силѣ 1724 г. указу разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить». Ген.-прокуроръ обычнымъ по формѣ «опредѣленіемъ» постановляетъ, что нѣтъ основаній для отвода Жилина отъ этого дѣла, «а прокурору Щербинину,— пишетъ онъ въ опредѣленіи,—чего ради оный прокуроръ Жилинъ безъ явнаго доказательства, только по одному ея, Метелиной, челобитью отъ того дѣла имъ отрѣшенъ, . . . велѣть прислать отвѣтъ; и впредь въ такихъ дѣлахъ поступать ему, Щербинину, какъ указы повелѣваютъ, осмотрительно; и о томъ къ нему, прокурору Щербинину, послать ордеръ» [1]).

Слѣдующими по рангу, основными и главными по количеству агентами генералъ-прокуратуры являлись прокуроры центральныхъ учрежденій (коллегій, канцелярій, приказовъ и конторъ) и прокуроры губернскіе. Эти представители прокуратуры назначались высочайшими указами, а представлялись къ утвержденію всеподданнѣйшими докладами ген.-прокурора, которые предварительно одобрялись сенатомъ; такой порядокъ единообразно проводился во все царствованіе имп. Елизаветы [2]). Сенатъ въ отношеніи прокуроровъ держался частью уклончиво, какъ-бы предоставляя ихъ вѣдать всецѣло

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. № 1683, л. 671 и слѣд.

[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 1667, л. 834; кн. 1668, л. 752/747; сен. кн. 6409, л. 149 и др.; сен. кн. 6412, л. 417 и сл.; сен. кн. 6429, л. 572 и сл.; л. 582 и сл.; л. 607 и слѣд. Вотъ точный и полный текстъ одного изъ такихъ докладовъ ген.-прокурора: „Всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержицѣ Всероссійской государынѣ всемилостивѣйшей.

Всеподданнѣйшій докладъ.

О опредѣленіи на порозжія ваканціи и вмѣсто тѣхъ, кои по долговремянной бытности отъ сената представлены къ награжденію, а другіе за болѣзни въ отставку, въ прокуроры въ разныя мѣста по способности всеподданнѣйше подносяи при семъ реэстръ, всенижайше прошу, какъ о томъ, такъ и о награжденіи Адмиралтейской коллегіи прокурора Милославского о высочайшей вашего императорскаго величества конфирмаціи.

Реэстръ на порозжія ваканціи. Въ сенатскую кантору, какъ и отъ сената представляется, статской совѣтникъ Борисъ Щербачовъ или совѣтникъ князь Егоръ Амилахоровъ. Адмиралтействъ-коллегіи прокуроръ Федоръ Милославской съ 753 году марта съ 29 числа. Понеже оной Милославской вочиной коллегіи прокуроромъ же Шишкинымъ по представленію военной коллегіи мимо генерала прокурора обойденъ, того ради представляется къ награжденію статскимъ совѣтникомъ и быть при той же должности съ прежнимъ прокурорскимъ жалованьемъ, какъ и Шишкинъ получаетъ.

Въ колежскіе изъ губернскихъ прокуроровъ: въ статсъ-контору изъ Нижегородской Ѳедоръ Скобелцынъ; въ главную правіанскую канцелярію представленъ былъ бывшей въ казанской губерніи прокуроръ Иванъ Родіоновъ,

ген.-прокурору, частью-же, при непорядкахъ и жалобахъ на нихъ, самъ назначалъ слѣдствіе, всегда сообщая объ этомъ ген.-прокурору, который въ свою очередь въ такихъ случаяхъ держится уклончиво, осторожно и проводитъ вопросъ въ сенатѣ, не дѣйствуя самостоятельно. Такъ, въ 1749 г. президентъ Каморъ-коллегіи Кисловскій жалуется сенату, что остался онъ при особомъ мнѣніи по одному «интересному» дѣлу, но мнѣніе это было уничтожено другими членами коллегіи, а прокуроръ, «не знаю, для чего», прибавляетъ жалобщикъ, на это беззаконіе не обратилъ вниманія. Сенатъ рѣшаетъ поручить сенатской конторѣ произвести слѣдствіе по этой жалобѣ, добавляя въ своемъ опредѣленіи: «также буде и отъ прокурора той коллегіи по тѣмъ дѣламъ упущенія явятся, то и объ немъ изслѣдовать въ той-же конторѣ по указомъ; и что по разсмотрѣніи и по слѣдствію явится, о томъ писать въ сенатъ со мнѣніемъ о каждомъ дѣлѣ порознь;... къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ съ сего опредѣленія о прокурорѣ сообщить копію». Ген.-прокуроръ принимаетъ такое сообщеніе «за извѣстіе», какъ гласитъ его по этому дѣлу резолюція [1]). Въ томъ-же 1749 г. прокуроръ сенатской конторы сообщаетъ, что въ жалобѣ на разные безобразные поступки землянскаго (Воронеж. губ.) воеводы написано, что губернская канцелярія не производитъ слѣдствія объ этомъ потому, что воронежскій прокуроръ—кумъ воеводы и всячески заминаетъ дѣло; сенатъ послалъ для изслѣдованія этого дѣла «нарочную персону», а о прокурорѣ по-

---

которой по случившейся для покупки на армію лошадей надобности по переименованіи подполковникомъ отправленъ къ той покупкѣ, а по высочайшей вашего императорского величества конфермаціи останется при той же покупкѣ съ слѣдуемымъ ему полковничьимъ чиномъ; а въ правіанскую канцелярію въ прокуроры представляется, по старшинству Сибирской губерніи прокуроръ Федоръ Соловьевъ. На мѣста представленныхъ къ награжденію и за болѣзньми въ отставку изъ губернскихъ же прокуроровъ: въ главной камисаріатъ Смоленской губерніи Андрей Дашковъ. Въ комерцъ-коллегію изъ Новгородской губерніи Петръ Елагинъ. Въ каморъ-коллегію Московской губерніи Степанъ Волковъ. Въ Бергъ-коллегію Сибирской губерніи Матвей Брянчаниновъ. Въ сыскной приказъ Воронежской губерніи Федоръ Хвощинской. Въ судной приказъ Архангело-городской губерніи Сергей Давыдовъ. Въ Ревизіонъ-коллегіи на место прокурора Афросимова (которой присудствуетъ въ московской межевой канцеляріи, зачѣмъ ему въ Ревизіонъ коллегіи по должности прокурорской смотрѣнія имѣть время не достаетъ, а для того (593 об.) съ переименованіемъ чина коллежскаго совѣтника оставленъ въ межевой канцеляріи) Бѣлогородской прокуроръ Василей Тутолминъ. Въ коллегіи экономіи опредѣлено въ 722-мъ году быть прокурору толко нынѣ въ канцеляріи синодальнаго экономического правленія никого нѣтъ, и для того представляется Санктъ-Петербурской губерніи прокуроръ Федоръ Сазоновъ.

Подлинной подписанъ его свѣтлостію князь Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ. Поданъ конференцъ-секретарю Дмитрію Волкову нижеписанного числа. Октября 29 дня 1759 году. (М. А. М. Ю. сен. кн. 6429, л. 592-593).

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6401, л. 95 и слѣд.

становилъ сообщить ген.-прокурору [1]). Такая связь между сенатомъ и прокурорами, вполнѣ согласно точному смыслу «Должности» оттѣнялась въ Елизаветинское время еще тѣмъ, что, очевидно, считалось возможнымъ существованіе прокуратуры только въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя находились подъ вѣдѣніемъ сената. Такъ въ 1746 году кн. Трубецкой дѣлаетъ сенату слѣдующее «предложеніе»: «сего мая 18 дня Ея Имп. Ве-ству всеподданнѣйше докладывалъ я о прокурорѣ Полицеймейстерской канцеляріи, что, понеже нынѣ Высоч. Е. И. В. указомъ та канцелярія состоитъ не подъ сенатомъ, почему и прокурору въ ней быть нынѣ нужды уже нѣтъ, на что всемилостивѣйше указать соизволила изъ оной канцеляріи прокурора отрѣшить и опредѣлить его въ другое мѣсто» [2]).

Однако, ближайшимъ образомъ завѣдывалъ всѣми прокурорами, всетаки, генералъ-прокуроръ, бывшій съ ними въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ; при чемъ никого другого надъ собой ближайшимъ образомъ прокуроры не знали; ни съ кѣмъ инымъ они не были связаны отношеніями какой-либо подчиненности, кромѣ генералъ-прокурора. Общій характеръ этихъ отношеній отлично обрисовывается двумя письмами, которыми въ 1751 году обмѣнялись прокуроръ Юстицъ-коллегіи Ѳед. Як. Жилинъ и ген.-прокуроръ кн. Трубецкой. Позволю себѣ оба эти письма привести въ оригиналахъ. «Милостивый государь князь Никита Юрьевичъ, писалъ Жилинъ,—смѣлость мою пріемлю вашей свѣтлости, милостивому государю, симъ всенижайше представить, какое произвожденіе въ Юстицъ-коллегіи происходило по дѣлу совѣтника господина Ададурова; изъ посланнаго моего доношенія и пріобщенной съ дѣла копіи, отправленнаго отъ меня сего мѣсяца 24 числа на нѣмецкой почтѣ, усмотрѣть изволите, какою-бы я виною въ томъ передъ нимъ господиномъ Ададуровымъ состоялъ, я не знаю; только я здѣсь видѣлъ, предложеніи мои ему весьма были противны. Я-жъ, милостивый государь, со всею-бъ моею охотою и самъ готовъ ему спомогать, понеже онъ ко мнѣ благопріятельствомъ своимъ весьма благосклоненъ, да боялся, чтобъ не привести себя къ отвѣту, понеже разсудилось мнѣ, ежели одно пропустить, то уже и по всѣмъ таковымъ умалчивать долженъ; а состояла въ томъ опасность немалая въ противность имянного и сенатскаго указовъ; до того допустить коллегію весьма былъ опасенъ; а судьи Юстицъ-коллегіи,—а больше господинъ Козловъ,—

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6400, дѣло № 9.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8257, л. 49.

паче мѣры силились, объявляя мнѣ, что они въ томъ будутъ оправданы; и ежели, милостивый государь, то на ихъ сторонѣ останется, то я какъ могу впредь стоять передъ ними? Они уже по своимъ упорствамъ и самолюбію, что похотятъ, то сдѣлаютъ, и я уже противиться имъ буду въ не состояніи. И когда они имянной и сенатскій указы отставили, то по другимъ дѣламъ, которыя состоятъ не въ такой важности, какого отъ нихъ правосудія ожидать будетъ возможно? И отъ того послѣдуеть не иное что, токмо мнѣ придадутъ трудности; а чрезъ мои представлении вашей свѣтлости и всему правительствующему сенату излишнія и немалыя затрудненія и докучности нанесутъ. И ежели мнѣ въ томъ авантажу не будетъ, то они мои предложенія легко будутъ опровергать. И для того смѣлость мою принялъ вашей свѣтлости сіе мое всепокорнѣйшее прошеніе представить и всенижайше просить: помилуй, милостивый государь, не остави меня милостивымъ своимъ защищеніемъ. Истинно, милостивый государь, по старости и слабости моего здоровья то снести мнѣ трудно; при томъ же мое желаніе персонально вашу свѣтлость видѣть, и для того, милостивый государь, не повелите-ль мнѣ пріѣхать, хотя на одну недѣлю, въ Санктъ-Петербургъ, понеже мнѣ надлежитъ о порядкахъ Юстицъ-коллегіи судей вашей свѣтлости представить, а писменно утруждать не смѣю. И тако, ожидая отъ вашей свѣтлости высокаго повелѣнія, со всенижайшимъ моимъ почтеніемъ пребуду, вашей свѣтлости, милостиваго государя, всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга Өедоръ Жилинъ. Іюня 27 дня 1751 году»[1]).

На это въ отвѣтъ кн. Трубецкой писалъ: «Вашимъ отъ отъ 27-го минувшаго іюня сего 1751-го году ко мнѣ о дѣлѣ совѣтника Ададурова письмомъ требуете вы позволенія о пріѣздѣ въ Санктъ-Петербургъ для представленія о порядкахъ Юстицъ-коллегіи судей. А понеже въ Юстицъ-коллегіи дѣла состоятъ небезнужныя; а прокуроровъ нынѣ въ Москвѣ, кого-бъ вмѣсто писанаго временно опредѣлить нынѣ,—вы и сами вѣдаете,—налицо немного есть, и для того вамъ то дозволить нынѣ невозможно. А изволите, изъясня, о какихъ имянно порядкахъ Юстицъ-коллегіи судей представлять вы намѣрены, и въ чемъ оное состоитъ, прислать какъ репортъ, дабы по тому надлежащее опредѣленіе и безъ пріѣзду вашего сюда учинить возможно было. Въ прочемъ-же пребуду вашъ государя моего охотный слуга»[2])

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6406, л. 956.
[2]) Ib., л. 957.

Общій надзоръ за дѣятельностью прокуроровъ, прежде всего въ смыслѣ нормированія ея, несомнѣнно находился въ рукахъ ген.-прокурора. Когда въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ нельзя было никакъ найти экземпляра прокурорской «Должности»,—а случилось такъ, между прочимъ, въ Св. Синодѣ, въ Коммерцъ-коллегіи, въ Судномъ Приказѣ,—то ген.-прокуроръ снабжалъ всѣхъ прокуроровъ такихъ мѣстъ копіями «Должности» съ соотвѣтственными прибавленіями къ ней, въ видѣ указовъ, инструкцій и т. п., относившихся къ болѣе позднему времени [1]). Когда по соображеніямъ возможной заинтересованности даннаго прокурора въ данномъ дѣлѣ, одна изъ тяжущихся сторонъ просила объ его отводѣ и замѣнѣ другимъ, когда о томъ-же доносилъ и самъ прокуроръ, представляя, въ силу-ли родства или «приказной ссоры», о своей заинтересованности въ отношеніи одной изъ сторонъ, то опять именно ген.-прокуроръ (и только иногда, по его передовѣрію, прокуроръ сенатской конторы, какъ мы выше видѣли) регулируетъ въ каждомъ данномъ случаѣ такія коллизіи личныхъ интересовъ соотвѣтственнымъ распоряженіемъ [2]). Когда въ 1743 г. ген.-прокуроръ замѣтилъ, что прокуроры не считаютъ нужнымъ высиживать въ присутствіяхъ всѣ указные часы, а иногда прямо не ѣздятъ въ канцеляріи, то сейчасъ-же кн. Трубецкой разсылаетъ ордеръ, которымъ подтверждаетъ обязательность надлежащаго по регламентамъ присутствованія прокуроровъ въ канцеляріяхъ, обязуя ихъ, въ случаѣ пропусковъ въ этихъ присутствованіяхъ, каждый разъ доводить объ этомъ особыми «репортами» до свѣдѣнія ген.-прокурора, при напоминаніи, что неаккуратное посѣщеніе присутствія безъ уважительныхъ причинъ является упущеніемъ по службѣ [3]).

Гораздо чаще приходилось ген.-прокурору, однако, просто корректировать дѣятельность отдѣльныхъ своихъ агентовъ, нерѣдко впадавшихъ въ вольныя и невольныя ошибки и промахи, а часто просто недостаточно отчетливо себѣ представлявшихъ свои права и обязанности, почему ген.-прокурору приходилось ихъ прямо обучать и наставлять въ прокурорской должности. Въ 1743 г. кн. Трубецкой убѣждается, что одинъ колодникъ Юстицъ-коллегіи держится и въ Тамбовѣ, и въ Воронежѣ напрасно долгое время по оговору его въ разбоѣ и убійствѣ. Прокуроръ Юстицъ-коллегіи получаетъ по этому по-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1668 (1742 г.).

[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 6403, л. 382 и слѣд., л. 457 и слѣд. и др.; также кн. 6401 и др.

[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8254, л. 61—65 и сен. кн. 1673, л. 451—452.

24*

воду строгое внушеніе; «неоднократно подтверждено,—пишетъ ему ген.-прокуроръ,—а вашему высокоблагородію по посланному отъ меня сентября 11 дня того 1742 г. велѣно объ отдачѣ и о пріемѣ тѣхъ дѣлъ принуждать, и по пріемѣ о разсмотрѣніи и рѣшеніи коллегіи предлагать, дабы колодники долговременно безъ рѣшенія держаны не были; что-жъ по тому учинено, отъ вашего высокородія понынѣ не репортовано. Того ради ваше высокородіе о немедленномъ по вышеписанному содержащагося въ Воронежской губ. колодника Бурова дѣлу слѣдствіи и по Е. И. В. указомъ рѣшеніи государственной Юстицъ-коллегіи предложить» [1]). Въ 1744 г. два англійскихъ купца (Вульфъ и Шифнеръ) жаловались ген.-прокурору «съ нареканіемъ» на нѣкоторыхъ членовъ Коммерцъ-коллегіи, которые неправильно съ ними поступили, при продажѣ имъ изъ казны поташа. Ген.-прокуроръ немедленно запрашиваетъ по этому поводу прокурора коллегіи, почему онъ, видя разногласіе и неурядицу въ рѣшеніи этого дѣла въ коллегіи, не принялъ надлежащихъ мѣръ. Прокуроръ на это отвѣчалъ, что по генеральному регламенту особыя мнѣнія считаются явленіемъ вполнѣ нормальнымъ; а допустилъ онъ принять прошеніе «съ нареканіемъ» на членовъ коллегіи— согласно указу 13 ноября 1739 г. Ген.-прокурора эти объясненія не удовлетворили,—и онъ кладетъ на прокурорскомъ «репортѣ» резолюцію: «дать репримандъ черезъ ордеръ»; а въ этомъ «ордерѣ» прокурору было заявлено, что «доношеніе (отъ купцовъ Вульфа и Шифнера) принять допущено учинено весьма неосмотрительно», а надо было прокурору, видѣвшему разногласія въ коллегіи, все дѣло протестовать, сначала попытавшись, однако, добиться у коллегіи «согласнаго» его рѣшенія, и, конечно, отнюдь не допуская подачу такихъ прошеній «съ нареканіями» [2]). Въ 1746 году Штатсъ-коллегія жалуется ген.-прокурору, что архангельскій прокуроръ Елагинъ за одною своею подписью, безъ указу отъ коллегіи и сената выдалъ отъ имени губернской канцеляріи прогонныя деньги уѣзжавшему губернатору; по мнѣнію коллегіи, этого дѣлать прокурору отнюдь не надлежало. Кн. Трубецкой немедленно запросилъ у прокурора объясненій по этому поводу; этотъ послѣдній отвѣтилъ, что такъ дѣлалось и ранѣе; Штатсъ-коллегія никогда противъ этого не протестовала; а, съ другой стороны, случилось въ тотъ моментъ, что прокуроръ остался единственнымъ присутствующимъ въ губернской канцеляріи, такъ-какъ губернаторъ

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8253, л. 7—8. Подтвержденіе этому было и въ 1745 г. См. л. 8—9.

[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1674, л. 350 и слѣд.

не могъ о себѣ дѣла рѣшать, а его товарищъ былъ въ отъѣздѣ. Ген.-прокуроръ, однако, остался не совсѣмъ удовлетворенъ такимъ объясненіемъ и положилъ слѣдующую резолюцію на «репортъ» прокурора: «чтобъ впредь въ непринадлежащія до его должности дѣла крайне вступать остерегался, репремандуя, подтвердить»[1]). Когда, ген.-прокуроръ замѣтилъ по прокурорскимъ рапортамъ, что Вотчинная коллегія рѣшаетъ мало дѣлъ, то онъ дѣлаетъ напоминаніе—выговоръ прокурору коллегіи, что тотъ недостаточно энергично понуждаетъ коллегію къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ[2]). По поводу одного протеста то-же прокурора Вотчинной коллегіи, гдѣ онъ говорилъ объ утратѣ (или похищеніи) изъ одного дѣла секретарями коллежскими 102 листовъ, кн. Трубецкой закончилъ свой «ордеръ» этому прокурору такимъ наставленіемъ: «тако, какъ вы въ томъ вашемъ протестѣ писали, непорядковъ и утраты листовъ не явилось, почему о томъ и представляли вы неосмотрительно и не учиня со обстоятельствомъ дѣла, а паче съ находящимися въ переплетахъ дѣлами, въ коихъ тѣ листы найдены, справокъ, что все прежде подаванія того вашего протеста и исполнить вамъ надлежало; ибо когда въ подлинной справкѣ непорядки и утрата листовъ подлинно значились, тогда-бъ и представлять вамъ должно было. Но вы означенный протестъ подали безъ всякаго основанія и чрезъ то въ рѣшеніи того дѣла остановку, а челобитчикамъ — волокитою отягченіе причинили. И для того впредь отъ такихъ неосновательныхъ представленіевъ изволите всемѣрно воздержаться, чтобъ оттого въ производствѣ слѣдствіевъ и присудственнымъ мѣстамъ затрудненіевъ и подвергаемымъ подъ слѣдствіе напраснаго раззоренія не происходило, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неотмѣннаго взысканія, какъ о томъ въ должности вашей во 2-мъ пунктѣ изображено. Вашего высокоблагородія охотный слуга князь Н. Трубецкой»[3]).

Такъ-же часто, а, возможно, даже чаще приходилось ген.-прокурору не столько дѣлать «репримандь» прокурорамъ за ихъ проступки, сколько корректировать ихъ дѣятельность въ томъ отношеніи, чтобы просто обучать этихъ своихъ агентовъ, какъ въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ они должны поступать; прокуроры этого зачастую не знали и путали. Въ такихъ случаяхъ ген.-прокуроръ обычно бралъ очень корректный тонъ, и наставлялъ запутавшагося прокурора самымъ благожела-

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 215 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6410, л. 1048.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6423, л. 589—590.

тельнымъ образомъ; тутъ уже было просто обученіе, а не укоръ за неправильныя дѣйствія, простой «ордеръ», а не «жестокій репримандъ».

Чаще всего ген.-прокурору приходилось нѣсколько усложнять въ представленіи того или иного прокурора ужъ очень упрощенное его пониманіе своей должности, которое сводилось къ тому, чтобы прямо доводить до свѣдѣнія ген.-прокурора о всѣхъ замѣчаемыхъ непорядкахъ—и только. Ген.-прокуроръ объясняетъ и напоминаетъ въ такихъ случаяхъ, что на прокурорахъ лежитъ задача болѣе сложная; они должны, видя тотъ или другой непорядокъ въ дѣлахъ, сдѣлать объ этомъ соотвѣтственное «предложеніе» присутствію учрежденія, «инстиговать» передъ нимъ свое предложеніе, стараться привести присутствіе къ какому-либо удовлетворительному по поводу него рѣшенію, и при такомъ исходѣ считать свою задачу выполненной и законченной; только же въ случаѣ полнаго неуспѣха своего «предложенія» прокуроръ долженъ доносить обо всемъ на усмотрѣніе ген.-прокурора; между тѣмъ, несомнѣнно, нерѣдко прокуроры именно въ этихъ «доношеніяхъ» ген.-прокурору и видѣли центръ тяжести въ ихъ дѣятельности, упрощенно ее понимая.

Въ 1743 г. прокуроръ Новгородской губерніи доносилъ прямо ген.-прокурору, что въ губерн. канцеляріи всего двое присутствующихъ, мало приказныхъ служителей, мало солдатъ при канцеляріи и проч. Кн. Трубецкой на такое «доношеніе» шлетъ прокурору разъясненіе, что не ему, ген.-прокурору, онъ долженъ объ этомъ доносить, а прежде всего «объ ономъ о всемъ» «предложить» самой губ. канцеляріи, которая должна его выслушать, вынести по этому вопросу мнѣніе и репортовать затѣмъ съ «изъясненіемъ» и приложеніемъ мнѣнія своего обо всемъ этомъ въ сенатъ, требуя на это изъ сената соотвѣтственнаго указу [1]). Въ 1746 г. Воронежскій прокуроръ, донося ген.-прокурору о недостаткѣ въ губерн. канцеляріи заплечныхъ мастеровъ, прямо требовалъ отъ него, чтобы онъ, ген.-прокуроръ, объ этомъ представилъ, «куда надлежитъ». Тутъ кн. Трубецкой дѣлаетъ разъясненіе уже въ болѣе суровомъ тонѣ и, возвращая назадъ доношеніе, вмѣстѣ съ изложеніемъ правильнаго направленія этого дѣла (подобно предыдущему случаю) проситъ прокурора, впредь ему присылать доношенія только «о такихъ дѣлахъ, о которыхъ вамъ по данной вамъ должности принадлежитъ» [2]). Въ 1749 г.

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8253, л. 7 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 901 и слѣд.

Архангельскій прокуроръ шлетъ прямо ген.-прокурору доношеніе о томъ, что нѣкій солдатъ подалъ ему доносъ на «непорядочные поступки» губернаторскаго товарища; ген.-прокуроръ на этомъ прокурорскомъ «репортѣ» кладетъ слѣдующую резолюцію: «ордировать, чтобъ о томъ предложилъ губернской канцеляріи, ибо то точное ея дѣло» [1]).

Уже въ 1753 году Новгородскій губернскій прокуроръ прямо доноситъ ген.-прокурору на многія неправильныя дѣйствія губернской канцеляріи, и опять кн. Трубецкой «ордеромъ» разъясняетъ этому своему агенту, что онъ долженъ не ему объ этомъ доносить, а, согласно своей должности «предложить» обо всѣхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ самой губернской канцеляріи, передъ ней «инстиговать» это свое предложеніе, требовать соотвѣтственнаго постановленія ея; и уже только если его «предложеніемъ» канцелярія пренебрегаетъ, тогда онъ, дѣйствительно, долженъ увѣдомлять обо всемъ ген.-прокурора [2]). Все это, казалось бы, очень просто; однако, очевидно, не всѣ прокуроры сразу понимали эту процедуру.

Бывали у прокуроровъ ошибки и другихъ родовъ, хотя сравнительно рѣдко. И въ этихъ послѣднихъ случаяхъ ген.-прокуроръ также занимался, безъ гнѣва и «репримандовъ», ихъ обученіемъ и наставленіемъ. Такъ въ 1747 году Бѣлгородскій губерн. прокуроръ донесъ ген.-прокурору сразу о цѣломъ рядѣ всякаго рода непорядковъ, усмотрѣнныхъ имъ въ дѣлахъ канцеляріи, о которыхъ онъ этой послѣдней и «предлагалъ», и инстиговалъ, но никакого толку не добился. На это ген.-прокуроръ отвѣчаетъ, что прокуроръ тутъ допустилъ ошибку въ томъ, что не доносилъ тотчасъ-же о каждомъ непорядкѣ, имъ найденномъ, и о «предложеніи» его по поводу такого непорядка губерн. канцеляріи; а теперь, по прошествіи со дня нѣкоторыхъ изъ нихъ уже нѣсколькихъ лѣтъ, докладывать о всѣхъ нихъ въ общемъ итогѣ сенату ген.-прокуроръ не рѣшается и рекомендуетъ впредь такъ не поступать, а итти по формально болѣе правильному пути, т. е. немедленно докладывать ген.-прокурору о каждомъ отдѣльномъ фактѣ пренебреженія канцеляріей его «предложеніями» по поводу замѣчаемыхъ непорядковъ ея дѣятельности [3]). Прокуроръ архангелогородской губерніи доносилъ ген.-прокурору о томъ, что архангельская контора Коммерцъ-коллегіи рѣзко ему отвѣтила по поводу одного его запроса. Кн. Трубецкой кладетъ

---

1) М. А. М. Ю. сен. кн. 6401, л. 403 и слѣд.
2) М. А. М. Ю. сен. кн. 6410, л. 1284 и слѣд.
3) М. А. М. Ю. сен. кн. 1678, л. 805 и слѣд.

на этомъ доношеніи прокурора слѣдующую резолюцію: «понеже то дѣло касается до Коммерцъ-коллегіи, и для того ордировать, чтобъ то доношеніе въ ту коллегію и отослалъ». Эта резолюція затѣмъ развивается въ длинное «опредѣленіе», гдѣ подробно указываются ошибки прокурора въ направленіи дѣла, и даются ему соотвѣтственныя указанія къ ихъ исправленію [1]). Когда въ 1760 г. Смоленская губерн. канцелярія пожаловалась ген.-прокурору на то, что прокуроръ самовольно отпустилъ одного колодника для прошенія милостыни, а колодникъ тогда бѣжалъ, то Трубецкой, хотя и оправдалъ дѣйствія прокурора, однако далъ ему всетаки знать, чтобы ему колодниковъ «собою за карауломъ отпускать не приказывать» [2]).

Кромѣ своихъ агентовъ, въ видѣ прокуроровъ, посаженныхъ по различнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, ген.-прокуроръ былъ непосредственнымъ начальникомъ въ Елизаветинское премя, во-первыхъ, сенатской канцеляріи, во-вторыхъ, сенатской роты, въ-третьихъ, всякаго рода юнкеровъ, въ-четвертыхъ, герольдмейстерской конторы (въ сильной степени, если не всецѣло), и, въ-пятыхъ, командовалъ всѣми геодезистами, а тѣмъ самымъ являлся фактическимъ начальникомъ межевой части въ Имперіи.

Управленіе сенатской канцеляріей было возложено на ген.-прокурора еще Петровской «Должностью» 1722 года. Елизаветинскій ген.-прокуроръ, несомнѣнно, продолжалъ стоять во главѣ этого учрежденія и имъ всецѣло управлялъ. Назначенія, повышенія и перемѣщенія всѣхъ чиновниковъ сенатской канцеляріи шли или непосредственными распоряженіями ген.-прокурора [3]) или,—въ отношеніи самыхъ высшихъ должностей,—указами сената, но по представленію того же ген.-прокурора. Такъ, въ 1747 году кн. Трубецкой пишетъ сенату «предложеніе», гдѣ говоритъ: «минувшаго генваря 12 дня 1747 года по предложенію моему по приговору Пр. Сената опредѣленъ на мѣсто бывшаго Пр. Сената экзекутора (что нынѣ оберъ-прокуроръ) Николая Григорьевича Жеребцова»... и т. д.; а въ предшествующемъ году онъ «предложеніемъ» же проситъ сенатъ опредѣлить на мѣсто экзекутора сенатской конторы имъ называемое лице [4]). Не встрѣчается ни одного случая, гдѣ бы такого рода представленія ген.-прокурора встрѣчали препятствіе въ сенатѣ. Вообще ген.-прокуроръ входитъ обычно

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6401, л. 412 и слѣд.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6431, л. 549 и слѣд.
[3]) См., напр., М. А. М. Ю. сен. кн. 1667, л. 354 и др.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 8260, л. 4 об. и сен. кн. 8257, л. 136—137.

самымъ тщательнымъ образомъ во всѣ распорядки дѣйствій сенатской канцеляріи, устанавливаетъ формы и нормы ея дѣйствованія, слѣдитъ за разными мелочами внѣшней, хозяйственной стороны этого учрежденія, рѣшаетъ, напримѣръ, вопросъ о двухъ бархатныхъ покрышкахъ, которыя случайно нашлись въ сенатской кладовой, о поправкахъ и починкахъ сенатскихъ зданій, о пріобрѣтеніи разныхъ вещей меблировки сенатскихъ помѣщеній и т. п. [1]). Съ другой стороны и жалобы на неправильныя дѣйствія сенатскихъ секретарей, и дѣло о мелкихъ кражахъ, совершонныхъ сенатскимъ копіистомъ,—всѣ дѣла и такого рода шли также черезъ начальника сенатской канцеляріи, ген.-прокурора [2]).

Сенатская рота была тѣсно связана съ сенатской канцеляріей, а потому понятно, что она была въ полномъ подчиненіи у ген.-прокурора, при чемъ ген.-прокуроръ входилъ во всѣ детали управленія ею. Дѣла по разнаго рода нуждамъ сенатской роты занимаютъ видное мѣсто въ ген.-прокурорскомъ дѣлопроизводствѣ. Бывало, шла большая переписка «у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ» о поставкѣ новыхъ мундировъ солдатамъ этой роты, о сукнѣ для нихъ, о ихъ фасонѣ и т. п. [3]). Очень тщательно и внимательно тамъ-же разбирались пустячныя по существу ссоры и драки солдатъ сенатской роты [4]).

Завѣдывалъ елизаветинскій ген.-прокуроръ на правахъ «министра» всѣми дѣлами, относящимися до такъ называемыхъ юнкеровъ сенатскихъ, коллежскихъ и состоявшихъ при другихъ учрежденіяхъ. Прежде всего, онъ завѣдывалъ «опредѣленной при Прав. Сенатѣ для обученія дворянъ школой». Непосредственно руководившіе этой школой офицеры-геодезисты докладывали постоянно ген.-прокурору о ходѣ тамъ занятій и о каждомъ юнкерѣ особо, по особой формѣ. Все высшее распоряженіе дѣлами этого учебнаго заведенія было въ рукахъ ген.-прокурора. Затѣмъ, вся служебная дѣятельность юнкеровъ и ихъ ближайшая карьера находились всецѣло въ рукахъ и завѣдываніи того-же ген.-прокурора [5]); среди «ген.-прокурорскихъ дѣлъ» даже образовался особый разрядъ «юнкерскихъ дѣлъ».

Въ прямое завѣдываніе ген.-прокурора въ Елизаветинское время стало переходить дѣло государственнаго межеванія. Случилось это очень просто; офицеры-геодезисты, единственные землемѣры той эпохи, сосредоточивались при сенатѣ, т. е. при

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1682, (дѣло № 12) и сен. кн. 6398, л. 1—32.
[2]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6409, л. 593 и сл.; сен. кн. 1685, л. 10 и слѣд.
[3]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1679, л. 229 и слѣд.
[4]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1685, л. 169 и слѣд.
[5]) М. А. М. Ю. сен. кн. 1671, 6405, 6402 и др.

сенатской канцеляріи, благодаря чему и попадали подъ команду ген.-прокурора. Но если лично ими управлялъ этотъ послѣдній, то онъ-же становился тѣмъ самымъ невольно и во главѣ всего того дѣла, которое спеціально только и было поручаемое геодезистамъ, т. е. дѣла государственнаго межеванія. Въ Елизаветинскую эпоху эта отрасль государственнаго управленія,—столь важная въ тогдашней Россіи,—еще не получила того значенія и развитія, какъ случилось это двумя десятилѣтіями позже; однако, уже при Елизаветѣ дѣло государственнаго межеванія опредѣленно и прочно оказывается находящимся цѣликомъ въ ген.-прокурорскомъ вѣдѣніи [1]). Опять-таки, въ связи съ тѣмъ-же управленіемъ офицерами-геодезистами, ген.-прокурору поручались измѣренія, а попутно, и исправленія нѣкоторыхъ ближайшихъ къ Петрограду важнѣйшихъ дорогъ. Такъ, однажды «у ген.-прокурорскихъ дѣлъ» затѣялось и велось большое дѣлопроизводство по измѣренію (и осмотру вообще) дороги, ведшей отъ Зимняго Дворца въ Царское Село; всю работу производятъ офицеры-геодезисты, а потому все дѣло это ведется чрезъ ген.-прокурора [2]).

Такимъ образомъ, внутренняя организація ген.-прокуратуры ясно отражала въ себѣ ту двоякую роль, въ которой оказался въ Елизаветинское время этотъ институтъ. Съ одной стороны, въ его рукахъ сосредоточивалось управленіе органами именно и спеціально прокурорскаго контроля и надзора, а съ другой,—уже въ отношеніи сенатской канцеляріи ген.-прокуроръ являлся администраторомъ «министромъ», въ такой-же роли являясь и въ отношеніи юнкеровъ, и въ отношеніи государственнаго межеванія, и, отчасти, въ отношеніи русскаго дорожнаго дѣла (въ зачаткѣ, по крайней мѣрѣ). Такъ и съ этой стороны ген.-прокуроръ, незамѣтно и естественно расширяя старыя, пріобрѣталъ новыя «министерскія» функціи.

VIII.

Съ возстановленіемъ Петровскаго сената при имп. Елизаветѣ была возстановлена и Петровская ген.-прокуратура. Такъ, по крайней мѣрѣ, было объявлено, таково было намѣреніе правительства, намѣреніе, раскрытое въ соотвѣтственныхъ актахъ. Не такъ вышло на дѣлѣ. Елизаветинскій институтъ ген.-прокуратуры оказался весьма отличнымъ отъ того типа, къ точному воспроизведенію котораго теоретически стремились.

---

[1]) См. М. А. М. Ю., напр., сен. кн. 8263, л.л. 7, 13, 24, 44, 56 и др.
[2]) См. М. А. М. Ю. сен. кн. 1673.

Это такъ сложилось подъ вліяніемъ двухъ моментовъ; во-первыхъ, трактованіе и пониманіе нѣкоторыхъ основныхъ положеній Петровской «Должности» въ Елизаветинское время явно оказалось болѣе или менѣе видоизмѣняющимъ самую сущность этого Петровскаго учрежденія; во-вторыхъ, въ то-же время появились нѣкоторыя новообразованія и наслоенія, фактическія и практическія, въ главнѣйшихъ основахъ Петровской «Должности», еще рѣзче проведшія отличительныя грани между Петровской и Елизаветинской ген.-прокуратурой. Остановимся сперва на первомъ моментѣ.

Расширеніе, изъясненіе и дальнѣйшее толкованіе нѣкоторыхъ кратко и обще выраженныхъ положеній «Должности ген.-прокурора» 1722 г. вело въ Елизаветинское время къ существенному иногда измѣненію тѣмъ самой сущности этого института. Такъ, прежде всего, общее положеніе ген.-прокурора въ отношеніи къ верховной власти въ Елизаветинскую эпоху оказалось очень отличнымъ отъ намѣчаемаго «Должностью». Мы видѣли, что назвать Елизаветинскаго ген.-прокурора «окомъ государевымъ», въ Петровскомъ смыслѣ этого выраженія, нельзя никакъ уже потому, что вообще онъ вовсе не являлся настолько приближеннымъ къ верховной власти; мы видѣли, что ген.-прокуроръ вовсе не такъ часто входилъ въ личныя отношенія съ Императрицей, а главное, эти отношенія его вовсе не были проникнуты той близостью, тѣмъ личнымъ довѣріемъ, которое необходимо для того, чтобы ген.-прокуроръ по существу являлся независимымъ «окомъ государевымъ»; въ этомъ смыслѣ гр. Ягушинскій находился, мы видѣли, дѣйствительно, въ иномъ положеніи, будучи лично близкимъ Петру человѣкомъ. Ни посредникомъ, ни соединительнымъ звеномъ между сенатомъ и верховной властью тѣмъ болѣе, несомнѣнно, не былъ Елизаветинскій ген.-прокуроръ; по крайней мѣрѣ, никакихъ признаковъ этого мы не могли замѣтить въ изученныхъ нами матеріалахъ.

Полная и абсолютная независимость ген.-прокурора отъ сената, его подчеркнутая какъ-бы самостоятельность находятъ себѣ яркое выраженіе и въ «Должности», и въ практикѣ Петровскаго времени. Иначе въ Елизаветинскую эпоху понималось и трактовалось, складываясь на практикѣ, положеніе ген.-прокурора; тутъ онъ оказался, несомнѣнно, въ нѣкоторой зависимости отъ сената и, во всякомъ случаѣ, не занималъ по отношенію къ нему самостоятельно равнаго положенія, а скорѣе ему подчинялся, его слушался; это, какъ видѣли, не принимаетъ яркихъ, конкретныхъ формъ, но это несомнѣнно

намѣчается всей практикой взаимоотношеній Елизаветинскаго ген.-прокурора и сената. Если петровская «Должность» намекаетъ какъ-бы на возможность такого положенія въ одномъ, *исключительномъ* случаѣ, когда сенатъ можетъ устранить ген.-прокурора даже отъ исполненія имъ его обязанностей, то въ трактованіи Елизаветинскаго времени этотъ намекъ по поводу частнаго случая, развитый до конца, превращается въ обычно-постоянную норму для Елизаветинскаго царствованія въ отношеніяхъ сената и ген.-прокурора.

Та основная компетенція, которая предуказывается для ген.-прокуратуры Петровскою «Должностью»,—контролирующая дѣятельность въ отношеніи центральнаго и мѣстнаго управленія страной,—при Елизаветѣ выясняется въ ея пониманіи болѣе точно и едва-ли согласно съ духомъ «Должности». Если ген.-прокурорскій надзоръ и контроль понимается въ сравнительно широкомъ смыслѣ, то, съ другой стороны, онъ является всегда исключительно формальнымъ, дѣлопроизводственнымъ, не идущимъ глубоко, въ своемъ существѣ очень мало энергичнымъ, часто даже случайнымъ. Такое пониманіе Елизаветинскимъ ген.-прокуроромъ основной задачи его дѣятельности, несомнѣнно, является несогласнымъ со всѣмъ духомъ петровскаго времени, не говоря уже о «Должности».

Въ «Должности» подъ опредѣленное, «министерское» руководительство ген.-прокурора было поставлено только одно учрежденіе; это—сенатская канцелярія. Въ Елизаветинское время такая возможность «министерскаго» положенія ген.-прокурора была практически и фактически понемногу расширена, въ результатѣ чего такимъ путемъ расширились «министерскія» функціи ген.-прокурора: онъ сталъ во главѣ межевого дѣла, частью дорожнаго и во главѣ подготовки чиновничьихъ кадровъ, въ видѣ «юнкеровъ». Правда, все это были не особенно значительныя отрасли государственнаго управленія, однако, благодаря такой устанавливавшейся практикѣ расширительнаго пониманія «министерскихъ» функцій ген.-прокурора, стало возможнымъ опредѣленное движеніе въ направленіи расширенія «министерской» компетенціи ген.-прокурорской власти.

Если принципіально, путемъ ряда прецедентовъ, хотя-бы и мелкихъ, устанавливались въ сознаніи правящихъ круговъ Россіи XVIII в. возможность и естественность для ген.-прокурорской власти получать и пріобрѣтать разнаго рода «министерскія» функціи, то тѣмъ самымъ здѣсь уже является яснымъ расхожденіе съ Петровскимъ временемъ въ пониманіи сущности этого учрежденія и, хотя-бы пока только

факультативное, но опредѣленное признаніе за сущностью ген.-прокуратуры и «министерскаго» значенія. Къ этому-же подходили съ другой стороны уже въ предшествующій періодъ кабинетнаго правленія.

Энергичное, какъ видѣли выше, проведеніе на практикѣ указа 1738 г. о «понужденіи» присутственныхъ мѣстъ «отъ экзекуторскихъ дѣлъ», находившееся всецѣло въ рукахъ ген.-прокуратуры, давало этой послѣдней возможность фактически не только являться стороннимъ контролемъ, но и становиться какъ-бы въ положеніе прямого начальства въ отношеніи даннаго контролируемаго, «понуждаемаго» учрежденія; слѣды этого явленія мы видѣли достаточно ясные, а тѣмъ самымъ, и съ этой стороны ген.-прокуратура становилась тоже въ положеніе по существу «министерское». Все это проявлялось случайно, нечасто, но, очевидно, было уже вполнѣ признано нормальнымъ, ни въ комъ не вызывало никакихъ возраженій, слѣдовательно, принципіально уже оказывалось принятымъ и усвоеннымъ русскимъ государственнымъ правосознаніемъ средины XVIII ст.

Такое расширительное толкованіе контрольной власти ген.-прокурора уже по существу выходитъ изъ общихъ рамокъ Петровской «Должности».

Если все только-что изложенное въ образованіи ген.-прокурорской власти Елизаветинской эпохи исходной точкой все-таки имѣло текстъ Петровскаго, основнаго для даннаго учрежденія, законодательнаго акта, то можно было отмѣтить кое-что внѣдрившееся достаточно прочно въ существо Елизаветинской ген.-прокуратуры, въ то же время совершенно чуждое «Должности» 1722 года, не имѣющее въ ней абсолютно никакихъ корней. А, съ другой стороны, также несомнѣнно, что все это, столь чуждое «Должности» въ существѣ Елизаветинской ген.-прокуратуры, уже ясно намѣчается во время кабинетнаго правленія. И всѣ эти посторонніе элементы въ существѣ ген.-прокуратуры проникнуты и объединены однимъ, вполнѣ опредѣленнымъ признакомъ: всѣ они расширяли и утверждали «министерское» начало въ ген.-прокурорской дѣятельности.

Верховная власть въ Елизаветинское время не особенно часто, но вполнѣ опредѣленно давала ген.-прокурору тѣ или иныя особыя порученія, не имѣвшія ничего общаго съ существомъ ген.-прокурорской компетенціи, порученія, носившія всегда почти опредѣленно «министерскій» характеръ. Затѣмъ мы видѣли, что дѣйствія Елизаветинскаго ген.-прокурора въ отношеніи центральныхъ учрежденій время отъ времени носили

характеръ чисто административныхъ распоряженій по существу того или иного дѣла отъ ген.-прокурорской власти тому или иному учрежденію; и каждое учрежденіе обязательно реагировало на такія распоряженія совершенно въ томъ тонѣ, въ которомъ обращается учрежденіе прямо подчиненное къ своему непосредственному начальству. Того-же порядка явленіе временами проглядывало,—можетъ быть, даже съ еще бóльшей интенсивностью,—въ отношеніяхъ ген.-прокуратуры къ органамъ мѣстнаго управленія. Правда, сфера проявленій такого отношенія не широка и цѣликомъ входитъ въ область исключительно контрольно-надзирающей дѣятельности ген.-прокуратуры; однако, тутъ важенъ и показателенъ тонъ устанавливающихся отношеній между ген.-прокуратурой и органами управленія мѣстнаго и центральнаго.

Всѣ вышенамѣченные, ясно проглядывающіе въ Елизаветинское время, моменты въ исторіи ген.-прокурорской власти стоятъ въ опредѣленномъ отношеніи къ предшествующему періоду этой исторіи. Въ этомъ предшествующемъ періодѣ уже приходилось отмѣчать нарастаніе и прямое возникновеніе «министерскихъ» функцій и отношеній у ген.-прокуратуры; въ разсматриваемомъ періодѣ, слѣдовательно, эти моменты не исчезли,—хотя, съ одной стороны, пожалуй, немного ослабѣли, но, съ другой стороны, въ практикѣ расширенія числа и качества учрежденій, ген.-прокурору отнынѣ подчиняемыхъ, они получили въ то-же время новые пути къ своему дальнѣйшему возможному проявленію.

Иное приходится отмѣтить въ отношеніяхъ сената и ген.-прокуратуры за Елизаветинское время. Тутъ опредѣленно можно констатировать нѣчто прямо противоположное наблюдающемуся въ предшествующемъ періодѣ; если въ эпоху кабинетнаго правленія власть и значеніе ген.-прокуратуры расли *на счетъ* власти и значенія самого сената, то въ Елизаветинское время власть и значеніе ген.-прокуратуры отчасти уступалась фактически сенату и кн. Трубецкимъ, и кн. Шаховскимъ даже за счетъ полной, «Должностью» 1722 года установленной, независимости ген.-прокуратуры въ отношеніи сената; возвысившійся сенатъ принизилъ ген.-прокуратуру въ отношеніи себя, подобно тому, какъ приниженный сенатъ предшествующаго періода возвысилъ тотъ-же институтъ за счетъ своихъ полномочій.

ВМѢСТО ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

25 декабря 1761 г., со вступленіемъ на престолъ имп. Петра III ген.-прокуроръ кн. Я. Шаховской былъ уволенъ, и на его мѣсто назначенъ Алекс. Иван. Глѣбовъ [1]).

Время ген.-прокурорства Глѣбова было крайне безцвѣтнымъ; направленіе дѣятельности ген.-прокуратуры не успѣло намѣтиться даже въ самыхъ общихъ чертахъ въ нѣсколько мѣсяцевъ царствованія Петра III, а при Екатеринѣ Великой Глѣбовъ, какъ извѣстно, благосклонностью Императрицы отнюдь не пользовался и, несомнѣнно, ею систематически былъ отстраняемъ отъ всякой болѣе или менѣе активной роли. Все это привело къ тому, что время Глѣбовскаго ген.-прокурорства было временемъ полнаго застоя, временемъ только узко-формальнаго дѣйствованія, только формально-внѣшняго существованія ген.-прокуратуры.

Дѣла по ген.-прокуратурѣ за время Глѣбова сосредоточены въ Москв. Архивѣ Мин. Юст. въ сен. книгахъ №№ 6436—6440. Тутъ, несомнѣнно, собранъ дѣлопроизводственный фондъ ген.-прокуратуры именно Глѣбовскаго времени. Просмотръ этихъ дѣлъ въ безнадежно блѣдныхъ, трудно-уловимыхъ, чисто внѣшнеформальныхъ чертахъ рисуетъ всю дѣятельность Глѣбова. Огромное большинство бумагъ и дѣлъ посвящены именно и только формальнымъ моментамъ ген.-прокурорской дѣятельности; это—или дѣла по службѣ чиновъ прокурорскаго надзора (увольненія, отпуски, награжденія и проч.); или дѣла о замѣнѣ одного прокурора другимъ для того или иного процесса въ томъ или другомъ учрежденіи, вслѣдствіе какихъ-либо родственныхъ или лично враждебныхъ отношеній между кѣмъ-либо изъ тяжущихся и представителемъ прокуратуры даннаго установленія; или, наконецъ, дѣла о служебныхъ перемѣщеніяхъ по сенатской канцеляріи. Если сюда еще прибавить дѣла по сенатскому хозяйству, да немного дѣлъ по мелкимъ справкамъ,

---

[1]) Біографію А. И. Глѣбова см. *Ивановъ*. Опытъ біографій ген.-прокуроровъ: *Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ.*, т. I, стр. 215—218; *Село Виноградово*. М. 1912, стр. 20—40.

которыя требовались иногда ген.-прокурору по разнымъ вопросамъ, то этимъ точно опредѣлится сфера дѣятельности ген.-прокурора Глѣбова.

И такъ стало не только при Екатеринѣ, но было и при Петрѣ III-мъ. Что еще бросается въ глаза при просмотрѣ того-же дѣлопроизводства, это—почти полное отсутствіе (буквально—одинъ-два случая) какихъ-бы то ни было доношеній и протестовъ отъ представителей центральной и областной прокуратуры. Намъ удалось найти только одинъ ясный случай подобнаго рода. Только въ іюнѣ 1763 года въ дѣлахъ ген.-прокурорскихъ попадаются прокурорскія доношенія,—и то сдѣланныя еще въ 1760 г.,—о непорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ Корчемной канцеляріи; и только въ срединѣ 1763 года Глѣбовъ ихъ направляетъ въ сенатъ обычнымъ порядкомъ, причемъ отъ себя не дѣлаетъ никакого «предложенія». И когда сенатъ рѣшилъ передать это дѣло на заключеніе новому, въ Новгородъ назначенному прокурору, то Глѣбовъ написалъ соотвѣтственный прокурору «ордеръ». Прокуроръ въ отвѣтъ прислалъ просьбу о дозволеніи ему лично пріѣхать въ Петроградъ доложить «о дѣлахъ происходящихъ въ той канцеляріи»; просимое дозволеніе было получено; дальнѣйшихъ слѣдовъ этого дѣла въ дѣлопроизводствѣ не имѣется; очевидно, оно заглохло отъ «небреженія» [1]).

Останавливаетъ на себѣ вниманіе еще одно обстоятельство, ясно наблюдаемое при просмотрѣ того-же дѣлопроизводства: это — отсутствіе какихъ-либо самостоятельныхъ предложеній сенату со стороны Глѣбова по какимъ-либо инымъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ хозяйственныхъ (по сенату) и служебныхъ назначеній. Глѣбовъ совершенно не безпокоилъ сенатъ ни въ царствованіе Петра III, ни при Екатеринѣ Великой никакими своими «предложеніями», кромѣ вышеотмѣченныхъ. Впрочемъ, иногда онъ «предлагалъ» сенату также и челобитныя на разсмотрѣніе; но дѣлалъ Глѣбовъ такого рода «предложенія» сенату, видно, только подъ непосредственнымъ давленіемъ самой Императрицы, которая присылала ему для этой цѣли челобитныя, обычно, со своимъ «мнѣніемъ» по поводу ихъ, передаваемымъ однимъ изъ ея кабинетъ-секретарей (Олсуфьевымъ или Тепловымъ) въ письмахъ на имя Глѣбова [2]).

Ни съ какой другой стороны нельзя замѣтить проявленій дѣятельности Глѣбова въ области, непосредственно ему ввѣренной «Должностью» 1722 года. Сношенія его съ представителями

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6437, л. 508 и слѣд. и л. 624 и слѣд.
[2]) Ib., л. 651 и сл., 669 и сл., 751 и сл. и др.

прокуратуры по дѣламъ надзора и контроля отсутствуютъ совершенно; какихъ-либо распоряженій общаго характера въ этомъ направленіи Глѣбовъ почти не дѣлалъ. По крайней мѣрѣ, намъ удалось натолкнуться только на одно такого рода дѣйствіе Глѣбова; это именно,—въ іюлѣ 1762 года онъ разослалъ всѣмъ прокурорамъ «предложеніе», чтобы они всячески слѣдили, дабы вездѣ, во всѣхъ учрежденіяхъ были дневальные «дежурные» секретари «съ канцелярскими служители» «неисходно», «особливо по нынѣшнимъ нужнымъ обстоятельствамъ и случавшимся скорымъ исправленіямъ», такъ какъ по посылкамъ изъ сената оказалось, «что въ тѣхъ мѣстахъ дежурства секретарей и изъ другихъ чиновъ, кому слѣдуетъ дежурить, не бываетъ, кромѣ однихъ копіистовъ, а въ другихъ мѣстахъ и никакого нѣтъ» [1]).

Однако, за заполненіемъ прокурорскихъ вакансій Глѣбовъ, несомнѣнно, слѣдилъ, и представлялъ кандидатовъ для замѣщенія незанятыхъ прокурорскихъ мѣстъ. Тутъ уже, видимо, установился порядокъ, впослѣдствіи державшійся и при кн. Вяземскомъ; прокурорскія мѣста при центральныхъ учрежденіяхъ замѣщались исключительно по высочайшимъ повелѣніямъ, согласно непосредственнымъ представленіямъ верховной власти кандидатовъ въ докладѣ ген.-прокурора. Сенатъ уже получалъ затѣмъ, только для соотвѣтственнаго исполненія, высочайше конфирмованный докладъ ген.-прокурора о назначеніяхъ [2]). Назначенія прокуроровъ въ провинцію дѣлались только сенатомъ по соотвѣтственнымъ «предложеніямъ» о томъ ген.-прокурора [3]).

Вотъ тѣ крайне узкія, чисто формальныя рамки, въ которыхъ протекала дѣятельность ген.-прокурора Алекс. Ив. Глѣбова. Совершенно понятно, что при такомъ положеніи вещей едва-ли возможно говорить о какомъ-либо значеніи такой ген.-прокуратуры въ общей эволюціи ген.-прокурорской власти. Но въ 1764 г. Глѣбовъ долженъ былъ уступить мѣсто кн. А. А. Вяземскому, со времени ген.-прокурорства котораго обычно начинаютъ новый періодъ въ исторіи сенатской ген.-прокуратуры XVIII вѣка.

Именно съ этого времени должность ген.-прокурора сената получаетъ новый обликъ; въ это время совершается опредѣленный переходъ отъ того ген.-прокурора, какимъ онъ рисуется по Петровской «Должности», къ тому ген.-прокурору,

---

[1]) М. А. М. Ю. сен. кн. 6436, л. 363 и сл.
[2]) См., напр., ib. л. 47 и сл.
[3]) См., напр., ib. л. 82.

который по своимъ функціямъ и положенію, прежде всего, оказывается какъ-бы первымъ министромъ государства, съ независимымъ уже отъ сената кругомъ правъ и обязанностей въ сферѣ центральнаго управленія Имперіей; все это вполнѣ опредѣлилось къ концу царствованія Екатерины Великой.

Вышеизложенное положеніе является теперь общепринятымъ, а установлено оно было впервые въ извѣстномъ трудѣ Градовскаго: «Высшая администрація въ Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры».

Касаясь тѣхъ причинъ, которыя лежатъ въ основаніи вышенамѣченнаго явленія, Градовскій сначала указываетъ на нелюбовь Екатерины къ сенату, на недовѣріе къ нему со стороны Императрицы, въ силу этого сознательно стремившейся «опереться» на свое довѣренное лице въ роли ген.-прокурора; эту мысль свою Градовскій подтверждаетъ соотвѣтственными ссылками на текстъ извѣстнаго «секретнѣйшаго наставленія» кн. Вяземскому. «Императрица,—пишетъ названный ученый,—не любитъ имѣть дѣла непосредственно съ сенатомъ; она пишетъ и имѣетъ дѣло съ генералъ-прокуроромъ, который въ ея глазахъ является довѣреннымъ лицемъ государя;. . .таково уже довѣріе ея къ избраннымъ ею лицамъ и недовѣріе къ прежнимъ учрежденіямъ» (т. е., очевидно, прежде всего къ сенату) [1]). Такъ намѣченъ первый моментъ въ объясненіе перемѣнъ въ роли и значеніи ген.-прокурора. Не довѣряя сенату, Екатерина, естественно, должна была въ надзирающіе за этимъ сенатомъ выбрать лицо близко довѣренное, и на него всецѣло опираться въ веденіи сенатскихъ дѣлъ, т. е. дѣлъ, касающихся, въ сущности, всей широкой области внутренняго управленія страной; понятно, что это и возвышало, и выдѣляло ген.-прокурора изъ сената болѣе, чѣмъ то полагалось, было нормальнымъ, согласно духу Петровской «Должности». Но дѣло этимъ не ограничивалось; намѣренія Екатерины шли далѣе; планы ея были болѣе широки въ этомъ направленіи; императрица «съ первыхъ-же лѣтъ своего царствованія изъявила намѣреніе создать два порядка управленія: одинъ—личный, другой—коллегіальный, распредѣливъ между ними дѣла по ихъ роду;... французская политическая метафизика подсказала, что коллегіямъ принадлежатъ только судебныя дѣла, а прочая администрація нуждается въ гибкости и подвижности личнаго начала»; но «это правило получило осуществленіе гораздо послѣ», а пока, императрица довольствовалась практическимъ выдѣленіемъ ихъ (т. е. началъ личнаго и коллегіальнаго) изъ сферы

[1]) Градовскій. Собр. соч., т. I, стр. 230.

прежнихъ учрежденій, и генералъ-прокуроръ послужилъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій для этой цѣли». «Екатерина понимала очень хорошо,—развиваетъ далѣе свое построеніе Градовскій,—что реформа, задуманная ею въ центральной администраціи, можетъ осуществиться только съ обновленіемъ двухъ началъ, органически соединенныхъ въ Сенатѣ; она видѣла, что личному началу слѣдуетъ дать независимое, отдѣльное существованіе, поручивъ ему не извѣстныя лишь функціи въ общемъ порядкѣ дѣлопроизводства, какъ это сдѣлалъ Петръ I, но поручивъ ему безраздѣльно особый родъ дѣлъ, неподлежащихъ, по ея мнѣнію, коллегіальнымъ учрежденіямъ» [1]). Такимъ образомъ, вторымъ,—и основнымъ по построенію Градовскаго,—моментомъ въ объясненіи причины возвышенія генералъ-прокурора были личные планы, была политическая идеологія Екатерины, сознательно по мѣрѣ возможности проводимая ею въ русскую дѣйствительность. Екатерина, по мнѣнію Градовскаго, ясно сознавала необходимость перестройки механизма государственнаго управленія Имперіей на новомъ началѣ съ отдѣленіемъ власти личной отъ власти коллегіальной; и это выдѣленіе на практикѣ власти личной, министерской Императрица и начала проводить именно прежде всего въ должности генералъ-прокурора, что и повело въ концѣ ея царствованія къ опредѣленному измѣненію въ этой должности, къ превращенію генералъ-прокурора въ своего рода перваго министра при верховной власти.

Итакъ, личная воля Императрицы Екатерины, основанная на сознательно ею продуманныхъ теоретическихъ положеніяхъ, по мнѣнію Градовскаго, явилась той основной причиной, которой слѣдствіемъ оказалось коренное видоизмѣненіе въ роли и значеніи генералъ-прокурора, происшедшее къ концу ея царствованія. Отзвуки этихъ мыслей Градовскаго находятъ себѣ мѣсто и въ новѣйшее время въ спеціальной литературѣ. Императрица «увеличила значеніе должности генералъ-прокурора—говоритъ пр. Латкинъ,—путемъ усиленія его контроля надъ сенатомъ... и постепенной передачи въ его непосредственное вѣдѣніе многихъ дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія сената» [2]).

На иную точку зрѣнія въ объясненіи причинъ коренного измѣненія генералъ-прокуратуры къ концу Екатерининскаго царствованія становится г. Чечулинъ, въ самое послѣднее время подвергнувшій пересмотру этотъ вопросъ. Явленія, происшедшія въ исторіи генералъ-прокуратуры за Екатери-

[1]) См. Градовскій, соб. соч. т. I, стр. 237 и 236.
[2]) Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права, стр. 309.

нинское время, излагаются и понимаются г. Чечулинымъ одинаково съ Градовскимъ; «но у насъ,—пишетъ г. Чечулинъ,—совершенно различны объясненія причинъ и значенія этой перемѣны». Далѣе г. Чечулинъ такъ кратко характеризуетъ точку зрѣнія Градовскаго и свою точку зрѣнія въ ихъ взаимоотношеніяхъ: «Градовскій видѣлъ въ ней (т. е. въ произшедшей перемѣнѣ роли генералъ-прокурора) результатъ планомѣрныхъ дѣйствій Императрицы, которой онъ приписываетъ сознательное стремленіе, въ борьбѣ съ сенатомъ, усилить единоличный, министерскій характеръ должности генералъ-прокурора. Въ дѣйствительности же было не такъ. Указанная перемѣна явилась результатомъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ фактовъ и главнымъ образомъ—ряда попытокъ ослабить вредныя послѣдствія недостатковъ губернской реформы» [1]). А эти послѣдствія состояли въ томъ, что «Императрица не позаботилась о томъ, чтобы примѣнить къ новому областному управленію и управленіе центральное»; «реформы центральнаго управленія произведено не было, а просто были уничтожены почти всѣ его органы»; а между тѣмъ было «необходимо установить, какъ-же теперь будутъ обсуждаться и рѣшаться тѣ общіе вопросы, которые въ каждой отдѣльной мѣстности выясняются только частями, для отдѣльныхъ мѣстностей часто не представляются даже и важными, тогда какъ серьезные интересы государства требуютъ, чтобъ они были непремѣнно разрѣшены въ цѣломъ»; «что-нибудь подобное надо было учредить»; и вотъ «когда въ Сенатѣ скоплялись подобнаго рода заявленія, то кто-нибудь долженъ былъ ими заниматься уже для одного того, чтобъ направить дѣло въ надлежащій департаментъ; затѣмъ представлялось весьма естественнымъ и иногда даже необходимымъ соединять нѣсколько представленій, близкихъ по существу, въ одно и предлагать сенату одинъ вопросъ въ болѣе общей формѣ»; и, по мнѣнію г. Чечулина, это дѣло могъ дѣлать только одинъ генералъ-прокуроръ; «только генералъ-прокуроръ,—пишетъ онъ—былъ тѣмъ лицомъ, которое могло все это исполнять», а «благодаря всему этому съ упраздненіемъ центральныхъ учрежденій, дѣятельность генералъ-прокурора получила весьма значительное развитіе, и значеніе его должности очень возрасло»; «и мало-помалу у него сосредоточился цѣлый рядъ порученій, сравнительно второстепенныхъ, но все болѣе и болѣе выдвигавшихъ ген.-прокурора, какъ лицо, которое самостоятельно, единолично завѣдуетъ цѣлыми отраслями государственныхъ дѣлъ», т. е.

[1]) Исторія Пр. Сената. Т. II, стр. 379.

ген.-прокуроръ превращался въ представителя министерской власти. Такъ, въ результатѣ, «генералъ-прокуроръ, можно сказать, выдѣлился изъ сената и сталъ рядомъ съ нимъ, но ближе къ императрицѣ» [1]).

Такимъ образомъ, Градовскій выдвигаетъ основнымъ причиннымъ моментомъ въ преобразованіи ген.-прокурорской должности личную волю и сознательный планъ, созданный Екатериной и осторожно проводимый ею въ жизнь. Иной основной причинный моментъ выдвигаетъ г. Чечулинъ; для него органическіе, отъ личныхъ плановъ и стремленій Императрицы независимые, факторы, коренящіеся въ общей эволюціи русскаго государственнаго строя Екатерининскаго времени, послужили основной причиной намѣченнаго явленія въ исторіи ген.-прокуратуры. При этомъ несомнѣнно, что во мнѣніяхъ этихъ обоихъ изслѣдователей причины всего явленія лежатъ хронологически въ предѣлахъ царствованія Императрицы Екатерины; *только* въ это время, по ихъ мнѣнію, начался процессъ выдѣленія ген.-прокурорской власти отъ власти сената и ея преобразованіе во власть министерскую. А между тѣмъ все предшествующее изслѣдованіе наше показываетъ, что это было не такъ. Мы видѣли, что переходъ ген.-прокурорской власти въ «министерскую» начался, исподволь подготовлялся и укрѣплялся еще задолго до воцаренія Импер. Екатерины. Мы видѣли зачатки всего этого еще въ дѣятельности перваго-же ген.-прокурора—Ягушинскаго; мы видѣли, что эти зачатки росли, развивались и укрѣплялись въ дальнѣйшемъ теченіи времени; мы видѣли, что власть ген.-прокурора никогда не была солидарной съ властью сената; она всегда возвышалась *за счетъ* власти сената, а сенатъ увеличивалъ свое значеніе тоже между прочимъ и *за счетъ* значенія ген.-прокурора; а потому *не* въ Екатерининское время произошло выдѣленіе ген.-прокуратуры изъ сената. Такъ какъ солидарности между сенатомъ и ген.-прокуроромъ вообще никогда не существовало, то не могло, слѣдовательно, произойти нарушенія этой солидарности и выдѣленія ген.-прокурорской власти въ ея новомъ, министерскомъ, видѣ отъ власти сената. А между тѣмъ, изъ такого, всѣми принимаемаго, положенія о переломѣ въ характерѣ ген.-прокуратуры именно въ хронологическихъ предѣлахъ Екатерининскаго царствованія непосредственно логически вытекало положеніе, что именно и только въ специфическихъ особенностяхъ и свойствахъ этого царствованія лежатъ причины такого перелома. Все предыдущее изслѣдованіе наше показы-

[1]) Исторія Пр. Сената. Т. II, стр. 371, 373 и 374.

ваетъ, что такое положеніе тоже является неправильнымъ. Вопросъ тутъ можетъ итти *не* объ основныхъ причинахъ, кроющихся именно въ исторіи Екатерининскаго царствованія, создавшихъ собой именно въ это время кризисъ въ эволюціи ген.-прокуратуры, а *только* о тѣхъ причинныхъ моментахъ изъ исторіи Екатерининскаго времени, которые, можетъ быть, *способствовали* такому сравнительно быстрому развитію, *уже существовавшаго и ранѣе,* процесса въ эволюціи ген.-прокуратуры въ сторону окончательнаго выявленія и укрѣпленія у ген.-прокурора личной министерской власти. Такимъ образомъ, на вышеприведенныя построенія Градовскаго и г. Чечулина можно только смотрѣть, какъ на построенія, опредѣляющія вспомогательные моменты, а отнюдь не основныя причины окончательнаго развитія и укрѣпленія у Екатерининскаго ген.-прокурора министерскихъ функцій.

Итакъ, то рѣзкое, коренное видоизмѣненіе въ самомъ существѣ ген.-прокурорской должности, которое хронологически относятъ къ Екатерининскому времени въ обычной, нынѣ принятой конструкціи исторіи ген.-прокуратуры XVIII вѣка, во-первыхъ, не можетъ быть пріурочено именно къ этому времени; а, во-вторыхъ, никакого вообще коренного и по существу новаго измѣненія, перелома въ самомъ существѣ ген.-прокуратуры, какъ учрежденія, не могло произойти въ Екатерининское царствованіе по той причинѣ, что этого кризиса, о которомъ принято говорить со времени Градовскаго, вообще не существовало въ эволюціи учрежденія ген.-прокуратуры, какъ ясно то показываетъ все предыдущее изложеніе. Эта эволюція, какъ видѣли, шла инымъ путемъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Воспроизведя ниже тѣ пять редакцій „Должности генералъ-прокурора", которыя мы подвергаемъ разбору въ первомъ очеркѣ, мы стремились передать ихъ текстъ возможно ближе къ подлиннику; для достиженія этой цѣли пришлось прибѣгнуть къ слѣдующимъ условнымъ обозначеніямъ въ нашемъ воспроизведеніи: 1) все, что въ издаваемомъ текстѣ прибавлено *собственноручно Петромъ Великимъ* въ нашемъ воспроизведеніи напечатано *курсивомъ;* 2) все, что въ подлинномъ текстѣ *зачеркнуто,* то въ нашемъ воспроизведеніи напечатано заключеннымъ въ *прямыя* [ ] *скобки;* 3) все, что въ подлинникѣ *подчеркнуто* перомъ или карандашемъ современника (Петра?), то въ нашемъ воспроизведеніи напечатано *разрядкой*; 4) наши пояснительныя замѣчанія напечатаны въ примѣчаніяхъ.

I.

О Генералѣ Прокурорѣ, то есть о стряпчемъ отъ Государя и отъ Государства [1]).

Пунктъ 1.

Генералъ Прокуроръ повиненъ сидѣть въ сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ Сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно и ревностно безъ потерянія времени по регламентамъ и указамъ отправлялъ [2]), развѣ какая законная причина ко отправленію ему помѣшаетъ, что все записывать повиненъ въ свой журналъ; также накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись, о чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ, исполнено-ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство оного исполнено быть можетъ; и буде не

---

1) Государственный Архивъ Мин. Ин. Д., Кабинетъ Имп. Петра. I отд., кн. 32, л. 351 и сл.

2) Не разобрана тутъ сдѣланная на поляхъ приписка рукою Петра въ одно слово; притомъ нѣтъ значка въ текстѣ, куда ее надо вставить.

исполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой притчины, невозможность-ли какая помѣшала, или по какой страсти, или за лѣностію; и о томъ немедленно Сенату доносить долженъ, для чего повиненъ имѣть двѣ книги; въ одной—записывать, въ который день какой указъ состоялся, а въ другой записывать, когда что по оному указу исполнено, или не исполнено, и для чего, и протчія обстоятельства нужныя вносить.

2.

Долженъ смотрѣть надъ всякіе процессы (дѣла) подлежащіе разсмотрѣнію и рѣшенію Сенатскому, въ которыхъ касается Государевъ интересъ, всегосударственный интересъ, церковной интересъ, нападеніе на вдовъ или на малолѣтнихъ сиротъ, которыя себя еще не могутъ оборонять; также, если кто въ отбытіи, яко на службѣ или въ дальной посылкѣ, а безъ него кто нападетъ какимъ челобитьемъ,—однимъ словомъ, всякія дѣла, которыя отъ себя свободнаго челобитчика не имѣютъ, яко по нападкамъ засаженныя въ тюрьму такожъ и дѣла по аппеляціямъ, взнесенныя изъ нижнихъ судовъ, надлежитъ изъ Сената пріобщать Генералу Прокурору или отъ него не скрывать; а онъ такимъ же образомъ, какъ [въ предшедшемъ первомъ артикулѣ написано] также долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ въ своемъ званіи [по онымъ дѣламъ въ судахъ и расправахъ] праведно и нелицемѣрно поступалъ; а ежели что увидитъ противное сему, тогда въ тотъ же часъ долженъ предлагать Сенату явно, съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ онъ, или нѣкоторыи изъ нихъ, не такъ дѣлаетъ, какъ надлежитъ, дабы исправилъ, не являя ни малаго непослушанія; а ежели не послушаетъ, то долженъ въ тотъ же часъ протестовать и оное дѣло остановить и немедленно донесть [нашему Величеству], если весьма нужное; а отъ протчихъ въ бытность мою въ Сенатѣ или помѣсячно, или понедѣльно какъ указъ имѣть будетъ.

3.

Понеже тоже можетъ быть и впредь, что бывало прежде, яко неправедное оклевѣтаніе, напрасное тюремное засажденіе, при разспросахъ и при пыткахъ въ запискѣ разспросныхъ рѣчей бывали инымъ понаровки, а другимъ посягательства,—того ради, дабы оное искоренить или, какъ возможно много, убавить, повиненъ Генералъ Прокуроръ самъ посѣщать колодниковъ и отъ протчихъ прокуроровъ при коллегіяхъ навѣдываться объ нихъ и принявъ отъ нихъ жалобы по разсмотрѣнію, о которомъ надобно стараться, старался бы тамъ, гдѣ надлежитъ, а при „разспросахъ“ и розы-

скахъ, которое дѣло Сенатъ слѣдуетъ, повиненъ присудствовать дабы праведно ихъ рѣчи были записаны; а по окончаніи дѣлъ повиненъ одноконешно съ превеликимъ тщаніемъ освидѣтельствовать выписки: также всѣ крыхсрехты свидѣтельствовать по аппеляціямъ взнесенныя въ Сенатъ, право ли они вершены или не право, и по артикуламъ-ли, какъ надлежитъ.

4.

И понеже мы такое безпримѣрное дѣло ему поручаемъ, того ради, ежели онъ противъ вышепомянутыхъ пунктовъ должность свою преступитъ, то такую жъ безпримѣрную и казнь приметъ, и всего стяжанія лишенъ будетъ; ежели же сыщется, что то учинилъ ни какой ради страсти, но оплошкою просмотрѣлъ, то изъ числа добрыхъ людей будетъ изверженъ; а понеже сей чинъ не можетъ избыть ненависти и тяжкаго бремени, того ради мы его принимаемъ въ нашу милостивую протекцію и оборону отъ его ненавистниковъ.

5.

Долженъ смотрѣть надъ фискалами, чтобъ они праведно и ревностно о дѣлахъ гласа о себѣ неимущихъ поступали, и долженъ о ихъ дѣлахъ гдѣ въ коллегіяхъ неправедно и неправильно будутъ дѣлать [Генералъ прокуроръ долженъ о важныхъ фискальскихъ дѣлахъ] предлагать Сенату и инстиговать, изслѣдовавъ с протчими прокурорами прежде у себя; а если явится непотребное фискальное доношеніе, то онъ ихъ съ наказаніемъ тѣлеснымъ или какимъ инымъ штрафомъ можетъ наказать и въ дѣло не производить; однимъ словомъ,—оной чинъ есть око наше и сердце всего Государства, *долженъ смотрѣтъ надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и неопасно поступали, и ежели кто въ чемъ преступитъ, то оныхъ судить въ Сенатѣ; долженъ прокурорскіе доношеніи предлагать Сенату и инстиговать.*

Ему-жъ должно въ своей дирекціи имѣть канцелярію Сенатскую и ее служителей.

Въ концѣ написать, что генералъ и оберъ-прокуроры ничьему суду не подлежатъ, кромѣ моего,—а ежели во отлученіи моемъ будетъ явится въ тяжкой и времени нетерпящей винѣ, [то можетъ и Сенатъ отставить на время и иному приказать] яко измѣнѣ, то Сенатъ можетъ розыскивать, [однако жъ], а дѣло приказать иному, однакожъ никакой экзекуціи или наказанія не чинить.

II.

Должность Генерала Прокурора [1]).

1.

Генералъ-Прокуроръ повиненъ сидѣть в сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ Сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно и ревностно, и порядочно безъ потерянія времени по регламентамъ и указамъ отправлялъ, развѣ какая законная притчина ко отправленію ему помѣшаетъ, что все записывать повиненъ въ свой юрналъ; также накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указомъ исполнялись, о чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ, исполнено-ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство онаго исполнено быть можетъ; и буде не исполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой притчины, невозможность ли какая помѣшала, или по какой страсти, или за лѣностію; и о томъ немедленно Сенату доносить долженъ; для чего повиненъ имѣть [двѣ] книги [въ одной] [2]) записывать *на одной половинѣ* въ которой день какой указъ состоялся, а [въ другой] *на другой половинѣ* записывать, когда что по оному указу исполнено или неисполнено, и для чего, и протчія обстоятельства нужныя вносить.

2.

Также долженъ накрѣпко смотрѣть [3]), дабы Сенатъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ а ежели, что увидитъ противное сему тогда въ тотъ же часъ долженъ предлагать Сенату явно съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ онѣ или нѣкоторыя изъ нихъ не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправилъ; а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать и онои дѣло остановить и немедленно донесть намъ, если весьма нужное, а о протчихъ въ бытность мою въ Сенатѣ или помѣсячно или понедѣльно, какъ указъ имѣть будетъ.

Такожъ надлежитъ Генералу Прокурору въ доношеніяхъ явныхъ, которыя онъ будетъ подавать намъ, зѣло осторожно и разсмотрительно поступать, дабы напрасно кому безчестія не учинить, такимъ образомъ ежели увидитъ какое дѣло хотя и противное ему покажется; да неясно или два вида имѣющее, то протестаціею остановя не тотъ часъ доносить, но посовѣтовать съ кѣмъ онъ заблаго-

---

1) Госуд. Арх. Каб. Имп. Петра, I отд, кн. 32-ая, л. 355 и сл.

2) Надъ зачеркнутыми словами: „въ одной“ рукой Петра надписано: *в которой.*

3) Весь конецъ этого 2-го пункта со словъ: „Тако жъ надлежитъ генералу прокурору“... написанъ рукою А. В. Макарова.

разсудить и ежели увидитъ, что подлинно такъ, то доносить намъ, однакожъ болѣе трехъ дней въ томъ не мѣшкать, а ежели зѣло ясно, то немедленно доносить также немедля болѣе трехъ дней, не отговариваясь никакими нуждами, развѣ насъ, мы будемъ во отлученіи, то однакожъ письмомъ въ тожъ время написаннымъ немедленно съ нарочнымъ послать; а ежели какое неправое доношеніе учинитъ по какой страсти, то будетъ томужъ повиненъ, чемубъ достоины тѣ были на кого доносилъ; буде-же безъ вымыслу неразсужденіемъ какимъ, то денежнымъ штрафомъ наказанъ будетъ.

3.

Долженъ смотрѣть надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали; а ежели кто въ чемъ преступитъ, то оныхъ судить въ Сенатѣ; долженъ прокурорскіе доношеніи предлагать Сенату и инстиговать.

[4] 5.

Ему жъ должно въ своей дирекціи имѣть канцелярію Сенатскую и ее служителей.

[5] 4.

Долженъ отъ фискаловъ всѣ доношеніи, о чемъ ихъ должность есть, примать и предлагать Сенату [1]) [коллегіи] и инстиговать, также за фискаломъ смотрѣть, и ежели что худо увидитъ, немедленно доносить Сенату.

6.

Что генералъ и оберъ прокуроры ничьему суду не подлежатъ кромѣ нашего/моего, а ежели воотлученіи нашемъ/моемъ будетъ явится въ тяжкой и времени не терпящей винѣ, яко измѣнѣ, то Сенатъ можетъ *арестовать и* розыскивать, а дѣло приказать иному, однакожъ никакой *пытки,* экзекуціи или наказанія не чинить.

7.

И понеже сей чинъ, яко око наше и стряпчей о дѣлахъ Государственныхъ, того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво всѣхъ на немъ взыскано будетъ; и ежели что поманитъ, или иное какое дѣло вѣденіемъ и волею преступитъ, то, яко преступникъ указа и явный разоритель государства, наказанъ будетъ; буде-же весьма не вымысломъ, то денежнымъ штрафомъ наказанъ будетъ.

---

[1]) Слово „Сенату“ вставлено рукою А. В. Макарова.

1722-го года [1]).

III.

Должность Генерала Прокурора [2]).

1.

Генералъ Прокуроръ повиненъ сидѣть въ Сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ, которые къ Сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно ревностно и порядочно, безъ потерянія времени по регламентамъ и указамъ отправлялъ, развѣ какая законная притчина ко отправленію ему помѣшаетъ что; все [и того ради надлежитъ Сенату по вся дни кромѣ субботы и недѣли и великихъ праздничныхъ дней быть въ управленіи дѣлъ, а когда нужныя дѣла будутъ, тогда въ день и по дважды, а ежели кто изъ Сенатскихъ членовъ за лѣностію въ Сенатъ ѣздить не станетъ, что чинить?, а то все, что Сенатъ чинить будетъ...], записывать повиненъ въ свой юрналъ; также накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись, въ чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ, исполнено-ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство онаго исполнено быть можетъ; и буде неисполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой притчины: невозможность-ли какая помѣшала, или по какой страсти, или за лѣностію; потомъ немедленно Сенату доносить долженъ, [а что надлежитъ чинить въ Сенатѣ, о томъ ко экзекутору посылать указы и за нимъ смотрѣть, чтобъ въ надлежащее время по указамъ исполнилъ], для чего повиненъ имѣть книгу, въ которой записывать: на одной половинѣ, въ которой день какой указъ состоялся, а на другой половинѣ записывать, когда что по оному указу исполнено или не исполнено [3]), и для чего, и протчія обстоятельства нужныя вносить.

2.

Также долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ; а ежели что увидитъ противное сему, тогда въ тотъ же часъ долженъ предлагать Сенату явно съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они или нѣкоторыя изъ нихъ не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили; а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать, и оное дѣло остановить, и немедленно донесть намъ, если весьма нужное,

---

[1]) Эта помѣта сдѣлана, видимо, рукою А. В. Макарова.

[2]) Государственный Архивъ М. И. Д. Кабинетъ Имп. Петра, I отд., кн. 32, л. 357 и сл.

[3]) Слова: „или не исполнено“ вставлены, видимо, рукою А. В. Макарова.

а о протчихъ въ бытность [мою][1]) въ Сенатъ или помѣсячно, или понедѣльно, какъ указъ имѣть будетъ. Такожъ надлежитъ Генералу Прокурору въ доношеніяхъ явныхъ, которыя онъ будетъ подавать намъ, [зѣло] осторожно и разсмотрительно поступать, дабы напрасно кому бесчестія не учинить; такимъ образомъ ежели увидитъ, какое дѣло, хотя и противное ему покажется, да не ясно, или два вида имѣющее, то протестаціею остановя, не тотъ часъ доносить, но посовѣтовать, съ кѣмъ онъ заблагоразсудитъ, и ежели увидитъ, что подлинно такъ, то доносить намъ, однакожъ болѣе *недѣли* [трехъ дней] въ томъ не мѣшкать; а ежели зѣло ясно, то немедленно доносить, также немедля болѣе [трехъ дней] *недѣли жъ,* не отговариваясь никакими нуждами, развѣ мы будемъ во отлученіи, что однакожъ письмомъ въ тожъ время написаннымъ и немедленно съ нарочнымъ послать; а ежели какое неправое доношеніе учинитъ по какой страсти, то будетъ тому же повиненъ, чему бъ достойны тѣ были, на кого доносилъ [буде же безъ вымыслу не разсужденіемъ какимъ то денежнымъ штрафомъ наказанъ будетъ. А въ неважныхъ дѣлахъ и безъ вины].

3.

Долженъ смотрѣть надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали, а ежели кто въ чемъ преступитъ, то оныхъ судить въ Сенатѣ. И долженъ всѣ прокурорскія доношеніи предлагать Сенату, и инстиговать, чтобъ по нихъ исполнено было; также и ежели на прокуроровъ будутъ доношеніи, что они званій своихъ истинно и ревностно не исполняютъ, то ихъ въ судъ представлять Сенату [долженъ прокурорскія доношеніи предлагать Сенату и инстиговать].

4.

Долженъ отъ Фискаловъ [все] доношеніи, о чемъ ихъ должность есть, *противъ 7-го пункта о ихъ должности,* примать и предлагать Сенату и инстиговать; также за фискалами смотрѣть, и ежели что худо увидитъ, немедленно доносить Сенату.

[Долженъ отъ фискаловъ всѣ доношеніи, которыя будутъ подавать на Сенатскихъ членовъ и на коллегіи, принимать и предлагать всему Сенату и инстиговать, а на протчихъ партикулярныхъ персонъ, которые до коллегіи касаются повинны фискалы доносить въ коллегіяхъ, въ которыхъ которыя дѣла вѣдомы, и смотрѣть того коллежскимъ прокурорамъ, чтобъ коллегія по доношеніямъ фискальскимъ рѣшенія чинили право и немедленно; ежели же которая

---

[1]) Надъ зачеркнутымъ словомъ „мою" написано какъ будто рукою Макарова: нашу.

коллегія въ рѣшеніи чинить будетъ замедленіе или и учинитъ рѣшеніе неправо, и о томъ Коллежскимъ Прокурорамъ доносить Генералу Прокурору, а ему предлагать сенату и требовать скораго и праваго рѣшенія].

5.

Ему жъ должно въ своей дирекціи имѣть канцелярію сенатскую и служителей.

[6] 8.

Генералъ и оберъ-прокуроры ничьему суду не подлежатъ, кромѣ нашего; а ежели въ отлученіи нашемъ явится въ тяжкой и времени нетерпящей винѣ, яко измѣнѣ, то Сенатъ можетъ арестовать и розыскивать, а дѣло приказать иному кому; однакожъ никакой пытки, экзекуціи или наказанія не чинить.

[7] 9.

И понеже сей чинъ, яко око наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ, того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ; и ежели что поманитъ или иное какое дѣло вѣденіемъ и волею преступитъ, то, яко преступникъ указа и явной разоритель Государства, наказанъ будетъ; буде же весьма не вымысломъ, то денежнымъ штрафомъ *или по разсмотрѣнію нашему*, наказанъ будетъ. [А въ неважныхъ дѣлахъ и безъ вины].

10.

О которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяснено, о тѣхъ предлагать Сенату, чтобъ учинили на тѣ дѣла ясные указы; и какъ сочинятъ, доносить намъ. И ежели въ пополненіе сей инструкціи, что усмотритъ, о томъ доносить же оберъ-фискаломъ [1]).

[Фискалы въ коллегіяхъ надворныхъ и земскихъ судахъ должны доносить о всемъ своимъ прокурорамъ, такожъ и земскихъ судовъ фискалы въ судебныхъ дѣлахъ, а въ государственномъ интересѣ оберъ фискалу, которой долженъ донести Генералу Прокурору. И ежели оберъ фискалъ или прокуроръ будутъ мѣшкать взысканіемъ по доношеніямъ чрезвычайное время или манить, тогда фискалы должны, какъ на прокуроровъ такъ и на оберъ фискаловъ, доносить Генералу Прокурору].

7.

Фискалы въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ должны доносить о всемъ своимъ прокурорамъ, а земскихъ судовъ фискалы въ

---

[1]) Далѣе идетъ все написанное почеркомъ Макарова со словъ: „фискалы въ коллегіяхъ“... и до конца.

коллегіяхъ же и надворныхъ судахъ прокурорамъ же [въ которой коллегіи] въ земскихъ судахъ, а ежели въ тѣхъ судахъ не будутъ слѣдовать и справедливо исправлять, то доносить, о чемъ гдѣ надлежитъ такожъ, а ежели прокуроры по тѣмъ доношеніямъ будутъ мѣшкать взысканіемъ чрезвычайное время, или манить, о томъ должны фискалы доносить оберъ фискалу, а оберъ фискалъ— Генералу Прокурору; а ежели и оберъ фискалъ не донесетъ или станетъ мѣшкать въ томъ, то прямо Генералу Прокурору доносить на оберъ фискала, [но въ сихъ доношеніяхъ надлежитъ].

6.

Въ Сенатѣ Эксикуторъ имѣетъ быть подъ дирекціею Генерала Прокурора.

П. Оберъ Прокуроръ есть помощникъ Генералу Прокурору въ его дѣлахъ, а въ небытность его долженъ дѣла его отправлять.

IV.

Должность Генерала Прокурора [1]).

Въ 27 день генваря 1722 [2]).

1.

Генералъ Прокуроръ повиненъ сидѣть въ Сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ во всѣхъ дѣлахъ, которые къ Сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно ревностно, и порядочно безъ потерянія времени по регламентамъ и указамъ отправлялъ, развѣ какая законная причина ко отправленію ему помѣшаетъ, что все записывать повиненъ въ свой юрналъ; также накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись, въ чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ, исполнено ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство оного исполнено быть можетъ; и буде не исполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой причины: не возможность ли какая помѣшала или по какой страсти или за лѣностію и о томъ немедленно Сенату [доносить] *предлагать* долженъ для чего повиненъ имѣть книгу, въ которой записывать на одной половинѣ, въ которой день какой указъ состоялся, а на другой половинѣ записывать, когда что по оному указу исполнено *или неисполнено,* и для чего и протчія обстоятельства нужныя вносить.

2.

Также долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ въ своемъ званіи праведено и нелицемѣрно поступалъ; а ежели что увидитъ

[1]) Госуд. Арх. Каб. II, I отд., кн. 32, л. 364 и сл.

[2]) Рука Макарова.

противное сему, тогда въ тотъ же часъ повиненъ предлагать Сенату явно и съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они или нѣкоторые изъ нихъ не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили; а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать, и оное дѣло остановить и немедленно донесть намъ, если весьма нужное, а о протчихъ въ бытность нашу въ Сенатѣ или помѣсячно, или по недѣльно, какъ указъ имѣть будетъ; такожъ надлежитъ Генералу Прокурору въ доношеніяхъ явныхъ, которые онъ будетъ подавать намъ, осторожно и разсмотрительно поступать, дабы напрасно кому бесчестія не учинить. Такимъ образомъ, ежели увидитъ, какое дѣло хотя и противное ему покажется, да не ясно, или два вида имѣются, то, протестаціею остановя, не тотъ часъ доносить, но посовѣтовать, съ кѣмъ онъ заблагоразсудитъ; и ежели увидитъ, что подлинно такъ, то доносить намъ; однакожъ болѣе недѣли въ томъ не мѣшкать; а ежели зѣло ясно, то немедленно доносить такожъ немедля болѣе недѣли, не отговариваясь никакими нуждами, развѣ мы будемъ во отлученіи, то однакожъ письмомъ въ то жъ время написаннымъ и немедленно съ нарочнымъ послать; а ежели какое неправое доношеніе учинитъ по какой страсти, то будетъ, *и самъ наказанъ по важности дѣла* [тому же повиненъ чему бъ достойны тѣ были, на кого доносилъ].

[3] [4] 3.

Долженъ смотрѣть надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали; а ежели кто въ чемъ преступитъ, то оныхъ судить въ Сенатѣ. И долженъ всѣ прокурорскія доношеніи предлагать Сенату и инстиговать, чтобъ по нихъ исполнено было такъ же, ежели на прокураторовъ будутъ доношеніи, что они званій своихъ истинно и ревностно не исполняютъ, то ихъ въ судъ представлять Сенату.

[4.] [5.] 4.

Долженъ отъ фискаловъ доношеніи, о чемъ ихъ должность есть противъ 7-го пункта ихъ должности, примать и предлагать Сенату и инстиговать; также за фискалами смотрѣть и, ежели что худо увидитъ, немедленно доносить Сенату.

[5.] 5. [6].

Емужъ должно въ своей дирекціи имѣть канцелярію сенатскую и служителей оной.

[6] [7,] 6.

Эксикуторъ въ Сенатѣ имѣетъ быть подъ дирекціею Генерала Прокурора.

[7]. [8] 7.

Фискалы въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ должны доносить о всемъ своимъ прокурорамъ; а земскихъ судовъ фискалы—въ земскихъ судахъ; а ежели въ тѣхъ судахъ не будутъ слѣдовать и праведно исправлять, то доносить въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ прокурорамъ же, о чемъ гдѣ надлежитъ; а ежели прокуроры по тѣмъ доношеніямъ будутъ мѣшкать взысканіемъ чрезвычайное время или манить, о томъ должны фискалы доносить оберъ-фискалу, а оберъ-фискалъ Генералу Прокурору; а ежели и оберъ-фискалъ не донесетъ или станетъ мѣшкать въ томъ, то прямо Генералу Прокурору доносить и на оберъ-фискала.

V 8.

Всѣ о важныхъ дѣлахъ указы такъ же, ежели не исправленіе какое будетъ, въ которыхъ управителяхъ, что розыску или доправки какого штрафа на оныхъ посылать не на почтѣ, но съ посыльными [что] отъ Эксикутора, дабы съ полнымъ репортомъ всегда возвращались, что здѣлано или зачѣмъ нельзя было здѣлать; а въ коллегіи и прочіе ближніе мѣста указы посылать съ эксикуторомъ, дабы репорты въ Сенатъ письменные отъ Президентовъ приносилъ, котораго числа оные изъ Сената получили, которое должно вносить въ книгу, дабы [мочно] ежели въ такое время, въ какое по указу какое дѣло мочно исполнить, а во оное репорту не будетъ въ Сенатъ, мочнобъ было по оной запискѣ взыскать.

[8] 9.

Генералъ и оберъ прокуроры ничьему суду не подлежатъ, кромѣ нашего, а ежели во отлученіи нашемъ явится въ тяжкой и времени нетерпящей винѣ, яко измѣнѣ, то Сенатъ можетъ арестовать и розыскивать, а дѣло приказать иному кому; одакожъ никакой пытки, экзекуціи или наказанія не чинить.

[9] 11.

И понеже сей чинъ, яко око наше и стряпчей о дѣлахъ государственныхъ, того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ; и ежели что поманитъ, или иное какое дѣло веденіемъ и волею преступитъ, то, яко преступникъ указа и явной разоритель государства, наказанъ будетъ; буде же всему не вымысломъ, то денежнымъ штрафомъ или по разсмотрѣнію нашему наказанъ будетъ.

[10]. 10. 9.

О которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяснено, о тѣхъ предлагать Сенату, чтобъ учинили на тѣ дѣла ясные указы; и какъ сочинять, доносить намъ; и ежели въ пополненіе сей инструкціи что усмотритъ, о томъ доносить же.

[11]. 12.

Оберъ Прокуроръ есть помощникъ Генералу Прокурору въ его дѣлахъ, а въ небытность его долженъ дѣла его отправлять.

V.

Должность Генерала Прокурора [1]).

Такова отдана подписанная въ 27 день Апрѣля 1722 а прежняя что дана въ 27 день Генваря сегожъ года взята назадъ и уничтожена [2]).

1.

Генералъ Прокуроръ повиненъ сидѣть въ Сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ которые къ Сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно ревностно и порядочно, безъ потерянія времени по регламентамъ и указамъ отправлялъ, развѣ какая законная причина къ отправленію ему помѣшаетъ, что все записывать повиненъ въ свой юрналъ; также накрѣпко смотрѣть чтобъ въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись, въ чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ, исполнено ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство онаго исполнено быть можетъ; и буде не исполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой причины: невозможность ли какая помѣшала, или по какой страсти, или за лѣностію, и о томъ немедленно Сенату предлагать долженъ, для чего повиненъ имѣть книгу, въ которой записывать на одной половинѣ,—въ которой день какой указъ состоялся, а на другой половинѣ—записывать, когда что по оному указу исполнено или не исполнено, и для чего, и прочія обстоятельства нужныя вносить.

2.

Также долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ; а ежели что увидитъ

---

[1]) Гос. Арх. Каб. Петра I отд. кн. 32, л. 458 и сл.

[2]) Вся эта приписка сдѣлана рукою Макарова.

противное сему, тогда въ тотъ же часъ повиненъ предлагать Сенату явно и съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они или нѣкоторые изъ нихъ не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили; а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать и оное дѣло остановить и немедленно донесть намъ, если весьма нужное, а о протчихъ въ бытность нашу въ Сенатѣ, или помѣсячно, или понедѣльно, какъ указъ имѣть будетъ. Также надлежитъ Генералу Прокурору въ доношеніяхъ явныхъ, которые онъ будетъ подавать намъ осторожно и разсмотрительно поступать, дабы напрасно кому бесчестія не учинить; такимъ образомъ ежели увидитъ какое дѣло хотя и противное ему покажется, да не ясно, или два вида имѣются, то протестаціею остановя, не тотъ часъ доносить, но посовѣтовать, съ кѣмъ онъ заблагоразсудитъ; и ежели увидитъ, что подлинно такъ, или болѣе изъяснитъ и сумнѣнія миновать не можетъ [1]), то доносить намъ, однакожъ болѣе недѣли въ томъ не мѣшкать; а ежели зѣло ясно, то немедленно доносить *въ нужныхъ, а въ прочихъ, какъ выше писано,* такожъ немедля болѣе недѣли, не отговариваясь никакими нуждами, развѣ мы будемъ во отлученіи, то однакожъ письмомъ въ то жъ время написаннымъ и немедленно съ нарочнымъ послать; а ежели какое неправое доношеніе учинитъ по какой страсти, то будетъ самъ наказанъ по важности дѣлъ.

3.

Долженъ смотрѣть надъ всѣми Прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали; а ежели кто въ чемъ преступятъ, то оныхъ судить въ Сенатѣ; и долженъ всѣ прокурорскія доношеніи предлагать Сенату и инстиговать, чтобъ по нихъ исполнено было; также, ежели на прокуроровъ будутъ доношеніи, что они званіи своихъ истинно и ревностно не исполняютъ, то ихъ въ судъ представлять Сенату *жъ [для суда]*.

4.

Долженъ отъ фискаловъ доношеніи, о чемъ ихъ должность есть противъ 7-го пункта ихъ должности, примать и предлагать Сенату и инстиговать; также за фискалами смотрѣть; и ежели что худо увидитъ, немедленно доносить Сенату.

5.

Ему жъ должно въ своей дирекціи имѣть канцелярію сенатскую и служителей оной.

---

[1]) Слова: „или болѣе изъяснить и сумнѣнія миновать не можетъ“, вставлены рукою А. В. Макарова.

6.

Экзекуторъ въ Сенатѣ имѣетъ быть подъ дирекціею Генерала Прокурора.

7.

Фискалы въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ должны доносить о всемъ своимъ Прокурорамъ; а земскихъ судовъ фискалы— въ земскихъ судахъ; а ежели въ тѣхъ судахъ не будутъ слѣдовать и праведно исправлять, то доносить въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ прокурорамъ же, о чемъ, гдѣ надлежитъ; а ежели прокуроры по тѣмъ доношеніямъ будутъ мѣшкать взысканіемъ чрез[вычайное] [1]) время или манитъ, о томъ должны фискалы доносить оберъ-фискалу, а оберъ-фискалъ Генералу-Прокурору; а ежели и оберъ-фискалъ не донесетъ, или станетъ мѣшкать въ томъ, то прямо Генералу-Прокурору доносить и на оберъ-фискала.

8.

Всѣ о важныхъ дѣлахъ указы такъ же, ежели неисправленіе какое будетъ, въ которыхъ управителяхъ, что розыску или доправки какого штрафа на оныхъ, посылать не на почтѣ, но съ посыльными отъ эксикутора, дабы съ полнымъ репортомъ всегда возвращались, что сдѣлано или зачѣмъ нельзя было сдѣлать; а въ коллегіи и прочія ближнія мѣста указы посылать экзекуторомъ, дабы репорты въ Сенатъ письменные отъ президентовъ *за ихъ руками* приносилъ, котораго числа оные изъ Сената получили, которое должно вносить въ книгу, дабы ежели въ такое время, въ какое по указу какое дѣло мочно исполнить, а въ оное репорту не будетъ въ Сенатъ, мочно-бъ было по оной запискѣ взыскать.

9.

Генералъ и оберъ прокуроры ничьему суду не подлежатъ, кромѣ нашего; а ежели во отлученіи нашемъ явится въ тяжкой и времени не терпящей винѣ, яко измѣнѣ, то Сенатъ можетъ арестовать и розыскивать, а дѣло приказать иному кому; однакожъ никакой пытки, эксекуціи или наказанія не чинить.

10 [2]).

О которыхъ дѣлахъ указамъ ясно не изъяснено, о тѣхъ предлагать сенату, чтобъ учинили на тѣ дѣла ясные указы, (противъ

---

[1]) Надъ зачеркнутымъ „вычайное“ Петръ надписалъ: *положенное.*

[2]) Всѣ части нижеслѣдующаго текста, заключенныя въ простыя скобки, сдѣланы рукой Макарова.

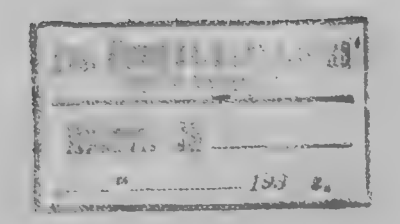
указа апрѣля 17-го 1722-го которой всегда на столѣ держится), и какъ сочиня, доносить намъ; и ежели въ пополненіе сей инструкціи что усмотритъ, о томъ доносить же.

11.

И понеже сей чинъ, яко око наше и стряпчій о дѣлахъ Государственныхъ, того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ, (и ежели поманитъ, или инако какимъ образомъ ни есть должность свою), [иное какое дѣло] вѣденіемъ и волею преступитъ, то, яко преступникъ указа и явной разоритель Государства, наказанъ будетъ; буде же весьма невымысломъ, то *оному въ вину не ставить,* (понеже лутче доношеніемъ ошибитца нежели молчаніемъ [1]); *однакожъ ежели то часто будетъ употреблять, то не безъ вины будетъ* [денежнымъ штрафомъ или по разсмотрѣнію нашему наказанъ будетъ].

12.

Оберъ Прокуроръ есть помощникъ Генералу Прокурору въ его дѣлахъ, а въ небытность его долженъ дѣла его отправлять.

[1]) Эта вставка сдѣлана уже въ текстѣ, написанномъ рукою Петра.

Цѣна 3 руб.